W 50
.2

801-11
855

ЩУКИНСКІЙ СБОРНИКЪ.

ВЫПУСКЪ ВОСЬМОЙ.

Изданіе Отдѣленія Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея имени Императора Александра III—Музея П. И. Щукина.

МОСКВА.
Синодальная Типографія.
1909.

Напечатано двести экземпляров.

Печатано на основаніи § 16 Высочайше утвержденнаго 11 апрѣля 1888 года Положенія объ Императорскомъ Россійскомъ Историческомъ Музеѣ.

Товарищъ Предсѣдателя *Гофмейстеръ Князь Н. Щербатовъ.*

БИБЛІОТЕКА ... В. И. ЛЕНИНА
43343 45.
2007082375

Щукинскій сборникъ. Выпускъ первый. Въ малый листъ, V+448 стр. Москва. 1902.—Выпускъ второй. Въ малый листъ, VI+521. М. 1903.—Выпускъ третій. Въ малый листъ, VII+487 стр. М. 1904.—Выпускъ четвертый. Малый листъ, VI+545 стр. М. 1905.—Выпускъ пятый. Въ малый листъ, 518 стр. М. 1906.—Выпускъ шестой. Въ малый листъ, VI+493 стр. М. 1907.—Выпускъ седьмой. Въ малый листъ, 512 стр. Товариществу типографіи А. И. Мамонтова. (Напечатано по 200 экз.)

Изъ записной книги подполковника Голенищева-Кутузова 1
Памятныя записки В. И. Алтуфьева 34
Правая грамота царя Михаила Федоровича Суздальскому Покровскому дѣвичьему монастырю, 1629 года 129
Жалованная грамота царя Петра I казакамъ Наможнаго Черкасскаго полка, 28 февраля 1700 года 133
Грамота, подписанная царемъ Петромъ I, 8 мая 1711 года 135
Описаніе дома кн. Александра Даниловича Меньшикова, въ С. Петербургѣ, 1732 года. . 137
Счетъ графу Пл. Ал. Зубову на искусственный носъ 141
О театральныхъ издержкахъ въ С. Петербургѣ, 1736 года 142
Письмо М. Кайсаровскаго С. С. Уварову, письмо Уварова Кайсаровскому 1814 г., и письмо гр. Разумовскаго С. С. Уварову, 1815 года . . . . . —
Прошеніе Н. И. Греча на имя импер. Александра I, 1815 года 144
Очеркъ дѣятельности великаго князя Константина Николаевича по морскому вѣдомству 145
Донесеніе (черновое) нижегородскаго губернатора министру внутр. дѣлъ, о пребываніи импер. Николая I въ Нижнемъ-Новгородѣ 161
Письмо А. М. Безобразова К. И. Сукину, 16 декабря 1822 года 165
Два донесенія А. Гедеонова В. Ѳ. Адлербергу, 26 іюня и 17 декабря 1846 года . . . 167
Дѣло актрисъ Вольныхъ и Дю-Плессисъ, 1847 года 168
Письмо актрисы Дю-Плессисъ Гедеонову, 10 сентября 1849 года 171
Прошеніе Л. Асенковой на высочайшее имя, 3 марта 1850 года 172
Печатное объявленіе дирекціи Одесскаго театра 173
Три письма М. Щербинина, 1828 года 174
Письмо генерала Ѳ. И. Соймонова, 1853—1854 гг. 176
Письмо Г. Эвенгуса, 9 ноября 1854 года 186
Письмо В. Аваріева, 25 мая 1844 года 187
Письмо М. Хмырова К. К. Случевскому, 29 марта 1872 года 188
Письмо А. Апшинова К. К. Случевскому 191
Копіи съ писемъ Н. Лѣскова М. И. Пыляеву 192
Письма ранимъ лицъ И. С. Тургеневу 196
Автобіографія Николая Ивановича Ивницкаго 218
Письма И. С. Тургенева къ И. П. и П. И. Борисовымъ, 1858-1871 гг. 358
Письма И. С. Тургенева А. А. Фету, 1858-1873 гг. 422
Письма Н. И. Греча, 1839, 1850 и 1857 гг. 437
Секретное предписаніе импер. Екатерины II вице-адмиралу принцу Нассау-Зигенъ, 4 іюня 1790 года 457

Изъ записной книги подполковника Голенищева-Кутузова.

Журналъ моей жизни.

(Для памяти.)

§ 1-й. Родился 1797 года августа 3-го въ 4 часа утра учился въ ревельскомъ пансіонѣ и былъ готовленъ къ морской службѣ.

§ 2-й. 1807 года делалъ морскую компанію волонтеромъ, но въ должности кают адъютанта при адмиралѣ Смирновѣ на кораблѣ северной звездѣ вышли съ эскадрою изъ города Архангельска чрезъ Белое морѣ, Северной океанъ, при мысѣ Нордъ Капъ, претерпѣли штормъ и чуть не разбились, следовали чрезъ Зундъ. Заходили въ датскую крепость Кронбургъ. Прошли Копенгагенъ въ то время какъ онъ взятъ былъ англинскимъ адмираломъ Сиръ Гомъ Попгамъ. Вошли въ Балтійское морѣ заходили на Данцигскую рейду. Снова вытерпели бурю и прибыли въ Кронштатъ, уже осенью, получилъ отъ адмирала отличный атестатъ о службѣ и отправился с нимъ въ Ронгесальмъ что въ Финландіи, былъ въ Ловизѣ, крепостяхъ Шварцъ Гольмъ, Свеаборгъ и Або.

§ 3-й. По собственному желанію определился въ военную кавалерійскую службу въ лейбъ кирасирской его императорскаго величества полкъ юнкеромъ 1809 года іюня, когда мнѣ было 13 лѣтъ. Полкъ стоялъ въ городѣ Великихъ Лукахъ.

§ 4-й Произведенъ въ штандартъ юнкера 1810 года въ началѣ отправлялъ должность старшаго вахмистра во 2-мъ эскадронѣ обязанъ первымъ образованіемъ по службѣ и нравственностію моему благодетелю покойному подполковнику Слепченки убитому при Бородинѣ. За отличное стараніе и успѣхъ полковымъ командиромъ подковникомъ Будберхомъ переведенъ въ лейбъ К: В: эскадронъ и при штабѣ изъ собранной командѣ юнкеронъ былъ опять за вахмистра. При смотрѣ полка великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ былъ предетавленъ пешимъ и конным ординарцомъ и отлично рекомендованъ полковникомъ удостоился его вниманія, хвалилъ и сказалъ что онъ возмѣтъ меня въ гвардію.

§ 5-й. По представленію генерала Бородина произведенъ въ корнеты въ Сумскій гусарскій полкъ 1811 года въ началѣ прибывъ въ полкъ въ городѣ Вилкахъ чрезъ самое короткое время.

§ 6-й. По представленію Его Высочества цесаревича Константина Павловича переведенъ лейбъ гвардіи въ конной полкъ тѣмже чиномъ по прибытіи моемъ въ Петербургъ великій князь меня обласкалъ, назначилъ меня въ свой эскадронъ, обмундировалъ, далъ съ своей конюшни лошадь, и въ продолженіи службы неоднократно помогалъ и не оставлялъ своими милостями.

Компанія 1812 года.

§ 7-й. Былъ с полкомъ въ походѣ, стояли въ местечкѣ Свинціянахъ, оставался за пріемкой въ Вильнѣ по молодости попалъ было въ шайку лейбъ шампанцовъ, былъ свидетелемъ сраженія при городѣ Смоленскѣ, былъ въ действительномъ при переправѣ французовъ чрезъ реку Березину и с прочими молодыми офицерами отправленъ въ резерфные эскадроны сформированные въ Петербургѣ.

1-й походъ во Францію.

§ 8-й. 1813 февраля съ 9-го изъ Петербурга чрезъ герцогство Варшавское, Шлезію, Прусію, Богемію, Саксонію, Баварію, Виртенбергъ, Дармштадтъ, Баденъ, разные немецкія владенія, Швейцарію, въ Францію, и обратно въ границы Россіи 1814 года по когда не упомню.

Компанія 1813 года.

Въ сраженіяхъ.

§ 9-й. 1813 года, въ сраженіи при Люценѣ былъ на ординардцахъ у князя Голицына.

§ 10-й Въ сраженіи противъ французскихъ войскъ при городѣ Бауценѣ.

§ 11-й. 14 августа въ сраженіи при атакѣ французовъ при крепости Кенигстейнъ что въ Саксоніи.

§ 12-й. 15 августа въ сраженіи при нападеніи на французовъ при городѣ Дрезденѣ.

§ 13-й. 16-го въ ретирадѣ отъ Дрездена въ сраженіи при местечкѣ Альтенбургъ гдѣ французы атаковали насъ на разсветѣ и мы рысью спускались съ горъ.

§ 14-й. 17-е и 18-е числъ августа въ жестокомъ сраженіи подъ городомъ Теплицомъ при мызѣ Кульмѣ что на границахъ Богеміи гдѣ 17-го числа съ утра съ 10-ти часовъ до вечера стояли подъ жестокимъ пушечнымъ огнемъ, и гдѣ

подо мной ядромъ убило лошадь и отъ упада получилъ легкую контузію въ ногу а 18-го числа по утру были въ атакѣ.

§ 15-й. 4-го 6-го и 7-го октября при местечкѣ Пегау и въ генеральномъ сраженіи при городѣ Лейпцигѣ командовалъ эскадрономъ былъ въ атакѣ и прикрывалъ англинскую батарею конгревовыхъ ракетъ.

§ 16-й. Отъ Лейпцига въ частяхъ преслѣдовалихъ при преследованіи французовъ до города Франкфорта что на рекѣ Майнѣ.

Компанія 1814 года.

Въ сраженіяхъ.

§ 17-й. Генваря 1-го при переправѣ чрезъ Рѣйнъ подъ выстрѣлами французовъ при городѣ Базилѣ что въ Швейцаріи.

§ 18-й. Генваря въ перестрелкѣ при занятіи города Монъ-Виліаръ, что во Франціи потомъ при местечкѣ Ножанъ Сюръ Сейнъ.

§ 19-й. Генваря 20-го въ сраженіи подъ Шато Бріономъ.

§ 20-й. Марта въ первыхъ числахъ въ сраженіи при переправѣ чрезъ рѣку Марнъ, отъ картечи упалъ съ лошадью, и остался на мѣстѣ атаки, и получилъ ударъ отъ французскаго бавъ офисіе палашомъ плашмя, спасея сквозь французскихъ и нашихъ стрѣлковъ при местечкѣ Орси.

§ 21-й. Былъ въ перестрѣлкахъ при Шато Тіери, открывалъ непріятѣля и рекогносцировалъ подъ местечкомъ Витри, и въ ночномъ нападеніи въ Монъ Миралѣ.

§ 22-й. Марта 13-го въ кавалерійскомъ делѣ и сраженіи при деревнѣ Ля Ферть Шемпануа гдѣ былъ отряженъ съ полуэскадрономъ былъ въ трехъ атакахъ здѣлалъ хорошее дѣло, и отличился взявъ орудіе и два ящика, полкъ прокричалъ ура, и генералъ дивизіи графъ Орурксъ поздравилъ меня съ георгіевскимъ крестомъ. Во время атаки получилъ пулю въ кабуру другой легко ранило лошадь и почти удивительно спасся отъ смерти.

§ 23-й. Марта 17-го въ перестрелкѣ въ ночной тревогѣ при взрывѣ моста французами въ Донъ-Мо.

§ 24-й. Марта 18-го въ генеральномъ сраженіи при взятіи города Парижа, и 19-го числа по утру парадомъ при вступленіи въ оной, семъ кончилась компанія.

§ 25-й. Былъ на ординардцахъ у покойнаго императора Александра Павловича и лично рекомендованъ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ 15 и 16 числъ іюня въ мызѣ Осингъ въ Прусской Шлезіи.

Былъ на ординардцахъ у прусскова короля, былъ квартермистромъ для занятія квартиръ для великаго князя и полка.

По желанію моему и по двукратной прозьбѣ съ трудомъ былъ переведенъ въ польской уланской полкъ поручикомъ и съ старшинствомъ послѣ Кульмскаго сраженія.

Вошли въ Парижъ 19 марта 1814-го и стояли въ Эколь ли Милитеръ слишкомъ месецъ былъ на разныхъ парадахъ и ученьяхъ.

Награжденъ.

§ 26-й. 1. Право на Іоанна Іерусалимскаго.

2. Медаль за компанію 1812 года.

3. Получилъ орденъ Св: Анны 4 класа за сраженіе при Кульмѣ 1813 г. сентября 25-го.

4. Получилъ золотую саблю съ надписью за храбрость за сраженіе при Ла Ферть Шемпануа 1814-го 27 апреля.

5. Получилъ пруской желѣзной крестъ за разбитіе корпуса Вандама 1816 года 29 маія.

6. Дворянскую медаль съ актомъ 1817 года 17 февраля.

Получилъ благоволеніе за Лейпцигъ и Альтенбургъ, а былъ представленъ къ пуръ ла мериту и Аннѣ 2 класа.

2-й походъ во Францію.

§ 27-й. 1815 года апреля съ 7-го изъ Житомирской губерніи изъ мѣстечка Ляховцы чрезъ границу изъ м: Броды чрезъ Австрію, Моранію, Богемію, Силезію, Виртенбергъ, Баварію, Вестфалію, Баденъ, Брабандію до рѣки Рѣйнъ въ Мангеймѣ форсированнымъ маршемъ чрезъ Эльзасъ, во Францію, а сентября съ 1-го и обратно въ Россію пришли 1816-го генваря 17 въ м: Лабунь.

Компанія 1815 года.

Въ сраженіяхъ.

§ 28-й. Въ нѣсколькихъ перестрѣлкахъ въ іюнѣ месецѣ въ Вогезскихъ горахъ противъ французскихъ партизановъ.

§ 29-й. Въ дѣлѣ при нападеніи на партизановъ, подкрепленныхъ французскими кирасирами при мѣстечкѣ Сапернъ.

§ 30-й. Былъ посланъ корпуснымъ командиромъ барономъ Винценгродѣ для открытія непріятеля съ полуэскадрономъ, на котораго наткнувшись ночью при Г: Туль былъ преслѣдуемъ эскадрономъ французскихъ шассеровъ въ іюлѣ первыхъ числахъ.

§ 31-й. Отсюда слѣдовали день и ночь до города Нанси куда прибывъ узнали что Наполеонъ разбитъ при Ватерло или Бель-Аліансѣ симъ кончилась компанія 1815-го.

Въ іюлѣ былъ посылалъ фельдъегеромъ къ главнокомандующему фельдмаршалу князю Барклаю де-Толи до города Шалонь на Марнѣ съ большою опасностію сквозь французскихъ партизановъ а отъ туда отправленъ фельдмаршаломъ къ командиру пруской гвардіи съ важними депешами принцу Карлу Мекленбургъ Стрелицкому и прибылъ въ полкъ въ Нанси когда полкъ уведомленъ былъ что я съ протчими посланными офицерами партизанами убитъ.

Былъ съ полуэскадрономъ въ конное генерала Эртѣля.

Былъ въ другой разъ въ Парижѣ ибо стояли на квартирахъ въ Донъ Мари что близь Ножанъ Сюръ Сейнъ отъ Парижа въ 17 верстахъ.

Конвоировалъ покойнаго французскаго короля Лудовика 18-го съ полуэскадрономъ отъ Донъ Мари что было въ августѣ.

Стояли во Франціи около месеца былъ въ Безансонѣ былъ приглашаемъ графомъ Люксенбургомъ въ французскую службу.

Августа былъ на маневрахъ и парадахъ въ присудствіи Государя и союзныхъ Государей подъ Г: Вертю. Откуда пошли въ Россію.

Былъ полковымъ и генеральскимъ адьютандомъ.

Награжденъ.

§ 32. 7. За конвоированіе французскаго короля отъ графа д'Артоа получилъ орденъ трехъ лилій.

8. Медаль за взятіе Парижа 1826-го маія 1-го.

§ 32-й. Подалъ за болезнію въ отставку отставленъ штабсъ ротмистромъ 16-го года.

§ 33-й. По высочайшему повеленію опредѣленъ на службу въ Оренбургской уланской полкъ поручикомъ 1819 года генваря 3-го.

§ 34-й. Произведенъ въ штабсъ ротмистры 1819 года апреля 13-го.

§ 35-й. Произведенъ въ ротмистры 1821 года октября 28-го.

§ 36-й. Командовалъ разными эскадронами съ 1824 года.

Конвоировалъ тѣло покойнаго императора Александра съ эскадрономъ отъ Г: Твери до села Меднова 9 февраля 1826 года.

Былъ на коронаціи, парадахъ и маневрахъ Государя Николая Павловича подъ Москвою 1826-го съ 14-го іюля по 6-е сентября удостоился вниманія великаго князя Михаила Павловича.

Былъ на большихъ маневрахъ подъ Г: Вязьмой и имѣлъ счастіе быть хвалимымъ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, съ 24 апреля по 19-е маія 1827 года.

Былъ на маневрахъ 1829 и 1830 годовъ подъ Петербургомъ около Краснаго сѣла въ присутствіи Государя.

§ 37-й. Утвержденъ имяннымъ эскадроннымъ командиромъ 5-го эскадрона 26 апреля 1829-го года.

§ 38-й. 9-е получилъ орденъ Св: Анны 3-го класса за отличіе по службѣ послѣ виземскихъ маневровъ 1827 года въ іюнѣ.

§ 39-й. № 10-й произведенъ въ маіоры за отличіе по службѣ послѣ петербургскихъ маневровъ по представленію великаго князя Михаила Павловича 1830 года генваря 28-го.

§ 40-й. Держалъ кордонъ по границѣ Московской губерніи, по случаю холеры и командовалъ 3-мя эскадронами отсюда получили повеленіе идти въ походъ и привести эскадроны въ боевое положеніе.

3-й походъ въ Польшу.

§ 41-й. Выступили съ квартиръ Тверской губерніи изъ города Старицы 1831 года генвари 7-го перешли границу въ Брестѣ Литовскомъ въ февралѣ въ послѣднихъ числахъ. Вступивъ въ Польшу пошли въ боевомъ порядкѣ къ Варшавѣ но въ мѣстечкѣ Медзерицахъ получили повеленіе идти форсированнымъ маршемъ для усмиренія мятежниковъ въ Литву. Переправясь чрезъ Бугъ, вошли въ Виленскую губернію и послѣ различныхъ дѣйствій маршовъ и контръ маршовъ весьма утомительныхъ, около 4-хъ мѣсецовъ по усмиреніи бунтовщиковъ въ іюлѣ въ Ковнѣ переправись Немань опять въ ступили въ Польшу и пошли къ Варшавѣ.

Компанія 1831 года.

Въ сраженіяхъ.

§ 42-й. Маія былъ съ эскадрономъ въ перестрелкѣ съ бунтовщиками подлѣ лесу подъ старымъ замкомъ при мѣстечкѣ Гелгутишки гдѣ открывъ ихъ съ полузводомъ едва не былъ атакованъ толпою около 500 ч:

§ 43-й. Въ деле и атакѣ 7-го маія при занятіи города Россіянъ, гдѣ сорвавъ пикеты преследовалъ бунтовщиковъ въ значительномъ числѣ пехоты и кавалеріи до рѣки Дубисы атаковалъ положилъ на мѣстѣ и потопилъ около 200 человѣкъ в плѣнъ взялъ 29 чел. и знами бунтовщиковъ алое атласное съ польскимъ и литовскимъ гербомъ, и отбилъ обозъ около 30 фуръ. Потомъ переправясь Дубису съ 6-мъ эскадрономъ снова преследовалъ повстанцовъ и догнавъ у лесу по дорогѣ къ м: Шидлову опять атаковалъ и положивъ несколько на местѣ за темнотою и лѣсомъ не могъ далѣе преследовать. Здѣсь чуть изменически не былъ раненъ.

§ 44-й. 21-го маія по предписанію генерала Малиновскаго былъ оставленъ для наблюденія и поиску надъ мятежниками въ мѣстечкѣ Вилкахъ что надъ Неманомъ, съ моимъ эскадрономъ, ротою пехоты Слюсельбургскаго полка, и однимъ конномъ орудіи 10 роты дѣлалъ поискъ форсированнымъ маршемъ до Г: Россіянъ. Возвращаясь оттуда 23 числа открылъ бунтовщиковъ за мѣстечкомъ Раголи, атаковалъ мызу но они быстро отступили въ лесъ атаковалъ ихъ пехотой и фланкерами имѣлъ сильную перестрѣлку при нескольких пушечныхъ выстрѣлахъ до самой темной ночи.

§ 45-й. Съ первыхъ числъ іюня въ рѣтиradѣ отъ города Ковно отъ регулярныхъ польскихъ войскъ корпуса генерала Гельгута былъ оставленъ въ авангардѣ отъ Вильны въ 7 верстахъ, и командовалъ 5-тью эскадронами и казаками, 5-го числа ночью въ 12-ть часовъ былъ посланъ авангардным начальникомъ полковникомъ Гембицомъ, съ моимъ эскадрономъ ротою пехоты принца Карла Прусскаго и сотнѣю козаковъ для нападенія на пикеты атаковалъ ихъ козаками и охотниками при сильномъ огнѣ пехоты, сорвалъ пикеты положилъ на мѣстѣ несколько человѣкъ 1-го взялъ в плѣнъ но по открытіи непріятелемъ сильнаго огня и по приближеніи ихъ кавалеріи отступилъ.

§ 46-й. 6-го числа по утру по приказанію генерала Сакена былъ опять посланъ въ экспедицію для рекогносцированія и нападенія на непріятеля съ отрядомъ изъ моего эскадрона охотниками 6-го эскадрона, 2 ротою пехоты принца Карла полка охотниками цѣлаго баталіона съ 40 гвардейскими и 100 армейскихъ козаковъ, переправясь реку Ваку обошелъ ихъ во флангъ и по сему направленію следовалъ въ тылъ ихъ арміи приказалъ козацкому офицеру сделать рекогносировку на мостъ уже въ тылу ихъ аріергарда, и быть открытъ непріятелемъ съ боку отъ местечка Трокъ гдѣ они были въ числѣ 10 тысячъ и потому былъ отрезанъ къ возвратному отступленію, въ столь сомнительномъ положеніи решился на рысь быстро обратился чрезъ лесъ и болото и подойдя съ боку польскаго авангарда быстро и рѣшительно атаковалъ ихъ пикеты всѣмъ отрядомъ вдругъ и положивши на мѣстѣ пикеты съ помощію тыла и сильнаго огня моей пехоты преследовалъ ихъ авангардъ какъ пехоту такъ и кавалерію въ безпорядкѣ бросившуюся по дорогѣ къ лесу, заняли корчму и мостъ штурмомъ, гдѣ в ночи положено ихъ на мѣстѣ около 123 человѣкъ и 3 офицера, в плѣнъ взялъ 32 чел: удалось счастливо и удачно за успѣхъ обязанъ рѣшительности и быстротѣ.

За сіе получилъ на другой день отъ командующаго подъ Вильной войсками, генерала лѣйтенанта Сакена при всемъ его штабѣ отличную и лестную благодарность съ увереніемъ что сіе не останется безъ награды.

§ 46-й. 7-го числа въ рѣтиradѣ и сраженіи здѣлавшаго нападеніе непріятеля цѣлымъ корпусомъ на нашъ авангардъ въ продолженіи 7 верстъ до города

Вильны до Панарскихъ высотъ, подъ сильнымъ непріятельскимъ пушечнымъ и ружейнымъ огнемъ, съ 4-хъ часовъ утра до 5-ти вечера пускалъ козаковъ въ атаку, но отъ стремительнаго натиску быстро отступали, прикрывалъ пехоту и артилерію, но прижатъ былъ къ рекѣ Виліи въ ужасныхъ оврагахъ и кустахъ чуть не потерялъ эскадрона которой былъ совершенно разсѣянъ и самъ упалъ съ лошади былъ поднятъ нашей пехотой вечеромъ когда отбили полковникъ лично генераломъ Сакеномъ съ дивизіономъ опять былъ посланъ въ авангардъ.

§ 47-й. 22 числа при преслѣдованіи непріятѣля былъ посланъ генераломъ Сакеномъ для открытія къ мѣстечку Невойни съ моимъ эскадрономъ и 40 черноморскими козаками, переправился въ плавь реку Невежь, и открылъ польскіе пикеты атаковалъ ихъ 2-хъ въ плѣнъ но преслѣдуя пикеты наткнулся на 8-ми тысячной корпусъ открылъ перестрѣлку но по открытіи непріятелемъ жестокаго огня, и по движенію атаковать быстро рѣтировался и обязанъ счастію и переправѣ что спасся, получилъ опять отличную благодарность.

§ 48-й. Августа 16-го по приказанію фелдмаршала былъ посланъ изъ мѣстѣчка Сохачева съ моимъ эскадрономъ и 6-мъ эскадрономъ лейбъ козаковъ для важныхъ открытій по берегу Вислы до города Полоцка что исполнилъ въ точности и удачно имѣлъ въ мѣстечкѣ Добржевицахъ переправу и перестрѣлку по переправленные козаки и уланы были преслѣдуемы цѣлымъ дивизіономъ польскихъ уланъ едва подъ ихъ выстрѣлами успѣли отступить, получилъ благодарность а карабинеры мои отъ фелдмаршала по червонцу.

§ 49-й. 25-го и 26 числъ въ сраженіи при взятіи штурмомъ города Варшавы подъ ужаснымъ всякимъ огнемъ гдѣ эскадронъ мой много пострадалъ ибо полкъ былъ въ 1 линіи отвода преслѣдовали непріятеля до Пруской границы, гдѣ онъ здался и симъ кончилась компанія въ сентябрѣ послѣднихъ числахъ.

Ночью 28-го послѣ штурма Варшавы былъ съ эскадрономъ въ цепи.

§ 50-й. Изъ мѣстечка Кальвари были посланы три эскадрона на подкрепленіе пехоты атакованной мятежниками при Маріанполѣ—шли рысью болѣе двухъ миль но поспѣли уже къ концу дѣла.

Былъ посланъ отряднымъ генераломъ Сулимой съ полуэскадрономъ рекогносцировать Г: Ковно.

Былъ съ эскадрономъ спрятанъ въ лесу чтобъ атаковать появившихся мятежниковъ изъ Г: Россіянъ при рекѣ Дубисѣ но онѣ по открытіи огня пехотой рѣтировались.

За успѣшное исполненіе препорученій былъ благодаренъ генералами Сулимой и Офенбергомъ.

Былъ посланъ генераломъ Малиновскимъ съ полуэскадрономъ на мызу Пушета.

Былъ въ аріергардѣ изъ Г: Ковны и получилъ по себѣ изъ куста выстрѣлъ.

16-го іюня при занятіи Г: Ковны и рѣтирадѣ мятежниковъ былъ потребованъ съ моимъ дивизіономъ генераломъ Малиновскимъ, шолъ рысью но поспѣлъ къ концу дѣла и возвратился ночью.

Отъ князя Хилкова получилъ особенную благодарность за разныя дѣйствія въ Литвѣ.

30 числа былъ посланъ генераломъ Сакеномъ съ эскадрономъ и козаками на постъ въ мѣстечко Ворни для наблюденія непріятеля.

Въ іюлѣ при преслѣдованіи корпуса Гелгута къ пруской границѣ одной кавалеріей догнали уже поздо вечеромъ получили по себѣ несколько пушечныхъ выстрѣловъ, по утру они перешли границу и здались прусакамъ, отсюда опять чрезъ Неманъ пошли къ Варшавѣ.

Послѣ взятія Варшавы стояли подъ Модлиномъ отсюда преслѣдовали остатки бунтовщиковъ около 25 ты: до пруской границы гдѣ они здались и симъ кончился походъ.

Съ 16-го октября вступя въ Варшаву по 18-е ноября были въ карауліѣ изъ самой Варшавѣ и содержали разъѣзды имѣлъ честь говорить съ великимъ княземъ и фельдмаршаломъ при представленіи.

Послѣ караула пошли на зимовые квартиры въ Калишское воеводство въ Г: Ченстохонъ, стоялъ съ эскадрономъ милю отъ Ченстохова въ д: Конопискахъ до 23 марта 1832 года а сего числа выступилъ съ эскадрономъ въ обратной походъ въ Россію.

Награжденъ.

§ 52-й. 11-е получилъ чинъ подполковника за штурмъ Варшавы съ старшинствомъ съ 10 октября 1831 года,—марта 1-го 1832 года.

§ 53-й. 12-е получилъ орденъ св: равноапостольнаго князя Владимира 4-й съ бантомъ за сраженіе подъ Г: Вальной, марта 10-го 1832 года.

§ 54-й. 13-е получилъ за польскую кампанію орденъ польскаго военнаго достоинства виртути militari 3-го класса.

§ 55-й. 14-е получилъ медаль за штурмъ Варшавы маія 30-го 1832 года.

Командовалъ полкомъ походомъ отъ города Минска съ 15-го маія до города Витебска до 27 маіи.

Утверждѣнъ командиромъ 4-го дивизіона Оренбургскаго уланскаго полка 15 октября 1833 года.

По высочайшему повеленію отправленъ для набора рекрутъ въ Г: Казань куда прибылъ 29 октября 1833 года.

При смотрѣ полка подъ Москвою 18-го маія и 21-го числъ 1835 года командуя фланкерами, удостоился благоволенія Государя и лично говорилъ с нимъ.

1836 года съ 1-го марта по 1-е мая находился въ Москвѣ изъ караулъ съ 4 и 7-м эскадронами Оренбургскимъ и Сибирскимъ уланскими, Кіевскимъ и Ингерманландскимъ гусарскими, бывшими подъ командою моею, и получилъ благодарность по дивизіи.

1836 года августа 12 числа въ парадѣ, а 13-го на линейномъ ученьи въ присутствіи Государя.

Получилъ орденъ св: Станислава 3-й степени на шею, за отличную и ревностную службу отъ 22 ноября 1836 года, прикащ декабря 18, а крестъ и грамоту 12 генваря 1837 года.

Получилъ прижку за 20 летнюю безпорочную службу 12 генваря 1837 года, а рескриптъ и статутъ 19 августа.

Получилъ орденъ св: великомученика и победоносца Георгія 4 класа за 25 лѣтъ, 17 генваря 1837 года а рескриптъ ноября 1-го.

Оставленъ былъ при 1-хъ четырѣхъ эскадронахъ съ сентября по 16 ноября и потомъ съ ноября командовалъ ими по 16 генв. 1838 г: получилъ высочайшую благодарность 15 ноября 1837 года.

Получилъ благодарность по корпусу отъ 20 генваря 1838 года за нахожденіе въ Москвѣ при Государѣ, и за командованіе 2-мя эскадронами всей дивизіи.

Съ 27 іюля 1839 года по 2 сентября былъ подъ селомъ Бородинымъ на парадахъ, открытіи памятника и маневрахъ при Государѣ Императорѣ, гдѣ за отличіе по службѣ 31-го августа произведенъ въ полковники.

Съ 1 декабря по 15 февраля 1840 года опять въ Москвѣ, командовалъ опять 4-мя эскадронами, и опять получилъ благодарность по дивизіи.

10 іюля былъ командированъ съ 4-мя эскадронами въ Рязанскую губернію въ село Выгородь на экзекуцію для усмиренія бунтующихъ крестьянъ щастливо кончилъ и возвратился въ полкъ 22-го іюля.

18-го маія 1842 года высочайшимъ приказомъ назначенъ командиромъ уланскаго принца Фридриха Виртенбергскаго полка, минуя старшихъ и не бывши въ образцовомъ полку благодарилъ Бога за милость и Государи.

Получилъ прижку за 25-ти летнію безпорочную службу 24 генваря 1843 г.

Получилъ орденъ св: Анны 2-й степени за отличную и усердную службу 17 августа 1843 года.

Былъ требованъ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, гдѣ имѣлъ щастіе ему представляться 10 марта 1844 года въ Санктпетербургѣ.

Былъ съ полкомъ на маневрахъ и парадахъ 1845 года, съ 10 іюля и по 18 августа, удостоился отличной благодарности.

Получилъ императорскую корону на орденъ св: Анны.

5 сентября 1847 года подъ Москвой на Ходынскомъ полѣ во время церемоніальнаго марша Государь Императоръ три раза подзывалъ меня и особенно благодарилъ за полкъ.

Получилъ орденъ св: Владимира 3-й степени за отличную и усердную службу 6 декабря 1847 года.

Здѣлалъ съ полкомъ походъ изъ Владимирской губерніи Гавриловскаго посада съ 15 апреля 1848 года до города Шавли Ковенской губерніи куда вступилъ 29 іюня 1848.... два мѣсяца съ половиною, почти 1500 вер. и 120 верстъ отъ русской границы.

По милости Бога и Государя за отличіе по службѣ произведенъ изъ генералъ маіоры, съ оставленіемъ командиромъ полка 3-го апреля 1849 года.

По наговорамъ и непріятностямъ отъ генерала Муравьева командовавшаго гренадерскимъ корпусомъ просилъ увольненія отъ полка съ состояніемъ по запасномъ войскамъ что исполнилось съ оставленіемъ при мнѣ полнаго жалованья 7 сентября 1849 года. Здалъ полкъ заплативши 22 тысячи серебромъ. Богъ с ними.

Началъ мирную жизнь въ Москвѣ 1 декабря 1849 года.

Въ Варшавѣ былъ милостиво обласканъ Государемъ Императоромъ и два раза благодарилъ лично.

Получилъ знакъ отличія безпорочной службы за 30 лѣтъ, 6 маія 1850 года.

По болезни генералъ лейтенанта Яхонтова на время его отпуска представленъ и утвержденъ Государемъ предсѣдателемъ военно судной комиссіи при московскомъ ордонансъ гаузѣ. Вступилъ въ должность 6 іюля 1850 года.

6 марта 1851 года получилъ убійственную бумагу отъ дежурнаго генерала Игнатьева по дѣлу Коллинзова, съ строгимъ выговоромъ и уплатой 206 ру. сереб: а Государь по показанію трѣхъ помощниковъ ремонтира за взносъ ими денегъ, за столь важное преступленіе отдать подъ следствіе. 17-го получилъ бумагу отъ Игнатьева по волѣ наследника ехать на следствіе въ Понѣвѣжъ. И что по волѣ Государя увольняюсь отъ службы с мундиромъ же и пансіонѣ могу просить по окончаніи следствія. Упалъ подъ гнѣтомъ нещастія, пробывши три месеца въ Понеѣжѣ изъ тоскѣ и униженъ. Былъ уволенъ въ Москву и вторично вытребованъ для окончанія следствія въ Торжокъ куда прибылъ 11 октября 1851 года, и чѣмъ кончится Богу извѣстно: Его святая воля. По неянкѣ ремонтира Новикова третично былъ вытребованъ въ Г: Тверь куда прибылъ 21 іюня 1852 года и во окончаніи следствія 26 іюля выехалъ въ Москву.

Наконецъ послѣ двухъ летнихъ страданій и душевной тоски получилъ конфирмацію наследника отъ 10 ноября 1852 года утвержденную государемъ, что за неправильныя действія следовало бы предать суду но за 38 лет: безпорочную службу, бытность въ компаніяхъ и оказанную храбрость, делаетца строгой выговоръ со внесеніемъ въ указъ объ отставкѣ. А о мундирѣ и пансіонѣ ничего.

По докладу Государю дежурнымъ генераломъ Катенинымъ отъ 24 марта 1853 года мнѣ всемилостивейше возвращенъ пансіонъ 860 рубл: серебромъ въ годъ со дня моей отставки 13 февраля 1851 года а объ мундирѣ отказано какъ не следуетъ по закону.

Черновой рапортъ поданной на имя командующаго Оренбугскимъ уланскимъ полкомъ Г: подполковнику Еврейнову отъ 11-го февраля 1832 года.

Отъ имени моего,

Рапортъ.

Съ удивленіемъ усмотрѣно мною, что изъ формулярномъ моемъ о службѣ спискѣ, равно и вверенаго мнѣ эскадрона пропущены те самыя дѣйствія противъ польскихъ мятежничихъ войскъ, въ которыхъ я дѣйствительно съ моимъ эскадрономъ отдельно отъ полка въ разныхъ командировкахъ и экспедиціяхъ съ отрядами пехоты и кавалеріи бывшими подъ командою моею въ продолженіи прошлой компаніи находился; какъ то: хотя и поменѣно дѣйствіе 7-го маія при рекѣ Дубисѣ, но не сказано что взято знамя алое шитое серебромъ съ польскимъ и литовскимъ гербами именно моимъ эскадрономъ, гдѣ я здѣлалъ двѣ атаки съ перьвыми полуэскадронами третьяго дивизіона, причемъ положено на мѣстѣ и потоплено въ рѣкѣ Дубисѣ более 200 мятежниковъ в плѣнъ взялъ 48 чел: и обозъ изъ 15-ти форшпановъ? 21-го Маія по предписанію Г: генералъ лейтенанта Малиновскаго былъ оставленъ для наблюденія и поиска въ местечкѣ Вилкахъ, съ отрядомъ изъ вверенаго мнѣ эскадрона, ротою пехоты Сакссельбургскаго полка и однимъ конномъ орудіи № 10-го роты, отъ кудова делалъ поискъ до Г: Россіянъ и тамъ соединясь съ 1-м и 4-м эскадронами следовалъ обратно съ моимъ отрядомъ уже въ аріергардѣ 23 числа пройдя м: Ераголи, открылъ толпы мятежниковъ въ мызѣ, которыхъ кавалеріею немедленно атаковавъ разбилъ и преследовалъ до лѣсу, гдѣ до самой темной ночи имѣлъ съ ними перестрелку! 5 іюня находясь отдѣльно въ авангардѣ на высотахъ подъ Г: Вильной командовалъ всею кавалеріей авангарда, состоящею: изъ 3-го дивизіона сего полка 2-хъ эскадроновъ лейбъ козаковъ, 1-го эскадрона Елизаветградскаго уланскаго полка и 2-хъ сотенъ оренбургскихъ козаковъ, сего жъ числа въ полночъ командировалъ начальникомъ авангарда полковникомъ Гембицомъ, съ отрядомъ изъ моего эскадрона, гранадерскою ротою и 24-хъ козаковъ, для ночнаго нападенія на польскіе пикеты, расположенные по ковенской дорогѣ и при корчмѣ Ваксѣ, на которые внезапно ударивъ положено на мѣстѣ по ночи неизвестно сколько, въ плѣнъ взятъ одинъ. 6-го іюня по приказанію Г: генералъ лейтенанта барона Сакена былъ посланъ въ экспедицію съ отрядомъ, изъ вереннаго мнѣ эскадрона, 16-ю охотниками 6-го эскадрона, ротою пехоты принца Карла полка, и съ застрѣльщиками съ цѣлаго баталіона, съ 40 гвардейскими и 100-ю армѣйскихъ козаковъ, для рекогносцированія и нечаяннаго нападенія авангарда польскаго генерала Гелгута за рекою Вакою, которой обойдя во фланъгъ напалъ изъ 12-ть часовъ по полудни, разбилъ и принудилъ отступить, на местѣ положено до 100 чел: и 3 офицера с которыхъ и знаки мною предетавлены в плѣнъ взято разныхъ чиновъ 29-ть. 7-го числа

съ разсвета изъ ретирадѣ съ авангардомъ до Панарскихъ высотъ въ продолженіи семи верстъ командуя кавалеріей удерживалъ непріятеля и здѣлалъ несколько успѣшныхъ атакъ козаками. 22-го іюня былъ посланъ Г: генералъ лейтенантомъ барономъ Сакеномъ съ моимъ эскадрономъ и 40 черноморскими козаками, для открытія непріятеля, переправясь въ плавь рѣку Невѣжь, открылъ 8-ми тысячной корпусъ генерала Роланда за м: Ясвойни настигши ихъ аріергардъ имѣлъ сильную перестрелку в плѣнъ взялъ 2-хъ гранадеръ. 16-го августа по приказанію Г: генералъ фелдмаршала былъ посланъ изъ м: Сохачева, съ моимъ эскадрономъ и 6-мъ эскадрономъ лейбъ гвардіи козачьяго полка подъ командою моею съ инструкціею для открытія и рекогносцированія по берегу рѣки Вислы до Г: Плоцка, въ м: Добржиковѣ при переправѣ чрезъ Вислу имѣлъ съ непріятелемъ бывшимъ въ превосходныхъ силахъ перестрелку, за что карабинеры вереннаго мнѣ эскадрона, по приказанію Г: генералъ фелдмаршала получили по червонцу.

О всемъ семъ, равно и о потерѣ какъ убитыми такъ и раненымъ какъ людей, такъ и лошадей, мною рапортовано за 21-е маія генералу Малиновскому, за 5-е іюня за № 17-м за 6-е іюня за № 18-м бывшему командиру сего полка Г: генералъ маіору барону Торнау, за 7-е іюня № не упомню полковнику Гембицу, за 22-е іюня № не упомню рапортовано Г: генералъ лейтенанту б. Сакену за 16 августа за № 41-м Г: генералъ лейтенанту князю Хилкову, копіи сихъ рапортовъ у меня хранятца, для чего же сіе полкомъ пропущено мнѣ неизвестно, о чемъ ваше высоко: и непременную себѣ обязанность поставляя донести, и покорнѣйше прошу приказать внести какъ мнѣ равно и вереннаго мнѣ эскадрона Г: Г: офицерамъ и нижнимъ чинамъ бывшимъ подъ командою моею въ сихъ дѣйствіяхъ въ формулярные о службѣ ихъ списки.

№ 9.

С: Конописки.

Мой бредъ.

Мечты и надежды мои миновались съ лѣтами.... я вижу ихъ въ отдаленной картинѣ прошедшаго, какъ утомленный путникъ заблудившійся въ пустынѣ видитъ въ дали за собою рощи, тѣни и ручьи, которыхъ онъ никогда не встрѣтитъ. Молодость занимается мечтами какъ розами. Идутъ лѣта приходитъ опытъ и хладомъ своимъ застудитъ жаръ сердца и наводитъ облако грусти, дохнетъ на мечты и разлетятца; коснетца надеждамъ и цепѣнѣютъ!

Вѣтръ свисталъ въ окончины моей избы, томно звенели стѣкла, онъ вылъ въ трубѣ и сверчокъ вторилъ ему своей печальной песнеи. Унылъ и мраченъ съ разстроенной душой и воображеніемъ, я сидѣлъ опершись рукою на столъ, другой машинально крутилъ усы, дрѣ свечки слабо горели и колеблясь отъ ветра тускло бросали лучь свѣта на лядунку и саблю неразлучныя украшенія съ три-

надцатаго моего года, могильная тишина всегдашній товарищъ зимнихъ вечеровъ служащаго офицера, изредка была прерываема вздохами моего вернаго Трезора лежащаго свернувшись въ углу и какъ бы сострадающаго мнѣ, печальныя мысли столпились въ голосѣ моей и сжатое сердце казалось говорило мнѣ: нѣтъ для тебя ни счастья ни надѣждъ! Я тоскливо вспоминалъ прошедшее и видѣлъ ошибки пылкаго характера, стыдился потеряннаго время и случаевъ къ счастію прочному но уже теперь невозвратимому! Гдѣ ты моя пылкая молодость? Гдѣ ты прошедшее время, куда улетѣли мои мечты и надежды, застыла горячая кровь, уже я не вижу въ прелестной дѣвушкѣ предметъ любовной страсти и отказавшись отъ очарованія красоты не надѣюсь быть ею счастливъ, не вижу въ каждомъ товарищѣ вернаго друга которымъ душой и сердцемъ вверился безъ опасенія, въ мундирѣ и на лошади не нахожу себя счастливымъ, а съ трубкой табаку за стаканомъ пунша истиннаго блаженства, разрушились волшебные замки когда я видѣлъ себя героемъ покрытымъ славою, благотворителемъ человѣчества награжденнымъ всеобщимъ уваженіемъ и въ сихъ прелестныхъ мечтахъ я истинно былъ счастливъ, но чувствительность пламенной души есть опасный даръ природы горько обмануться во всѣмъ! Прошла алая заря юности, прошло время надѣждъ и очарованій, опытъ и разочарованный разсудокъ показали вещи въ истинномъ ихъ видѣ, и настоящее какъ надгробный камень теснитъ грудь мою!... безъ друга, безъ любви, отказавшись отъ обольщенія не зная кому себя вверить, съ душевной пустотой и мертвымъ ко всему равнодушіемъ воображеніе мое занято службой, ничтожною но необходимою заботой пустыми хлопотами; труды, скука, вечные непріятности и—ни одного веселаго дня! вотъ мой удѣлъ, борясь съ счастіемъ и недостаткомъ, часто скрывая горестные чувства изъ самомъ себѣ—будучи одинокъ въ мирѣ какъ блуждающій призракъ въ пустынѣ всегдашнее повтореніе одно и то жѣ плачевная монотонія жизни моей,—извлекло глубокій вздохъ изъ груди моей, вздохъ красивой и горестной 20 лѣтъ службы и слишкомъ 30 жизни печальной рядъ годовъ быстро протекшихъ какъ унылое эхо отдается въ памяти моей, ни честь звалія ни награда службы часто обманчивой сіи пустые призраки честолюбца, ни даже собственное чувство своего достоинства не делаютъ счастливымъ, когда не находишь ни въ чемъ истиннаго блаженства, будущій горизонтъ жизни моей представляется мнѣ чернымъ мрачнымъ покровомъ, нѣтъ желаній, нѣтъ и надѣждъ, утехи пылкости чувствъ! изчезли порывы и стремленія, я вижу предъ собой ужасную бездну пустоты; машинально буду продолжать печальной путь жизни— одна мысль какъ благодетельный лучь солнца согрѣваетъ душу мою! Мысль пасть со славою за отечество и на полѣ чести найдти конецъ скучной жизни есть мое искреннѣе желаніе!..

1831 года декабря 31 дня.

С: Конописки.

Къ моей судьбѣ!

Моя ужъ молодость сокрылась;
И вянетъ юности цвѣтокъ
Безъ счастья сердце истощилось,
Впередъ не знаю что дастъ рокъ!
Но я предъ нимъ не побледнѣя:
Пусть будетъ такъ, что должно быть
Солдатомъ старымъ быть умѣя,
Судьба меня не устрашитъ.

На отъѣздъ мой изъ полкъ 1818 года.

Прости изъ послѣдній разъ, зеленая дубрава,
Златая колыбель невинности моей!...
Гдѣ дружба, гдѣ любовь, какъ милая забава
Мнѣ улыбалися прекрасною зарѣй!...
Прости любезный лѣсъ, краса полей мнѣ милыхъ,
Свидѣтель радостей любимца твоего!...
Уже я ихъ лишенъ! лишенъ сихъ дней щастливыхъ!
Лишь горесть мрачная осталась для него!...
Уже твой нѣжный другъ сужденъ своей судьбою
Военну жизнь вести на чуждой сторонѣ,
Не будетъ болѣе съ вечернею зарѣю
Бесѣдовать изъ тебѣ въ беспечной тишинѣ.
И въ полночь—месяца изъ задумчивомъ мерцанье,
Мечтая не приду подъ твой унылый кровъ,
Своихъ печальныхъ чувствъ въ сердечномъ изліянье,
Почтить слезой любви душевной мой покровъ.
Увы! прошли тѣ дни беспечности щастливой,
Когда надъ озеромъ въ тѣнистыхъ берегахъ
Сидѣлъ въ мѣчтаніяхъ подъ дремлющею ивой
И пламенной мой взоръ блуждалъ въ твоихъ струяхъ!....
Когда сегѣшилъ на лугъ въ сердечномъ восхищеньѣ,
Въ часъ утра золотой привѣтствовать зарю,
И тихую слезу изъ сердечномъ умиленьѣ,
При прозвѣ возсылалъ вселенныя къ царю!....
О время радостей, о время наслажденій!
Почто промчалось ты съ такою быстротой?...

Почто лишился я тѣхъ милыхъ заблужденій,
Въ которыхъ щастливъ былъ невинною мечтой?....
Теперь печальныхъ чувствъ изъ разстроенной свободѣ,
По волѣ на всегда оставлю край родной,
Еще сказать хочу, прости! друзьямъ природѣ,
Быть можетъ щастливъ буду.... изъ странѣ чужой.

Зазвенѣлъ томно колокольчикъ, и печальной звукъ еще болѣе растроивалъ душу мою стесненную горестію и исполненную тоской (печальнаго предчувствія), я взглянулъ въ послѣдній разъ на оставляемыя мною мѣста и удаленіе сокрыло милыя предметы! Я со вздохомъ сказалъ: прости всѣ! прости всѣ! что питало мои надѣжды и привязывало къ жизни изчезло всѣ, осталась пустота и мрачное чувство; прости! (. . . . . .)—Можетъ быть въ странѣ отдаленной отъ пули или сабли окончится жизнь моя (. . . . . .) и никѣмъ не оплакиваемой зарыть буду землѣю; тогда пусть хотя одно воспоминаніе . . . . . ! посадитъ незабудочку на землю меня покрывающую!!!

Pour moi.

Что бѣдняжичка тоскуешь—
Голубочикъ что грустишь?
Томно стонешь не воркуешь,
И печально такъ сидишь
Сизы крылышки поджавши—
Что головку опустилъ,
И на веточки прижавши,
Глазки быстрыя закрылъ?
Не летаешь не кружишся—
Какъ легко преждѣ лѣталъ,
Въ тайнѣ слезы льешь крушишся,
И унылъ и томенъ сталъ.
Тебѣ верно . . . . . .
Ахъ! . . . . . твоя,
. . . . . .
Въ тоскѣ изъ горести тебя .....

Люди съ солнцемъ людямъ ясно,
А со мною—все туманъ.

Все мѣртво—все молчитъ какъ ночь въ могилѣ хладной!
Гдѣ ты? духъ бодрости?—что здѣлалось со мной?...
Что, сердце, ты грустишь?... не верь мечтѣ отрадной!
Ахъ! поздно!... ахъ! прости надѣжда и покой!

(Полночь 6 генв: 1832 г.)

Мой злой геній.

Отъ чего такъ часто сердце мое страдаетъ иногда безъ всякой извѣстной мнѣ причины? Отъ чего снѣтъ тускнетъ и все помрачается въ глазахъ моихъ тогда какъ лучезарное солнце сіяетъ на небѣ? Что изъяснить сіи душевные меланхолическіе припадки въ которыхъ сердце мое сжимается и хладѣетъ?... Не ужель тоска сія есть предчувствіе претерпѣнныхъ мною горестей или задатокъ новыхъ которыми судьба моя намерена посѣтить меня въ будущемъ?...

Нѣтъ! поздно—умеръ я для счастья,
Надѣжды—призракъ улетѣлъ!
Унылъ, отвыкъ отъ сладострастья,
Для нѣжныхъ чувствъ окаменѣлъ!...

Изъ Пушк:

Людей и снѣтъ изведалъ онъ,
Узналъ неверной жизни цѣну.
Въ сердцахъ друзей нашелъ измѣну,
Въ мечтахъ любви—безумный сонъ.

Я говорю одинъ, самъ съ собою,—и въ чувствахъ души моей и въ движеніяхъ моего сердца никому не дамъ отчета!

Мысли (мои и про себя).

Кто знаетъ кому повиноваться, тотъ будетъ умѣть повелевать.

У солдата всѣ вычищено и ничего не вымыто.

Многіе при должностяхъ безъ всякой должности.

Чѣмъ кто чиновнѣе, тотъ тѣмъ болѣе долженъ быть умнѣе и осторожнѣе.

Подчиненной всегда теряетъ, когда онъ умнѣе своего начальника, и не постарается то скрыть.

Многіе офицеры не занимаютца ни чемъ полезнымъ, потому только что они офицеры.

Не всегда тотъ сострадателенъ, кто былъ въ несчастіи, но тотъ, кто оное чувствовалъ.

Многіе начальники полагаютъ, что солдатская спина, барабанъ и труба, дѣлаютъ одинъ только звукъ.

Офицерская расправа надъ солдатомъ не должна заключатца въ одномъ количественномъ слоѣ: палокъ!

Часто пишутъ: что такой-то офицеръ здѣлалъ то и то; онъ которой въ это время едва ли вынималъ саблю.

Лутчая награда храбрости есть въ собственномъ чувствіѣ и отзывѣ подчиненныхъ.

Трусъ никогда не отдастъ справедливости храброму.

Офицеръ которой во время боя дѣлаетца ласковѣе съ подчиненными значитъ: что труситъ и не увѣренъ въ себѣ.

Во время самыхъ ужасовъ войны женщина всегда есть соблазнительной предметъ для офицера.

Храброй пьетъ для препровожденія время а трусъ съ горя и страху.

Ура! къ атакѣ! храбраго дѣлаетъ львомъ а труса зайцемъ, оба бросаютца, перьвой горитъ другой обмираетъ.

Ничья память такъ непокорена какъ военныхъ людей.

Никто такъ не употребляетъ иностранныхъ слоѣ и пословицъ какъ военные.

Разговоръ офицеровъ начинается службой, продолжается шутками, а кончится женщинами!

Знакомство офицеровъ начинается сухо, продолжается горячо, а кончится мокро!

Никто такъ не близокъ къ монахамъ по образцу жизни своей какъ солдатъ, и никто такъ не далекъ отъ солдата какъ монахъ.

Никто такъ не забываетъ ближнихъ своихъ, и никто такъ не помнитъ знакомыхъ какъ военной человѣкъ.

Те жѣ люди въ военной службѣ дѣлаютца развязнѣе.

Какъ многимъ офицерамъ нужно денегъ, денегъ, денегъ! также многимъ нужно не служить, не служить, не служить!...

Иной служа и много видѣлъ да ничего не замѣтилъ.

Физіогномія старова боеваго офицера всегда выразительнѣе молодова.

Протекція любитъ просторъ, почему часто умъ, честь и храбрость не находятъ себѣ мѣста.

Когда начальникъ во время строи много суетится то значитъ: что ничего не знаетъ, а во время сраженія, что ищетъ безопаснаго для себя мѣста.

Дурака можно узнать по смѣху, невѣжу по перьвому слову, умнаго по послѣднему, лгуна съ перьваго до послѣдняго, фанфарона по телодвиженіямъ, гордеца по носу, опытнаго по глазамъ, ветренаго по легкости, и многихъ узнаешь по усамъ и ушамъ!...

Языкъ долженъ быть на поводахъ, а уши на свободѣ.

Не стрѣляй глазами по пустому, какъ холостыми патронами.

Естьли зовутъ туда, гдѣ денушки береги глаза и сердцѣ, гдѣ пьютъ говори поздоровъ, гдѣ играютъ отзовись службой, а гдѣ развратъ лутче совсемъ не ходи.

По приказамъ легко узнаешь начальника.

Иной потому только храбръ, что не видалъ ничего опаснаго.

Хвастливый трусъ всегда впереди въ мирное время.

Онъ же въ мирное время наиболѣе говоритъ о своихъ подвигахъ.

Примѣтьѣ онъ же на словахъ болѣе рубитъ нежели милуетъ.

Часто недвижимая храбрость привешивается къ движимой трусости.

Отчаяніе и труса дѣлаетъ храбрымъ.

Офицеръ трусъ есть вооруженный мундиръ.

Храбрость есть бедственное титло, трудно его заслужить, и многіе лишаются жизни.

Лошадь не будетъ лутче, отъ богатова прибора, ни дуракъ умнѣе, отъ щегольскова мундира.

Ничто такъ не растроиваетъ, какъ карточная игра. Проигрышъ печалитъ, а выигрышъ доводитъ до излишнихъ удовольствій.

Лутчее удовольствіе есть душевное спокойствіе и когда человекъ доволенъ самъ собою.

Я видѣлъ что многіе за столомъ пьютъ вино чтоѣ лутче есть съ апетитомъ, напротивъ, видѣлъ и такихъ: которые для того только ели чтоѣ лутче пить съ апетитомъ.

Офицеръ которой съ перьваго знакомства начинаетъ говорить о своемъ имѣніи, связяхъ, знакомствѣ и проч: обыкновенно пустой человѣкъ.

Праздность рождаетъ скуку, скука заставляетъ употреблять горячіе напитки, а пьянство доводитъ до всѣхъ пороковъ.

Хотя и рѣдко и смѣшно, но я видалъ пьяницъ по правиламъ.

Пьяница безъ стыда, есть патентованный пьяница, съ привилигіей общаго презрѣнія.

С В на крестѣ святаго Владимира значитъ различно: у одного: смѣло воевалъ, у другова страхъ видѣлъ, у одного смѣло выпросилъ, у другова сами видали, у многихъ: счастіе вывезло.

Также у многихъ на золотыхъ саблях вмѣсто надписи за храбрость следовало бы написать: за непролитіе христіянской крови, у другихъ за страхъ Божій и любовь къ начальникамъ, найдутся и такіе с надписью—чужой храбростью и собственною трусостью.

На маневрахъ воображай себѣ что дѣйствительно въ сраженіи, а въ сраженіи представляй себѣ что на маневрахъ, симъ образомъ приучишь себя къ войнѣ.

Приучай слухъ къ звуку выстрѣловъ, глаза къ огню, руку къ смелому удару, и сердцѣ къ рѣшительности, симъ образомъ получишь возможное хладнокровіе.

Храбрость безъ разсудка, и разсудокъ безъ храбрости дѣлаютъ начальника только что смѣшнымъ.

Рѣшительность первое достоинство офицѣра, безъ нее солдатъ машина!

Иные люди имѣютъ иногда такую холодную физіономію что боишся на нихъ смотрѣть, чтобъ не простудить глазъ.

Надобно прежде оставить службу, нежели служба самого оставитъ.

Иные служатъ для службы а для иныхъ сама служба служитъ и такихъ я довольно знаю.

24 октяб: Начальникъ которой хвастаетъ что потерялъ въ сраженіи много людей и лошадей, оправдываетъ пословицу: „наша пашня и рыло въ крови".

Начальника не заслуживающаго своего мѣста точно такъ видишь какъ въ богатыхъ рамахъ мышь кота погребаютъ.

Нѣтъ ничего чувствительнее огорченія какъ отъ прозреннаго и облагодетельствованнаго человека слышать клевету и ругательство.

Истинной солдатъ никогда не судитъ о своемъ отечествѣ, какъ сынъ о своей матери.

Вода создана для рыбъ, вино для женщинъ, мадера для мужей, но ромъ и водка для однихъ героевъ.

Полкъ есть полка, на которой устанавливаются все худыя обстоятельства полковаго командира, эскадронные же командиры какъ подставки полки часто трещатъ отъ тяжести.

Есть пословица: служить такъ не тужить, но нѣтъ справедливее, кто служитъ тотъ тужитъ.

Непріятель безъ оружія то же что волкъ безъ зубовъ тотъ же щенокъ не стоитъ обращать на него вниманія.

Заочная брань хотя не предитъ но также надоедьетъ какъ лай собаки.

Человѣкъ которой судитъ о предмѣтахъ превышающихъ его разсудокъ, подобенъ слепому разсматривающему цвѣты.

Офицеру выбравшему военную дорогу и желающему быть отличнымъ, необходимы стратегія, тактика, предпримчивость, хладнокровіе и личная храбрость.

Полѣ сраженія не всегда щастливо для храбраго, какъ худая дорога для бегуна, награжденіе рѣдко бываетъ справедливо равно какъ и отзывъ людей за знанія и благоразуміе.

Есть много офицеровъ, отъ которыхъ терпитъ служба, но есть офицеры которые терпятъ отъ службы.

Первые молодые маркирующіе ево, вторые хорошо служащіе и неотличаемые.

Благоразуміе велитъ быть другомъ, если нѣтъ силъ быть недругомъ.

По моему тотъ истинной солдатъ, у котораго сердце и оружіе изъ одного здѣланы металла.

Холостая жизнь, всѣ равно: что жить въ холодной комнатѣ, хотя холодно, зато не угоришь и не выкинетъ изъ трубы. И не бойся пожара семейной жизни.

Худой солдатъ которой не думаетъ быть генераломъ сказалъ Суворовъ, и глупъ тотъ генералъ которой не боится быть солдатомъ сказку я.

Бойся молодой женщины и заряженной пушки, первыя можетъ взорвать, а вторую разорвать, и объ опасны.

Странный случай.
Военной разсказъ.

Происш: 1831 года.

Если позволено верить сверхъ-естественному, не подвергаясь названію суевера, в такомъ случаѣ гдѣ умъ человека не находитъ никакой натуральной причины въ открытіи, теряясь въ догадкахъ, то и за исключеніемъ множества старыхъ и новыхъ сему примѣровъ даже историческихъ, будучи солдатомъ безъ предразсудковъ, симъ опытомъ почти всѣмъ увѣрился, и предлагаю въ солдатскомъ разсказе сіе со мной приключеніе, но не хотя никого всѣмъ увѣрять, весьма бы былъ тому обязанъ, кто бы доказалъ мнѣ возможность сего случая.

Тринадцати лѣтъ я былъ уже солдатъ, душей и тѣломъ заклялъ себя сему званію. Маралъ усы пробкою, торжественно брячалъ шпорами, мучилъ себя и лошадей, и въ сихъ занятіяхъ находилъ свое блаженство, но скоро и рано познакомился я съ бурею и непастьемъ военной жизни. Рано пріучилъ слухъ мой къ свисту пуль и ядѣръ, а глаза къ крови и убійству,—на зарѣ жизни только проснувшіе чувства мои замерли, и грудь слелѣяла въ обязанностяхъ солдата, нарѣдка только, какъ солнцѣ въ утреннемъ туманѣ лучь чувствительности скользнулъ по юному сердцу, и порой пылкое воображеніе рисовало какіе-то неразъяснимые картины въ свѣтлой будущности розовою краскою; уже теперь мнѣ понятныя и разгаданныя но несвершившіяся.

Вошедши въ пылъ молодости, кипя мужествомъ, я жадно искалъ случаевъ къ отличію, и презиралъ смерть. Погасивъ последнюю искру чувствительности, я слилъ свое существованіе съ службой,ознакомясь со всѣми ужасами и трудами войны, окуренной порохомъ, в пыли на лихомъ конѣ, съ саблей и пистолетомъ, я былъ налѣтомъ уланомъ, хвала начальникомъ; уваженіе товарищей и любовь солдатъ, при полученныхъ мною отличіяхъ еще изъ чинѣ поручика, выводили меня изъ себя, стаканъ пуншу и выстрѣлъ непріятеля блескъ его сабли и поцѣлуй девушки, все было равно, открывать непріятеля или отправится на бытъ, я былъ жизнь какъ ртуть и готовъ былъ на всѣ решитца, словомъ для

меня было по пословицѣ: „жизнь копѣйка а смерть денежка!“ И что голова моя до сихъ поръ цѣла на плечахъ, то симъ конечно я уже не себѣ обязанъ.

Всѣ мои товарищи Г: Г: офицеры конно-польскаго уланскаго полка изъ 1813-м 1814-м и 1815-м годахъ потвердятъ сіе о поручикѣ: Г: К: и припомнятъ приданное мнѣ имя: я сіе для того пишу чтобы удостоверить что съ такимъ характеромъ трудно быть суевѣромъ.

Въ прошедшую компанію, противъ неугомонныхъ и задорныхъ нашихъ меньшихъ братцовъ поляковъ, гдѣ дерзость съ храбростію и безуміе съ мужествомъ были въ неровной борьбѣ,—я изъ чинѣ маіора служилъ въ Оренб: уланскомъ полку, послѣ разныхъ маршовъ и контръ маршовъ по Литвѣ, различныхъ кривыхъ и прямыхъ движеній по нѣмцѣ ея зикзулкамъ необходимыхъ въ такомъ случаѣ, безпрестанныхъ стычекъ; войны пьяной шляхты и пановъ полишинелѣй съ мощными москалями, послѣ множества по военному хотя смѣшныхъ, но кровавыхъ приключеній, послѣ обыкновенной бивачной жизни съ весельемъ ея и невеселъемъ, выгодами и невыгодами, натерпѣвшись трудовъ и скуки до нельзя, мы окончили сію траги-комедію виленскимъ дѣломъ, степенно провода Гелгута и опаленную пожарами и залитую кровью смиряя литовскую сумасбродницу; отправились сбивать польскую спесь.

Перейдя Неманъ, мы при всякомъ случаѣ по возможности обрѣзонивали поляковъ, и послѣ маріупольскаго имъ утѣшенія совершенно Пушета съ его десятью тысячами храбрыхъ спиртомъ, разношерстныхъ воиновъ, мнѣ крайнѣ не хотѣлось хотя и по вынужденію говорить польскимъ гостепріимнымъ красавицамъ комплименты: что я нимъ очень идѣтъ патріотической черной шляпъ по ихъ рыцарямъ, которыя висѣли по разнымъ мѣстамъ, доказывали что безусловная свобода отправилась на тотъ свѣтъ!

На конецъ мутная желтая Висла за нами, и кончина Польши уже слабеющей изъ смертной борьбѣ близка. Мы составили наблюдательный отрядъ на важномъ пунктѣ изъ местечкѣ Сохачевѣ,—изъ сосѣдствѣ гордой Варшавы, которая напоялась войсками и опоясавшись какъ поясомъ, тройнымъ рядомъ укрѣпленій, въ чаду буйства, грозно и решительно готовилась принять незваныхъ гостѣй!

Отрядъ нашъ былъ изъ 2-й бригады 1-й уланъ: дивизіи, драгунскаго короля Вюртенбергскаго пол: 6-го эскадрона лейбъ гвардіи казачьяго полка и съ конною артилеріею, подъ командою генералъ лейтенанта князя Хилкова.

Я во всѣ время сей компаніи бывши въ своей стихіи, былъ доволѣнъ какъ рыба и свободѣнъ какъ птица, пилъ ѣлъ и спалъ по возможности какъ нельзя лутче, и словомъ наслаждался всѣмъ и когда могъ,—время было прекрасное, погода благопріятствовала, и мѣсто сухое и подлѣ рѣки (Бауры) стало быть нельзя было умереть ни отъ жажды ни отъ жару, Сохачевъ былъ близко и которомъ съ денгами не было скучно. Однажды возвратясь изъ порученной мнѣ

немаловажной экспедиціи противъ непріятеля и выполненной мной удачно—я добивалъ день, какъ обыкновенно по военному, поваливаясь на снѣжемъ сенѣ когда наѣхетилъ меня соседъ мой по бивако-бургу добрый почтенный полковникъ В-нъ с нескольками офицерами. „Здоровъ ли сѣтлѣйшій!“ (онъ шутя меня такъ называлъ.)

Я былъ посылант по приказанію фельдмаршала съ 2-мя эскадронами рекогносцировать правой берегъ Вислы и г: Плоцкъ.

Если у тебя старая водка, а ужь надоѣли польскіе васпаны съ ихъ колбасами и съ венгерскимъ, пора бы и конецъ мазуркѣ: Нашъ Хлопицкій и протчі и офицерская веселость с военной остротой часто размачиваемая пуншемъ и протчими жидкостями полилась. Бивачной ужинъ въ полномъ смыслѣ а ля фурветъ, не гледи на невольныя слезы отъ дыму огнѣй целаго отряда съ десертомъ трубочныхъ облаковъ скрыли отъ насъ время и вечеръ; и окончивъ нашъ жуисанісъ въ ночныхъ тенях отвечиваемыя огнями—всѣ въ обыкновенномъ веселомъ ночномъ видѣ разошлись; и я будучи русскимъ хозяиномъ, завернулся в шинель, нырнулъ въ бивакъ и безаботно заснулъ.

Но сонъ мой не былъ сонъ обыкновенной! Явственно и живо съ печальнымъ лицѣмъ стоялъ предо мной убитой мой унтеръ офицеръ Ефимовъ. „Здѣсь квартира вашего высокоблагородія“, сказалъ онъ мнѣ! Я взглянулъ, и чтожъ представилось мнѣ? Квадратная, маленькая, сырая и холодная земляика, обложения новыми досками съ тремя маленькими окошечками,—я оборотился к нему и будучи весьма недоволенъ противъ обыкновенія выраженія военнаго негодованія, сказалъ ему только сухо: „спасибо братъ и не намеренъ въ этой квартирѣ расположится“. Онъ взглянулъ на меня неизъяснимо горестно и видѣніе переменилось.

Казалось мнѣ—что я слышалъ торжественную музыку, въ многочисленномъ собраніи неизвѣстныхъ мнѣ военныхъ людей, мнѣ кемъ то принесенъ былъ крестъ осмиугольной каменной разныхъ тусклыхъ цвѣтовъ и необыкновеннаго формата! По мерѣ того какъ я его разсматривая говорилъ: что в петлицу онъ великъ, на шею тяжелъ, разнѣ повесить на спину! Крестъ увеличивался и превратился совершенно въ надгробной!.... Я по тяжести и чувствуя какое то к нему отвращеніе бросилъ его, онъ съ громомъ распался, собраніе обратило на меня взоры, торжественная музыка переменилась на трубные звуки на трубахъ нашего полка!!! Сей странной сонъ живо врезался въ моей памяти. Я не былъ никогда изъ последователѣй таинственности, но во всѣ время моей удалой службы, въ смертельныхъ крайностяхъ я всегда щастливо отдѣлывался и никогда не былъ раненъ, и вспомнилъ пословицу о кувшинѣ и водѣ, и невольно въ ожиданіи скораго штурма Варшавы подчинилъ себи какому-то мрачному впечатлѣнію, и сидя на седлѣ печально пилъ утренній бокалъ пуншу, покручивая усы и глядя себѣ на носъ.

„Здорово братъ Павелъ!“ былъ утрѣшій привѣтъ моего вернаго пріятеля маіора Б—ва, но удивясь моей мрачной неподвижности, что не мнѣ было странно, онъ спросилъ меня о причинѣ, и я любя его душевно вдѣлалъ ему мой разсказъ,— онъ невольно помолчавъ сказалъ мнѣ, что это пустяки, но довольно сурьезно и задумчиво. Вскорѣ лучи яркова солнца по возможности хорошій обѣдъ съ приправой чистосердечія насъ развеселили и въ веселомъ живомъ разговорѣ я забылъ и сны и предчувствія; мы разспались онъ пошелъ въ свой бивакъ приглашая меня на вечеръ а я докуривъ трубку прилегъ подкрепитца солдатскимъ сномъ.... Какъ онъ быстро возвратился въ сопровожденіи моего эскадроннаго вахмистра. „Вставай братъ сей часъ походъ, и завтрѣ штурмъ Варшавы!“ Слова его были молніей ударившей мнѣ въ сердце и живо возобновили сонъ и печальное мое предчувствіе, я удивлялся сему необыкновенному для меня чувству, но скрылъ в себѣ, и получа отъ моего вахмистра подтвержденія сказаннаго, я отдалъ нужныя приказанія по эскадрону, хладнокровно одѣлся и приготовился въ бою. Сохачевъ отъ Варшавы былъ въ 7-ми миляхъ и мы по приказанію фелдмаршала должны были поспѣть на штурмъ къ 3-м часамъ утра, стало быть намъ предстоялъ ночный походъ.

Чрезъ полчаса раздалась команда: полки сели на лошадей, выстроились, и отрядъ двинулся. Сохачевскій мостъ прогремѣлъ подъ ногами бодрыхъ освежившихся коней флигера развевались вечернее солнцѣ блистало на оружіи громкой веселой маршъ на трубахъ оживлялъ всѣхъ мы прошли Сохачевъ и шибко потянулись по прекрасному шосеѣ къ Варшавѣ. Всѣ вскипѣло мужествомъ, казалось завтрѣ каждаго ожидалъ торжественный веселый праздникъ, офицеры передавали свои чувства солдатамъ, и электрическій огонь мужества бѣжалъ по рядамъ, никто не думалъ о утреннемъ ужасѣ и гибѣли.

Между тѣмъ день свечерѣлъ, заря догарала, жеребецъ мой рисовался и прыгалъ, но какая то тяжесть щемила мое сердцѣ и какъ камень лежала на немъ. Послѣ короткаго ночнаго привала около мѣстечка Блони, гдѣ мы подкрепили себя и лошадей, мы опять быстро пошли впередъ, холодной ночной вѣтеръ и усталость прекратили обыкновенной походной говоръ, стукъ подковъ, легкій шумъ оружія и изрѣдка голосъ разговора или команды только прерывали тишину ночи. Я почувствовалъ озноб, надѣлъ шинель въ рукава и подправилъ мои эполѣты. Между тѣмъ передали приказъ подходя къ Варшавѣ сохранить наивозможную тишину, даже не курить трубокъ,—и вотъ необозримый рядъ огнѣй багрившихъ небо, какъ великолѣпная иллюминація открыла нашу армію, которая какъ огненный змій обвила мятежную Варшаву—вездѣ было тихо и покойно какъ въ могилѣ, это была тишина Вешуія передъ изверженіемъ. Мы взяли совсѣмъ противное направленіе въ лево и въ темнотѣ соединясь съ колоннами гусаръ спѣшились. Тутъ я узналъ что мы противъ самыхъ укрепленій *Воли*,

между тѣмъ какъ вниманіе буйныхъ чадъ революціи было обращено на пустые огни. Разсвѣтъ уже былъ недалеко и мы по отданному намъ приказанію всѣ одѣлись въ парадъ и наши пики украсились новыми флюгерами, чтобъ при смертоносныхъ фортопьянахъ канонады распить с поляками последнюю чашу смерти и железной русской грудью разгромить укрепленія, которыя всемъ что военное искуство, умъ, отчаяніе и дерзское мщеніе могли придумать, были одѣты. Я хотѣлъ воспользоватьца несколькими минутами можетъ быть последняго моего земнаго покоя, мнѣ постелали въ бороздѣ между полосъ, подлѣ моего эскадрона кожу, на нее подушку и я еще ощупавъ и поправивъ мои эполѣты обвязался шалью, положа подлѣ себя киверъ и трубку легъ какъ в люльку в землю неминуемую нашу общую постелю, и въ минуту заснулъ, но недолго покоился,—меня разбудили!

Алая заря чуть показывалась изъ сумрачнова отдаленіи, густой туманъ тяжелымъ облакомъ лежалъ на Варшавѣ, покрывалъ насъ и окрестности, казалось въ семъ туманѣ носилась смерть и гибель и прикрывшись имъ гибель с нимъ вместѣ, жадно кровавыми глазами смотря на свои жертвы,—казалось свѣтъ и солнце неохотно хотѣли освѣтить сей день ужаса и разрушенія. В мгновеніе все пришло въ движеніе, мы бросились къ лошадямъ и уже по возможности различать предметы услышали команду садись; я быстро оправился отзадѣлъ саблю и пистолѣты, послалъ вадохъ и самъ не знаю кому, повторилъ моему эскадрону команду садись, сбросилъ шинель и вложилъ ногу в стрѣмя чтобъ сесть на моего жеребца котораго съ трудомъ держали мои ординарцы Исаевъ и Карповъ—какъ услышалъ несколько голосовъ что и безъ эполѣтъ!... Вообразитѣ мое удивленіе! ихъ точно не было! Тогда какъ я ложась ихъ ощупалъ, обвязался шалью, не сходилъ с мѣста равно и ко мнѣ никто не приближался и лежалъ въ бороздахъ не болѣе получаса завернувшись шинелью, знаковъ никакихъ не было чтобъ они оторвались. Просто по неизъяснимо они начезли,—изумлялца мнѣ было нѣкогда и велелъ моему человеку которой разинувъ ротъ крестился, какъ наиспешнѣе достать другіе эполѣты. Между тѣмъ какъ сіе делалось я я горѣлъ нетерпѣніемъ, войска въ густыхъ колоннахъ двинулись а с ними и нашъ полкъ, осадная артилерія была уже въ переди, съ громомъ прошла рысью и полевая, минута ожиданія и тишины, еще минута, вотъ выстрѣлъ! другой!... окрѣстность надрогнула и земля застонала отъ адскаго грома орудій,—гулъ и грохотъ артилерій, туманъ, пыль и густый черный дымъ скрыли свѣтъ и въ семъ гробовомъ мракѣ только видны были ближніе колонны войска обвитыя имъ какъ трауриымъ плащемъ, блистающія молніи выстрѣловъ, лопающія гранаты и свистящія конгревовы ракеты отвечивали сію незыразимую картину какъ похоронные факелы погребенія всѣхъ чувствъ человечѣства. Первые залпы были ужасны и смертоносное гибельное действіе непріятельскихъ картечь въ рядахъ

приближавшихся нашихъ колоннъ въ минуту представило кровавыя сцѣны убійства въ различныхъ видахъ!

Наконецъ этотъ мои привязали, я стоялъ всѣ сіе время безъ сертука, и изъ проходящихъ впередъ войскъ многіе офицеры спрашивали не раненъ ли я,— мгновенно одѣвшись я вскочилъ на моего жеребца, шпоры! и понесся вихремъ въ сопровожденіи моихъ ординарцовъ къ полку. Малая дистанція и я въ пылу сраженія, несколько ядеръ просвистали мимо меня, яростный глухой крикъ ура! ударилъ мнѣ въ уши, раздались ружейные залпы, батальной огонь загорѣлся и быстрая светлая рѣка стальныхъ штыковъ заблистала и полилась! Это наша пѣхота ударила на штурмъ! Я отъ души и сердца сказалъ „помоги Господи нашимъ". Мнѣ нѣкогда было тутъ думать о предчувствіяхъ, я забылъ все, сердцѣ мое сказалось, глаза налились кровью! и я выхватилъ мою саблю, дышалъ мщеніемъ и убійствомъ, долгъ и обязанность русскаго штабъ офицера, отличіе или славная смерть, вотъ были мои мысли! Съ мгновеннымъ воспоминаніемъ о матушкѣ съ порученіемъ себя Богу, я заключилъ сіе крестомъ моего ефеса,—я проскакивалъ мѣжду колоннами пехоты и кавалеріи, полѣ покрыто было убитыми и ранеными, я увидѣлъ свой полкъ въ 1-й линіи на левомъ флангѣ, онъ былъ подъ силнымъ огнемъ и шелъ на высяхъ въ боевомъ уже порядкѣ прикрывая 7-ю батарейную роту и несколько пехотныхъ колоннъ. Я прискакалъ предъ свой эскадронъ, и мнѣ казалось что я съ своими ближними родными! Нѣтъ это чувство непонятно для тѣхъ которые не разлучались съ своими товарищами и подчиненными во время боя! Свистѣ ядеръ во всѣхъ направленіяхъ раздиралъ воздухъ, гранаты лопались, конгревовы ракеты шипѣли поверхъ нашихъ головъ и унылой звукъ роговъ пехоты съ ихъ барабанами составляли ужасную музыку.....

Мы стали на позицію. Батарея наша открыла огонь. Гудѣ ея ядеръ потрясавшихъ даже у насъ мозгъ, честь ей и слава за успѣшное и храброе дѣйствіе принудили отступить непріятельскую пехоту и кавалерію которую намъ было должно атаковать сквозь тучу пуль и картечь! И обратимъ на себя дѣйствіе непріятельской артилеріи дало намъ несколько вадохнуть свободно. Предъ нами грозно хмурилось укрепленіе, пламенѣя огнемъ, и рѣчь его орудій представлялъ его чудовищемъ вызваннымъ изъ ада мщеніемъ поляковъ!

Мы опять начали наступленіе маневрировали вправо влево по люди и лошади налились! Полкъ шелъ храбро и решительно, презирая смерть какъ самоотверженной сынъ отечества, жертвуя своими членами, достойными уваженія своихъ соотечественниковъ. Взглянитъ наша сихъ молодыхъ офицеровъ еще впервые въ столь жестокомъ огнѣ, ихъ ожидала прелестная будущность, юные надежды они хладнокровно всѣмъ жертвуютъ, отечеству и званію русскаго дворянина, и я по правдѣ стараго салдата, окрепнувъ въ бояхъ горжусь оренбургскимъ мундиромъ.

Подаваясь всѣ впередъ, мы миновали взятыя окопы, нашъ левый флангъ приближался къ грозному укрепленію и действія косвенныхъ выстрѣловъ по близости были ужасны. Приведу впримеръ одинъ ударъ ядра пришелъ въ мой эскадронъ прошелъ сквозь шесть шей лошадей постепенно выше и положилъ ихъ на мѣстѣ какъ стояли во фронтѣ разорвало грудь у одного улана за нимъ у другова оторвало руку с плечемъ и съ третьяго сорвало шапку пронеслось во вторую линію гдѣ еще положило двухъ человѣкъ вотъ каковы были выстрелы варшавскіе!

Храбрый капитанъ Шпилевскій съ своею 12-и колонною ротою выехалъ впередъ и не гледи на невыгодную позицію почти на картечный выстрѣлъ открылъ огонь по укрепленію но борьба была неравна и рѣшительна и 12 рота много потерпѣла, такъ мы бились до вечера.

Излишнѣ считаю описывать всѣ ужасы сего штурма всемъ известнаго съ его следствіями—хотя и видѣлъ сообъ гла: штурмъ Воли первьой и важнейшій пунктъ укрепленій Варшавы, гдѣ какъ я сказалъ мы были въ 1 линіи на левомъ флангѣ. Излишнѣ повторять непреоборимую храбрость нашихъ войскъ оказанную въ высшей степени неподражаемости, и отчаянную ярость поляковъ, гибель тысячи храбрыхъ съ обеихъ сторонъ, варыны минъ и с ними смерть цѣлыхъ баталіоновъ, шипенье града картечь и дождь пуль! Смерть вездѣ и въ тысячи видахъ, геройство и рѣшительность храбрость и дерзость, я былъ подъ Кульмомъ, Лейпцигомъ и Парижемъ, но не забуду и штурма Варшавы! Короче день сей кончился я остался живъ и не раненъ по прежнему хотя мой эскадронъ потерпѣлъ и больше другихъ людми и лошадьми.

На другой день 26-го августа до 1-го часа всѣ было покойно. Но въ 2 часа кровавыя сцѣны безумія поляковъ и верныхъ долгу и чести росіянъ возобновились, но уже очаровванный поясъ Варшавы усаженный орудіями и украшенный русскою кровью былъ снятъ и Варшава по примеру кровнаго брата своего Парижа повергласъ въ стопамъ россійскаго монарха.

Былъ 10-й часъ ночи, мельницы пылали и освещали оставлѣнное полѣ битвы и растерзанные трупы людей и лошадей, въ предмѣстіяхъ еще горела сильная перестрѣлка и русское ура гремѣло! Полики изъ Праги черезъ Вислу на удачу бросали въ насъ гранаты и ракеты, наконецъ Варшава издала послѣдній стонъ потерянной свободы! и бой затихъ, колонны отступили и расположились для покоя— когда меня вызвали съ эскадрономъ и козаками держать передовую цѣпь хотя я былъ изнуренъ какъ и другіе но въ службѣ нѣтъ отговорокъ! Привычка къ смерти делаетъ человека и въ смертельной опасности равнодушнымъ и хотя польскіе стрѣлки открыли огонь но въ совершенной темнотѣ на удачу, и я спокойно разставилъ одинъ полуэскадронъ съ помощію храбраго моего поручика И: которой больной с трудомъ держась на лошади былъ въ делѣ а другой полуэскадронъ съ поручикомъ Л: подкреплялъ 1-й. Мы не гледи что непріятель на носу

выпили закусили и проспали такъ спокойно на сырой холодной землѣ какъ нельзя лутчѣ.

Теперь обращаюсь къ моему приключенію. Конечно сонъ и потеря эполетъ не есть важное произшествіе и естли кто ожидалъ гораздо больше то прошу меня извинить, но сообразивъ сіе съ обстоятельствами есть какая то странная связь, угрожавшая мнѣ гибелью, но изъ доказательство суевѣрамъ особенно военнымъ что сіи предчувствія не всегда справедливы! Впротчемъ исчезнувшіе эполеты безъ всякой возможности, загадка! И для меня непонятимо—отъ кого же мнѣ достались сіи эполеты..... Это тайна!..... И я молчу чтобъ не заставить себя почитать суевѣромъ.

Соч: П: Г: К: 1833 Го.

Эполеты сіи проданы мнѣ человекомъ по М: М: у: п: бедст: поч: подъ М: Со:

Сонъ.

Я видѣлъ сонъ!... который не совсемъ былъ сонъ!...

Л. Байронъ.

Казалось мнѣ что изъ вышину эфира
На крыльяхъ бурь, я смѣло возлетѣлъ,
И съ вышины я зрѣлъ пространство міра,
Зрѣлъ сонмы звѣздъ.... Творенія предѣлъ!...
И изъ сонмѣ томъ родимый шаръ катился,
На немъ и я когда то обиталъ!...
Тамъ я любилъ, надѣялся, томился,
И мигъ одинъ предъ вѣчностью страдалъ....
Летала ночь надъ спящею вселенной,
И стройно міръ плылъ изъ небѣ голубомъ....
Но часъ насталъ!... Судьбой опредѣленной
И надъ землей, последній грянулъ громъ!...
Изъ грозныхъ тучь, зміями молніи вились,
И чорный лѣсъ пожаромъ запылалъ;
Гранитныхъ горъ громады сокрушились,
И океанъ взревѣлъ!... заклокоталъ!...
Еще ударъ..... и солнцы догорѣли!...
Угасъ огонь пылавшій изъ небесахъ!....
Лишь кое гдѣ остатки жизни тлѣли,
Клубился дымъ.... и вѣтръ развѣялъ прахъ!...
Ужасенъ видъ природы разрушенья;

Стихіи всѣ сравнились межъ собой;
Я сталъ одинъ, среди уничтоженья,
Былъ оглушенъ!...могильной тишиной....
И тщетно взоръ искалъ еще творенья,
И тщетно онъ пространство прелѣталъ,
Ни звука нетъ, ни жизни, ни движенья,
И я одинъ въ пустынѣ возсталъ!.....

Романсъ.

Рѣките вѣтры на горахъ,
Бушуйте буйные въ долинахъ;
Въ туманныхъ сѣвера поляхъ,
И юга пламенныхъ равнинахъ,
Гласъ бури душу нѣсолитъ,
Люблю я вѣтра завыванье,
И въ немъ мнѣ что-то говоритъ
Забудь любовь и упованье.
Другимъ, въ лазурныхъ небесахъ,
Звѣзда любви горитъ желаньемъ;
А я, въ мятеляхъ и снѣгахъ,
Лишь нѣселъ бури завыванъемъ.

Къ . . . . . .

Вы очень милы, вы любезны,
Васъ невозможно не любить,
Кто васъ увиделъ, безполѣзны
Тому стараньи васъ забыть;
Движенья стройныя, живыя,
Волшебный голосъ, разговоръ,
Небрежно кудри завитыя
И полный жизни милый взоръ;
Природа всемъ васъ одарила,
Чтобъ очаровывать сердца....
Душою нѣжной наградила,
Счастливы будьте до конца.

Къ . . . . . .

Невозвратно очарованъ
Блескомъ пламенныхъ очей;
Я душой на вѣкъ прикованъ
Къ деньѣ, радости моей.

Очи черныя горятъ,
Въ нихъ огонь любви пылаетъ,
Они сердцу говорятъ,
Все чего душа желаетъ.

Не говори мнѣ, я люблю,
Любви я вѣрить ужъ не буду,
И сердца вновь не погублю,
И щастье прежнѣе забуду;
Давно твой другъ оледѣнѣлъ,
Давно онъ умеръ для желаній,
Таковъ судьбы его предѣлъ,
Жить безъ надежды, для страданій....
Весны златой не возвратить!...
И одинокій, и унылой,
Живу лишь только, чтобъ сложить
Скорѣй печали—за могилой.

Когда настанетъ часъ торжественный священный,
И духъ мой воспарить, оставивъ свѣтъ сей бренный,
Какъ легкій, тонкій паръ, явлюсь я предъ тебя,
Не въ полночь тихую, но днемъ узришь меня;
Безплотный, свѣтлый духъ, безсмертью обреченный,
Прости сказку тебѣ, мой другъ неоцененный,
Я въ жизни пламенно одну тебя любилъ.
И чувства все мои тебѣ я посвятилъ,
Но сердца твоего мой голосъ не коснулся,
Я жизнь какъ сонъ забылъ,..... и въ вѣчности проснулся.

Люблю внимать я арфы звукъ унылой
Согласенъ онъ съ душевною тоской
Бряцанье струнъ волшебной, тайной силой
Волнуетъ духъ гармоніей святой

Бегутъ персты по струнамъ сладкозвучнымъ
И мнится мнѣ, что въ мірѣ я другомъ
Лечу душой къ странамъ благополучнымъ,
Безсмертнымъ гдѣ воздвигнуть свѣтлый домъ.
И молча я на длань главу склоняю
И взоръ вперивъ на милые персты
Прошедшихъ дней вѣсну воспоминаю
Роятся вновь прекрасныя мечты
И мнится мнѣ что Ангелъ Утѣшитель
Съ высотъ небесъ на землю нислетѣлъ
И что ему могущій Вседержитель
Меня въ тоскѣ утешить повѣлелъ.

На мечь булатный опираясь,
Уланъ задумчивый стоялъ,
Надолго съ родиной прощаясь,
Кудрявый усъ крутя сказалъ:
Простите вы поля родные,
Простите холмы и лѣса
Текли здѣсь смирно дни младые,
Здесь были ясны небеса.
Быть можетъ долго не увижу
Прозрачныхъ струй реки родной,
Певцовъ пернатыхъ не услышу,
И зарастетъ мой садъ травой;
Быть можетъ рокомъ осужденный
Не возвращаться никогда,
Паду со славой пораженной,
Но васъ воспомню и тогда!....
Раздастся трескъ трубы военной,
Ретивый конь мой заржитъ!...
И всадникъ славой вдохновенной,
На пиръ кровавый полетитъ.
Лишь тамъ я снова весель буду,
Тамъ снова сердцѣ оживетъ
И въ битвахъ васъ я не забуду,
Когда последній часъ придетъ.
Цвѣтите рощи украшайтесь!...
Не увядайте никогда,

Съ нѣсною жизнью наслаждайтесь,
Вы будьте нѣселы всегда.
А я съ тоской въ душѣ глубокой,
Въ другой ужъ разъ не расцвѣту,
И грустный, сирый, одинокой,
Конецъ я горестямъ найду.

A elle.

Elle est l'idole de ma vie,
Je l'aime du fond de mon coeur,
Pour elle je respire et je prie,
Elle est mon amour, mon bonheur;
Dieu! qu'elle est douce et jolie!...
Que j'aime l'éclat de ces yeux,
Mais quand elle sera mon amie
Alors je l'aimerai encore mieux.

Глажу хладнокровно я въ синюю даль
Туманомъ ложится на душу печаль;
Я вспомнилъ былое, я вспомнилъ тѣ дни,
Какъ въ сердцѣ горѣли восторги одни;
Я деву младую когда-то любилъ,
И радость, и щастье, все съ нею дѣлилъ!...
Въ очахъ ея ясныхъ сіяла душа,
Какъ лилія Зива была хороша,
Какъ стройная пальма въ долинѣ цвѣла,
Какъ чистый лучь солнца была нѣсела;
Но дева младая пленилась другимъ,
И нетъ ужъ отвѣта восторгамъ моимъ!...
Бывало я шумно, я нѣседо жилъ,
Друзей, удалыя бесѣды любилъ;
Но все миновалось, и сонъ улетѣлъ!...
Таковъ мой угрюмый, мой мрачный предѣлъ;
Съ тѣхъ поръ я тоскую, съ тѣхъ поръ одинокъ,
И вяну какъ бурей убитый цвѣтокъ.

Ужасный призракъ удались!
Почто блестятъ такъ страшно очи
Во глубинѣ безмолвной ночи

Ты мнѣ ужъ болѣ не кажись!
Ужасный призракъ удались!
Меня твой взоръ не ужасаетъ
Въ твою могилу возвратись!
Тамъ смерть добычу ожидаетъ!...
Ужели мнѣ тебя страшиться,
Когда и некогда любилъ;
Увы но жизнь не возвратится
И я давно тебя забылъ!...
Почто грозишь ты мнѣ перстомъ
Я надъ угрозами смѣюся!
Давно ты спишь могильнымъ сномъ
И тоже смерти не боюся!...
Ужасный призракъ удались!
Зачемъ блестятъ такъ страшно очи
Во глубинѣ безмолвной ночи.
Ты мнѣ ужъ болѣ не кажись!
Ударилъ часъ безмолвной полуночи,
Гудитъ еще, печально въ тишинѣ,
Могильный сонъ мои смыкаетъ очи,
Но нетъ уже отрады мнѣ восвѣ.

Какъ эта ночь стыднивъ и томенъ
Очаровательный твой взоръ
Какъ эта ночь прелестно теменъ
Съ тобою нѣжной разговоръ
Какъ мысли творческой созданья
Какъ сладострастная мечта
Свѣтла полна очарованья
Твои дѣвичья красота.

Съ минуты нашего свиданья
Мои пророческіе сны
Мои кипучія желанья
Все на тебя устремлены
Ты мила прекрасна
Какъ пламенны твои уста
Какъ безгранично сладострастна
Твоихъ объятій полнота.

Не на твоей груди перловой
Моя вздремлетъ голова.
Не ты отдашь мнѣ жизни новой
Родныя чувства и слова.
Когда же такъ какъ я любить не можешь
Зачемъ же сердцѣ юное тревожишь
Блистаньемъ зеркальныхъ очей
Холоднымъ говоромъ рѣчей?

Памятныя записки В. И. Алтуфьева.

Памятные домашнія записки.

Василія Ивановича Алтуфьева.

Веденныя съ 1785-го года въ разное время изъ Москве, Ростове (на Дону), Кременчуге, Вилне, и Раздоле.

1785 годъ.

Городокъ Данковъ Резанской губерніи расположенной при берегахъ реки Дона по теченію на правой сторонѣ истокъ же впадающей изъ него речки Ягодни при устье которой находится Покровской мужской монастырь въ близи онаго вишъ по теченію Дона вправо въ линіи недалеко отъстоящей приходской деревянной церкви Успенія Богоматери, на прекрасномъ возвышенномъ мѣстоположеніи существовалъ родителскій домъ, вотъ моя родина; какъ я с младенчества началъ помнить. При родителяхъ нась было пять сыновей и дѣ дочери, но старшій не превышалъ 16-ти летняго возраста, старшія учили младшихъ, при доме были дворовыя люди, батюшка былъ при должности по службе в семъ городе, было много родственниковъ со стороны матѣри, имѣлась земляная дача въ общественномъ владеніи, въ слободе Сторжевой, при хуторѣ Яншеньемъ въ 5-ти верстахъ отъ города за рекою и крестьянами обработываны были земли.

1786-й годъ.

Въ семъ году въ легнѣе время я отпущенъ былъ изъ дому родителекаго ими, въ Тамбовъ отъстоящей во 170 верстахъ отъ Данкова къ крестному своему отцу бывшему тогда экономіи директоромъ Антону Михайловичу Аничкову ко-

торымъ по прибытіи туда я былъ принятъ въ старомъ деревянномъ доме занимаемомъ имъ на берегу реки Цны онъ по службѣ окруженъ былъ пышностію и всегда на должности уважаемъ наровнѣ съ губернаторомъ въ семействѣ своемъ имѣлъ жену Сарру Даниловну не какого то богатаго купеческаго дома трѣхъ дочерей Варвару Анну и Елисаветту славящихся красотою и почти всѣхъ нѣвесть и одного малолетнаго сына Александра, при конхъ содержалась толстая мадамъ француженка и множество прислуги именіе ево состояло изъ 150 душъ въ Шацкомъ уѣзде. Чрезъ неделю по моемъ прибытіи въ домъ сей онъ видя малолетство мое какъ видно не надеясь на домашнихъ своихъ занимающихся одними жизненными веселостями въ попеченіи обо мнѣ и воспитаніи былъ занятъ самъ подобными и хлопотами по должности предоставилъ меня къ содержанію одному своему чиновнику Мещарекову въ домъ коего я препровожденъ былъ онъ человѣкъ хорошей и обо мнѣ вѣсма пекся можить въ угодность своего начальника, онъ имѣлъ свой домъ а въ семействѣ жена ево неменѣе мужа обо мнѣ пекшаяся малинкой ихъ дити, и сестра ее девица. Вскоре мнѣ велено ходить писать въ губерское правленіе и я былъ записанъ на службу во оное, я не понималъ какія отношенія были обо мнѣ Г. Г. Аничкова съ Мещаряковымъ но помнится родитѣль мой не очѣнь былъ симъ довольнъ но не тѣрпя продолженія службы и чтоѣ лутче способствовать отъ нѣго взялии переведѣнъ я былъ въ Лебедянь гдѣ учился въ уѣздномъ суде 1787-й годъ на содержаніи родительскомъ въ домѣ купца Сисина подъ руководствомъ чиновника Каленкина, отъ куда вторично не помню по какому случаю отъпраленъ въ Тамбовъ, и записанъ по службе въ каменную палату.

1788-й годъ и далѣе 1789, 1790, 1791 и 1792 годы.

Въ сѣмъ году родитѣль проезжая чрезъ Тамбовъ къ должности въ городъ Кирсановъ взялъ меня съ собою. Мы прибыли туда лѣтомъ и къ осени и отъпраленъ былъ за семействомъ въ Данковъ. По возвращеніи со онымъ въ болезни ему приключившейся описанной на 16 странице, скончался.

Послѣ кончины его оставшаяся родитѣлница повержена была въ горесть и отягченная семѣйствомъ при проезде своемъ чрезъ Тамбовъ обратно въ Данковъ въ домъ свой оставила меня вторично у Г-на Аничкова жившаго тогда в своемъ доме на рѣчѣ близъ каменной церкви недалеко отъ базара, и обо мнѣ сначала попеченіе имѣли полутчѣ прежняго, такъ что мадамъ сама по добротѣ своей вызвалась кое чему поучивать меня, но я службою своею изъ губерискаго правленія переведенъ былъ въ казенную палату гдѣ начальствовалъ Г-нъ Аничконъ и мнѣ приказано было задить вместѣ с нимъ къ должности въ директорскую сей палаты экспедицію мнѣ положено было изъ казны жалованье въ годъ

60 руб. но я ево не получалъ а секретарь изъ духовнаго званія Алексей Харитоновъ бралъ оное себѣ и отъ Аничкова приказано ему давать мнѣ на надобности, но надобности были безпрерывныя не въ однихъ дѣнгахъ но въ попечителѣ и благодетелѣ надъ сиротою малолѣтнымъ, которой бы видѣлъ и наблюдалъ за его положеніемъ ать ли онъ севодни обезпечена ли жизнь в содержаніи одѣтъ ли объмытъ ли. Я уже говорилъ что Аничковъ крестной мой отецъ занимался тщеславіемъ и пышностію семейство ево еще болѣе балы и удовольствіи и такъ первой годъ моей у него жизни кое какъ протѣкъ у меня было еще свое платье и белье оставленное мнѣ родителницею на второй годъ онъ подарилъ мнѣ свой алый мундиръ с переделкою на ростъ мой и бывъ въ удовольствіи надѣлъ ево въ первый разъ гордясь своею службою онъ бралъ меня съ собою на казенный бывшій подъ веденіемъ ево называемый Кутлапскій винокуренный заводъ отъ города Морши въ 17 вѣрстахъ состоящій где мы пробыли почти все лѣто 1789 года по пріездѣ отъ туда опять принялся за то же. Меня требовали къ должности чтобъ я каждый дѣнь при нѣй находился, надобности мои умножались я вѣчь обносился бельемъ и платьемъ сія нужда побудила меня явится въ домъ секретаря Харитонова съ прозбою денегъ изъ моего получаемаго имъ жалованья но онъ принялъ ее съ большимъ неудовольствіемъ и досадою дѣлая мнѣ выговоры, зато чево я разумѣть не могъ, напослѣдокъ далъ мнѣ пять рублей и я получа оныя былъ радъ для того что с нимъ разстался боясь ево какъ своего по службѣ начальника. На денги сіи я купилъ себѣ сапоги вотъ награда двухъ лѣтъ жадность секретаря и подлость поступковъ ево съ сиротою, я не зналь что онъ ищетъ моего содержанія говорилъ Аничкову. Однако я имѣя с природы какое то чуствю гордости стыдился надалѣе прибѣгать къ нему съ прозбою, и терпѣлъ во всѣмъ ужасный недостатокъ и Харитоновъ молчаніемъ моимъ былъ доволенъ; нѣ могу безъ содраганія вспомнить о горести, до какого положенія я доведенъ былъ, Аничкова домъ зделался мнѣ противнѣнъ обо мнѣ забыли и сряду по месяцу мѣ бывалъ в нѣмъ на сироту посторонняго смотрѣли в нѣмъ косо. Я оставался безъ всякаго призренія и блуждалъ такъ сказать по дуновенію вѣтра таковое изнуреніе постигнуто болезнію я страдалъ целое лѣто жестокою лихорадкою Боже всемогущій не попусти людямъ быть жестокосердыми, никто ко мнѣ не обращалъ вниманія смыслу моего еще не достало къ извлеченію себя изъ такоаго горестнаго положенія мать моя обнадеживалась попеченіемъ на Г. Аничкова по отдаленности жива ничево его не вѣдала. Такъ протѣкъ 1790-й годъ но неожиданнымъ случаемъ я назьначенъ былъ столоначальникомъ Г. Михѣемымъ у коего я въ командѣ былъ по директорской экспедиціи онъ замѣчая мое послушаніе и трудолюбіе, и видя въ лице моемъ бледность и телесное изнуреніе довѣлъ сіе до сведенія Г-на Аничкова онъ устыдился, неся званіе моего попечителя, своему невниманію, краснѣлъ, меня призвали осмотрѣли, онъ обращалъ

вину на секретаря своего Харитонова тотъ оправдывался я молчалъ не вѣдая ихъ прикосновенности но только того же дня тѣмъ добродетѣльнымъ человекомъ Михѣемымъ взятъ я былъ въ домъ ево где былъ тотчасъ объмытъ объчесанъ получилъ свежіе белье состоніе котораго дотого одна вѣрхняя вѣтхая одежда закрывала. Недели съ двѣ я у нѣво въ доме прожилъ мнѣ говорили какой я зделался хорошинкой мальчикъ, я представленъ былъ Аничкову, тотъ ево благодарилъ но добродушіе Г-на Михѣева остается всегда у меня въ памяти въ прочемъ не вѣдаю можетъ вліяніемъ къ человеколюбію болѣе послужило изъ угожденія ево Аничкову какъ своему начальнику но какъ бы то ни было жизнь моя въ домѣ Аничкова съ сего времяни перемѣнилась на лутчую обо мнѣ реклись даже ево люди видно съ его приказанія. Тогда былъ въ Тамбове губернаторомъ известный Г-нъ Державинъ вище же губернаторомъ Г. Ушаковъ меня иногда Аничковъ бралъ съ собою къ последнему, и я уже годъ отъ года делался посмышленѣе, но служба моя статская вместѣ с тѣмъ противною и постылою, огнь военной въ сердце горѣлъ во мнѣ тогда была война с турками и не могъ смотрѣть на каждаго офицера и салдата прибывающихъ за рекрутами безъ сердечнаго удоволствія поставляя себя въ чуствіяхъ отличности на поприще славы возраждающей въ сердце радости. По протеченіи 1791-го и 1792 годовъ въ исходе последняго, страсть сія увеличилась, и я предсталъ къ Г-ну Аничкову съ прозбою о моемъ уволненіи изъ статской для поступленія въ военную онъ меня удерживалъ но однако согласился, и я бывъ уволенъ с хорошею аттестаціею. Я съ нимъ простился также легко какъ и съ своею тогдашнею должностію и службою тѣмъ болѣе что проведенная с малолетства жизнь моя слишкомъ четыре года въ Тамбове ничего болѣе не напоминала какъ претерпѣнное страданіе.

Въ исходе того 1792-го года зимой я приехалъ въ Данковъ въ домъ къ матѣри где нашелъ ее въ болезненномъ страданіи при нѣй тогда находились двѣ сестры мои Пелагея и Марья да малинкой братъ Михаилъ. Алексей же былъ (въ полку) на службе въ Москве, а старшій Сергей жилъ въ своемъ доме съ семействомъ. Онъ обрадовалась моему прибытію но услыша о переменѣ службы моей благословила меня отъ чистаго сердца образомъ *складнямъ* которыя и теперь находится желая мнѣ щастія не тѣряя времяни ко определенію. Она въ тайнѣ сокрушалась о второй дочери своей Марье спѣвшая при жизни своей о ее устроеніи, старшая же Пелагея толко предъ тѣмъ была выдана в замужство въ Раненбургъ. Пробывши съ месяцъ отечеіи котораго мы имѣли стараніе о поправленіи здоровья ее но оное надалѣе истощевалось. Явились женихи и Марья была скоро зговорена и выдана въ замужство въ Данкове за Г. Глазалева. Я въ доме оставался одинъ поболше матушка при свѣте дочери чрезъ силу расприжала и радовалась но послѣ болезнь ее усилилась никакія средства не могли

возвратить ее изъ прежнѣе состоянiе и по долгомъ страданiи 1793 года марта 10-го дня изъ великiй постъ скончалась, оставивъ въ горести дѣтей своихъ притомъ бывшаго при погребенiи изъ Покровскомъ монастыре находившись сестры и я изъ горести своей помню что съ братомъ Сергѣемъ мы пособляли нѣсти гробъ ея; нѣчная память душе ея успокоится изъ царствiи небѣсномъ. Въ сем же мирѣ много перенѣсла горестей добродетелная душа ее.

1793-й годъ.

Послѣ кончины матери и оставался из домѣ с малолѣтнымъ братомъ своимъ Михайлою, люди и все кромѣ дома было отдано за сестрами въ приданое. О какъ трудно при вступленiи въ жизнь остатся безъ родителей и состоянiя. Какъ теперь помню ту комнату въ коей матушка скончалась долго никто изъ насъ не смѣлъ въходить туда горѣсть мучила при воспоминовенiи и нѣй стоялъ подъ одромъ смѣрти ея сундукъ но по открытiи что и сѣмъ сундукѣ найдено почти ничево но внутри изъ подъемномъ ящичке кошелекъ шолковой изъ которомъ содержалось серебра на шесть рублей и пятирублевая ассигнацiя залитая деревяннымъ масломъ сiю ассигнацiю и отдалъ в монастырь строитѣлю для помину души покойной у меня немного своихъ было денжонокъ привезенныхъ из Тамбова отданыхъ мнѣ Харитоновымъ за полтора толко года жалованьи. Каково было тогда мое положенiе никто изъ родныхъ не думалъ входить в состоянiе наше но я ко всѣмъ былъ равнодушенъ и гордъ. Малинкой мой братъ Михайла сокрушалъ меня на коно я ево оставлю. Братъ жены старшаго моего брата Сергѣя человекъ молодой годомъ или двумя менѣ постарше Николай Харламовъ, числясь уже записаннымъ на службѣ капраломъ гвардiи изъ Семеновскомъ полку посредствомъ покойнаго митрополита Гавриила почитаемаго матери ево родственникомъ, соглашалъ меня ехать въ мосгвѣ с нимъ въ С: Петербургъ с тѣмъ чтоб определится въ гвардiю и я не зналъ что делать полкомъ другихъ въ близи расположенныхъ не было онъ настаивалъ уговаривалъ меня обольщая рекомендацiею в случае надобности митрополита почитаемаго ихъ родственникомъ и наградою дорожныхъ издержекъ на общей щетъ. Въ такомъ соглашенiи протѣкло время до лѣта, и я решился, оставивъ малинкаго своего брата Михайлу въ домѣ родителекомъ на рукахъ няни женщины Аксиньи подъ попеченiемъ старшаго брата Сергѣя и особо далняго родственника со стороны матушки молодаго человѣка дворянина Михайлы Емельянова с тѣмъ чтобъ сей последней жилъ безъ отлучно при нѣмъ. Намеренiе мое было по определенiи своемъ получить отпускъ и возвратится надолѣе жъ я не соображалъ ничего и наделялся на одного Бога прибежища сиротамъ. Мы выехали съ Харламовымъ изъ родительскаго моего дома 16-го Iюня 1793-го года съ сокрушенымъ сердцемъ, предвѣстникомъ, какъ

видно (что и случилось). Разставiе съ нимъ навсегда. Проезжая мимо Покровскаго монастыря я запелъ простится на гробъ родителянницы, слабость чуствъ разрешившаго сердце любовь детская сожаленiе бывшее еще в снежной горести поразило меня я упалъ на могилу, нѣ помню какъ отъятѣсенъ былъ на повозку и принелъ въ память уже за городомъ. Доежавъ до Москвы для меня казалось все новое прибызь в нѣе в первый разъ я нѣ могъ разсмотрѣть ее. Тутъ мы нанали другихъ лошадей и следовали далѣе наводящихъ какъ хотѣлъ такъ и ехалъ знакомлъ даже къ себѣ въ домъ изъ Тверской губернiи и мы ему ничѣмъ не препядствовали. Напослѣдокъ 9-го Iюля того года прибыли въ С: Петербургъ. Мы остановились прежде изъ Московской Ямской с платою изъ дѣнь по 25 ко. в сутки съ особы за особую комнату но перешли въ квартиру родственницы товарища моего жены брата ево морскаго офицера (уже умершаго) Анны . . . . . живущую близъ Невскаго монастыра которая уступила намъ особую комнатку съ платою ей по 2 ру. 50 ко. на месяцъ. Чрезъ несколко дней мы оба представились митрополиту сей святой отецъ благословилъ насъ и мы целовали ево руку онъ сидѣлъ въ креслахъ спросилъ о надобностяхъ нашихъ товарищъ мой представилъ прозбу къ испрошенiю чрезъ нѣго себѣ отъставки онъ усмѣхнулся: *что ты будешь делать дома родителя твои небогаты; а твоя какая надобность* обратясь ко мнѣ; желанiе поступить на службу сказалъ я, онъ замолчалъ благословилъ вторично съ симъ мы и вышли, товарищъ мой былъ нѣсма недоволенъ подобнымъ приемомъ онъ надеялся получить чрезъ нѣго собственно для себя болѣе награды но митрополитъ напомянувъ ему даже с неудоволствiемъ о брате ево умершемъ котораго онъ содержалъ на свой щетъ недовольной за поведенiе, и пожаловалъ только десять рублей; я видѣлъ по пріему что я нѣ могу надеятся на протекцiю къ определенiю службу со стороны митрополита; но мнѣ хотѣлось поступить на службу въ гвардiю, въ которой дворянинъ въ тогдашнiе время только числился а жилъ дома отъ чего и состоядо ихъ домахъ родительскихъ несчетное число капраловъ. Итакъ мы с нимъ остались при своихъ мыслiяхъ, онъ подалъ прозбу объ отставкѣ, а я не зналъ что дѣлать, вместѣ ходили и разсматривали Петербургъ, то есть, по пословице, гранили камни, но между тѣмъ узнавали о гвардейскихъ и армейскихъ полкахъ квартировавшихъ въ Петербурге и близъ онаго, знакомыхъ и родныхъ нѣ было. Наскучивъ бездействiемъ я решился представится къ начальнику Семеновскаго полка занимавшаго тогда секретаря и командира его Г. Липунову, онъ посмотрѣлъ, спросилъ что и имѣю, и отказалъ тѣмъ что дворянъ въ полку его очѣнь много, и я принять быть не могу. Послѣ я узналъ, что надобны при определенiи въ гвардiю либо деньги либо сильная рекомендацiя большой особы знатнаго сана, а у меня ни того ни другого нѣ было. Я пробовалъ еще узнавать но вездѣ то же препядствiе. Такъ прожили мы до осѣни, и малые денежки у обоихъ насъ истратились. Въ жизни нѣ скоро пятъ-

крепиться на цвѣтливую линію. Тогда въ Петербургѣ было совсѣмъ другое, да и какая надобность кому входить въ положеніе безъзащитнаго 15-ти или 16-ти лѣтняго ребяческаго смысла, юноши, сироты которому потребно потъдержаніе.

Продолженіе 1793-го года.

Въ одно утро 20-го октября 1793-го года дѣнь былъ сырой; безъ всякой цѣли вышелъ я одинъ изъ квартиры, товарищъ мой оставался дома. Проходя отъ Знаменія по проспекту Невскому въ Московскую Ямскую, усмотрѣлъ у одного дома отъворенныя ворота, и на дворе у крыльца часовыхъ нѣтъ. Гренадерскаго полка я спросилъ о особѣ занимаемой оной мнѣ отъвѣчали это квартира полкового командира я приостановился, задумался, но какая то невидимая сила повелѣвала мнѣ взойтить въ ворота на дворъ сей въ одну минуту я очутился на крыльце изъ сѣнях часовые отъворили мнѣ двери въ передпѣю никто ни о чемъ меня не спрашивая по вступленіи моемъ во оную, прямо въ отворенную дверь изъ зала мнѣ предсталъ высокой сухощавой человѣкъ въ военномъ мундире, устремя на меня взоръ своей окинулъ с ногъ до головы сказалъ, что ты хочишъ, не помню какъ я объяснилъ желаніе мое вступить на службу но в то жъ время вынувъ изъ боковаго кармана аттестатъ свой ему подалъ, онъ прочелъ ево машинально про себя, и потребовалъ своего адъютанта не болѣе чрезъ минуту какъ сей явился, отдавая ему аттестатъ мой возми и отнѣди ево къ генералу. Мы отъправились с нимъ на Литейную улицу онъ шелъ скоро, версты две разстоянія. По прибытіи къ жолтому каменному дому, мы взошли во оной прямо и я былъ представленъ къ толстоватому пожилыхъ лѣтъ генералу средняго роста. Посмотрѣлъ на меня и обратись къ адьютанту, сказалъ принять ево сержантомъ, и обращая глазами ко мнѣ какъ будто спрашивая моего согласія, но я неожиданнымъ оборотомъ симъ к радости пиздѣлъ произшествіе сіе какъ военї и ему кланялся. Полкъ севодни выступилъ на зимовыи квартиры ты опоздалъ немного явится сказалъ онъ мнѣ, но кажится скоро пойдетъ сменившійся караулъ и обратись ко мнѣ ты севодни будешъ опредѣленъ и зачислѣнъ по спискамъ чрезъ три дни можешъ ли ты быть готовъ къ отправленію. Я отвѣчалъ что могу и опять благодарилъ ево. Онъ приказалъ мнѣ явится по истеченіи трѣхъ дней въ ту команду къ начальнику, а адьютанту о приказаніи отъпустить насъ. Я узналъ что первый къ коему я явился командовалъ неизъемлемо лейбъ гренадерскимъ полкомъ былъ подъполковникъ Іванъ Терентьевичъ Сазоновъ второй же генералъ лейтѣнантъ Петръ Федоровичъ Берхманъ непосредственно находился в сѣмъ полку вице полковникомъ, а званіе полковника изволила занимать Ея Императорское Величество Императрица Екатерина Вторая, адьютантъ же с коимъ я былъ у генерала Берхмана, по фамиліи Кочкинъ Николай Васильевичъ, отправлялъ

должность полковаго. Итакъ я съ 10-го по 12-я часъ утра 20-го октября 1793 года переимѣновался армія младшимъ сержантомъ возвратился на квартиру свою въ какомъ то восхищеніи и разъсѣяніи не успѣлъ принѣсть въ порядокъ мысли по три дни срока изъ головы моей нѣ выходили. Товарищъ мой меня кое о чѣмъ спрашивалъ и я отвѣчалъ прощай братъ мы скоро должны разстатся. Переходъ таковой или преобразованіе себя особеннымъ родомъ службы нѣсма важенъ, кто имѣлъ съ самимъ съ собою и кромѣ того скорый походъ нѣ могло привѣсть мысли мои въ настоящѣе положеніе обирался я или нѣтъ но по знакомой жизни кажится не нужно было долго збиратся, одинъ чемоданъ и все тутъ с пѣремѣною кой какой мѣлочи.

23-го октября явился я въ назначеянную команду, она уже была готова человѣкъ 50 гренадиръ сменившихся съ караула, съ котораго я въ то жъ время отъправился.

Мы прибыли поздно въ село Красное гдѣ былъ расположенъ штабъ сего полка. На другой дѣнь поутру с квартиры своей, которая мнѣ была отведѣна въ ночлегъ особенно, отъыѣдень я былъ въ полковую канцелярію, и по назначеніи меня въ пятую роту отъправленъ в мѣсто ея расположенія деревню Ухору Ямбургскаго уѣзда вѣрстахъ въ 70-ти отъ Краснаго села отъстоящую. Я препровождаемъ былъ вѣстовыми по станціямъ въ деревняхъ разставленными они нѣсли мой чемоданъ. Безъ привычки и чревычайно устанавлъ к тому время было дождливое, мнѣ дѣлали часто разстахи.

26-го октября по прибытіи въ Ухору представленъ я былъ командиру 5-й роты поручику Палатино (изъ грековъ). Я уже назначенъ былъ въ 3-е капральство и отъправленъ былъ въ двухъ вѣрстахъ отъ Ухоры, въ деревню Житощы того жъ уѣзда гдѣ капральство съ прочими деревнями расположено было по приходѣ куда мнѣ отъыѣдена была квартира и я вступилъ во оную какъ военной занявъ передпіе мѣсто.

На другой дѣнь 27-го числа пришелъ въ квартиру ко мнѣ капралъ въ штатѣ каптенармуса человѣкъ пожилой украшенный четырьо мѣдали кагуалскими и шведскими учтиво спросивъ меня о здоровье моемъ сказалъ для васъ назначенъ дятька, Аверьяновъ, человѣкъ хорошій, вамъ надобно ево слушатся, вскорости вошелъ и Аверьяновъ немного помоложе капрала. Они побыли у меня говорили чтобъ я во всѣмъ к нимъ относился и чаще ходилъ к нимъ, приказавъ хозяину квартиры о моемъ содержаніи, вышли.

Чрезъ нѣделю мнѣ выдана была аммуниція казенная, съ пригонкою по моему росту (до сего жъ я носилъ свое платье). Подъ руководствомъ дятьки я одѣтъ былъ и представленъ Г. Палатино на смотръ. Онъ любовался какъ обыкновенно надъ нѣсовершеннолѣтнимъ а я по науке дятьки вытягивался пред нимъ грудь выпрядъ носки врозь, и онъ усмѣхался я самъ былъ въ восхищеніи одеждою

БИБЛІОТЕКА имени В. И. ЛЕНИНА

своею гордясь оною какъ воинъ отечеству и царю и особенно радовался я небольшой сабле при бедрѣ моемъ внешней на долгихъ ремняхъ кушакомъ суконнымъ портупею закрывающимъ и высокой каске на голове моей с гербомъ съ белымъ шерстянымъ плюмажемъ и чернымъ высокимъ изъ перьевъ султаномъ.

Наступила зима я спокойно стоялъ в своей квартирѣ капралъ и дятки часто меня навещали и я хаживалъ к нимъ. Деревня Летошцы расположена была въ одну линію безмала на версту она принадлежала какъ и Ухора помещикамъ Владимирову и Шепелеву и были оброчные, хозяинъ мой старикъ с таковой же старушкой имѣли двухъ сыновей старшаго женатаго и одну дочь красивую девку взятую въ Петербургъ господамъ своимъ, следовательно въ семье всего было пятеро, а я шестой. Старшей сынъ охотникъ былъ ходить съ ружьемъ за дичью и меня часто кормилъ оною. Народъ сихъ деревнь веселой побытокъ дозволялъ быть въ довольствѣ девки носили широкія золотыя повязки они и молодицы каждый вечеръ собирались поочередно на посидки пряли пѣли пѣсни и веселились допуская во оныя иместѣ нашихъ молодыхъ гренадеровъ.

Наступилъ 1794-й годъ.

Дятьки мои и капралъ мнѣ показывали ружьемъ экзерцицію я учился при нихъ и одинъ на раза два все привычки збивалъ себѣ кожу у пальцевъ. Наступилъ великій постъ тогда уже всѣхъ салдатъ учить началъ капралъ, и скоро все ружейные пріемы понялъ и почти не отставаталъ кроме нетвердости подобной въ рукахъ, отъ оныхъ. Когда снѣгъ сошелъ мѣсною за деревнею начали учить маршировке повзводно одиначке и всѣмъ капралствомъ и также старалси понять уравненіе мнѣ предоставляли командованіе взводомъ итакъ до мая месяца я сделался служивымъ знающимъ все что до оной касается.

Въ сіе время по вскрытіи рѣсны я получилъ отъ брата Сергея Ивановича письмо съ деньгами ассиг: на десять рублей за коимъ я для полученія ходилъ въ Ямбургъ отъстоящей за 40 вѣрстъ, и чревычайно усталъ, три дни ходить нѣ могъ. Въ письмѣ я успокоенъ былъ нащетъ жизни въ Данкове брата Михаилы.

Въ началѣ маія отдланъ приказъ къ изготовленію въ походъ въ С: Петербургъ. къ лагерному расположенію близъ оного, при деревнѣ Волковой. По собраніи всей роты 13-го маія мы выступили изъ квартирь своихъ имѣя въ запасѣ сухарей на три дня первой переходъ я такъ усталъ что провалялся отъ стона ногъ безъ обеда сухарнаго. Но тысячи одново не ждутъ при второмъ переходе хотя чрезъ силу я разнялся и сделалось легче, за всемъ тѣмъ что на мнѣ никакой ноши нѣ было какъ на солдатахъ, старыи салдаты меня побергали. Когда подъходили къ селу Красному на зборное мѣсто 15-го маія я удивился стеченію со всѣхъ сторонъ великое множество салдатъ мнѣ показалось целою армією, но это все

былъ одинъ лейбъ гренадерскій полкъ изъ четырѣхъ тысячь состоящій, и мы въ полномъ комплектѣ выступили въ лагерь под деревней Волковой до того уже приготовленной.

Полатки были круглые посредине дренко расположены изъ линію поротно на версту длиною въпереди ружейные пирамиды, знамены побатальонно позади офицерскія палатки среди полка станка полковаго командира, далѣе назади кухни и проч: за ними протекала Чорная рѣчка. Впереди палатокъ въ отдаленности пикеты 1-й 2-я 3-я и 4-я назади же гоубахтной или такъ называемой *палочной* и кругомъ протянута цѣпь часовыхъ.

Въ одну палатку помѣстилось насъ до 20 че. на дренкѣ повѣшены сумы и сабли ранцы въ головы на землѣ просторъ былъ тогда когда все лежали но и в сіе время ногамъ къ дренке въ средину сомкнутымъ, тѣсно.

По барабанной палкѣ или бою мы выходили на линѣйку къ вечернѣй и утреннѣй молитвѣ. Началось ученье поротно.

Каждой дѣнь въ 10 часу былъ разводъ с музыкою, въ караулъ на пикѣты.

Кромѣ каждодневнаго ученья я часто былъ наряжаемъ въ караулъ на первый пикетъ гдѣ целыя сутки провожались безъ сна, в ночь ходили рунты. Соблюденіе строжайшей дисциплины не забывалось.

Утро какъ снѣгъ барабанной ударъ поднималъ с постѣли въ одну секунду с полотенцемъ въ рукахъ скорымъ шагомъ идёмъ на речку, и готовъ по возвратѣ.

Трудность привычкою для молодаго человѣка ослабляется и считается въ жизнь обыкновенную.

Изредко былъ я наряжаемъ въ караулъ въ самый городъ и я въ первый разъ былъ на Аничковской гоубахтѣ. Тогда стояли по недѣлѣ хотя не раздѣвались, но кажется то служило отъдыхомъ, равно и на прочихъ гобахтахъ а особенно въ военную коллегію куда наряжалось изъ дворянъ по шести человѣкъ чрезъ неделю на ординарцы.

Съ половины лѣта началось ученье побатальонно а потомъ полковое с палбою я командовалъ взводомъ и одинъ разъ безъ спроноки отъступленія одного шага назадъ опплило мнѣ щеку, но далнихъ последствій нѣ было чрезъ неделю порохъ со щеки сошелъ и прошло совершенно. С вѣсны меня посетила лихорадка но ненадолго и боялся лазарета и перемогался былъ всегда на лице по строевой служюбѣ. Лихорадка съ тамбовской лѣтъ восемь каждаго дня в то же самое время меня посещала но скоро проходила.

Въ сіе жъ время я получилъ первое военное жалованье, я расчелся въ артѣль, и у меня рублей съ семь затѣмъ оставалось такъ что за исправкою около себя я могъ иногда съесть булку и напится квасу.

Отъ жаркаго времяни и отъ твердости кожи въ сапогахъ попортился у меня ноготь у мезинца правой ноги, загнулся сколко я ни терпѣлъ но отъ боли нелзя

было надѣть сапога и принужденъ былъ итти къ полковому лекарю и по ротѣ показанъ былъ больнымъ изъ околодка с нѣделю пожилъ вылечили.

Предъ исходомъ лагернаго стоянія начались смотры инспекторскіе и помню что смотрѣли полкъ генералы Кворингъ и князь Долгоруковъ.

Уже салдаты поговаривали о квартирахъ имъ нравился Ямбурской уѣздъ. Наступилъ августъ месяцъ и дожидались Императрицина возвращенія изъ Петербурга, изъ Царскаго Села.

Въ половинѣ сего месяца ко всеобщей радости дождались возвращенія таковаго хотя былъ и не прямой трактъ но она проследовала мимо нашего лагеря намъ приказано было безъ вооруженія вытить и стать противъ палатокъ на линѣйку, чрезъ Московскую Ямскую она отправилась въ Таврическій дворецъ.

На другой днѣ получили особенное ее жалованье каждому человеку по рублю серебра, се препоносили. По курсу сереб. рубль тогда существовалъ 1 ру. 30 ко. а иногда и менѣе но не болѣе.

И отдалъ приказъ къ выступленію изъ лагеря на квартиры въ городъ безъ церемоніи. Насъ разставили въ Ямской Московской. Не могу вспомнить моего восхищенія увидѣвъ себя в стѣнахъ дома подъ крышею послѣ трѣхъ месячнаго пребыванія подъ холстомъ на открытомъ воздухе перенося кромѣ трудной службы беспокойство отъ насекомыхъ и особенно в ненастное время.

Изъ Ямской насъ скоро перѣвели изъ самый городъ штабъ расположили у Владимирской а нашу 5-ю роту за Калинкинъ мостъ, близъ Екатерингофа съ 20-ти до 5-ти человѣкъ въ одну особѣнную обывательскую квартиру.

Салдаты потребили надежду на ямбурскіе квартиры, намъ велѣно содержать караулъ въ городе.

Я стоялъ на квартирѣ вместѣ с прочими въ близъ расположенными, при въѣзденіи Фонтанки въ Нѣву противъ бывшаго тогда подъзорнаго дворца при устье въ море.

Наступила зима, и поочередно содержали караулы въ городе понедельно. Домовые отпуски отказаны.

1795-й годъ.

Начало сего года находилось въ томъ же расположеніи.

Императрица жаловала каждогодно къ праздникамъ Св-я Пасхи и Рождества Христова по серебряному рублю на человѣка.

Полкъ сей былъ ее любимый, и она удерживала его при дворѣ своемъ такъ что в летнѣе время отъезжая изъ загородныя дворцы, брала изъ него по одной ротѣ для содержанія караула.

Въ мыслихъ моихъ беспрестанно было желаніе побывать въ родительскомъ доме но объ отпускахъ не велено и думать.

Наступила вѣсна и с нѣй подобно прошлогодним ученья.

15-го маія мы выступили полнымъ парадомъ изъ лагерь, на прежнѣе мѣсто подъ Волкону деревню.

И сделался знающимъ служивымъ и все трудности казались легкими.

По выстоеніи трѣхъ месяцовъ возвратились изъ тѣ жъ самые квартиры.

1796-й годъ.

Начало и продолженіе сего года было то же, нашъ полкъ очередовался карауломъ изъ городе. Я нѣсъ полную строеную службу во всѣхъ случаяхъ и стоялъ на тѣхъ же квартирахъ.

По наступленіи времяня мы выпли 15-го маія изъ лагери на то жъ лѣто. И простоявъ поздиѣе, 15-го августа возвратились во оныя жъ, для несенія таковой же службы.

Съ 5-го на 6-е число ноября изъ полночь уже были морозы. Рота наша встревожена была къ скорейшему выходу изъ полномъ вооруженіи тотчасъ собрались и скорымъ шагомъ пошли изъ Владимирской где былъ штабъ нашъ. По прибытіи туда увидели нѣсь полкъ въ зборе мы присоединились изъ линію предъ каждымъ баталіономъ стояли столы. В ту жъ минуту приняли присягу изъ верноподданствѣ Императору Павлу 1-му тутъ мы узнали о постигшей кончинѣ любезнѣйшаго нашего полковника Императрицы Екатерины 2-я. Простоявъ тутъ, предъ свѣтомъ съ соболезнованіемъ возвратились въ свои квартиры.

У дворца караулы заняты были баталіонами, бывшими наследника.

Въ действіи и службѣ последовали перемѣны. Въ полки стоящіе изъ С. Петербурге равно и изъ гвардейскіе назначены штабъ офицеры изъ бывшихъ изъ начальствѣ наследника, называемыхъ тогда Гатчинскихъ баталіоновъ, для показанія новой экзерциціи.

Назначены комендантомъ баронъ Аракчѣевъ и плацъ маіоромъ Кащѣевичъ.

1796-й годъ ноябрь 15-го.

Я былъ въ карауле на полковомъ дворе по близости квартиръ нашихъ на главной Триумфальной улице состоящемъ. Караулъ еще былъ недѣльной и мнѣ дни три отъбыть доставалось. 16-го числа ноября приходитъ капралетва нашего ефрейторъ гренадеръ человѣкъ обстоятелной и служивой Григорьевъ найдя у дверей стань вытянувшись, *„здравіе желаю ваше благородіе* я пришелъ поздравить васъ съ полученіемъ Монаршей награды, севодни отдано въ приказѣ о Высочайшемъ пожалованіи васъ въ прапорщики, сей часъ придетъ вамъ на смѣну, а вамъ приказано завтрѣ поутру явится къ генералу". Извѣстіе таковое

поразило меня съ головы до ногъ какимъ то онѣмѣніемъ чуствъ, я молчалъ офицеръ стоялъ у дверей какъ истукановой, и тотчасъ мысли свойственныя душе благородной во мнѣ озарились. Благодарю тебя, Григорьевъ, пожалуста поскорей прислали смѣнить меня. Сей часъ ваше благородіе съ отвѣтомъ симъ вышелъ.

Оставшись одинъ, чуствія мои разверзлись. Боже милосердый, къ тебѣ обращаюсь в сокрушеніи души моей, ты единая надежда и подъпора сирымъ, благодарю тѣбя, всевышній, не оставилъ покровомъ своимъ претъбудущей жизни моей.

Смѣна скоро послѣдовала и здавши все принадлежности изъ караульнаго дома вышелъ. Былъ уже вечеръ смѣркалось идя по двору мысль въ голову что мнѣ завтре должно явится къ генералу разумѣется не въ сей в чѣмъ и былъ но въ одеждѣ полной офицера а где ее взять въ такое короткое время и особенно золотыхъ и серебряныхъ вещей, я тѣрялъ надежду: но руководство всевышняго меня не оставляло. Я пришелъ къ квартирующему на семъ дворе полковому казначею Алексею Петровичу Сарычову бывшему въ чинѣ поручика дослужившагося до сего чрезъ многія годы производствомъ изъ сержантовъ старшихъ (нынѣ фельдфебели) отърапортовать о здаче мною караула другому. Исполняя сіе по вступленіи моемъ къ нѣму, но какое было мое удивленіе, вмѣсто прежняго суріознаго военнаго вида къ подчиненности я встреченъ былъ изъ дверяхъ с великою ласкою вмѣсто бравой вытяжки (предъ всякимъ офицеромъ) я сажаемъ былъ имъ изъ кресла. Я сомѣстился таковою перемѣною, онъ поздравилъ меня и сказалъ, да какъ скоро не болѣе с недѣлю какъ представленны отъ полка списки всѣмъ изъ дворянъ сержантамъ и вотъ уже вышло производство с вами вместѣ еще произведено человѣкъ пятнадцать Императоръ не любитъ надолго отькладывать онъ самъ изволилъ потребовать отъ полка списки. Тутъ я узналъ объстоятельство изъ ускоренія къ производству, (ибо многія изъ полку сержанты изъ дворянъ по шести лѣтъ служили до офицерскаго чина) кому мы обязаны были изъявленіемъ на насъ своей высокой милости. Вамъ завтра велѣно явится къ генералу готовы ли у васъ офицерскія принадлежности. Сей вопросъ подалъ мнѣ поводъ, я просилъ его снабдить меня на подержаніе поколь я собѣрусь офицерскими золотыми вещами. Изволте насколко угодно, это сказано было съ удовольствіемъ и какъ будто самъ мѣ смѣлъ съ симъ вызватся, тотчасъ пошелъ и принесъ экселбантъ эполетъ темлякъ и шарфъ съ серебрянымъ знакомъ; отдавая мнѣ какъ будто безъ возврати, я бы могъ вамъ служить и еще чѣмъ угодно. Но я болѣя не могъ просить, и поблагодаря распрощавшись отъ него вышелъ.

Пришелъ на квартиру свою салдаты меня поздравляли и приготовили уже мнѣ малинкую особую комнату. Старинные храбрые кагулскіе гренадеры бывшіе со мною въ капралствѣ, Никитинъ, Эршовъ и Гилинъ, с ними и бывшей дядька мой Аверьяновъ, явились ко мнѣ сами не нужно ли чево вамъ, ваше благородіе,

мы вместѣ служили и жили, и отъ васъ никакой обиды себѣ не видѣли. Имъ извѣстно было мое состоніе и настоящее положеніе. Я благодарилъ ихъ. Приказнтѣ ваше благородіе вамъ нужна новая аммуниція, и тотъ часъ развязали свои черезы носимыя вмѣсто пояса, каждый высыпалъ на столъ золото и серебро хранящіяся в нихъ предложили сколько угодно померѣ каждаго количества по частямъ взять из нихъ, когда разбогатѣетъ вы намъ возвратитѣ. Такова помощь растрогала мое сердце, не помню сколько я взялъ отъ каждаго изъ нихъ; исправитѣся ли чтобъ было довольно. Я благодарилъ за ихъ усердіе они молча сказали только, просимъ прощенія ваше благородіе, отъ меня вышли.

На другой дѣнь рано поутру я былъ въ гостиномъ дворе где искупя все нужное къ окопированію офицерскому распорядился стройкою нужнаго въ томъ же дѣнь. Въ вечеру отъдалъ приказъ о нарядѣ меня на завтрешній дѣнь въ караулъ въ Таврическій замокъ.

Все было готово до свѣта поутру на третій день я одѣлся и прабразовался въ новой видъ человѣка нарядомъ офицерскимъ.

Я спѣшилъ явится къ генералу отъ Калинкина моста квартиры моей чрезъ Владимирскую на Литейную изволоцки еще не выежали и спѣшилъ пешей походя мимо квартиранія Измаильскаго и Семеновскаго полковъ часовыя отдавали мнѣ чѣсть ружьемъ я восхищался уваженіемъ къ себѣ салдатъ гвардейскихъ. Дойдя до Владимирской я узналъ что разводъ пошелъ уже по назначенію на Цыриицынъ Лугъ или Марсово Поле, я спѣшилъ туда и пришелъ во время успѣлъ только стать въ строй по назначенію командованіе началось по прибытіи плацъ маіора Каницевича. В строю не одинъ я было много молодыхъ офицеровъ и в новой экзерциціи мы равнялись съ старыми на первой случай, чѣмъ не портили строгаго взысканія не было, да и самъ нашъ полковой командиръ молчалъ, и все слушали наставленіе Г. плацъ маіора, по сей экзерциціи уже свѣдущаго. Разводъ кончился и отъправился въ Таврическій замокъ.

Караулы вмѣсто недѣльныхъ установлены суточные.

Итакъ на другой дѣнь по смѣнѣ я исполнилъ первую службу въ офицерскомъ званіи.

Изъ за калинской моей квартиры я перешелъ ближе къ Владимирской васъ стояло имеетъ три офицера содержали общей столъ съ отводныхъ же обывателскихъ получали помесячно условленныя деньги.

Мы каждой дѣнь собирались у штабной квартиры при Владимирской намъ выданы были къ селютованію вмѣсто свѣтъ эспантоны.

Роты по сортировкѣ перемѣнили номера свои и устроены изъ особенности баталіоны и я поступилъ въ 13-ю роту бывшею 10-ю, въ 4-й баталіонъ, подъ командою подъполковника Эршова. Вторымъ же командовалъ бывшій нашъ полковой командиръ Сазоновъ.

Перемѣна общая во всѣмъ войскѣ последовала по новому составу въ полкахъ были назначены шефы въ нашемъ полку угодно было находится Его Величеству.

Мы недолго носили Екатерининскія мундиры, Государь Императоръ пожаловалъ намъ новая по новому образцу и покрою, штиблеты черныя суконныя а в парадные дни бѣлыя полотняныя салдатамъ медныя каски и тесаки, а офицерамъ вмѣсто золотыхъ серебренныи вещи шляпа обложенная узкимъ золотымъ позументомъ и таковым же небольшимъ султаномъ. Волосы пудрили и делали на каждой сторонѣ головы по дивѣ пукли, носили до выроженія волосонъ накладные пукли съ косою обвитою черною лентою.

Въ новомъ объмундированіи мы въ первый разъ явились въ параде къ выносу блаженной памяти Императора Петра 3-го изъ Невскаго монастыря въ Петропавловскую крепость, въ соборъ ея. Нашъ полкъ стоялъ отъ Знаменія с лѣвой стороны по проспѣкту занималъ до Аничковскаго моста. Великолѣпная печальная процессія медленно проследовала въ 2 часа пополудни. Морозъ былъ жестокой, дотого по рядамъ салдатамъ носили ушатами пиво и закуску для обогреванія; а офицерамъ придворными лакеями на подносахъ водка съ таковою жъ.

При поравнянiи процессіи каждаго полка били въ походъ и играла музыка офицеры селютовали эспантонами.

1797-й годъ.

Съ прежнихъ квартиръ насъ перевели внутрь города намъ достались въ Галерной улице по Англинской набережной въ домахъ агличанъ. Но скоро переѣдены были и я получилъ квартиру въ Малой Подъяческой улице въ домѣ иностраннаго переводчика Леванды.

Къ намъ назначенъ былъ въ полкъ изъ знающихъ службу маіоръ Эртель тотъ самый Федоръ Федоровичъ бывшій потомъ въ Москвѣ и въ С. Петербургѣ обѣръ полицеймейстеромъ и военнымъ генераломъ и особенно командовалъ нашимъ 4-мъ баталіономъ.

Мы ходили (то есть офицеры) каждый дѣнь къ разводу при Зимнемъ дворце производимымъ съ ученьемъ на площади, а в холодное время въ экзерцирг гаузе въ присутствіи Государя Императора а чрезъ два въ третій дѣнь наряжались въ караулъ.

Часто делали маневры и привыкли къ новымъ оборотамъ службы эспантонами изъ селютовали прекрасно.

Бывшій вице полковникъ нашъ генералъ Берхманъ отъставленъ. Къ намъ назначенъ генералъ адьютантъ Абрамъ Андрѣевичъ Баратынскій.

Лѣтомъ дворъ находился въ отбытіи изъ С: Петербурга въ Москвѣ для коронованія гдѣ была и гвардія нашъ полкъ оставался въ С: Петербургѣ и содер-

жалъ караулы вмѣсто ее при дворцѣ и по возвращеніи Императора до выступленія отъ толь гвардіи изъ которое время я нѣсколко разъ удостоенъ былъ командовать карауломъ во внутреннихъ комнатахъ и полозвался царскимъ столомъ.

Все тѣкло хорошо мы равнялись въ содержаніи караула съ гвардіею Троицкая гоубахта что у Летняго сада протинъ бывшаго дома Бецкаго была у насъ главною гоубахтою. Тогда были комендантомъ генералъ маіоръ баронъ Аракчѣевъ изъ последствіи графъ Алексей Андрѣевичъ. Плацъ маіоромъ подъполковникъ Капцевичъ, въ последствіи генералъ отъ инфантеріи Петръ Михайловичъ. Они делали посещеніе карауламъ и строгость кажится умножилась въ одинъ дѣнь.

Я стоялъ въ карауле на гоубахтѣ Семѣновскаго полка часу въ 3-м пополудни часовой заклоникалъ *вонъ* мы выскочили и я увидель неожиданно подъезжающаго изъ за церкви Веденія верхомъ плацъ маіора Капцевича но вотъ бѣда зделать отъ ноги разъ два на лопкахъ остались два ружья на ту минуту два человека отлучились до..... и не выставили, хотя они тотчасъ явились но поздно плацъ маіоръ стоялъ предъ фронтомъ гроза и дѣлаи за сіе выговоры молодому офицеру не спускаютъ а болѣе взыскиваютъ. Этотъ случай доведенъ былъ до сведенія коменданта не знаю можетъ быть и Государя потому что на другой дѣнь по смѣнѣ моемъ с караула и потребованъ былъ къ баталіонному командиру Ершову и по арестованіи отъпрасленъ на Троицкую гоубахту. Что я тогда мыслилъ и самъ не знаю старыи офицеры смѣялись, но я убивался мыслею по разрешилось освобожденіемъ на третій дѣнь мнѣ возвращена шпага с тѣхъ поръ я зделался осторожнѣе наука для молодова человѣка послѣ узналъ и что сей секретъ былъ частной для предъосторожности и не заключалъ въ себѣ далнихъ донесеній по какъ домашній однако онъ мнѣ памятенъ тѣмъ болѣя что случился одинъ разъ въ теченіи всей моей службы. И я посылаемъ былъ въ важнѣйшія мѣста службы и отъкомандировываемъ былъ въ другія баталіоны къ командыванію знаменнымъ и вторымъ наводами, при личныхъ смотрахъ Государя Императора. И удостоился личнаго отъ его сведенія о моей фамиліи и щастія получить награду прекрасныхъ золотыхъ часовъ съ амалієвою цепочкою въ колцахъ и таковою жъ пѣчатью, за отличное разводное ученье изъ числѣ девяти человѣкъ въводныхъ офицеровъ командованному жъ дежурному маіору пожалована табакирка.

1798-й годъ.

Полкъ нашъ продолжалъ расположеніе въ С. Петербургѣ, вместо Баратынскаго назначенъ къ командованію генералъ Карлъ Андрѣевичъ Ливенъ. Я былъ въ 4-мъ баталіонѣ командиръ онаго подполковникъ Эртѣль следовательно въ 13-й ротѣ командиръ оной капитанъ Мусеѣвичъ русской изъ французовъ. Въ роте были кромѣ меня прапорщики поручикъ Посниковъ подъпоручики Зыковъ и Терентьевъ. Наша

рота стояла въ одномъ крушку то есть въ обоихъ Подъяческихъ улицахъ. Къ строгости службы привыкли и жили весело каждой день либо на ученье или къ разводу ко дворцу или въ караулъ чрезъ три дни находили время и для прогуловъ и особенно въ летнее время, но вставали всегда въ 3 часа для прически волосъ вотъ что мучило сидѣть битой часъ подъ уборкою четырёхъ пукольъ съ фризомъ пляпы на бекрѣнь и особенно сначала парихмахѣръ изъ салдатъ былъ въ ротѣ одинъ и всегда начинальъ съ прапорщика следовательно я и вставальъ всѣхъ ранше изъ офицеровъ.

Неизвѣстно только что то было въ мненіи не съ выгодной стороны о семъ полку онъ былъ храброй въ Шведскую компанію въ 1788 году ево порядочно поколотили, были еще при мнѣ гренадиры с кагульскими медалями усачи и какъ лѣсъ болной. Покойная императрица сей полкъ жаловала, что и придавало духу гордости.

Въ одно время на главной Троицкой голубахтѣ стоялъ въ карауле капитанъ Паткуль. К нѣму запали тово жъ полка капитаны изъ гатчинскихъ Шевинъ и Саницкой что то слово за слово разсорились и неосторожно шпагой попортили у Паткуля руку. Тотчасъ донесено было Государю, военный судъ чрезъ 24 часа последнихъ двухъ присудилъ къ лишенію всего и посланію въ Сибирь. Поступокъ сихъ офицеровъ увеличилъ въ мыслях заключеніе о всемъ полку. Далѣе подъпоручикъ Стрелниковъ изъ одномъ непотребномъ доме нанъ дозоромъ съ шпагою наголо изъ рукѣ симъ окончилась сего полка прежняя гордость ево перевѣли на Васильевской островъ и тотчасъ расформированъ выборомъ пяти сотъ человѣкъ изъ гварділоновъ отосланіемъ двухъ батальоновъ въ сибирскіе изъ оставшихъся же съформированъ и оставленъ двухъ тысячной полкъ. Офицеры плакали.

Предъ симъ не болѣе за неделю я подалъ просбу объ отставкѣ и слава всевышнему былъ уволенъ изъ октябрѣ или изъ ноябрѣ мнѣ многія завидывали какъ такъ случилось.

По полученіи отъставки для мени служба уже была готова изъ штатѣ с. петербургскаго военнаго губернатора графа Петра Алексѣевича Фонъ Дер Палена.

1799-й годъ.

Сей годъ протѣкъ померѣ молодости и воли въ жизни. Я былъ произведенъ чиномъ по высочайшему именному повеленію изъ прапорщиковъ, прямо минуя всѣхъ чиновъ по гражданской службѣ, въ титулярные совѣтники, или 9-й классъ.

1800-й годъ.

Въ штатѣ военнаго губернатора занималъ я должность казначея при зборе за выдаваемые подорожные повертныхъ денегъ, прекрасная уважителная служба

при высокой и почтѣйной особѣ, притомъ всегдашній доступъ и благосклонность начальника и порядочное жалованье на содержаніе чево еще желать въ жизни болѣе имѣя и квартиру въ томъ же доме занимаемомъ имъ на Невскомъ проспѣкте противъ Малой Милліонной бывшемъ князя Куракина.

1801-й годъ.

Въ семъ году въ мартѣ месяце последовала кончина блаженной памяти Императора Павла 1-го. На престолъ вступилъ старшій сынъ его Александръ 1-й. При такомъ событіи по должности моей кромѣ подорожнъ возложена была выдача билѣтовъ выезжающимъ и приезжающимъ въ городъ особамъ разрешаемыхъ личностію графа. И днемъ и ночью и дни три не скидавалъ мундира покольку курьеры во всѣ мѣста съ извещеніемъ были разосланы.

Кромѣ настоящей обязанности военнаго губернатора на графа Петра Алексѣевича Фондеръ Палѣна возложены были департаментъты министерствъ канцлера иностранныхъ дѣлъ и главноуправляющаго почтовымъ управленіемъ и другихъ частѣй и потому штатъ нанъ чрезвычайно увеличенъ.

Въ сіе время Дюрокъ прибылъ изъ Парижа и былъ принятъ графомъ при собраніи чиновниковъ.

Съ сего времяни прическа волосъ измѣнилась волосы стрыгли и припудривали косы обрезывали одинъ за другимъ дальше такъ и сякъ и пудра пропала.

Не помню кажется въ іюле месяце въ одинъ день графъ пріезжаетъ изъ дворца протикъ обыкновеннаго позже и первато спрашиваетъ меня и являюсь онъ спрашиваетъ щѣтъ деньгамъ, которыя мною выданы по его предложеніямъ нащѣтъ другихъ сумъ. Я представляю онъ часть отдаетъ а другую переводитъ на генерала отъ инфантеріи Михаила Ларіоновича Голенищева Кутузова, объявляя что онъ отправляется для осмотра войскъ въ Курляндію. Къ вечеру собрался и выехалъ прощай нанъ славной и доброй начальникъ мы прощались с нимъ въ последней разъ болѣе его уже не видали онъ съ дороги прислалъ просбу и отъставленъ.

Въ тотъ же день я явился къ Михаилу Ларіоновичу онъ былъ назначенъ на мѣсто графа с: петербургскимъ военнымъ губернаторомъ, онъ утвердилъ сумму переведенную графомъ, и мы все поступили подъ его начальство.

Собственной домъ его находился на Гагариной пристани на самой набережной гдѣ помещѣна была и моя канцелярія для житья же чиновниковъ нанятъ былъ домъ по близости.

Прежнія прав: канц. надз: сов: Покоевъ и секре. Куприяновъ, столоначальники Гудимъ, Геттунъ, писаря Цыбалистовъ и Машинъ. Первой остался секретаремъ по общей канцеляріи, а правителя ее заступилъ мѣсто надзор: сов: Соболевъ.

Примечаніе. Изъ сихъ чиновниковъ Геттунъ и Цымбалистонъ извѣстны они дошли до 4 класса первой при Милорадовичѣ правилъ дѣлами а послѣдней и теперь занимаетъ должность генералъ провіантъ мейстера.

1802-й годъ.

Находился при той же должности казначеи оставаясь въ спокойствіи подъ начальствомъ главнаго и добродетельнаго начальника. Гордясь службою сею мы позволялись его благосклонностію къ себѣ и жили по положенному содержанію въ любилін продолжая службу съ усердіемъ. Мнѣ было тогда двадцать шесть лѣтъ отъ роду слѣдовательно не пропускались изъ виду частныя зрелища и общества разсѣянности служащія страстямъ къ удовольствію.

По зависимости военнаго губернатора сверхъ моей должности на меня было возложено удовлетворять жалованьемъ актеровъ немецкой и французской труппы. Въ это время я знакомъ былъ съ извѣстнымъ Г. Коцебу. Онъ былъ директоромъ первой и потому на каждой спѣктакль мнѣ доставлялись безденежныя билѣты концерты маскерады все посещались.

Въ сіе лѣто къ 22-му іюли мы были въ Петергофе моремъ на военногубернаторской шлюбкѣ или катерѣ, где все представляло въ обворожителномъ волшебномъ виде и особенно освященіе сада во время ночи, кто бывалъ тотъ знаетъ.

Произшествіе изъ Московскаго полка отъ поручика Шубина въ летнемъ верхнемъ саду выстрѣлъ изъ пистолѣта ночью надѣлало много разговоровъ въ Петербургѣ виновнаго строго отыскивали. Но какъ можно сыскать по фалшивому его показанію когда самъ онъ былъ сему причиною изъ видовъ награды за что въ последствіи и наказанъ удаленіемъ.

Къ осени Михайла Ларіоновичъ сложилъ съ себя должность военнаго губернатора мы вторично повержены были въ горѣстъ, и особенно я лишась в нѣмъ своего благодетеля.

Генералъ адьютантъ графъ Комаровской управлялъ сею частію недели с три, послѣ бывшій въ то время оберъ полицеймейстѣромъ Федоръ Федоровичъ Эртель недели днѣ. И мы переходили отъ одного къ другому такъ сказать какъ сонныя не имѣя убежища многія изъ штата оставили службу, и я по совѣту Михаила Ларіоновича подалъ прозбу на увольненіе.

Но вотъ прибылъ и занялъ сію должность генералъ фельдмаршалъ графъ Михайла Федотовичъ Каменской. Я потребованъ имъ былъ первой онъ остановился въ Морской въ трактирѣ Гродне странныя вопросы на которыя я отъвѣчать долженъ меня встретили послѣ приказалъ мнѣ ехать въ придворной его каретѣ за книгами не такъ близко отъ Морской на Гагарину пристань и еще мимо дворца по экипажу гоффахты были встревожены. С четвѣрть часа промедлилъ я для подведенія

итога въ книгахъ вчерашняго дня спѣшилъ и возвратился найдя между тѣмъ многое собраніе книги нашелъ неправными только на двухъ последнихъ страницахъ въ линейкахъ руб. коп. заголовки не были прописаны что не оставлено без замечанія шуткою и ласково.

Для канцеляріи отъведена была неболшая комната предъ его спалнѣю, имъ велено збиратся поутру въ 6 часовъ обѣдать у него и на ночь выходить какъ случай доволитъ. Строгость и пылкость характера по непривычкѣ многихъ изъ канцелярія удалило неносныя поступки надъ однимъ (Гудима) устрашали другихъ про себя я не могъ жаловатся онъ часто говорилъ со мною благосклонно но что то такое сокрытое или необыкновенное требовалась к тому привычка ужасало и удаляло отъ права измѣняемаго. Съ месяцъ я находился при немъ и вышло мое уволненіе какъ выше видно по прозѣ. Онъ о семъ не зналъ и былъ недоволенъ мѣсто мое заступилъ помошникъ мой Говоруха Отърокъ и я здалъ должность.

Графъ Михаилъ Федотовичъ недолго пробылъ в сей должности не болѣе кажится месяца два и уволѣнъ отъ оной имъ однако открыть фалшивой поступокъ Шубина.

Послѣ его должность военнаго губернатора занялъ генералъ лѣйтенантъ Вязмитиновъ.

При увольненіи я получилъ чинъ коллежскаго ассесора вотъ я и здѣлался уже штабъ офицеромъ.

1803-й годъ.

Въ ноябрѣ минувшаго 1802-го года я выехалъ изъ С: Петербурга прожить по оному по сіе время безъвыездно съ 1793-го года десять лѣтъ.

Я былъ въ Ранибурге, Данкове, и Рылске, виделся съ сестрами Пелагѣею и Маріею Ивановнами, которыя были замужемъ 1-я за Сорокинымъ 2-я за Глаголевымъ, и братьями Алексѣемъ и Михайлою Ивановичами 1-й былъ тогда изъ Рылске городничимъ а 2-й служилъ по статской службѣ въ курскомъ губернскомъ правленіи, виделся съ другими родными провѣлъ время весело и скучно и возвратился великимъ постомъ сего года чрезъ Москву обратно въ С: Петербургъ.

По рекомендаціи Г. Вязмитинова къ директору почтоваго департамѣнта Г. Трощинскому въ іюнѣ месяце я опредѣленъ изъ московскій почтъ-амтъ. Куда и прибылъ въ то жъ время.

16 маія праздновано было при мнѣ столетіе въ С: Петербурге городъ и сады были иллюминованы но въ 12 часу ночи проливной дождь для публики наделалъ много тревоги.

1804-й годъ.

При проездѣ еще прежде чрезъ Москву отыскивались родственники со стороны брата родителя нашего, Якова Степановича въ числѣ томъ отъ дочери его Анны дочь Авдотья молодая дама бывшая замужемъ 16-ти лѣтнѣя за чиновникомъ Фоминымъ, следовательно она была мнѣ племенница чрезъ нѣе я знакомъ былъ съ благородными семействомъ Полеиновыхъ состоящимъ въ матерѣ съ двумя молодыми сыновьями и дочерью Александрою Николаевною. Я часто бывалъ въ ихъ домѣ и сія 16-ти лѣтняя девица мнѣ чрезвычайно нравилась тѣмъ болѣя когда я ассігновалъ свое жительство въ Москвѣ и чаще видался с ними братья ко мнѣ хаживали и мы короче познакомились. Я молодъ съ пылкими страстями далѣе и далѣе она невѣста мать была согласна и разомъ сватба.

Какъ выше видно я женился 28-го февраля сего 1804-го года.

Но я недолго оставался въ почтъ-амтѣ московскомъ. Директоромъ былъ тогда Ключаревъ мнѣ много обѣщали но тянули. Въ апреле месяце я оставилъ его службу и находился въ разсеяніи и разстройствѣ и этотъ необдуманной случай остается въ памяти на всю мою жизнь. Молодость безъ потдержки всему причиною нужны совѣты а ихъ дать было нѣкому. Пропускаю въ молчаньи какъ бы то ни было но я всю осѣнь прожилъ въ С: Петербурге одинъ оставивъ жѣну въ Москвѣ у матѣри съ апреля месяца.

1805-й годъ.

Въ начале сего года я возвратился изъ С: Петербурга въ Москву я имѣлъ письмы отъ благодетѣля моего Михаила Ларіоновича Голенищева Кутузова къ бывшему тогда въ Москвѣ военному губернатору Александру Андрѣевичу Беклешову. И былъ имъ принятъ благосклонно.

1806-й годъ.

Сего 1806-го года марта въ 31-й дѣнь послѣдовало рожденіе дочери Александры, которой восприемниками были помещикъ маіоръ Нила Андрѣевичъ Новиковъ и жена чиновника почтъ-амскаго Палагина Татьяна..... Мы тогда жили въ Москвѣ на набережной противъ Кремля въ домѣ Тищева. На семъ мѣстѣ находится теперь каменной большой домъ.

Положенія мои побуждали опять быть въ Петербургѣ и я въ іюле месяцѣ принужденъ былъ выехать туда оставивъ жену и дочь при матери въ Москвѣ. Я часто получалъ отъ нѣе письма жена моя заделалась нездорова я торопился выехать но по невозможности время проходило. Осенью получаю письмо отъ брата ее Павла Николаевича извещающаго меня о постигшей смѣрти 9-го ноября оста-

вилъ семимесячную дочь на попеченіи своей матери. Въ горести убитый симъ нечаяннымъ произшествіемъ я тотчасъ выехалъ изъ С: Петербурга но по прибытіи въ Москву я нашелъ одну дочь въ утешеніе и семѣйство плачущихъ.

Предразсудки въ человѣке или суеверіе сему смѣются и осуждаютъ, да я и самъ мало вѣрилъ, но какъ бы то ни было вѣрь или не вѣрь, а со мною случилось въ С: Петербурге и стоялъ на квартире близъ Покрова въ большой Коломне. И имѣя уже сведеніе изъ Москвы о нездоровье молодой жены моей, я сокрушался и тосковалъ, продержавшись препядствіемъ къ выезду, и не оставляя надежды къ ея выздоровленію. Время тянулось въ переписке нашей съ братомъ ея безпрерывно и я с каждой приходящей почты ожидалъ съ полученіэ письмъ и сведенія часто заходилъ самъ и справлялся по картамъ на почте не надеясь на разносныхъ почталіоновъ изъ скоромъ чрезъ нихъ полученіи. Осенью въ вѣчеру захожу я на почту узнать о семъ смотрю карту и нахожу между прочими *имя свое*. Спрашиваю говорятъ что отдано для разноски почталіону отыскиваю но его нѣтъ дожидаюсь его возвращенія. Чрезъ немалое время онъ возвращается и я получаю письмо или конвертъ запечатанной. Было уже поздно я взялъ его и положилъ въ боковой карманъ спѣша на квартиру. Ночь была сырая и темная осенняя холодной вѣтеръ одни зажженныя въ фонарихъ огни мелкали. Проходя по набережной канала у Николскаго моста на колоколнѣ Николы Морскаго пробило одиннатцать часовъ, народу уже по улицамъ никого нѣ было, по праную сторону моста где была прежде морская голубятна мнѣ пришло въ голову или мысль посмотреть на конвертѣ адресъ чью рукой онъ писанъ, подойдя ближе къ светящемуся на лѣвой стороне фонарю вынимаю правою рукою изъ бокового кармана поднимая выше къ сафту и смотрю на натпись адреса, въ то жъ время вижу с правой стороны чрезъ мое плечо высокую женщину, одетую всю въ беломъ, разъсматривающую адресъ вмѣстѣ со мною, я въ мигъ оглянулся проговорить к ней, *что тебѣ надобно* но не видя никово близъ себя и даже на улицахъ пришелъ въ ужасъ, и время и мѣсто увеличѣли оной я спѣшилъ добратся до квартиры. По входе во оную тотчасъ распѣчатываю и читаю чтожъ нахожу извѣстіе горестное о последовавшей 9-го ноября кончинѣ супруги моей Александры Николаевны, отъ роднаго брата ея Павла Николаевича Полянинова.

1807-й годъ.

Война съ французами продолжалась полки наши трѣбовали усиленія кромѣ обыкновенныхъ наборовъ высочайшимъ манифѣстомъ въ минувшемъ году возъзнана была милиція земскаго войска все жертвовали и оное съ поспѣшностію собиралось въ своихъ губерніяхъ подъ начальствомъ дворянства.

Я оставался въ начале сего года въ Москвѣ былъ приглашенъ увѣдшимъ начальникомъ генералъ маіоромъ Александромъ Ивановичемъ Татищевымъ но

вступленію я оставался одинъ начто было дутчѣ къ разсѣянію пѣчальныхъ мыслѣй и былъ зачисленъ и не болѣе какъ чрезъ полторы недели по акопированіи себя съ двухъ сотню партіею изъ деревни Филей отправленъ на зборной пунктъ въ Волоколамской уѣздъ по прибытіи въ село Середу Стратилатское тожъ мнѣ поручено командованіе имъемъ батальономъ Московскаго уѣзда изъ тысячи человѣкъ состоящаго съ полнымъ числомъ обѣръ офицеровъ. Простоявъ тутъ съ месяцъ для устроенія и формированіи сей милиціи въ роты или сотни. Между тѣмъ я относился по командѣ къ генералъ маіору Павлу Александровичу Рахманову волоколамскому предводителю дворянства послѣ поверки пріема отъ бывшаго при наборѣ изъ Москвѣ полковника А: П: Мелгунова изготовивъ сухарей на месяцъ. По прибытіи Александра Ивановича Татищева мы были по осмотрѣ имъ отправлены по данному маршруту заграницу до Палангена.

Вѣсело было въ походѣ офицеры были молодые ратники удалые песенники и рожечники все знали на походѣ строгая дисциплина соблюдалась сотники бывшіе на службѣ и урядники изъ старыхъ служивыхъ изкореняли въ голову молодымъ въ каждой сотнѣ находился командиръ оной и два пятидесятника въ сихъ последнихъ званіяхъ находились отличныя молодыя люди посвятившія себя на службу по приличію и состоянію. Два брата Катеникоевы Николай и Михайла*) въ особенности поручены были мнѣ отъ ихъ матѣри. Линдѣнъ Александра Егорычъ правилъ должность батальоннаго адъютанта. Все трое находились при мнѣ безъотлучно. Гусевъ былъ квартермистромъ, Михайловскій все они съ воспитаніемъ и знали французскій и нѣмецкій языки. Сотники были Мавроди, Седнѣвъ, Норбѣковъ.

Имѣли тѣмнозеленый съ пантолонами мундиръ съ алыми воротникомъ и прошивками, чрезъ плечо лакированная черная портупѣя съ саблею на крюкахъ и треугольная шляпа съ зеленымъ изъ перьевъ султаномъ; у однихъ пятисотныхъ командировъ положено имѣть эполеть золотой на лѣвомъ плечѣ.

Изъ зборнаго пункта села Середы изъ назначенный дѣнь отслужилъ съ водосвященіемъ молебѣнъ (это было въ маіе) отправились въ походъ съ большимъ обозомъ афицерскихъ повозокъ и обывателскихъ подводъ подъ сухарями и слабыми.

Мы слѣдовали по маршруту чрезъ города Гжатскъ, Вязму, гдѣ встретилъ насъ походный бригадный командиръ Бунинъ (подполковникъ). Около сего жъ пути на чистомъ поле повстречали мы курьера скачущаго которой махая платкомъ кричалъ миръ, миръ, поздравляю. Послѣ мы узнали что это былъ генералъ отправленный въ Москву съ извещеніемъ о мирѣ, кажится князь Долгоруковъ.

*) Примѣчаніе. Въ последствіи Катеникевы находились въ Нѣжинскомъ драгунскомъ полку капитанами. Обѣ ранѣны у старшаго оторвало ядромъ ногу. Линденъ въ 41 егерскомъ полку былъ адъютантомъ у генерала Кашинова потомъ полковникомъ и начальникомъ штаба въ корпусѣ Раевскаго и генералъ лейтенантъ въ 1828, 29, 30 и 31 годахъ генералъ кригсъ комиссаромъ.

Чрезъ два перехода назначаема была дивизія все двенадцать батальоновъ городовъ Московской губерніи следовали одинъ за другимъ по маршрутамъ такъ прошли Дорогобужъ и вступили въ Смоленскъ где встретилъ насъ областный походный начальникъ тайный совѣтникъ и действительный камергеръ Александръ Петровичъ Нащокинъ. Изъ онаго далѣе по тракту чрезъ Красной въ местечекъ Дубровнѣ Могилевской губерніи мы остановлены были въ предъ до сожиданія повеленія.

Областной нашъ начальникъ съ штабомъ пребываніе имѣлъ въ Орше въ Дубровнѣ вместѣ с ними размещенъ былъ батальонъ Можайскаго уѣзда подъ командою подъполковника Фонъ Сант-Флеѣна знакомство скоро сводится между походными онъ былъ с молодою женою. Молодые афицеры при дамскомъ обществѣ провождать время веселѣе въ Дубровнѣ жъ жилъ отставной генералъ Чорба женатой на наследнице князей Любомирскихъ. Мы часто бывали и приняты ласково. На праздникъ С. Христины къзіонъ дѣлали угощеніе и звали къ себѣ всѣхъ были окружные помещики съ дурками ловкостію полячекъ глаза прелщались.

Мы проводили время весело и простояли тутъ съ месяцъ. Изъ баталіона моего во все время выступленія съ места ни бѣжавшихъ ни умѣршихъ не было.

Получено повеленіе о приведеніи въ мѣру людей и формированіи по ротамъ. Тутъ нѣсколко причуяли и одинъ бѣжалъ изъ тысячи. По сему разбору люди отъ меня поступили некоторое число въ другіе баталіоны и я принималъ ихъ обѣ изъ прочихъ такъ что отъ 5-ти до 6 вер. составилось 529 чел. и мнѣ предписано следовать со оными въ городъ Диену Минской губерніи и здать въ корпусъ генерала графа Остермана Толстаго въ Изюмской гусарской полкъ.

Мы отправились чрезъ Сенно, Полоцкъ и по прибытіи въ Диену люди были представлены въ корпусный лагерь. Графъ самъ выбиралъ людей вмѣсетъ съ генераломъ Дороховымъ и прочими человѣкъ до двухъ сотъ было не удостоино и подобныхъ людей всѣхъ уѣздовъ предписано было здать одному пятисотенному начальнику для отвода обратно восвояси. Для сего назначенъ былъ подъполковникъ Сапѣлебѣнъ, всѣмъ же пятисотѣнными командирамъ съ штабъ и обѣръ офицерами предписано собратся въ городъ Витебскъ.

По здачѣ людей мы насилу могли выбрятся изъ Сенно по неимѣнію лошадей отъ большаго собранія войскъ и потребности мѣстное начальство намѣкнуло намъ къ поводу усилія заборомъ подводъ въ торговой дѣнь съ рынка за нами дѣло не стало сформировано шесть лошадей и выѣхали на двухъ повозкахъ отправясь до Полоцка по нижней дорогѣ за Дисенку но нѣрстахъ в семи у одной корчмы тройка лошадей войтомъ с крестьянами у насъ была отъбита. Линденъ и Михайловской остались съ повозкою, я одинъ съ Кателиковыми на своей отправился. При проездѣ чрезъ деревни войты и с нами хотѣли здѣлать тоже но обѣщаніе подводчику что онъ ихъ полности удовлетворенъ будетъ прогонами

съ водкою, ихъ удерживало. Мы пріехали въ Полоцкъ ночью и на другой день переправились чрезъ рѣку Двину въ городъ.

Наступила осѣнь вѣтръ и дожди продолжались. На другой день мы вышли на берегъ Двины паромы были сорваны перевощики разбѣжались плохой былъ присмотръ начальства сильной браль у безсильнаго. На другой сторонѣ реки народъ собрался ищущій переправы тутъ же милиціонной офицеръ былъ видѣнъ. Мы остановились изъ любопытства все они възобрались на большую лодку и отъвалили отъ бѣрега опираясь кольями ихъ понѣсло по теченію винъ и изъ полуверстъ привалило къ другому берегу но не имѣя каната не могли удержатся офицеръ не имѣя терпѣнія прыгнулъ но лодку въ это время удалило отъ берега и онъ поплылъ. Мы ахнули не зная о его еще знаніи но стоящими людми тутъ былъ схвачѣнъ и вытащѣнъ. Мы крайнѣ удивились увидѣнъ предъ собою явившагося въ мокромъ мундирѣ Липдѣна взяли его къ себѣ на квартиру и высушили сказозубы по молодости шутили но ему было не до шутки онъ сердился. Мы узнали что они ожидая съ Михайловскимъ лошадей ихъ корчмѣ не могли сыскать и онъ отъправился пешей верстъ за сорокъ въ Полоцкъ. Изъ земскаго повѣтоваго суда данъ былъ приказъ и повоска съ Михайловскимъ на пятый уже дѣнь прибыла въ городъ.

Мы пробыли въ Полоцке съ недѣлю Сапѣлебенъ собиралъ команды въ одну образованныхъ. Но между тѣмъ люди обсѣли изъчурились и какъ я послѣ слышалъ отъ худаго его распоряженія отъкрылись болѣзни и смертность.

По прибытіи въ Витебскъ явился я къ Г. Нащокину и отъдавъ въ полности отъчѣтъ чрезъ двѣ недѣли отправился обратно въ Москву. Я принужденъ былъ въ Витебскѣ купить лошадей и отъправился на своихъ куда прибылъ уже въ ноябрѣ месяцѣ.

Областной начальникъ прибылъ также въ Москву долго продолжалось существованіе сего корпуса все пятисотенные командиры были въ сборе часто к нему являлись съ отъчѣтами и другими надобностями о суммахъ также отъдаваемъ былъ отчѣтъ казенной палатѣ.

1808-й годъ.

За отличную службу въ сей милиціи я награжденъ чиномъ надворнаго совѣтника и получилъ золотую мѣдаль для ношенія на владимирской лентѣ, при похвальномъ рескриптѣ отъ главнокомандовавшаго областью и бывшаго въ Москвѣ военнаго генералъ губернатора Тимофѣя Ивановича Тутолмина.

Губернской начальникъ былъ Николай Семѣновичъ Мордвиновъ а уѣздной какъ выше видно Татищевъ но все они оставались въ Москвѣ въ походѣ жъ были какъ извѣстно Нащокинъ, въ видѣ дивизіоннаго командира и четыре бри-

гадныхъ всей Московской губерніи по уѣзду жъ онаго Можайскаго и Рузскаго былъ Бунинъ. Сверхъ сихъ два баталіона стрѣлковъ были сформированы и окопированы и оставались въ Москвѣ но они скоро также уничтожены поступленіемъ въ полки. Они были въ парадѣ при погребеніи орловскаго и прочихъ областнаго начальника графа Алексея Григорьевича Орлова.

Уѣздной мой начальникъ Александръ Ивановичъ Татищевъ получилъ въ награду ордѣнъ С-я Анны 1-й стѣпени. Онъ въ половинѣ лѣта изъ Москвы отъправился въ С: Петербургъ куда взялъ съ собою родственника моего, шурина, покойной жены Павла Николаевича Полянинова в званіи правителя дѣлъ. Тамъ скоро былъ онъ назначенъ генералъ кригсъ коммисаромъ и пріѣхалъ въ Москву по должности.

Онъ пригласилъ меня на службу въ Коммисаріатъ и я былъ принятъ изъ исходе сего года. Военный министръ тогда былъ графъ Алексей Андрѣевичъ Аракчѣевъ. Повеленіе объ опредѣленіи меня последовало 23 декабря съ перемѣнованіемъ въ 7-й классъ. На сію службу присягалъ и у Николы на Пупышахъ близъ Коммисаріата изъ Москве.

1809-й годъ.

Въ скоре по повеленію военнаго министра назначенъ я управлять Бериславскимъ Коммисіонерствомъ куда и долженъ былъ отправится.

Оставивъ маленькую дочь свою у бабки ея Авдотьи Егоровны Поляниновой жившей тогда въ приходе Николы Галетунскаго, по запасеніи всѣмъ нужнымъ я выехалъ изъ Москвы 11-го февраля на почтовыхъ съ однимъ человѣкомъ Осипомъ изъ своей повоске. Зима была холодная снѣги великіи провхань Харковъ она стила умалятся. Для меня было новое вступивъ в отѣли ехать отъ 20 до 30-ти вѣрстъ до станціи, не видѣвъ ни одной деревни а станціи изъ одной землянки и дворомъ для лошадей кизиковъ обнѣсеннымъ. Тѣмъ болѣе далѣе за Екатеринославлемъ чрезъ Александровскую крѣпость и Арехонъ снѣгу уже совсѣмъ не было стѣпная трава стороною катила мою зимнюю повоску другая природа солнце грѣло вѣсна время свое в сихъ мѣстахъ открывала и не доежжая вѣрстъ 60-ти кажится въ Знаменскомъ я долженъ былъ бросить свою повоску отъправясь на перекладныхъ куда и прибылъ около 20 числа того жъ месяца. На Днепре стояль еще ледъ но чрезъ него проводили съ проводниками.

Съ пріезда мнѣ отъведена была квартира въ домѣ купца Бугримова, но на другой дѣнь изъ подошвахъ ногъ моихъ открылась простуда мнѣ нельзя было стать на ноги колодо какъ иголками последствіи сіи отъ тѣхлыхъ сапоговъ въ дорогѣ на повомъ мѣху иногда потѣли иногда забли эхавъ дѣнь и ночь я не скидавалъ ихъ а особенно въ переменномъ климатѣ. Я былъ въ опасно-

сти лекаря во всѣмъ городе не было меня еще болѣя натрашали полицеймейстеръ Константиновъ и инвалидной капитанъ первой совѣтовалъ мнѣ тѣрѣть стручковымъ перцомъ а второй что с нимъ тоже было и онъ принужденъ былъ мѣжду пальцами рѣзать. Я совѣтъ перваго попробовалъ и раскаялся перецъ рналъ или жегъ между пальцами втораго же не послушался. Хозяинъ мой изготовилъ для меня баню и совѣтывалъ приложить подошвами на верхнемъ полку къ нагоревшей деревянной стенѣ но однако всѣ мнѣ это не помогало. На третій день я изъ отъчаянія тѣмъ болѣя что мнѣ предписано тотчасъ вступить въ управленіе коммисіонерствомъ мнѣ нужно было туда явится и смѣнить 7-го класса Юрчевскаго я велелъ подать себѣ просторныя сапоги кое какъ надѣлъ ступилъ разъ два прошелъ чрезъ мочь по комнатѣ оделся и отправился ноги мои стали поправлятся цыркуляція изъ крови налечила ихъ поневоле и с тѣхъ поръ по сіе время я не чуствую никакой простуды.

С квартиры и перешелъ изъ казенной каменной домъ чрезъ одну улицу отъ присудствія коммисіонерства изъ другой онаго половинѣ жилъ прежней управляющей Юрчевской съ женою и падчерицѣю привезенною недавно изъ пансіона въ Петербургѣ кажется ее собили за меня но мнѣ не показалось настоящая индианка но за нею было много земли овецъ и скота на ней послѣ женился полковникъ Либгартъ командиръ Полтавскаго полка послѣ генералъ маіоръ и комендантъ въ Херсонѣ.

Месяца чрезъ два военной министръ прислалъ курьера за Юрчевскимъ и велелъ сестли еще и не принялъ коммисіонерства то до окончанія производить ему по 50 ко. в день пополамъ съ Юрчевскимъ. Однако уже приведено было къ окончанію и я чрезъ неделю отправилъ ихъ въ С. Петербургъ.

Я занималъ одинъ цѣлой домъ привыкъ къ Бериславлю со всѣми познакомился мнѣ было хорошо и казалось вѣсело войски довольствовались въ Крыму расположенныя изъ ведомствѣ моемъ было человѣкъ 8 коммисіонеровъ столоначалники Авраамовъ и Полторацкой такое жъ число писарей и много команды. Я узналъ окружныя стѣпи и познакомился съ живущими на нихъ помещиками.

1810-й годъ.

Недолго продолжалось существованіе получено повеленіе объ уничтоженіи всѣхъ коммисіонерствъ въ мартѣ месяце по удовлетворенію войскъ вещами по сроку. Я закрылъ присудствіе онаго и здалъ дома изъ гражданское вѣдомство.

При семъ случае казначей Сачевской надѣлалъ мнѣ много хлопотъ и тревоги в недостаткѣ суммы при повѣркѣ до семи тысячъ часть кое какъ собрана онъ былъ арестованъ тѣ кои у него взаймы брали разъѣхались. Однако я сообщилъ полицеймейстеру Лузеневу на мѣсто Константинова которой переведенъ въ Херсонъ.

Мнѣ некогда было ожидать возвращенія ихъ я со всѣмъ штатомъ делами и суммою отправился въ мартѣ месяце 19 числа въ Кременчугъ куда предъписано поступить и занять мѣсто члѣна въ тамошней Коммисіи.

Выѣхавъ изъ Бериславля въ прекраснѣйшее весенніе время по цветущей дороге чрезъ Херсонъ по мѣжду онымъ и Николаевымъ застигла насъ снѣговая мѣтель и нанесло много снѣгу такъ что колиска моя завязла въ одной балкѣ и я принужденъ былъ ее оставить. Привыхавъ въ Николаевъ на перекладныхъ дожидавшись ее въ Николаевѣ вторично долженъ былъ оставить въ Елисаветградѣ и привхалъ въ Кременчугъ на перекладныхъ которая послѣ уже доставлена. По прибытіи въ Крюковъ въ томъ же мартѣ месяце 29 числа остановился въ домѣ мещанина Москвитинова.

Я здалъ въ тамошнюю Коммиссію всю принадлежность въ исправности. Управляющимъ оной тогда былъ генералъ маіоръ Холодовъ. Мнѣ была извѣстная надобность въ Бериславлѣ которую я поручилъ тамошнему полицеймейстеру. И просился въ Семферополь съ жалованною для тамошнихъ войскъ суммою каждотретно отправляемою и выехалъ со мною изъ Крюкова въ апрелѣ месяцѣ 8 числа чрезъ тѣ же города. Въ Бериславлѣ обрадованъ былъ полученіемъ денегъ съ имѣвшихся долженикомъ моего казначеи которыя Лузеневымъ и отданы мнѣ но однако мнѣ досталось приплатить за Сачевскаго съ полторы по слава Богу тѣмъ кончилось.

По прибытіи въ Семферополь мнѣ досталось встрѣтить тутъ праздникъ С-я Пасхи Воскресенія Христова. Но я квартировалъ у госпиталнаго смотрителя маіора Малевскаго у нѣго семейство и мнѣ не такъ скучно было. Спалня моя была въ гостиной изъ домѣ на высокой горѣ и поутру мнѣ всегда представляли горы Крымскія покрытыя нѣчнымъ снѣгомъ такъ блиско что кажется тотчасъ до нихъ достигнуть можно но однако они отъстоялн сорокъ верстъ отъ Семферополя. На Страшной недели мы ходили по греческимъ и армянскимъ церквамъ гдѣ видели разное украшеніе во гробе Спасителя. Въ это время тамъ строился вновь рускій соборъ. Чиновники рускіе но жителн татары армяне и греки у первыхъ есть мѣчети дома ихъ огорожены каменною стѣною чрезъ что улицы скучны, речка Салгиръ вытѣкаетъ изъ горъ и проходитъ мимо города внизу на ней много мелницъ.

Я в среду или четвергъ на Святой недели выехалъ изъ Семферополя со мной былъ унтеръ офицеръ на перекладныхъ и полетѣлъ чрезъ обширныя Крымскія стѣпи по дороге селеній очень мало кромѣ станцій назади меня горы снѣгались и особенно Палашъ гора похожая на огромную хорошую крышу. Они видны за станцію отъ Перекопа за 150 верстъ, гдѣ и любопытствовалъ видѣлъ соленыя озера отъ коль фурщиками соль доставляется въ Крюковъ и развозится Днѣпромъ на байдакахъ въ верхъ онаго по всѣмъ мѣстамъ.

По прибытіи въ Бериславль я дни три пробылъ у пріятеля моего дворянина и потомкинскаго еще корнета Меславцова и видѣлся съ прежними знакомыми.

По прибытіи въ Крюковъ 28 апреля я вступилъ въ должность члѣна Коммисіи. Товарищи со мною были Брокѣръ, Королевской и Булатовъ. Я перемѣнилъ квартиру и сталъ въ домѣ чиновника Пятницкаго. У управляющаго Коммисіею генерала Холодова мы съ Брокѣромъ и коммисіонеромъ Чечеткомъ часто бывали и играли въ бостонъ. Онъ человѣкъ пожилой служивой жена у него была или еще не жена но онъ скоро на ней обвенчался Марья Михайловна воображалъ ли я тогда что чрезъ двѣнадцать лѣтъ изпередъ будетъ воспріемницею моего сына Николая, родившагося въ 1822 году. Тутъ же я часто видалъ привлекающую къ гости помещицу Раздерищину съ дочерью лѣтъ пятнадцати хорошенькою дѣвочкою Марьею Николаевною послѣ вышедшею замужъ за чиновника Маламу и въ послѣдствіи чрезъ такое жъ число лѣтъ здѣлавшеюся пріятельницѣю жены моей.

Холодовъ отърапортовался больнымъ и я за болѣзнію его управлялъ Коммисіею но недолго въ маіе жъ месяце получено повеленіе я назначенъ самъ къ управленію Смоленскою Коммисаріатскою Коммисіею. Съ сожалѣніемъ я долженъ былъ разстатся съ Крюковымъ и Кременчугомъ и въ іюнѣ месяце выехалъ.

Я отъправился въ колискѣ своей у которой дорогою отъ жара часто портились колѣсы и делали остановку. При мнѣ былъ человѣкъ мой Осипъ и одинъ унтѣръ офицеръ. Чрезъ города Харолъ Лубны и Пыратинъ Нѣжинъ Черниговъ не кого почтарь ошибкою писаря провѣзъ меня не по тому тракту къ неудовольствію я долженъ былъ одну станцію проэхать лишнѣе возвратомъ опять въ городъ за что однако они были наказаны. На Старъ Дубъ и Рославль я прибылъ въ Смоленскъ въ іюлѣ месяцѣ и вступилъ въ управленіе Коммисіи 9-го іюля вмѣсто умершаго полковника Перепѣсина, въ которой чѣлѣми были 7 класса Ватацій и 8-го Путята Василей Ивановичъ (въ послѣдствіи онъ былъ генералъ кригсъ коммисаромъ). Послѣ были Воеводской Яковъ Даниловичъ и Иловайской. Я былъ молодъ они все мени старѣе можетъ быть было не безъ зависти, но меня избрало начальство. Видно оно заметило и действительно что я ни къ какимъ интѣресамъ привержонъ не былъ даже стыдался слыша отъ другихъ къ тому намѣки стараясь заглушить страсть къ прочихъ находясь въ службѣ расторизающей казенными выгодами.

Я перемениль квартиры за квартирою по невыгоднести прежде на большой главной улице потомъ за Молоховскими воротами а затѣмъ опять подлѣ оныхъ въ городѣ въ домѣ Г-жи Шейковской.

Въ Смоленскѣ тогда правитъ должность военнаго начальника генералъ маіоръ Кетлѣръ директоръ кадетскаго корпуса а губернаторомъ былъ баронъ Аш. Я былъ принятъ ими хорошо, дворянѣ смоленскіе хотя мало богатыхъ но живутъ гостеприимно и ласковы, делая часто собранія, провожали время весело.

Трое насъ холостяковъ то есть квартирующій бригадный командиръ артилеріи полковникъ Мацылевъ, батальонный гарнизона командиръ подполковникъ Устьянцовъ и я провожали каждодневно почти имѣетъ весело иногда задили на дачу въ 4-хъ вѣрстахъ отъ Смоленска купца Врагина тамъ провожали лѣтомъ время съ удовольствіемъ.

Мнѣ наскучило перемѣнять квартиры, мнѣ приискали продажной домикъ которой въ исходе сего года 18 сентября и купилъ у госпожи Базевой, подлѣ Авраміевскаго монастыря на углу, в немъ заключалось двѣ комнаты съ передпею и буфетомъ а на дворѣ кухня и сараями с ледникомъ и садикомъ цѣною не помню но кажется за 700 ру. куда и перешелъ жить. При домѣ содержано было въ услуженіи два человѣка людей комнатныхъ, сверхъ того кучеръ и женщина, пара лошадей съ дрожками и санми.

Прежде вскорѣ по пріездѣ в Смоленскъ 27 іюля задилъ въ мѣстечко Хиславичи на два дни.

*) На замеч. Бюро съ откидною доскою или канторка съ ящиками, изъ ясеноваго дерева, делано у помещика Глинки. Компасъ математической подарѣнъ помещ. Ушаковымъ. Цѣлы и въ 1834-мъ году. За доскою бюро положенъ былъ кофей на дачѣ, французами въ 1812 году скушенной но чрезъ то бюро и самая дача осталисъ цѣлы.

1811-й годъ.

Я оставался при прежней должности и былъ въ обществѣ на обыкновенномъ предпочтеніи между начальниковъ мѣстъ занимаемыхъ по президенству. Въ Смоленскъ назначенъ былъ 7-го ноября военнымъ губернаторомъ генералъ Бахмѣтевъ но онъ пробылъ недолго. Мы часто а особенно по праздничнымъ днямъ приглашаемы были к столу губернатора. Преосвященной тогда былъ Серафимъ нынѣшней митрополитъ С: Петербургской.

Коммисія находилась близъ Молоховскихъ воротъ въ переулкѣ, развалины коей и теперь еще существуютъ, а магазины с вещами помещены были въ королевской крепости, тутъ же и архивъ съ старыми дѣлами кромѣ новыхъ которыя хранились при коммисіи.

Съ 22 генваря по 10-е февраля я былъ въ Москвѣ.

Съ 5 сентября по 4-е октября вторично былъ въ Москвѣ.

Доставлялось изъ Москвы въ большомъ числѣ казенныхъ вещей для отъпуска въ войски коихъ безъпрерывно прибывало въ округъ довольствія бывшей въ губерніяхъ Смоленской Минской Могилевской Виленской Гродненской частію Волынской Черниговской и всей Белостокжской области. Осенью какъ и вѣсной много было отпусковъ следовательно и дѣла много.

Я былъ въ 7-мъ классѣ въ сѣмъ году портретъ с мѣня снятъ по преданности особенной ко мнѣ служащимъ въ смоленскомъ дворянскомъ собраніи секретаремъ, искуснымъ въ таковомъ дарованіи, но незанимавшимся, для тѣхъ только, кто ему могъ нравится. Портретъ сей и понынѣ тотъ же послѣ прибавленъ только крестъ С-го Владимира.

Зеркало (что рама попорчена) и секретерка краснова дерева куплены въ Москве, цѣны въ 1834-мъ году.

1812-й годъ.

Наступилъ достопамятный сей 1812-й годъ. Полки и разные войски казацкіе башкирскіе и линейные продолжали походы свои за Смоленскъ. Мы были въ безпрерывномъ занятіи удовлетвореніемъ разными вещами.

Вѣсной еще въ распутицу посѣтилъ насъ генералъ кригсъ коммисаръ Александръ Ивановичъ Татищевъ, проездомъ въ Вилну где уже пребываніе имѣлъ Государь Императоръ. Въ Смоленске Татищевъ покои о запорядкѣ вещей болѣя и болѣя. Мы удивлялись великой потребности и не воображали о предстоящей бурѣ постигшей пристанище наше. Я заготовлялъ много холстовъ и работалъ въ угодность ему безъ умолка съ полнымъ усердіемъ и преданностію для пользы отѣчеству и престолу въ чѣмъ и успѣлъ съ великимъ усиліемъ.

Марта 12-го дня домикъ свой я продалъ отъставному полковнику Семену Ивановичу Цѣгелю не помню за сколко но кажится болѣе той цѣны отъ того что зделалъ много поправки, и перешѣлъ жить въ наемную квартиру на форштатѣ противъ Молоховскихъ воротъ въ домъ живописца Гвидкина цѣною за 300 ру. въ годъ, гдѣ уже и жилъ во время проезда Татищева которой дѣйствіями моими по службѣ былъ доволѣнъ. Вскоре послѣ прибытія своего въ Вилну чрезъ ходатайство ево награжденъ я отъ Государя Императора орденомъ С-го благовернаго князя Владимира 4-й степѣни, которой и доставленъ ко мнѣ при рескриптѣ за собственоручнымъ Его Величества подписаніемъ.

Рескриптъ сей хранится у меня отъ 31-го маія.

По полученіи ордѣна при великой сей радости и дѣлалъ пиръ гостямъ было много и самъ правящій должность военнаго губернатора генералъ Кетлѣръ Вилимъ Ивановичъ, а пріятѣли мой полковникъ Мацыѣвичъ велѣлъ придвинуть свою артилерію на площадь противъ моей квартиры и выстрѣлъ за выстрѣломъ долго продолжались за здоровье жаловатѣли, такъ что и трубамъ достолось, а музыка гремѣла.

Въ свободное время и особенно лѣтомъ я жилъ на дачи. Пріятѣли мои отлично хвалили состоящую въ восми верстахъ отъ Смоленска по Краснинской дорогѣ въ лѣвую сторону версты съ полторы деревнъ Баннѣровыхъ называемую

Красную мызу, домъ съ антрѣсолемъ и бериведеромъ при нѣй рощи и всей земли было слишкомъ восемдесятъ десятинъ. 3-го маія сія дача была сторгована и я купилъ ее за 4500 ру. куда и жилъ я часто, тамъ жилъ человѣкъ мой Григорей изъ видѣ мызника съ женою Акулиною и двумя малолѣтными дочерми Марьею и Аксиньею. Тамъ же находились плотниковъ человѣкъ шесть для разныхъ подѣлокъ, анбаровъ и конюшни и обшитія дома тѣсомъ а шекотуры и пѣчники для внутреннихъ подѣлокъ на что употреблено было уже много матеріала.

Начали громко поговаривать о Наполеонѣ, молва распространялась, французы приступили къ границѣ. Въ исходѣ іюня посѣтилъ Смоленскъ Государь Императоръ проездомъ изъ Вилны въ Москву. Пробылъ тутъ сутки и осмотрѣлъ квартирующіе тогда въ маломъ числѣ войски гарнизонной и два резервныя баталіона и 8 и 11 рота батарейной и легкой артилеріи наколилъ пожаловать по рублю на человѣка. Съ государемъ былъ графъ Аракчѣевъ. Великая печаль обнаружилась в нѣмъ болѣя во время происудствованія у обѣдни въ соборе литургію совѣршалъ тогда епископъ Гаврилъ.

Въ то жъ время манифѣстомъ объявлено собраніе ополченія народнаго и въ Смоленскѣ заторопилось въ народѣ дворянѣ другъ предъ другомъ старалисъ показать свое усердіе. Прибылъ флигѣль адьютантъ для распоряженія. Въ скоре генералъ Винценгородѣ заступилъ мѣсто военнаго губернатора. Тотчасъ по прибытіи я былъ призванъ и мнѣ приказано приготовлять казенные вещи къ вывозу по тракту на Москву. Обывательскія подводы со всѣй губерніи собираемы были въ короткое время отъпрaвлено было слишкомъ на пяти сотъ подводахъ вещей при членѣ 8 класса равно и изъ прочихъ мѣстъ выбирались и отъправлялись.

Волненіе умножалось. Въ іюлѣ месяцѣ соединились въ Смоленскѣ двѣ главныя квартиры двухъ армій Главнокомандующихъ 1-я графа Барклая де Толія 2-я князя Багратіона. Французы перешли уже границу. Съ нашей стороны предъполагали быть по близости генералному сраженію. Генералъ интѣндантъ заботились на случай раненыхъ приготовленіемъ потребностей. Мнѣ велѣно приготовить все и я каждодневно и ежечасно требовалъ былъ туда и сюда и особенно у генерала Канкрина. Главноуправляющей по сей части былъ Василій Сергѣевичъ Ланской, генералъ штабъ докторъ Вилие и другой Г. интѣндантъ Ланской братъ перваго также заботились. Хотя соединились двѣ полевыя коммисіи и два полевыхъ генералъ кригсъ коммисара но я какъ принадлежалъ к внутреннѣму управленію и потому распоряженіе на меня было возлагаемо. Тревога сія продолжалась безъ мала месяцъ слухи разные непріятѣль приближался къ Смоленску.

Такъ продолжалось безъ мала месяцъ у меня казенное все было вывезено. Секрѣтно приказано было имѣть въ готовности шесть лошадей съ повозками

для увоза денежной казны, которой состояло тогда немало ассиг. слишкомъ полмилліона червонцевъ семь тысячъ и серебра сколко то.

Курьеры лѣтали, привозили разные свѣденія, взадъ и впередъ, безпрерывно. Я забылъ и думать о своей дачѣ, все были въ отчаяніи, говорили что и форштатъ где была моя квартира, при случае будетъ очищѣнъ.

Непріятѣль уже былъ въ Орше и Лядахъ. Изъ Смоленска былъ командированъ капитанъ Тебенковъ съ артилеріей и несколко пехоты но они скоро возвратились. Объ главные квартиры перешли за Днѣпръ жителіи выезжали Смоленскъ делался пустъ.

31-го числа іюля было последнѣе мое присутствіе въ коммисіи, афиперы мои были все разобраны въ командировки. Изъ гошпиталя больные выведены. При мнѣ только оставался одинъ чѣлѣкъ Воеводской казначей Раковъ и секретарь Спиридоновъ да бухгалтѣръ Санниковъ с несколкимъ числомъ писарей и команды. Мнѣ такжe приказано было перейти за Днѣпръ.

Квартиру я свою давно оставилъ по опасности и жилъ кое гдѣ при коммисіи. У меня были готовы пара прекрасныхъ лошадей подъ брачкою и третья подъ дрожками.

Денежная казна по повеленію была отправлена съ казначѣемъ и двумя щѣтчиками по тракту въ Москвѣ чрезъ Элну избѣгая опасности захваченія непріятеленъ, и приказано въ Дорогобужe ожидать меня. Но я не получилъ повеленія на свой выездъ мнѣ приказано отъ Ланскаго и Канкрина быть до повеленія при нихъ. Движеніе перехода войскъ продолжалось и я не имѣлъ пристанища выпровоцилъ экипажъ свой и чиновниковъ за пять вѣрстъ отъ Смоленска по дорогобужскому тракту и приказалъ имъ находится тутъ то есть на биваках и ждать моего возвращенія, самъ отправился обратно въ городъ на бѣговыхъ дрожкахъ съ десятилѣтнимъ мальчикомъ, изъ намеренія скоро по полученіи разрешенія возвратится но меня не отпускали.

Не помню но кажится 3-го или 4-го августа поутру, мнѣ нужно было побывать на своей дачѣ тамъ все у меня было брошено чтобъ приказать людямъ уѣзжать поскорѣе следуя на Элну забравъ что можно. Тамъ было у меня дѣв пары воловъ. Я выехалъ за Молоховскія ворота на бѣговыхъ дрожкахъ пустился во весь духъ проселочною дорогою не зная о несча блискомъ нахожденіи непріятеля.

Отъѣзжая не болѣе съ полверсты отъ города усмотрѣлъ я разъѣзжающихъ патрулѣй конныхъ артилеристовъ съ пистолѣтомъ въ рукѣ. Они были часто разставлены и были въ военномъ положеніи. Я видѣлъ что они были наши Мацылевой бригады, Тибенковой роты, они пропустили меня не сказавъ ни слова. Въ мигъ я очутился на своей дачѣ нашелъ тамъ одну женщину Акулину съ детми, а мужъ ее Григорей пошелъ ко мнѣ въ городъ спрашивается что ему

дѣлать, не было и плотниковъ которыя пошли въ ближнюю деревню въ гости. Я зашелъ въ домъ и въ верхнихъ комнатахъ въ сборѣ за доски положилъ бывшія тутъ припасы фунта съ два кофею сахару и чаю зная что до перваго французы охотники чѣмъ бы умилостивить ихъ отъ разрушенія моей дачи на первой случай. Прочѣе все было несколко бутылокъ вина и рома и даже мебель скрыто въ выходѣ подъ домомъ. Я пробылъ на дачѣ не болѣе десяти минутъ*) приказавъ женщинѣ чтобъ по возвращенія мужа ее и плотниковъ какъ наискорѣе выехать забравъ что получчѣ на днѣ пары волонъ и держатся къ Элнѣ, пустился обратно. На половинѣ дороги я встретилъ человѣка своего Григорья идущаго изъ города но онъ былъ уже подъ хмѣлкомъ. И строго приказалъ ему спѣшить итить на дачу и скорѣе выезжать толковать было долго некогда. Я возвратился въ городъ и опять за Днѣпръ, явился къ Канкрину по приказанія на отъпускъ мой еще не последовало.

Пришелъ вечеръ. Я не зналъ гдѣ мнѣ провѣсть ночь съ мальчикомъ и лошадью которая нѣсь дѣнь не ѣла. На форштатѣ знакомыхъ не было притомъ онъ нѣсь заняты войсками и чинами штабовъ. Я пошелъ въ городъ въ намеренія ночевать либо у доктора (и акушеръ) и оператора Павлоцкаго либо у полковника Цагели. Они какъ прежде говорили не хотѣли выезжать изъ города чтобъ не лишится домовъ своихъ и имения но въ последствіи безразсудность сія много потерпѣла. Оба они имѣли по дочери у перваго молодая вдова а у втораго только что взятая изъ института девица жила при молодой мачихе италіанкѣ красавице. Я приезжаю въ домъ перваго и нахожу тутъ последнихъ, напоили меня чаемъ, шутили смѣялись обыкновенно, я былъ неженатой, а они невѣсты, какъ и со всѣми водится. Они знали языки и не боялись французовъ но дорого заплатили за надежду. Однако старики ночлега мнѣ не предлагали такъ проведѣнъ былъ вечеръ мнѣ жаль было мальчика и лошади и я разпростелся мнѣ совѣстно было самому назвался что мнѣ было дѣлать кромѣ ихъ двухъ домовъ. Городъ былъ совершенно пустъ выли собаки и мяукали кошки ночь была тѣмная на улицѣ ночевать трудно. Мнѣ пришелъ въ голову домъ казначея моего Ракова состоящей близъ военносиротскаго училища и я отправилси туда. Проѣзжая мимо провіантскихъ магазеновъ улица вся заставлена была фурщиками торопящимися вывозомъ провіанта. Я насилу могъ пробратся сквозь ихъ; домъ былъ запертъ и обыкновенно оставленъ напроизволъ, какъ и все прочее. Я помогъ перелѣстъ чрезъ заборъ мальчику. Онъ отъпѣръ изъ вну-

*) Примечаніе. Только что я выехалъ изъ дачи какъ нашлись на нѣй французскіе мародеры. Женщина Акулина съ детми скрылась въ лѣсъ и плотники разбѣжались. Человѣкъ мой Григорей въ то же время нашелся и они пришели ево въ фуктъли. Европ отдавай все что есть и разсмячено. Кофіе были ради ими и ромъ разпили,но волы и коровы были скуплены въ домъ въ комнатахъ поставлены изъ лошади. Такъ перекѣзжались выходомъ и приходомъ одни за другими все расхищено.

три вороты достали съ сарая сѣна и поставили лошадь ко оному, на дворѣ заложенною, на случай тревоги которую кромѣ непріятеля и здѣлать было некому. Проходы въ домѣ были извѣстны мальчику, онъ чрезъ кухню прошелъ по комнатамъ и отъперъ залные двери. Я отъкрылъ окошко на улицу поставилъ подъ оное раскладной столъ на чемъ обѣдаютъ и положивъ дрожечную подушку подъ голову не раздеваясь лѣгъ на оной съ намереніемъ всегда быть въ готовности, мальчика положилъ на полу въ залѣ, онъ въ кухнѣ нашелъ оставленной хлѣбъ и поужиналъ. Такъ проведѣна была ночь, не помню крепко ли я спалъ имѣя одну половину своего стана на улице, а другую въ домѣ не зная и того что я былъ только въ двухъ вѣрстахъ отъ непріятеля разделеннаго городскою Годуновскою ветхою стѣною. При малѣйшемъ разъсветѣ я готовъ былъ уже, подняв мальчика и здѣлавъ попрежнему въ домѣ заперши вороты выехалъ на форштатъ *).

Проезжая мостъ чрезъ Днѣпръ видѣлъ я что онъ закладенъ былъ соломою. Я пришелъ къ Канкрину онъ повидимому также спалъ какъ и я. Онъ послалъ меня къ Ланскому Василью Сергѣевичу но я не получилъ отъ него решителнаго повеленія на отъправленіе. Между тѣмъ началась суматоха членъ мой Военскій именнѣй порученіе приматривать за зданіемъ коммисіи въ которомъ было все заперто и оставалась мебѣль и старыя дѣла въ архивѣ безъ памяти прибѣжалъ и сказывалъ что чрезъ стѣну у Молоховскихъ воротъ гдѣ была коммисія свистѣли пули мимо ушей ево а въ коммисіи ломаютъ двери и ищутъ полутче. Я пошелъ къ Канкрину. Артилерія наша придвигалась къ мосту онъ былъ зажженъ. Это былъ часъ осмой утра кажится 4-го или 5-го числа августа въ воскресенье. Канкринъ сказалъ мнѣ ну теперь ступайтѣ и слѣдуйтѣ по городамъ куда лутчѣ или безъопасніе къ Москве.

Я отъскакалъ и бросился къ своей лошади стоящей съ мальчикомъ на улице но ее чуть у меня не перехватили, сабли моя была устращеніемъ. Вотъ картина плачевная по улицамъ тревога была ужасная народъ бѣжалъ въ изъступленіи мущины и женщины съ детми за плечами вой и плачь все суетилось даже самый безъсловесный скотъ кажится чуствовалъ.

Я съ великою трудностію могъ проскакать по долгой Московской Ямской мальчикъ мой чуть держался за мною, верстахъ въ двухъ отъ заставы настигъ я образъ Божіей Матери Смоленскія Одигитріи несущій скорыми шагами почти бѣгомъ, народомъ. Я помолился и благодарилъ за избавленіе. Поскди и в сторонѣ слухъ мой заглушался громомъ орудій. Приказавъ на то мѣсто гдѣ я приказалъ ожидать себя чиновникамъ и своему экипажу но ихъ тутъ не было я

*) Примечаніе. Домъ сей имѣетъ съ прочими въ тотъ же день сгорѣлъ, по случаю приступа французовъ.

скакалъ далѣе. Множество егарей нашихъ при дороге стояли бувуаками. Я нагналъ экипажъ свой за 25 вѣрстъ отъ Смоленска совершенно изъмученной безпокойствомъ и задою своею, чиновники мои объявили что еще наканунѣ того дня получили они сведеніе будто бы я взятъ въ пленъ непріятелѣмъ, и потому они ночью с того мѣста двинулись далѣе. Я не могъ выискивать на чиновникахъ но досадовалъ на своихъ людей что они дорожили своею жизнію болѣи нежели господскою. Мы пустились далѣе и я ехалъ уже покойно в своей брычкѣ.

6-го числа мы прибыли въ Дорогобужъ и былъ встревоженъ неприбытіемъ еще казначеи съ суммою отъправленнаго на Элну не попался ли онъ въ руки непріятеля, но слава Богу къ вечеру и онъ прибылъ благополучно.

Предъположеннаго генералнаго сраженіи близъ Смоленска не дано, а говорили что смотря на движеніи непріятеля можетъ оное случится при Вороновской переправѣ но однако и того не было непріятѣль не зная видно и самъ на что решится приостановился въ Смоленскѣ гдѣ съ нашей стороны аріергардомъ былъ удерживаемъ.

Между Дорогобужемъ и Вязмою на станціи Семлеѣ 7-го числа нагналъ насъ фелтъегерь съ повеленіемъ отъ Главнокомандующаго Барклая де Толи слѣдовать по тракту къ Москвѣ.

8 и 9-е число я принужденъ былъ отъкрыть присудствіе Коммисіи въ Вязмѣ по множеству вступающихъ требованій и особенно отделеній гошпиталей следующихъ изъ мѣста по назначенію для продовольствія больныхъ скопившихся тысячь до шести въ Вязмѣ гдѣ исправлялъ должность временнаго коммендантa генералъ маіоръ Левицкой которой выказалъ изъ городовъ последней и мы почти въ местѣ съ нимъ какъ и все прочіе выехали по опасности. Здѣсь пристало къ намъ еврейское общество занимавшихся подрядчиковъ въ Литвѣ и Бѣлорусіи по опасности возвратится въ домы свои наказанія отъ французовъ. Они были подъ защитою коменданта.

10-го числа мы прибыли въ Гжатскъ.

11-го числа въ Можайскъ.

12-го числа въ Рузу приехавъ верстъ десять приостановились мы для небольшаго растаха въ деревнѣ Горкахъ принадлежащей казначею Ракову. Жителя все были въ отчаяніи не знали на что решится забирали лутчѣе и уходили далѣе.

Множество партій народнаго ополченія встречались съ нами съ хоругвями при каждомъ, въ геройскомъ видѣ следуя къ Можайску.

15-го числа чрезъ Звенигородъ мы прибыли въ Москву.

Я тотчасъ явился къ своему генералъ кригсъ коммисару Татищену. Онъ не зналъ о занятіи непріятелемъ Смоленска удивлялся болѣе следованію ево къ Вязмѣ насилу могъ повѣрить и тотчасъ поѣхалъ къ графу Растопчину военному губернатору московскому.

Мнѣ велѣно размѣститься въ зданіяхъ московской коммисіи отъкрыть присудствіе особенно отъ оной подъ наименованіемъ коммисіи Смоленской въ Москвѣ пребывающей.

Московская публика въ каждомъ сословіи говорила разное, фабрикантскимъ работникамъ велѣно разойтись по деревнямъ своимъ. Волненіе дѣлъ отъ дня умножалось подозрительные люди и особенно иностранцы въ видѣ шпіоновъ подвергались опасности.

Лутчія и состоятелные фамиліи уѣзжали изъ города. Все продаваемо было за полцены и я променялъ свою старую коляску на новую, у Маркова, съ придачею 900 ру. Она и теперь у меня (1834 года).

Почти каждодневно выходили отъ военнаго генералъ губернатора объявленіи, къ успокоенію публики въ увереніи безъопасности но Москва дѣлалась пустѣе и пустѣе уѣзжали въ низовые города и оставляли дома свои на дворниковъ являющіяся помещики и жители Смоленской губерніи умножали страхъ ося.

Предъприняты были мѣры къ вывозу изъ Москвы дорогихъ и прочихъ казенныхъ хранилищъ сухимъ путѣмъ и водою.

Смоленскія мои вещи давно прибыли въ Москву и были сложены на старомъ коммисаріатскомъ дворѣ подъ укладку коихъ дано было три барки, а московскихъ коммисаріатскихъ восемь. Мы начали грузить на оныя, одинакожъ ожидали конца генеральнаго сраженія тѣмъ оное можетъ кончится.

Глухой гулъ и трасеніе земли слышимой подъ Москвою окончило участь ея изъявѣстнымъ отъчаяннымъ сраженіемъ съ обѣихъ сторонъ 25, 26 числъ августа подъ Бородинымъ решеніе сделано, все суетились, убирали и вывозили.

Недели за полторы уже какъ экипажъ мой с малолѣтною моею дочерью при бабкѣ ее Авдотьѣ Егоровнѣ и сынѣ ее Васильѣ Полянниковыхъ былъ отправленъ со всѣми людми къ следованію на Нижній Новъ городъ. Ихъ домъ въ Москвѣ бывшей на Полянской улицѣ по левую сторону отъ Коммодемьянскаго моста занимаетъ послѣ ихъ квартирою былъ мною. Мы занимались уборкою казенныхъ вещей и одна поздняя ночь приводила на ночлѣгъ во оной. Въ домѣ семъ оставалась въ особой комнатѣ семидесятилѣтняя старушка слѣпая далняя родственница Полянниновыхъ съ женщиною для нее приготовлена была лошадь съ повозкою. Другой же сынъ Полянниновой служилъ въ штатѣ Татищева и находился при немъ призжая часто ко мнѣ. Такъ нѣсколько дней продолжалось, уборка наша окончилась.

Татищевъ былъ готовъ къ выезду непріятѣль подъходилъ къ Москвѣ. 2-го сентября получилъ и я приказъ следовать на Коломно. Поручилъ три барки двумъ офицѣрамъ Сергѣеву и Яковлеву мы въ такомъ были отъчаяніи ничего не зная о послѣдствіи непріятѣль говорили непріятѣль уже въ Филяхъ все бѣжало конное и пешее.

Часу въ 12-мъ почи я возвратился в сей домъ куда собрались казначей бухгалтеръ и чиновникъ Микишевъ гдѣ жъ прочіе не знаютъ. Экипажъ мой былъ готовъ мы напились чаю тутъ былъ еще статскій офицеръ Фоминъ съ женой и двумя маленькими детми прощаій о вывозѣ. Я вынѣлъ слѣпую старушку она вся дрожала жизнь человѣческая еще не наскучила. Послѣ я узналъ она боялась чтобъ я не столконулъ ее въ погребную яму но она была успокоена ощупавъ колѣсы у готовой повозки. Посадивъ с нѣю жену съ детми офицера Фомина приказавъ ему управлять лошадью отъправилъ.

Двери въ домѣ затворены огонь вездѣ погашенъ. Съѣхавъ самъ со двора я велѣлъ изъ внутри запѣреть ворота и перелѣзть чрезъ заборъ человѣку я оставилъ его домъ напроизволъ судбы.

Со мной былъ бухгалтеръ Сапниковъ и на особой тройкѣ денежная казна съ щетчиками.

Москва уже была пуста ни въ домахъ ни на улицахъ никово не было намъ надобно было выѣхать на Измайловскій заѣрнѣцъ къ вывозу удалившагося туда семѣйства Головинныхъ обратившагося ко мнѣ съ прозбою. Ночь была тѣмна при съѣздѣ съ Каменнаго моста мы повѣрнули налѣво въ которое время повозка съ суммою отъ насъ скрылась. Опять бѣда спросить было нѣкого мы ѣхали валомъ гдѣ теперь бульваръ не знаи въ которую заставу и очутились въ Преображенскомъ. Начало уже свѣтать и насилу могли найтить Измайловской заѣрнѣцъ и слава Богу духъ мой успокоился щетчики съ суммою находились уже тамъ.

Мое дѣло торопить скорѣе къ выезду но упросили пособѣдать женскія зборы разставаніе и плачь продержали.

Въ сіе время я купилъ у смотрителя датскую собаку за 25 ру. ей было полгода но она уже была съ полугодовато тѣленка страшная и смирная *Тигромъ* но люди наши въ походѣ провалли ее *Мирономъ*. За тѣмъ да за другимъ проводили мы целой дѣнь и принуждены были ночевать.

Выѣхавъ поутру изъ зверинца намъ надобно было проселкомъ проэхать на болшую Коломѣнскую дорогу и мы попали такъ сказать въ хаосъ бынъ не болѣя отъ Москвы въ 7 верстахъ отъ куда колонами войски наши въ разстройствѣ слѣдовали. Народъ бѣжалъ у насъ отънимали лошадей но сильная рука поѣждала слабую и отъзывъ следованія Коммисіи съ суммою удерживало. Каждая проходимая деревня была тѣсна своею улицѣю ее срывали учреждали переправы чрезъ даже малые ручьи для способнаго проезда орудій и мы вошли въ веденіе квартермейстерской части проследуя вѣреть 15 въ такомъ состоянііи мы своротили въ лѣвую сторону и вѣрсть чрезъ семь пришли поздно ночью въ подмосковную деревню Головинныхъ.

Тутъ собралось насъ болшое общество мущинъ и женщинъ молодыхъ и старыхъ. Отужинавши и пошелъ ночевать въ свою походную брычку где я обыкно-

венно проводилъ ночи отъ самаго Смоленска прочіе все расположились какъ способнѣе воображая что избавились отъ всякой опасности. Но только я успокоился какъ въ пустотѣ брички моей началъ отзываться слухъ громовыхъ орудій производимыхъ с перемѣшкою протяжнымъ гуломъ. Я ихъ могъ заснуть остереженіе упадало на мою отъѣтственность и опять всталъ одѣлся и потревожилъ всѣхъ къ походу. Все согласились и мы ночью изъ часу въ 1-мъ выѣхали пробираясь, проселочной дорогой безъ отъдыха, гдѣ то ночью безъ перевощиковъ сами переправились на плоту чрезъ Москву рѣку и ночѣвали въ городѣ Бронницахъ на другой дѣнь.

Непріятѣль уже занялъ Москву войскамъ нашимъ перемѣнена диспозиція еще 3-го числа сентября и предписано держатся къ Воронову что на старой Калужской дорогѣ.

Не упомню 5 или 6-го числа мы подъѣзжали уже къ Коломнѣ большая дорога занята разнымъ народомъ. Московская полиція также слѣдовала. Между множествомъ замѣчены мною были два человѣка ѣдущій одинъ верхомъ въ казацкомъ чекменѣ на плохой лошади другой въ мундирѣ на обѣговыхъ дрожкахъ заложенной бѣлою англизированною клячею, далѣе я узналъ въ нихъ перваго Яковлева изтораго Сергѣева бывшихъ при баркахъ. Отъ нихъ узналъ я что все барки по мелководію Москвы рѣки подъ Даниловымъ монастыремъ остановились и при приближеніи непріятѣля сожжены. Я ахнулъ на нихъ было много вещей которыя я спасъ изъ Смоленска но не одни сіи сожжены и все прочіе по повеленію начальства.

На баркахъ были положены и мои вещи особенно мебѣль и много книгъ что успѣлъ погрузить кромѣ брошенныхъ въ Москвѣ брички или фуры и дрожекъ с разною мѣлочью итакъ я в три раза то есть въ Смоленске Москвѣ и на баркахъ потерпѣлъ разореніе но участь общая, много не грустили, и своя жизнь была въ сомненіи.

Афицеры всего своего имѣнія лишились быть захваченными непріятелемъ они скрылись въ лѣсахъ и казакамъ нашимъ обязаны за свои экипажи.

Мы прибыли въ Коломню кажится 5 или 6 числа сентября генералъ нашъ Татищевъ уже былъ тамъ. Онъ много гнѣвался на Сергѣева и Яковлева зато что по дошедшимъ слухамъ одна барка осталась несожженною съ сукнами и сошла въ низъ. Но вся эта бѣда кружила головы мы сами не знали что дѣлать. Дали знать что непріятѣль изъ Бронницахъ и генералъ нашъ улѣтѣлъ, приказавъ мнѣ съ Нутятой вынѣсть всѣхъ раненыхъ больныхъ изъ гошпиталей и отправить ихъ низъ по рекѣ на баркахъ.

Чиновниковъ совершенно ихъ было все или раскомандированы или разъѣхались еще изъ Москвы на разные тракты кто куда попалъ. Сергѣева и Яковлева приказано было арестовать. Вотъ анекдотъ я докладываю что мнѣ нелзя одному

управится, а Сергѣевъ у тебя и Яковлевъ но они арестованы вотъ арестованы употреби ихъ слѣдовательно и все кончено.

Въ Коломнѣ все было въ тревогѣ жителей и десятой части не оставалось въ городѣ. Что намъ дѣлать съ Путятой больныхъ было до трѣхъ тысячъ назначенныя чиновники на два отдѣленія подъполковники Валяевъ и Казаковъ приняли барки. Мы проходили зданія ребята непріятѣль близко кто хочетъ избавится отъ плѣна слѣдуйте на барки. Все затормошилось, вотъ картина даже самые изъувѣченные не желали оставатся всѣ брели къ берегу другихъ несли на носилкахъ. Мы выпросили 150 че. людей изъ ополченія у Измайлова.

Изъ Коломны Московской Комиссіи велено слѣдовать въ Нижній Новъ городъ в нѣй былъ генералъ маіоръ Лангъ а мнѣ съ Смоленскою приказано находится при генералъ квригсъ комиссарѣ.

Мы занимались переводомъ больныхъ на барки до самаго вечера. Гошпиталь былъ за городомъ. По окончаніи возвратясь на квартиру опять экипажу моего нѣтъ вотъ какая участь начальнику при всѣхъ опасностяхъ остается последней. Чиновники мои забрались уже за Москву рѣку и я долженъ находить ихъ пѣшей измучившись отъ трусости не хватились они о моей датской собакѣ которая была в заведываніи мальчика Илюшки но однако скоро сыскана.

Тѣмною ночью берегомъ Москвы рѣки мы отъѣхали отъ Коломны верстъ семь и остановились отъдохнуть въ одномъ селеніи но въ полночь колокольный набатъ и крикъ жителей французы, французы встревожили насъ. Но сія ошибка скоро обнаружилась, крестьянѣ поймали и принѣли къ намъ трѣхъ человѣкъ но это были наши салдаты разбрѣтавшіяся съ приналивающихъ барокъ къ берегу изъ тѣхъ которыя изъ силахъ. Захотѣлось помародерничать они были отъправлены назадъ къ ихъ смотрителямъ.

Вотъ время свои своихъ опасались. На другой дѣнь по прибытіи нашемъ въ село Дедлово владетелъ онаго Измайловъ не пустилъ насъ къ перепраѣ чрезъ Оку но мы не стали разрешенія ево дожидатся и переправились ниже верстахъ въ семи.

По прибытіи въ Рязань гдѣ уже находился нашъ Татищевъ опять за хлопоты за учрежденіе гошпителей больные раненые со всѣхъ сторонъ партіями прибывали ихъ должно устроить содержаніе губернаторъ отъѣлъ зданіе для помещенія и болше ничево. И отредилъ афицера Шеховскаго но вдругъ велѣл накормить двѣ тысячи человѣкъ ни котловъ ни провизіи нѣ было. Я поѣхалъ самъ смотрителя послалъ за провизіей. Тутъ нашелъ я много привхавшихъ госпожъ въ экипажахъ встретившихся меня съ просбою объ отпускѣ къ нимъ плѣнныхъ французскихъ афицеровъ. Я былъ въ досадѣ увидя своихъ изъувеченныхъ безъ помощи на полу валяющихся и показалъ имъ о нихъ бы прежде должны попещися накормить и успокоить не угодно ли имъ взять вмѣсто одного десять. Госпожамъ не показалось и они въ мигъ со стыдомъ разъѣхались.

Скоро все было устроено больные напормлены и успокоены на барки посланы были медикаментыи за которыми мы съ Татищевымъ сами ходили къ волному аптекарю.

Поговаривали и здѣсь объ опасности и мы распорядились къ переводу больныхъ выѣхали изъ Рязани въ Касимовъ гдѣ предположенъ съѣзоръ всѣхъ раненыхъ и учрежденіе госпиталей.

По прибытіи въ Касимовъ тамъ много уже было разныхъ званій армій чиновниковъ далѣе со всѣхъ мѣстъ прибывающихъ. Мнѣ велено тотъ часъ открыть действіе Коммисіи.

25 сентября было первое присудствіе подъ наименованіемъ Коммисіи Касимовскаго Комиссаріатскаго депо. Городъ былъ наполненъ военными людми мнѣ отъведена была квартира въ домѣ помещика Мелгунова въ гостиной были мой кабинѣтъ спални и столовая, а в залѣ присудствіе и канцелярія.

По умноженію больныхъ заняты города Елатма и Меленки во всѣхъ трѣхъ городахъ находилось раненыхъ и больныхъ нижнихъ чиновъ до 30 т. чс. штабъ и оберъ афицеровъ до 1000 чс.

Все московскіе хирурги употреблены были главный надъ ними медикъ Людеръ. Перевязка ранъ и операціи послѣ сраженій многимъ въ первый разъ производилась даже изъ подъ Бородинскаго сраженія, отъ города въ городъ по ненахожденію способовъ следовавшихъ.

Въ Касимовѣ только образумились изъобѣгнуть такъ сказать следовавшаго за плѣчами непріятеля. Принялись за исчеленіи погибшимъ вещамъ ихъ было чрезвычайно много.

Я дѣлалъ поверку также во время ретирады денежнымъ расходамъ казенной суммы и свидетельствованіе остававшейся изъ наличности. Но казначей Раковъ по волѣ или неволѣ не показалъ всей однако скоро пополнены были строгимъ взысканіемъ.

Такъ продолжалось пребываніе наше въ Касимовѣ. Москва занята была непріятелемъ.

Прошли слухи о сраженіи подъ Вороновымъ и Тарутинымъ гдѣ вся наша армія подъ начальствомъ Кутузова расположена была.

Въ половинѣ октября узнали мы о выходѣ изъ Москвы между 5 и 10-го числъ французовъ и о сраженіяхъ 2-го и 3-го числъ при Маломъ Ярославце и Боровскѣ отъ коль прогнанъ былъ непріятѣль къ Мядынѣ и на прежній трактъ къ Смоленску.

Въ Касимовъ изъ Нижняго прибылъ уже мой экипажъ 9-го октября при коемъ были дочь моя съ бабкою.

Напослѣдокъ окончанъ былъ беспокойный опасный и нещастный сей 1812-й годъ.

Новое распоряженіе, непріятеля гнали послѣдовало повеленіе о закрытіи Коммисіи въ Касимовѣ. Мнѣ предъписано слѣдовать какъ наискорѣе и открыть Коммисію въ Минскѣ.

Во всѣ время ретирады нашей отъ Смоленска экипажъ мой составлялъ изъ колиски фуры брички и двухъ дрожекъ, отъ Москвы же вмѣсто фуры по неспособности брошенной, дней навощичьи повоски и колиски, за оставленіемъ также въ Москвѣ беговыхъ дрожекъ брычка жъ и другія дрожки находились подъ мной а прочіе отъправлены, и сверхъ того другая колиска Полянниновыхъ и дней повоски съ дочерью моею въ Нижній Новъ городъ, а потому по пріездѣ ихъ и всего экипажа скопилось лошадей до 15-ти по наступленіи же зимняго времяни и назначеннаго следованія изъ Минскъ я решился дочь мою со всѣми и экипажемъ отъправить въ Тулу с тѣмъ чтобъ послѣ выезда моего они туда слѣдовали продать лошадей изъизнихъ.

Въ Москву еще нелзя было проехать селеніи въ округѣ . . . . сами разорѣны до основанія дороги уставлены чрезъ города посторонніе по способности.

Татищева проводили мы въ декабрѣ месяцѣ онъ поехалъ въ С: Петербургъ чрезъ Владимиръ и Ярославль.

*) Подзорная трубка большая и красная въ сафьянѣ книга съ 40 эстампами Покореніе Амѣрики достались мнѣ в сіе время. Они найдены между Дорогобужа и Вязмы афицеромъ Фроловымъ посылаемымъ для разведыванія о непріятелѣ. Последняя была раскинута и на одномъ листе есть знакъ французской подъковы. Цѣлы и въ 1834-м году а также и турецкая шапка (кривая сабля напередъ) въ серебреныхъ ножнахъ булатная эфесъ изъ слоновой кости съ кораллами. Все сіи вещи по редкости чрезвычайно дороги.

1813-й годъ.

По закрытіи Коммисіи въ декабрѣ месяцѣ минувшаго года на первыхъ дняхъ нынѣшняго мы выѣхали на курлрскихъ подорожныхъ. У меня было дней зимнихъ повоски без вѣрха, одна подъ экипажемъ моимъ на ней сидели человѣкъ мой Трофимъ и одинъ вахтеръ, на другой я и со мною афицеръ Яковлевъ и одинъ салдатъ по тракту на Рязань Зарайскъ. Намъ закладывали самыхъ злыхъ курьерскихъ лошадей на станціяхъ. Въ Зарайскѣ пообѣдали мы и поехали по почтарь ехалъ рысцою, Яковлевъ закричалъ на нѣво, лошадь сударь только обойдѣтся хотя нѣрсты на днѣ отнѣчалъ онъ. Вріонъ, Яковлевъ человѣкъ былъ дюжей и валлъ у нѣво вожки. Пошолъ, лошади пустились но нѣсь духъ по пристижная на левой сторонѣ начала онъ закусивъ удила, Яковлевъ поворотилъ въ сторону въ снѣгъ и остановилъ ихъ; эка твои лошади вотъ какъ, отдалъ вожки почтарю пошолъ говорю тебѣ. Почтарь пустилъ лошади онѣтъ помчались но уже пошолъ брался удерживать и Яковлевъ но вотъ тебѣ пошолъ. Глаза наши закрыло отъ

сильнаго бѣга мгновѣ прежде слетѣлъ почтарь съ повозки, потомъ брякнулся салдатъ Султанка за нимъ Яковлевъ. Я оставался одинъ лошади неслись повозка колебалась какъ челнъ на морѣ отъ воды долго не допускали повалится я удерживался за заднія крякны. Такъ проскакавъ версты двѣ баланса нелзя было удержать и я слѣтѣлъ на правой бокъ саней въ снѣгъ ницъ при семъ мгновеніи задѣло крякнами правую мою руку между плеча и локтя, но я згорека не чуствовалъ тогда ушиба лошади понеслись далѣе экипажъ нашъ по дороге былъ разбросанъ. Задняя тройка скакала за нами и подъбирала мы все собрались вместѣ обвинили почтаря и тутъ же съ сердцовъ наказаніе. Далѣе лошади бешеные запуталися въ вожжахъ и въ глубинѣ снѣга верстахъ въ трѣхъ найдены все собрано цѣло на мнѣ была надѣта толстая медвежья шуба. До станціи оставалось верстъ десять.

Мы пріехали на станцію тутъ только я почуствовалъ чрезвычайную боль въ рукѣ. Въ то жъ время собрались здѣшіи въ Белицы къ управленію Коммисіи учрежденной для резервной арміи Г-нъ Пушкинъ съ чиновниками все совѣтовали мнѣ согрѣть руку въ теплѣ и тереть теплою водкою. Яковлевъ мой афицеръ человѣкъ услужливой все это для меня дѣлалъ и самъ натиралъ мнѣ руку. С часъ пробыли мы на станціи, но надобно ѣхать мы отъправлялись. Чрезвычайная боль въ рукѣ усиливалась мнѣ казалось что она переломлена малейшіе потрясеніе саней производило стонаніе. Такъ доѣхали мы до Вевѣва.

Въ Веневѣ посылали за докторомъ но было часъ первой или второй ночи и не могли найтить ево. Яковлевъ уговорилъ меня ѣхать до Тулы, и наняв лошадей не останавливались провхали въ одну упряжку.

По прибытіи въ Туду остановились въ покойной квартирѣ. Докторъ былъ призванъ и по осмотрѣ моей руки оказалось надъсажение кости натирали примочками и увезали бинтами. Полозавшій докторъ былъ смоленской кумъ моей Лазарь. Петровичъ Буковской, удалившійся въ Тулу по случаю вступленія въ Смоленскъ непріятеля.

Дни черезъ три рукѣ моей здѣлалось полегче то есть унялась боль, но въ послѣдствіи и месяца два носилъ ее на подвязкѣ, мнѣ присовѣтовали купить мягкую волчью шубу и закрытую коженую повозку. Все сіе было здѣлано и мы отъправились надалѣе пробывъ въ Тулѣ дни четыре с нами же отъправился другой афицеръ Санниковъ.

Въ Калуге Яковлевъ остался чтобъ побывать в своей деревушкѣ близъ Перемышля и взять отъ туда семейство. Я отъправился съ однимъ Санниковымъ и темъ же числомъ людей.

Изъ Калуги зимняя дорога до первой станціи продолжалась рѣкою. Ѣхать ночью мы ничево не знали и поужинавши въ Калуге заснули въ повозкѣ но умолкъ зады разбудилъ меня. Окликнулъ не получилъ отъвѣта. Я толкнулъ спящаго со мною въ повозкѣ Санникова и велелъ ему вытить и узнать слы-

шимой съ зади шумъ. Санниковъ сосна побрелъ на шумъ по беднягa упалъ въ полынью люди насилу могли вытащить ево. Вотъ что отъкрылось, мы ѣхали Угрою и задняя повозка наша попала въ полынью, люди схватили однако ее, подоспѣлъ здѣшій казацкій афицеръ, но отъ быстроты одинъ чемоданъ снѣсло подъ лѣдъ прочѣе все перемокло кое какъ вытащили повозку. Санниковъ явился ко мнѣ въ обледенѣвшей одеждѣ и боялся чтобъ онъ не онѣъ но однако выдержалъ десяти верстной перезадъ до станціи здѣсь платье ево пересушено а сапоги съ ногъ разрезаны. О чемоданахъ же своихъ мы оставили пересушку до Минска разбиратся было некогда.

Проѣхавъ Юхновъ съ Вязмы началась страшная картина разоренія города и деревни выжены народъ какъ тѣнь шатался. Мы выѣхали на Зѣму и потомъ въ Смоленскъ, тутъ мнѣ желалось узнать о своей дачѣ называемой Красной мызѣ на 9-й верстѣ по краснинской дорогѣ отъ Смоленска.

Но въ Смоленскѣ мы нигдѣ не могли найтить квартиры, все разорено мѣртвыя тѣла валялись по улицамъ и по пустымъ оставшимся домамъ тѣла и скотъ жгли и очищали. Изъ города мы воротились опять внизъ въспомнили дому афицера Фролова и привхали к нѣму, насъ въстретили два молодыя въ французскихъ мундирахъ мародера и с радостію проскли насъ въ домъ остановится но они говорили порусски и что они тотчасъ вытащатъ изъ гостиной двухъ околелыхъ французовъ. Мы съ полчаса простояли у воротъ но домъ очищѣлъ и мы в нѣмъ расположились. Кто жъ эти мародеры оказались это дѣ девки Фролова, оставленныя при домѣ и захваченныя французами обобранныя поневоли прикрыли себя панталонами и мундирами съ умершихъ.

Я не могъ достать лошадей и кое какъ достать одну лошадь чрезъ силу могли найтить дачу въ окружности деревни все выжены. Мы с кучеромъ добрались целикомъ по снѣгу домъ и все строеніе находилось въ цѣлости. По въѣздѣ на дворъ я ошелъ съ саняй отъворилъ двери въ первую комнату но вотъ опять представилась картина полумертвыя люди и тамъ и семъ занимали ее но множествѣ смрадный запахъ отъворилъ меня я затворилъ опять дѣверь не входя и пошелъ къ флигелю здѣсь въстретила меня дворовая моя женщина Акулина с двумя детьми девочками Марьею и Аксиньею, останшіяся на дачѣ и захваченныя французами. Гдѣ твой мужъ Григорей, ево нѣтъ онъ умѣръ, а это что за люди въ домѣ, это окружные крестьянѣ собравшіяся изъ сожженныхъ деревень въ домъ вшлъ. Хорошо ты здѣлала что пустила, пускай они живутъ помогай имъ. Я далъ ей несколко денегъ и увхалъ назадъ. Слава Богу что на дачѣ моей остались хотя одни стѣны. Въ послѣдствіи было требовано и я показалъ по справедливому изъчисленію убытка на десять тысячъ рублей, заключающейся хлѣбъ молоченой въ анбарахъ и немолоченой сена несколко скирдовъ, скота воловъ 4 пары съруго, коровъ 10, овецъ и свиней съ 20-ть, лошади 4

рабочихъ, карета двухмѣстная 1, сытѣй городовыхъ лакированныхъ съ сукномъ 2, разнаго припаса изъ выходахъ и прочаго и прочаго и все разорено и переломано, изъ мѣбели остались только бюро с канторкою ясеневаго дерева одно, шефонерка или секретерка краснаго дерева одна, одно зеркало краснаго дерева, и одинъ старинной эстампъ изображающій праздникъ изъ гимназіи. Да днѣ малинкія чугунныя пушки. Все оныя вещи по продажи оной дачи изъ томъ же 1813 году Г-ну доктору Буковскому за 5000 ру. перевезены изъ Раздолъ и теперь состоятъ изъ цѣлости (писано изъ 1833 году).

Пробывъ изъ Смоленскѣ дни три мы отправились, морозы продолжались болѣе 30 градусовъ картина ужасная дорога закладена мертвыми тѣлами часто и особенно ночью пугали насъ цепляясь за санныя подрезы и волочась за объгомъ скотъ палой экипажи разрушенные безпрерывно попадались намъ лафеты пушечныя и ящики зарядныя все поброшено отъ скораго бѣга французовъ. Такъ проехали мы Красной Ляды Дубровну Оршу Токочицъ и особенно около Борисова.

Дни за три до назначеннаго срока до 1-го февраля прибыли изъ Минскъ.

Здѣсь немало было дѣла с открытіемъ Коммисіи подъ нее отъведенъ былъ домъ президента Хотцки уехавшаго за французами но послѣ возвратившагося и прощеннаго. Мнѣ была отъведена квартира по пріѣзде на большой высокой улице въ домѣ жида но она не показалась мнѣ тѣмъ что мимо ее возили мертвыя тѣла возами въ полѣ къ сожженію и я перешолъ поближе къ Коммисіи противъ ее въ домъ поляка.

Началось дейстіе и стеченіе въ округе по Литвѣ до границы и въ Белоруссіи откърылось однихъ гошпиталей слишкомъ 70. Путята Василей Івановичъ бывшей тогда главнымъ смотрителемъ устроивалъ и собиралъ ихъ относясь обо всемъ въ Коммисію.

Армія наша по болшой части была уже заграницею но много оставшихся внутри, вѣсною прибыла резервная армія подъ командою К: Лобанова Ростовскаго. Хлопотъ и дѣла было много. Въ Минскѣ былъ военнымъ губернаторомъ генералъ Игнатьевъ.

Отъ всего онаго переплаву и часто опасности въ жизни продолжавшемуся съ годъ я разстроился въ здоровье и просилъ бывшаго тогда генералъ кригъсъ комиссаромъ Татищева увольненія отъ занимаемой должности. Въ іюнѣ месяцѣ онъ самъ посетилъ Минскъ и я былъ назначенъ по раннымъ порученіямъ получилъ дозволеніе на отъпускъ. Я здалъ Коммисію Путятѣ и въ томъ же месяцѣ выехалъ. Въ сіе время я былъ въ Старомъ Осколе у брата Алексея Івановича и въ Курскѣ другаго брата Михайлу определилъ въ коммисаріатъ причисленнаго къ Кременчугской коммисіи; въ Тулѣ стараясь о приютѣ для малолѣтной дочери своей Александры съ бабкою приискана деревушка но дело разошлось и при проездѣ моемъ изъ Тулы въ Смоленскъ чрезъ Калугу случайно приторговалъ Раздолъ.

За Раздолъ заплатилъ я въ казну и Хитрову 35500 ру. да на купчую тысячи двѣ. Во оной деревнѣ было или числилось тогда ревизскихъ 60 душъ но на лицо только 45, мужики волница доходъ с нихъ збирать въ уплату кредиторамъ земской судъ, следовательно не было настоящаго владелца, а рвали какъ можно и тотъ и другой и крестьянѣ баловались; не было ни клока господской запашки земли, а господскаго строенія была одна на высокихъ столбахъ беседка, да старая кладовая о двухъ ярусахъ (послѣдняя перенесена и переделана съ новымъ лѣсомъ).

По совершеніи купчей я тотчасъ тою же осенью принался за постройку флигеля чтобъ перевесть и помѣстить дочь свою съ бабкою, здѣлалъ запашки на первой случай пять десятинъ, и кушалъ несколько спотъ. Старался завесть нужное для дома и житья. Флигель былъ готовъ и какятся онъ стоялъ тысячи полторы; лѣсъ былъ тогда дорогъ.

Но въ разсужденіи перевода на житье изъ Тулы дочери моей обстоятельства измѣнились по самовластію бабки Г: Полянниковой. Она приторгонала деревенку въ Крапивинскомъ уѣздѣ и склонила детей къ покупкѣ оной. Раздолъ ей хотя она и была но не показался а переехала жить с моею дочерью въ купленную ею деревню называемую Круглое и я оставилъ на ее произволеніе.

Тою же осенью въ октябрѣ я здалъ въ Смоленскъ на Манковскую свою дачу или Красную мызу и продалъ ее Г-ну доктору Буковскому за 5000 ру. а съ бывшими тамъ крестьянами купленными на имя дочери моей Александры, Яковомъ, Спиридономъ и Филиппомъ съ семействами ихъ мужеска и женска за 8000 ру., но последнихъ правительство не разрешило на продажу и они возвращены уже ко мнѣ въ Раздолъ кажится въ 1815 году. По возвращеніи отъ туда моемъ я уѣхалъ въ Москву.

Москва была разорена старались кое какъ на зиму приютить жилище одни строили наскоро деревянныя домики другіе каменные объгорелыя дома обделывали внутри и крыли прочіе жили по выходамъ и подваламъ. Я остановился въ поправленномъ домѣ, *на Салодовкѣ* на сутки по 4 ру. въ комнатѣ окруженной перегородками. Вредныя пары послѣ пожара и самыя обделанныя наскоро дома дѣлали болезни въ обитателяхъ. Я искалъ другой квартиры но не могъ найти. И по пріездѣ на третій днѣ сделался болѣзь горичкою насилу человѣкъ мой Трофимъ могъ сыскать доктора у нѣко домъ свой былъ подлѣ Николы въ Голутвинѣ. Чрезъ неделю онъ прерывалъ горячку но на мнѣ откърылась желчь я долго оставался во оной доктора не могли изълечить. Такъ наступилъ 1814-й годъ.

1814-й годъ.

Въ сію зиму въ Москву пріезжалъ Татищевъ. Онъ позволялъ мнѣ пребываніе имѣть въ Калужской и Тульской губерніяхъ, въ откомандировкѣ, по части заготовленія вещей на что и дано было предписаніе.

Изъ Москвы выхалъ я въ мѣстѣ съ шуриномъ своимъ Павломъ Николаевичемъ Поляниновымъ къ матери ево въ селцо Круглое, на курьерскихъ, въ генварѣ или февралѣ. В сей переходъ подъ Сергуховымъ потерили было мы человѣка своего Трофима, отъставшаго на половинѣ станціи и боялись что не замѣрзъ. Но однако онъ скоро явился сеньи на порожнихъ и догналъ насъ въ Сергухонѣ.

Съ мѣсяцъ я пробылъ въ Кругломъ отъ туда въ Раздолъ и вторично былъ въ Москвѣ возвратясь отъ туда въ исходѣ марта въ Калугу.

Тутъ случайно куплена мною усатба въ Перемышлескомъ уѣздѣ въ селцѣ Космачахъ мужеска и женска съ 8 душъ и земли 33 десятины съ господскимъ и крестьянскимъ строеніемъ со всемъ заведеніемъ кажится за двѣ тысячи рублей. Осенью хлѣбъ перевезенъ въ Раздолъ куда и мужики переведены но уже на будущіе лѣто. Въ семье былъ старшій Никита и Федоръ ево братъ. Земля и усатба проданы князю Яшвилю.

Вѣсною прожилъ я въ Раздолѣ и устроивалъ посѣвомъ господской запашки земли; нанять былъ прикащикъ и садовникъ, но они недолго пробыли на перваго крестьянѣ жаловались а второй лѣнивъ. Я раза два былъ въ Космачахъ и ездилъ въ Круглое отъ толь въ Дедлово, где на ярмонке купилъ рогатаго скоту штукъ пятнадцать и устроилъ скотной дворъ и разное экономическое заведеніе въ Раздолѣ.

Примечаніе. Космачи куплены у помещика Кучурскаго не крестьянъ. О мальчикѣ бежавшемъ производилось дѣло въ Перемышле и суды плохо действовали, онъ пропалъ.

Прикащикъ былъ отъставной придворной лейбъ кучеръ Соколовъ а садовникъ мещанинъ изъ церковниковъ.

Почти съ годъ желчь примѣтна была отъ московской простуды 1813-го года, и лѣто 1814 года я не преставалъ отъ оной ползоватся, по бытности въ Москвѣ Раздолѣ Кругломъ и Калугѣ. Въ Тулѣ также прожилъ я съ Г. Поляниновыми и дочерью съ месяцъ.

1815-й годъ.

Въ февралѣ былъ я въ Москвѣ по случаю прибытія туда Г. Татищева для чего я часто обязывался къ нѣму являтся по службѣ моей а онъ быть тамъ не удержизалъ. Отъ туда я проехалъ въ Круглое а вѣсною въ Раздолъ для устроенія хозяйства хотя я и былъ одинъ дочь моя решительно оставалась при бабкѣ своей.

Я познакомился съ сосѣдними помѣщиками ближней из нихъ былъ Зыковъ Семенъ Сергѣевичъ отъставной маіоръ и какъ это случилось мы служили с нимъ въ одно время и находились не довольно въ одномъ лейбъ гренадерскомъ полку но в одной 13-й сего полка ротѣ онъ подпоручикомъ а я прапорщикомъ даже часто стояли въ С: Петербургѣ на одной квартирѣ. Онъ взялъ за женою деревню гдѣ жилъ въ приданое у нѣво было много малыхъ детѣй.

Сутба строить свое! Я познакомился также съ помещикомъ живущимъ за Лихвиномъ въ селце Курьяновѣ Сергѣемъ Петровичемъ Ртищевымъ старинным гвардейцомъ давно въ отставкѣ въ чинѣ капитана. Онъ жилъ какъ всеядо лихвинской по уѣзду въ уваженіи и великой хлебосоль. *Къ стати* ево ременскія въ Курьяновѣ 104 души приписаны были въ складку къ Раздолу с котораго назначенъ рекрутъ въ натурѣ то вмѣсто денегъ я взялъ овсомъ цѣна ему тогда была 8 ру. четвѣрть у нѣво было ево много а мнѣ былъ нужень на сѣмена тою же вѣсною это было въ маіе.

Въ семействѣ Г. Ртищева была супруга ево Елисаветта Гавриловна изъ роду Юшковыхъ одних почти с нимъ лѣтъ почтенная добрая старушечка, одна дочь Наталія которую они оба любили, и пять сыновей Николай Петръ Александръ Михайла и Дмитрей первыя три были на службѣ но два последнія при родителяхъ учились.

Съ 1806 года прошло десять почти лѣтъ какъ я лишился жены своей. Я былъ молодъ и хотя часто представлялись предметы къ избранію партіи, но я удалялся и совершенно не былъ намѣренъ на новое соединеніе и сутба отвлекала отъ дальняго помышленія, находясь при томъ обязанным службою о которой только и думалъ.

Я принятъ былъ въ домѣ Г: Ртищева вѣсма ласково; смотрѣлъ на Наталью Сергѣевну и она на меня смотрѣла соседи все ее хвалили добрая дочь, заботливая хозяйка ей было тогда лѣтъ двадцать пять. Кажится я раза три и четыре былъ въ ихъ домѣ, родителямъ казалось были склонны, можно было видѣть изъ обращеній, по уѣзду уже заговорили и соседъ мой Зыковъ поговаривалъ и с той и другой стороны Тимирязевъ также губернской предводитѣль не находилъ лучтѣ подобной партіи.

Я все почти лѣто пробылъ въ Раздолѣ завѣлъ фруктовой садъ и прочѣе.

Въ сіе лѣто возвратились крестьянѣ бывшіе при смоленской моей дачѣ.

Продана земля въ Космачахъ чрезъ Галенкина князю Яшвилю а крестьянѣ съ хлѣбомъ переведены въ Раздолъ.

Приходила осѣнь скучная жизнь въ деревнѣ особенно одному безъ семейства и желалъ прожить лутчѣ въ Москвѣ но не хотѣлъ быть и праздным безъ занятія службою. Я просилъ Г. Татищева и онъ назначилъ меня чѣленомъ въ московскую Комиссію въ которой управлялъ тогда генералъ маіоръ Лангъ, 28 октября.

Съ 4 по 12 ноября ѣздилъ я въ Раздолъ а 18 вступилъ я въ присудствіе. Квартира была въ приходѣ Николая въ Пыжахъ, въ домѣ Г. Тетеревенкина.

23 ноября дочь моя Саша поступила въ пансіонъ мадамъ Коршъ за 500 ру. в годъ отъ куда переведена 13 декабря къ мадамъ Делесаль за 700 ру. въ годъ.

1-го декабря Государь Императоръ возвратился изъ Франціи въ С: Петербургъ.

1816-й годъ.

Въ сей годъ сутѣй угодно соединить меня бракомъ с Натальею Сергѣевною Ртищевою.

По прибытіи моемъ въ прошломъ ноябре месяце изъ Раздола въ Москву я совѣтывался съ родными и приятѣлями и съ Авдотьею Егоровною Поляниновою матерью покойной жены моей которая была согласна и даже руководствовала въ последствіи въ приуготовленіяхъ, былъ у дяди Натальи Сергѣевны, Василья Петровича Ртищева которой одобрялъ и желалъ исполненія. Камынинъ Александръ Михайловичъ бывши далнимъ родственникомъ а мнѣ сочленомъ въ присудствіи хвалилъ и не желалъ путѣ; оставалось за мною и долго мыслилъ о житье бытье не здѣлать бы ошибки обыкновенно въ такихъ лѣтахъ долго не решаются къ приступу. Однако одиночная моя жизнь мнѣ наскучила; бабка дочери моей старѣла, кто будетъ матѣрью у дочери, все обстоятельства склоняли къ соединенію, и я решился и писалъ къ Сергѣю Петровичу и получилъ ласковой отъвѣтъ, меня звали къ себѣ.

Авдотьею Егоровною куплены каменной домъ на Якиманкѣ въ приходѣ Петра и Павла и мы въ местѣ переехали во оной 23-го генваря. Домъ былъ довольно обширной и для меня особыя главныя комнаты прибавлено много мебѣли туалетъ комодъ и два стола домбѣрныхъ стоило это 500 ру. и прочіе приготовленія все или своимъ порядкомъ препядствія никакого нѣ было. Славная бѣлая турецкая шаль и большой брилліянтовой перстѣнь куплены порядочною цѣною на подарокъ все что нужно не забыть и ящикъ полной с духами и помадами.

Итакъ благословясь и выѣхалъ 3-го февраля изъ Москвы по пріѣздѣ въ Раздолъ 5-го числа, а 6-го числа въ местѣ съ Зыковымъ Семѣномъ Сергѣевичемъ явились мы въ домъ Сергѣя Петровича, гдѣ и сделано было личное предложеніе; было много распросовъ и отъвѣтовъ, между молчанія и сообразительныхъ мыслѣй разсеяннаго соображенія заключенія и сужденія. Проводивъ весь вѣчеръ, мы отъправились ночевать къ сосѣдему помѣщику въ Кинетѣ Ивану Алексѣевичу Елагину. Въ семействѣ ево были дочери неболшія но они все были остриженны мнѣ показалось странно но послѣ узналъ что они были нездаровы. Проводивъ ночь, 7-го числа послѣ ранняго обѣда мы вторично отъправились къ

Сергѣю Петровичу и въ 3 часа пополудни последовало съ обѣихъ сторонъ согласіе и обрученіе; в ночь отъправились въ Раздолъ.

Я предетавилъ невѣстѣ моей подарки перстѣнь, шаль, ящикъ съ дамскими приборами и другой с конфектами вѣсь увядъ дивился богатству ихъ и завидовалъ сщастію. Я каждой почти дѣнь пріезжалъ изъ Раздола въ Курьяново; положено сватѣ быть не отъкладывая въ тотъ же мисседъ въ последніе воскресенье 13-го февраля все спѣшило и суетилось приготовленіемъ.

Сергѣю Петровичу угодно было чтобъ сватба была съ пышностію въ домѣ ево. Въ тотъ дѣнь я пріехалъ въ Лихвинъ съ Зыковымъ и супругою ево Катѣриною Петровною, которыя с моей стороны были посаженными отцомъ и матѣрью. По пришествіи назначеннаго времяни мы отъправились въ цѣрковь изъ дома секретаря Іванова, а чрезъ часъ прибыла невѣста съ святою родственниковъ съ ее стороны посаженыя были отѣцъ Василій Іванович Тимирязевъ и мать супруга ево Катерина.

Цѣрковная процессія съ церемоніею продолжалась немало времяни и совершилась оная вѣнчаніемъ въ 9 часовъ вѣчера 13-го февраля 1816-го года въ Лихвинскомъ городовомъ соборе протоереемъ Іваномъ Алексѣевичемъ.

По окончаніи вѣнчанія мы отъправились въ Курьяново уже въ местѣ с женою и дамами въ каретномъ большомъ зимнемъ возкѣ заложенномъ шестью лошадями по дорогѣ на 3-х вѣрстахъ горѣли смоляныя бочки.

По прибытіи въ домъ мы приняты были родителями, чрезъ разосланную на полу шубу, съ хлебомъ и солью. Въ тотъ дѣнь былъ ужинъ.

На другой дѣнь былъ балъ, соседніе помещики съѣзжались и такъ нѣсколко баловъ почти всю масленицу продолжались, шампанское лилось, музыка была Паниныхъ.

Сергѣй Петровичъ подарилъ мнѣ серебряное чайное дижинѣ съ подносомъ. Послѣ мы сами ѣздили съ визитами ко многимъ вездѣ были принимаемы съ уваженіемъ.

Но надобно было помышлять объ отъѣздѣ изъ Москву тѣсть мой и тѣща желали сами проводить во оную дочь свою. Сборы кончились.

Мы выѣхали изъ Курьянова с великимъ обозомъ 26 февраля въ Раздолѣ встретили насъ крестьянѣ мои, гдѣ мы и ночевали. 29-го числа пріехали въ Москву въ тотъ домъ гдѣ я квартировалъ тогда. Г-жа Полянинова бывшая тѣща моя приняла насъ съ хлѣбомъ и солью.

9-го марта я дѣлалъ балъ въ Москвѣ на которой приглашены были мои сослуживцы и многіе а также и со стороны жены моей родные и знакомые. Этотъ балъ въ Москве стоилъ мнѣ дорого, но надобно было здѣлать, дѣлать нечево.

29-го марта карета куплена четвѣромѣстная 2050 ру. и лошади.

25 апреля переѣхали изъ домъ Г. Сухотиной, у Петра и Павла.

13-го маія мы выѣхали изъ Москвы въ Раздолъ чтобы повидаться с родителями пробыли въ Курьяновѣ до 13 іюня и возвратились обратно, с нами прибыла матушка.

Я былъ при должности члѣномъ въ Коммисіи и каждой дѣнь присудствовалъ дѣла много.

29 сентября мы исторично задили къ родителямъ и возвратились въ Москву 19-го декабря.

1817-й годъ.

По разнымъ дѣламъ мнѣ нужно было побывать въ С: Петербургѣ. Я былъ командированъ отъ Коммисіи для личнаго представленія о разныхъ надобностяхъ ея начальству.

Жена моя не желала оставатся и отправилась со мною мы выѣхали изъ Москвы 19 и пріехали въ С: Петербургъ 24-го генвяря поутру въ 11-мъ часу с пріезда остановились въ гостинницѣ де Монти а потомъ въ домъ Парошина.

Я все то окончилъ что нужно было по дѣламъ моимъ и осмотрѣли все петербургскія музеумы и редкости и собирались выѣхать по тому жъ пути но начальникъ Г. Татищевъ задержалъ меня предписавъ находится какъ члѣну при здачѣ вещей московскихъ для наблюденія и ускоренія довольствія войскъ. Я отъговаривался и почти изъ сеору зная характѣръ ево но меня обстоятельства сіи остановили тогда управлялъ Коммисіею въ С: Петербурге Г. Кузминской, такъ здѣлано что мы с нимъ чрезъ неделю все кончили и Татищевъ благодарилъ меня.

Мы спѣшили выѣхать зимнимъ путѣмъ чтобъ не бросить двухъ повозокъ на коихъ мы пріехали. С нами были люди Аммосъ, Трофимъ и девка Сигклетѣя. 26 числа февраля мы отправились ухабистая дорога и скоаи зада почтовыхъ лошадей мучила безъ привычки мою Наталью Сергѣевну. И принуждены былъ изъ Клина нанять долгихъ чтобъ успокоить но и затѣмъ она здѣлалась болна около станціи Солнечной горы, и мы остановились на Черной Грязи.

Въ Москву пріехали марта 4-го числа. При проездѣ чрезъ Ноѣ городъ были въ соборѣ и смотрѣли рѣдкости.

Я вступилъ попрежнему въ присудствованіе 6-го числа, а по полученіи отпуска съ 16 марта выѣхали мы изъ Москвы и пріехали въ Раздолъ 19-го числа отъ коль на другой же день спѣшили быть въ Курьяновѣ. Река Ока дѣлала опасность къ переправѣ насъ ожидали лошади высланные изъ Курьянова на другомъ берѣгу и мы проходили пѣшіи по тронувшему уже льду съ вожатыми.

Проводивъ праздникъ с родителями въ скорѣ по наступленіи апреля месяца получилъ я предписаніе изъ С: Петербурга с нарочнымъ курьеромъ коимъ назначался я управлять Коммисіею Димитріевскаго коммисаріатскаго депо, съ тѣмъ чтобъ чрезъ три дня и отъправился по полученіи въ мѣсто назначенія.

Таковая непредвиденная командировка поставила меня въ затрудненіе, я решился, отъговариватся нелзя, но мнѣ надобно было получить отъправленіе изъ Москвы гдѣ многое изъ домашняго оставалось.

Въ это время продолжалось водополье. 11-го числа апреля я выѣхалъ изъ Курьянова въ Раздолъ и того жъ числа въ Москву со мной былъ батюшкинъ человѣкъ Матвѣй и тотъ нарочной Михайловъ. Вода препядствовала въ дорогѣ. Я пріехалъ въ Москву 14 числа.

Пробывъ тамъ 14 и 15 числа и отъправивъ эстафету въ С: Петербургъ объ отъездѣ моемъ, я выѣхалъ обратно 16-го числа. Того жъ числа в ночь около Малаго Ярославца мочилъ меня силной дождь съ громовыми ударами продолжавшейся. Я ехалъ на перекладныхъ. В сіе несносное время 17-го по полученіи подорожной въ Калугѣ на 9 лошадей я пріехалъ въ Раздолъ где уже ожидала жена моя и родителя ее собравшись къ отъезду въ колясскѣ и брычкѣ.

22-го апреля мы выѣхали изъ Раздола въ крепость С-го Димитрія (что на Дону).

Мы взяли съ собой для компаніи барышню Наталью Алексѣевну Гулиеву. С нами были люди Фишогѣлъ, Аммосъ и нанятой повадъ московской да мальчикъ Илья, две девки Сигклетѣя и Настасья батюшкины человѣкъ Матвѣй и женщина Вѣра, провожалъ насъ до Тулы Петръ Сергѣевичъ братъ жены моей. Подъ упряжью было лошадей 12-ть или болѣе своихъ и батюшкиныхъ.

При проѣздѣ около пашни загорѣлось было у насъ въ колясскѣ и пошелъ дымъ отъ того что с трубки Фишогѣлъ вѣтромъ трутъ назадъ за подушки отъ чево оныя и салонъ на ватѣ зачедились.

Мы пробыли въ Тулѣ сутки и 25-го выѣхали изъ оной на почтовыхъ 13-ти лошадяхъ, еще бывшій со мною салдатъ Шаминъ онъ с Матвѣемъ въ передни заготовляли лошадей на станціяхъ.

Водополье хотя сливало, но немалое дѣлало препядствіе чрезъ переправы въ лошадяхъ также иногда остановка была до Воронежа но степями уже никакой не было.

Мы следовали изъ Тулы чрезъ города Богородскъ Ефремовъ Елецъ Задонскъ Воронежъ Павловскъ станицами Михайловской Каменской и прочими чрезъ Новочеркаскъ и прибыли въ Ростовъ 5-го числа маія пополудни въ 10-мъ часу квартира была въ домѣ купчихи Говоровой за 400 ру. въ годъ.

8-го числа въступилъ я въ управленіе Коммисіи.

Лошадей своихъ съ нами не было и до прибытія ихъ я купилъ сераго персидскаго высежаваго жеребца за 350 ру. и садилъ вѣрхомъ 19 маія.

Наступили несносныя жары по тамошнему климату а особенно въ іюлѣ и августѣ тоска и скука ставили затворяли у дома и полъ поливали водой.

7-го іюля привѣдены ко мнѣ изъ Черноморіи лошади двѣ а 22 прибыли свои лошади с людми Яковомъ Козма кучеръ и поваръ Астафей с женщиною Алимпіадою экипажемъ устроились.

Изъ Ростова мы задили въ Черкаскъ. 18 сентября посѣтилъ крепость С-го Димитрія великій князь Михаилъ Павловичъ, по прибытіи изъ Стараго Черкаска рѣкою Дономъ на катерѣ изъ мѣстъ съ графомъ Платовымъ и прочими. Чиновники все съ военнымъ губернаторомъ графомъ Ланжероном встрѣтили ево на берегу у пристани. Онъ осматривалъ крепость сиротское отделеніе гошпиталь и посѣтилъ магазины наши с вещами гдѣ я имѣлъ щастіе при подачѣ рапорта представится. Отъѣзжъ послѣ обѣда того жъ числа въ Таганрогъ а отъ туда 19 числа въ Нахичевань а изъ сего на том же ожидавшемъ ево катерѣ въ Азовъ и Черноморію.

16-го сентября тѣща моя Елисаветта Гавриловна прибыла къ намъ для посещенія съ сыномъ Петромъ.

9-го октября во вторникъ поутру въ 4 часа во время утренней службы въ соборе, родилась у насъ дочь Елисаветта крещена 10-го числа воспріемница ее была Елисаветта Гавриловна.

По удобности мы перемѣнили квартиру и перешли изъ домъ Сарожкиной за ту жъ рѣку.

4-го ноября тѣща моя отъѣхала обратно.

23 ноября Донъ замерзъ а 26 лѣдъ разошолъ. Зимы почти не было.

1818-й годъ.

Въ генварѣ наступили морозы до 20 градусовъ и установилась зима и рыбная ловля на Дону, за которою приходили обозы изъ ближнихъ губерній продолжалось съ месяцъ и скоро опять грязь и рѣсна.

Въ мартѣ получено предписаніе о переводѣ депо изъ Ростова въ Ставрополь. Мы размышляли съ женою и кончили тѣмъ что нѣ могли туда ехать, и особенно страшали насъ карантины для малой дочери нашей.

Я писалъ Татищеву съ просбою избавить меня онъ посердился но предписалъ здать Коммисію чѣну Щепотьеву с тѣмъ чтобъ я по крайней мерѣ остался въ Ростовѣ поколь прослѣдуетъ Государь Императоръ и проводилъ бы все принадлежности Коммисіи изъ Ростова.

Здача Коммисіи кончилась 1-го маія я выпроводилъ ее за Донъ въ то жъ время Государь Императоръ прослѣдовалъ изъ Таганрога въ Новочеркаскъ но я Ростовѣ останавливался только для перемѣны лошадей.

Въ іюнѣ месяцѣ мы выехали изъ Ростова отправивъ экипажъ свой с людми особо, на почтовыхъ чрезъ Бахмутъ Зміевъ Изюмъ Харковъ Бѣлгородъ Обоянь Курскъ*) Орѣлъ Болховъ и Белевъ на Курьяново. Дочь наша не такъ то была здорова отъ того что кормилица не согласилась ехать имѣя тамъ мужа и принуждено было отънять отъ груди.

Въ Бахмутѣ разстался съ нами братъ мой Михайла Ивановичъ по переводу ево изъ Кременчуга онъ пробылъ с нами изъ Ростовѣ съ полгода находясь смотрителемъ тамошняго гошпиталя но без меня не хотѣлъ болѣи оставатся.

По прибытіи нашемъ мы пробыли въ Курьяновѣ и Раздоле до осени и потомъ постигній несчастный случай кончиною дочери нашей Елисаветты 4-го ноября, на второмъ году отъ рожденія побудилъ насъ удалится въ Москву. Она заделалась нездорова коклюшемъ и страдала съ лишкомъ месяцъ никакія пособіи доктерскія помочь нѣ могли. Похоронена въ Лихвинѣ у старой Веденской деревянной церкви отъ того что окончилась въ Курьяновѣ на могиле ее положенъ былъ камѣнь привезенной из Москвы с натъписью ее жизни онъ теперь стоитъ въ каменной часовнѣ поставленной покойною Елисаветою Гавриловною надъ Сергѣемъ Петровичемъ похороненнымъ на томъ же местѣ и сама она въ последствіи положена там же въ склепѣ.

1819-й годъ.

Мы пробыли въ Москве съ 12-го декабря прошлаго года до половины февраля сего года въ сіе время и Татищевъ былъ там же.

Около Крещенья я былъ болѣнъ простудным кашлемъ.

Мы стояли на Пятницкой въ домѣ Маркова, у котораго куплен Дмитрей поваръ.

Изъ Москвы выехали мы чтоб не упустить зимняго пути были въ Раздоле и Курьяновѣ и остановились въ Калугѣ по случаю и надобности въ нанятомъ домѣ Тяпиной.

18-го числа марта поутру въ шесть часовъ с половиною вместѣ съ восхожденіемъ солнца Богъ даровалъ намъ рожденіемъ сына Василья.

20-го марта происходило ево крещеніе дѣнь ангела ево 2-го августа.

Воспріемниками были дѣдъ ево Василей Петровичъ и бабка Елисаветта Гавриловна Ртищевы.

Крещенъ причетомъ отъ церкви Ризъ Положенія, но приходу дома гдѣ квартировали С-го Георгія, что за рвомъ.

---

*) Примѣчаніе. При проездѣ чрезъ Курскъ мы заежжали въ Коренную ярмонку гдѣ куплены четыре лошади одноберезь колотривка битюгъ и смѣска (первыя двѣ существуютъ въ 1893 году) и еще жемчугъ и серьги маленія.

Мы пробыли въ Калугѣ до 3-го апреля и выѣхали изъ Раздолъ, переправясь чрезъ Оку на большой лодкѣ с кормилицей при младенце показавшемся въ первой разъ на свежей воздухъ. Кормилица своя Улита.

Поспѣшность выезда изъ Калуги причиною была прибытія въ Москву Г. Татищева къ которому и я долженъ былъ явится изъ Раздола оставивъ жену с малюткою. 15 апреля я выѣхалъ въ Москву и продержавъ былъ тамъ до 23-го маія.

Мы пробыли въ Раздолѣ и по временамъ въ Курьяновѣ все лѣто.

2-го сентября выѣхали въ Москву пробывъ тамъ сутки 9-го числа отъправились въ Троицко Сергіевскую лавру отъ Москвы въ 60 верстахъ, чрезъ Хотковскую пустынь. 10-го по отъправленіи молебствія с-му угодинку Божію Сергію и по принятіи образа, выѣхали чрезъ Вифанію на 11-е число возвратились въ Москву.

Въ лаврѣ смотрѣли мы рѣдкости и особенно ризницу, въ Вифаніи удивлялись чудному расположенію храма, представляющему подъ жертвенникомъ гору съ вертѣпами.

В сей цѣркви со входа на левой сторонѣ покоится прахъ митрополита Платона, коимъ сей храмъ построенъ, и заведена семинарія.

Вымененной и освященной образъ изображаетъ Богоматерь и с-хъ Сергія и Михѣя по усердію къ покровителеству малинкому сыну нашему бывшему с нами, при мощахъ угодниковъ, Василію.

По пріездѣ изъ Москвы мы стояли на квартирѣ въ домѣ Кузнецова.

Г. Татищевъ былъ въ Москвѣ мы пробыли въ Москвѣ до 16-го октября и выѣхали было (за отъѣздомъ его) но воротились обратно отъ Семѣновского за неспособно худою дорогою въ которое время были проливные дожди, и выѣхали уже по наступившему зимнѣму пути 23-го ноября въ Раздолъ же пріѣхали 26-го числа.

Наступила рѣдкая холодная зима. Мы жили въ Раздолѣ во вновь срубленномъ въ семъ году флигелѣ съ маленкимъ мезенином стоящимъ на старомъ мѣстѣ на низу (флигель сей тѣперь стоитъ на новомъ мѣстѣ по лѣвую сторону дома). Малютка нашъ Вася с кормилицею Улитою и нянкою девкою Настасьею занимали мезенинъ; гдѣ на ночь всегда горѣла свѣча поставленная въ тазъ, а мы с женою занимали нижнія два покои.

Въ одну ночь около 15-го декабря часу въ 1-мъ или 2-мъ жена моя, конечно по Божіему произволу, вздругъ пробудилась отъ сна, ее осѣнилъ необыкновенной сѣтъ, она въ то жъ время разбудила меня, я отъкрылъ глаза и бросился съ постѣли въ ужасѣ искры огненные сыпались съ потолка дымъ умножался. Въбежавъ по лесницѣ въ мезенинъ, кормилица и нянка спали младенецъ кашлялъ отъ дыма, полъ въ мезенинѣ разгорался въ пазахъ досток по краямъ усиливаясь

отъ сухости и стружекъ между полозъ они были плотны инструмента въ рукахъ моихъ никакого не было чѣмъ бы поднять ихъ малейшая отъсрочка пагубна. Я схватилъ обнаженными руками въ прогорелыя уже мѣста, гдѣ казалась сила и наворотилъ доски три и металъ на низъ по лестнице чтобъ гасили огонь на нихъ. Богъ помогъ мнѣ остановить симъ яростъ огня послѣдня залилъ что случилось тутъ только очуствовались прислужницы и снесли ребенка на низъ гдѣ мать въ безчуственности вопила и звала ихъ къ себѣ с ребенкомъ. Низу доски были залиты пробудившимися мальчиками снѣгомъ, вся опасность миновала страшно было смотрѣть на уголья и закоптѣлость.

Какъ говорено было свѣча стояла въ тазу, но она поставлена была близъ пѣчи, отъ тѣплоты коей растопило сало и по длинѣ ее при самомъ подсвешнике переломилась упавъ светилнѣю чрезъ край таза въ паль досокъ пола не погаснувъ разожгла доски которыя загорѣлись.

На обѣихъ рукахъ моихъ явились болшія волдыри отъ жара но однако скоро вылечили.

Чтобъ несколько забыть произшествіе сіе, приказавъ исправить разстроенное, мы отправились въ Курьяново.

1820-й годъ.

Сей наступившій годъ провѣли мы при началѣ въ Курьяновѣ праздникъ же С-я Пасхи въ Раздолѣ всю вѣсну и часть лѣта.

Нѣможно умолчать о самолюбивомъ характерѣ тестя моего Сергѣя Петровича Ртищева многіе осуждали, но ему представлялось что совѣты ево всякому нужны и что безъ нѣго сделано то все нехорошо и что у нѣго въ Курьяновѣ все отлично, никто съ нимъ нѣ могъ равнятся. Вѣсною какится онъ былъ у насъ въ Раздолѣ разговоръ зашелъ о пошехонской деревнѣ отданной имъ въ приданое за дочерью. Жена моя толко сказала что сія деревня мало приноситъ полны, это ему не показалось онъ разъогорчилъ ее и съ сердцѣмъ отъ насъ уѣхалъ. Ей тягостно было принять гнѣвъ отъ родителя; она наполовинѣ была беременна; на другой или третьей дѣнь сделалась болна и какъ ни старались къ спомоществованію но нѣ могли приостановить отъ безвременнаго нещастнаго произшествія младенца мужескаго пола: можетъ быть и не отсего, а такъ сутѣ угодно, но я былъ разъогорченъ поступкомъ нарочно задилъ въ Курьяново и надѣлалъ много выговоровъ.

По выздоровленіи жены моей мы выѣхали изъ Калугу 26-го маія, гдѣ 1-го іюня принята оспа Васинки, а 12-го возвратились обратно въ Раздолъ.

Тѣсть мой пожилъ выговоры и опять жилъ с нами въ ладахъ. Неможно пропустить чтоб не сказать нѣсколко забавныхъ произшествій. Во время бытности въ Калугѣ приежалъ туда же и тѣсть мой, онъ прислалъ к намъ человѣка

просить пары лошадей и кучера с тѣмъ чтоб заложить въ ево новыя дрожки только что взятыя отъ каретника и съездить въ лагерь за сыномъ Дмитріемъ. Я отъговаривался что лошади не ходятъ въ оглоблях кромѣ какъ въ дышлѣ, онъ опять присылалъ что и желѣю. Я приказалъ кучеру и самъ послѣ обѣда лѣгъ спать отъдохнуть немного, въ окошко увидѣлъ я по улице ведущих лошадей моихъ бутошниками на дворъ безъ кучера которой притащили послѣ на костылѣ. Отъкрылось что лошади съ перваго съезда со двора изъбѣгались и начали бить все передомали и раскидали по улице въ корню былъ заложенъ молодой вороной названной однодворецъ лошадь сердитая и бунивая кромѣ дышла ни в тѣмъ не езженная. Тѣсто моему жалко дрожекъ которыя надобно опять отдавать каретнику въ починку, а мнѣ лошадей которыя чистью перераниились, и кучера зашибшаго себѣ ногу; но дѣло кончено (дрожки отъѣхали къ каретнику) съ тѣхъ поръ. Въ августѣ уже месяцѣ мы собирались ехать въ Москву и приехали въ Курьяново. На другой дѣнь сыну ево Дмитрію надобно было побывать въ гостяхъ, а мнѣ нужно было съездить въ Лихвинъ и приказать изъготовить трѣхъ лошадей въ дрожки, оставивъ безъ вниманія назначенія ихъ. Чрезъ часъ Дмитрей Сергѣевичъ былъ готовъ ехать человѣкъ докладываетъ что лошади ему поданы у крыльца. Въ то жъ время тѣсть мой обращаясь ко мнѣ, поѣдемъ ка братецъ посмотри какъ славно отдѣланы дрожки которыя изломалъ въ Калуге твой проклятой однодворецъ, въ первый разъ еще даю Мити чтоб поигралять ими. Мы вышли съ нимъ на крыльцо дрожки стояли у онаго хороши и в то жъ время оглянулись мы налѣво отъ коннаго двора видимъ лѣтящую тройку с кучеромъ уже безъ шляпы прямо къ тому жъ подъезду, закричали мальчику форейтору отъезжай отъезжай скорѣй, проездъ былъ тесѣнъ, но было поздно тройка налѣтела на дрожки переломанъ все крыльи свѣрнула или отъкинула въ сторону и унѣслась въ полѣ. Тутъ увидѣли мы что это лошади мои съ кучеромъ Ильею, и вотъ игра случая оказалось что лошадь заложенная въ оглоблях та же называемой однодворецъ раздробившая въ другой разъ дрожки бывъ въ первый разъ в них заложенною въ Калуге а во второй разъ набѣгомъ у крыльца какъ будто нарочно. Тѣсть мой вышелъ изъ себя отъ сердца кричалъ проклятая лошадь я бы давно застрелилъ ее. Но послѣ начали мы случаю сему удивлятся и изъ всей силы хохотать узнавъ что люди цѣлы а лошадей моихъ Илья удержалъ на пашнѣ. Мити заложили другія дрожки а изломанныя въ починку по своимъ уже мастерамъ.

Мы выехали изъ Раздола въ Москву 17-го августа и пріехали туда 21-го числа остановились въ том же домѣ Кузнецова.

26-го августа Васинка нашъ ходить началъ, 1-го году 5 месяцовъ 6 дней онъ насъ утѣшаетъ.

Наемныя квартиры наскучили мы сторговали домъ въ приходѣ Спаса что

въ Наливкахъ, еще новой деревянной съ антресолью, у Г-на Морозова, въ которой 2-го октября и перешли на житье. Заплачено 15500 ру. ходячею монѣтою.

12-го ноября во ономъ домѣ удостоились мы принятіемъ чудотворныя иконы Божіей Матери, называемой Иверской, что у Воскресенскихъ воротъ.

Въ Москвѣ прожили мы въ своемъ домѣ последнее время года и всю зиму.

1821-й годъ.

Проводивши въ московскомъ доме всю зиму, заведено было знакомство и время проходило весело.

Къ весне Татищевъ пріехалъ въ Москву по временамъ я к нему являлся.

6-го марта чрезъ курьера потребованъ былъ к нѣму, и вотъ приказаніе объявленное имъ возлагая на меня произведеніе изъследованія последовавшее по высочайшему повеленію Государя Императора по доносу дошедшему, въ бытность Государя за границею въ Карлъсбаде отъ коммисіонера Алмазова на чиновъ ведомства Кременчугской Коммисаріатской Комиссіи управляющаго 6-го класса Корженевскаго чиновъ и прочихъ въ разныхъ злоупотребленіяхъ; присланному въ оригиналѣ съ замечаніями отъ начальника штаба князя Волконскаго, и сіе произведеніе изъследованія возлагалось на меня какъ опытнаго и безъпристрастнаго чиновника. Что дѣлать служба отъговариватся невозможно.

По полученіи нужныхъ бумагъ предписаній и приказаній жена моя не хотѣла оставатся въ Москвѣ мы выехали 15-го марта на почтовыхъ, заехавъ по дороге въ Раздолъ и потомъ въ Курьяново переменивъ зимней экипажъ въ Раздолѣ на летній.

Отецъ и мать въ Курьяновѣ жены моей уговаривали ее остатся и не решатся ехать въ распутицу, и болѣе с малинкимъ Васею, но она и слышать не хотѣла, опасаясь чтоб не случилось чего со мною.

Мы выехали изъ Курьянова 25-го марта въ дѣнь Благовещенія въ 11-ть часовъ утра; (мнѣ приказано спѣшить) в самое водополье, въ коляскѣ с Васинкой, с нянкою ево дешкою Настасьею двумя человѣками людми Финогеномъ и поваромъ Дмитріемъ, заложенной 6-ю лошадми до Белева. Наняты были песковатскія извощики по верхней дороге.

Все лощинки все ручейки были страшны и представляли опасность снѣгъ грязь и вода, мы должны были то выходить и итить пѣшіи по колено въ водѣ то садится въ коляску и переежать быстроту воды съ шумомъ пробуя передомыми либо садится при переправахъ на тележки боясь обрыва мостиковъ отъ тяжести коляски залитыхъ водою. Въ 11 часовъ вечера насилу могли добратся до Белева гдѣ должны были простоять два дни отъ залитія большой дороги Окою, и срыва плотины на рѣчкѣ въ 3-х верстахъ на верхней объезжей дороге, во время было

дорого медлить невозможно. Ватюшкины люди приехали изъ Белевъ за бочками и вотъ къ стати я набралъ ихъ человѣкъ десять и рѣшился ехать чрезъ рѣчку положены были два бревна для прохода пешихъ мы собрали доски помостили на бревны прежде перевели поодиначкѣ почтовыхъ лошадей потомъ отъединчены были сундуки отъ колиски и все чтобъ облегчить тягость привязали къ вагамъ веревки и направивъ на мостки. Люди на другой сторонѣ речки стоящія волокли ее а два человѣка по сторонамъ направляли колеса и поддерживали. Такимъ образомъ переправились благополучно.

Но не миновалась еще опасность вездѣ речки лощины и страхъ мы должны ехать только днёмъ и до Орла кажится ехали дни три и остановки безпрерывныя вездѣ требовалась осторожность; вёрстахъ въ 6-ти отъ Орла оборвался мостъ отъ тяжести но мы выходили при переездѣ и одно проворство ямщиковъ спасло отъ потопленія.

Изъ Орла дорога здѣлалась лучтѣ до Курска рѣкъ мало а по переправѣ чрезъ Сѣмъ дорога здѣлалась сухая климатъ другой нѣсна изъ полномъ видѣ, остановки не было.

Подъ Кременчугомъ речка Омелникъ много разлилась и версты на три переправа на паромѣ гребліѣ но однако все хорошо кончилось.

Въ Кременчугъ прибыли 7-го апреля остановились на Сенной площади Херсонской улицы изъ домѣ Татарульевой вдовы.

Погода весенняя была прекрасная до сего времяни я не былъ въ Кременчуге съ 1810-го года когда отправился изъ Смоленскъ.

Тотчасъ съ пріезда я началъ производить следствіе бумага за бумагой вопросы за вопросами и личныя ставки часто бывалъ въ Крюковѣ гдѣ и комиссія и чиновники. Много было беспокойства, и донощикъ Алмазовъ находился тутъ же а приносвенностей много.

Следствіе сіе представлено по командѣ, отпускъ есть въ дѣлахъ одно донесеніе отъ меня на 24-х листахъ.

Я поспѣшилъ окончаніемъ следствія и 10-го числа маія изъ Кременчуга выехали з женою и сыномъ Васею.

Мнѣ было предъписано по окончаніи следствія представить лично къ генералъ кригсъ коммисару Татищеву, и я обязанъ былъ ехать изъ С: Петербургъ.

17 маія пріехали мы изъ Курьяново. 20-го изъ Раадскъ.

24-го въ Москву оставивъ жену и сына въ Москвѣ я своемъ домѣ 26 выехалъ одинъ съ человекомъ Финогеномъ изъ бричкѣ полевой.

30-го маія прибылъ изъ С: Петербургъ по всю дорогу шли проливныя и днѣнь и ночь дожди.

Я пробылъ въ Петербурге по 23-е число іюня все произведенное следствіе представилъ лично Татищеву а отъ него къ военному министру Г. Коновницыну.

Мнѣ однако немало стоило содержаніе изъ департамента даны были два писаря къ переписке и я ихъ кормилъ на своей щётъ а стоялъ на квартирѣ въ гостинице Делмона на Мойкѣ, но кстати в сіе время я получилъ чинъ 6-го класса.

27-го іюня я возвратился въ Москву, где приказано было дожидатся прибытія Татищева.

Чѣмъ либо занятся въ сіе время я здѣлалъ фундаментъ изъ белаго камня подъ домомъ въ Москвѣ и другія постройки.

Лѣто было холодное часто шли дожди.

Августа 20, 21 и 22-го были въ Воскресенскѣ что Новой Иерусалимъ.

24-го въ Екатерининской пустынѣ и въ Царицынѣ.

Въ сентябрѣ Татищевъ прибылъ въ Москву онъ стоялъ въ домѣ Юшкова противъ Почтъ-амта.

Опять курьеръ возвѣстилъ повынъ, послѣдовало объявленіе назначеніе меня управляющимъ въ Кременчугскую коммисію.

5-го октября получено предписаніе о семъ назначеніи и о следованіи въ Кременчугъ, на мѣсто Корженевскаго которой предавался суду за неудовлетвореніе своевременно вещми гусарскаго полка.

Вотъ я и началъ збиратся ехать домъ свой отдалъ изъ наймы Давыдову за 1500 ру. изъ годъ.

Между тѣмъ получинъ отъ Татищева рязныя предписаніи наставленіи по части управленія и распорядинъ въ Москвѣ пріемъ вещей для чево оставленъ былъ коммисіонеръ Чечѣль.

26 октября изъ Москвы выехалъ я недолго медлилъ ни въ Рязадскѣ ни въ Курьяновѣ. Старая карета и бричка были взяты.

19-го ноября прибыли въ Кременчугъ. 21 въ Крюковъ чрезъ Днѣпръ.

26 вступилъ въ управленіе Коммисіи.

Квартира наша была въ каменномъ домѣ крюковской купчихи вдовы Евгеніи Тихоновны Руденковой.

1822-й годъ.

Приемъ Коммисіи по правилам продолжался, такъ же довольствіе войскъ вещми происходило. Коммисія отъ непорядочнаго управленія была растроена чиновники перебалованы, много стоило труда поправлять запущенное к тому языкоревенное небединичество злость другъ противъ друга но всѣмъ не было соблюдено правилъ кажется они занимались однимъ набѣгомъ на интересъ о прочемъ не думали. Я поступилъ по своему смотрѣли косо и мнѣ старались поставлять препядствіи и неудовольствіи.

15-го февраля пополудни въ 7 часу мнѣ даровалъ Богъ второго сына Николая которой крещенъ въ суботу 18 числа крюковской Покровской церкви свя-

щенникомъ Анненмомъ воспріемниками были сынъ мой Василей и вдова генералъ маіорша Марья Михайловна Холодова.

10-го мая принята оспа Николинькѣ.

Въ іюнѣ потребовали я въ Москву для личнаго объясненія и совѣщанія по дѣламъ службы.

29-го іюня выѣхали не Крюкова со всѣмъ семѣйствомъ въ Москву.

Мимоѣздомъ мы пробыли въ Курьяновѣ и въ Раздолѣ гдѣ заготовили нѣсколко лѣсу для постройки которой еще съ 1819 года понемногу приготовлялся.

15-го іюля пробыли въ Москву стояли въ своемъ домѣ.

Въ Москвѣ пробыли по дѣламъ службы (задавъ каждый дѣнь къ Татищеву) до 27-го сентября.

Во все время въ Москвѣ была ненастная погода продолжались безпрерывныя дожди, отъ чево Москва рѣка поднялась въ верхъ слишкомъ на три аршина, и снесло Крымской и Краснохолмской мосты. Около Москвы хлебъ оставался за непогодой долго на корнѣ не убранъ. 17 сентября былъ порядочной морозъ.

При домѣ въ Москвѣ разведенъ садикъ и посажены яблони и груши.

Заѣзжали въ Раздолъ и Курьяново и пробыли обратно въ Крюковъ 4-го октября въ среду пополудни въ 4 часу.

Въ Москвѣ были со мной коммисіонеры Чечель и Виноградовъ которыя и остались въ Москвѣ для пріема вещей.

31-го октября морозъ 6 градусовъ въ Крюковѣ и снѣжокъ.

Холодъ продолжался въ ноябрѣ и декабре 7-го числа рѣка Днѣпръ покрылась льдомъ при 12-ти град: мороза съ снегомъ которой доходилъ до 26 градусовъ.

Пріемъ Коммисіи продолжался но за недостатками и неполненіемъ изъ могло кончится, занимались довольствіемъ войскъ 3-го кавалерійскаго корпуса 3-й поселенной кирасирской и уланской дивизіи драгунскихъ и конногерскихъ полковъ равно и пѣхотныхъ полковъ и баталіоновъ.

1823-й годъ.

Въ сѣмъ году злонамеренные люди изъ зависти и интѣресу дѣлали разные доносы не собственно на меня чего опасалисъ оболгать но под разными видами къ другимъ какъ ни есть придратся, и особенно Корженевской бывшей управляющей искалъ случая всячески вредить, онъ былъ ненавидимъ Г. Татищенымъ и никѣмъ человѣкъ ихидной и надорной доносилъ несколько разъ къ военному министру даже до самого Татищева.

Въ последствіи отъ неудачи Корженевской кончилъ жизнь ударомъ въ следъ за нимъ жена и за нею ее сестра въ коротное время остались малыя нещастные

дѣти им же отцомъ избранъ опѣкунъ некто Лукичъ и сво родня Заучевскія совѣмъ разорили.

Еще доношикъ членъ, изъ французовъ Петрѣ.

Тутъ же пособляли приятѣль Корженевскому бывшей смотритѣль Заучевской дѣвали сплетни и подъкапали члены Брокѣръ Волковъ секретарь Виноградской попытчикъ Галченко.

По доносу Корженевскаго прислалъ къ изследованію чиновникъ 8-го класа Поляковъ которой подговоренъ ими на свою сторону и дѣлалъ разныя подъисканія.

Въ то жъ время производила следствіе военная коммисія прибывшая изъ Полтавы въ которой президсомъ былъ маіоръ гарнизонной Кабановъ доследовать или придирается по части прикосновенности Корженевскаго Брокѣра Виноградскаго и Галченка да Тищенка по доносу Алмазова изъ держанія салдатъ въ услуженіи и о прочемъ которой также приговоренъ былъ Заучевскимъ и прочими и тревожили вопросами невинныхъ.

Какъ ни старались сіи доношики и подлоискатѣли придирается но правду Богъ видитъ все это обратилось на ихъ головы. Въ последствіи разсмотрѣнія военнымъ министромъ судомъ присуждены и оштрафованы.

Между тѣмъ Татищенъ назначенъ къ управленію военнымъ министерствомъ, а управляющей московскою коммисіею на мѣсто ево генералъ кригъсъ комиссаромъ 4-го класса Путята.

Въ 1810, 1811 и 1812-м годахъ Путята былъ членомъ въ Смоленской Коммисіи и же въ сіе время управлялъ опою и былъ въ 7 классѣ.

Ихъ следствіе Полякова и Кабанова почти все лѣто до іюля продолжалось и кончилось разъѣздомъ Поляковъ получилъ выговоръ и Петрѣ удаленъ отъ членства за несправедливое донесеніе, Корженевской и прочіе остались попрежнему злились и никто не обращалъ на нихъ вниманія.

13, 14 и 15-го іюля я представлялся Главноуправляющему графу Сакѣну, которой смотрѣлъ войски около Кременчута расположенныя.

Въ июлѣ дни были жаркія до 37 град.

25-го іюля Николинька устроенъ отъ кормилицы молокомъ, она была наемная вантая изъ деревенскихъ салдатка малоросіянка она с наградой отошла и вышла замужъ въ Кишеневъ. 15-го іюля Ник: ходить началъ.

Засуха продолжалась хлебы худы травы выгорѣли въ Крыму также въ Феодосіи чума, саранча въ Елисаветъ градекомъ уѣздѣ.

Семенская ярмонка въ Кременчугѣ хорошая съезда было много.

14 сентября подана въ Покровскую церковь въ Крюковѣ патрахиль шития по канве полкомъ обложенная позумѣнтомъ.

17-го сентября на построеніе той же каменной церкви асеіг: двестѣ рублей.

22-го сентября на средине Днѣпра загорѣлся байдакъ и шелъ къ мосту которой разведенъ и спасенъ.

29-го сентября переѣхали изъ дома Руденковой въ домъ Брокѣра.

Государь Императоръ изволилъ дѣлать смотръ войскамъ въ Елисаветградѣ, въ сентябрѣ м.

19-го октября представлялся я графу Аракчѣеву при проѣздѣ его чрезъ Кременчугъ изъ Елисаветграда.

15 ноября происходило глухое ударение грома съ молніей одно за другимъ раза четыре с порывомъ вѣтра и дождемъ и въ четверть часа кончилось.

23-го декабря къ празднику Рождества Христова подано въ церковь Покрова Богородицы въ Крюковѣ воздуховъ три на малиновомъ бархатѣ шитыя золотомъ, на большомъ съ сіяніемъ и каймами въ средине, Богоматери Почепскія образъ, на сосудныхъ двухъ святыхъ Василія Блажен., Наталіи и Николая чудотворца и царицы Александры, на обоихъ шитые золотомъ рисованные лицы съ раздѣленіемъ на четыре части обложенные по краямъ золотою бахрамою стоющей въ двесте рублей.

В сіе лѣто я непросилъ дозволеніе на отъстройку главнаго корпуса комиссіи еще съ 1822 года которая и продолжалась.

Въ Семенскую ярмонку въ Кременчугѣ столовыя часы бронзовыя французской работы куплены у белоцерковскихъ евреевъ за 750 ру. привезенныя изъ заграницы.

1824-й годъ.

Нынѣшнюю зиму река Днѣпръ покрыта была льдомъ только 25 дней санной зоды совсѣмъ не было вѣсна открылась 1-го апреля ударами грома.

Войски довольствіемъ въ срокъ окончены.

Получены сведенія отъ генералъ кригсъ коммисара 28 апреля о пожалованіи меня въ 5-й классъ по состоявшемуся Высочайшему повеленію 3-го марта и по таковому жъ повеленію 29-го апреля Инвалидъ № 101-я о пожалованіи мнѣ ордена С-я Анны 2-й степени следовательно вѣсна нынашняго года и лѣто встречены въ радости.

11-го маія принималъ и присягу на 5-й классъ въ присудствіи Коммисіи со мной былъ сынъ Василей.

19-го маія при предъписаніи полученъ ордѣнъ С-я Анны 21-го возложенъ съ молебствіемъ.

25-го маія по случаю таковыхъ наградъ полученныхъ почти въ одно время данъ былъ обѣдъ и балъ въ Крюковѣ въ домѣ купчихи Руденковой, на которой были приглашены кременчугскія и крюковскія гости и все сослуживцы мои подъчиненныя чиновники. Въ обедѣ при питіи за здоровье палба была изъ пушекъ

въ вечеру сожженъ былъ фейрверкъ приготовленный знакомыми артилерискими командирами на берегу Днѣпра зажены были смоляныя бочки фейерверкъ устроенъ былъ на лугу за Коммисіею и видъ сей со всѣхъ сторонъ города привлекъ множество зрителей. Погода была прекрасная, балъ продолжался всю ночь за радостью разъѣхались уже на другой днѣ поутру.

Съ сего времяни маленкой сынъ Николинка говорить началъ.

Къ Ивановской въ Кременчуге ярмонке мостъ на Днепре былъ наведенъ но отъ умноженія воды ево разорало и при семъ случае погибло овецъ съ 350 при прогонѣ чрезъ оной.

Отъ засухи сѣно было дорого.

Въ исходѣ іюля дожди отъ чего вода въ рекѣ сравнялась съ весеннею.

10-го іюля были изъ Крыловѣ для любопытства оной отъ Крюкова въ 30-ти вѣрстахъ. Жаръ 35 градусовъ.

Отъ силныхъ жаровъ 21-го іюля показалась саранча въ Крюковѣ ужасными тучами затмившими солнце пополудни въ 5 часовъ пролетала чрезъ Днѣпръ съ правой на левую сторону держась на востокъ отъ Херсонской въ Полтавскую губернію. 22-го іюля пополуночи въ 10 часовъ опять появилась въ великомъ множестве останавливалась и кружилась въ самомъ Крюковѣ. Весь сей днѣ затмила воздухъ подобно сумѣркъ вѣрстъ на 50-ть кружась наводила какой то страхъ и ужасъ въ колокола и тазы звонили народъ бѣгалъ защищая свои сады и огороды покрывая собою на домахъ крыши верьха на два, в лету своемъ испуская изъ себя подобно граду калъ пожирала огородную зелѣнь и садовыя деревья пожирала и ломала тягостью наваленія другъ на другую.

Замечено что на домахъ крышъ покрытыхъ масляною краскою саранча мало садилась, утки с жадностію ее пожирали, она длиною въ вершокъ крылья прозрачныя голова четыреугольная на крыльяхъ похоже знаки надписи.

31-го іюля генералъ кригсъ коммисаръ 4-го класса Василей Ивановичъ Путята приѣхалъ поутру въ 8 часовъ въ Крюковѣ остановился въ домѣ купчихи Руденковой опъ объѣзжалъ все коммисіи и пріѣхать сюда отъ Екатеринослава.

Того жъ дня осматривалъ Коммисію и все магазины съ вещми.

За устройство и исправность отдана благодарность.

1-го августа пополудни въ 7 часовъ выѣхалъ въ Балту.

Опъ былъ въ Крюковѣ въстречанъ у заставы и провожанъ за Турунжевку гдѣ была поставлена близъ дороги въ поле палатка гдѣ былъ изготовленъ полдникъ или ужинъ. Удовольствія съ ево стороны чрезмерны за пріемъ и проводы.

Жары и засуха продолжались 6-го августа пополудни въ 5 часовъ опять явилась саранча миліонами затмѣвала солнце и последнюю зелень пожирала. Ночевавши около Днепра вѣрсть на 30 возвратилась въ Херсонскія степи.

Генералъ кригсъ комиссаромъ я уволенъ былъ въ отпускъ на двѣ недѣли въ Кіевъ куда и выѣхалъ 17-го августа со всѣмъ семействомъ с нами была казначейша Баукѣева. Тамъ пробыли мы и были въ обоихъ пѣшерахъ осматривали все редкости. Квартиру имѣли противъ крепости и вороть что отъ Николаевскаго монастыря одново купца, также были и въ прочихъ церквахъ города.

Возвратились въ Крюковъ 5-го сентября а 6-го вступилъ я попрежнему въ управленіе Коммиссіи.

Въ Кіевъ мы ѣздили чрезъ Лубны гдѣ были въ монастырѣ и прикладывались къ святымъ мощамъ сидящимъ въ ракѣ.

Не доѣзжая 30-ти вѣрстъ до Переяславля видѣли бывшей гетманской замокъ Кашанъ прекрасныя ево видъ и почти развалины принадлежатъ теперь графу Румянцову, но в нѣмъ жилъ Задунайской.

Посторонніе.

16 сентября въ Парижѣ король Франціи Людовикъ 18-й умѣръ, престолъ заступилъ братъ ево графъ д'Артуа съ именѣмъ Карла 10-го.

1825-й годъ.

Зима въ Кременчугѣ установилась постоянными морозами до 20 градусовъ что рѣдко бываетъ въ здѣшнемъ краю. Съ 5-го на 6 число генваря лѣдъ остановился на Днепрѣ а съ 20-го санная зда началась.

6-го февраля кончина генерала Афанасья Леонтьевича Тихановскаго, по завѣщанію самого ево похоронное распоряженіе возложено было на насъ съ женою. 8-го числа с болшою процесіею похороненъ онъ на общемъ кременчугскомъ кладбище въ склепѣ, подлѣ супруги ево; оставшееся же имѣніе здано в цѣлости брату ево Степану Тихановскому.

Лѣдъ на Днепрѣ прошелъ 31-го марта. 14-го апреля первый весенній прекрасный день.

По окончаніи отъ вверенной мнѣ Коммиссіи довольствія вещами войскъ, мнѣ повелено было по дѣламъ службы прибыть въ Москву поручивъ заведываніе Коммиссіи старшему члену 6-го к: Кулбергу.

Мы выѣхали изъ Крюкова со всѣмъ семействомъ 2-го мая продолжались дожди во всю дорогу препядствовали скорой ѣздѣ к тому дѣти были не очень здоровы и нянка ихъ Настасья, такъ что мы прибыли въ Курьяново 14-го числа и въ Раздолъ 18-го числа.

23-го маія началась стройка въ Раздолѣ на новомъ мѣстѣ, какъ то перенесены съ стараго и поставлены 1 конная изба съ сѣни 2 флигѣль с мезонином 3 старая кладовая 4 флигѣль о двухъ срубахъ съ сѣни 5 вновь срублены каретной сарай и конюшня 6 хлебныя анбары, все оное на каменныхъ фондаментахъ крытыя тесомъ.

Съ 14-го по 28-е іюня пробыли въ Москвѣ съ проездомъ.

По окончаніи стройки 23-го іюля выѣхали изъ Раздола а 28-го изъ Курьянова обратно въ Кременчугъ.

Куда и прибыли 3-го августа. 2-го числа моя именины былъ я у ранней обедни въ городскѣ Валкахъ.

4-го числа вступилъ въ присудствіе.

27-го августа переѣхали мы вторично въ домъ Руденковой изъ дома Брокѣра.

27-го сентября въ воскресенье пополуночи въ 6 часовъ 45 минутъ Богъ даровалъ намъ третьяго сына нареченнаго Александръ. Во вторникъ 29 числа крещенъ той же церкви и тѣм же священникомъ Анисимомъ которой былъ при крещеніи Николинки. Восприемниками были братъ новорожденнаго старшій Василей по 7-му году и дочь кременчугскаго полицеймѣйстера Киселева девица Ефросинья Федоровна.

Въ последствіи она замужемъ за подъполковникомъ Халтуринымъ.

Нечаянная гостья корпусная генерала Рудзевичева со всѣми детьми 29, 30 ноября 1, 2, 3 и 4 декабря проводили у насъ время за трудною переправою чрезъ Днѣпръ ожидая отъ мужа сведенія.

26 ноября получено изъ Таганрога горестное извѣстіе о кончинѣ 19-го ноября Благословеннаго Императора Александра 1-го.

О печальномъ таковомъ событіи въ декабре месяцѣ получено формалное сведеніе.

11-го декабря я со всѣю вѣренною мнѣ командою въ соборной Покровской деревянной еще церкви принимать присягу на вѣрность Императору Константину со мною также былъ у присяги и сынъ мой Василикъ.

9-го декабря выносъ тѣла Императора Александра, изъ занимаемаго дома въ монастырь Іерусалимской въ Таганроге.

23-го декабря сведенія о вступленіи на Всероссійскій престолъ Императора Николая 1-го но формалнаго извещенія по команде еще не было но того числа 3-я кирасирская дивизія принала присягу.

Въ то жъ время носился слухъ о злоумышленіи Черниговскаго полка въ Бѣлой Церкви и въ исходѣ месяца о произшествіи 14-го декабря въ С: Петербурге.

1826-й годъ.

3-го генвара принимали присягу на вѣрность Императору Николаю 1-му въ той же крюковской Покровской церкви со всею командою со мной также былъ сынъ Василей.

Еще 1-го числа народъ принимать присягу.

26 января во вторникъ принята оспа малинкому Александру сыну моему отъ рожденія 4-х мѣсяцевъ.

28 февраля тѣло Императора Александра 1-го привезено въ Царское село при процессіи въ пути находился графъ Орловъ генералъ адъютантъ.

13-го февраля скончался въ Митавѣ бывшій въ 1800-хъ годахъ въ С: Петербургѣ военнымъ губернаторомъ графъ Петръ Алексѣевичъ фонъ дер Паленъ начальникъ мой по службѣ и благодѣтель.

6 марта тѣло Императора Александра 1-го вывезено въ С: Петербургъ, оно следовало изъ Таганрога чрезъ города Харковъ Курскъ Орелъ и Москву.

13-го марта погребеніе тѣла въ Петропавловскомъ соборе въ С: Петербурге с великимъ церемоніаломъ.

30-го марта взяты сироты сынъ и дочь, оставшіяся безъ принята послѣ покойныхъ Филиповыхъ, мальчика въ последствіи взялъ к себѣ смотрителъ Чечель но онъ в скорости умеръ, а девочка Олга жила у насъ до 1833 года которая предоставлена брату ее Г. Трухачеву въ Вилнѣ.

22-го, 23, 24, 25 по 26-е апреля ездили мы чрезъ Александрію въ Херсонскую губернію къ генералъ штабъ доктору Яворскому для полозованія отъ болезни Натальи Сергѣевны.

Маія 4-го Императрица Елисаветта Алексѣевна супруга Императора Александра 1-го скончалась при проследованіи изъ Таганроги, въ Белеве.

15 маія были мы въ Мавродіевкѣ и Лазоватскѣ у Гусева и Турунжи.

Засуха продолжалась вода въ Днепре чрезвычайно емѣлела подѣлались многія песчаныя косы.

Въ іюнѣ плохая Ивановская ярмарка въ Кременчуге.

14-го іюня тѣло Императрицы Елисаветы привезено изъ С: Петербургъ.

21-го похороны въ Петропавловскомъ соборѣ.

13-го іюля выехали мы изъ Чигиринъ почевали въ Крыловѣ.

14-го по выездѣ изъ Крылова за Андруссовкой последовало пешестное происшествіе (оно записано особо) и очѣнь памятно отъ полученныхъ контузій при разбитіи лошадей и каретъ.

Въ августѣ месяцѣ пребываніе высочайшаго двора было въ Москве по случаю коронаціи Николая 1-го. По сему случаю были созваны со всѣхъ губерній депутаты, губернскія предводителъ и отъ купечества. И присудетвовали послы отъ всѣхъ иностранныхъ дворовъ.

Я уволенъ былъ въ отпускъ на днѣ недѣли въ Кіевъ по выездѣ 2-го сентября изъ Крюкова, возвратились обратно 20 числа. 9-го числа въ Кіевѣ были въ пещерахъ съ сыновьями Васинкой Николинкой и Александромъ которыя в сей же днѣнь въ лаврѣ приобщались Святыхъ Таинъ. 10-го въ девичьемъ монастырѣ на Подоле 11-го были мы с Васинкой въ Выдубинскомъ монастыре въ 4-хъ верстахъ нѣшіе по горамъ обратно взошли къ лаврѣ. 12-го были все въ Софійскомъ монастырѣ и таковом же Спасо Златоверхо Михайловскомъ гдѣ происходила архіерейская служба. Отъправленъ былъ молебѣнъ с-мъ мощамъ Варвары мученицы. Пополудни былъ я с Васей въ церкви Андрея Первозваннаго, и на местѣ десятинной древней церкви осматривали найденный фундаментъ и разныя рѣдкости (взяты отъ сюда три или четыре камня или массы древняго матеріала). 13 числа поутру на Подоле пополудни на Аскалдовой могиле, въ вечеру у всенощной Преображенія древней церкви въ крепости. 14-го въ лавре молебѣнъ у обедни въ Николскомъ монастыре еще на Аскалдовой могиле 15 въ лавре акафистъ Богоматери, и пополудни выехали.

Государь Императоръ изъ Москвы отъбылъ 30-го сентября прибылъ 6-го въ Царское село и 7-го въ С: Петербургъ.

26-го сентября осматривали Комменсію при проездѣ изъ Москвы послѣ коронаціи свита французскаго посольства, генералъ лѣйтенантъ маркизъ Деказъ, гвардіи ротмистръ маркизъ де Бюрси, поручикъ гвардіи Бролье, с ними былъ начальникъ поселенныхъ нашихъ войскъ генералъ отъ кавалеріи графъ Виттъ,—съ высочайшаго соизволенія. Они удивлялись огромному запасу хранящемуся въ депо для войскъ вещей и благодарили меня за исправность и порядокъ.

Послѣ осмотра все они приглашены были въ мою квартиру и угощены обильнымъ завтракомъ, въ коемъ между прочимъ были стерледи, осетрина, редкость въ Париже, и шампанское.

Они отъправились въ Елисаветъ градъ и смотрѣли тамошніе поселенныя войска.

Изъ Парижа писали они къ Государю Императору, относясь о исправности и порядкѣ при осмотре комиссіи и о пріемѣ ихъ мною съ похвалою попечительности назначить меня директоромъ депо.

Письмо сіе на французскомъ языкѣ предоставлено генералъ кригсъ комиссару Путятѣ при лестномъ отзывѣ Государя Императора.

Въ ноябрѣ народъ говорилъ о кометѣ на северѣ.

Въ декабрѣ появленіе на Днепрѣ во множестве дикихъ утокъ что и здешнихъ мѣстахъ бываютъ рѣдко.

1827-й годъ.

Оставаясь попрежнему въ Кружове, части города Днѣпромъ отъ Кременчуга раздѣляемой, здѣлали уже привычку къ изобильной Малороссіи но однако часто вспоминали и о Великороссіи.

Съ 14 на 15 генваря рѣка Днепръ покрылась здомъ но 20-го опять дождь и грязь погода непостоянная и редко одинокая продолжителна.

27-го генваря малинкой Александра чрезъ годъ и 4 месяца отънитъ отъ кормилицы, она была волная кременчугская мещанка женщина очѣнь хорошая которая и отъпущѣна съ наградою.

30-го генваря, послѣ 25 град. морозовъ дождь и тепло.

Масленица провожена въ удовольствіи.

2-го февраля Стародубовскаго кирасирскаго полка полковой командиръ Левченко проѣзжающей изъ Кременчуга чрезъ лѣдъ Днѣпра въ коляскѣ заложенной рядомъ въ 4-ре прекрасные лошади, на самомъ стремѣ колиска обрушилась, самъ онъ Левченко и человѣкъ назади скочили кучеръ взбросился на лѣдъ и коляска с лошадми въ одну секунду скрылась под лѣдъ, береговые переправщики успѣли схватить саженихъ въ 10 внизъ баграми коляску с лошадми и прорубивъ ледъ вытащили мѣртвое на берегъ.

10-го февраля балъ вся знать кременчугская у насъ въ домѣ. Было очѣнь весело и сію зиму все по порядку тожъ дѣлали.

8-го марта войски все удовлетворены были вещми окончательно.

Нынѣшная вѣсна въ Кремнечуге оказала себя последствіемъ нат детьми повальною болѣзнію кори въ Малороссіи и Новороссіи.

Къ намъ въ домъ вступила она съ Фоминой недели.

Вопервыхъ по порядку на старшаго сына Василья бывшаго по 9-му году. Потомъ на второго сына Николая бывшаго по 5-му году, и сироту живущую у насъ Олгу Филипову 8 лѣтъ въ силномъ умноженіи во выздоровленіи съ 3-го маія. На третьяго сына Александру одного году семи месяцовъ и повестницу ево человѣка Дмитрія дочь Парысковью.

Но благодаря Бога прошла и кончилась благополучно.

По окончателномъ довольствіи войскъ я представлялъ генералъ кригсъ комисару Путятѣ о надобности по дѣламъ службы быть въ Москвѣ.

И получилъ 20-го апреля ево на то позволеніе.

Предоставивъ Комписію въ управленіе Г. Кулбергу.

15-го маія мы со всѣмъ семействомъ выехали изъ Крюкова въ Кременчугъ.

Экипажъ с людми при служителѣ Кузминѣ отъправленъ въ деревню еще 6-го маія.

16-го маія изъ Кременчуга.

20, 21, 22 пробыли въ Курскѣ по болѣзни Александра которой последствіе отъ бывшей кори.

По выездѣ 23-го 26 числа прибыли въ Курьяново, а 31-го въ Рыадолъ.

Началась постройка дома въ с: Рыадоле іюня съ 1-го 1827-го года измереніе и рытье земли выходовъ. 7-го іюня здѣлана закладка пот домъ каменнаго фундамѣнта. Отъправленъ молебѣнъ с водосвященіемъ. Причѣмъ во всѣхъ четырѣхъ углахъ дома при закладкѣ положено.

Въ 1-мъ на востокъ лицомъ к дому съ правой стороны, въ трубку свернутомъ свинцовомъ листѣ серебряной полтинникъ хлѣбъ и соль на листѣ выбиты слова, Богъ, В: Н: А: Покровъ з: (заложенъ) домъ 7-го іюня 1827-го Василія и Наталія Алтуфьевыхъ съ детьми Василій Николай и Александромъ.

Противъ тово угла по фасаду съ задней стороны серебряной пятнадцати копѣишникъ завернутой въ свинцовую обѣртку, также хлѣбъ и соль.

Въ третьемъ фасадномъ переднемъ углѣ с левой стороны на полдѣнь двугривенной серебряной, въ свинцовой же обертчѣ и хлѣбъ съ солью.

Съ задней же стороны противъ ево на западъ серебряной гривенникъ пятачокъ и медная денга, и хлѣбъ и соль.

Все оное положено самимъ мною при мастѣрахъ, съ священникомъ и діякономъ.

Послѣ здѣлано было угощеніе мастѣровымъ и всѣму народу.

Примечаніе. Послѣ водосвященія и богослуженія прошелъ с минуту или двѣ неболшой дожикъ.

25-го іюня по окончаніи каменной стройки началась плотничная объкладка нижняго вѣнца дубомъ.

Нарочной изъ Крюкова вахтѣръ Емельяновъ наканунѣ привезъ с бумагами ко мнѣ о томъ что по высочайшему повеленію назначена ревизія всѣхъ комиссій военными чинами и къ обревизованію кременчугской отъкомандированъ дивизіонной командиръ генералъ лѣйтенантъ Ушаковъ.

Таковое извѣстіе надѣлало много мнѣ разстройства по части стройки, плотники гуртомъ были подряжены и забрали уже изъ передъ много денегъ изъ числа 1300 рублей, первой вѣнецъ положенъ какъ быть что дѣлать не ѣхать или ѣхать. Я посылалъ нарочнаго въ Москву совѣтывали поѣхать при себѣ лутче ревизія а безъ себя можитъ что отъ недоброжелателей и случится.

Итакъ поручивъ стройку женѣ моей которая хотя не знатокъ в сѣмъ какъ и все женщины но по крайней мерѣ приемотритъ, просилъ также и тестя своево иногда навещать и присматривать хотя зреніе ево начинало уже портится. Но такъ и быть, Богъ не оставитъ.

30-го іюня изъ четвертъ я выехалъ изъ Рыадола поутру въ 9 часовъ изъ Кременчуга сѣдша чтобъ поспѣть к ревизіи налегкѣ въ желтинкой брычкѣ с вахтѣромъ Емельяновымъ и человѣкомъ Дмитріемъ.

4-го іюля на четвертыя сутки по выездѣ поутру въ 8-мъ часовъ проскакавъ на почтовыхъ 800 верстъ въ трои сутки съ половиною и привехалъ въ Крюковъ.

Но ревизіи уже не знетать она дни за три до меня окончилась но слава Богу благополучно и даже объявлена благодарность за исправность и цѣлость всего имущества казеннаго это вѣсма хорошо для меня и для всякаго начальника когда і в нѣбытность ево состоніе находится въ исправности.

Я однако благодарилъ генерала Ушакова и онъ лично благодарилъ меня объявляя что онъ доволенъ о исправномъ состояніи по командѣ.

Пробывъ еще 5-е число въ Крюковѣ 6-го числа я выѣхалъ обратно и пріѣхалъ въ Раздолъ 10-го іюля въ воскресенье.

Во время отъбытія моего первыя вещы дома разделеніе комнатъ на передней линіи здѣлали было неровно 6-ю вершками но однако вновь разобрали и уровняли.

Не знаю отъ чѣю либо отъ скорой воды или захватилъ въ Крюковѣ но чрезъ три или четыре дни по возврате я здѣлался болень лихорадкою подъ названіемъ крымскою съ горячкою и ужасныя пароксизмы меня изнурили, лѣчитъ въ деревнѣ нѣкому, но мнѣ должно было по служкѣ побывать еще въ Москвѣ.

21-го іюля мы выѣхали въ Москву при проездѣ въ Калугѣ знакомой докторъ съ 1812 года изъ евреевъ полской надворной совѣтникъ далъ мнѣ такихъ смешеній что я всю дорогу спалъ.

23 іюля въ Москву пріехали остановились въ домѣ Кологривовой на набережной, къ намъ же призхалъ изъ деревни и тѣсть мой Сергей Петровичъ съ супругою лѣчится отъ глазъ.

Меня полозвалъ докторъ Лике горбатинкой жилъ на Остоженкѣ мнѣ здѣлалось лутчѣ, исправивъ нѣкоторыя дѣла 4-го августа выѣхали обратно и 7-го пріехали въ Раздолъ.

Во время бытности въ Москвѣ я получилъ предписаніе 26 іюля отъ генералъ кригсъ коммисара которымъ повелѣвалось ожидать въ Москвѣ его прибытія. Но какъ по сведеніямъ чрезъ жену ево Катерину Ивановну что онъ не скоро еще будетъ то и я отъправился въ Раздолъ с тѣмъ чтоѣъ по прибытіи ево въ Москву тогда пріехать.

4-го сентября мы отъправились во второй разъ въ Москву и не дождавшись генералъ кригсъ коммисара возпратились обратно 26-го числа затѣмъ что стройка дома приводилась къ окончанію в безъ себя здѣлалась бы остановка приемотрѣть было нѣкому.

Получа изъ Москвы сведеніе о разныхъ случаяхъ нащетъ смѣны Путяты и неудовольствія начальства на московскую коммисію по коей уже было произведимо изъследованіе Храповицкимъ, генералъ адъютантомъ.

8-го октября мы выѣхали изъ Раздола въ Москву въ третій разъ и 10-го числа туда пріехали.

Въ сей разъ слухи оказались справедливы Василей Ивановичъ Путята смѣненъ и прибылъ въ Москву для зделанія отъчѣта учрежденной въ Москвѣ особенной Коммисіи.

Онъ объявилъ мнѣ что отъездъ мой въ Кременчугъ удерживалъ вышеозначеннымъ предписаніемъ с тѣмъ чтобъ по прибытіи ево въ Москву назначить

меня (но с воли моей естлибъ я пожолалъ) управляющимъ Московскою Коммисаріатскою Коммисіей но смѣнозо ево все кончилось и признаюсь я сожалѣлъ о ево смене потому что онъ былъ старинной мой истинной другъ, но о томъ что избавился тѣмъ отъ московской видимо запутанной Коммисіи, радовался.

На мѣсто Г. Путяты назначенъ генералъ кригсъ коммисаромъ генералнаго штаба генералъ маіоръ Линденъ 1, онъ уже вступилъ въ должность и находился въ С: Петербурге.

Коммисія особенная при московской учреждена въ то жъ время члѣны ея генералъ маіоры Стрекаловъ и Сталь.

Я послалъ бумагу отъ Путяты для оправданія в случае что я былъ продержанъ въ Москвѣ не по своей волѣ.

И 15-го октября изъ Москвы выѣхалъ 17 въ Раздолъ пріехалъ.

Постройка дома вчерне окончивалась онъ былъ уже покрытъ железомъ лутчимъ яковлевскимъ купленнымъ мною въ первой приездъ мой въ Москвѣ.

Оставалось доспать полы и поставить колоны заколотинъ окошки ставнями сіе окончаніе я наделялся на плотничнаго мастѣра Василья и возложилъ на прикащика Финогѣна, и спѣшилъ выехать въ Кременчугъ къ своей должности 22-го октября въ суботу выѣхалъ изъ Раздола 23-го въ Курьяновѣ и Белевѣ а 31-го числа поутру явились въ Крюковѣ.

И съ 1-го ноября вступилъ въ присудствіе.

Около Полтавы встретился со мной нарочной отъ Коммисіи ко мнѣ отъправленной с бумагами и въ оргиналѣ предписаніемъ отъ 13 октября отъ новаго начальника Линдѣна, о назначеніи по Высочайшему повеленію ревизіи всѣхъ Коммисій чтобъ я представилъ ко оной свою. А 3-го ноября получилъ я отъ него жъ предписаніе отъ 18 октября чтобъ я следовалъ изъ Москвы въ Кременчугъ но я уже доносилъ что пріехалъ.

Коммисія была изготовлена к ревизіи ко оной вскоре назначены бригадный командиръ генералъ маіоръ Лисовичъ.

Полковыя командиры Муромскаго полковникъ Ширманъ.

Нижегородскаго подъполковникъ —

Ревизія производилась съ 8-го ноября по 3-е декабря и окончилась исправно.

1828-й годъ.

Зима въ Кременчуге нынешняго года продолжалась постоянно холодная.

Были святьбы и балы у жителей время проводили вѣсело.

Въ февралѣ месяцѣ отъкрылись болѣзни у взрослыхъ тягость в груди у детѣй жаръ и кашель.

24-го марта громъ и молнія при стуже съ слякотью.

25-го праздникъ С-го Воскресенія, морозъ.

Начали говорить о войнѣ с турками.

Войска стоящія около Кременчуга пѣшія 7-я дивизія выступали на границу.

Въ апрелѣ и маіе удовольствовано 40 баталіоновъ аммуничными вещами.

Въ іюнѣ я просилъ генералъ кригъ комиссара о сменѣ меня отъ должности за болезнію, но получилъ отказъ что по военнымъ обстоятельствамъ уволить не можетъ.

Съ 10-го іюля по 22-е я былъ болѣнъ крымскою лихорадкою съ жаромъ, горячки приводившей въ беспамятство.

28 были въ Демидовкѣ и въ Крынкахъ.

Отъ жаровъ саранча въ степяхъ Херсонскихъ дѣлала великой вредъ.

Съ 4-го часа пополудни 11-го сентября до 7-го часа полудня 12-го числа проѣздъ въ Верхнеднепровскъ, у Высоцкаго.

Осенью сего года дворныя собаки бѣсились и дѣлали много бѣдъ кусая людей в числѣ томъ полковника Сутковскаго которой бедственно и умѣръ в скорости.

24-го ноября возвращался изъ подъ Анапы раненый князь Меншиковъ.

6 декабря въ день угодника Николая переносимъ былъ въ Крюковѣ алтарь изъ прежней деревянной церкви во вновь воздвигнутую каменную для поставленія попрежнему въ придѣлѣ во имя сего угодника а 9-го числа последовало его освященіе.

1829-й годъ.

Война с турками продолжалась съ отъкрытіемъ вѣсны из минувшемъ году взяты крепости Анапа Браиловъ и крепчайшая Варна. Дворъ былъ въ Одессе Императоръ находился при всѣхъ крепостяхъ лично (кромѣ Анапы). На морѣ и сухомъ пути все прошедшее лѣто Силистрія и Шумля были обложены войсками.

Императоръ въ походѣ уже осѣнь прибылъ въ С: Петербургъ по взятіи Варны.

Главнокомандующій графъ Витенштейнъ увольнанъ и мѣсто его заступилъ графъ Дибичъ.

Коммисія управляемая мною по случаю войны сей въ безпрерывномъ была действіи, к тому заботливость и строгость генерала Линдѣна предупреждала всѣхъ его подъчиненныхъ къ неумѣренному беспокойству котораго горячность характера царкулярная почти брань и угрозы могли привесть въ страданіе невинныхъ. Что на самомъ делѣ было видно безпрерывное преданіе военному суду и нещастіе последствіемъ.

Бога благодаря я выдержалъ всю двухълѣтнюю войну с турками и не слышалъ выговора исполняя с поспѣшностію безъ всякаго пристрастія свою обязанность.

Вѣсною сего года пробылъ въ Кременчугѣ генералъ адьютантъ Клейнмихель осматривалъ Коммисію и нашелъ все исправно.

Въ февралѣ отъ Г. Линдѣна возложена была на меня покупка лошадей для подвижныхъ гошпиталей въ армію которыхъ куплено слишкомъ 100 и отъправлено въ Кіевъ.

Запасныя парки съ сухарями въ армію въ апрелѣ чрезъ Днѣпръ переправлялись съ Полтавской Харьковской и Черниговской губерній.

Съ Оренбургской линіи верблюдовъ табуны прогоняли въ армію.

Разливъ Днѣпра сію вѣсну былъ необыкновенной по 22 апреля Крюковъ весь окруженъ былъ водою вѣрстъ восемь ходили паромы по улицамъ много рашесло лѣсу и заборовъ.

Въ іюле учреждены карантины по Днѣстру и Бугу болѣзни и смѣртность въ арміи и прочихъ. И въ военномъ поселеніи ближъ Крюкова заставы.

7-го августа близъ Крюкова застава въ осторожность отъ заразы, болѣзни на людей лихорадки съ горячкой. У насъ изъ 9 че. дворовыхъ людей больныхъ 6 чел. но выздоровѣли.

5 сентября переяславской архіерей посѣтилъ Кременчугъ.

29-го поѣздка въ Анофріевку компаніею.

Въ іюнѣ месяцѣ я еще просился о увольненіи отъ должности за болезнію но получилъ въ іюлѣ вторично отъказъ.

14 сентября на имя Коммисіи отъ 28 августа № 11044 получено предписаніе изъявляющее благодарность (что за редкость тогда счѣтъ должно) генерала Линдѣна, за то что попеченіемъ управляющаго Коммисіею (мною) вѣема мало остается въ недопускѣ вещей войскамъ по сроку 1829-го года, недостатки отъ коль следовало истребованы и пополнены, и что самое имѣетъ уже большую поверхность надъ Балтеско и Московскою Коммисіями, не упоминая уже о Кіевской которая ниже всякаго подътвержденія.

Г: К: К:

Г: М: Линдѣнъ 1-й.

Вотъ какъ политически были Г. Линденымъ оклестываемы управляющіе таковыя и болѣе были часты, но ко мнѣ онъ особенное имѣлъ снисхожденіе и уваженіе.

13 и 14 октября были у Турунки и въ Троицкомъ.

Подъ Шумлей остановался генералъ Красовской, послѣ даннаго сраженія с визиремъ и по взятіи Силистріи войска наши въ половинѣ лѣта перешли за Балканъ и вступили въ Адріанополь.

Приняли мы въ домъ для детей учителя изъ французовъ аббата Колиньи 26 октября которой пробылъ слишкомъ 4 месяца.

Говорили о мирѣ с турками.

13-го ноября погода была тихая снѣжокъ покрылъ землю и в ночь на 14 число пополуночи въ 4 часа 15 минутъ чуствуемо было въ Крюковѣ легкое землятресеніе с колебаніемъ и подземнымъ гуломъ продолжавшимся минуты двѣ.

Лѣдъ на Днепрѣ остановился отъ силныхъ морозовъ съ 15 на 16 число ноября в ночь старожилы не запомнятъ столь ранняго холода снѣгу нѣ было земли трѣскалась.

Въ декабрѣ ожидали пословъ турецкихъ.

1830-й годъ.

2-го генваря прибыло въ Кременчугъ Турецкое посольство следующіе изъ Константинополя чрезъ Одѣсу въ С: Петербургъ, какъ то военной сановникъ Галиль паша, министръ Неджибъ Ефендій со многою свитою.

На другой дѣнь 3-го числа поутру въ 10 часовъ осматривали они Коммисію мою съ начальникомъ поселенныхъ войскъ генералъ отъ кавалеріи графомъ Витомъ со множествомъ турецкихъ изъ свитъ чиновниковъ и россійскими четырьмя генералами, осматривая все тридцать магазиновъ наполненныхъ вещами удивлялись множеству и порядку содержанія смотръ окончился въ 12 часу. Я получилъ благодарность.

Было приготовлено къ принятію ихъ въ моей квартирѣ, но они снѣшили къ смотру кирасирской дивизіи дожидавшейся уже въ Кременчуге.

Разныя неудовольствія влекущія послѣдствіемъ изъ отвѣтственность и слабость здаровья побудили меня взять медицинское свидетельство и представить по командѣ съ прозбою о сменѣ меня отъ должности за болезнію. Я далъ предложеніе въ Коммисію 9-го генваря и не присудствовалъ съ того числа такъ какъ на многіе мои прозбы мнѣ было отказываемо и я решительно хотѣлъ оставить службу по опасности своей не доволно меня продолжая ее надалѣе но и детѣй моихъ привязывали отъчетностію ни за что ни про что было на опытѣ видно.

Генералъ Линдѣнъ выхалъ изъ Петербурга въ Екатеринославъ 7-го февраля женился на дочери тамошняго помѣщика Синельникова. Онъ возвращался с женою обратно 14 числа чрезъ Кременчугъ но только на станціи перемѣнилъ лошадей.

В сіе время находился въ Крюковѣ братъ жены моей 8-го класса Александръ Сергѣевичъ Ртищевъ онъ былъ командированъ отъ Линдѣна для наблюденія за отлачею Шенхолидзевымъ вещей въ Коммисію и прожилъ с полгода.

Мальчикъ сирота Евграфъ умѣръ 21-го февраля (что братъ девочки Олги жившей у насъ) детѣй Филиповыхъ, бывшей на содержаніи с: Чечелія, и учившейся у священника Никона въ Крюковѣ.

28 февраля я доносилъ Коммисаріатскому департаменту по предписанію ево

на рапортъ мой съ свидетельствомъ о болезни о невозможности вступленія въ управленіе Коммисіи за болезнію и просилъ увольненія.

27-го февраля нанята квартира въ Кременчугѣ домъ генеральши Панцынбигѣровой, 18-го марта переехали во оной изъ Крюкова въ Кременчугъ потому что я решился оставить службу по коммисіи и потому писалъ несколько писемъ и рапортовъ къ Линдену; онъ не выпускалъ меня подъ разными предлогами прежде за войною с турками потомъ за отчетами то за ревизіею и прочѣе и проч: Напослѣдокъ съ милостивымъ обещаніемъ что онъ уволитъ меня когда будетъ возможно съ полнымъ содержаніемъ, и благоденіе ево ко мнѣ действительно оказано на самомъ деле я представленъ былъ Государю Императору какъ отличной чиновникъ и 24-го марта произведенъ въ 4-й классъ, неожиданно переходъ сей на высоту генерала убѣдилъ меня къ безъусловному повиновенію. Я хотя жилъ въ Кременчуге но наблюдалъ за коммисіею въ действіяхъ ея чтѣмъ Г. Петровъ былъ старшей и завѣдывалъ ею.

Но послѣ всего сего и по случаю назначенія по Высочайшему повеленію опять ревизіи коммисіенъ я вступилъ въ управленіе Коммисіи 31-го маія.

27-го маія пополудни въ 10-мъ часу (уже было тѣмно) Государь Императоръ изволилъ проследовать по переменѣ у Крюковской застяны лошадей чрезъ Крюковъ и Кременчугъ причемъ городъ былъ отлично иллюмѣнованъ онъ слѣдовалъ изъ Елисавѣтъ града где осматривалъ возвращающіеся изъ Турціи и поселенныя войска, въ Ковелець для таковаго жъ смотра.

Въ началѣ сего маія месяца пріѣхалъ къ намъ изъ Стараго Оскола братъ мой Алексей Ивановичъ и пробылъ у насъ с месяцъ выѣхалъ 31-го маія обратно.

24-го іюня принималъ я присягу на чинъ 4-го класса въ присудствіи Коммисіи со мною были дети наши Вася и Николинка.

10-го, 11, 12 и 13 іюля проездили мы въ Екатеринославъ чрезъ Троицкое для осведомленія о пансіонѣ изъ разсужденіи ученія детѣй.

Въ Екатеринославѣ были мы с Васинкой на местѣ заложеннаго въ присудствіи Екатерины 2-й и Римскаго Императора Іосифа и прочихъ князевъ Потемкинымъ собора и на семъ местѣ съ умиленіемъ вновь строющагося, а также и во дворцѣ на сей случай тогда построеннаго но ево остаются развалины, а садъ на горѣ Днѣпра по сіе время поддерживается.

9-го августа послѣ силныхъ жаровъ громъ ударилъ в зданіе Коммисіи въ корпусъ магазиновъ и отъбилъ карнизъ въ 4-х мѣстахъ.

24-го августа въ воскресенье переехали мы попрежнему въ Крюковъ въ домъ Г: Коржневецкаго.

16 и 17 и 22 іюля произшествіе или бунтъ въ Париже король выхалъ въ Рамбулье 31-го числа.

Ревизія Кременчугской Коммисіи началась 12-го августа и продолжалась до

16-го сентября ревизоръ былъ бригадный генералъ маіоръ Молгуновъ съ двумя штабъ офицерами. И окончилась исправно.

Болѣзнь холера показалась и Крюковъ опеплѣнъ заставами 14-го сентября въ сильномъ дѣйствованіи начался она отъ Грузіи въ Астрахани и на Дону.

18-го сентября Василька отъданъ былъ въ пансіонъ за 5 вѣрсть отъ Крюкова въ Турунжекѣ, но скоро взятъ отъ туда 2-го ноября по случаю учрежденаго карантина между симъ мѣстомъ и Крюкова.

Патѣнтъ на чинъ 4-го класса полученъ 20-го сентября онъ поднесенъ къ Высочайшему собственноручному подписанію въ Александріи близъ Петергофа 25-го іюля патѣнтъ сей вложенъ въ раму 23-го октября.

Въ октябрѣ опасеніе отъ холеры умножилось оказалось въ Харковѣ гдѣ в теченіи трехъ недѣль умѣрло 1360 чел. обнародовано Г. Закревскаго наставленіе о предъосторожности онъ командированъ былъ въ восточныя губерніи склоняющіеся къ югу.

12-го октября холера показалась въ Москве.

17 ноября сведенія о новстаніи поляковъ въ Варшавѣ изъ которой принуждѣнъ выступить Цесаревичъ Константинъ Павловичъ съ супругою княгинѣю Лоичъ и некоторыми другими, оставивъ большую часть своего экипажа.

Войски военнаго поселенія въ Херсонской губерніи 3-я кирасирская и уланская дивизія выступили въ походъ на полскую границу.

Ноября с 1-го охраненіе цепи около города продолжавшейся съ месяцъ усилено 14-ти дневнымъ карантиномъ.

Мы были также, живя въ Крюковѣ и почти близъ карантина, въ большой опасности. Куреніе хлорою комнатъ уксусомъ производимо было безпрерывно дѣготь и хлоръ въ водѣ стояли на люстрахъ. На дверяхъ комнатъ прибиты были записки, сочиненныя набавившимися или невзвѣстнымъ архиереемъ.

Христосъ съ нами уставися
Вчера, днѣсь, тонкде и вонѣки.

Въ октябрѣ съ проездомъ обратно 18-го числа я писалъ къ Линдену и напоминалъ прозбу о уволненіи меня на сей разъ онъ принялъ ее и меня уволилъ предъписавъ адать Коммисію чѣлну 6-го класса Петрову.

5-го декабря Г. Петровъ вступилъ въ управленіе и къ пріему отъ меня Коммисіи.

Холера открылась въ Кременчуге изъ 117 заболевшихъ умѣрло 65. Но въ Крюковѣ у насъ благополучно.

Карантинъ крюковской наполнился по 1000 че.

Князь Репнинъ пріехалъ учреждены по частямъ комиссары городъ раздѣленъ на кварталы.

Въ Москвѣ снято опеленіе отъ холеры съ 5-го на 6-е число декабря и въ прочихъ городахъ около Москвы кордонъ оставленъ только въ Коломнѣ.

1831-й годъ.

Болѣзнь холера въ Кременчуге умалялась тамъ умѣрло 183 че. много изъ числа больныхъ выздоравливало у насъ въ домѣ Коржевевскаго было больныхъ нашихъ людей Кома Амосъ кормилица Улита кучеръ Симіонъ отъѣхать въ больнице, и клюшница волная, но все выздоровели.

15-го генваря по прекращеніи холеры карантинъ въ Крюковѣ снятъ.

Еще на 3-е число генваря рѣка Днѣпръ покрылась льдомъ 6 числа укрепился и мы 20-го генваря изъ дома Коржевевскаго въ Крюковѣ переехали въ домъ Г. Фоминой въ Кременчуге.

30-го князь Репнинъ пріѣхалъ.

1-го февраля было молебствіе о прекращеніи холеры въ сей дѣнь былъ обѣдъ у полицеймейстера Кисслева где былъ и князь Репнинъ а въ вечеру балъ отъ дворянства и купечества въ благородномъ собраніи.

2-го числа завтракъ у князя Репнина всѣму обществу и отъѣздъ его.

14 февраля с вечера затменіе луны при полной свѣтлости половина ее снизу къ левой сторонѣ въ 8 часу, видѣли лично при проездѣ изъ Мавродіевки.

26 тѣпло скучная масленица отътепель.

1-го марта именинной обѣдъ и масленичной ужинъ въ деревнѣ Турунжекѣ.

20-го марта лѣдъ на Днепрѣ прошелъ онъ былъ покрытъ имъ нынешнюю зиму два месяца и семнадцать дней.

Въ исходе сего месяца пахать земли и сеять начали, погода тѣплая и сухая.

1-го апреля трава зеленелась.

30-го числа люди наши изъ Раздола за экипажемъ пріехали.

8 маія былъ я с Василкой въ ярмонкѣ въ Градижскѣ. 17-го въ Демидовкѣ и Крынкахъ.

20-го маія люди съ обозомъ отъправлены въ Раздолъ.

Я адалъ Коммисію и получилъ чистую квитанцію еще 14-го апреля но ожидалъ повеленія о выездѣ своемъ изъ Кременчуга въ деревню котораго однако дождатся нѣ могъ.

Въ іюнѣ болѣзни въ Кременчуге опять показались.

7-го іюня по приказу отъ 21 маія Линдѣнъ уволенъ за болезнію въ отпускъ на 6 месяцовъ или до излеченія въ мѣсто сво и департамѣнтомъ управлялъ генералъ маіоръ Храпачевъ.

Сведенія. 29-го маія графъ Дибичъ Забалканской въ арміи умѣръ холерою 4-го іюня вмѣсто сво Главнокомандующимъ назначенъ графъ Паскевичъ Эриванской. Получено здѣсь 15-го іюня.

Наборъ казаковъ съ Полтавской и Черниговской губерніи съ 75 душъ 1 че. а с помещичьихъ съ 65 д. одна лошадь съ приборомъ, для составленія осми конныхъ полковъ.

27 іюня Линденъ въ Екатеринославль привхалъ чрезъ Щекутьево и получилъ словесное позволеніе что могу отъправится изъ Кременчуга въ деревню.

Свеленія. 29-го іюня о кончинѣ въ Витебскѣ 15 числа Цесаревича Константина Павловича холерой манифѣстъ о семъ отъ 17 іюня.

Іюня 18-го откырылась холера въ С: Петербурге.

Карета и коляска были для насъ изъ экипажа моего оставлены. Я имѣлъ подорожную и свидетельство отъ кременчугскаго холернаго комитета что все семѣйство наше осмотрѣно и знаковъ болѣни той не имѣемъ. (Сіе было нужно во время пути ибо многіе города какъ то Курскъ и Орѣлъ были оцеплены чтобъ нѣ было задержки и придирки.)

16-го іюля пополудни выехалъ изъ Кременчуга въ Калужскую губернію.

21-го ночевали въ Белевѣ. 22-го поутру въ Курьяново. 24-го въ Раздолъ.

Поляки упорствовали борба продолжалась даже наши войска при некоторыхъ мѣстахъ отъступали отъ отчаянной ихъ пылкости, особенно помещики польскіе старались вожечь въ Литвѣ и Бѣлоруссіи въражду противъ Россіи всѣми мѣрами возжигали прочихъ корпусы ихъ явились въ Волыни и близъ Вилнѣ разстроили Ковну, диктаторы ихъ въ Варшавѣ часто перемѣнялись Черторижскій Хлопицкій и Скржинецкій генералы Дембицкій подъ Вилной.

Съ принятіемъ командованія графа Паскѣвича армією положеніи ихъ дѣлались труднѣе они прогнаны были до Вислы.

По пріездѣ нашемъ въ Раздолъ 24-го іюля началась отдѣлка дома, какъ то дверей оконъ скалачиваніе половъ и потолковъ мазаніе ихъ, потомъ устроеніе печей и прочаго, столярною плотничною и печною работою матеріалы брали изъ Калуги.

22-го августа по отделкѣ одной половины дома, въ суботу, перешли во оную.

25-го были изъ Калуге и возвратились 26-го.

По отделкѣ прочихъ комнатъ въ домѣ 17-го сентября въ четвергъ было ево освященіе изъ приходской Гремячевской церкви во имя Успѣнія Богоматери и великомученика Георгія подняты с-и иконы и принесены въ новый домъ гдѣ отъслужена была всенощная, и потомъ молебѣнъ Спасителю с водосвятіемъ и коленопреклоненіемъ окроплены святою водою все комнаты дома съ обходомъ округъ онаго со всѣю святостію и кругомъ всей деревни.

Лѣто было дождливое. 6-го сентября первой морозецъ.

Свеленіе изъ армія 26 и 27 августа силное сраженіе подъ Варшавой с поляками, Варшава занята русскими войски полскіе отъступили и остановились въ крепостяхъ Замостье и въ воеводствѣ Сандомирскомъ прочіе корпуса къ Австрійской и Пруской границамъ въ волную Прагу но они тамъ хотя приняты но обезъ-оружены.

Симъ сраженіемъ война съ поляками окончилась.

Въ последствіи хотя обнародовано прощеніе всѣмъ нижнимъ чинамъ однако многіе не возвратились а чиновные остались заграницей и все пожелали поселится въ Амѣрикахъ.

14-го октября получено извѣстіе изъ Стараго Оскола о кончинѣ сестры моей Маріи Ивановны бывшей въ замужствѣ за Глаголевымъ последовавшей 19-го іюля въ Равенбурге.

Принять въ домъ для дѣтей учитѣль изъ Комерческаго въ Москвѣ училища кандидатъ Александръ Сорокинъ въ исходѣ сентября.

Также садъ новой разбить на дорожки и деревья съ стараго мѣста противъ дома пересажены.

7-го паводокъ на Окѣ изъ Орла барки шли.

Въ декабрѣ зима установилась.

19-го декабря соскучивъ въ деревнѣ выехали со всѣмъ семѣйствомъ въ Калугу гдѣ провели праздникъ Рождества съ 26 по 29-е заздили въ Грибово къ Г. Грузеву. Въ Калугѣ квартиру имѣли на Терентиной улице въ доме Терешина.

24 быль у насъ на возвратномъ пути Дмитрей Сергѣевичъ Ртищевъ.

30-го декабря приговорѣнъ танцъ мѣйстеръ Игнатій Николаевичъ Дебиль для дѣтей.

1832-й годъ.

Мы жили въ Калуге и нячево не воображали въ разсужденіи службы моей въ которой я состоялъ, но по сведенію̀мъ въ минувшемъ декабрѣ месяцѣ, что генералъ кригъ комиссаръ Линдѣнъ возвратился изъ отъпуска въ С: Петербургъ еще въ ноябрѣ месяце и я не Калуги тогда жъ писалъ к нѣму партикулярное письмо и просилъ о исходатайствованіи мнѣ формальнаго отпуска по болезни на четыре месяца, ожидалъ какого ни есть на то отъвѣта.

Какъ въдругъ 13-го генваря нарочной изъ С: Петербурга коммисіонеръ Долбинъ явился ко мнѣ съ предъписаніемъ адресованное на имя мое. Я распѣчаталъ и чтожъ нашелъ: Высочайшее повеленіе о назначеніи меня управляющимъ Виленскою Коммисаріатскою Коммисіею с жалованьемъ и сверхъ того столовыми по три тысячи рублей въ годъ, с тѣмъ чтобъ и какъ наискорѣя отъправился въ Вилну и вступилъ въ управленіе.

Что мнѣ оставалось дѣлать мы с женою думали судили это назначеніе меня разстроивало совершенно, я нѣ могъ ничѣмъ отъговорится, тогда когда потребна служба моя начальству доведенная до Высочайшаго сведенія и мы решились ехать въ Вилно. Я донѣсъ рапортомъ с тѣм же нарочнымъ что в скорости отъправлюсь.

Надобно собрался и бросить прочь все помыслы другія.

16 числа мы отъправились въ Раздолъ и Курьяново чтобъ простится съ стариками тестѣмъ и тещею которыя нѣсколко на насъ погнѣвавались за недачу изъ долгъ сыну ихъ Николаю денегъ, которыхъ и взять нескозя. 17, 18, 19, 20 тамъ и въ Раздолѣ собрали что взять и оставить сѣѣшили возвратились въ Калугу 21-го числа. И 26-го числа генваря изъ Калуги выехали въ Вилно с тѣмъ чтобъ заехать в Медынской уѣздъ къ Груздеву потомъ въ Гжати къ Петру Ртищеву которой съѣхался съ нами на полотняномъ заводе, на своихъ лошадяхъ изъ четверомѣстномъ воскѣ и двухъ новосехъ.

27 у Груздева. 29 у Ртищева. 30 въ Гжать на почтовомъ тракту.

4-го февраля пополудни въ 11-мъ часу прибыли въ Вильно, остановились въ гостинице Шульца.

Въ Вилно войскъ стоящихъ и проходящихъ, и народу множество одного поселенія гражданъ 60 т. че. Дороговизна во всѣмъ ужасная каждыя сутки стоили намъ на одно содержаніе с квартирою 30 ру. На сіе и на прочіе жалованья и столовыхъ недостаточно.

Я въступилъ въ управленіе Коммисіи 11-го февраля найдя великое разстройство по оной. Во время полской революціи и послѣ оной производство безъ всякаго порядка и отчетности въ запущеніи, управлялъ оною или самъ назвался таковымъ 7-го класса Толубѣевъ и кромѣ интереса своего ни о чѣмъ не помышлялъ. Я доносилъ Храпачеву но по устроеніи помышлялъ какъ ни есть удалится.

Коммисія расположена за рѣкою Вилейкою въ абатствѣ купленномъ у монаховъ Піарскаго ордена, магазиновъ мало, а вещей навезено много они сложены были на дворѣ. Я непроезлъ и мнѣ позволено было занять самую цѣрковь Рафаила кнѣгарми. Все бывшія войски въ сраженіи съ поляками въ Литвѣ и Варшавскомъ царствѣ состояли подъ довольствіемъ Виленской Коммисіи хаосъ ужасной безпрерывное собраніе полковыхъ приемщиковъ отъправленіе транспортовъ во все мѣста гошпиталей множество до двухъ сотъ чиновниковъ едва было достаточно къ обязанности службы канцелярія плохая. Я мучился и действовалъ всѣми силами.

11-го февраля отъ Шульца перезхали мы въ домъ Шабаковскаго построенной на манѣръ парижскаго съ каминами. Но и тому ради, квартиры были все заняты притомъ же по здѣшнему заведенію на перемѣну ихъ устанлены изъстари сроки въ мартѣ и сентябрѣ. Наталья Сергѣевна долго была недорова.

Въ исходѣ февраля приняты учителя къ детямъ; Рупенгеймъ немецъ по немецки и французски, чиновникъ Книжникъ математикѣ.

7-го марта возвратился изъ С: Петербурга виленскій военный губернаторъ генералъ адьютантъ князь Долгоруковъ. Я былъ имъ обласканъ.

10-го марта назначенъ новый генералъ кригсъ коммисаръ генералъ адьютантъ Шиповъ Сергей Павлычь.

9-го марта кончина Сергея Петровича Ртищева тестя моево на дороге при проезде изъ Москвы въ Черной Грязи. Сведеніе получено 6-го апреля.

23-го марта нанятъ домъ Исафаты Маіеровичевой на Доминиканской улице въ которой изъ дома Шабаковскаго и перезхали 27-го числа въ воскресенье.

Люди съ экипажемъ изъ Раздола приехали 31 марта они пробыли въ дороге 27 дней.

Говорили о комѣтахъ *Энке* и *Бѣлы* въ семъ году 3-го маія, 24 іюня изъ описенія склоненія ихъ съ землею.

Въ Вилнѣ военный губернаторъ дѣлалъ частыя обѣды и вечеринки. Былъ тѣатръ. Сводили новое знакомство и время проводили иногда весело поляки переставали дичится русскихъ последнихъ насъ очень было мало одни служащіе.

Вилна городъ, древняя, Литовскихъ князей столица, послѣ Троягъ застроенная Ягелломъ, во время язычества, съ принятіемъ христианства по женитбѣ его на польской принцессѣ, городъ увеличивался по смѣжности Ливонскихъ рыцарей и границы торговлею процвѣталъ и увеличивался въ нѣмъ по сіе время остались многія древности какъ то замокъ или Замковая гора на коей стоялъ онъ есть еще развалины, ворота замковыя еще цѣлы, тѣперь внутри того двора стоитъ католическій главный кафедральный соборъ, по преданію на томъ месте гдѣ стоялъ храмъ язычества, а подъ горою устроенной арсеналъ обнесенной во время последняго возмущенія въ 1831 году рвомъ и палисадомъ съ бастіонами пушекъ обращенныго изъ крепость по обоимъ сторонамъ р: Вилія и Малой Вилейки. Въ городѣ многія древнія монастыри какъ то Францыскаская Доминиканской Піарскоя Бернардинской Базилианской Бассаконъ или Босоногихъ и прочихъ и прочихъ мужескихъ и женскихъ разныхъ орденовъ и кромѣ того приходскихъ церквей созданныхъ великолѣпно. На воротахъ Остробрамскихъ въ великолѣпно созданной часовнѣ находится образъ чудотворной Богоматѣри Остробрамскія, русской одинъ монастырь С-го Духа заведывается архимандритомъ, и на томъ же дворѣ приходская церковь бѣлаго духовенства. Однако подъ русскій соборъ нынѣ приуготовлена изъ числа іезуитскихъ прекрасной архитектуры церковь, что протиръ ратуши но еще не отделана, при насъ занимала ее полковая церковь; есть еще полковая церковь въ бывшей почтамской, и во дворцѣ недавно отъстроенномъ гдѣ тепѣрь помещается военый губернаторъ близъ дворца, зданіе находится огромнѣйшаго, уничтоженнаго нынѣ, университета со многими дворами заведенной з давнихъ лѣтъ, в нѣмъ еще оставались все рѣдкости кабинѣтовъ и обсерваторія; остановлена одна медицинская академія, но она помещается въ другомъ зданіи близъ монастыря Сестръ Милосердія, и гимназія, также есть многія заведенія какъ то, подъ названіемъ *Благочинность*, гдѣ принима-

ются все сироты и дети бѣдныхъ родителей, и учатся рукоделіямъ, разныя больницы, где принимаются безъ платы; древнѣе заведеніе, на благочиніность бываютъ зборъ на содержаніе; набираются изъ знатныхъ фамилій дамы молодыя собою прекрасныя, или девушки они въ провожаніи мущины ходятъ вездѣ по всѣмъ домамъ и даже по улицамъ съ серебреною тарелочкою и просятъ у каждаго подаянія, они принимаютъ на себя сей трудъ изъ усердія и это болѣе деланіе изъ публико уваженіе. Главныя улицы въ городѣ Замковая, Доминиканская и Немецкая прочихъ премножество есть чрезвычайно уски такъ что экипажъ при встрѣчѣ не можетъ разъѣхатся и кривы; дома все каменныя въ два три и четыре этажа кроются болѣе черепицей, экипажи и народъ кипитъ по улицамъ, множество жидовъ имѣютъ свои дома по закоулкамъ с лавками имъ однако запрещено имѣтъ дома и торговатъ на главныхъ улицахъ, какъ только по привилегіи отъ королей полскихъ, у нихъ есть свои древняя синогога закрытая домами, и кагалъ управленія. Окружности Вилны также прелестны, рѣка Вилія извивается и украшаютъ горами Панарскими и сосновыми рощами.

8-го маія осматривали мы въ обсерваторіи университета заведенія также и кабинетъ редкостей.

9-го приобрѣтены оставшіяся послѣ одного бискупа мѣдали изъ рамахъ за стекломъ, римскихъ императоровъ и философовъ греческихъ днѣ, за 100 ру., также фрукты подъ натуру и 4 бронзовыя медали первыя чрезъ Шулца а последнія Сомина, въ подарокъ.

15 были в местѣ называемомъ Закретъ близъ города на Вилію гдѣ домъ Г. Зубова потомъ Г. Бенингсена а теперь казенной, тутъ построена была подлѣ сего дома деревянная зала въ 1812 году по повеленію Императора Александра для назначеннаго бала предъ входомъ французовъ но зала оборалась и архитекторъ Шулцъ скрылся будто утонулъ.

Получены сведенія изъ Раздола что 12 маія былъ градъ по ореху которымъ покрыло землю.

24-го маія были мы на горѣ Замковой и осматривали развалины замка Ягеллы.

30 маія были въ Веркахъ принадлежащихъ прежде Вискону Масялекому въ 5 верстахъ отъ города гдѣ въ домѣ редкія дорогія живописныя картины с нами былъ генералъ Бушуевъ начальникъ арсенала, и калварію гдѣ построены въ лѣсу съ 30 часовнѣхъ для усердныхъ молелщиковъ которыя все ихъ с пеніемъ обходятъ пешіе.

6-го іюня были въ Тиволіи предмѣстіи.

8 Грибишки и Бетлиево 9 Маркуцы и Боретенбургъ 10-го Погулянки также предмѣстія города где бываютъ множество всякаго народа.

11-го маія были я с Васинной и проводникомъ Шулцомъ на горахъ Панарскихъ за 7 верстъ отъ города где было сраженіе 7-го іюня 1831 года русскихъ

с корпусомъ Дембицкаго и куда бѣгали къ нему изъ Вилны множество студентовъ, тутъ стоятъ часовня и близъ оной кладбище на которомъ похороненъ между прочими убитый в семъ сраженіи молодой гвардейской адъютантъ графъ Толстой.

29 іюня мѣсто Рупенгейма принять къ детямъ учителемъ нѣмецъ Брюнъ да фортопіанистъ Дашкевичъ принятъ Васинку учить на фортопіанѣ.

По чрезвычайной дороговизнѣ припасовъ на содержаніе по званію моему и мѣсту требовалось много издержекъ недоставало ни жалованья ни столовыхъ за одну квартиру 450 ру. серебромъ въ годъ платить должно, я такъ сказать крехтѣлъ и надялѣе совершенно бы прожился и искалъ случая удалится изъ Вилны, хотя в нѣй и весело: изъ отношенія князя Долгорукова которымъ я былъ всегда принятъ и обласканъ дружески словомъ онъ любилъ меня, зналъ я что генералъ Шиповъ мой начальникъ ему приятѣлъ, то и просилъ я князя написать обо мнѣ чтобъ перемѣстить меня изъ Вилны или поколь уволить изъ предъ до открытія должности, но Шиповъ на письмо такожмъ же отзывчатъ ему ни то ни сіо и что теперь числится при департаментѣ безъ занятія нелзя, а мѣсть нѣтъ в мѣстахъ Россіи но когда угодно къ городіи причислится свободно выпускаются изъ коммисаріата. Видя что ничево здѣлать неможно къ перемещенію я послалъ къ Шипону отъ себя рапортъ и письмо прося его о увольненіи и о назначеніи въ Вилно на мѣсто мое другаго такъ какъ я за болезнію продолжать не могу. Дмитрей Сергѣевичъ Рунцевъ былъ у него лично онъ только сказалъ ему что на смѣну мою теперь послать некого.

Іюля 18-го смотрѣлъ и анатомической кабинетъ въ Вилно со мною были сынъ мой Васинка и проводникъ Шулцъ молодой человекъ афицеръ полякъ изъ немцовъ съ состояніемъ.

По назначеніи Шипова Линденъ уѣхалъ изъ Россіи заграницу къ водамъ. Молодая жена его Синелникова и дочь младенецъ помѣрли въ Петербурге а осенью и самъ онъ умѣръ заграницей.

Во время лѣта проходили чрезъ Вилно многія войски изъ царства Полскаго въ числѣ томъ гренадерскій корпусъ и легкая кавалерія. Я въ безпрерывномъ находился занятіи по должности пробывалъ въ Коммисіи съ утра до вечера. Красовскій Набоконъ Кащеевичъ. Тимирязевъ и многіе другіе генералы требовали къ себѣ резюмеры разные по всѣмъ частямъ были безпрерывно, и вознокилъ поверять вещи по пріему Коммисіи на старшаго члена 6 класса Шенхелидзева но онъ оказался человѣкъ фалшивой Толубѣевъ человѣкъ задорной и опасной просилъ квитанціи даже жаловался, Шиповъ согласился избрать посредника жандармскаго полковника Рутковскаго по онъ ничево не здѣлалъ. Таковое небывалое распоряженіе удивило но и нѣ могъ выдать квитанціи за всѣмъ тѣмъ потому что по запутанности дѣлъ нѣ было возможности узнать остатокъ наличныхъ вещей оста-

вавшихся къ 11-му числу февраля да и потому что и самъ я не желалъ принимать сей обузы и послѣ здавать ее другому такъ какъ я не хотѣлъ оставатся.

Въ разныхъ хлопотахъ проведено все лѣто между тѣмъ знакомство умножилось дѣлали обѣды и вечеринки и иногда было весѣло.

2-го августа и 26-го числа были именинные обѣды и вечеринки у насъ. Генералы Бушуевъ Степанъ Михайлычъ и бригадный Щербицкій также часто у насъ бывали: Яковъ Захарьичъ Жуковъ командиръ баталіона часто делалъ пирушки и прочіе русскіе и поляки еще чѣмъ Бронницкой жили за городъ.

4-го сентября съ детми Васинкой и Николинкой ездилъ я въ городокъ Троки въ 30-ти вѣрстахъ отъстоящей с нами былъ и проводникъ Шуцъ. Городокъ сей до построенія Вилны былъ столица княжеская а по построеніи в нѣмъ оставался дядя Ягеллы. Онъ окруженъ глубокими озерами развалины замковъ двухъ одного въ городкѣ а другаго на островѣ окруженномъ водою по сіе время существуютъ. Мы осматривали обои переправившись въ лодкѣ с перевощиками карапмми поселенной слободы прежними польскими королями.

Князь Долгоруковъ приказалъ отнѣсть мнѣ обывательскую безденежную квартиру и мы переѣхали во оную изъ дома Маіоровичей 4-го октября въ домъ Гута на Замковой улице.

19-го октября получилъ я изъ С: Петербурга отъ капитула знакъ отличія безпорочной службы моей за XXX лѣтъ.

Продолжались увеселенія по случаю рожденія Его И. В: великаго князя Михайлы Николаевича 23-го обѣдъ 27 октября балъ у военнаго губернатора.

29-го балъ корпуса жандармовъ у полковника Языкова 30-го октября народное угощеніе на площади дворцовой театръ безденежной а въ вечеру иллюминація. 20 ноября балъ отъ дворянъ въ ресурсе.

Съ 1-го декабря я смѣнился на мѣсто мое назначѣнъ 6-го класса Вѣкъ которой и вступилъ въ управленіе.

7-го декабря люди кучеръ Симіонъ и поваръ Климъ отправлены въ Раздолъ с каретой, а прежде еще 28 сентября люди Федотъ и Марфа отправлены съ дрожками с верхомъ, поваръ былъ купленъ с женою полякъ но оказался пьяница и опять проданъ.

21-го для французскаго языка принять къ детямъ новой учитѣль, московской отъ Языкова. А прежней Брюнъ училъ по немецки, математической учитѣль Книжнинъ отъкомандированъ по службѣ и всѣего ево 12 декабря приговорѣнъ учитель отъ Языкова полковой священникъ Старонѣмецландскаго полка съ 15 декабря училъ катихизисъ и Закону Божію.

Въ декабрѣ окончены портреты съ детѣй Васинки Николинки и Александра, виленекимъ живописцемъ Францискевичемъ.

1833-й годъ.

Посторонніе извѣстіи.

Во Франціи Герцогиня Берійская заключена въ цитадѣль Лабле.

Король Греціи Оттонъ торжественно вступилъ въ столицу Навплію 7-го февраля.

Болѣзни въ Вилнѣ головныя въ февралѣ.

Къ празднику Пасхи устроены въ Вилнѣ русскія качели и летнія горы на площадки противъ церкви Петра въ Тиволи въ первый разъ по занемности отъ Россіи.

12-го апреля въ среду осматривали катакомбы подъ сводами бывшаго Піарскаго абатства за зеленымъ мостомъ обитѣль сія основана въ древности неизутами.

По свѣденіямъ тѣща моя Елисавѣта Гавриловна Ртищева урожденная Юшкова окончила жизнь 7-го апреля въ с: своемъ Курьяновѣ Лихвинскаго уѣзда.

21-го маія шелъ градъ въ окружности Вилны съ обыкновенной орѣхъ.

19 маія Государь Императоръ былъ въ Динабурге смотрѣ войскъ 1-го вѣк: корпуса отъ туда отправился въ Ригу и Ревѣль и моремъ въ Або 29-го числа.

Пріемъ отъ меня Коммисіи продолжался до 15-го іюня мнѣ выдана квитанція.

20-го іюня во вторникъ пополудни въ 7-мъ часу мы выехали со всѣмъ семействомъ изъ Вилны чрезъ Калугу въ Раздолъ. Во всю дорогу жаръ былъ до 30-ти градусовъ. Мы пріехали въ Калугу 26 числа въ 11-м часу вѣчера въ польской колискѣ и брычкѣ а 27 числа въ Раздолъ.

1-го іюля въ Лихвинѣ обѣдня и панихида на гробѣ покойныхъ Ртищевыхъ.

Покойная мать жены моей при кончинѣ своей назначила ей дворовыхъ людей пять душъ съ семействами о чѣмъ была подана прозба въ опѣку.

29 іюля выехали въ Калугу и пробыли тамъ до 9-го августа.

Въ сіе время подряжены плотники на обшивку тѣсомъ дома въ Раздолѣ и куплѣнъ тѣсъ чтобъ начать стройку.

9-го августа выехалъ я съ сыномъ Васинкой въ С: Петербургъ, чрезъ Гжать, Наталья Сергѣевна въ Раздолъ с детми Николинкой и Александромъ обратно.

Въ С: Петербургъ следовали мы чрезъ Гжать Ржевъ Старицу на Торжокъ на почтовыхъ и прибыли туда 16-го августа поутру въ 6 часовъ, остановился въ квартире бау адъютанта Ртищева Дмитрія Сергѣевича въ ордонансъ гаузе въ Садовой улице.

На другой день былъ я у Шипова.

21 августа были мы въ Зимнемъ дворце и въ Эрмитаже въ вечеру въ Преображенскомъ соборе и въ саду.

22 смотрѣли домикъ Петра 1-го гдѣ образъ Спасителя Нерукотвореннаго, и в саду.

23-го представлена прозба къ Шипову при рапортѣ о увольненіи.

Простудная болѣзнь продержала меня въ квартирѣ дней пять. 28-го были мы въ вечернее в внечеру на биржѣ, 29 въ Невскомъ, 30-го смотрѣли процессію хода и слѣдованіе Императрицы съ Княжнами въ парадныхъ экипажахъ, въ вечеру на Елагиномъ островѣ были где сожженъ фееверкъ раза четыре были также въ театрѣ.

Я разсѣдывалъ объ учебныхъ мѣстахъ и былъ въ корпусахъ путей сообщенія инженерномъ и дворянскомъ полку.

Въ Петербургѣ жить весело, но и не затѣмъ призхалъ.

1-го сентября я получилъ отпускъ отъ Шипова на 28 дней въ Калугу и 2-го сентября пополудни въ 6 часу выѣхалъ отъ туда до средней рогатки провожалъ меня Г. Ртищевъ.

Въ Москву пріѣхалъ я поутру 6-го числа и исправивъ кое какіе надобности въ вечеру выѣхалъ а 7-го призхалъ въ Калугу въ 8-м часу вечера где нашелъ жену свою въ Москву ѣхать навстрѣчу мнѣ собирающуюся.

Мы вместѣ выѣхали въ Ряздоль 8-го числа где производилась обшивка дома и другія постройки какъ то шатеръ на колодѣзь и каменная стѣнка для сарая такъ равно и бани, да земляная работа сажалка рѣчка и канавы. Все это окончилось въ началѣ октября месяца.

Между тѣмъ мы были нѣсколко разъ въ Калуге да и въ Одоевъ задили и Малыхино.

Осень стояла сухая мы заботились о детяхъ къ ученію прежде хотѣли зимовать въ Калуге но послѣ передумали и решились отправится въ Москву.

26 октября мы выѣхали изъ Ряздола и 28-го ис Калуги здѣлались грязь и морозъ и въ Москву призхали 31-го числа въ вечеру остановились въ Гагаринскомъ подворье. 8-го ноября переехали было на Екиманку въ домъ Кандуриной но изъ онаго по неспособности къ размещенію выѣхали 11-го числа въ домъ Пряницниковой на средней Донской.

23-го ноября въ четвѣргъ Васинка отъдалъ въ пансіонъ Г. Чермака въ Басманной 28-го денги въ передъ отданы за полгода.

30-го приговорена мамзель Хитрова въ домъ учить Николинку и Александра пофранцуски и поруски.

Съ 22 по 30-е Государь Императоръ посещалъ изволилъ Москву.

5-го декабря начало ученья сына Александра.

Съ 12-го по 21-е декабря проездилъ я изъ Болхонъ.

Посторонніе замечанія.

Въ Блинскомъ замкѣ Герцогиня Бериская разрешилась дочерью которая скончалась признаніе что отецъ ее Графъ Лукіезій Пили с конъ Герцогиня тайно сочеталась.

1834-й годъ.

Всю зиму пробыли въ Москве въ доме Г. Пряницниковой. Зима была порядочная морозы до 27 град. до Масленицы здѣлалась оттепель и на Москвѣ рекѣ построенныя домики для комедіянъ повалило водою и перепортило горы комедіи играли на берегу въ мучныхъ лабазахъ. Плохая Масленица скука купцамъ ни женъ ни лошадей показать не удалось.

Въ генваре призжала славная певица Генріэта Карлъ изъ Рима давала концѣрты съ 21-го числа въ собраніи подобно Катиланіи, Зонтагъ, Карри Дори-Аллангъ, была принята московскою публикою.

Былъ я звань въ посаженые отцы къ дочери Елисаветѣ Петровнѣ помещика Груздева (двоюроднаго брата жены моей). Она выходила въ замужство за Г. Сомова въ Мядинской уѣздѣ. Но какъ изъ Москвы отъехать мнѣ было нелзя куда я ожидалъ со дня на дѣнь Г. Юшкова для окончанія начатаго дѣла по деревнѣ, которой изъ последствія не устоялъ изъ честномъ слонѣ проѣлъ и обманулъ изъ последствіи условіе не состоялось; но чтобъ со стороны Груздева не помыслили сего препядствія изъ другомъ смыслѣ, я хотѣлъ нельзту благословить образомъ изъ Москвѣ где она была съ родителями для закупки приданаго; а потому и выменень образъ Спасителя, благословляющаго, въ серебреной ризѣ и резной кивотѣ вызолоченныхъ, но Г. Груздень изъ вежливости отказался и образъ сей остался при домѣ нашемъ.

Во время Масленицы отъ скуки мы часто бывали изъ театрѣ то есть изъ денномъ и ночномъ.

Послѣ отъѣхали изъ посты зима опять уставилась.

За разъездами и за разстройкою чрезъ то лошадей у насъ было мало. 20-го марта куплены три лошади двѣ гнѣдыхъ Максинъ и Кожевникъ; и второй Цыганъ, за 675 ру.

5-го апреля тѣло и лѣдъ на рекѣ тронулся и до 17 числа вода была въ прибыли водополья 5½ футовъ отъ холода долго стояла въ одинакомъ положеніи.

22-го праздникъ Пасхи нѣ было похоже на весну снѣгъ продолжался. Но гуляные подъ Новинскимъ противъ прежнихъ было многолюднѣе то есть не черніо а призжаломъ экипажей одинъ другаго лутчѣ. С Новинской нѣренка доходила до Арбата Пречистенки и Никитской. Комедіянъ разныхъ лутчихъ виртуозовъ съ 20-ть было построенныхъ по рисункамъ изъ прекрасномъ видѣ въ кои не пренебрѣгали исходить лутчія особы, зато и представленія были редкія. Я съ дѣтьми былъ во многихъ, качелей разнаго рода также было много, а посредине сего временнаго города стояла прекрасная гостинница съ турецкими палатками. 1-го маія мы были въ Соколникахъ, и на семъ гуляные было множество экипажей, палатокъ купцовъ и народа, бродили по рощамъ.

2-го маія еще куплены дѣ воронія лошади, Кремѣнь и Голубокъ за 400 руб.

Съ 2-го на 3-е число въ полночь первый громъ и дождь.

Чрезвычайная дороговизна на все жизненныя припасы доводила до безпокойства вѣсь народъ орсканая мука продавалась пудъ 3 ру. 50 к. и 45 ко. говядина до 30 ко. фунтъ овесъ 14 и 13 ру. четверть дрова шиярковыя по 18 ру. сажень. Фабриканты съсылали рабочихъ и из Москвы вышло множество черни, нищихъ было великое множество.

Мы насилу дождались вѣсны и 3-го маія изъ четвѣрга выехали изъ Москвы и 6-го числа въ воскресенье приехали въ Раздолъ. Тутъ начали отъдыхать отъ надержекъ.

Сынъ Васинка оставленъ въ пансіонѣ Чормака.

12-го да съ 20-го и 26 маія пробыли въ Калуге для полозованія детѣй отъ эпидемическаго капля.

Отъ дождей ржи и яровыя хлѣбы поправились.

22-го іюля выехали изъ Раздола къ брату Алексею Івановичу въ Старой Осколъ съ детми и мамзелью, въ каретѣ и колясцѣ, чрезъ города Одоевъ, Чернь, Новосиль и Ливны, приехали въ Колпино 18-го числа.

Пробывъ у брата 26-го числа выехали въ Воронежъ чрезъ Никнедевицкъ 28 были у обѣдни въ Воронеже въ соборе гдѣ и мощи святителя Митрофана комнъ поклонились, въ вечернію служили молебенъ гдѣ вымѣненъ образъ сего угодника Божія шапочку и елей. 30-го числа выехали чрезъ Землянскъ на Ливны и 4-го возвратились въ Раздолъ.

Ужасная засуха продолжалась чрезъ два месяца хлѣбъ и сѣно вздорожало.

По давнему намеренію и привычѣ къ пребыванію лѣтъ десять въ одномъ местѣ обнадеженные чрезъ переписку требовавшую личнаго нахожденія 24-го августа мы с Натальею Сергѣевною выехали изъ Раздола въ Кременчугъ оставивъ детѣй кромѣ Васи которой находился въ пансіоне въ Москве, а Николинку и Александра при мамзеле и афицерше изъ Лихвина Марье Тимофѣевнѣ въ Раздоле, отъ Белева где взяли подорожная на почтовыхъ въ колясце куда 31-го числа и прибыли остановились въ домѣ Г-жи Фоминой, не бывъ тамъ почти три года имѣли прекрасный пріемъ отъ знакомыхъ.

По обстоятельствамъ непредвиденнымъ, по случаю кончины приятельницы и кумы Г-жи Маламиной и обращеній на другой предметъ мы должны были побывать въ Акмечеткѣ селеніи изъ Одвиопольскомъ округе далѣе за 250 верстъ куда и выехали на почтовыхъ же сентября 6-го числа чрезъ Александріо и Елисаветъ градъ 8-го числа въ Акмечетку прибыли къ Г-мъ Мартыновскимъ. Положась на слово ихъ разсужденіи деревни Андрусовки, 10-го числа и ночь возвратились въ Кременчугъ а 12-го числа отъ туда выехали обратно и 18-го числа сентября прибыли въ Раздолъ.

17 и 18-го сентября Государь Императоръ посещалъ Калугу проездомъ въ Орелъ.

25-го были въ Калуге где получено изъ первый разъ пансіонное жалованье, въ годъ по 1500 ру.

Октября 11-го числа выехали въ Москву со всѣмъ семействомъ чтобъ видѣть Васинку и по надобности о деревнѣ Яковлевской. Пробывъ тамъ до 24-го числа выехали и возвратились въ Раздолъ 28-го октября.

Государь и наслѣдникъ 23 октября отъбыли из Москвы гдѣ пробыли съ 14 числа.

5 декабря въ Калуге мы были.

18 числа туда жъ выехали со всѣмъ семействомъ чтобъ проводить всю зиму стоили въ домѣ купца Вѣлова. 19-го числа одинъ и задилъ въ Москву и возвратился отъ туда въ Калугу съ Васинькой, 23 декабря.

Замечаніе. Хотя мать жены моей и назначила предъ кончиною своей въ общей раздельной записи собственно женѣ моей или сыну нашему Василью дворовыхъ людей мужеска пола пять душъ с женами ихъ и детми, о чѣмъ и подана была проэза отъ насъ въ Лихвинскую дворянскую опѣку, что выше видно въ 1833-мъ году однако опѣка отыскавала потому что братья Николай Петръ и Дмитрій Ртищевы не уважимъ родительскаго завещанія, подъписавши сами при жизни матери своей раздельную послѣ кончины отъдать тѣхъ людей не захотѣли и уничтоживъ чрезъ то раздѣлную здѣлали между собою другую чѣмъ и обидели сестру свою и ее сына, не исполнивъ завещанія поэрамяли себя предъ свѣтомъ причиною сего болѣе всѣхъ старшій из братьевъ Николай который всячески старялся въ отъказѣ опѣкою.

Инеки тѣ дѣти кои не исполняютъ завещанія своихъ родителей, инеки они и предъ своими собственными детми которыя можетъ, родясь с чуствомъ, будутъ осуждать поступки своихъ родителей.

Неурожайныя годы 1833 въ Малороссіи продолжались и въ 1834 году дорогизна хлѣба птицы были рожь четвѣрть 22 ру. овесъ 12 ру. сѣно 1 ру. пудъ.

1835-й годъ.

Съ 18-го декабря минувшаго года по 19-е апреля сего тѣкущаго, всю зиму мы пробыли въ Калуге, и послѣ праздника Пасхи возвратились въ Раздолъ.

Въ Калуге провѣли время довольно приятно въ обществѣ первыхъ чиновъ города часто посѣщали тамошней тѣатръ и собранія, а дѣти Николинка и Саша учились танцовать у Шульца; въ особенности мы обласканы были въ доме Г-на председателя Ивана Васильича Капорскаго.

Нынѣшнею весною раки и всходы овса хороши; 31-го маія и 1-го іюня сильныя утреннія морозы повредили цвѣтъ на деревьяхъ всходы огурцовъ и прочаго

въ огородахъ, но что неслыханное во многихъ мѣстахъ, частію повредило ярвеной колосъ, при ево нѣжномъ образованіи.

Дни Троицы проводили время въ Калуге. Васинки призхалъ изъ Москвы 25 маія, онъ совсѣмъ взять изъ пансіона Чомарка, для определенія на службу въ Орденской кирасирской полкъ ему было шеснадцатой годъ слѣдовательно наступало время на службу. Съ женою мы долго о семъ думали располагали какъ лутче способнѣе въ Петербургъ ли эхать для детей по прожившося, напослѣдокъ согласились лутчѣ отъправится въ Малороссію въ Кременчугъ тамъ много войскъ и есть старыи знакомыи и приятѣли. Здѣлали переписку и получивъ удовлетворителной отъвѣтъ по кавалерискои службѣ решились ево приготовить.

21-го іюня я выехалъ с нимъ въ Москву гдѣ съ 25 іюня по 13-е іюля брать онъ уроки верховой эздѣ въ Броиной у берейтора—а послѣ полудня фехтованью для чево задилъ въ квартиру нашу изъ кадецкаго корпуса учитѣль каждодиѣвно.

1-го, 2, 3 были въ Калуге 9-го ваято свидетелство о состоянии содержания въ кавалерискои службѣ, отъ губерискаго предводитѣля Чаплина. Собирались къ выезду въ дорогу на 700 вѣрстъ оставляя Раздолъ принять прикащикъ вмѣсто прежняго Батова, волноотъпущенной Николай Авиловъ 5-го числа.

22-го августа 1835 года выехали изъ Раздола въ двухъ колискахъ и двухъ новосехъ на 13-ти лошадяхъ. Время стоядо сухое. И 5-го сентября прибыли въ Кременчугъ, с недѣлю пробыли въ Кременчуге въ доме Эка а съ 12 числа наняли домъ Волкова въ Крюкове.

Съ 19 по 29 сентября для надобностей пробылъ я с детми Васинкой и Николинкой въ Екатеринославле где 27-го найденъ мой бѣглой крестьянинъ Семѣнъ Іваноѣ года за два назадъ ушедшій изъ Раздола.

Въ октябре комѣтъ была видна на западе. 12 и 13 былъ я въ Александріи.

17-го Государь Императоръ проследовать изволилъ чрезъ Кременчугъ послѣ смотра Калишскаго при проезде изъ Новой Праги въ С: Петербургъ.

19, 20 и 21 были мы с женою въ м: Лиховке.

30 эхалъ на Днепре остановился при 12 гр. мороза.

5, 6 и 7 ноября были з детми въ Крылове у Федора Иваловича Антонова гдѣ 7-го числа пошла въ ходъ проэба отъ Васинки объ определении въ Орденской кирасирской полкъ.

16-го ноября эсъ мамзель Заверняева принята для ученья Николники и Александра.

3, 4 и 5 декабря былъ и с Васинкой въ Новой Праге отъ туда чрезъ Абрамовку въ Татаровке.

12-го декабря предетавлялъ я Васинку къ дивизіонному командиру Ихонтову въ Новой Праге где и обѣдалъ с нимъ.

13-го въ Елисаветъграде къ корпусному командиру Сакѣну.

Къ ночи у Павла Іваноѣича Чечеля при проезде обратно 15 ночевалъ въ Петриковке отъ куда въ дороге былъ въ опасности отъ большой въюги съ морозомъ до Александріи где перестоявъ возвратился 16 числа.

23-го декабря были въ Крылове.

15 декабря послѣдовать приказъ по корпусу объ определении Васинки въ Орденскои к: полкъ.

27-го декабря Натальи Сергѣевна по обыкновенію собралась поутру въ 11 часовъ эхать съ визитами, и по сходе съ крылца стала садится въ подданной экипажъ оскользнулась и при паденіи снихнула въ сторону кисть левой руки по приведении обратно въ комнату кисть мною была на мѣсто поставлена, но отъ натяженія жилъ вдѣлалось воспаленіе, скоро призванъ докторъ однако мало помощи хотя боль утихала, чрезъ пьявки и примочки, однако она страдала съ полгода.

31-го Васинка въ первый разъ явился въ кирасирскомъ колетѣ.

Месяцъ сей былъ холодной метѣль и въюга часты морозы доходили до 30 град.

1836-й годъ.

15-го генваря были изъ Крылове с Васей. Еще 10-го числа на вѣрховую лошадь денги 750 ру. ассіг. отъправлены при письмѣ полковаго командира Энгельгарда изъ Кременчуга въ Цицгры къ ремонтеру Дицу.

21-го, 22 и 23 въ Крылове где Васинка въ первый разъ оставленъ на службу.

5 и 6-го февраля былъ в Крылове 22-го тамъ же.

2 февраля сгорѣлъ балаганъ Лемана въ Петербурге на Маслинице где изъ 400 зрителей много погибло.

Съ 29 по 12-е марта и я былъ болѣнъ левой же рукой докторъ ползовалъ по вылечился горчицей.

Скончалась въ Римѣ мать Наполеона Марія Летиція 2/3 февраля она родилась 24 августа 1750 года.

19 февраля въ Парижѣ казнь Фіески Морси и Пепенъ за адскую машину на жизнь короля.

29 февраля скончался Федоръ Василь: Киселевъ.

5 и 6 маія были въ Девичье, у Фраловой.

10-го у Паренои и Курлова за Троицкимъ.

14-го въ Крылове. 23, 24, 25 въ Гановке.

4, 5 и 6 іюня осматривали селцо Девичье.

8 были въ Александріи.

9 въ Александріи заделано условіе съ Фраловыми на покупку нами селца Девичья.

Решась прожить для сына въ Кременчугѣ нѣсколько времяни здѣлалось трудно отъ безпрерывныхъ расходовъ на содержаніе, мы приискивали какой либо хуторъ въ покупку. Случай отъкрылъ продающій хуторъ показался Фралозныхъ земли 312 десятинъ особо обмежеванной которой и купили со всѣмъ строеніемъ господскимъ и крестьянскимъ хлѣбомъ стоячимъ и в землѣ посѣяннымъ и прочимъ за 12000 ру. асеіг.

24 іюня въ Кременчуге зделано писмѣнное условіе на покупку с: Девичья.

26-го крестины въ Каменкѣ у афицера.

2-го іюля чрезъ Девичье отъправился я не Крюкова въ Херсонъ, для совершенія купчей крепости со мной быль сынъ Николинка. По 9-е въ дороге 9, 10, 11, 12, 13, 14 и 15 пробылъ въ Херсоне 18-го назадъ возвратился по совершеніи купчей крепости 14-го іюля.

23 въ Александрію для въезда во владеніе.

24 въ Галикожонку къ Васи гдѣ стоялъ ихъ полкъ въ компаментѣ и ночь на хуторъ Девичье.

23 іюля въ Москве поднять колоколъ которой былъ въ земле.

24-го въездной листъ выданъ на Девичье.

3-го іюля въ Париже преступники Алибо Менье за Фіеской на жизнь короля стреляли изъ пистолетовъ.

4, 5 и 6 августа въ Девичье были.

28-го августа Вася изъ Златополя возвратился.

Семѣнская ярмонка въ Кременчуге на коей искуплены волы для хутора.

26 августа опрокинулась коляска съ Государемъ Императоромъ, отъ чево повреждена въ плече близъ груди ключевая кость, близъ города Чембаръ.

6, 7 и 8 сентября были въ Девичье.

12 перешли изъ дома Волкова въ домъ купца Фирсова.

Съ 18 по 30-е на хуторе пробыли.

2-го октября Крюковъ посещалъ архіепископъ Гавріилъ Екатеринос: по 4-е число куда и я былъ приглашенъ. Съ 4 по 16-е на хуторе.

30 явился на сѣѣзду въ Страсбурге Наполеонъ 2-й сынъ Людовика Бонапарте, салдаты провозглашали ево импер: но скоро онъ арестованъ и посланъ въ Америку.

1837-й годъ.

Всю зиму проводили мы въ Крюкове выежжали въ собраніе кременчугское и по знакомымъ; Васинка нередко привежжалъ изъ Крылова и проживалъ недели по двѣ а въ праздники и болѣе. Николинка и Александръ учились у мамзели Заверняевой она говорила по фрацуцки и по немецки но была бесѣчна мы держали ее потомъ что внять нездѣ лутче. Съ отъкрытіемъ вѣсны располагали

мы съездить въ Россію (такъ въ тамошнѣмъ краю Москву или старыя русскія города называютъ) чтобъ отвезать къ детямъ учителя и кетити побывать въ пошехонской нашей деревне Яковлевской которую у насъ торговали и мы желали продать ее отъ того что за отдаленностію мало нѣсма приносила прибыли и часто по году и болѣе мужики не платили положеннаго на ихъ оброка.

Зима простояла умеренная на хуторе только два раза были на одинъ дѣнь, домъ не топился. Съ наступленіемъ великаго поста на третьей недѣли мы все говѣли и приобщались С-х Таинъ у Покровской церкви духовникъ нашъ былъ прежней лѣтъ за пятнадцать назадъ онъ даже крестилъ Николинку и Александру, отецъ Анисимъ.

Съ 27 марта по 10-е апреля пробыли мы все на хуторе Девичье, гдѣ съ 30-го марта начался посѣвъ хлѣба.

8 апреля затмѣніе луны въ 10 часу вечера при тихомъ небѣ.

23 февраля кончина кіевскаго митрополита Евгенія; сей пастырь бывши въ Калуге въ 1816 году благословилъ бракъ нашъ, во время посещенія дома Тимирязева.

25, 26, 27, 28 и 29 апреля на хуторѣ были дѣла тамъ много садъ и прочіе приводили въ исправность.

Между прочими дѣлами мы собирались въ далней путь въ Россію, искуплены лошади недостающіе и исправлены экипажи время было хорошѣе весеннѣе.

Итакъ 19-го маія поутру мы выехали изъ Крюкова въ одной коляске и фургоне на 7 лошадяхъ переправясь чрезъ Днѣпръ въ Кременчугъ, при исходе во оной первая встреча намъ Орденскаго полка афицеръ Безродецкой останавливаясь говорить что отъ полка потребованы въ корпусную квартиру нѣкоторые юнкера въ томъ числѣ Васинка нашъ и брать ево къ смотру, и какъ извѣстно для предетавленія ихъ въ афицеры. По сему извѣстію мы не знали что дѣлать, оставить Васю безъ настоящаго окончанія смотра невозможно, мы стали на квартире, лошади переправлѣны чрезъ Днѣпръ. 21-го послали нарочнаго въ Крылонъ но Васи еще не возвратилси Антоновы подтверждали уведомленіе Безродецкаго. Слава Богу мы радовались что такъ скоро будетъ афицѣръ сынъ нашъ онъ толко юнкеромъ полтора года, решились дождатся 22-го опять возвратились въ Крюковъ оставивъ экипажъ и лошадей изъ Кременчуге у пріятѣля Кузберга.

27 маія Васинка возвратившись 24-го еще изъ Елисавѣтграда, привхали въ Крюковъ изъ Крылова. Онъ предетавленъ имѣетъ съ прочими въ афицеры на вакансіи въ Украинской уланской полкъ состоящей въ томъ же корпусѣ. По заверенію знающихъ что предетавленіе непременно скоро выдѣтъ къ исполненію къ тому чтобъ не задерживать нашего отъезда, мы решились окопировать ево

въ уланское одѣяніе что продолжалось до 5-го іюня на что употреблено пять сотъ рублей, и дней лошади дано с тележною для упряженной зады, кромѣ вѣрховой которая еще находилась въ ученье въ Петриковке у дивизіоннаго берейтора.

5-го іюли Васенка отъправился въ Крыловъ а мы 6-го числа поутру переправясь чрезъ Дѣпръ въ Кременчугъ, гдѣ въ праздникъ Троицы отъслушавъ обѣдню и отобѣдавъ у Кулберга въ 5 часу выехали въ Россію, оставивъ квартиру въ Крюкове со всѣмъ имущественомъ за собою, подъ смотреніемъ людей и подъ наблюденіемъ Баукѣевыхъ.

Ночлѣгъ того числа въ Амелиникѣ, 9-го іюня были въ Зинковѣ 10 въ Сумахъ 11 въ Сутже 13 въ Курске 14 въ Коренной ярмонке где куплены двѣ гнѣдыя битюгскія лошади 17 въ Орле 18 въ Болховѣ 19 чрезъ Белевъ и Лихвинъ въ вѣчеру прибыли въ Рязадолъ тутъ пробыли до 1-го іюля и отъправились далѣе.

Іюля 1 и 2 въ Калуге 5 и 6 въ Москве 7 и 8 въ Троицкой лавре, 9 въ Переславле Залескомъ, 10 въ Ростове, 11 въ Ярославле 12 въ Романоборисоглебске, чрезъ Волгу 13-го въ деревню Яковлевскую 14, 15, 16 и 17-го в нѣл пробыли 18-го въ вечеру обратно выехали 19 въ Романове и въ деревне Филисовой Баукѣева 20-го къ ночи въ Ярославле 21, 22 и 23 тут же гдѣ подана прозба о перечисленіи душъ, 24 въ Ростове и Петровске 25 въ Переславле 26 въ Троицкой лавре Виѳаніи и Хатковѣ 27 къ вѣчеру въ Москву 28, 29, 30 и 31 тутъ же, выехали 2-го августа къ вѣчеру въ Калугу а 3-го августа возвратились въ Рязадолъ.

Во время переезда нашего въ Яковлевскомъ осмотрѣли мы деревню и землю въ коей никогда мы нѣ были, крестьянами были приняты съ усердіемъ которыя провожали насъ все и малые и старые до болной Пошехонской дороги, на прозбе ихъ мы предоставили имъ право выкупится съ землею, отъ чего приостановились продажею ее назначивъ нѣсколко душъ къ переводу 12 душъ мужеска; староста с двумя мужиками явился къ намъ въ Ярославле для испрошенія согласія на увольненіе.

Въ 12 вѣрстахъ отъ Яковлевского обласканы мы были живущимъ тамъ помѣщикомъ Іваномъ Васильевичемъ Лихачевымъ отьставнымъ полковникомъ богатымъ которой і у насъ часто бывалъ.

Въ Ярославле много древнихъ церквей и в нихъ с-я мощи благоевг: князей. Городъ прекрасной на Волге чрезъ которую мы переезжали ночью при возвратѣ.

Въ Ростове служили молебѣнъ С-му Димитрію и выменяли ево образъ монастырь богатой. Въ Переславле также отѣнъ много церквей и монастырей. Въ Троицкой лавре служили молебѣнъ С-му Сергію были въ Іфаніи и Хатковѣ при обратномъ пути.

При обратномъ пути въ Москве 30-го іюля приговорѣнъ въ домъ нашъ изъ комерческаго училища учителъ къ детямъ Николинки и Александра, Василей Андрѣевичъ Лукутинъ цѣною по тысячи рублей въ годъ ассигнаціями срокъ съ

1-го августа которой согласился ехать с нами въ Кременчугъ, куда завтре 14-го августа намѣрены мы выехать изъ Рязадола.

Въ Москве жъ получили мы первое изьѣстіе 28 іюля о произвадстве Васинки въ офицѣры, по Высочайшему приказу отъ 24 іюля отъданному въ Петергофе 18 іюля. Онъ произведенъ въ корнѣты въ Украинской уланской полкъ.

Продолженіе въ другой таковой же книги въ синѣй бумаге переплетенной.

Правая грамота царя Михаила Ѳедоровича Суздальскому Покровскому дѣвичьему монастырю, 1629 года.

Божіею милостію мы великій государь царь і великій князь Михайло Федорович всеа Русиі и отецъ нашъ великій господинъ и государь святѣйшіі Ѳиларетъ Никитич патріархъ московскіі і всеа Русиі судного вотчинного дѣла слушали что в прошлом во ρλε-м (135 г.) году били челом намъ князь Федор да князь Іванъ Татевы а в челобитной ихъ написано вотчина де их родовая прародителская дѣда их князя Ѳедора Івановича Татева въ Юрьевском уѣзде Полскаго селцо Новоселки а после де дѣда их была та их родовая вотчина за бабкою их за княз Ѳедоровою женою Татева за старицею за княниею Марѳою да за дочерью за князя Ѳедоровою ж за старицею за княниею Олександрою Нохтевою и какъ де бабки их старицы княини Мары Татевы и дочери еѣ тетки их старицы княини Олександры Нохтены не стало и тоѣ де их родовую вотчину бабка их княини Марѳа и тетка их княини Олександра отдали после своего живота за вклад в Суздаль в Покровской монастырь и нам бы их пожаловати велѣти им тое родовую вотчину дѣда их князя Ѳедора Татева селцо Новоселки дати из монастыря на выкунъ а на челобитной их помѣта думного дьяка Івана Грамотина написано государь пожаловал велѣл их роспросити скол близко онѣ к тѣмъ старицам которые тѣ вотчины в монастырь дали и скол давно дали і в каком закладе і выписати ис прежнихъ государевых указов и из государева царева і великого князя Михайла Федоровича всеа Русиі указу и уложенья что о таких вотчинах указ велено ль их давать на выкунъ і доложить о том государя и против помѣты думного дьяка Івана Грамотина князь Федор да князь Іванъ Татевы допрашивали скол онѣ близко к бабке своей старице княинне Марфе князь Федорове княинне Татева да к тетке своей ко князя Ѳедорове дочери Татева князь Данилове княинне Нохтева к старице Олександре і князь Ѳедор да князь Іванъ Татевы в роспросе сказали что де дѣды их князь Петръ да князь Ѳедоръ Татевы были родные братья и какъ де дѣда их князя Ѳедора не стало и он отходя сего свѣта пожаловал тою своею вотчиною и ихъ родетвеною селцомъ Новоселками княиню своэ а их тетку княиню старицу Олександру Нохтеву и какъ де бабки их старицы Марѳы Татевы и дочери еѣ а их тетки старицы княини Олександры Нохтевы

не стало и онѣ де тое вотчину после своего живота отдали по своих душах за вклад в Суздал в Покровской дѣвичь монастырь в прошлом во ѓкк-м (122 г.) і во ѓкг-м (123 г.) году а с мгуменьею Покровского дѣвича монастыря княз Федор и княз Иван Татеш про тое вотчину с очей на очи не ставлены и не роспрашиваны а в помѣсной приказ послана была памят велено о родовых вотчинах хто отдаетъ в монастырь за вклад выписати ис прежних государевых указов із государева царева і великого князя Ивана Васильевича всеа Русні и из государева царева і великого князя Михайла Федоровича всеа Русні і указу и уложенья і та челобитная княз Ивана да княз Федора Татевых подписана не горазло Ивагъ Грамотки подписал ту челобитную дружа Татевым потому что николи того не ведетца в вотчинном дѣле одних нецон роспрашивати не поставя ответчика с очей на очи а что в помѣсной приказ послана памят от боярина от князя Володимера Тимофѣевича Долгоруково с товарыщи в помѣсной приказ к боярину ко князю Ондрѣю Васильевичю Ситцкому с товарыщи а велено выписати из уложенья государя царя і великого князя Ивана Васильевичь всеа Русні о родовых вотчинах и памят не помѣсного приказу прислана і та памят вклеена в подлинном дѣле за дьячьими руками і ѓкз-го (137 г.) сентября въ д. (9) день великіи государь святѣйшіі ѳиларет Никитич патриархъ московскіі і всеа Русні указал своему государареву боярину Ивану Олексндровичю Колтовскому да дьяком Ѳедору Разгонину да Гаврилу Левонтьеву поставя перед собою из Суздаля Покровского дѣвича монастыря стряпчево роспросить какие у них на тое вотчину крѣпости есть и скол давно в монастырь та вотчина дана и Суздалского Покровского дѣвича монастыря стрипчей Ѳедор Клпиковъ сказал что прислали к нему из Суздали Покровского дѣвича монастыря игуменья Олена с сестрами на тоѣ вотчину крѣпости с служкою съ Юшкою Хардуковым да подал на ту вотчину отказную государареву грамоту за приписью дьяка Богдана Кашкина а дана им та государева грамота въ ѓкн-м (128 г.) году какъ былъ у них тою вотчиною завладѣлъ боярин княз Иван княж Васильев сынъ Голицынъ і по той государеве грамоте та вотчина у боярина у князя Ивана Голицына взята и отдана в Суздалской в Покровской дѣвичь монастырь да на ту ж вотчину подал радную запись княза Ѳедора Татева княпини Марьи какъ она зговорила дочерью княжною Анною замуж за князя Данила Нохтева а та вотчина писана была за нею в приданые въ ѓд-м (84 г.) году да на ту ж вотчину данную ему ж князю Данилу Нохтеву того ж ѓд-го (84 г.) году да на ту ж вотчину купчою какъ ту вотчину княз Ѳедор Татевъ Рапоповского купилъ у Ондрѣя да у Настасьи Ондрѣевых детей Сипова да у Петра Ондрѣева сына Безстужево въ ѓн-м (78 г.) году и с той государевы грамоты и с радные и з даные списки в судномъ в подлинном дѣле за дьячьими приписаны а в списке с купчей написало Ондрѣй да Настасья Ондрѣевы дѣти Есипова да Петръ Ондрѣевъ сынъ Безстужева с своею женою Се-

местиною дочерью Есипова продали свою вотчину князю Ѳедору Ивановичю Татеву Рапоповского Ондрѣй да Настасья продали отца своего вотчину в Юрьевском уѣзде Полском в Заполском стану на рѣчке на Дубенке половину села Новоселокъ а Петръ Ондрѣевъ сынъ Безстужевъ с своею женою Василисою продали свою вотчину приданую тою ж селца Новоселокъ другую половину что взял онъ Петръ за женою своею за Василисою отца еѣ вотчину Семенки Ондрѣева сына Есипова а продали ту свою вотчину село Новоселки князю Ѳедору Ивановичю Татеву Рапоповского и єю женѣ и ево дѣтем в проѣ без выкупу с крестьяны и со всѣмъ вотчинным строеньемъ а взяли онѣ на той своей вотчине селѣ Новоселках на обѣих половинах у князя Ѳедора Ивановича Татева Рапоповского шестьсот рублевъ денегъ и с той купчей списокъ в подлинномъ в судномъ дѣле а подлинная купчя за продавцовыми и за послуховыми руками отдана в Покровской дѣвичь монастырь і великіі государь святѣйшіі ѳиларет Никитичь патриархъ московскіі і всеа Русні указал дворецкому своему Олексѣю Игнатьевичю Зубову да розряду своего дьяком Ѳедору Разгонину да Гаврилу Левонтьеву поставя перед собою роспросит князя Ѳедора да князя Ивана Татевых называют онѣ родоною своею вотчиною что дана в Суздалскои Покровской дѣвичь монастырь и та вотчина почему их родоная и у Есиповых да у Безстужих тоѣ вотчину дѣд их купил ли и дворецкому и дьяком князя Федор да князь Иванъ Татевы в допросе сказали та де вотчина дѣда их князя Ѳедора Иванович Татева старинная родоная а почему та вотчина старинная или родоная того онѣ не упомнят потому что застарѣла а про куплю что дѣдъ их князь Ѳедор тое вотчину купилъ у Есиповых да у Безстужевых того онѣ не вѣдают и у родителей своих не слыхали и купчие де у бабки и у тетки своей не видали а в приданых де та вотчина за князь Данилом Ондрѣевичем Нохтевым была и ридная де и дана на ту вотчину дана ему была а давал ту вотчину в приданые дѣтъ их князь Ѳедор Ивановичь за дочерью своею а за их теткою за княжною Анною и князь Данило де Нохтев был без дѣтех а после де князь Даниловы смерти тою вотчиною владѣла бабка их старица княпиня Марва Татева да доч еѣ старица княпиня Олександра Нохтева по свой живот а после своего живота бабка их старица княпиня Марва да тетка их старица княпиня Олександра тое вотчину дали вкладу по своих душахъ в Суздалскои Покровской дѣвичь монастырь и ѓз-го (137 г.) ноября въ ѓѓ (12) день государь царь і великіі князь Михайло Федоровичь всеа Русні и отецъ ево государевъ великіі господинь и государь святѣйшіі ѳиларет Никитичь патриархъ московскіі і всеа Русні сего дѣла слушали и указали Покровского дѣвича монастыря игуменью Олену с сестрами в той вотчине оприлит потому что им в монастырь та вотчина дана купленая а не родовая и купчою онѣ на ту вотчину в судѣ положили а купил князь Ѳедор Татев тоѣ вотчину у Есиповых да у Безстужих себѣ и женѣ своей и дѣтемъ а жена ево и дочь отдали по себѣ вкладу тоѣ вотчину

в Покровской дѣвичь монастырь а князь Ѳедора и князь Ивана Татевыхъ указали обинит і в той вотчине вездѣли имъ отказат потому били онѣ челом государю царю і великому князю Михайлу Федоровичю всеа Русеі і великому государю святѣйшему Филарету Никитичю патриарху московскому і всеа Русеі о той вотчине и называли еѣ родовою а та вотчина купленая а не родовая и на выкуп та вотчина по уложенью из монастыря дати не ведетца да и потому им отказат что наперед сего дѣд ихъ князь Петръ и отецъ их князь Борис и онѣ о той вотчине не бивали челом и какъ владѣл тою вотчиною боярин князь Иван князь Васильев сынъ Голицын і онѣ князь Ѳедор да князь Іван государю и святѣйшему государю патриарху не бивали ж челом а били челом государю и святѣйшему государю патриарху о той вотчине Покровского дѣвича монастыря игуменья Ульяніа с сестрами и государева имъ грамота на ту вотчину дана да и сами онѣ князь Ѳедор да князь Іван Татены в челобитной своей написали что бабка их и тетка тое вотчину дали после своего живота по своих душах вкладу в Покровской дѣвичь монастырь а крепостей на тоѣ вотчину никаких не положили а про дѣла своего про князя Ѳедорову куплю сказали ничево не вѣдают а купчие не лжливыи і потому государь царь і великиі князь Михайло Федоровичь всеа Русеі і отецъ ево государевъ великиі господинъ і государь святѣйшиі Филаретъ Никитичь патриархъ московскиі і всеа Русеі на ту вотчину на село Новоселки Суздалского Покровского дѣвича монастыря игуменье Олене да келарю старице Еупракеѣе с сестрами указали дати свою государеву правую грамоту и с сего вотчинного дѣла имъ правая грамота дана а князю Ѳедору и князю Іванy Татеным и роду их и иному никому ныне і впередъ до тоѣ вотчины дѣла нѣтъ. К сеѣ правой грамоте государь царь і великиі князь Михайло Федоровичь всеа Русеі и отецъ ево государевъ великиі господинъ и государь святѣйшиі Филаретъ Никитичь патриархъ московскиі і всеа Русеі вездѣли печати свои приложити лѣта ҂ѕрмѕ-го (7137 г.).

На оборотѣ грамоты:

Діакъ Ѳедор Рагозинъ діакъ Гаврило Левонтьевъ.

Лѣта ҂ѕрчв-го (7192 г.) маия въ ҂кд (29) день Божиею милостию мы великие государи цари і великие князи Иоанн Алексѣевичь Петръ Алексѣевичь всеа великия и малыя и бѣлыя Росеі самодержцы сеѣ грамоты слушав пожаловали из Суздали Покровьского дѣвича монастыря игуменью Марѳу с сестрами и хто впред в томъ монастырѣ иные игуменьи и сестры будут вездѣли сеѣ правую грамоту подписать на наше великихъ государей царей і великихъ князей Иоанна Алексѣевича Петра Алексѣевича всеа великия и малыя и бѣлыя Росеі самодержцевъ имя и быть потому какъ в сеѣ правой грамоте писано

Діакъ Тимоѳей Литвиновъ.

Справилъ Якушко Неѕамовъ.

Жалованная грамота царя Петра I казакамъ Изюмского Черкасскаго полка, 28 февраля 1700 года.

Божиею поспешествующею милостию мы пресвѣтлѣйшій и державнѣйшій великій государь царь і великій князь Петръ Алексѣевичь всеа великия и малыя и бѣлыя Росіи самодержецъ московскій киевскій владимерскій новгородцкій царь казанскій царь астраханскій царь сибирскій государь псковскій и великій князь смоленскій тверскій югорскій пермскій вятцкій болгарскій и иных государь и великій князь Нова города низовские земли черниговскій рязанскій ростовскій ярославскій бѣлоозерскій удорскій обдорскій кондинскій и всеа сѣверныя страны повелитель и государь иверские земли картлинскихъ и грузинскихъ царей и кабардинские земли черкаскихъ и горскихъ князей и иных многих государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчичь и дѣдичь и наслѣдникъ и государь и обладатель наше царское величество указали бѣлогородцкого розряду наомского черкаского полку быть в конной службѣ казакомъ указному числу двумъ стамъ пятидесятъ человѣкомъ которые выбраны и написаны не казаковъ и із мещанъ в книгахъ каковы прислалъ в розрядъ из Бѣла города боярин нашъ и воевода князь Яковъ Ѳедоровичь Долгорукой с товарыщи генваря к-го (20) числа нынѣшняго ҂ѧ҃ф-го (1700 г.) году. А достальнымъ казакомъ на которыхъ были подложены денги и тѣмъ казакомъ помогать в службѣ тѣм конным выборным казакомъ а положить на нихъ подмоги изверстав и смотря по человѣку по их черкаскому обыкновенію самимъ чтоб тѣ выборные казаки тою их подмогою были конны и оружны и в походѣхъ запасами удовольствованы и скудости б имъ никакой не было а денегъ на нихъ что было положено въ ѧ-м (205 г.) году по рублю на человѣка не имать и кромѣ той золовой полковой конной службы никуды на годовую службу не посылать и іных тягостей и подвод у них без нашего великого государя нашего царского величества указу и без грамоть из розряду никому не имать и у того полку быть у нихъ прежнему полковнику попрежнему. Да противъ их челобитья мы ж великій государь наше царское величество пожаловали того полку столника нашего и полковника Ѳедора Володимеровича Шилова і ево полку старшину и казаковъ вездѣли имъ против их челобитья промыслами своими какие у них есть в городѣхъ мелницами и рыбными ловлями и всякими угодьями владѣть и всякими промыслами промышлять и шники держать безоброчно и беспошлинно по их черкаскому обыкновенію по прежнимъ нашимъ великого государя нашего царского величества указомъ и жалованнымъ грамотамъ каковы имъ даны из розряду и іс приказу великия Росіи напередъ сего. А в которыхъ городѣхъ построены кабаки и таможни и мосты и перевозы на оброке и отданы їм на откуп бес перекупки и отославы не приказу великія Росіи в ратушу также и что въ ҂сз-м (207 г.) году по нашему великого государя

нашего царского величества указу и по грамоте нс приказу ж великия Росіи велено в Ізюмскомъ полку в городѣхъ построить вновь таможенные и кабацкіе збори и отосланы в ратушу ж и что велено того ж полку старшинѣ и казакомъ противъ челобитья ихъ збирать на Изюмѣ пошлину с приѣжихъ торговыхъ всякихъ чиновъ руских людей противъ харковской таможни и тѣмъ зборомъ и откупомъ быть в ратуше по прежнему нашему царского величества указу и о томъ ему столнику и полковнику и старшинѣ и казакомъ дать нашу великого государя нашего царского величества сію милостивую жалованную грамоту. І будучи ему столнику и полковнику в томъ полку и полку ево всей старшинѣ и поспольству которые нынѣ и впредь в томъ полку будутъ видя к себѣ нашу великого государя нашего царского величества премногую и превысокую милость и жалованье намъ великому государю нашему царскому величеству служили вѣрно и о всемъ чинили какъ в сей нашей царского величества жалованной грамотѣ писано выше сего и над непріятелскими людми промыслы и поиски чинили со всякимъ усердствомъ и радѣніемъ і в полки и в городы к боярамъ нашимъ и воеводамъ про непріятелские замыслы и приходы розвѣдать подлинно вскиие вѣдомости чинили ж и во всемъ намъ великому государю нашему царскому величеству искали лутчево и службу свою совершали паче прежняго а служба ихъ у насъ великого государя у нашего царского величества забвенна не будетъ. Писанъ в нашемъ царствующемъ градѣ Москвѣ лѣта отъ создания мира ,зрн-го (7208 г.) а отъ Рождества Христова ,аѱ-го (1700 г.) мѣсяца февраля кн-го (28) дня государствованія нашего аѳ-го (18) году.

По указу великого государя в печатномъ приказе печатных пошли д (4) рубли аѳ (16) алтын д (4) де ыято и в книгу записано марта из... ,аѱ-го (1700 г.) лѣта. Подписал того прикаду дякъ Петръ Шварговъ.

На оборотѣ:

Великіе государь царь і великіе князь Петръ Алексѣевичь всеа великия і малыя и бѣлыя Росіи самодержецъ

Подписалъ дякъ Ѳедоръ Замятнинъ

Смотрялъ Аристархко Кузминъ.

(Грамота на пергаментѣ; вокругъ текста орнаментальная рамка, писанная золотомъ, серебромъ и разноцвѣтными красками; переложена шелковой китайской камкой желтаго цвѣта. Къ грамотѣ прикрѣплена трехъугольная парчевая вырѣзка, а къ ней на золотыхъ шнурахъ привязана красная восковая печать. На одной сторонѣ печати изображеніе Георгія Побѣдоносца и надпись: „Божіею милостію пресвѣтлѣйшій и державнѣйшій великій государь и великій князь Петръ Алексѣевичъ". На другой сторонѣ изображеніе двуглаваго орла и надпись: „всеи великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ и многихъ государствъ государь и обладатель.")

Грамота, подписанная царемъ Петромъ I, 8 мая 1711 года.

Божіею милостію мы Петръ Первый царь и самодержецъ всероссійскій и прочая и прочая и прочая объявляем сею нашею грамотою мултянские і волоские земли господарям гетманом и бояром и протчимъ земель тѣхъ благородной шляхте і всѣмъ обывателем также и іныхъ христіанскихъ народов якоже грековъ сербовъ болгаровъ славянъ албанезов и протчихъ князямъ воеводам и началникомъ полковником шляхте воином і всякого чину людемъ миим что уже нашимъ милостимъ извѣстно какъ не турской земли також и із наших выданных объявителных грамоть или манивестовъ что салтанъ турской Ахметъ яко церкви христіанской православной і всего рода христіанского наслѣдственный врагъ и гонитель недовольствуя многими завоеванными христіанскими провинціи и народы которые под его бусурманским несносным игом страждутъ (яко сами наши милости с прискорбием тому свидѣтели) учиня союзъ съ еретиком королем шведским постановленной с нами от брать его салтана Муставы тридѣсятилѣтней мир которой от него самого в прошлом году клятвою пред Богом и грамотою к нам пісанною подтвержень розорвавъ неправедно без жадныя от нас данныя ему причины войну нам не токмо объявилъ и посла нашего в Костянтинополе пребывающаго в темницу вдикулъ засадилъ но и дѣйствително оную войну чрез нападеніе разбойниковъ татар і бунтовщиков нашихъ подданных земли наши начал в таком намѣреніи дабы і достолное стадо Христово под иго свое привести и нас яко единого ис православных восточныя церкви неповѣдания монархъ оставшагося искорѣнить дабы православные христіане болѣе себѣ никакого помощника и оборонителя не імѣли того ради мы призвавъ Бога на помощь и уповая на правость свою и принявъ сие за званіе Божие для освобожденія ис под ига варварского христіянъ страждущихъ смотрѣніемъ его всевышшаго сочиненное вознамѣрялис со всѣми нашими войски нѣ токмо для отпору непріятелю наступающему но и наступателно на того самого вѣроломного христіанского имени супостата и искорѣнителя воевать і для того войском нашим в турецкую область і провинціи неправедно от христіян пред многими лѣты отторгнутыя вступили і будемъ противъ оных враговъ елико всевышшій поможетъ всѣми силами дѣйствовать і попеже должно есть каждому доброму христіанину презирѣть страхъ і трудности хотя б какіе ни были за церков святую і православную христіанскую вѣру за отечество свое і за возвращение правъ і волностей своихъ і послѣдню каплю крови пролияти того ради предлагаем и желаем от вышепомянутыхъ христіянскихъ народовъ высокого и низкого чина яко единовѣрной нашей братіі дабы оные в сие от Бога определѣнное время избавленія своего (которого предки и отцы их скидали и не способилис видѣть а ежели оное ныне пропустятъ то можетъ быть і потомки іх не возмогутъ таковаго впред полу-

чити) при сем вступленіи войска нашего в границы турецкие всѣ совокупляліе і приходили к войскам нашим і совокупно на непріятеля креста Господня воевали за отечество за честь и за привращение древних свобод и волностей своих и наслѣдниковъ ваших іе под ярма погапского а наипаче всего за освобожденіе церкви і вѣры святыя православные от гоненія бусурманского и протчих гонителей в чем мы ім не токмо войски своими но и собственно нашею особою за стадо Христово опую всякому опасенію подлагая снобарати всѣми силами поднимея і аще кто в сей святой войнѣ потрудитца тот первой от Бога получит воздояние и наслѣдником будет царствия небесного а от нас воспріиметъ милость и награжденіе притомъ же і то обѣщаем что на тѣ войска іх к нам пришедшие даны будутъ кому потребно оружие и деньги також і в том христианским нашимъ царским словом і обѣщанием іх обнадѣживаем что ежели і всевышній нам да поможетъ вышепомянутые и іные христіянские народы от ига бусурманского освободить то якоже мы в сей войнѣ никакого властолюбія и распространенія областей своихъ і какого либо обогащенія не желаемъ ібо и своихъ древнихъ і от непріятелей своихъ завоеванных земель и городов и сокровищъ по Божіей милости предоволно імѣемъ но токмо по вышеобъявленному званію Божию за честь и славу імени Христова и ради освобожденія церкви святыя и христіянских народов от неволи и порабощенія военати намѣрены тако не будем от тѣх земель и народовъ себѣ никакой корысти и над оными самовластия требовать но оставим каждую из них страну под обыкновенными і прежними іх принцы и начальники а у которых оных за неволею турскою не было позволим под нашею протекциею избрать себѣ начальниковъ от народа своего і возвратим и подтвердимъ ихъ права і привилія древніе не желая себѣ от нихъ никакой прибыли ни содержимъ іх яко под протекциею нашею волныя и союзныя народы и утвердимъ то им трактатами и грамотами нашими за собственною нашею рукою и государственною печатью в вѣчные роды і потомствю непоздвижно і тако не сумнѣваемся в том от них скорого по сему нашему желанію исполненія будет же б кто паче чаянія ібо страха ради или суетной славы и богатства или легкомыслія и нерассужденія или чего не чаем по склонности к неверным тому учинить і к войскам нашим пріеодинится не похотѣлъ или иным образом въ сей войнѣ протівъ непріятелей не помогал или і весма предателски протівъ нашего христолюбивого воинства оружіе поднять іли тайно или явно непріятелю вспомогать восхотѣл тѣ сами своему обѣлству и разоренію и послѣдней и конечной погибели и пораженія от меча нашего вінонны будут к чему ж і от церкви святой яко враги христіянства проклятію предадут от чего нѣ токмо тѣлом но и душею вѣчно погибнути могуть в чем всѣхъ христіян христіянским сердцем престерегаем і пребываемъ милостию и прізнию нашею склонныи дать въ. Яворове мая въ 8 день 1711 году. *Петръ.*

Описаніе дома кн. Александра Даниловича Меньшикова, въ С. Петербургѣ, 1732 года.

Его Превосходителству от фортификаціи Генералу Маіору Господину Барону фонъ Люберасу.

Покорнѣйшій репортъ

о покоях, сараях, конюшнях, кухнях и погребах, которые и сколко оных на Преображенском островѣ в домѣ бывшаго Меншикова имѣется, и сколко занято, и за чьими печатми

а имянно

в каменном домѣ гдѣ он Меншиковъ жилъ

въ 1 апартаментѣ

1 конюшня в ней 42 стойла в ней стоят киразирскіе лошади.

1 сарай на кареты. 2 ледника. 1 палата шорная.

3 палаты, в которых конюхи и сапожники жили, с 1 сенми.

1 палата, за печатью Даніилы Матѣева ученика городовой канцеляріи.

1 большая палата, в которой квас за печатью маіора Колударова и кислые шти дѣлаютъ.

Сѣни с чуланомъ.

1 большая палата, в ней караул за печатью Даніилы Матѣева стоил.

1 палата, в ней очагъ с котлом. 1 палата, в ней печь от воды сломана.

4 погреба фрящіе за печатью маіора Колударова.

1 погреб винный, в нем 10 палатъ. Из сих заняты 4 палаты от маіора Колударова, а от садовника Эта 6.

Пред погребом сѣни с лѣсницею. Еще сѣни. 2 погреба под овощные сѣни.

5 палатъ, в них жили повары и хлебники.

В линейной к саду малому на рѣку.

Сѣни с чуланомъ.

1 палата, гдѣ писарь жил, съ чуланом.

1 палата хлебенная и портомойня в ней 6 печей.

1 палата хлебная с чуланом. 1 палата хлебная ж с чуланомъ.

1 палата гдѣ гребцы жили.

2 погреба болшіе под палатами, гдѣ нынѣ церков імѣется. За замком Струнина.

1 погреб. 1 конюшня на 8 лошадей. 1 конюшня на 4 лошади.

1 сарай с двумя дѣрми за печатью маіора Колударова.

От первых воротъ до Варварина двора всѣ анбары за печатью провіантской Канцеляріи.

1 пивоварня за Струниной печатью.

1 кухня вчернѣ гонтом накрыта. еще недостроена.

Деревянные строенія.

1 баня с передбанником и с чуланом.

1 кузница за печатью артілерійскаго офицѣра.

1 свѣтлица с каморкою в ней салдаты карауліые живут. 5 человѣкъ от анбаров провіантских, да 3 слесаря от фейерверка.

1 сарай, в нем уголья за печатью артілернаго офицера.

За каналом.

2 свѣтлицы с двумя сѣми в них живут каменщики от команды полковника Трезіна и караулные салдаты гарнизонные, команды капитана Княжнина, из дворцовой канцеляріи у пожитков Меншиковых.

На берегу болшой Невы рѣки у перевозу.

2 свѣтлицы да 1 сѣни отданы для питейной продажи от городовой канцеляріи из найму.

Въ 2 апартаментѣ.

3 каменные с рѣшетками за печатью дворцоваго канцеляриста Филипа Іванова сына Себелева.

2 сѣни во оных ходъ в погреб.

2 кладовые } за печатью дворцоваго канцеляриста.
4 палаты жилые }

Сѣни загороженные за печатью ученика от строенія канцеляріи.

2 столярни.

1 покой за печатью ученика от городовой канцеляріи.

Сѣни с чуланом и очагом.

1 палата. 2 палаты малые во оных кухмейстер.

1 палата во оной Михайла Машаров.

1 болшой сарай над конюшнею занять сѣномъ кирасерским.

2 сарая поменше над конюшнею ж заняты сѣном и соломою от кирассерских.

1 сарай болшой перегороженной над погребами в нем положен овесъ кадетскаго корпуса.

4 покоя в них живу я. 1 бани.

2 анбара в них положены всякіе припасы кадетскаго корпуса.

1 поварня в ней кушеніе моим домашним варить.

При ней

1 палата вмѣсто черной избы в ней мои люди живутъ.

1 поварня болшая в ней будутъ кушеніе на кадетов варить.

При ней

1 покой, в котором 1 хлѣбная да 1 пирожная печи. В оном живут минеры.

1 покой без печи за печатью кирасерскаго офицѣра.

Болшіе сѣни.

1 палата в ней караулъ от пожитков княжих, 32 с 1 капралом да 1 карауліым офицѣром.

2 палаты за печатью дворца бывшей коммисіи и князя Меншикова.

А сколко подлинно, нѣдать нелзи, понеже за печатми.

К каналу под церковью.

4 палаты напротив оных 4 ж палаты.

В линеи к саду на рѣку.

1 поварня с очагом и печью.

1 палата за печатью камор коллегіи сержанта Курбатова.

1 палата болшая в ней кирасерскіе живут.

1 палата перегорожена—оружіе кирасерское.

К каналу.

От церкви до первых порот.

1 покой съ 1 печью и 1 комельком.

1 покой пустой. 1 покой с 1 комелком.

1 покой с 1 печью, без окончинъ. В нем часы церковные.

Сѣни болшіе.

От первых воротъ до Варваринух палатъ всѣ анбары за печатью провіантской канцеляріи а именно.

Нум: 8 да 9 . . . . 5 сараев о 2 жильях.
Нум: 7 . . . . . 2 сарая о 1 жильѣ.
Нум: 6 . . . . . 3 сарая о 2 жильях.
Нум: 5 . . . . . 3 сарая о 2 жильях.
Нум: 4 . . . . . 3 сарая о 2 жильях.

Въ 3 апартаментѣ.

От болшаго сала к бывшей церкви.

С крыльца сѣни в покои во оных 1 канторка с комелком гдѣ походная канцелярія была.

1 плитковая палата. 1 орѣховая.

1 спалня княжая плитками убрана.

1 прихожая пред спалнею.

1 передняя пред плітковою и спалною.

1 кабинетъ из прихожей. 1 покой Варваринъ.

1 спалня Варварина плиткамі убрана.

По другую сторону Варварипой спальни.

1 палата плитками убрана. 1 кухня плитками убрана.

При кухнѣ сѣни на галерію и лѣсница вверхъ.

4 дѣтскіе покои плитками убраны. 1 дѣтская палата без пліток выбѣлена.

Сѣнцы в салъ и длинной переход в дѣтскіе ж покои.

1 салъ за печатью дворцоваго канцеляриста Филина Іванова сына Себелева.

2 дѣтскіе покоя. 1 покой дѣтскій за печатью онаго ж.

На помянутых сѣнецъ дѣтскіе ж покои.

1 прихожая палата выбѣлена. 2 плитковые. 3 выбѣленые покои.

От конюшни крыльцо в дѣтскіе покои.

Сѣни. 1 палата пред салом дѣтским за печатью Колударова.

1 покой прихожей из сѣней. 3 палаты.

С правой стороны болшаго сала.

1 передняя. 1 малая палата при передней с чуланом. 1 палата. 1 палата. 1 палата, из оной на болшую галерію к рекѣ ходитъ. 1 боковая из оной ходитъ в . . . . 1 болшой салъ.

Из боковой.

1 палата
1 палата от мылнаго крыльца
1 спални
} в них живутъ от кадетскаго корпуса капитан господинъ Деводинъ, да поручик господинъ Бонъ.

1 казенная Варварином бабушки
1 болшая казенная
} в них лежитъ оружіе кадетскаго корпуса и мундир.

1 казенная помеше за печатью Филина Себелева дворцоваго канцеляриста.

У мылнаго крылца.

2 палаты. 1 мылня. 1 палата перед нею. 1 такая ж. Сѣни. 1 палата бѣлая. 1 палата с каморкою. 1 палата с каморкою ж.

Из сѣней 1 палата. Другіе сѣни. 1 палата. Сѣни. Другіе сѣни.

4 палаты с каморками. 2 палаты без каморокъ. Сѣни с комелком.

1 палата с каморкою. 2 палаты за замком Струнина.

Гдѣ нынѣ перков.

1 салъ. 2 палаты.

Напротив оных 4 палаты 1 кухня с печью и очагом.

1 покой за печатью дворцовой канцелярiи.

9 покоев пустых которые недостроены.

Въ 4 апартаментѣ.

Под башнею 3 палаты.

От болшого сала малые сѣни.

2 палаты недостроенные гдѣ убор лошадины внесѣлъ. Сѣни перегороженые.

1 палата в ней портные мундир кадетской дѣлаютъ.

Сѣни в них лѣстница из верх.

1 покой с комелком
1 покой с печью
} в них живут кадеты с унтер офицѣрами сержантом Нідеритегером и фурiером Матиѣем Алекеѣевым.

4 покоя.

К церкнѣ сѣни, лѣсница вниз, да 1 чулан. 5 покоев. Сѣни с чуланом. 2 покоя за печатью дворцоваго канцеляриста.

Сѣни с чуланомъ. 3 покои за печатью того ж канцеляриста.

Сѣни проходные, лѣсница вверхъ с чуланом. 1 покой за тою ж печатью.

Сѣни проходные в них чулан. 1 покой за тою ж печатью.

Сѣни. 1 покой без печи. 1 покой за тою ж печатью.

К тому двору принадлежат еще конюшня и сарай каменные между коллегіями и садомъ Меншиковым недостроенные да старой деревянной дворъ о четырех покоях в нем живут каменщики.

1 скотный двор близ чухонской деревни.

Варвары Арсеновой палаты отданы на аптеку.

Салъ отданъ в вѣдомство интенданта Кормидона.

Дворъ деревянной в нем дѣлает подполковникъ Фуксъ фелверверкъ.

Чухонская деревня.

Мартынъ Шванвичъ.

Марта 24 дня
1732 году.

Счетъ графу Пл. Ал. Зубову на искусственный носъ.

Щетъ

его свѣтлости и разныхъ орденовъ кавалеру Платону Александровичу Зубову.

По приказанію вашей свѣтлости зделанъ мною находящемуся при свите персидскаго хана чиновнику искуственной носъ изъ серебра изъ путри вызолоченой съ пружиной бинджикемъ, съ наружи подъ натуру крашеной . . . . 200 ру.

Но какъ одинъ искуственной носъ, носи безъ перемѣнно подвержены всякому непредвидимому случаю быть поврежденному, того для персидской ханъ проситъ зделать другой съ принадлежащими къ оному потребностями, какъ то штампъ изъ котораго выколачивается носъ, тафты приправленной гумiями и красочки дабы онъ носъ и будучи въ своемъ отечествiѣ удобно во время надобности ихъ дѣлать.

Другой носъ	100 ру.
Два штампа медныхъ для выколачиванія носа	100 ру.
5 аршинъ тафты приправленной гумiями	50 ру.
Итого	450

Императорской академіи художествъ механикъ и титулярной совѣтникъ Осипъ Шиморингъ.

О театральныхъ издержкахъ въ С. Петербургѣ, 1796 года.

Выписка изъ документовъ театральной дирекціи, о денежныхъ издержкахъ, кои произошли для прибытія въ Санктпетербургъ знаменитыхъ путешественниковъ графа Гаги и графа Вазы, по 22-е число сентября 1796-го года.

Для оперъ. Ивана Царевича, Олѣга, Итальянской серіозной Пальмиры, Буффъ, Похищенная крестьянка, Мальчичиха; Французскихъ: трагедіи Магометъ; комедіенъ Баярдъ, Охота Генрдиха Четвертаго, и Три султанши. Да балѣтонъ больших: Медея и Язонъ, Пирамъ и Тизбѣ, Прекрасная Арсена, Александръ Компасъ и Армиды съ другими разными Спектаклями.

На покупку шелковыхъ матеріенъ, флеру, шелковыхъ чулокъ, атласныхъ и сафьяныхъ туфлей, лентъ и другихъ потребныхъ вѣщей . . . . . 12464 руб. 96½ ко.

За разныя мишурныя матеріи, газъ, канитель и бахраму 1105 „ 42½ „

Вольнымъ портнымъ, кои наняты были для шитья новаго и переправки стараго платья . . . . . 576 „ 37½ „

За чищеніе и крашеніе шелковыхъ матеріенъ, пломажей, на сдѣланіе головныхъ уборовъ, цвѣтовъ, гирляндъ и исправленіе бутафорскихъ вѣщей изъ театрахъ . . . . . 2191 „ 49½ „

Итого шеснатцать тысячъ триста тритцать восемь рублей двапцать шесть копѣекъ съ четвертью. . . . . 16338 „ 26½ „

2 октября 1796 Князь Николай Юсупов.

Письмо М. Каченовскаго С. С. Уварову, письмо Уварова Каченовскому, 1814 г., и письмо гр. Разумовскаго С. С. Уварову, 1815 года.

Ваше Превосходительство
Милостивый Государь!

Осмѣливаюсь утруждать ваше Превосходительство моею всепокорнѣйшею просьбою.

По газетнымъ чисто повторяемымъ объявленіямъ видно, что съ начала 1815 года выходить будетъ новое ежемѣсячное изданіе *Духъ Журналовъ*. Неизвѣстные господа Редакторы удостовѣряютъ публику, что они постараются наполнять книжки своего изданія статьями, которыя находить будутъ въ другихъ журналахъ. Я не знаю, простираются ли намѣренія Господъ Редакторовъ и на Вѣстникъ Европы, который съ 1815 года Типографіею Московскаго Университета будетъ издаваться подъ моимъ распоряженіемъ; однакожъ не почитаю излишнимъ предварительно вашему Превосходительству донести, что я отнюдь не желаю, чтобы *цѣлыя* статьи изъ Вѣстника Европы были перепечатываемы въ *Духѣ Журналовъ*. Хотя на подобные случаи нѣтъ особенныхъ постановленій, но существуютъ узаконенія общія, коими запрещается присвоивать себѣ чужую собственность. Я всепокорнѣйше прошу ваше Превосходительство сіе мое нежеланіе довести до свѣдѣнія С. Петербургскаго Цензурнаго Комитета при начальническомъ вашемъ предписаніи о недозволеніи Господамъ Редакторамъ *Духа Журналовъ* располагать статьями *Вѣстника Европы*.

Имѣю честь быть съ отличнѣйшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію
Его Превосходит. С. С. Уварову.
Декабря 28 дня 1814 года.
Москва.

Милостивый Государь вашего Превосходительства всепокорнѣйшимъ слугою Михаилъ Каченовскій.

Г. Каченовскому Профессору Им. Моск. Университета.

Милостивый Государь мой Михайло Трофимовичъ!

По письму вашему отъ 28 Декабря истекшаго 1814 года о непереперечатываніи изъ періодическомъ сочиненіи *Духъ Журналовъ* цѣлыхъ статей изъ издаваемаго подъ распоряженіемъ вашимъ *Вѣстника Европы*, и вмѣстѣ по подобной же просьбѣ отъ Издателя Сына Отечества, входилъ я съ представленіемъ къ Г. Министру Нар. Просв., который отвѣтилъ мнѣ, что „онъ находитъ справедливымъ, чтобы въ Духѣ журналовъ не были помѣщаемы статьи изъ Вѣстника „Европы и Сына Отечества, согласно требованіямъ издателей сихъ журналовъ". Я давъ надлежащее предписаніе С. П. Б. Ценз. Комитету, считаю для себя удовольствіемъ извѣстить васъ, что ходъ дѣла соотвѣтствовалъ вашему желанію.

Съ истиннымъ почтеніемъ честь имѣю быть
Мил. Государь мой!
вашимъ покорнымъ слугою
25 Генв. 1814. С. Уваровъ.

Милостивый Государь мой Сергѣй Семеновичъ!

По отношенію Вашего Превосходительства № 7, находя справедливымъ, чтобы изъ періодическомъ сочиненіи: *Духъ журналовъ* не были помѣщаемы статьи изъ Вѣстника Европы и Сына Отечества, согласно требованію издателей сихъ журналовъ, предоставляю вамъ объявить о томъ издателямъ помянутаго сочиненія чрезъ Цензурный Комитетъ, который впрочемъ, по Уставу о Цензурѣ, не обязанъ наблюдать, чтобы не перепечатывались таковыя статьи, коихъ сочинители, въ случаѣ нарушенія сего правила, должны искать удовлетворенія въ Гражданскихъ судахъ.

№ 64.
Генваря 12-го 1815.
Его Пре-ву С. С. Уварову.

Пребываю съ истиннымъ почтеніемъ
Вашего Превосходительства
Покорнымъ слугою
Г. Алексѣй Разумовскій.

Прошеніе Н. И. Греча на имя импер. Александра I, 1815 года.

Всепресвѣтлѣйшій, державнѣйшій, великій Государь Императоръ Александръ Павловичъ, Самодержецъ всероссійскій, Государь всемилостивѣйшій.

Проситъ Секретарь Санктпетербургскаго Цензурнаго Комитета Титулярный Совѣтникъ и Кавалеръ Николай Ивановъ сынъ Гречъ о нижеслѣдующемъ:

Въ службу вашего Императорскаго величества вступилъ я въ Юнкерскую школу (что была потомъ Юнкерскимъ Институтомъ) 1801 года Мая 20 дня, произведенъ въ Коллегіи Юнкеры 1804 Ноября 17, уволенъ изъ Института съ аттестатомъ объ окончаніи преподаваемыхъ въ ономъ наукъ 1804 Декабря 23 дня; опредѣленъ въ Санктпетербургскій Цензурный Комитетъ въ число канцелярскихъ служителей 1806 Іюня 26, въ настоящій чинъ по Высочайшему повелѣнію произведенъ 1806 Декабря 31; вступилъ въ должность старшаго Учителя Россійскаго языка въ главномъ Нѣмецкомъ училищѣ Св. Петра 1809 Апрѣля 25; всемилостивѣйше пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Князя Владиміра 4-й степени 1811 Іюля 7; опредѣленъ Смотрителемъ уѣздныхъ и приходскихъ училищъ въ Санктпетербургѣ 1811 Декабря 24; опредѣленъ Секретаремъ Санктпетербургскаго Цензурнаго Комитета 1813 Апрѣля 1; уволенъ отъ должности учителя въ Главномъ Нѣмецкомъ училищѣ Св. Петра 1813 Апрѣля 5; уволенъ отъ должности Смотрителя Санктпетербургскихъ училищъ и опредѣленъ Старшимъ Учителемъ Россійской Словесности въ Санктпетербургской Губерискій Гимназіи 1814 Января; нынѣ же не изъ состоянія будучи продолжать, по слабому здоровью своему, службы въ двухъ мѣстахъ всеподданѣйше прошу, дабы высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества указомъ повелѣно было сіе мое прошеніе куда слѣдуетъ принять, и меня вышепомянутаго уволить отъ должности Секретаря Санктпетербургскаго Цензурнаго Комитета съ надлежащимъ аттестатомъ.

Всемилостивѣйшій Государь! Прошу Вашего Императорскаго Величества о семъ моемъ прошеніи рѣшеніе учинить. Октября дня 1815 года. Къ подачѣ надлежитъ изъ Санктпетербургскій Цензурный Комитетъ. Сіе прошеніе сочинилъ, переписалъ и руку къ оному приложилъ я же Титулярный Совѣтникъ и Кавалеръ Николай Ивановъ сынъ Гречъ.

Аттестатъ.

Объявитель сего Титулярный Совѣтникъ Николай Гречъ, обучавшійся въ Юнкерскомъ Институтѣ, 1804 года Ноября 17-го дня произведенъ въ Коллегіи Юнкеры, а въ Декабрѣ мѣсяцѣ того жъ года уволенъ изъ онаго Института; 1806-го года Іюня 26-го дня опредѣленъ въ С. Петербургскій Цензурный Комитетъ къ письменнымъ дѣламъ, и въ семъ же году по высочайшему повелѣнію, въ Декабрѣ мѣсяцѣ, пожалованъ въ настоящій чинъ; сверхъ службы при Комитетѣ, находился съ 1809-го по 18-й годъ Учителемъ Россійскаго языка въ С. Петербургскомъ Главномъ Нѣмецкомъ училищѣ Св. Петра; 1811-го года Іюля 7-го дня всемилостивѣйше пожалованъ Кавалеромъ ордена Св. Владиміра 4-й степени; того жъ года Декабря 24-го дня опредѣленъ Смотрителемъ уѣздныхъ и приходскихъ училищъ въ С. Петербургѣ; 1813-го года Марта 30-го дня опредѣленъ въ Секретари С. Петербургскаго Цензурнаго Комитета; а 1814-го года Генваря 9-го дня, по увольненіи отъ смотрительской должности училищъ, опредѣленъ въ Старшіе Учители Россійской словесности въ С. Петербургской Губерискій Гимназіи. Въ продолженіе службы при Цензурномъ Комитетѣ, исправлялъ должность свою съ отличнымъ раченіемъ и ревностію, при похвальномъ и приличномъ поведеніи. Нынѣ же по прошенію его, отъ Секретарской должности помянутаго Комитета, уволенъ. Въ засвидѣтельствованіе чего и дать ему сей за подписаніемъ моимъ и съ приложеніемъ герба моего печати. С. Петербургъ. Ноября 4 дня 1815 года.

Его Императорскаго Величества всемилостивѣйшаго Государя моего Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ и Попечитель С. П. бургскаго учебнаго округа *Сергій Уваровъ*. (Красная сургучная печать.)

Очеркъ дѣятельности великаго князя Константина Николаевича по морскому вѣдомству.

Краткій очеркъ
дѣятельности Великаго Князя Константина Николаевича по Морскому Вѣдомству со времени вступленія въ управленіе онымъ по Январь 1858 г.

Великій Князь Генералъ-Адмиралъ былъ приготовленъ къ управленію Морскимъ вѣдомствомъ близкимъ знакомствомъ съ флотомъ, которое онъ пріобрѣлъ ежегодными морскими кампаніями, повторявшимися съ самаго ранняго возраста и трехлѣтними постоянными работами въ Комитетѣ, который составлялъ Морской Уставъ. Во время ежегоднаго плаванія то въ Финскомъ заливѣ, то въ моряхъ болѣе отдаленныхъ, Онъ ознакомился не только собственно съ морскою военною службою, но изъ ежедневныхъ разговоровъ съ офицерами узнавалъ также требованія флота отъ Морскаго Министерства и вообще отъ береговыхъ учрежденій Морскаго вѣдомства; узнавалъ неудовольствія флота на сіи послѣднія; слышалъ упреки морскихъ офицеровъ береговымъ администраторамъ и привыкъ смотрѣть на флотъ, т. е. на военный судна, какъ на цѣль Морскаго вѣдомства, а на Морское Министерство и на разныя береговыя управленія какъ на учрежденія второстепенныя, которыя существуютъ *для флота, а не* флотъ для нихъ существуетъ. Это убѣжденіе Генералъ-Адмиралъ перенесъ потомъ въ управленіе Министерствомъ и оно объясняетъ множество Его распоряженій.

Во время составленія Морскаго устава Генералъ-Адмиралъ познакомился съ

большимъ числомъ личностей и узнать на опытѣ всю трудность начертанія законовъ основательныхъ, которые удовлетворяли бы дѣйствительнымъ потребностямъ тѣхъ, для кого они пишутся и разрѣшали бы впередъ могущіе встрѣтиться вопросы и недоумѣнія. Проекты Морскаго Устава, составленные адмиралами и капитанами весьма образованными и опытными, были сообщаемы Генералъ-Адмираломъ на весь флотъ для разсмотрѣнія. Замѣчанія на нихъ получались въ числѣ многихъ тысячъ и эти замѣчанія весьма часто заставляли совершенно измѣнять предполагавшіяся постановленія; споры и разсужденія въ засѣданіяхъ Комитета еще болѣе разъясняли предметъ и Генералъ-Адмиралъ видѣлъ, что дабы законъ былъ хорошъ, необходимо подвергнуть предварительно проектъ онаго многостороннему обсужденію; что необходимо для законодательныхъ работъ создать такъ сказать *искусственную гласность* и усиленно вызывать полемику и борьбу разныхъ мнѣній всего сословія, для котораго законъ пишется, не довольствуясь преніями изъ тѣснаго круга членовъ Комитета. Весь флотъ былъ призванъ къ участію въ составленіи Морскаго Устава; весь флотъ три года до утвержденія онаго разсуждалъ о немъ, критиковалъ разныя мысли своихъ сочленовъ, составилъ себѣ ясныя понятія и усвоилъ разныя убѣжденія. Образовалось по этому предмету *общественное мнѣніе* во флотѣ, и когда появился Морской Уставъ, то оказалось, что онъ есть только *выраженіе* или изложеніе этого *общественнаго мнѣнія*. Вотъ въ чемъ заключается главное достоинство этого законодательнаго труда. Такой порядокъ имѣлъ еще ту большую выгоду, что критиковался *не* законъ утвержденный Верховною властью, какъ часто бываетъ въ другихъ случаяхъ, но проектъ составленный частными лицами, а что законъ удостоенный Высочайшаго утвержденія былъ принятъ съ благодарностью и уваженіемъ. Въ то время когда происходили письменныя и словесныя разсужденія и пренія Генералъ-Адмиралъ имѣлъ случай замѣтить много способныхъ офицеровъ, которые отличались свѣтлымъ взглядомъ на дѣло, страстью къ своему ремеслу и такое знакомство съ личностями дополнило тѣ свѣдѣнія, которыя онъ пріобрѣлъ во время ежегодныхъ морскихъ кампаній.

Вступивъ въ управленіе всѣмъ Морскимъ вѣдомствомъ съ этимъ запасомъ свѣдѣній, Генералъ-Адмиралъ увидѣлъ, что Ему предстоитъ изучить другую часть этого вѣдомства, а именно береговыя портовыя управленія и особенно Министерство, которое почитало себя изданно не сотрудникомъ, а начальникомъ флота, учрежденіемъ какъ бы высшимъ, которому подобаетъ приказывать, а флоту слѣдуетъ исполнять эти приказанія.

Въ первый годъ Своего управленія Генералъ-Адмиралъ не сдѣлалъ въ Министерствѣ никакихъ перемѣнъ и только присматривался къ заведенному порядку вещей, слѣдовалъ этому порядку въ точности и старался узнавать личности и дѣла. Вскорѣ Онъ пришелъ къ убѣжденію, что дабы основательно узнать состояніе разныхъ частей управленія недостаточно читать подлинныя дѣла и выслушивать доклады, но что необходимы другія мѣры и что найденныя Имъ большею частью преставрѣлыя личности не могутъ и не захотятъ оказать Ему дѣятельную помощь въ изученіи порядка управленія и особенно при введеніи тѣхъ улучшеній, которыя окажутся необходимыми.

Вслѣдствіе этого Онъ сталъ искать людей въ другихъ вѣдомствахъ, которые уже составили себѣ тамъ извѣстность своими способностями и благонамѣренностью, выбралъ также нѣсколько личностей изъ самаго Морскаго Министерства и приступилъ къ цѣлому ряду ревизій и изслѣдованій подвѣдомственныхъ Ему управленій. *Перемѣны личностей* и *ревизіи* имѣли слѣдствіемъ *раскрытіе* цѣлаго ряда *несовершенствъ*, неустройствъ, безпорядковъ и отчасти злоупотребленій въ разныхъ частяхъ управленія и вызвали цѣлый *рядъ мѣръ для необходимыхъ улучшеній*, а наконецъ привели къ необходимости *полнаго органическаго преобразованія всего управленія*. Въ то же время военныя событія и переворотъ совершившійся во флотахъ всѣхъ націй введеніемъ винтоваго двигателя требовали отъ Морскаго вѣдомства необыкновенныхъ усилій, а по заключеніи мира привели высшее Морское начальство къ необходимости *создавать флотъ* вовсе новый, ибо прежній парусный флотъ: Черноморскій—погибъ защищая Севастополь, а Балтійскій—силою вещей обратился въ рядъ блокшифовъ, которые оставалось разобрать на дрова. Одновременно съ *созданіемъ* новыхъ *кораблей* предстояло *готовить* и *офицеровъ, капитановъ, матросовъ*,—и въ грустный для мореходовъ моментъ исчезанія прежняго флота и весьма медленнаго возрожденія флота новаго слѣдовало ободрять ихъ къ полезной дѣятельности, поддерживать въ нихъ любовь къ морской службѣ, возбуждать энтузіазмъ, безъ котораго всякое дѣло не имѣетъ настоящей жизни и значенія. Изъ этого видно, что задача предстоявшая Генералъ-Адмиралу была не легкая, и что дѣятельность Его распадается на двѣ главныя части: 1, по Морскому Министерству и 2, собственно по флоту. Какъ въ той, такъ и въ другой надлежало *бороться съ разными предразсудками*, предубѣжденіями и сверхъ того съ *затрудненіями финансовыми*.

1. Распоряженія по Министерству.

Выше уже было сказано, что распоряженія сіи касались: а., избранія новыхъ дѣятелей, б., изученія существующаго порядка, в., введенія разныхъ улучшеній и г., составленія проекта полнаго преобразованія.

а., избраніе новыхъ дѣятелей.

Генералъ-Адмиралъ, одушевленный пламеннымъ желаніемъ улучшеній и одаренный энергіею и дѣятельностью, вскорѣ увидѣлъ, что весьма многіе сотрудники, которыхъ Онъ засталъ въ Министерствѣ не соотвѣтствуютъ Его требованіямъ. Старость, ослабѣвшія физическія силы, привычка къ прежней системѣ, въ которой

они провели большое число лѣтъ, содѣйствовали многихъ неспособными исполнять Его требованія. Но Онъ также замѣтилъ, что назначеніемъ двухъ или трехъ новыхъ дѣятелей цѣль не будетъ достигнута, ибо эти лица не въ состояніи будутъ бороться съ цѣлымъ рядомъ представителей прежняго направленія и что дабы достигнуть полезныхъ результатовъ и оживить все управленіе новымъ духомъ, придать ему новую жизнь, необходимо ввести большое число новыхъ людей, которые понимали бы одинъ другаго и помогали другъ другу. Слѣдствіемъ этой системы было послѣдовательно назначеніе изъ другихъ вѣдомствъ нѣсколькихъ новыхъ Директоровъ, чиновниковъ особыхъ порученій, членовъ Общихъ Присутствій и пр.*) Сверхъ того Великій Князь искалъ въ самомъ Морскомъ вѣдомствѣ способныхъ лицъ, которые понимали бы Его виды и намѣренія и были бы готовы помогать Ему. Подобныя лица получили также различныя назначенія.**)

Слѣдствія подобнаго измѣненія личнаго состава оказались въ скоромъ времени. Мѣсто прежняго застоя—заступила кипучая дѣятельность; вмѣсто системы скрывать всѣ правительственныя дѣйствія—явилась полезная гласность. Стремленіе къ улучшеніямъ, къ искорененію безпорядковъ и къ упрощенію дѣлопроизводства доказало вскорѣ, что новые частные начальники были оживлены тѣмъ же духомъ какъ и главный начальникъ ихъ. Они принялись за работу дружно и добросовѣстно и если случались, ошибки, то онѣ происходили не отъ злонамѣренности, а единственно отъ неопытности и вообще отъ несовершенства природы человѣческой. Конечно случалось, что и высшій начальникъ ошибался въ выборѣ подчиненныхъ лицъ, но случаи эти были только исключеніями, а вообще система оказалась вѣрна и оправдалось изреченіе, что для новаго вина нужны мѣхи новые.

6., изученіе существующаго порядка.

Съ назначеніемъ новыхъ дѣятелей изученіе прежняго порядка пошло уже весьма успѣшно. Главнымъ средствомъ къ тому, кромѣ собственныхъ усилій

*) Къ этимъ лицамъ принадлежитъ: Князь Обозенскій, Графъ Толстой, Князь Гагенцоллъ, Князь Львовъ, Д. С. С. Рейтернъ, Розенбергеръ, Небользинъ, Мангуттъ, Барановскій, Гагемейстеръ, Варрандъ, Генералъ-Мейеръ Роде и весьма многіе другіе, которыхъ уже эти лица вслѣдъ за собою звали въ Министерство за второстепенныя должности и которые составили второй рядъ дѣятелей.

**) Такъ напримѣръ: Вице-Адмиралъ Мятлевъ, извѣстный своими способностями по хозяйственной части, былъ назначенъ Управляющимъ Морскимъ Министерствомъ. Великій Князь давно желалъ имѣть его по дѣламъ хозяйственнымъ и просилъ Князя Меншикова о назначеніи его сначала Директоромъ Кораблестроительнаго Департамента, а потомъ Генералъ-Интендантомъ, но Князь Меншиковъ отказывалъ, ибо въ то время адмиралъ Мятлевъ былъ нуженъ въ Черномъ морѣ. Контръ-Адмиралъ Краббе, извѣстный своею дѣятельностью, добросовѣстностью и знаніемъ требованій Великаго Князя по инженерной части, былъ назначенъ Директоромъ Инспекторскаго Департамента; извѣстный Гидрографическими работами В. А. Римскій—Директоромъ Гидрографическаго Департамента; Ген. Маіоръ Торгитъевъ, Артиллерійскаго Департамента; Д. С. С. Гагрошинъ—Генералъ-Штабъ-Доктромъ и многіе другіе, которые замѣнили прежнихъ престарѣлыхъ начальниковъ. Сверхъ того для исполненія особыхъ важныхъ порученій Великій Князь употреблялъ Кап. 1-го р. Шестакова и Лишневскаго и Кол. Сов. Путилова.

каждаго отдѣльнаго начальника, послужили разныя ревизіи. Такъ напримѣръ: Статсъ Секретарь Камовскій обревизовалъ два раза Коммисаріатскій Департаментъ, одинъ разъ Канцелярію, Департаментъ Артиллерійскій и Кораблестроительный, Графъ Толстой ревизовалъ Инспекторскій Департаментъ, Дѣйствительный Статскій совѣтникъ Рейтернъ—Строительный Департаментъ и мѣстныя учрежденія морской строительной части въ Архангельскѣ и Астрахани. Цѣлая Коммисія отъ Государственнаго Контроля нарочно назначенная по просьбѣ Великаго Князя обревизовала весьма строго всѣ хозяйственные Департаменты Морскаго Министерства, весьма часто повторялись внезапныя свидѣтельства суммъ; цѣлая Коммисія въ продолженіе трехъ лѣтъ произвела подробное изслѣдованіе смѣтъ всего Морскаго Министерства; Коллежскій Совѣтникъ Князь Львовъ произвелъ подробное изслѣдованіе жилищъ нижнихъ чиновъ и всего быта кантонистовъ; Коммисіи отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и отъ Главнаго Управленія Военно-учебными заведеніями произвели подробныя ревизіи морскихъ учебныхъ заведеній. Статскій Совѣтникъ Мансуровъ произвелъ подробное историческое и статистическое изслѣдованіе Охтенскихъ Адмиралтейскихъ селеній, и обревизовалъ Кораблестроительный Департаментъ. Всѣ эти ревизіи и изслѣдованія принесли большую пользу, раскрыть множество несовершенствъ и безпорядковъ, изъ коихъ нѣкоторыя были слѣдствіемъ несовершенства законовъ, а причиною другихъ были исполнители законовъ. Отчеты по большей части этихъ работъ были напечатаны или налитографированы и получили собственно въ морскомъ вѣдомствѣ и между высшими лицами государственнаго управленія нѣкоторую гласность. Вслѣдствіе ихъ приняты были разныя мѣры и сдѣланъ цѣлый рядъ разныхъ распоряженій.

Сверхъ того, чтобъ облегчить знаніе разныхъ частей управленія, приняты были разныя другія мѣры, такъ напримѣръ: приступлено къ печатанію описей дѣлъ хранящихся въ архивахъ, на которые Генералъ-Адмиралъ смотрѣлъ какъ бы на библіотеки книгъ не печатныхъ, а писанныхъ, и которыя должны имѣть свои печатные каталоги, доступные всѣмъ чинамъ Министерства; печатались въ Морскомъ Сборникѣ разныя свѣдѣнія, напр., описаніе заводовъ, адмиралтействъ и т. п.; списки по старшинству морскихъ чиновъ, которые почитались прежде большою тайною (и вслѣдствіе этого служили средствомъ къ разнымъ злоупотребленіямъ), получили полную гласность и были обращены въ продажу. Всѣ эти мѣры, все это раскрытіе того, что долго хранилось подъ спудомъ, многимъ весьма не нравилось и возбуждало разные толки и порицанія, но Генералъ-Адмиралъ шелъ твердо къ своей цѣли и былъ ободряемъ благосклонностью Государя. Сверхъ того Ему много помогало вышеуказанное обстоятельство, что перемѣнивъ систему онъ почти одновременно перемѣнилъ всѣхъ главныхъ сотрудниковъ и что новые помощники Его были лица связанные между собою взаимнымъ довѣріемъ и уваженіемъ.

в., введеніе разныхъ улучшеній.

Слѣдствіемъ ближайшаго изученія управленія и дѣлопроизводства въ Морскомъ вѣдомствѣ было раскрытіе разныхъ неустройствъ и безпорядковъ, для устраненія коихъ приняты были Генералъ-Адмираломъ разныя мѣры.

Главныя несовершенства въ устройствѣ управленія Морскимъ вѣдомствомъ, въ которыхъ Генералъ-Адмиралъ убѣдился, были слѣдующія:

1., Въ Морскомъ вѣдомствѣ находились управленія посторонніяя, которыя по свойству своему должны бы состоять въ вѣдѣніи другихъ Министерствъ и которыя только затрудняли и обременяли Морское начальство, напр. Управленіе корабельными лѣсами, для котораго существовалъ въ Морскомъ Министерствѣ особый Департаментъ, тогда какъ многіе изъ этихъ лѣсовъ заключались въ разныхъ участкахъ среди казенныхъ дачъ, которыя имѣли свое управленіе въ Министерствѣ Государственныхъ Имуществъ, гдѣ существовалъ также Лѣсной Департаментъ. Сверхъ того Морское Министерство распоряжалось строеніемъ и ремонтомъ приморскихъ крѣпостей, тогда какъ это есть прямое дѣло сухопутнаго инженернаго вѣдомства. Морское Министерство управляло Охтенскими селеніями, которыя прямо подлежали вѣдѣнію или Министерства Государственныхъ Имуществъ какъ селенія, или Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, если считать ихъ подгородными частями Петербурга. Къ числу учрежденій, которыя не должны бы принадлежать Морскому вѣдомству, относились также особыя морскія арестантскія роты.

2., Кромѣ этихъ управленій совершенно посторонніхъ существовало въ Министерствѣ для дѣлъ собственно морскихъ много совершенно лишнихъ учрежденій, которыя стоили казнѣ дорого, а пользы или вовсе не приносили, или приносили вредъ какъ совершенно лишнія инстанціи, которыя только замедляли правильное и скорое теченіе дѣлъ. Къ этимъ учрежденіямъ относились: должность Генералъ-Интенданта, который въ послѣднее время не имѣлъ никакихъ самостоятельныхъ правъ, а былъ только передаточною инстанціею для хозяйственныхъ дѣлъ, общее Присутствіе Морскаго Интенданства, Учетный Комитетъ, Военно-Походная по флоту Канцелярія, Канцелярія по Своду Морскихъ Постановленій, цѣлая треть Канцеляріи Морскаго Министерства, должности: Дежурнаго Генерала, Инспекторовъ Корпусовъ: Флотскихъ Штурмановъ, Морской Артиллеріи, Корабельныхъ Инженеровъ, Инженеровъ-Механиковъ, Ластовыхъ командъ и Рабочихъ экипажей; Штабы этихъ Корпусовъ, Бригадные Штабы и пр.

3., Во многихъ учрежденіяхъ Морскаго вѣдомства были соединены обязанности разнородныя, которыя по тому самому не могли исполняться удовлетворительно, напримѣръ: Кораблестроительный Департаментъ, будучи въ отношеніи къ другимъ портамъ высшимъ административнымъ учрежденіемъ, собственно въ Петербургскомъ портѣ исполнялъ мелочныя обязанности Конторы надъ портомъ. Отъ этого происходило, что онъ былъ завленъ дѣлами второстепенными

и не былъ въ состояніи заниматься своими прямыми высшими обязанностями. Въ томъ же Департаментѣ были соединены дѣла хозяйственныя и дѣла техническія, тогда какъ тѣ и другія требуютъ разнаго рода познаній и способностей.

4., Во всѣхъ учрежденіяхъ Морскаго вѣдомства порядокъ канцелярскаго дѣлопроизводства былъ найденъ самый многосложный и затѣйливый, который требовалъ много работы и большаго числа чиновниковъ не только безъ всякой пользы для дѣла, но съ большимъ вредомъ для него, потому что производитъ вездѣ крайнюю медленность и увеличиваетъ расходы казны.

5., Медленность эта еще болѣе увеличивалась оттого, что какъ главные, такъ и второстепенные начальники имѣли весьма ограниченныя права. Всѣ дѣла восходили чрезъ множество коллегіальныхъ инстанцій до высшаго начальника, который не въ состояніи былъ ни разсмотрѣть ихъ, ни обсудить основательно, а принужденъ былъ на все соглашаться. Посему согласіе его было только формальностью, которая безъ пользы для дѣла слагала всякую отвѣтственность съ частныхъ начальниковъ и возлагала оную на высшаго начальника. Между тѣмъ подъ защитой его имени происходили разные безпорядки и злоупотребленія.

6., Эти безпорядки и злоупотребленія происходили отчасти въ пользу корыстныхъ видовъ частныхъ начальниковъ, но иногда ихъ имѣли прибѣгали для пользы самой казны. Такъ напр. въ смѣтахъ Министерства, дабы получить изъ Государственнаго Казначейства сумму на расходъ необходимый для пользы флота, но такой, который Министерство не надѣялось отстоять въ виду противодѣйствія другихъ вѣдомствъ, Морское Министерство умышленно преувеличивало требованія по другимъ статьямъ смѣты съ цѣлію употребить потомъ остатки на необходимыя надержки.

7., Вообще много путаницы, безпорядковъ и неисности найдено было въ смѣтахъ Морскаго вѣдомства. Государственному Совѣту представлялось смѣтное требованіе весьма небольшое, а на главныя кораблестроительныя работы испрашивались постоянно особыя суммы займами, о которыхъ Государственный Совѣтъ ничего не зналъ и потому никогда не могъ правильно судить, сколько именно флотъ нашъ стоитъ казнѣ.

8., Еще болѣе безпорядкомъ открыто во всей матеріальной отчетности и Министерство рѣшительно не знало, сколько и на какую сумму оно имѣетъ разнаго матеріальнаго имущества. Запасовъ не существовало и все вообще хозяйство находилось въ самомъ жалкомъ положеніи. Заводы получали наряды на такія вещи, которыя находились въ ихъ магазинахъ, но магазины были такъ безпорядочно завалены, что заводъ предпочиталъ сдѣлать новую вещь вмѣсто того чтобъ отыскать въ магазинѣ вещь уже готовую. Покупали предметы, которые находились въ Экипажескихъ магазинахъ. При покупкахъ и подрядахъ встрѣчалось тѣмъ большее затрудненіе, что главные извѣстные подрядчики не хотѣли имѣть дѣла

съ Министерствомъ вслѣдствіе дурной славы его. Законы о святости торговъ не исполнялись вслѣдствіе ложнаго пониманія выгодъ казны и оттого кредитъ уменьшался со дня на день.

9., При всемъ этомъ въ Министерствѣ производилась огромная работа. Бумаги писались десятками тысячъ во всѣхъ Департаментахъ и Канцеляріяхъ, деньги расходовались, сотни курьерскихъ лошадей разносила тысячи пакетовъ и много было труженниковъ, которые въ этомъ безплодномъ и вредномъ для государства трудѣ тратили время, силы и здоровье и не получая ни достаточныхъ, средствъ къ жизни, ни поощреній, теряли всякое желаніе улучшеній, и роптали на свою участь.

Изъ всего вышеизложеннаго видно уже какія преобразованія и улучшенія оказывались необходимыми. Генералъ-Адмиралъ приступилъ къ нимъ постепенно и послѣдовательно, но часто случалось, что близкая связь разныхъ частей и дѣлъ вынуждала Его принимать разныя мѣры болѣе поспѣшно нежели Онъ предполагалъ въ началѣ.

Главнѣйшія изъ этихъ мѣръ были слѣдующія:

1., Департаментъ Корабельныхъ Лѣсовъ былъ переданъ въ Министерство Государственныхъ Имуществъ.

2., Управленіе приморскими крѣпостями и сооруженіе новыхъ переданы сухопутному инженерному вѣдомству.

3., Морскія арестантскія роты упразднены и бывшіе въ нихъ арестанты переданы въ арестанскія роты сухопутнаго и гражданскаго вѣдомствъ.

Такимъ образомъ Морское Министерство было избавлено отъ многихъ занятій, которыя были для него предметомъ посторонимъ и несвойственнымъ. Сверхъ того нѣкоторые второстепенные морскіе начальники были также освобождены отъ дѣлъ имъ неподлежащихъ по настоящему смыслу ихъ морскаго назначенія, а именно: Главные командиры портовъ Архангельскаго и Астраханскаго управляли также губерніями. По предоставленію Великаго Князя Генералъ-Адмирала управленіе губерніями передано было гражданскимъ губернаторамъ и главные командиры остались только начальниками порта и военныхъ судовъ.

4., Внесено въ Государственный Совѣтъ представленіе о передачѣ Министерству Внутреннихъ дѣлъ завѣдыванія Охтенскими поселянами.

5., Упразднены вовсе: должности Генералъ-Интенданта, Дежурнаго Генерала, Инспекторовъ разныхъ Корпусовъ, Общее Присутствіе Интендантства; Канцеляріи: Военно-Походная и по Своду морскихъ постановленій; цѣлая треть Канцеляріи Морскаго Министерства, Ученый Комитетъ; Штабы Корпусовъ, Бригадные Штабы и разныя должности по Министерству.

6., Учреждены: С. Петербургская Контора надъ портомъ и Техническій Кораблестроительный Комитетъ и въ эти установленія переданы изъ Кораблестроительнаго Департамента несвойственныя ему обязанности.

7., Во всемъ Министерствѣ упрощенъ и сокращенъ порядокъ канцелярскаго дѣлопроизводства.

8., Значительно увеличены права частныхъ начальниковъ и рѣшеніе многихъ дѣлъ возложено на нихъ подъ ихъ отвѣтственностью.

9., Введена полная откровенность и правдивость во всѣ дѣйствія Министерства и особенно во всѣ смѣтные расчеты и требованія.

10., Вслѣдствіе подробнаго осмотра Морскихъ госпиталей въ Россіи и заграницей, новымъ Генералъ Штабъ Докторомъ, Великій Князь призналъ нужнымъ совершенно преобразовать все госпитальное управленіе въ Морскомъ вѣдомствѣ. Для составленія Устава о морскихъ военныхъ госпиталяхъ учрежденъ былъ особый Комитетъ. Трудъ этого Комитета былъ напечатанъ и разосланъ знаменитѣйшимъ врачамъ морскаго, военно-сухопутнаго и гражданскаго вѣдомства и въ медицинскіе факультеты университетовъ: Московскаго, Дерптскаго, Казанскаго, Кіевскаго и Харьковскаго и разнымъ лицамъ не врачебнаго сословія, но извѣстнымъ своими познаніями по части госпитальнаго управленія. На основаніи полученныхъ замѣчаній проектъ Устава былъ передѣланъ и въ настоящее время разсматривается въ Военно-Медицинскомъ Ученомъ Комитетѣ.

11., Для изученія матеріальной отчетности командированы способные чиновники за границу и разрѣшено Управляющему Морскимъ Министерствомъ приступить къ составленію необходимыхъ записокъ.

12., Предписано строго исполнять контракты съ частными лицами, хотя бы иногда казна терпѣла оттого убытки и тѣмъ самымъ возвышенъ кредитъ Министерства. Впрочемъ болѣе всего содѣйствовала въ этомъ отношеніи личность главныхъ начальниковъ хозяйственныхъ частей.

13., Для открытія злоупотребленій и обмановъ производились слѣдствія, виновные отдавались подъ судъ и карались по законамъ.

14., Служащіе награждались весьма щедро, хотя весьма часто главный начальникъ и сознавалъ, что часть труда ихъ есть трудъ безполезный.

Наконецъ къ распоряженіямъ послѣдняго времени относятся:

15., Введеніе въ Коммиссаріатскомъ Департаментѣ двойной итальянской бухгалтеріи. Мѣра эта составляетъ безспорно важный шагъ къ улучшенію счетоводства Департамента,

и 16., Начало работъ для усовершенствованія морскаго законодательства. Съ сею цѣлію учрежденъ особый Комитетъ, которому поручено начертаніе проекта судопроизводства сообразнаго современнымъ требованіямъ науки и не стѣсненъ устарѣлыми формами и постановленіями. Дабы постепенно приготовить умы къ предстоящимъ перемѣнамъ, приступлено къ помѣщенію въ Морскомъ Сборникѣ статей по сему предмету. Первая статья этого рода была статья „объ устности и гласности судопроизводства". При этой статьѣ напечатано по волѣ Его Высо-

чества приглашение читателямъ Сборника доставлять подобныя статьи. Другая статья касается юридическихъ лекцій Профессора Кавелина въ Петербургскомъ Университетѣ и приглашеніе Г. г. морскимъ офицерамъ посѣщать ихъ.

Для уменьшенія безполезной работы, для водворенія стройности въ управленіи морскимъ вѣдомствомъ и предупрежденія злоупотребленій требовалось сверхъ поименованныхъ мѣръ и распоряженій общее преобразованіе управленія. Вышепомянутыя ревизіи и результаты частныхъ мѣръ доставили необходимые матеріалы для начертанія общаго проекта, который одинъ только можетъ служить существеннымъ и кореннымъ средствомъ для достиженія желаемаго результата. Съ сею цѣлію были составлены нѣсколько проектовъ Учрежденія Морскаго Министерства и Портоваго Управленія, разсылались на разсмотрѣніе большому числу лицъ морскаго и другихъ вѣдомствъ и по собраніи большаго числа разнообразныхъ мнѣній и замѣчаній въ настоящее время окончательно обработываются. Однимъ изъ главныхъ слѣдствій предполагаемаго преобразованія будетъ значительное увеличеніе содержанія служащимъ и значительное уменьшеніе числа ихъ. Посему, въ виду этого надобно было заблаговременно озаботиться устройствомъ участи того многочисленнаго класса безполезныхъ, но невиновныхъ чиновъ, которые съ введеніемъ въ Морскомъ Министерствѣ порядка и благоустройства останутся безъ мѣстъ и слѣдовательно безъ содержанія. Пенсіи, на которыя эти лица могли расчитывать изъ Государственнаго Казначейства, слишкомъ незначительны, чтобъ эти лица могли существовать съ онымъ, и потому весьма естественно родилась мысль объ увеличеніи пенсій посредствомъ учрежденія въ Морскомъ вѣдомствѣ по примѣру многихъ заграничныхъ пенсіонныхъ кассъ, особой *Пенсіонной Эмеритальной Кассы*, которая посредствомъ ежегоднаго вычета изъ содержанія служащихъ, получила бы возможность производить пенсіи отставнымъ, съ тѣмъ, чтобъ дѣйствія кассы начались одновременно съ введеніемъ въ дѣйствіе новыхъ учрежденій Морскаго Министерства и Портовыхъ Управленій. Мысль объ учрежденіи кассы родилась въ 1854 году и тогда же было приступлено къ собиранію многочисленныхъ и разнообразныхъ статистическихъ свѣдѣній, которыя должны были служить для ея многосложныхъ расчетовъ. На основаніи этихъ свѣдѣній составленъ былъ въ 1857 году проектъ положенія для кассы и разосланъ на разсмотрѣніе всѣмъ офицерамъ и чиновникамъ Морскаго вѣдомства, для которыхъ касса составляется, и еще многимъ извѣстнымъ ученымъ по части статистики и математики. Замѣчанія, полученныя на этотъ проектъ, были разсмотрѣны въ особомъ Комитетѣ изъ морскихъ офицеровъ и чиновниковъ при содѣйствіи Г.г. академиковъ Веселовскаго, Буняковскаго и Остроградскаго, и въ настоящее время окончательно обработывается новый проектъ учрежденія кассы одновременно съ проектами учрежденій Министерства и образованія портовыхъ управленій. Впрочемъ должно сказать, что

несмотря на всѣ принятыя такимъ образомъ мѣры и сдѣланныя распоряженія Морское вѣдомство еще далеко не достигло желаемой степени благоустройства и что оно только едва начинаетъ помногу выходить изъ прежняго состоянія. Еще много производится работы вовсе лишней, централизація еще слишкомъ велика, права и обязанности отдѣльныхъ начальниковъ еще весьма неясно разграничены и нѣтъ ручательства, что выгоды казны соблюдаются. Все сіе еще болѣе доказываетъ необходимость вышеозначеннаго полнаго и кореннаго преобразованія всего управленія. Великій Князь Генералъ-Адмиралъ ожидаетъ изъ этомъ случаѣ отъ Управляющаго Морскимъ Министерствомъ Вице-Адмирала Мѣтлина водворенія должнаго порядка и благоустройства собственно въ Министерствѣ и вообще во всей хозяйственной части Морскаго вѣдомства, а Себѣ предоставляетъ распоряженія по флоту и по части строевой, ученой и технической.

II. Распоряженія собственно по флоту.

Несмотря на все усердіе, съ которымъ Великій Князь занимался Морскимъ Министерствомъ и береговыми учрежденіями морскаго вѣдомства, любимымъ предметомъ его оставался флотъ и занятія собственно *флотомъ*, т. е. *военно-морскою* и *техническою* частью составляли для Него наслажденіе и отдыхъ отъ тягостныхъ работъ административныхъ.

Собственныя многократныя морскія путешествія и разговоры съ опытнѣйшими адмиралами и капитанами привели давно уже Великаго Князя къ убѣжденію, что дабы имѣть хорошій флотъ болѣе всего необходимо сколь возможно чаще посылать его въ море и сколь возможно долѣе держать въ морѣ, стараясь доставлять офицерамъ разнообразныя морскія кампаніи въ хорошемъ климатѣ, гдѣ наши суда встрѣчались бы съ иностранными флотами. Слѣдствіемъ подобныхъ кампаній будетъ неминуемо, что суда наши будутъ строиться лучше, что на флотѣ невольно введутся разныя улучшенія и что офицеры и матросы пристрастятся къ службѣ и получатъ необходимыя познанія и опытность. Всѣ другія распоряженія и усовершенствованія никогда не принесутъ той пользы, какую получитъ флотъ отъ продолжительныхъ и частныхъ кампаній. Какъ хорошо не будетъ устроено Министерство, адмиралтейства, эллинги, заводы, но никогда благоустройствомъ ихъ не принесетъ флоту той прямой пользы, какую онъ непремѣнно получитъ отъ дальнихъ и продолжительныхъ морскихъ кампаній. Съ этимъ убѣжденіемъ Генералъ-Адмиралъ вступилъ въ управленіе флотомъ и потому первымъ дѣйствіемъ его была посылка изъ дальнія плаванія нѣсколькихъ лучшихъ судовъ Балтійскаго флота*). Многія изъ этихъ первыхъ экспедицій имѣли весьма неудачный исходъ вслѣдствіе дурныхъ качествъ помянутыхъ лучшихъ судовъ и неопытности командиръ-

*) Такимъ образомъ были посланы фрегаты: Паллада, Аврора, Діана, корветъ Наварринъ, транспорты: Двина и Нѣманъ.

ровъ. Затѣмъ война пріостановила на нѣсколько лѣтъ подобныя экспедиціи, но немедленно по заключеніи мира Великій Князь опять сталъ посылать въ дальнія плаванія и въ Средиземное море не только отдѣльныя суда, но уже цѣлыя эскадры *), и посылки эти обратились въ ежегодныя срочныя экспедиціи. Флотъ нашъ ожилъ новою жизнью. Уже во время войны, когда въ иностранныхъ флотахъ винтовыя суда быстро замѣняли прежнія парусныя, Великій Князь началъ у насъ усиленное кораблестроеніе. Для Балтійскаго моря было построено 75 винтовыхъ канонерскихъ лодокъ и 18 винтовыхъ корветовъ и клиперовъ. Суда эти, построенныя съ большою поспѣшностью, конечно не могли имѣть большихъ достоинствъ, и заключеніе мира содѣйствовало ихъ ненужными для той цѣли, съ которою они строились, но они принесли другую пользу, ибо часть корветовъ и клиперовъ была немедленно отправлена въ Черное море, а другая часть въ Восточный Океанъ, и притомъ они послужили опытомъ для нашихъ частныхъ заводовъ, которые создавались во время войны. Въ то же время приступлено было къ постройкѣ нѣсколькихъ винтовыхъ кораблей и фрегатовъ и заказаны были разныя суда и механизмы въ Англіи, Франціи и Америкѣ. Для наблюденія за ихъ постройкой было послано большое число офицеровъ, которые получили возможность видѣть иностранные флоты, порты, заводы и адмиралтейства и пріобрѣсти много полезныхъ свѣдѣній.

Другимъ весьма сильнымъ средствомъ для образованія офицеровъ въ самой Россіи послужилъ Морской Сборникъ, который по мысли Великаго Князя сталъ издаваться по новой обширной программѣ и сообщалъ всему флоту, при обязательной подпискѣ, множество полезныхъ современныхъ свѣдѣній о состояніи морского дѣла во всѣхъ государствахъ. Свѣдѣнія помѣщаемыя въ Сборникѣ столь разнообразны и обильны, что ни одинъ офицеръ не былъ бы въ состояніи своими средствами пріобрѣсти ихъ, тогда какъ чрезъ этотъ журналъ каждый пріобрѣтаетъ ихъ за 3 р. въ годъ. Въ этомъ отношеніи Морской Сборникъ какъ бы замѣнилъ Морскую Академію. Кромѣ того онъ приносилъ еще другую пользу, ибо щедро вознаграждая авторовъ статей, вызывалъ морскихъ офицеровъ къ полезному труду.

Къ числу распоряженій по флоту должно отнести реформированіе признанныхъ безполезными учебныхъ экипажей и учрежденіе вмѣсто нихъ Инженернаго и Артиллерійскаго училищъ и разныя мѣры къ улучшенію морской артиллеріи, изъ коихъ главная есть учрежденіе учебнаго артиллерійскаго корабля, на которомъ образуются для всего флота искусные комендоры.

Такимъ образомъ безпрерывныя морскія экспедиціи, посылка большаго числа офицеровъ за границу, на иностранные заводы и адмиралтейства, усиленное ко-

*) Сюда относятся посылки трехъ отрядовъ винтовыхъ корветовъ и клиперовъ: въ Черное море и въ Восточный Океанъ, эскадра отправленная въ Средиземное море и состоявшая изъ корвета Выборгъ, фрегатовъ: Кастеръ, Палладъ, Олафъ, бриг Филостетъ и проч.

раблестроеніе въ Россіи и многочисленные заказы за границей, собираніе редакціей Сборника и обнародованіе разныхъ свѣдѣній о современномъ состояніи науки мореплаванія и искусства кораблестроенія имѣли слѣдствіемъ образованіе офицеровъ, строителей, механиковъ и созданіе опытныхъ командъ. Съ другой стороны для улучшенія состава командъ приняты были Великимъ Княземъ еще другія мѣры, а именно: исходатайствовано Высочайшее разрѣшеніе предоставить для флота нѣсколько губерній, изъ коихъ рекруты будутъ поступать только во флотъ, тогда какъ по прежнему порядку лучшіе люди отбирались въ гвардію, кирасиры, саперы и пр., а флотъ получалъ только самыхъ послѣднихъ; прекращено назначеніе по флоту Поляковъ и Евреевъ, которые оказывались почти всегда неспособными къ морской службѣ. Для улучшенія быта и здоровья нижнихъ чиновъ приняты были различныя мѣры въ С. Петербургѣ, улучшено квартирное размѣщеніе женатыхъ нижнихъ чиновъ *), розданы были на Балтійскій флотъ шерстяныя фуфайки, брушлаты, теплая одежда для зимнихъ работъ, отмѣнены прежніе мундиры и введены апаулы, весь флотъ снабженъ штуцерами и абордажными палашами литой стали новаго образца, сравнены въ денежномъ довольствіи нестроевые чины съ строевыми, вообще увеличено денежное довольствіе нижнихъ чиновъ назначеніемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ суточныхъ денегъ, уменьшенъ на 3 года самый срокъ службы матросовъ, улучшена пища ихъ, введены новыя правила хозяйства въ экипажахъ и пр. Слѣдствіемъ всего этого было между прочимъ уменьшеніе болѣзненности и смертности. Въ послѣднее время введено преподаваніе гимнастики въ большомъ размѣрѣ, какъ приготовленіе матросовъ къ службѣ требующей физической ловкости и силы. Не менѣе благодѣтельна была попечительность Великаго Князя и объ участи морскихъ офицеровъ и семействъ ихъ. Обративъ вниманіе на ограниченность получаемаго ими содержанія, онъ исходатайствовалъ значительное увеличеніе онаго за время бытности ихъ моремъ, и пособія на воспитаніе дѣтей, въ которомъ морскіе офицеры крайне нуждались, особенно при кочевой жизни, къ которой они обречены родомъ своей службы **). Сверхъ того многимъ изъ нихъ были розданы суммы, которыя подъ разными предлогами удерживались у нихъ. Особая сумма въ 67 т. р. въ годъ ***) была назначена въ распоряженіе Адмиралтействъ-Совѣта для раздачи

*) Съ цѣлію улучшенія жилищъ нижнихъ чиновъ объявлена отъ Морскаго Ученаго Комитета премія за лучшій проектъ казармъ для матросовъ, устройство которой соотвѣтствовало бы въ особенности гигіеническимъ условіямъ. Получены были разные проекты отъ архитекторовъ и инженеровъ и одному изъ нихъ присуждена полная премія. Генералъ-Адмиралъ имѣетъ въ виду поручить постройку казармъ по этому проекту обществу частныхъ лицъ, съ тѣмъ, что Морское Министерство, будетъ нанимать оныя. Въ такомъ случаѣ Министерство, не затрачивая капиталовъ и не нанимаясь саморемонтомъ, получитъ хорошее помѣщеніе для своихъ командъ.

**) Въ 1857 г. на 1200 женатыхъ офицеровъ болѣе 1000 дѣтей получили разными способами пособіе на воспитаніе, или размѣщены были въ учебныя заведенія.

***) Сумма эта не составляла новаго расхода для Государственнаго Казначейства, ибо она отпу-

ежегодно въ пособіе нуждающимся по разнымъ случаямъ, разрѣшена выдача офицерамъ на честное слово заслуженнаго ими содержанія, не дожидаясь собранія всѣхъ необходимыхъ справокъ. Сверхъ денежныхъ пособій Великій Князь старался щедрыми наградами и повышеніями доказать чинамъ морскаго вѣдомства, что служба ихъ цѣнится Правительствомъ и что для нихъ наравнѣ съ служащими въ другихъ вѣдомствахъ возможно достиженіе высшихъ должностей. Такимъ образомъ три адмирала назначены были членами Государственнаго Совѣта, 4 лица получили званіе Сенаторовъ изъ гражданскихъ чиновниковъ, двое получили званіе Статсъ-Секретарей, одинъ адмиралъ возведенъ въ Графское достоинство и пр.

Для облегченія морскимъ офицерамъ возможности заниматься морскимъ дѣломъ въ то время, когда флотъ нашъ едва начиналъ возрождаться и когда нельзя было употребить ихъ всѣхъ на службу на военныхъ судахъ, разрѣшено было увольненіе ихъ для службы на частныхъ пароходахъ и судахъ съ сохраненіемъ нѣкоторой части жалованья. Та же цѣль имѣлась въ виду отчасти при учрежденіи по мысли Генералъ-Адмирала въ Черномъ морѣ Русскаго Общества Пароходства и Торговли.

Особенное вниманіе обращалъ Великій Князь на техническую кораблестроительную часть и разсматриваніе чертежей и плановъ было его любимымъ занятіемъ. Всѣ доклады Кораблестроительнаго Техническаго Комитета представлялись Ему, и Онъ часто посѣщалъ верфи и мастерскія. Также журналы Морскаго Ученаго Комитета постоянно Имъ разсматривались и Ему обязанъ флотъ введеніемъ въ Кронштадтѣ публичныхъ лекцій по разнымъ отраслямъ мореплаванія. Донесенія нашихъ офицеровъ посланныхъ въ большомъ числѣ за границу, читались Имъ съ большимъ вниманіемъ и любопытствомъ. Наконецъ частыя поѣздки Его въ Кронштадтъ и посѣщенія судовъ оживляли морскихъ офицеровъ, убѣждая ихъ въ томъ, что главный начальникъ обращаетъ постоянно вниманіе на ихъ службу.

Вслѣдствіе настоянія Великаго Князя отъ этой службы отстранены были занятія ей несвойственныя и лишнія, напр. излишнее занятіе фронтомъ и введены занятія дѣйствительно полезныя, напр. стрѣльба въ цѣль.

Несмотря однако на усиленную и разнообразную дѣятельность, Великій Князь не имѣлъ возможности и времени заняться нѣкоторыми частями управленія, которыя требуютъ еще ближайшаго изученія и преобразованія. Къ подобнымъ учрежденіямъ принадлежатъ въ особенности морскія учебныя заведенія, заводы морскаго вѣдомства и адмиралтейства. Впрочемъ заняться этими учрежденіями, также составленіемъ необходимыхъ для правильнаго хозяйства запасовъ, неволь-

---

сказалъ и прежде на прибавку жалованья командирамъ за сбереженіе судовъ. На сей предметъ обращены были проценты особаго капитала, который составляли въ Морскомъ Министерствѣ.

можно было прежде разрѣшенія главнаго существеннаго вопроса, а именно: въ чемъ состоитъ вообще цѣль и назначеніе флота въ Россіи и какая должна быть вслѣдствіе этого величина или составъ онаго. Великій князь, желая разрѣшить этотъ вопросъ вполнѣ основательно, собиралъ мнѣнія нашихъ адмираловъ и многихъ высшихъ государственныхъ сановниковъ и пришелъ къ заключенію, что несмотря на всевозможныя финансовыя усилія мы не въ состояніи имѣть флотъ равносильный флоту англійскому или французскому уже по тому обстоятельству, что наши морскія силы должны быть разсѣяны въ нѣсколькихъ моряхъ: Балтійскомъ, Бѣломъ, Черномъ, Каспійскомъ и Восточномъ океанѣ и что нѣтъ возможности соединить ихъ въ одномъ пунктѣ, тогда какъ помянутыя двѣ націи легко могутъ направить большія морскія силы въ одинъ пунктъ и на этомъ пунктѣ каждая изъ нихъ будетъ значительно сильнѣе насъ. Сверхъ того мы не имѣемъ большой морской торговли, которая требовала бы покровительства сильнаго флота. Изъ всего этого слѣдуетъ, что нашъ флотъ долженъ былъ таковъ, чтобъ мы всегда были сильнѣе слабѣйшихъ сосѣдей нашихъ, чтобъ первостепенныя морскія державы вслучаѣ борьбы между собой дорожили нашимъ союзомъ или нейтралитетомъ и чтобъ наши берега были безопасны отъ внезапнаго нападенія нѣсколькими судами, которыя непріятель легко можетъ послать, тогда какъ снаряженіе сильныхъ эскадръ требуетъ большихъ приготовленій и усилій и не можетъ дѣлаться скрытно. Эти соображенія Великій Князь представлялъ Государю Императору и они были удостоены одобренія Его Императорскаго Величества. Вслѣдствіе этихъ соображеній изготовленъ былъ проектъ штатнаго состава флота по всѣхъ моряхъ и утвержденъ Его Величествомъ.

Такимъ образомъ ясно опредѣлилась будущая дѣятельность морскаго вѣдомства нашего. Надлежало привести флотъ въ указанный составъ, выстроивъ суда, которыя ни въ чемъ не уступали бы лучшимъ иностраннымъ и укомплектовать ихъ командами изъ опытныхъ, образованныхъ, страстныхъ къ морскому дѣлу офицеровъ и искусныхъ мастеровъ. Здѣсь представлялись два важныя затрудненія: 1., затрудненіе финансовое, ибо вслѣдствіе огромныхъ расходовъ вынужденныхъ послѣдней войной Россія еще много лѣтъ не въ состояніи будетъ удѣлять значительныхъ суммъ на флотъ, тогда какъ вслѣдствіе новѣйшихъ усовершенствованій нынѣшній паровой флотъ обходится вдвое дороже противъ парусныхъ судовъ прежняго времени, и 2., образованіе опытныхъ офицеровъ и командъ требуетъ продолжительныхъ морскихъ кампаній и слѣдовательно много времени. Посему покоряясь необходимости и подчиняя преуспѣяніе вверенной ему части управленія благу всего государства, Генералъ-Адмиралъ разсрочилъ на 20 лѣтъ достиженіе указанной Ему Государемъ Императоромъ цѣли и тѣмъ самымъ получилъ возможность требовать изъ Государственнаго Казначейства ежегодно для созданія флота весьма небольшіе денежные способы. 1858 г. есть первый этого 20-ти лѣтняго періода.

Въ настоящее время морскому вѣдомству предстоитъ:

1., составлять сколь возможно болѣе выгодныхъ для казны способомъ, пользуясь для этого каждымъ представляющимся случаемъ, кораблестроительные запасы, въ лѣсахъ, краскахъ, металлахъ, маслѣ, такелажѣ и проч.

2., строить ежегодно опредѣленное число судовъ набирая для этого лучшіе, изящные уже чертежи и притомъ строить не торопливо, но тщательно и со всевозможною старательностію, дабы суда наши не уступали лучшимъ иностраннымъ и чтобъ не повторялись болѣе постыдные случаи, что новое судно едва вышедшее изъ Кронштата принуждено входить во французскіе доки для исправленія непростительныхъ ошибокъ русскихъ строителей.

3., посылать ежегодно въ море сколь возможно большее число судовъ и на сколь возможно болѣе продолжительное время, снабжая ихъ всѣмъ нужнымъ по примѣру иностранныхъ судовъ и стараясь, чтобъ они сколь можно чаще встрѣчались съ иностранными флотами.

4., сообразно утвержденному Государемъ Императоромъ составу флота устроить наши адмиралтейства, верфи, доки, магазины и вообще портовыя учрежденія по образцу лучшихъ иностранныхъ учрежденій.

5., сообразно потребности флота въ офицерахъ устроить наши морскія учебныя заведенія.

6., для высшаго образованія морскихъ офицеровъ продолжать по нынѣшнему плану изданіе Морскаго Сборника.

7., Для уменьшенія болѣзней и смертности между нижними чинами на флотѣ принять всевозможныя мѣры по указанію самыхъ опытныхъ врачей.

и 8., сообразно небольшому составу самаго флота, который есть *цѣль* всего морскаго вѣдомства, устроить береговыя учрежденія онаго, т. е. Министерство и портовыя управленія изъ самыхъ ограниченныхъ размѣровъ, *дабы* изъ денежныхъ способовъ отпускаемыхъ на все морское вѣдомство сколь возможно *болѣе* расходовалось на *цѣль* онаго и сколь возможно *менѣе* собственно на *средства*.

Изъ всего вышеизложеннаго видна весьма ясно вся нынѣшняя система дѣйствій высшаго морскаго начальства и становится очевиднымъ, что разныя частныя распоряженія онаго и принимаемыя мѣры суть только слѣдствіе этой общей системы, общаго, обдуманнаго плана управленія.

Въ настоящее время высшее управленіе морскимъ вѣдомствомъ сосредоточивается въ лицѣ Генералъ-Адмирала, который имѣетъ главнымъ помощникомъ собственно по Морскому Министерству Управляющаго онымъ. Приказанія Генералъ-Адмирала, касающіяся личнаго состава флота, движеній судовъ и части строевой передаются Генералъ-Адмираломъ непосредственно Директору Инспекторскаго Департамента и въ Инспекторскомъ Департаментѣ дѣлаются распоряженія къ объявленію онымъ по флоту.

Генералъ-Адмиралъ назначаетъ какія суда должно строить, гдѣ именно, по какимъ чертежамъ, набираетъ строителей и назначаетъ къ какому времени они должны быть готовы, а затѣмъ всѣ хозяйственныя распоряженія по заготовкѣ запасовъ, кораблестроенію, изготовленію механизмовъ и пр. производятся Управляющимъ Министерствомъ совершенно самостоятельно. Техническою частью занимается особый Комитетъ, журналы коего предетавляются Генералъ-Адмиралу съ мнѣніемъ Управляющаго Министерствомъ и Генералъ-Адмиралъ рѣшаетъ дѣло.

Генералъ-Адмиралъ назначаетъ какія суда, когда и на сколько времени слѣдуетъ послать въ море и набираетъ адмираловъ и капитановъ, а Управляющій Морскимъ Министерствомъ совершенно самостоятельно дѣлаетъ всѣ нужныя распоряженія къ снабженію ихъ всѣмъ необходимымъ. Тотъ же порядокъ соблюдается въ отношеніи къ гидрографическимъ работамъ.

Донесеніе [черновое] нижегородскаго губернатора министру внутр. дѣлъ, о пребываніи имп. Николая I въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Его Высокопревосходительству Господину министру внутреннихъ дѣлъ.

Неожиданно былъ осчастливленъ Нижній-Новгородъ Высочайшимъ посѣщеніемъ Его Императорскаго Величества. По предварительному увѣдомленію предположено было ожидать Его Величество 16 числа. Государь изволилъ пріѣхать къ неописанной всѣхъ радости и ко всеобщему восторгу народа, ранѣе чѣмъ ожидали. Лишь только успѣлъ присказать казачій офицеръ отъ плаца-баума и сказать, что Государь изволилъ уже выѣхать, какъ громогласное ура! возвѣстило, что Государь уже здесь.

Государь изволилъ выдти изъ коляски на площади и идти пѣшкомъ тихо къ карауду приготовленному изъ безсрочно отпускныхъ Гвардейскихъ салдатъ и осмотрѣвши оный сквозь тѣснившейся огромной массы до милліона (?) людей, при безпрестанномъ крикѣ ура, изволилъ войти во Дворецъ. Я имѣлъ щастіе сопровождать его. Свита же Его Величества постепенно пріѣзжала.

На другой день послѣ утреннаго рапорта въ—часовъ утра Государь изволилъ отправиться въ ярмарочный соборъ; гдѣ Е. В. встрѣченъ былъ преосвященнымъ нижегородскимъ съ духовенствомъ, и изволилъ въ соборѣ слушать Божественную литургію, которую совершалъ оный преосвященный; послѣ литургіи назначенъ былъ смотръ безсрочно-отпускнымъ, но за непастною погодою отложенъ до другаго дня. Государь изволилъ возвратиться во дворецъ и въ 12 часовъ я имѣлъ счастіе представлять Его Величеству чиновниковъ Губернскаго управленія, засимъ купечество нижегородское и ярмарочное. Послѣ представленія, какъ погода была ненастная и обозрѣвать работы земляныя казалось ей такое время и

по великой грязи неудобно, то Его Величеству угодно было въ экипажѣ нѣкоторыя изъ оныхъ до назначеннаго къ тремъ часамъ обѣда вагзанутъ, для чего и изволилъ отправиться съ Графомъ Толемъ и со мною; но по мѣрѣ обозрѣнія Государь всемилостивѣйше находя угоднымъ произведенныя работы видѣть, на многія изволилъ выходить изъ коляски, и постепенно продолжая смотръ отъ одной работы къ другой Государь изволилъ обозрѣть во всей подробности всѣ, а именно, набѣрежную Оки, Зеленскій съѣздъ, площадь Ивановскую, мѣсто для казармъ въ Живоносновской улицѣ, мѣсто для дома Военнаго Губернатора. Здѣсь Государь изволилъ долго *любоваться красотою* мѣстоположенія, и изволилъ отдать новыя на щетъ постройки сего дома приказанія, какову постройку высочайше повелѣно начать съ будущаго года, и на оную отпущено кромѣ прежде ассигнованныхъ суммъ еще 200 т. рублей. Изъ Кремля Государь изволилъ смотрѣть вновь выпланированную и вымощенную у Дмитріевскихъ воротъ и противъ семинаріи площадь и бульваръ; потомъ огромные земляные работы волжскаго откоса, которые всѣ Государь изволилъ пройти пѣшкомъ, потомъ чрезъ весь городъ проѣхать къ верховью Похвалинскаго оврага вышедъ снова изъ экипажа спустившись пѣшкомъ по всему вновь устроиваемому здѣсь съѣзду: то по сколькимъ отъ мокроты доскамъ, то по глубоко вязкому грунту. Государь изволилъ такимъ образомъ выдти къ планкоутному мосту, откуда изъ коляскѣ Его Величество возвратился во дворецъ; при семъ обозрѣніи въ концѣ онаго и потомъ въ послѣдующіе дни Государь Императоръ неоднократно изволилъ всемилостивѣйшими выраженіями изъявлять Монаршее удовольствіе мнѣ и Директору работъ инженеръ полковнику Готмачу. Въ четыре часа былъ у Его Величества обѣденный столъ, къ которому приглашены были кромѣ свиты, всѣ генералы, губернскій предводитель дворянства, сенаторъ князь Гагаринъ, который того утра представлялъ въ числѣ нижегородскаго дворянства, изъ числа отставныхъ дворянъ генералъ-лейтенантъ Котлубицкій, генералъ-маіоры: Григорьевъ, Шереметевъ, Мастронъ, и дѣйст. статскіе совѣтники *Улыбышевъ* и Рефиндеръ, изъ коихъ послѣдній за болѣзнію не могъ имѣть щастія быть у стола. Въ вечеру послѣ вечерняго рапорта Государь удостоить меня изволилъ работать со мною болѣе часа.

17-го числа въ 10 часовъ утра, послѣ рапорта по волѣ Государя я имѣлъ щастіе представлять Его Величеству находящихся здесь разноплеменныхъ купцовъ и людей, а именно Армянъ, Астраханскихъ, Тифлисскихъ и Кизлярскихъ, Татаръ Казанскихъ и Касимовскихъ, Закавказскихъ жителей, Дагестанскихъ и Ширванскихъ, Бухарцевъ; наконецъ Мордву, Черемисовъ и Чувашей, со всѣми Государь изволилъ долго говорить. Вмѣстѣ съ симъ, изъ той же залѣ собраны были всѣ пришедшіе сюда, изъ коихъ многіе собственно для того, чтобы видѣть Государя, отставные салдаты. Его Величество съ особенною милостію привѣтствовавъ ихъ говорить изволилъ со многими и всѣмъ приказалъ выдать награжденіе.

Послѣ сего Государь ощастлививъ меня повѣленіемъ ѣхать съ Его Величествомъ въ коляскѣ, изволилъ отправиться къ Московской заставѣ, гдѣ при собраніи всѣхъ жителей города выстроены были безсрочно-отпускные нижніе чины Нижегородской и Владимирской губерніи; 86 мундировъ были въ строю сего, радость видѣть еще Государя живо выражалась на лицѣ каждаго изъ заслуженныхъ салдатъ сихъ; по первому призыву далеко до назначеннаго срока прибывшіе старики съ неизъяснимымъ усердіемъ брались снова и въ послѣдній можетъ быть разъ въ жизни за оружіе, естественное весьма чувство при неожиданномъ возвратѣ того что было предмѣтомъ цѣлой жизни и восхищавшая ихъ мысль угодить Государю придавая преклоннымъ лѣтамъ новые силы и видя ихъ строй нельзя было повѣрить, чтобъ эти люди болѣе двухъ лѣтъ пахали землю, занимались ремеслами, торговлею, работами. Государь изволилъ быть весьма доволенъ окружжнь себя ими, благодарялъ за прежнюю службу, говорялъ съ ними долго и приказалъ распустить. Въ 12 часовъ Его Величество изъ Кремлѣ изволилъ смотрѣть баталіонъ 4 Учебнаго карабинернаго полка, казармы онаго какъ прежніе такъ вновь построенные и строющіеся; пожарную команду; вездѣ Государь изволилъ быть доволенъ. Послѣ пожарной команды Государь вошелъ на городовую стѣну, гдѣ долго опять любовался видами, приказалъ здѣлать проэктъ, отдѣлать днѣ крѣпостныя башни для покоевъ одну Государя, а другую ближнюю для Государыни Императрицы и высочайше повелѣть изволилъ наименовать башни сіи Николаевскою и Александровскою. Послѣ сего Его Величество снова изволилъ отправиться на мѣсто для губернаторскаго дома назначенное, показывалъ оное и прелестные окрестности Графу Канкрину, и далъ изволилъ на постройку дома повеленіе; потомъ возвратясь во дворецъ и мало погодя Государь съ Графомъ Канкриномъ изволилъ отѣхать всю ярмарку и прилегающій къ оной Кунавинскій кварталъ, останавливаясь у каждаго ряда. Государю угодно было входить во всѣ подробности, которыя я имѣлъ щастіе Его Величеству докладывать; при семъ случаѣ Государь изволилъ удостоить посѣщеніемъ лавку Московскаго Головы Колесова; долго былъ опять въ соборѣ, гдѣ лично дать изволилъ приказаніе Губ. Архитектору, сдѣлать проэктъ новаго иконостаса и какъ оному быть руководство, показывалъ Графу Канкрину вновь отдѣланную прошлаго году въ семъ соборѣ бывшую на выставкѣ въ Москвѣ великолѣпную серебряную кованую одежду *престола;* потомъ продолжая обозрѣвать всѣ ряды, Его Величество посѣтить изволилъ мечеть, гдѣ магометанское духовенство совершило въ присудствіи Государя многолѣтіе и по окончаніи обзора Гостинаго двора и всѣхъ балагановъ Государь возвратился въ свои покои. Въ 3 часа былъ у Его Величества обѣденный столъ, къ которому приглашены были свиты, инспекторъ резервной пѣхоты генералъ-лейтенантъ Скобелевъ и я имѣлъ щастіе быть.

18 числа въ 10 часовъ утра Государь изволилъ принять меня съ рапортомъ;

послѣ чего я имѣлъ щастіе представить Его Величеству игумению Нижегородскаго Крестовоздвиженскаго монастыря, которая поднесла Государю Императору и Государю Наслѣднику два образа, потомъ Его Величество поѣхалъ въ Кремль, гдѣ изволилъ смотреть Нижегород. Внут. Гарнизонный батальонъ, и Государь былъ доволенъ. Послѣ смотра я имѣлъ щастіе сопровождать Его Величество по всѣмъ заведеніямъ. Государь изволилъ обозрѣвать Мартыновскую больницу и вновь строющееся зданіе больницы и богадѣльни, для умалишенныхъ, Училище дѣтей канцелярскихъ служителей, арестантскую казарму и людей въ арестантскую роту назначенныхъ, гражданскую больницу, рабочій и смирительный домъ, тюремный замокъ и гимназію. Во всѣхъ вѣреннаго мнѣ управленія заведеніяхъ Государь Императоръ изволилъ быть совершенно доволенъ, и меня ощастливить неоднократными всемилостивѣйшими изъявленіями удовольствія; въ больницѣ замка только Государь изволилъ найти несоотвѣтствующее съ тюремнымъ заведеніемъ несколько слишкомъ роскошно, Его Величество присемъ изволилъ сказать — и повелѣть нынѣ такъ оставить, а впредь вновь не дѣлать. Изъ Мартыновской больницы Государь еще разъ изволилъ ѣдить на Волгскій откосъ и проѣхать снова вновь отдѣланную часть онаго. По возвращеніи во дворецъ Его Величество изволилъ принять преосвященнаго нижегородскаго, потомъ Государь изволилъ работать съ Графами Толемъ и Канкриномъ. Я имѣлъ щастіе еще быть у Его Величества. Вскорѣ Государь изволилъ поѣхать къ мосту, и въ 3 часа съ четвертью Его Величество на пароходѣ изволилъ отправиться въ Казань. Я много видалъ великолѣпныхъ зрѣлищъ, но осмѣливаюсь сказать Вашему Высокопревосходительству, что подобнаго той минутѣ, какъ тронулся пароходъ видѣть рѣдко можно. Живописная мѣстность городской горы, безчисленное на мосту, на берегахъ, на крышахъ количество народа, до 13 тысячъ всякаго калибра на пристани судовъ покрытыхъ до верху мачтъ людьми, множество лодокъ въ слѣдъ за пароходомъ плывущихъ, и отвсюду продолжительное громогласное ура, все сіе было нечто слабымъ перомъ моимъ неизобразимое; мы жалѣли, что Вернетъ не доѣхалъ до Нижняго, его таланту достойной представился бы здѣсь въ сію очаровательную минуту предметъ.

Всемилостивѣйшими выраженіями простившись со мною, Его Величество ощастливить меня изволилъ словами: одно мнѣ еще осталось тебѣ приказать, продолжай все также, лучше нельзя, тебѣ много работы и тебѣ долго здѣсь должно оставаться.

Государь пожаловалъ мнѣ орденъ св. Анны 1-й степени съ Императорскою короною, полицмейстеру тотъ же орденъ съ короною 2-й степени, два частные пристава, не имѣвшіе еще прежнѣ пожалованы орденомъ Станислава 4-й степени и какъ симъ, такъ третьему и обоимъ слѣдственнымъ приставамъ всемилостивѣйше пожалованы годовые оклады жалованья. Генералъ Адлербергъ сказалъ

мнѣ, что начальнику и офицерамъ казачьяго отряда объявлено будетъ высочайшее благоволеніе, а нижнимъ чинамъ награда, но я приказа еще не читалъ.

Вашему Высокопревосходительству за особенный долгъ имѣлъ себѣ почтеннѣйше донести о всѣхъ подробностяхъ Высочайшаго смотра, всепокорнѣйше прошу извинить обширность настоящаго донесенія.

Письмо А. М. Безобразова К. И. Сукину, 16 декабря 1822 года.

Милостивый Государь
Константинъ Ивановичъ!

Великіе подвиги гражданъ во благо и славу отечества ознаменованные, достойны чести и уваженія не только среди современниковъ, но и въ позднѣйшемъ потомствѣ. Покойный Павелъ Григорьевичъ Демидовъ несомнѣнно имѣетъ право быть сопричисленнымъ къ кругу тѣхъ людей великихъ, коихъ дѣла содѣйствовали къ распространенію прямаго отечественнаго блага. Среди многочисленныхъ пожертвованій къ распространенію просвѣщенія имъ сдѣланныхъ въ пользу Московскаго Университета, Кіевской и Тобольской Гимназій и Харьковскаго Института, главнѣйшее благотвореніе кълито имъ на бѣдное юношество Дворянскаго достоинства Ярославской Губерніи. Въ Ярославлѣ изждиженіемъ его установлено училище Высшихъ наукъ Высочайшею волею украшенное его именемъ. Демидовскому училищу принесено имъ въ даръ 3617 душъ крестьянъ, 100,000 рублей капиталу, многочисленный Кабинетъ физическій и минеральный, значительное собраніе книгъ, эстамповъ и тому подобное. На сихъ основаніяхъ заведеніе сіе процвѣло и принесло плоды, вкушаемые Дворянскимъ юношествомъ, образующимся на службы Государственныя. Съ открытія училища съ 1805-го по 1822-й годъ воспиталося и образовалося 746 студентовъ и 833 пансіонера, и всѣ поступили въ различныя службы съ правами образованныхъ Дворянамъ предоставленными. Нынѣ обучается 76 студентовъ и 45 пансіонеровъ. Въ семъ состоитъ подвигъ Русскаго Дворянина, пламенѣвшаго прямою любовію къ отечеству!

Въ прошломъ году Іюля 1-го числа Демидовъ переселился въ вѣчность. Торжественная память была совершена въ заведеніи имъ установленномъ. Осиротѣвшіе юноши оплакивали своего благотворителя, отцы ихъ вовсылали чистѣйшія молитвы ко Всевѣдущему, да осенитъ милосердіемъ своимъ того, котораго благодѣянія основали благодетельство въ семействахъ Дворянъ бѣдныхъ не имѣвшихъ средствъ содѣлать приличнымъ образованіемъ дѣтей своихъ достойными званія, рожденіемъ имъ предоставленнаго. Среди-то сего событія наличное Дворянство Ярославской Губерніи, съ полнотою сердецъ благодарныхъ, учинило Актъ о сооруженіи памятника Демидову, который и позднѣйшему потомству возвѣщалъ бы великій подвигъ Русскаго Дворянина Ярославской Губерніи.

Я имѣлъ счастіе доводить до Высочайшаго Его Императорскаго Величества свѣденія о семъ желаніи наличнаго Дворянства Ярославской Губерніи подписавшихъ Актъ и осчастливленъ Всемилостивѣйшимъ Рескриптомъ на имя мое послѣдовавшимъ съ препровожденіемъ рисунка памятнику Высочайше утвержденнаго. Сообразно съ сею Высочайшею волею Всемилостивѣйшаго Государя Императора нынѣ предположеніе таковое приводится въ подлежащее исполненіе, и какъ до свѣденія моего доходитъ, что многія изъ почтенныхъ Дворянъ изъ Губерніи пребывающія, по неприсутствованію въ бывшемъ собраніи при совершеніи памяти Демидову, не извѣщены со всею полнотою, въ чемъ будетъ состоять памятникъ, и какія мѣры приняты къ исполненію сего предположенія Дворянства; а потому пріятнымъ долгомъ себѣ вмѣняю исполнить сію обязанность и довѣсти до сведенія Вашего Милостивый Государь: 1-е) Памятникъ состоять будетъ изъ мѣдной колонны, которой вышина съ піедесталомъ 28 аршинъ. 2-е) На одной сторонѣ памятника будетъ слѣдующая Высочайше утвержденная надпись: Благодарное Дворянство Ярославской Губерніи Павлу Григорьевичу Демидову, покровителю просвѣщенія и основателю училища Высшихъ наукъ въ Ярославлѣ; съ другой гербъ Демидова и годъ сооруженія памятника; съ третей изъ кратцѣ изложено будетъ описаніе ознаменованныхъ Демидовымъ подвиговъ на пользу отечественнаго просвѣщенія; а съ четвертой на бронзовой доскѣ выгравируются имяна тѣхъ почтенѣйшихъ Дворянъ, кои приняли участіе въ сооруженіи памятника. 3-е) Памятникъ предположено вылить мѣдной и къ славѣ Губерніи въ самомъ Губернскомъ Городѣ, Ярославскимъ литейнымъ мастеромъ Чарышниковымъ въ дѣлѣ семь упражняющимся. Къ сему дѣлу уже всѣ пріуготовленія учинены и самая форма устраивается.

Исполняя симъ долгъ обязанности Высочайшею волею и довѣріемъ Ярославскаго Дворянства на меня возложенной, и долгомъ себѣ вмѣняю удостовѣрить Васъ Милостивый Государь, что порученіе, каковое угодно будетъ Вамъ мнѣ сдѣлать по участію, какое принять изволите въ предположенномъ сооруженіи памятника, исполнено будетъ со всею точностію и послужитъ знакомъ довѣрія Вашего ко мнѣ, которое оправдать во всякомъ случаѣ почту пріятнѣйшею для себя обязанностію.

Съ истиннымъ почитаніемъ и таковою же преданностію имѣю честь быть
Милостивый Государь
Покорнѣйшимъ слугою
Александръ Безобразовъ.

№ 1921.
16 Декабря 1822.
Ярославль.
Его Благородію К. И.
Сукину.

Два донесенія А. Гедеонова В. Ѳ. Адлербергу, 26 іюня и 17 декабря 1846 года.

О происшествіи по Московской Дирекціи 19 іюня.
Доложено Его Величеству 27 Іюня 1846 Генерал-Адъютантомъ Адлербергомъ.

Контора Московскихъ театровъ доноситъ мнѣ, что приставъ Тверской части увѣдомилъ Московскую Дирекцію, что 19-го числа сего Іюня во 2-мъ часу пополудни, отставной поручикъ Эрастъ Алексѣевъ Винтреновскій, пришедшую къ нему, по любовной съ нимъ связи Актрису Московскихъ театровъ Александру Алиску застрѣлилъ изъ пистолета въ животъ пулею на вылетъ; но которая находится въ живыхъ. Въ слѣдъ за симъ изъ другаго пистолета выстрѣлилъ въ себя и вскорѣ умеръ. О каковомъ происшествіи долгомъ имѣю Вашему Императорскому Величеству всеподданѣйше донести.

Директоръ Императорскихъ Театровъ *Гедеоновъ.*

№ 297.
„26“ Іюня 1846.

Министерство Императорскаго двора.
Дирекція Императорскихъ театровъ *)
въ С. Петербургѣ.
„17“ Декабря 1846.
№ 878.
Къ свѣдѣнію 22 декаб. 1846.

Милостивый Государь
Владиміръ Ѳедоровичъ.

Контора Московскихъ театровъ доноситъ мнѣ что во время представленія на Большомъ Театрѣ 11-го ч. сего Декабря Бенефиса актера Бантышева, въ Интермедіи, упали изъ Литерныхъ ложъ два яблока, одно въ оркестръ подлѣ Дирижера, а другое закушенное въ третій рядъ креселъ. О произшествіи семъ вѣроятно Московская Полиція неоставитъ произвести слѣдствіе. Не имѣя причинъ думать чтобы яблоки были брошены съ какимъ либо намѣреніемъ, потому что Литерныя ложи, на которыя указывается, занимались знакомыми людьми бенефиціанту Бантышеву человѣку извѣстному хорошею нравственностію, и во время паденія ихъ, нѣтъ находящійся нынѣ въ Москвѣ пѣвецъ Петербургской оперы Артемовскій, вообще въ Москвѣ понравившійся, то я полагаю случай этотъ скорѣе неосторожностію, нежели злоумышленіемъ, но

Его Высокопре-ву В. Ѳ. Адлербергу.

*) Напечатано.

какъ вѣроятно Полиція сдѣлаетъ по оному отъ себя донесеніе, то поставляю долгомъ и съ своей стороны сообщить о томъ на благоусмотрѣніе Вашего Высокопревосходительства.

Примите, Милостивый Государь, увѣреніе въ моемъ отличномъ почтеніи и совершенной преданности.

А. Гедеоновъ.

Дѣло актрисъ Вольнисъ и Дю-Плесси, 1847 года.

Министерство
Императорскаго
Двора.
Дирекціи
Императорскихъ
Театровъ.
С. Петербургъ.
10 Іюля 1847.
№ 463.

Высочайше повелѣно объявить актрисамъ Вольнисъ и Дю-Плесси, что позволяется привезти нужные вещи для собственнаго ихъ туалета, только при первомъ ихъ пріѣздѣ и не въ большомъ количествѣ; и потому нельзя имъ провезти безъ пошлины привезенные вещи особенно мебели и матеріи для комнатъ, если не хотятъ платить пошлину, то могутъ вещи отослать обратно.

11 Іюля 1847.

Господину Министру
Императорскаго Двора
Директора Императорскихъ Театровъ.
Рапортъ.

Актриса французской труппы Вольнисъ проситъ объ исходатайствованіи безпошлиннаго пропуска оставленныхъ въ Таможнѣ матерій привезенныхъ ею изъ-за границы для своего гардероба и мебели потребной для домашняго употребленія. Представляя письмо Вольнисъ по сему предмету въ подлинникѣ на благоусмотрѣніе Вашей свѣтлости, честь имѣю донести, что по Высочайшему повелѣнію объявленному Г-ну Министру Финансовъ въ отношеніи Г-на Генералъ-Адъютанта Адлерберга отъ 22-го ч. Іюля 1845-го г. представлено вновь ангажируемымъ къ здѣшнимъ Театрамъ актрисамъ, пѣвицамъ, и танцовщицамъ, привозить съ собою безпошлинно платья, матеріи и прочіе необходимые для сцены предметы. На основаніи чего Г-м Министромъ Финансовъ и дано разрѣшеніе изъ вещей Актрисы Вольнисъ пропустить безпошлинно матеріи и вообще всѣ предметы необходимые для туалета, за исключеніемъ 5 пудовъ 9 фунтовъ шелковой одноцвѣтной матеріи фасоне, одного пуда кембрика, одного пуда 8 фунтовъ тюлю, одного пуда 14 фунтовъ лентъ шелковыхъ, одного пуда бумаги писчей, и двухъ фунтовъ нюхательнаго табака. Каковые предметы по роду и количеству своему должны быть отнесены къ разряду товаровъ; почему Г-н Министръ Финансовъ и не считаетъ себя вправѣ безъ особаго Высочайшаго разрѣшенія допустить сіи вещи къ безпошлинному

пропуску, равно какъ и принадлежащую Вольнисъ мебель, которая не подходитъ подъ ограниченное Высочайшее повелѣніе 22 Іюля 1845 г.

Актриса Вольнисъ съ своей стороны оправдываетъ привозъ всѣхъ сихъ вещей тѣмъ, что будучи ангажирована на службу къ здѣшнимъ Театрамъ на четыре года, она сочла для себя необходимостію запастись на все это время всѣми по возможности сценическими для себя потребностями въ соразмѣрномъ количествѣ, а мебель необходима ей для домашняго устройства.

Признавая вообще справедливость показанія актрисы Вольнисъ, я и съ своей стороны долгомъ поставляю присовокупить, что по занимаемому ею амплуа, для нея дѣйствительно необходимо имѣть большой запасъ гардеробныхъ матерій и принадлежностей, при той роскоши, какая по сему предмету существуетъ на нашемъ Театрѣ. Равномѣрно нельзя отвергнуть неоходимости и въ мебели для домашняго ея устройства, ибо не зная никого въ Россіи, для нее было бы гораздо затруднительнее заводить свое хозяйство здѣсь, нежели перевести то, какое уже имѣла въ своемъ отечествѣ. И какъ притомъ я твердо увѣренъ, что все привезенное актрисою Вольнисъ принадлежитъ ей, и вывезено ею единственно только для собственнаго ея употребленія;—то по уваженію сего и по бывшимъ примѣрамъ для другихъ первоклассныхъ артистокъ, имѣвшихъ при первоначальномъ пріѣздѣ своемъ изъ Россію разрѣшенія на пропускъ безпошлинно всѣхъ вещей своихъ, испрашиваю объ исходатайствованіи таковой же Высочайшей милости и для актрисы Вольнисъ, коей первоклассный талантъ по всей справедливости заслуживаетъ особаго вниманія. Вмѣстѣ съ симъ имѣю честь донести Вашей Свѣтлости, что находящаяся изъ отпуску за границею актриса Плесси прислала сюда на пріѣздъ ранныя принадлежащія ей туалетныя вещи, которыя также не пропускаются безпошлинно, потому, какъ увѣдомляетъ меня Г-н Министръ Финансовъ, что вышепомянутымъ Высочайшимъ повелѣніемъ поставлено пропускать безпошлинно матеріи, платья и прочіе необходимые для сцены предметы, привозимые *вновь ангажируемыми* актрисами, а Г-жа Плесси находится въ чужихъ краяхъ въ отпуску, и притомъ ей выданы уже были безпошлинно въ прошедшемъ году съ Высочайшаго разрѣшенія привезенныя изъ за границы необходимыя матеріи для платьевъ. Сей вторичный привозъ актрисою Плесси изъ за-границы туалетныхъ вещей для себя, хотя по точному значенію вышеизображеннаго Высочайшаго постановленія 22 Іюля 1845-го г. и не можетъ относиться къ тому праву какое предоставляется симъ постановленіемъ на привозъ вещей иностранными артистами, но какъ вещи присланныя нынѣ отъ Плесси принадлежатъ къ собственному ея гардеробу, который по занимаемому ею амплуа, необходимо долженъ быть въ большомъ разнородномъ количествѣ, то по уваженію сего, не признаете ли Ваша свѣтлость возможнымъ, исходатайствовать Высочайшее соизволеніе на безпошлинный про-

пускъ вещей и для сей Актрисы нынѣ привезенныхъ. Но при этомъ я полагаю что нынѣшняя присылка вещей отъ Плесси есть только часть ея гардероба, который намѣревается она искупить за-границею, и потому вѣроятно будетъ отъ нея присылка вещей еще и въ послѣдствіи, ибо отпускъ ея нескоро еще окончится. Но во всякомъ случаѣ могу заѣрантъ что всѣ вещи привезенныя Актрисою Вольнисъ для 4-хъ лѣтняго ангажемента, пойдутъ на собственное только сей Актрисы для себя употребленіе, а не на продажу; и по обширности репертуара Плесси и Вольнисъ необходимы имъ въ томъ количествѣ въ какомъ выписываются.

По Таможнѣ же вынѣшиваются онѣ съ ящиками и картонами въ которыхъ находятся, и какъ притомъ шелковая матерія и сама по себѣ слишкомъ вѣсока, то все это вмѣстѣ и составляетъ довольно значительное количество вѣса.

Директоръ Императорскихъ Театровъ *Гедеоновъ.*

Excellence,

Pardonnez moi de venir vous importuner au sujet des objets que j'ai rapportée de France, et que la douane me retient en ce moment; vous avez daigné me dire le premier Juillet à Peterhoff, que le ministre des finances avait donné l'ordre de laisser entrer mes meubles, mes etoffes, mes toilettes, et mes objets de théatre, pardonnez si j'insiste, mais la douane n'ai encore reçu aucun avis! la situation devient désastreuse pour moi, chaque jour de retard est pour mes interets une perte incalculable; en signant mon engagement en France, mon camarade Bressant, le correspondant Collignon, m'ont dit d'apporter tout ce qui me sera nécessaire pour mes quatre années, que L'Empereur, beinvaillant protecteur des artistes, leur accorde toujours cette haute faveur la première année; forte de ces paroles, j'ai signé mon engagement, payé aux français mon Dédit de 24 mille francs, et fait des achats considérables! à mon arrivée ici, ne voyant point venir mes caisses par le voiliер, vous savez Excellence que je n'ai pas reculé devant les enormes dépenses pour mes toilettes, qu'il a fallu faire, quoique cependant j'aie tout cela derrière moi, vous conviendrez vous même que tout ici pour le theatre est hors de prix! moi, femme d'ordre et rangée, jugez de ma douleur en ce moment! Je suis au bout de mon courage, et de mes dépenses. Samedi et dimanche nous devons jouer des pièces qui exigent beaucoup de toilettes, je ne puis, ayant mes objets ici, recommencer ce que je fais depuis 5 semaines, et je serais désolée d'entraver vos projets de spectacles. Mes meubles aussi sont arrivés, et je ne puis les avoir! J'ai loué un appartement, et paye le double à l'hôtel.

Au nom du Ciel, Excellence, vous si bon, si bienveillant, veuillez me sortir de cette triste alternative, je vous le répéte, chaque jour de retard m'est bien funeste! les caisses ont été visitées ces jours ci à la douane, elles sont mal refermées,

l'humidite peut faire des dégats irréparables, je ne suis pas riche, je suis artiste, j'ai fait de grandes dépenses pour mes toilettes de théatre sachant qu'ici c'est un luxe auquel on tient beaucoup, un mot en ma faveur Excellence pour qu'un seul ordre me fasse rendre à la fois tout ce que j'ai cité plus haut dans ma lettre.

Je viens de parler bien longtemps, j'abuse de votre bonté, excusez je vous prie, mais pur grace sortez moi au plus vite de cette pénible situation!

Veuillez agréer Excellence, l'assurance de ma sincère reconnaissance et de mon profond dévouement.

Leontine Fay Volnys.

9 Juillet 1847 St Petersbourg.

Письмо актрисы Дю-Плесси Гедеонову, 10 сентября 1849 года.

10 Septembre 1849

Excellence,

Je suis revenue, comme vous le savez, mardi dernier à St. Pétersbourg. Hier vendredi je me suis présentée au comptoir pour toucher ce qui m'est du depuis mon départ. On m'a répondu qu'il y avait ordre de ne pas payer et que mes appointements étaient supprimés pendant mon congé.

Votre Excellence me permettra de remettre sous ses yeux les termes du contrat qui me lie depuis le 27 Août 1845 avec la direction des théatres Impériaux.

Ce contrat porte article 5:

„En consequence de ces clauses fidèlement remplies, il sera payé à M-me „Arnould-Plessy par la direction Impériale, pour chaque année de la durée du présent „engagement la somme de trente cinq mille roubles assignation payables par sixième „de deux mois en deux mois, suivant l'usage."

Et plus loin:

„Enfin pour derniere clause du présent traité, il est accordé à la contractante „un congé de deux mois et demi qui commencera chaque année le 15 mai et finira „le 31 Juillet."

Relativement à l'époque de mon retour cette année, votre Excellence voudra bien se rappeler que l'été dernier, sur sa demande, je suis restée à St. Petersbourg, et que mon congé de 1848 s'est ajouté à celui de 1849.

Vous voyez, Excellence, que les termes de mon contrat sont absolus et que le congé n'implique aucune retenue d'appointements puisqu'il est dit expressement dans l'article 5 que les conditions de mon engagement sont, outre les feux et une repré-

sentation à bénéfice, trente cinq mille roubles assignation d'appointements par an. Si mon congé annuel avait du entrainer la suspension d'une partie de mes appointements, cette clause aurait été assurément spécifiée en termes formels et précis à l'article, qui concerne le congé. En effet, dans tout engagement d'un artiste avec un théâtre, un congé stipulé par contrat a toujours et sera toujours, sauf réserve expresse, regardé comme un droit dont on jouit sans conditions.

Lorsque je faisais partie du théâtre français de Paris, j'avais par contrat un congé annuel à l'expiration duquel je touchais mes appointements échus pendant mon absence et je puis affirmer à votre Excellence, que jamais, et dans aucun théâtre, on n'a interprété autrement les engagements des artistes. Il y a plus, dans le cas dont il s'agit, je puis invoquer pour moi le bénéfice du passé, l'exécution de mon contrat telle qu'elle a été entendue par vous et par moi quand je me suis engagé avec la direction Impériale, et rappeler à votre Excellence que cette nouvelle mesure, que je me permets de discuter, ne saurait m'atteindre, puisque contrairement à un principe reconnu et pratiqué de tout temps et partout, elle aurait un effet rétroactif. Votre Excellence voudra bien se souvenir que deux fois déjà j'ai pris le congé annuel stipulé dans mon contrat, et que deux fois les appointements échus pendant mon absence m'ont été payés sans difficulté, en vertu des termes de mon engagement.

Je suis persuadée qu'en présence du texte de mon contrat et de la maniere dont il a été exécuté jusqu'a ce jour, votre Excellence reconnaitra la justice de ma réclamation.

Agréez l'assurance de ma haute considération

Arnould-Plessy.

Прошеніе Л. Асенковой на высочайшее имя, 3 марта 1850 года.

Ваше Императорское Величество!

Вамъ пишетъ дѣвушка, бѣдная, неимѣющая никакого права на высокое вниманіе Государя, но движимая надѣждою что письмо ея достигнетъ цѣли, хотя бы потому только что она сестра артистки Асенковой, которая при жизни своей неоднократно была осчастливлена милостями Вашего Величества.

Государь! у меня нѣтъ какъ у покойной сестры моей, таланта, который бы далъ мнѣ возможность пріобрѣсть имя артистки, но у меня, какъ у всякой женщины, есть сердце умѣющее любить, между тѣмъ женихъ мой Коллежскій Секретарь Ленцъ (служащій изъ Горнова Департамента Министерства Финансовъ) также человѣкъ безъ всякаго состоянія и безъ всякой возможности вести жизнь женатаго человѣка.

Положеніе мое грустно, безотрадно, вся надежда моя на Васъ Государь! Имя покойной сестры моей, которое ношу я, и чувство, которымъ полно мое сердцѣ, подали мнѣ мысль прибѣгнуть къ Вашему Величеству; дерзость моя велика, но велико и милосердіе Монарха, на которое, послѣ Бога, единственно уповаю.

Вашего Императорскаго Величества

Всеподданнѣйшая раба

Любовь Асенкова.

3-го Марта 1850-го.

Жительство имѣю: въ Колокольной улицѣ, близъ Владимірской церкви въ Домѣ Зиминой № $^{111}/_{4}$.

Высочайше повелѣно напередъ узнать о поведеніи просительницы и гдѣ воспитывалась? 5 Марта 1850.

Выдано въ пособіе 150 рублей).*

Печатное объявленіе дирекціи Одесскаго театра.

Объявленіе отъ театра.

Дирекція Одесскаго театра считаетъ обязанностію своею просить посѣтителей театра, во время пребыванія Ихъ Императорскихъ Величествъ, не стучать палками въ театрѣ вмѣсто апплодированія, и воздержаться отъ слишкомъ громкихъ выраженій своего удовольствія, равнымъ образомъ не вызывать актеровъ и не заставлять ихъ повторять пропѣтыя ими пьесы, потому что имъ приказано никогда не повторять музыкальныхъ пьесъ въ операхъ.

Avis du théatre.

La Direction du Théatre a l'honneur de prévenir le public, que durant le séjour de LL. Majestés Impériales, on est prié de ne pas frapper avec les cannes, au lieu d'applaudir, de ne pas exprimer bruyamment sa satisfaction, de ne pas appeler les acteurs sur la scène, et de s'abstenir de leur crier *bis*, car il leur est ordonné une fois pour toutes de ne pas répéter les morceaux de musique.

Avviso del teatro.

La Direzione del Teatro, ha l'onore di prevenire il Pubblico, che durante il soggiorno delle Loro Maesta Imperiale si è pregato di nor pestar con le canne, invece d'applausi, di non esprimere strepitosamente sua contentezza, di non chiamar fuori li attori in scena, e di ritenirsi di gridare *bis*, perchè li è per sempre interdetto di ripetere i pezzi di canto.

---

*) Написано карандашомъ.

Три письма М. Щербинина, 1828 года.

Odessa le 16 Juillet 1828.

Reçu le 31 Juillet pres de Choumla.)*

Cher Prince, grondez moi, appellez moi un bavard, un importun, un facheux; tout ce que Vous voulez; mais je ne saurais retenir ma plume qui brule de Vous exprimer combien j'ai été rejoui de la nouvelle que Vous avez reçu une croix.

Agréez en mes felicitations les plus sincères ainsi que les voeux que je fais que Vous receviez celle de St. Georges, et que Vous nous reveniez bientot couvert de lauriers et de gloire. Le peu d'instants que j'ai passé ici avec Vous, me fait desirer que cette époque soit prochaine, et qu'a la fin de cette belle campagne, Vous soyez rendu à Votre famille à l'affection de la quelle Vous aurez acquis de nouveaux droits par Vos exploits. C'est la Princesse Sophie qui m'a annoncé la récompense qui Vous a été accordée et très certainement jamais meilleure nouvelle ne m'est parvenue plus agréablement. Je ne puis m'empecher de Vous enviez le bonheur de pouvoir Vous distinguer sur le champ de l'honneur. Voler au combat était ce que j'ambitionnais dès mon enfance; l'amour de la guerre s'est eveillé en moi avec plus de force à l'ouverture de cette glorieuse campagne, et lorsque je me vois croupissant sur des papiers tandis qu'un millier de braves versent noblement leur sang pour la patrie, j'en accuse le destin, ce tyran qui a été si constant à me poursuivre dès ma naissance et ne cessera de me faire gémir sous ses coups jusqu'a ma mort. Que faire, me résigner, voilà tout ce qui m'est reservé. En attendant pour faire diversion à mes chagrins et me distraire, je vais quelquefois chez l'aimable Maрія Антоновна à laquelle Vous m'avez presenté. Sa societé charmante assaisonnée de saillies fines et spirituelles sert à former mon jugement et mon coeur, elle me demande souvent de Vos nouvelles en ces termes: „А что Милостивый Господинъ, здоровъ ли нашъ милый и любезный адъютантъ? Скоро ли къ намъ будетъ." Comme Vénus n'est pas la seule deesse à qui elle aye consacré son culte, et que Bacchus a l'honneur de le partager, Maрья Антоновна est souvent delicieuse et Vous auriez beaucoup de plaisir à jouir de sa conversation. Mais j'apperçois très cher Prince, que j'abuse de Votre patience, et que je puis fort bien finir par Vous ennuyer, je me tais donc en Vous suppliant dans le tourbillon de la gloire, de Vous rappeller un instant du modeste anachorète d'Odessa dont les voeux pour Votre bonheur Vous suivront dans les combats et à la victoire, et que termine par ce vers d'une romance fort connue.

„Distinguez Vous, mais ne m'oubliez pas."

Oui, cher et bon Prince, distinguez vous, cueillez des lauriers, mais n'oubliez pas

Votre très humble et fidèle serviteur

M. Scherbininn.

P. S. Si Vous avez quelques ordres à me donner, je serai heureux de les executer.

*) Написано другой рукой.

Camp sous Warna le 17 Aout 1828.

Reçu le 22 Aout.)*

Cher et excellent Prince, je ne me doutais nullement lorsque j'ai eu le plaisir de fumer paisiblement avec Vous à Odessa ou de conter des amabilités à Maрія Антоновна que c'est d'un camp, que je Vous adresserais ces lignes. La nomination du Comte à ce poste a été aussi précipité qu'inattendu; il a eu la bonté de me prendre avec lui et 24 heures après l'ordre reçu nous étions à bord la frégate le Standart,— 2 jours après nous nous trouvont sur une terre ennemie, et je Vous écris au bruit du canon. Je Vous ai écrit une longue lettre d'Odessa cher Prince, Vous n'y avez pas répondu; mais je ne Vous en veux pas; une petite place dans Votre amitié c'est tout ce que je demande. Depuis que je Vous ai écrit, j'ai eu le plaisir de voir votre frère Nicolas qui a passé quelques jours à Odessa. Vous savez surement l'alarme qui s'est répandue dans notre ville, mais qui bien heureusement etait fausse. On a répandu le bruit Dieu sait pourquoi, que Vous aviez été blessé très grièvement, tout le monde en a été affligé, quant à moi cher et bon Prince, vous pouvez concevoir combien j'en ai été affecté et combien ma joie était vive quand j'ai su que Vous étiez bien portant; j'ai attendu en vain quelques mots de Vous en réponse à ma lettre, mais à présent que nous sommes près j'espère que Vous me donnerez de Vos nouvelles.

Je ne puis Vous dire combien j'admire mon chef. Il a quitté le bureau du general gouverneur pour tirer le glaive; son sang froid sa resignation sont étonnantes. Je ferai tout mon possible pour ne pas le quitter d'un instant, et autant que je pourrai j'irai voir les opérations militaires. C'est un spectacle tout à fait nouveau pour moi et je suis fort aise de tater de la vie de camp. Adieu cher bon excellent Prince, je me recommande à Votre amitié; la mienne Vous est vouée pour toujours

Votre fidèle serviteur

M. Scherbininn.

*Reçu le 24 Sept: au camp de Choumla après mon voyage à Warna.**)*

Camp sous Warna le 13 Sept 1828.

J'ai été enchanté en recevant une lettre de Schoumla, de voir que c'etait de Vous, cher Prince, et que Vous ne m'aviez pas oublié comme je l'avais craint. Merci mille fois merci pour m'avoir tiré de ce doute. J'ai rempli Votre commission pour Votre frère Nicolas, qui est posté dans une redoute et que je vois presque tout les jours. Il m'a promis de Vous ecrire et il doit en outre par la premiere occasion Vous envoyer une montre, que l'Imperatrice a eu la bonté de lui donner

*) Написано другой рукой.

**) Написано другой рукой.

pour Vous être remise. Je crois même que c'est aujourd'hui qu'il doit remplir sa commission. Cette nuit, le Comte Diebitch vient d'arriver; nous avons des arrivants de tous cotés; si quelque bon vent Vous amenais aussi ici, combien je serais heureux!

Nos affaires ici vont très bien, la batterie de brèche joue avec succès, et il y a tout sujet d'espérer que la danse finira bientot. Votre frère Nicolas a déjà entendu le sifflement des balles et le roulement du canon; il brule du desir de se distinguer et de cuellir des lauriers. L'occasion s'en présentera certainement bientot.

L'Imperatrice a quitté Odessa le 9, et on dit, que la ville est devenue d'un ennui insupportable. Je continue à me plaindre extremement de la vie que je mene et supporte le climat parfaitement bien. Je ne cesse d'admirer mon chef, qu'ayant echangé la plume pour reprendre le glaive compagnon de ses beaux jours est revenu à son ancien métier comme s'il ne l'avait jamais quitté. Vous connaissez déjà certainement la malheureuse affaire des chasseurs de la garde; le coeur saigne en y pensant; il faut espérer, que nos troupes tireront une vengeance éclatante de cette mésaventure. Adieu cher et excellent Prince; je crains de Vous ennuyer par mon bavardaje et remets ma plume en faisant des voeux pour Votre bonheur et Vos succés dans la carrière de Mars comme dans celle de l'amour, et Vous priant de Vous rappeller quelquefois de Votre plus devoué et plus fidèle serviteur

M. Scherbininn.

Письма генерала Ѳ. И. Соймонова, 1853—1854 гг.

13 Октября 1853 года близъ Журжи.

С. Фратештидевале, Валахія.

Доброй другъ милой братъ Михаилъ Владимировичъ и милая сестра Дарья Александровна,—увѣрень что вы не сердитесь за долгое мое молчаніе и простите что по множеству хлопотъ и отдаленію отъ русской почты нѣтъ возможности писать такъ часто къ вамъ какъ бы хотѣлось. Знаю, что мои изъ Кишинева, время отъ времяни извѣщаютъ васъ, и о себѣ и о насъ. Я и Николай слава Богу здоровы—ожидаемъ въ гости милыхъ нашихъ сосѣдей, Саидъ пашу и Исмаилъ Бея онѣ живутъ въ Рущукѣ и мы въ Журжѣ—рѣка Дунай насъ раздѣляетъ—правовѣрныя сидятъ въ бесѣдкѣ, курятъ трубки, пьютъ кофей—и съ утра до ночи ѣзжаютъ на мои передніе баталіоны, распуская слухъ что самъ Омеръ по прибытіи на диихъ въ Рущукъ пожалуетъ ко мнѣ въ гости—чтожъ милости просимъ, гостямъ рады и приличное угощеніе давно готово—и кажется на первой разъ достаточно, со мною теперь въ авангардѣ Донской № 40 полкъ,

Гусарской Наслѣдника Цесаревича, Конная № 8 батарея, 7 баталіоновъ Егерей 4 бат. Томскихъ и 3 Колыванскихъ, 2-я батарейная батарея и 2-я легкая 10 полевой Арт. бригады. Чрезъ 24 часа по 1-у выстрѣлу явится еще столько же—стало быть угощеніе готово.

Штабъ мой состоитъ изъ слѣдующихъ лицъ.

Начальникъ штаба Генер. штаба Полков. Глѣбовъ.

Дежурной штабъ офи. Нассау. полка Маіоръ Афанасопуло.

Старшій Адъют. Ш. К. Конюшевскій.

Личныя Адъют. Тигерстенъ и Чаплинской.

Ординарцы Улан. Нассау. полка Величко и Якобсонъ.

Гусарскаго Наслѣ. полка Корнеты Собанской и Прушинскій.

Дивиз. жаловеръ Лисовской.

Дивиз. докторъ Конытовскій.

Оберъ Аудиторъ Сергѣевъ.

Оберъ провіантмейстеръ Ивашинъ.

Оберъ вагенмейстеръ Маіоръ Ятковской.

— гевальдигерь Ракитинъ и казачій конвой подъ начальствомъ Николая состоящаго при начальникѣ штаба.

Теперь мы начали строить землянки по приказанію Князя Михайлы Дмитріевича Горчакова нашего Главнокомандующаго 4 и 5 корпусами. Попеченіемъ и заботливостію Князя такъ правильно, такъ хорошо устроилось продовольствіе Войскъ, что не только нѣтъ ни въ чемъ недостатка, но право и дома, при зборахъ желать лучше нельзя. Войско и все мы благодареніе Богу здоровы, солдаты и офицеры съ отличнымъ духомъ и ждутъ не дождутся схватки съ правовѣрными мѣшаными войсками Султана, есть регулярныя молодыя Войски, есть редифы (безсрочныя) Арабы и Арнауты—хвастовства много, нужлъ того болѣе и по безпорядку весьма примѣтному у Турковъ не думаю, чтобы при сраженіяхъ надолго ихъ стало. Да правду сказать пора бы и порѣшить какъ говорятъ наши солдаты—и если живутъ еще Турки въ Европѣ, то конечно лишъ по милости нашего Отца Государя.

Вотъ тебѣ доброй другъ и братъ въ краткихъ словахъ настоящее положеніе чѣмъ все это кончится нельзя знать.

Мысленно крѣпко прижимаю тебя къ сердцу цѣлуя ручки твоя милая сестра равно и у милой моей прекрасной племянницѣ остаюсь вашъ вѣрной другъ.

Ф. Соймоновъ.

Прошу сказать анекдотъ Анютѣ: какъ то, на диихъ, налѣтело огромное стадо птицъ на зеленыя палатки Турокъ, ударились въ палатки, закричали, Турки спали, и въ испугѣ проснувшись закричали *Гяуръ* бросились бѣжать, нѣкоторыхъ только къ вечеру вернули въ лагерь.

Николай свидѣтельствуетъ свое почтеніе, цѣлуетъ ручки твои милая сестра и кузины и проситъ написать милліоны желаній всѣхъ милостей Божіихъ. Сестрѣ Елизаветѣ Владиміровнѣ Егоръ Егоровичу и его семейству кланяюсь.

25 Ноября 1853 года С. Фратешти
день Вале близъ Г. Журжи.

Почти мѣсяцъ письмо Ваше милыя друзья было въ дорогѣ, если и мое также будетъ путешествовать, то получите къ празднику Рождества Христова или Новому Году, поэтому безъ ошибки могу просить принять мое поздравленіе съ сердечнымъ желаніемъ здоровья, радостей и успѣховъ во всѣхъ Вашихъ предпріятіяхъ. Поскольятѣ и мнѣ и молодому офицеру Николаю того же, 16 Октября Николай произведенъ и три раза былъ подъ крѣпостными Турецкими 36 фунт. ядрами, гранатами, картечью и пулями, радостно мнѣ свидѣтельствовать что Николай на глазахъ моихъ велъ себя молодцомъ, прямо Русскимъ офицеромъ и эполеты свои заслужилъ дѣльно—но все еще молодъ, выпросилъ и хранитъ одно изъ 36 фун. ядеръ которое легло подлѣ него перелѣтевъ чрезъ голову. Подробностей писать невозможно, а скажу что изъ Рущука Турки 3 раза пытались укрѣпится противъ меня, но всякой разъ славно были проучены и бросались на суда обратно спасались въ Рущукъ. Противъ меня изъ Рущука два паши Сандъ и Магмутъ. Войско регулярное, есть и редифы (или безсрочныя) также Албанцы и Арапы послѣднія ничто иное какъ разбойники сволочь да еще къ нимъ примкнули мятежники всѣхъ странъ, то можно представить себѣ какова толпа сбродитъ. Регулярныя войска устроены кое какъ. Военныя дѣйствія начались у насъ съ половины Октября—здоровьѣ всѣхъ вообще таково, чтобъ дай Богъ чтобъ такъ и продолжалось, заботливость Князя Михаила Дмитріевича Горчакова такъ велика что мы живемъ какъ будто дома все помѣщены прекрасно, сыты, веселы и ждемъ лишь повѣленій Отца Государя. Конечно это письмо будетъ читать проколотымъ и окуреннымъ но сдѣсь и помину нѣтъ о чумѣ, и даже у Турокъ—это одна лишь форма или обрядъ возстановленной по Пруту нашей карантинной линіи. Сестрѣ Елизаветѣ Владиміровнѣ передайте желаніе мое ей всѣхъ милостей Божіихъ цѣлую ея ручки, равно твои милая сестра и Анюты, тебя братъ обнимая остаюсь твой другъ и братъ Ф. Соймоновъ.

Егоръ Егоровичу и его семейству мой поклонъ и всѣхъ поздравтѣ съ наступающими праздниками.

8 Генваря 1854 г. Журжа.

Добрый другъ и братъ Михаилъ Владиміровичъ и милая сестра Дарья Александровна съ 3 Генваря по 3 Февраля я возился съ Турками, которыя непремѣнно хотѣли перейдти Дунай и утвердится на нашемъ берегу; но Господь Богъ

пособилъ разбить и опрокинуть правовѣрныхъ 3 Генваря и порядкомъ поколотить 22 числа—все эти подробности болѣе или менѣе, конечно Вамъ извѣстны или будутъ скоро извѣстны изъ газетъ; но лучшеѣ самое было дерзкое наше предпріятіе съ 28 Генваря по 3 Февраля, истребленіе парохода Турецкаго и другихъ судовъ. 3 дня сряду сперва 2 орудія а далѣе 6 батарейныхъ моихъ боролись противу 92 громадныхъ крѣпостныхъ орудій, изъ это побошие Турки, меньшей мѣрою выпустили 12 т. зарядовъ ядеръ гранатъ и бомбъ. Искусное устройство Генералъ-Адъютантомъ Шильдеромъ для моихъ пушечекъ маленькихъ но грозныхъ батареекъ пособило потопить пароходъ и немало большихъ и малыхъ судовъ турецкихъ. Искуство Генерала Шильдера извѣстно Европѣ—нужно было исполненіе и Богъ пособилъ мнѣ, изъ вышедшаго бюллетеня и выписываю лишь тѣ строки которыя лично до меня касаются, зная что вамъ пріятно будетъ прочесть то, что будетъ по тѣлому свѣту извѣстнымъ. Cette entreprise d'une hardiesse sans exemple, à été exécutée par le lieutenat Général Soimonoff, sous la direction supérieure du Gen. du génie Schilder. Далѣе описывается самое дѣйствіе— и въ заключеніе прописывается что par la vigueur et l'activité du Ge. Soimonoff durant le cours de ces operations ainsi que le sang froid plein d'intrepidité.... donc firent preuve nos officiers et artilleurs contribuèrent aussi puissamment à ces brillants résultas. Князь Михаилъ Дмитріевичъ за сраженіе 22 числа изъ официальномъ ко мнѣ повѣленіи 1 Фев. пишетъ: „Приемъ считаю за обязанность Вамъ „изьявить искреннюю мою признательность за всѣ ваши труды увѣнчанныя „прекраснымъ успѣхомъ и за послѣдній подвигъ отъ 4 Февраля. Донесеніе „В. П. отъ 3 Февр. № 117, объ удачномъ дѣйствіи нашихъ батарей и приведеніе непріятельской Флотиліи почти въ полное уничтоженіе, я прочиталъ съ „особеннымъ удовольствіемъ и спѣшу выразить вамъ особенную мою признательность за дѣятельность и распорядительность оказанную вами въ исполненіи „этого важнаго дѣла". Георгіевскія кресты ребятамъ я получилъ, Егеря, Артилерія пѣшая, конная, Гусары и Донцы по молебствіи торжественно и имѣлъ радость надѣть на груди храбрыхъ. О штабѣ и оберъ офицерахъ приказано и разрѣшено представить къ наградамъ что уже я исполнилъ и между прочими по сущей справедливости прошу Николаю Анн. саблю съ надписью за храбрость, и за сраженіе 22 числа слѣду. чинъ. Вотъ все что было въ Генварѣ—далѣе въ упованіе на милосердіе и помощь Божію и милости Государя буду трудится во славу Вѣры святой нашей, во славу Царя и матушки Россіи—за Богомъ молитва, а за царемъ Отцомъ нашимъ служба не пропадаетъ. Прошу тебя другъ и братъ передать желаніе мое всѣхъ милостей Божіихъ сестрѣ Елисаветѣ Владиміровнѣ кланяйся Егоръ Егоровичу и его семейству, поцѣлуй тысячу разъ сестру Дашу и Анюту—а тебя обнимая остаюсь навсегда весь твой

Ф. Соймоновъ.

14 Генваря 1854. Г. Журка.

Добрый, милой другъ и братъ Михаилъ Владиміровичъ и милая сестра Дарья Александровна. Мнѣ очень хотѣлось писать Вамъ тотчасъ послѣ Новаго Года, но 3-го числа Генваря весь день провозился съ Турками которыя вѣроятно сочли за должное переправится ко мнѣ съ поздравленіемъ Новаго Года. На разсвѣтѣ пожаловали на нѣсколькихъ судахъ противъ С. Слободзеи, куда изъ Журки я успѣлъ доскакать одинъ (потому что вся моя свита покойно почивала) и посѣлъ во время жестокъ 1 Баталіонъ въ ружье я повелъ его съ 2 орудіями благодарить гостей за сдѣланную честь—и переправивъ 3 роты подъ сильнѣйшимъ огнемъ крѣпостныхъ орудій Рущука чрезъ Дунайскій заливъ тотчасъ проводилъ во свояси. Штуцерныя мои и застрѣльщики дѣйствовали отлично—порядочное количество правовѣрныхъ отправилось въ рай Магометовъ и немало останется калѣкъ, у меня ранены 1 казакъ пулею въ руку и контужены ядромъ въ бокъ 1 егерь да мнѣ засорило правой глазъ землею и пескомъ отъ брызгъ упавшаго подъ ноги моей лошади 48 ф. ядра. На другой день опухоль и боль глаза миновались, казакъ и егерь слава Богу здоровы. Адъютанты мои, ординарцы и Николай похожи были на Арабовъ брызгами земли или лучше сказать грязи онѣ непохожи были на людей, и точно были изъ маскахъ, равно кони ихъ и шинели—имъ всѣмъ стоило умыться тѣмъ и миновалось. На площадкѣ гдѣ я простоялъ не болѣе 20 минутъ и свита моя легло 35 ядеръ—это не болѣе какъ на пространствѣ 10 квад. сажень, послѣ дѣла 3 Генв. собрано болѣе 200 ядеръ—всѣхъ выстрѣловъ Турчешти сдѣлали по насъ 378! ружейной огонь тоже былъ недуренъ, 3 т. патроновъ мои истратили и казаки 578. Едва эта продѣлка кончилась заѣхалъ я къ полковому командиру въ Слободзею проглотить стаканъ чаю, какъ Турки вновь явились, но уже съ большими силами, вновь надо было возится, и опять тѣмъ же кончилось, Османны растеряли чалмы, фески и потеряли убитыми до 30 человѣкъ вторично бѣжали сѣвъ на суда свои. Это былъ часъ уже 1-й по полудни—чрезъ полчаса и былъ уже въ Журке (4 версты отъ Слободзеи) и собирался обѣдать, какъ въ 3-й разъ Турки пожаловали, прибавивъ войски, тогда я приказалъ атаковать ихъ изъ Слободзеи и переправилъ изъ Журки 2 роты завязалась упорная перестрѣлка. Между тѣмъ крѣпость не умолкала. Пользуясь дымомъ пушекъ я выдвинулъ 2 орудія, и хотя пришлось бить на самую дальнюю дистанцію, но однакожъ 4 картечныя гранаты 2 батар. орудій произвели кутерьму и такимъ образомъ, въ 3-й разъ, Турки были отбиты безъ потери нашей. Видимое милосердіе и покровительство Господня—пусть такъ и далѣе будетъ. Замолкло все лишь въ 5-мъ часу вечера. Все эти дни Турки не перестаютъ стрѣлять по моему дому, немало разбили крышъ, потолковъ, переломали мебели. Но опять видимо Господь хранитъ и милуетъ никто не убитъ лишь контужены 2 офицера—но безопасно, скоро будутъ здоровы. Вчера оставались Турки безъ обѣда—противъ Рущука на мели стоитъ давно купеческое Греческое судно, нагруженное бочечными досками и принадлежащими французскимъ негоціантамъ. Замѣтивъ что Турки на двухъ большихъ баркасахъ человѣкъ около 80, подъѣхали къ судну чтобъ воровать лѣсъ,—тотчасъ были спущены къ берегу 12 человѣкъ штуцерныхъ—и когда 1-й баркасъ хотѣлъ съ ворованнымъ лѣсомъ ѣхать къ крѣпости и едва высунулся отъ лодки, то съ 1-хъ выстрѣловъ были убиты 3 человѣка. Турки спрятались за баркасъ, пробовали уѣхать но пули лѣтали тотчасъ по водамъ и косили мусульманъ изъ крѣпости выслана была канонерская лодка которая выстрѣливъ изъ своего орудія картечью смѣло пошла на выручку; но не тутъ то было, растояніе 400 саженъ было ненадежно но съ баркаса кувыркнулись двое въ Дунай и 3 ранено баркасъ отъѣхавъ далѣе открылъ изъ своей пушки пальбу, крѣпость тоже и все это по 12 человѣкамъ нашихъ—но какъ штуцерныя очень покойно сидѣли въ ямкахъ, то продолжали держать и баркасы съ ворами и канонерскую лодку до поздняго вечера. Ночью воры удалились—мы всѣ забавлялись этой сценой—съ тѣхъ поръ Турки ужасно боятся ѣздить по Дунаю. Наши вѣроятно пишутъ вамъ изъ Кишинева—мы получаемъ всякую недѣлю. Пожалуста передайтѣ мой поклонъ сестрѣ Елисаветѣ Владиміровнѣ, скажитѣ что и и Николай цѣлуемъ ея ручки и желаемъ ей всѣхъ милостей Господнихъ. О дальнѣйшихъ нашихъ общихъ движеніяхъ ничего неизвѣстно—въ Малой Валахіи 3 баталіона моихъ Тобольскихъ сдѣлали чудеса отдѣлились отъ 18 т. и совершили истинно геройскій подвигъ, впрочемъ все это скажутъ вамъ и газеты, а я заключу теперь строки мои желаніемъ вамъ здоровья и во всѣхъ дѣлахъ успѣха, цѣлуя ручки твои милая сестра, равно и милой племянницы Анюты, дружески тебя добрый другъ и братъ обнимая остаюсь навсегда весь вашъ Ф. Соймоновъ.

Не сердитесь пожалуста что не пишу часто какъ бы желалось, ей Богу нѣтъ время, впрочемъ ежели А. Алекс. пишетъ, то я спокоенъ, она уполномочена писать все что знаетъ за меня и Николая, которой теперь уѣхалъ на форпосты послать мною. Егорь Егоровичу и его семейству мой поклонъ, равно и . . . . . и всѣмъ многая лѣта.

8 Марта 1854 г. Журка.

Добрый другъ и братъ Михаилъ Владиміровичъ и милая сестра Дарья Александровна, я только что возвратился изъ Букареста и сію минуту отходитъ почта. Этими строками хочу увѣдомить Васъ что за пораженіе Турокъ 22 Генваря и разгромъ ихъ флотиліи Государь Императоръ Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать мнѣ орденъ С-го Князя Владимира 2 степени. Милостей Царскихъ на дняхъ ожидаю и для моихъ сподвижниковъ, Георгіевскіе знаки отличія нижнимъ чинамъ давно, съ молебствіемъ розданы Егерямъ, Артиллеріи, Гусарамъ

и казакамъ. Артиллеристамъ Батарейной роты пожаловалъ Государь по 2 р. сер. на человѣка и одному фейерверкеру у котораго оторвана объ ноги 200 р. с. единовременно. Николая по дѣламъ службы, хотя на самое короткое время отправляю въ Россію, но какъ путь ему на Кишиневъ, то онъ будетъ имѣть случай видится съ матерью и сестрами, и ужъ конечно благодарность Богу и радость общая будетъ неописанна потому что неожиданно.

У насъ, слава Господу Богу все здоровы весна на дворѣ, съ нею конечно, если не образумятся превѣрѣнныя Турки съ ихъ гнусными помощниками защитниками не церкви нашей и христіанства а мусульманства, то намъ будетъ работа,—но, съ упованіемъ на Господа Бога, мы не боимся своихъ противниковъ, и душевно желаемъ что повторялося Синопъ нальтъ Англичанами и Французами—а наши штыки и пики будутъ тезе какъ и 1812 года.

Господь да хранитъ васъ милыя друзья, мыселенно васъ и Аниюту обнимая остаюсь душею и сердцемъ преданный вамъ другъ и братъ

Ф. Соймоновъ.

NB. Сестрѣ Елисаветѣ Владиміровнѣ передайтъ дружескоей и братской мой поклонъ и желаніе ей здоровья и всѣхъ милостей Божіихъ. Егоръ Егоровичу и его семейству кланяюсь.

15 Мая 1854 г. Журжа.

Любезный другъ, милый братъ Михаилъ Владиміровичъ и милая сестра и другъ Дарья Александровна. Спѣшу благодарить Васъ за письмо Ваше, которое очень долго было въ путешествіи, причиною этому Валахская почта. Что мнѣ сказать вамъ о себѣ я слава Богу здоровъ, Николай подпоручикомъ за отличіе въ сраженіи съ Турками и теперь при Силистріи смотритъ и тѣшится какъ громятъ наши эту турецкую твердыню. Я послалъ Николая съ важными бумагами къ Его Свѣтлости Генералъ Фельдмаршалу—на днихъ его ожидаю; съ наступающимъ днемъ твоихъ имянинъ поздравляю тебя любезный другъ и милый братъ, равно и милую сестру съ прекрасною моею красавицей племянницей поздравляю съ имянинникомъ и всѣмъ вамъ желаю милостей Божіихъ и здоровья. Турки мои съ своими 5 пашами и съ пребываніемъ въ Рущукѣ Омеръ-паши Мушири—и *тыги* и *скромны*, какъ выражается Донскаго казачьяго № 40 полка Маіоръ Балабинъ при ежедневномъ донесеніи своемъ ко мнѣ съ форпостовъ. Въ Генварѣ мѣсяцѣ удалось дать такой урокъ *непобѣдимому* Галать-паши Арабу, что послѣ взятыя плѣнныя показываютъ что рѣшились не трогать Журжу—и нѣмцы въ Allgemeine Zeitung прославили меня тапферъ Соймоновъ. Погода здѣсь давно жаркая абрикосы во всѣхъ садахъ поспѣли и переварены съ сахаромъ. Розы давно цвѣтутъ, виноградъ отцвѣлъ, персики, груши, сливы и яблони порядочныя, съ грѣцкой орѣхъ. Дожди перепадали хорошіе и растительность сильная,—нельзя не дивится сдѣланной земли что за сила и за малые труды какъ вознаграждаетъ—есть надежда что и сѣна будетъ достаточно, и авось все скоро подешевѣетъ, а то все очень дорого, кромѣ рыбы которую подъ надзоромъ я дозволилъ ловить жителямъ—и сила несмѣтная, прекрасная карпія и стерляди намъ уже прискучили. Подлецы Франц. и Анг. боятся показать носъ, это не Алжиръ и Индія гдѣ имъ ловко было бить сволочь. Вотъ все наши вѣсти—остальное говорятъ вамъ журналы и газеты. Не знаю когда приказано будетъ оставить мнѣ Журку, чтобъ идти далѣе—но тогда будетъ знать, а дотого, какъ и всегда съ чувствомъ дружбы и любви—цѣлуя ручки твои сестра и Аниюта и тебя другъ и братъ обнимая остаюсь в. в. Ф. Соймоновъ.

P. S. Сестрѣ Елизаветѣ Владиміровнѣ дружески кланяюсь, да хранитъ ея Господь Богъ. Егоръ Егор. и его семейству бью челомъ.

1854 г. Августа 22. Г. Бырлатъ.
Молдавія.

Подходя все ближе и ближе къ своей Границы менѣе становится средствъ пересылать письма, первое потому что я иду въ Аріергардѣ; а второе и главное не застаю никакъ отдѣленіе нашей Русской почтовой Канторы и долженъ пользоваться отъѣзжающими въ Имперію чтобъ поручить отдавать письма въ русскихъ нашихъ канторахъ. Благодарю тебя другъ и братъ за письмо твое изъ Арзамаса, очень радъ что ежели колотя турокъ доставляю этимъ удовольствіе землякамъ нашимъ, жаль что не удалось помѣряться ни съ Франц. ни съ Англичанами. Этихъ каналій, увѣренъ, что еще бы лучше поколотили, но онѣ носа не показывали противъ меня, кромѣ нѣкоторыхъ охотниковъ, которыя до единаго были убиты въ сраженіи 25 Іюня. Вотъ уже скоро 2 мѣсяца какъ я не слышу выстрѣла, и это какъ то странно послѣ оглушительныхъ канонадъ елишкомъ 10 мѣсяцевъ и почти ежедневно продолжавшихся. Турки не пресѣдуютъ и очень понятно послѣ данныхъ имъ неоднократно уроковъ.

Николай за Экспедицію въ Турцукай получитъ *Анненскую полусаблю съ надписью за храбрость*.

4 Сентября надѣюсь быть въ Мулянахъ и можетъ встрѣчу всѣхъ своихъ пустынницъ Кишиневскихъ. Куда направятъ изъ Мулянъ не знаю думаю въ Каменецъ-Подольской а можетъ быть и на Днѣпръ въ Могилевъ—во всякомъ случаѣ что будетъ вѣрно извѣстно получитъ наше извѣстіе. У меня была очень сильная лихорадка, теперь еще слабъ порядочно и первой день безъ лѣкарствъ.

Цѣлуя ручки милой сестры и Аниюты съ чувствомъ преданности любви и дружбы остаюсь на всегда преданной слуга и братъ

Ѳ. Соймоновъ.

Будетъ писать сестрѣ Елиз. Влад. мой и Николаевъ поклоны прошу передать. При свиданіи кланяйся Егорь Егоровичу.

1854 г. 14 Сентября.
Г. Бельцы.

....Мнѣ уже ничего не остается добивпшись какъ просить писать въ Одессу на имя мое для доставленія въ колонію Гельденбергъ или гдѣ находится—съ дороги гдѣ будетъ возможность бросить письмо на почту конечно писать буду. 2 Октября я буду въ колоніи съ Войскомъ, это 27 верстъ отъ Одессы между этимъ городомъ и Николаевымъ, что Богъ дастъ далѣе, извѣщать постараюсь. Войско все свѣжо, цѣло, здорово, сыто и все ждутъ не дождутся схватится въ поле съ мерзавцами Англич. и Французами, которыя гораздо хуже Турокъ въ Журже. Анг. Фр. и Турки вмѣстѣ, разграбили нашу православную церковь и эти мнимыи христьяне забавлялись колоть образа и церковь раломали до основанія! Вотъ храбрость и достоинство, признаюсь, и не хочу таить, когда я увидѣлъ противъ себя Турокъ 25 Іюня на Раломалѣ предводимыхъ толпами Фр. и Анг. то приказалъ перешшать до единаго, что Егери мои въ точности и выполнили, даже Турки были пощажены и взяты въ плѣнъ безъ оскорбленія—такъ велика моя ненависть къ подлецамъ, испортившимъ нашу Русь. Здоровье мое поправляется—а вамъ другъ и братъ и милыя сестра и племянница желаю всего лучшаго и остаюсь в. в. Ѳ. Соймоновъ.

Благодарю Васъ добрыя друзья милая сестра Дарья Александровна и братъ Михаилъ Владимірович, за послѣднее письмо Ваше, которое я получилъ вчера. Я писалъ Вамъ давано и извѣщалъ Васъ что послѣ сраженія 22 Генваря и разбитія флотиліи Рущукской 3 Февраля—по сей день ничего важнаго и особеннаго не случилось. Князь приказалъ дѣлать представленія къ наградамъ, что и исполнено, буду ждать милости Царя Государя моимъ храбрымъ сотоварищамъ (нижніе чины получили уже Георгіевскіи кресты),—и вѣрую что за Богомъ молитва а за Царемъ служба не пропадаетъ. И лично чрезвычайно доволенъ что успѣлъ заслужить и Командующаго Войсками, и всѣми чинами Главной Штабъ составляющими и похвалы и благодарности,—въ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ моихъ Богъ помощникъ—зато я и благодарю отъ глубины сердца Создателя дающаго намъ силу съ малыми средствами боротся, подъ выстрѣлами крѣпости Рущука съ громадной его Артиллеріею. Журжа такъ близка, что ныпи ядра почти перелѣтаютъ городъ изъ Турецкихъ батарей, и сварядовъ Турки не жалѣютъ. Ежели Господь Богъ пособитъ и далѣе дѣйствовать такъ какъ послалъ намъ силъ досолѣ, то лучшаго и желать невозможно—и если средства моего отряда къ весны усилятся, и подъудетъ осадная Артиллерія, то съ правовѣрными можно будетъ поспорить еще по крѣпче. Въ Рущукѣ много бродягъ цѣлой Западной Европы, эти канальи подбиваютъ правовѣрныхъ, но на это нечего смотрѣть,—все на насъ и все изъ зависти и злобы. Вотъ кстатѣ прекрасныя стихи писанныя кажется

Каратыгинымъ. Ежели вы не читали то на случай выписываю эти стихи и посылаю. Моли Бога о здоровьѣ нашемъ, и имѣстѣ съ Анютою обнимаи остаюсь

вашъ братъ и другъ Ѳ. Соймоновъ.

Сестрѣ Елисаветѣ Влад. передайтѣ мой поклонъ и желаніе здоровья. Егоръ Егоровичу тоже кланяюсь съ его семействомъ.

Англи. и Франц.

Вотъ въ воинственномъ азартѣ,
Воевода Пальмерстонъ,
Поражаетъ Русь—на картѣ
Указательнымъ перстомъ.

Вдохновенъ его отвагой
И Французъ за нимъ туда жъ,
Машетъ дядюшкиной шпагой
И кричитъ Allons—courage!

Полно братцы на смѣхъ свѣту
Не останьтесь въ дуракахъ,
Мы видали шутку эту
И не въ этакихъ рукахъ.

Если дядюшка безсланно
Изъ Руси вериулся вспить
Такъ племянинку подавно
И изъ дали не сдобровать.

Альбіонъ статья иная
Онъ еще не раскусилъ
Что за машина такая
Наша Русь,—и въ сколько силъ.

То-то будетъ удивленье
Для практическихъ умовъ
Какъ высокое давленье
Имъ покажутъ безъ паровъ.

Знайте-жъ, машина готова,
Будетъ дѣйствовать какъ встарь
Ее двигаютъ три слова,
Родина, да Богъ и Царь.

Письмо Г. Звенигуса, 9 ноября 1854 года.

Милостивый Государь
Михаилъ Владимировичъ!

Роковой 131 номеръ Моск: Вѣд: принесъ намъ горестное извѣстіе о смерти глубоко нами уважаемаго Федора Ивановича, который палъ геройскою смертію при вылазкѣ изъ Севастополя и я спѣшу увѣрить васъ, что мы въ этой потерѣ вашей принимаемъ самое живое участіе. Не нахожу словъ могущихъ васъ утѣшить въ эти печальныя минуты: одно время можетъ нѣсколько ослабить вашу печаль, а теперь слѣдуетъ, по христіянски, покорится волѣ Божіей. Не сомнѣваюсь, что Государь не забудетъ заслугъ покойнаго и не оставитъ его семейство. Извѣстіе о смерти Федора Ивановича не выходитъ у насъ изъ головы. Какъ видно изъ описанія вылазки, его Дивизія была впереди, а онъ, вѣроятно, по своей отвагѣ, впереди ее и такимъ образомъ принялъ на себя первые удары непріятеля. Прочитавъ извѣстіе о вылазкѣ и о многочисленныхъ жертвахъ, я предалъ проклятію Наполеона и Пальмерстона, начинщиковъ войны. Я хотѣлъ самъ къ намъ пріѣхать, но теперь, по указу Казен: Палаты, производится у меня трехсуточное испытаніе моей вымочкѣ чиновникомъ Ардат: казначейства и потому не могу отлучится. Анна Михайл: раздѣляетъ мои чувства и свидѣтельствуетъ свое почтеніе Милостивой Государынѣ Дарьѣ Александровнѣ. Молимъ Бога, чтобы Онъ утѣшилъ васъ въ вашей невозвратимой потерѣ.

Душевно вамъ предданный
Г. Звенигусъ.

Бѣляево.
9-го Ноября 1854.

P. S. Очень некстатѣ въ эти печальныя минуты, говорить о заводскихъ дѣлахъ, но одно обстоятельство вынуждаетъ меня нарушить приличіе. Въ 131 номерѣ Моск. Вѣд. напечатана статья о горячей вымочкѣ, изображенной Кн. Шаховскимъ, на которую онъ испрашиваетъ привилегію. Его вымочка хуже моей, но получивъ привилегію, онъ можетъ меня стеснить и потому для огражденія моего права, хочу помѣстить статью въ тѣхъ же Вѣдомостяхъ отъ вашего имяни, на что и испрашиваю вашего позволенія. Статью пошлю самъ: мнѣ только нужно ваше имя. Статья будетъ въ родѣ прилагаемой, которую прошу съ симъ же посланнымъ мнѣ возвратить.

Письмо В. Азарьева, 25 мая 1844 года*).

Милостивый Государь
Достопочтеннѣйшій
Михаилъ Семеновичъ.

Имѣлъ удовольствіе, усмотреть изъ почтеннѣйшаго письма вашего, что торговые сношенія межъ нами, о покупки денки кажется изъ полне закончены, въ угодность вашу, одно токмо остается со стороны моей, какъ побуждаетъ влеченіе чувствъ моихъ, съ симъ пріобретеніемъ имѣть честь поздравить васъ Милостивый Государь и отъ глубины сердца пожелать вамъ чтобъ денушка сія въ рабскомъ отношеніи усердіемъ своимъ на всю жизнь свою была полезна къ вашимъ услугамъ..... при чемъ имѣю довести до сведенія вашего что деньги посланные вами чрезъ человека моего 15-ть целковыхъ и семянаго овса пять четвертей, я получилъ совершенно исправно и за оное въ полнѣ признаю мое благодареніе какъ семъ имеетъ ускорю покорнѣйше просить въ разщетъ достальнаго забору моего повелеть отпустить, полтарыа четверти семеннаго жита и две чегверти семеннаго овса, одну въ щеть цены а другую по договору, отъ изъявленнаго ко мнѣ благорасположенія вашего. И съ симъ вместѣ есьли имѣете возможность, удостойтѣ остальные за разщетомъ деньги, поручить человеку моему доставить ко мнѣ, чемъ исполнитъ во мнѣ ускорить за все сіе принести вамъ Милостивый Государь совершенное души моей благодареніе.... Касательно изъ требованія вашего о выдачи вамъ на денку позеленаго письма, о семъ ясно изложено въ отпускномъ актѣ, что оное зависитъ отъ воли вашего сознаженія. Закого изъ крестьянъ вотчины вашей изъ замужество выдать пожелаете опую на того имянно отъ себя къ приходскому священнику чинить можитъ сношеніе ваше а въ противномъ случае, извольте во сведеніе сообщить мнѣ. Я изъ угодность вашу тогдашъ съ исполненнымъ удовольствіемъ вамъ доставлю таковое. Относительно изъявленнаго предложенія вашего о покупки у меня другой денки Ирины Васильевой съ малолетней дочерью ея, по изложенной ценѣ вами, я въ полне согласенъ исполнить волю вашу, есьли вы Милостивый Государь убедитесь не стесняя положеніе мое, дополнить къ сей ценѣ адну четверть семеннаго ячменю, денка остается за вами, о чемъ на изъявленіе согласія ваше удостойте съ симъ посланнымъ, почтить меня вашимъ уведомленіемъ. Прячемъ жена моя и дочь поручили мнѣ какъ вамъ Милостивый Государь и достойнейшій супруги вашей засвидетельствовать ихъ глубочайшее предъпочитаніе, съ каковыми чувствами безъпредельнаго уваженія моего и совершенной преданности къ имяни высокихъ достоинствъ вашихъ и я имѣю честь назватся и быть

вашимъ Милостивago Государя
Препокорнѣйшимъ Слугою
Василій Азарьевъ.

25 Маія
1844 года.
С. Колюхово.

*) Письмо подарено Сергѣемъ Ильичемъ Суворовымъ. П. Щ.

Письмо М. Хмырова К. К. Случевскому, 29 марта 1872 года.

Среда. 29 Мрт. 72 г.

Многоуважаемый

Константинъ Константиновичъ.

Въ окончательное дополненіе нашей послѣдней бесѣды, между прочимъ, о „Лѣтописи" къ предположенному Вами „Альбому Петровскому", спѣшу сообщить Вамъ *заблаговременно*—слѣдующее:

По обзору предварительному, хотя поверхностному, но близкому къ истинѣ, оказывается, что „Лѣтопись", о к-ой рѣчь, должна занять отъ *6* до *8* листовъ печатныхъ самаго убористаго шрифта, даже въ 2 столбца и *больше*, если шрифтъ будетъ крупнѣе самаго убористаго.

Не знаю, входитъ ли въ Ваши предположенія, во 1-хъ—дать „Лѣтописи" такое мѣсто въ „Альбомѣ", во 2-хъ—заплатить за нее мнѣ по 50 руб. печатный листъ.

И если не входитъ, можете не читать этой записки дальше.

Въ противномъ случаѣ, считаю себя обязаннымъ предъявить Вамъ мои условія—тѣмъ больше, что мнѣ представляются, съ 1 Мая, еще *дни* работы, и разумѣется, я остановлюсь на выгоднѣйшей для меня.

По „Лѣтописи" для „Альбома Петровскаго"—вотъ мои условія sine qua non:

1) Я не допускаю никакого *выбора* фактовъ, потому что въ „Лѣтописи" какой бы то ни было, а тѣмъ больше Петровской (к-ой *не существуетъ*), никакой эклектизмъ неумѣстенъ, разрушитъ задачу и предритъ дѣлу.

2) При необходимости *выбирать* факты,—отъ работы уклоняюсь положительно.

3) *Начавъ* работу съ 1 Мая, буду сдавать ее, для выигрыша времени *по частямъ*, въ неопредѣленные сроки, но *кончу* все между 20—25 Мая (иначе невозможно, и 5 лишнихъ дней съ 5-ю къ нимъ ночами—весьма для меня важны).

4) Корректуру—разумѣется, чистую—долженъ держать *я самъ;* иначе—это и немыслимо.

5) При 50-ти рублевой цѣнѣ за каждый печатный листъ, я требую непремѣнно (и получаю всегда) *50* экземпляровъ моего труда, въ отдѣльныхъ оттискахъ или наборныхъ листахъ—это все равно. Въ противномъ случаѣ, цѣна моего печатнаго листа должна быть увеличена ровно на столько, чтобъ я могъ пріобрѣсть *50* экземпляровъ изданія.

6) Второе изданіе моего труда, въ какомъ бы то ни было видѣ, требуетъ новаго со мной соглашенія.

7) Если всѣ вышеписанные пункты къ принятію удобны, я долженъ *сегодня же, до 7 часовъ вечера,* получить въ задатокъ *сто* рублей, подъ мою росписку. Безъ этого,—считаю себя отъ всякаго ожиданія, тѣмъ паче обязательствъ, свободнымъ, тѣмъ больше, что *завтра же* долженъ остановиться на одной изъ двухъ другихъ работъ. А самое главное—время.

Само собой разумѣется, что, при несогласіи Вашемъ на к-ое нибудь изъ предлагаемыхъ мною условій, Вы свободны отъ *всякаго* мнѣ отвѣта,—неполученіе к-аго, до 7-ми часовъ нынѣшняго вечера (съ сотней рублей), и будетъ само отвѣтомъ хотя нѣмымъ, но вполнѣ краснорѣчивымъ.

Не подумайте однако, чтобы мной, въ настоящемъ случаѣ, руководило недоиѣріе или что нибудь подобное, нехорошее. Я слыну чудакомъ, имѣю свои правила—и не отступаю отъ нихъ никогда, ни при какихъ обстоятельствахъ.

При пожеланіи Вамъ добраго здоровья, семъ

всегда готовый къ услугамъ

Мхл. Хмрвъ.

P. S. Я только сію минуту возвратился изъ подмосковнаго монастыря Новый Іерусалимъ, куда приглашался по дѣлу также литературному, и сегодня, до 8 ч. вечера безвыходно дома.

Адресъ мой: По Фонтанкѣ, у Сумеоновскаго Моста, домъ Полетики, *№ 26*, кв. *№ 29*.

О юбилейномъ альбомѣ Петра I.

Альбомъ этотъ, какъ изданіе à propos, долженъ удовлетворять *исключительно*—слѣдующимъ условіямъ:

1) Содержаніемъ—отвѣчать вполнѣ своему титулу;

2) Быть замѣтнымъ въ ряду другихъ изданій à propos, к-хъ ожидать можно;

3) Интересовать читателей всякаго образованія,—отъ полуграмотныхъ до спеціалистовъ;

4) Оставаться—и послѣ à propos—книгой *требуемой*.

Такая программа широка, но выполнима.

Лучшимъ средствомъ для этого представляется расположеніе всего матеріала—въ формѣ, болѣе наглядной.

То есть, весь матеріалъ надо разбить на *группы*, соотвѣтственно самому существу фактовъ, разнообразіемъ которыхъ такъ ярко отмѣчено знаменательное царствованіе Петра.

И въ самомъ дѣлѣ: что скажутъ читателю нѣсколько *десятковъ* мелкотравчатыхъ статеекъ *приноровленныхъ* къ картинкамъ, въ свою очередь приглянным à propos?

Будетъ гораздо цѣлесообразнѣе, не говоря уже, что достойнѣе предмета:

Разгруппировать самыя картинки (какъ главное въ *альбомѣ* по *характеру* содержанія, даже добыть тѣ, какія окажутся необходимыми, и къ *каждой группѣ* дать статью.

Желательно было бы видѣть въ затѣваемомъ альбомѣ, примѣрно, такія *группы картинъ*, и при нихъ *статьи:*

1) Лѣтопись жизни Петровой—подробный числовой перечень, по годамъ,

мѣсяцамъ и, если можно, днямъ, событій всякаго рода, когда либо происходившихъ съ Петромъ (для справокъ).

2) Личность Петра, какъ человѣка, государя и преобразователя.

3) Семья Петра.

4) Россія и Русскіе при Петрѣ, ихъ нравы, бытъ, интеллигенція.

5) Внѣшнія отношенія Россіи при Петрѣ и ихъ значеніе.

6) Военное дѣло при Петрѣ.

7) Морское дѣло при Петрѣ.

8) Духовенство при Петрѣ.

9) Наука, литература и искусства при Петрѣ.

10) Петербургъ при Петрѣ.

11) Москва, внутренняя Россія и русскія окраины при Петрѣ.

12) Инородцы на Руси Петровой.

Само собой разумѣется, что большая или меньшая *дробимость* этихъ группъ зависитъ отъ *объема*, какой дадутъ изданію. При объемѣ слишкомъ ограниченномъ, можно двѣ группы сбивать въ одну, напр.: военное и морское дѣло при Петрѣ и т. п. Но *рельефность* будетъ уже потеряна; и формы каждой группы обозначатся менѣе ясно.

Надо класть не меньше *двухъ* листовъ печатныхъ на каждую группу; можно даже такимъ именно размѣромъ опредѣлить каждую группу, *по отношенію къ тексту собственно*. Возможность—сравнительно съ той, какая, быть можетъ, уже предположена—не должна останавливать. Она, конечно, будетъ стоить дороже и издателямъ, и читателямъ. Но послѣдніе, нѣтъ никакого сомнѣнія, заплатятъ охотнѣе—и теперь, и послѣ—большую цѣну за книгу хорошую и добросовѣстную, нежели меньшую, за заданныя чисто спекулятивное.

Издатели поступятъ *практичнѣе*, если каждый изъ предлагаемыхъ отдѣловъ будутъ набирать такъ, чтобы онъ, не сливались съ сосѣдними ни концомъ ни началомъ, могъ *вырываться* отдѣльно. Должно считать, кромѣ читателей вообще, на *спеціалистовъ* извѣстныхъ частей. Господа эти спрашиваютъ часто отдѣльныя *статьи*, какія и могутъ продаваться имъ за извѣстную цѣну.

Въ заключеніе должно замѣтить, что какого бы ни былъ наличный *живописный* матеріалъ, заготовленный уже для альбома, онъ легко можетъ быть распредѣленъ въ указанныя *группы*. И если въ которой нибудь группѣ будетъ картинъ больше, нежели въ другой или другихъ, это не бѣда. Портреты, чьи бы то ни было, разсѣются въ группѣ, соотвѣтственныя роду дѣятельности оригиналовъ.

Планъ этотъ вообще можетъ быть видоизмѣненъ. Но не подлежитъ сомнѣнію, что сущность его—выдержитъ всякую критику, а добросовѣстное выполненіе замѣтится публикой и, слѣдовательно, не оставитъ издателей въ накладѣ.

Хмыровъ.

Письмо А. Апшинова К. К. Случевскому.

Ваше Превосходительство
Многоуважаемый
Константинъ Константиновичъ!

Съ Божью помощью вернулся изъ Питеръ къ Царю Батюшкѣ, Богъ помогъ обыграть за сію зиму нашихъ враговъ Англичанъ Итальянцевъ и всю ихъ К°, облюбовали портъ на Индѣйскомъ морѣ наискось Адена и захватили его съ дружками нашими Абиссинцами и сколько силъ нашихъ хватитъ будемъ держать тамъ нашъ русскій флагъ, разбили свои курени, зарыли икону, помолились Богу, присягнули еще разъ этимъ мѣстамъ нашему Царю и Россіи и назвали станицей Московю. На третій день явились Англійской корветъ, помахался около насъ да и ушелъ, потому что ничего они намъ не могутъ сдѣлать, мѣста горныя и лѣсистыя, а портъ сей нуженъ для Россіи, и изъ него всегда можно Англійскую торговлю уважать, ибо вся жизнь Англіи въ ея всемірной торговлѣ, они какъ жиды, жидъ безъ торговли здохнетъ, такъ и Англичане. Султаны мѣстные денкельскаго племени прислали со мною нашему Царю-Батюшкѣ письмо, гдѣ отдаются во всемъ намъ, и сіе письмо я только и могу передать, если Богъ помогъ увидать самого Царя, или Царева Брата. Съ собою еще привезъ Абиссинскую депутацію и письмо отъ туда на имя нашего Царя, они очень желаютъ поклониться нашему Великому Бѣлому Царю надъ царями, такъ они Его величаютъ, а тутъ до сихъ поръ и не допускаютъ, да и на крестъ посмотрѣть, отъ Царя Іоанна присланный, гдѣ же правда? И выходитъ, что до солнца высоко, а до царя далеко, а кресты до сихъ поръ нѣтъ. Вѣдь мы всегда и вездѣ служили, гдѣ бы мы не были, Царю и Россіи, чтоже развѣ намъ лично нуженъ сей портъ, нѣтъ, сей портъ нуженъ Россіи и Царь долженъ, какъ великій Царь принять сей портъ, не обращая никакого вниманія ни на кого, а намъ бы только приказъ, держись больше ничего. Вѣдь Абиссинцы съ покоренными племенами до 30 милліоновъ жителей и народъ одной вѣры съ нами, и они всегда могутъ выставить милліонную армію, и если Богъ поможетъ, достать оружья, мы ихъ поведемъ въ Египетъ сію зиму, и посмотримъ, что намъ сдѣлаетъ Ваша Европа, если мы приведемъ изъ Египетъ тысячъ двѣсти или триста. Еще будемъ Васъ просить нельзя ли какъ нибудь съ Божью помощью увидать Царева Брата Владиміра Александровича и бить ему челомъ про наши дѣла; а то больно обидно насъ русскихъ и не допускаютъ своего Царя и Царя любимаго видѣть и служить. Просимъ Васъ объ этомъ. Нижайшій поклонъ Русскому человѣку Его Превосходительству Николаю Ивановичу Бобрикову, передайте имъ, мы ихъ очень глубоко чтемъ. Остаюсь глубокоуважающій Васъ, желаемъ Вамъ здравія и благъ міра сего.

Атаманъ А. Апшиновъ.

Копіи съ писемъ Н. С. Лѣскова М. И. Пыляеву.

30 Авг. 880.

Уважаемый Михаилъ Ивановичъ!

Сынъ мой имѣетъ оч. большія и серьезно угрожающія непріятности. Это можетъ ему стоить *жизни*... Я вчера отвезъ Вениамину Ивановичу рекомендацію полковаго командира и нѣчто въ родѣ памятной записки отъ меня. Не знаю пригодится ли это къ дѣлу, или такъ износится, какъ и старое. Рекомендація, конечно, — наилучшая и съ нею можно говорить не краснѣя за того о комъ говоришь. Перемѣщаться изъ арміи въ армію стоитъ *только* въ Новочеркасскій полкъ, стоящій въ П-бургѣ на Охтѣ, п. п. при этомъ можно *жить вмѣстѣ* и ему можно ходить въ Воен. Юрид. Академію (что дозволено). Все другое—*не стоитъ*. Если уже такова злѣсь задача, то лучше возвратиться опять въ Кіевъ, куда *его зовутъ* въ саперы и *жить съ дядею*. Я это совершенно раздѣляю и теперь объ одномъ прошу: если можно прикомандировать къ 145-му Новочеркасскому полку—то пусть это сдѣлаютъ, а если этого нельзя,—то пусть мальчикъ возвращается въ Кіевъ и служитъ въ саперахъ. Помогите только выхлопотать это скоро и по чистотѣ что за пустяки тутъ съ нами за церемоніи! Я давно ко всему привыкъ и онъ пусть привыкаетъ, и если ему откажутъ это мож. б. даже лучше. Пусть воспитывается въ его душѣ чувство крѣпкое, съ которымъ надо жить не теряя себя передъ собою. По справкѣ въ Новочеркасскомъ полку (въ Петрб.) сверхкомплектъ 2 офиц. Въ Самарскомъ (Оранienбаумъ)—3 оф. и въ Каспійскомъ (Кронштадтъ)—1 оф. Слѣдовательно если есть сверхкомпл. по 3 оф. то можно это сдѣлать и въ Новочерк. полку. Да и Вы знаете, что когда захотятъ—все можно,— не захотятъ—тогда ничего нельзя. Я это и знаю, и ни въ малѣйшей претензіи не буду. Пусть пріучается „не надѣяться на князи и на сыны человѣческіе". Я прошу объ одномъ: добейтесь пожалуста хоть отказа но прямаго и скораго, что бы Андрею не о чемъ было жалѣть, и что бы мы съ братомъ не упустили Кіева, подвергая злѣсь мальчика оч. большой опасности. Пожалуста помогите это разсѣчь такъ или иначе, но сразу.

Вы стали оч. небрежно читать свои статьи.

Діапазонъ.

*) Всей Москвѣ извѣстенъ былъ обтянутый сѣрой бѣлизны покрываломъ передокъ саней его, заложенныхъ парою красивыхъ *коней, за которыми* стоялъ высокій гайдукъ. Всякому москвичу знакома была большая мѣховая муфта графа, которую онъ ловко и даже граціозно т. е. *за конями!*.... Какъ это такъ? Ниже еще чудне. Разнѣ масонство расходится съ христіанствомъ, а не ревностно заботится о проведеніи его духа въ жизнь человѣческую?

Вашъ Н. Лѣсковъ.

*) Наклеена вырѣзка изъ газеты.

бросалъ въ передней, входя изъ комнаты. Разумовскаго въ обществѣ тогда называли „Le comte Léon". Разумовскій былъ близокъ съ Карамзинымъ и въ тѣсной связи съ масонами. Онъ былъ масонъ по убѣжденію, *что не мѣшало ему, впрочемъ, быть глубоко втирающимъ и ревностнымъ христіаниномъ*. Какъ уже было сказано выше.

9 Августа 884 С. п. б.

Уважаемый Михаилъ Ивановичъ!

Во мнѣ всегда была—не знаю счастливая или несчастная,—слабость увлекаться тѣмъ или другимъ родомъ искусства. Такъ я пристрастился къ иконописи, къ народному пѣснотворчеству, къ врачеванію, къ реставраторству, и пр. Думалось мнѣ, что это уже и прошло, но я ошибся: разговоры съ Вами и Ваша книга о „драгоцѣнныхъ камняхъ" потянули меня на новыя увлеченія, и какъ изъ всякаго такого увлеченія я всегда страшился создать нѣчто „обратное", то и теперь со мною случилось тоже самое.

Мнѣ неотразимо хочется написать суевѣрно-фантастическій разсказъ, который бы держался на страсти къ драгоцѣнными камнямъ и на соединеніи съ этою страстью нѣры изъ ихъ таинственное вліяніе. Я это и началъ, и озаглавилъ повѣсть „*Огненный гранатъ*" и эпиграфомъ взялъ пять строчекъ изъ Вашей книги, а характеръ лица заимствовалъ изъ чертъ, какіе видѣлъ и наблюдалъ лѣтомъ въ Прагѣ между семействами гранатныхъ торговцевъ. Но чувствую, что мнѣ недоставетъ знакомства съ старинными суевѣрными взглядами на камни и хотѣлъ бы знать какіе нибудь *matériâ* изъ каменной торговли. На этомъ останавливаюсь и съ этимъ къ Вамъ прибѣгаю, какъ къ доброму товарищу и не только дорогому литературному другу, но и къ такому рѣдкому человѣку, который по-мимо своихъ спеціальныхъ знаній понимаетъ, что именно нужно мнѣ для затѣваемаго мною баснословія изъ родѣ „Запечатлѣннаго ангела".—Укажите мнѣ (и поскорѣе—пока горитъ охота)— гдѣ и что именно я могу прочитать полезное въ моихъ *бѣллетристическихъ* цѣляхъ, о камняхъ вообще и о пиронахъ въ особенности. Пироновъ я насмотрѣлся вволю и красоту ихъ понялъ, усвоилъ и возлюбилъ, такъ что мнѣ писать хочется, но надо бы не наврать надорь. Вы много знаете, очень живо и образно говорите объ этихъ вещахъ и очень можете меня наставить. Пожалуста неоткажите мнѣ въ совѣтѣ, если не личномъ, то письменномъ,—чего я буду ждать отъ Васъ съ увѣренностію въ Вашу милую мнѣ пріязнь и съ упованіемъ, что она остается для меня неизмѣнною.

Искренно Васъ любящій и уважающій

Н. Лѣсковъ.

Дома я всегда отъ 6 до 9 час. вечера. Въ Прагѣ вспоминаемъ Васъ часто.

Милый Михаилъ Ивановичъ!

Сынъ мой Андрей теперь здѣсь. Онъ боленъ былъ воспаленіемъ легкихъ и ѣдетъ на излѣченіе. Я ему сказалъ, что Вы мнѣ передавали отъ Скалона и онъ ходилъ вчера къ Скалону. Ни чего изъ этого не вышло. Скалонъ по-видимому и позабылъ, что онъ говорилъ Вамъ.... Не знаю, любезный другъ,—стоитъ ли еще ихъ безпокоить? Подумайте: не напрасныя ли все это хлопоты и не умнѣе ли будетъ это оставить?... Я думаю, что всѣ знаки расположенности къ намъ, скромнымъ людямъ, дальше разговоровъ не пойдутъ и парню лучше помириться съ своимъ безпомощнымъ положеніемъ и не ожидать ни чего, а учиться скромности и терпѣнію это тоже большое пріобрѣтеніе. Попробуйте выяснить дѣло и затѣмъ „отложить попеченіе".

Слышалъ о Вашемъ гонорарѣ въ 180 р. за недол: с. „Сергій злочинецъ" оч. милъ. Впрочемъ во мнѣ имѣете товарища: мнѣ онъ устроилъ еще худшую гадость и прислалъ ее какъ разъ подъ праздникъ.

Вашъ Н. Лѣсковъ.

23 Апр. 88.

Не откажите сказать мое поздравленіе Веніамину Ивановичу и Ваганову.

14 Сентября 88 г.
С. п. б. Фуршт. 50.

Возлюбленный Михаилъ Ивановичъ!

Всякой вещи,—а найпаче глупой, должно быть закончаніе. Мнѣ очень не хочется надоѣдать съ тѣмъ о чемъ прошу, но я долженъ добиться конца,—хотя прибавляю искренно и откровенно, что мнѣ теперь—все равно—какова будетъ этотъ конецъ. Женщины-матери часто не любятъ во всю жизнь тѣхъ дѣтей, рожденіемъ которыхъ онѣ очень *долго* мучились.... Наша просьба такъ пичтожна и такъ долго и глупо движется, что—ну ее къ черту! Парню мѣсто есть въ Кіевѣ, а я останусь одинъ какъ жоп.. что дѣлать!—но только дайте же пожалусто отвѣтъ: не чего ждать, или еще чего-то надо ждать? Пожалусто отвѣтьте. Я самъ больше не пойду просить *ни кого*, и ни за что на свѣтѣ; но начатое надо закончить, что бы не вывесть какой нибудь сутолки. Пожалусто черкните мнѣ строчку. Я знаю, что Вы мнѣ желали сдѣлать помощь.

Преданный Вамъ Н. Лѣсковъ.

19 Нояб. 88 г.

Рукопись отдалъ переписывать. Заглавіе надписалъ: *„Старчики и юродцы"*— что бы отбивало отъ настоящихъ, будто бы уважаемыхъ „старцевъ и х. р. юродивыхъ". Будетъ готово дней черезъ 10. Редакторъ „Русск. Мысли" теперь

здѣсь и я съ нимъ буду говорить объ этой статьѣ.—Въ „Нов. Вр".—„Старую Москву" отложили „въ долготу дній", до весны.... Такъ уже это положено и надо выждать время, что бы пробовать измѣнить это настроеніе, наивѣнное кажется тѣмъ же самымъ опахальщикомъ, который во всемъ каверзитъ. Надо имѣть терпѣніе.

Вашъ Н. Лѣсковъ.

12. Воскр.

Статью Вашу отдалъ переписывать, и съ нею—запасъ бумаги на будущее время. Заглавіе измѣнилъ такъ:

Петербургская сторона.
Дома именитыхъ людей по р. Мойкѣ.

Дальше велѣлъ оставить 10 строкъ чистыхъ гдѣ по прочтеніи внизу подзаглавіе (реестрики) что именно есть въ статьѣ. Это заинтересовываетъ читателя и совершенно необходимо.

Во вторникъ къ 4 час. буду въ магазинѣ „Нов. Времени" и ждите меня, или я Васъ подожду.

Усердно прошу о другѣ моемъ Зинаидѣ Петровнѣ Ахочинской. Поддержите ея куражъ сколько позволитъ правда и Ваша ко мнѣ пріязнь. Она по отзывамъ Репина и Боткина „оч. талантлива; хорошо училась и съ большимъ вкусомъ пишетъ". На выставкѣ есть ея слѣдующія работы: портретъ франц. актрисы *Рэна*, портретъ Татьяны Петр. *Пасеска* (больной, въ кравать), Мастерская Боголюбова и „цвѣты". Пожалуста дойдите до нихъ и не пройдите вниманіемъ.

Мы всѣ семейно любимъ эту дѣвушку сердечно и дорожимъ ея успѣхомъ, крайне ей необходимымъ въ ея трудномъ положеніи. Я надѣюсь на Вашу пріязнь и прошу только *вниманія*.

Вашъ Н. Лѣсковъ.

27. Суббота.

Не позабудьте. Михаилъ Ивановичъ, что *сегодня* я Васъ жду вечеромъ, въ 7 часовъ, и стенографистка будетъ.

Рукописи Вашей приготовилъ къ печати 38 листовъ. До сихъ поръ надѣлалъ XIV главъ. Это немножко оживляетъ теченіе матеріи. Ошибки и посшѣшность изложенія вездѣ поправлялъ. Есть періоды съ двумя дѣепричастіями и причастіемъ прошедшимъ, это оставить не возможно. Есть такое: *„Идя* къ нему, *прогодя* черезъ дворъ, надо было *идти*". Въ разсказѣ о Корейшѣ есть масса повтореній и возвращеній на тожде. Этого я уже не сталъ трогать, но это необходимо исправить, ибо это утомительно и непріятно дѣйствуетъ. Есть мѣста по недосмотру совсѣмъ непонятныя: является сказуемое, а подлежащее вѣроятно

только подумано, а ненаписано. Но такихъ мало. Въ субботу Лаврову не отдадимъ, а въ воскресенье посмотримъ съ Вами вмѣстѣ, и все пересмотрѣвши пошлемъ во вторникъ по почтѣ. Это будетъ умнѣе. Надо бояться перваго невыгоднаго впечатлѣнія, которое дастъ не хорошо досмотрѣнная рукопись. Н. Л—въ.

Письма разныхъ лицъ И. С. Тургеневу.

Парижъ. Апрѣля 15 ч.

Сто разъ прошу у Васъ извиненія, любезнѣйшій Тургеневъ, что я такъ долго медлилъ отвѣчать на письмо ваше; виною тому не столько самъ я сколько Матиссенъ и Тритенъ, которые долго не могли изготовить своихъ писемъ. Очень радъ, что вы счастливо доѣхали до Петербурга и хорошо раздѣлались опять съ бурею, которая, какъ кажется, особенно расположена удивлять васъ своею нечаянностію; еще болѣе радъ тому что вы держите экзаменъ на магистра, желаю вамъ полнаго успѣха въ этомъ. Что сказать вамъ о Берлинѣ? позвольте начать съ самаго себя; въ ноябрѣ мѣсяцѣ я сильно и тяжко заболѣлъ и по сіе время не успѣлъ еще совсѣмъ оправиться; въ чемъ заключалась болѣзнь моя трудно сказать вамъ; гиморой, unterleib и хандра все это соединилось вмѣстѣ, чтобъ довести бренное существо мое до послѣдней степени изнеможенія; частою ходьбою и холодною водою мнѣ удалось однакоже кое какъ поставить себя опять на ноги. Самымъ непріятнымъ слѣдствіемъ болѣзни моей было то, что я не могъ такъ продолжать своихъ занятій какъ бы хотѣлъ и долженъ былъ ограничить себя одними лекціями Савиньи (потому что не былъ въ состояніи сидѣть болѣе двухъ часовъ на скамьѣ), пожертвовавъ Куперомъ, слушать котораго и такъ прежде готовился; потому не могу сообщить вамъ подробно всѣхъ новостей университетскихъ; впрочемъ сколько я знаю, то особеннаго ничего нѣтъ;—съ каждымъ днемъ здѣсь болѣе и болѣе замѣтною становится потеря Ганса, который живостью своею наэлектризовывалъ холодныхъ и иногда педантическихъ другихъ профессоровъ;— они покойно теперь возвратились въ свой прежній Laufbahn, гдѣ они часто довольно неповоротливо двигаются; между прочимъ ранѣе читалъ очень интересно новую исторію до 1815 г. наслядъ его совершенно другой нежели Ганса. Литература нѣмецкая болѣе и болѣе сосредоточивается въ журналы и небольшія брошюрки; изъ послѣднихъ особенно замѣчательна извѣстная вамъ вѣроятно: Европейская Пентархія, сочиненіе неизвѣстнаго автора, которая во всей Германіи надѣлала много шуму. Изъ журналовъ кромѣ прежнихъ замѣчательнѣ: *pilot* издаваемый редакціею Treibafera; одно время говорили, что будто бы прекратится изданіе Jahrbücher für Wissenschaftliche....., однако къ счастію этотъ слухъ

оказался ложнымъ; любимый нашъ латинскій писатель..... появится въ трехъ переводахъ, которые, какъ говорятъ, одинъ лучше другаго, на дняхъ издаются также сочиненія Ганса.

Жизнь общественная въ Берлинѣ слишкомъ вамъ извѣстна, чтобы объ ней можно было сказать вамъ чего нибудь новаго. Балы, маскарады слѣдовали одинъ за другимъ, какъ обыкновенно; въ ноябрѣ здѣсь было очень интересное празднество введенія реформаціи, студентскій Fackelzug съ музыкою и пѣснями былъ самымъ лучшимъ изъ всѣхъ эпизодомъ. Въ театрахъ дали изнѣшнюю зиму нѣсколько оперъ новыхъ, комедій и драммъ; Раупахъ оканчиваетъ драматическое свое поприще тѣмъ, что хочетъ написать цѣлый рядъ русскихъ драммъ, началомъ къ этому былъ: Борисъ Годуновъ, который впрочемъ былъ чрезвычайно неудачное начало; забылъ еще сказать вамъ объ самой интересной Берлинской новости, прекрасной статуи Кисса: Амазонки, которая будетъ поставлена на площади предъ музеумомъ; это одно изъ самыхъ лучшихъ произведеній новаго ваянія, по мнѣнію знатоковъ, которые теперь только существуютъ. Вы желаете знать что дѣлается съ нашимъ русскимъ обществомъ; къ сожалѣнію его совсѣмъ почти теперь нѣтъ, на зимній семестръ пріѣхали еще нѣсколько студентовъ изъ Петербурскаго университета, но народъ совсѣмъ неинтересный, такъ что право не съ кѣмъ сказать, какъ говорится, порядочнаго слова; вы не повѣрите, любезный Тургеневъ, какъ это непріятно; между новопришельцами особеннаго заслуживаетъ замѣчанія нѣкто Спасковъ, кандидатъ коммерціи и будущій книгопродавецъ, который удивляется между прочимъ геніальности Матиссена, и не можетъ понять отъ чего ему такъ мало отдаютъ за то уваженія; Матиссенъ образованный этимъ начинаетъ дѣлать большія глупости, выдаетъ себя за ученаго, философа, поэта и пр. Избалованный прошлымъ годомъ, я смотря на русскую нашу компанію, не могу еще до сихъ поръ повѣрить тому, что предъ собою вижу. Тритенъ съ которымъ я чаще всего вижусь, уѣзжаетъ скоро въ Лондонъ, я также думаю ѣхать въ кокую Германію; очень сожалѣю, что не увижусь можетъ быть съ вами опять въ Берлинѣ. О Станкевичѣ я слышалъ что онъ живетъ вмѣстѣ съ Фроловымъ въ Неаполѣ; Неифронъ писалъ, что получилъ въ Ригѣ еще одно мѣсто пенсора и массу дѣлъ. Еще разъ прошу васъ извинить меня за долгое молчаніе; Тритенъ по своей нѣтренности до сихъ поръ не написалъ ничего, а потому я наконецъ посылаю только письмо Матиссена, хотя оно было давно изготовлено. Очень бы желалъ еще увидѣть васъ гдѣ нибудь за границей, или по крайней мѣрѣ получить отъ васъ какія нибудь извѣстія.

Вашъ

Ф. Бѣляевъ.

Если не застану васъ въ Берлинѣ то буду писать..... въ надеждѣ получить и отъ васъ отвѣтъ.

Высокоуважаемый
Иванъ Сергѣевичъ!

Не удивляйтесь, что къ Вамъ обращается человѣкъ, совершенно Вамъ незнакомый. При обыкновенныхъ условіяхъ я, конечно, не позволилъ бы себѣ подобной безтактности; но теперь моментъ—чрезвычайно важный, слишкомъ исключительный, чтобы стѣсняться извѣстными житейскими правилами и не вызывать Васъ, высокоуважаемый Иванъ Сергѣевичъ, на моральную помощь къ погибающему народу-мученику.

Мнѣ пришла въ голову счастливая мысль воспользоваться Вашимъ преобладаніемъ здѣсь для одного добраго, вполнѣ Васъ достойнаго дѣла.

Дѣло не шуточное.... десятки, сотни тысячъ евреевъ югозападнаго края Россіи буквально гибнутъ въ настоящее время, нравственно и физически, подъ ударами разбушевавшейся буйной черни, разжигаемой съ одной стороны, видимымъ сочувствіемъ многихъ интеллигентныхъ гражданъ и значительной части нашей періодической прессы,—а съ другой—непонятнымъ отсутствіемъ быстрой, энергической помощи со стороны мѣстныхъ властей. Цѣлый край, густо населенный евреями, охваченъ этимъ страшнымъ потокомъ стихійной разрушительной силы, истребляющей и расхищающей съ дикой яростію все достояніе десятковъ тысячъ семействъ, оставшихся безъ одежды, безъ крова, безъ пищи, безъ малѣйшаго проблеска надежды на какую либо возможность дальнѣйшаго существованія. Прибавьте къ этому гнетущее чувство страха за самую жизнь, ничѣмъ не обезпеченную противъ варварскаго насилія отъ дикой орды неголодныхъ-грабителей.

Какъ ни позорна для нашего вѣка самая возможность появленія такой кровавой расправы надъ цѣлымъ народомъ, въ странѣ европейской, имѣющей для всѣхъ другихъ своихъ гражданъ прочные охранительные законы,—какъ ни гнусна сама по себѣ картина избіенія евреевъ среди бѣлаго дня и отвратительный грабежъ на глазахъ многочисленной „почтенной“ публики на улицахъ и площадяхъ больныхъ русскихъ городовъ, охраняемыхъ значительнымъ запасомъ разныхъ войскъ,—какъ ни отвратительно все это, говорю я, но еще несравненно болѣе позорно то равнодушіе, то худо скрываемое іезуитское злорадство, которымъ эти событія были встрѣчены большинствомъ нашей періодической печати, непереставшимъ бросать грязью въ несчастныхъ жертвъ дневнаго грабежа и насилія! Трудно повѣрить даже, до какой степени безстыдства доходятъ иные органы печати, какъ напримѣръ „Новое Время“, „Минута“ и другіе! Такого безсердечія, такого издѣвательства надъ страшнымъ народнымъ бѣдствіемъ, такой гнусности едва ли можно найти даже среди самыхъ варварскихъ, дикихъ народовъ. Отрадное исключеніе среди этихъ журналистовъ-дикарей составляютъ только: „Порядокъ“, „Голосъ“, „Страна“.

Вотъ почему я рѣшился обратить Ваше просвѣщенное вниманіе на эти невѣроятные, но вполнѣ вѣрные факты, зная, что Вы, своимъ вѣщимъ словомъ, можете помочь, хотя нравственно тому страшному горю, которое такъ неожиданно разразилось надъ бѣдной головой цѣлаго народа-страдальца.

Россія Васъ любитъ Иванъ Сергѣевичъ, и глубоко уважаетъ. Цѣлыя два поколѣнія воспитывались на Вашихъ превосходныхъ произведеніяхъ, и нѣтъ почти ни одного грамотнаго человѣка въ Россіи, которому не было бы извѣстно Ваше знаменитое имя. Вотъ почему я увѣренъ, что одно слово ваше,—одна маленькая статья, сочувственно относящаяся къ безвыходному положенію ограбленныхъ и избитыхъ евреевъ—произведетъ на всѣхъ сильное впечатлѣніе и заставитъ многихъ призадуматься. Ваше слово будетъ имѣть отрезвляющее значеніе для многихъ фарисеевъ и мрачныхъ фанатиковъ изъ такъ называемой нашей интеллигенціи, точно также оно заставитъ умолкнуть многихъ литературныхъ сыщиковъ и гнусныхъ писакъ-разжигателей народныхъ страстей, которые, какъ гады при видѣ свѣта, запрячутся въ свои темныя подземныя норы.

Позволяю себѣ высказать свое глубокое убѣжденіе, что страшная судьба русскихъ евреевъ найдетъ въ Вашемъ честномъ сердцѣ нѣкоторое сочувствіе, и Вы не откажетесь имъ помочь своимъ могучимъ словомъ. Неужели, высокоуважаемый Иванъ Сергѣевичъ, въ жизни 3-хъ милліоновъ русскихъ евреевъ не найдете ни одной хорошей черты, кромѣ тѣхъ, которыя служили Вамъ канвой къ воспроизведенію художественнаго, но глубоко оскорбительнаго для евреевъ разсказа „Жидъ“?

Васъ по справедливости называютъ „лучшимъ изъ русскихъ людей“—и поэтому было бы грѣшно лучшему русскому человѣку не возвысить хотя одинъ разъ своего голоса въ пользу униженныхъ и оскорбленныхъ евреевъ, и—во имя права и безусловной справедливости!

Покорнѣйше Васъ прошу принять увѣреніе въ искренней, безграничной преданности и глубокомъ уваженіи, съ которымъ

Имѣю честь быть
Вашимъ покорнымъ слугою
І. Соркинъ.

P. S. Считаю нужнымъ оговориться, что будучи по вѣрѣ христіаниномъ, я ни кѣмъ изъ евреевъ не уполномоченъ просить Васъ о чемъ бы то ни было. Мысль эта принадлежитъ одному мнѣ.

Le même.
Мая 6 дня 1881 г.
С. Петербургъ.
Лештуковъ переулокъ
собст. д. № 11, кв. № 6.

Высокоуважаемый
Иванъ Сергѣевичъ!

Если я навязчиво продолжаю адресоваться къ Вамъ вновь,—то изъ этомъ отчасти виноваты Вы сами, обѣщавъ уѣдомить меня о результатѣ по извѣстному вопросу, затронутому въ моемъ первомъ письмѣ къ Вамъ, и въ личной нашей бесѣдѣ. Я съ понятнымъ нетерпѣніемъ слѣдилъ какъ за появленіемъ статьи г. Кавелина, о которой Вы мени предупредили, такъ равно и обнародованіемъ Высочайшаго разрѣшенія на открытіе подписки въ пользу пострадавшихъ евреевъ, какъ результата аудіенціи у Государя еврейской депутаціи. Первое осуществилось скоро, а втораго до сихъ поръ еще нѣтъ, да вѣроятно и не будетъ. Представители еврейскихъ интересовъ оказались ниже своей задачи. Русскіе евреи, къ сожалѣнію, не имѣютъ еще своихъ Кремле. Рѣчи представителей евреевъ, если вѣрить газетнымъ сообщеніямъ, отличались своей бесодержательностію, совершеннымъ отсутствіемъ сознательной мысли и энергіи изложенія предъ Монархомъ истиннаго положенія дѣлъ. При важности мотивовъ, заставившихъ евреевъ обратиться прямо къ Монаршему милосердію и справедливости, было слишкомъ наивно и неумѣстно даже ограничиться извѣстной фразою, что евреи могутъ приносить Вашему Величеству глубокую признательность за принятыя мѣры и пр. Какъ! Евреевъ вездѣ бьютъ, разоряютъ, грабятъ среди бѣлаго дня, на нихъ охотятся въ своемъ же отечествѣ какъ на дикихъ звѣрей,—на всемъ югѣ и югозападѣ Россіи совершаются надъ ними такія страшныя насилія и злодѣянія, которыя могли бы сдѣлать безчестіе любой Бухаріи или другой дикой странѣ, и при всемъ томъ депутація ограничивается одной кислосладкой, ничего незначущей фразою, умалчивая о настоящемъ истинномъ положеніи дѣлъ, требующихъ не однихъ только временныхъ мѣръ къ прекращенію безпорядковъ, а немедленнаго, безотлагательнаго и полнаго уравненія правъ евреевъ съ остальнымъ населеніемъ Имперіи; тогда никакихъ мѣръ не потребовалось бы. Тогда русскій народъ и самъ понялъ бы, что евреи такіе же люди какъ и другіе, и что ихъ нельзя трактовать какъ животныхъ. Вотъ чего еврейская депутація должна была бы вымаливать у подножія Престола. Точно такъ нужно было прежде всего исходатайствовать, согласно Вашему совѣту, Высочайшее разрѣшеніе на открытіе подписки. Къ несчастію ничего этого не было и нѣтъ, а евреевъ между тѣмъ продолжаютъ бить и грабить еще съ большею жестокостію. Этого еще мало! Въ газетахъ разсказывается, что одинъ еврей умеръ въ больницѣ отъ побоевъ, полученныхъ имъ при Одесскомъ „Погромѣ“. Собрались всѣ родные, близкіе знакомые хоронить этого мученика, и только что успѣли вынести его со двора больницы, какъ вдругъ налетаетъ отрядъ казаковъ, предводительствуемыхъ какимъ-то капитаномъ Генеральнаго Штаба, которые, не предупредивъ ни кого, набросились на толпу, нанося удары нагайками направо и налѣво. При этомъ начальникъ отряда захлебывался отъ

хохота при видѣ какъ евреи и еврейки, избиваемые нагайками, кричали и разбѣжались въ разныя стороны. Покойника же внесли обратно въ больницу и похоронили ночью тайкомъ. Какъ Вамъ нравится эта картинка, живьемъ выхваченная изъ быта евреевъ? А вѣдь здѣсь не пьяная толпа негодяевъ-оборванцевъ, предводительствуемыхъ какимъ-нибудь пьянымъ же солдатомъ. Во главѣ казаковъ стоялъ офицеръ Генеральнаго Штаба, значитъ человѣкъ образованный. Можетъ ли быть что нибудь гнуснѣе и отвратительнѣе этого? Право, стыдно становится за русское общество! Вѣдь это просто звѣри, а не люди.....

Глубоко разочарованный въ надеждахъ, возложенныхъ евреями на своихъ неумѣлыхъ представителей, я, послѣ появленія въ „Порядкѣ“ извѣстной статьи г. Кавелина, съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ сталъ слѣдить и искать въ газетахъ и журналахъ: не появится ли наконецъ обѣщанная *Ваша* статья какъ единственный въ данномъ случаѣ якорь спасенія среди бури и страшныхъ невзгодъ, какъ лучъ свѣта изъ царствѣ тьмы, окружающей насъ со всѣхъ сторонъ. Увы! Вашей статьи нѣтъ и нѣтъ!

Знаю, къ моему глубокому прискорбію, что мои навязчивыя желанія вызовутъ въ Васъ чувство неудовольствія, черезъ, конечно, менѣе всего желаю. Вы пожалуй скажете: „какое право имѣютъ евреи предъявлять ко мнѣ какія либо требованія?“ На это я Вамъ почтительнѣйше отвѣчу слѣдующее: кому много дано, отъ того многаго и требуется. Вы пользуетесь громкою славою, общимъ уваженіемъ во всѣхъ слояхъ общества какъ въ Россіи, такъ и на Западѣ. Вы всѣмъ этимъ пользуетесь, конечно, совершенно заслуженно, въ чемъ согласны даже самые ярые славянофилы. Но именно эта заслуженная слава, эти пріятныя и исключительныя права Ваши на славу—налагаютъ на Васъ и исключительныя обязанности. Вы не можете сказать, подобно тому, какъ года два тому назадъ заявила редакція либеральныхъ „Отеч. Записокъ“: „какое намъ дѣло до евреевъ, они намъ совершенно чужды“..... Нѣтъ! Вы этого не скажете, во 1-хъ потому, что защищая евреевъ Вы защищаете дѣло простой справедливости,—вѣдь ничего нѣтъ справедливѣе какъ стать на сторонѣ обиженныхъ, и, замѣтьте, *незаслуженно* обиженныхъ. Во 2-хъ, защищая евреевъ въ данномъ случаѣ, Вы этимъ защищаете имя русскаго человѣка, иначе—право стыдно будетъ честному человѣку называться русскимъ. Стыдно потому что не одно только активное насиліе надъ ближнимъ позорно; и пассивное къ нему отношеніе считается тоже дѣломъ далеко некрасивымъ. Такъ же, я полагаю, Вы не станете обвинять „огуломъ“ всѣхъ евреевъ за нѣкоторыя дѣйствительныя несимпатичныя черты ихъ характера. По крайней мѣрѣ мнѣ хочется вѣрить, что Вы къ нимъ отнесетесь безъ предубѣжденій и предвзятыхъ идей, не такъ какъ къ нимъ постоянно относился покойный Достоевскій, названный почему-то „великимъ учителемъ“ чуть ли не всего человѣчества, и создавшій своего характернаго „русскаго всечеловѣка“, что, впрочемъ, не мѣ-

шало ему изъ своей знаменитой рѣчи, на торжественномъ актѣ изъ Москвѣ по случаю открытія памятника Пушкину,—рѣчи, замѣчу мимоходомъ, названной Аксаковымъ вѣроятно изъ шутки—цѣлымъ событіемъ,—бросить публично комомъ грязи въ лицо цѣлой еврейской народности. Повторяю: мнѣ хочется вѣрить, что Вы далеко не раздѣляете изъ этомъ отношеніи взгляда Достоевскаго. Если бы я имѣлъ поводъ думать противное—вѣрьте мнѣ, какъ честному человѣку—я бы никогда не позволилъ себѣ просить о заступничествѣ. Это вѣдь значило бы, что евреи просятъ о какой-то милости. Но нѣтъ! евреи не милости просятъ,—*они требуютъ должнаго, слѣдуемаго имъ по праву.* Ничего нѣтъ оскорбительнѣе покровительственнаго тона нѣкоторыхъ лже-либераловъ, бросающихъ изъ видѣ жалкой милостыни нѣсколько гуманно-утѣшительныхъ словъ по адресу къ евреямъ, изъ родѣ того, что мы де, съ одной стороны, всегда порицаемъ насиліе надъ кѣмъ бы то ни было, хотя, съ другой—не можемъ не высказаться противъ еврейской эксплоатаціи и т. д. т. д. Такая защита, конечно, хуже всякаго оскорбленія. Отъ Васъ же, высокоуважаемый Иванъ Сергѣевичъ, евреи могли ожидать совершенно другаго. Я увѣренъ,—по крайней мѣрѣ хочу вѣрить,—что Вы искренно сочувствуете этому несчастному народу. Его страданія (нравственныя изъ особенности) уже слишкомъ необыкновенны, чтобы не могли вызвать къ себѣ искренняго сочувствія со стороны истинно-достойныхъ русскихъ людей, которые изъ каждомъ человѣкѣ, даже еврей, видятъ прежде всего—человѣка,—которые, не задаваясь болѣзненно-настроенной фантазіею къ созданію русскаго „всечеловѣка" и не усматривая изъ каждой народной стихійной „вспышкѣ"—особаго „подъема русскаго духа"—изъ то же время не попираютъ ногами и другихъ народностей; не бросаютъ грязью во все то, что не „Русью пахнетъ".

Я готовъ признать, что изъ національномъ характерѣ евреевъ есть нѣкоторыя не симпатичныя черты; но нельзя не сознаться, что эти черты вполнѣ естественны и понятны для лицъ, умѣющихъ трезво и критически относиться къ явленіямъ и понятіи для лицъ, умѣющихъ трезво и критически относиться къ явленіямъ. И изъ самомъ дѣлѣ, справедливо ли требовать отъ человѣка, со связанными ногами, чтобы онъ свободно выдѣлывалъ разныя трудныя „па" по всѣмъ правиламъ хореграфическаго искусства? Кто изъ правѣ требовать рыцарской честности отъ человѣка, брошеннаго на всю жизнь изъ мрачную, холодную тюрьму, гдѣ онъ ничего не видитъ кромѣ кулака и зуботычинъ? Какое право имѣетъ русское общество требовать особой непогрѣшимости отъ еврея, надъ которымъ всякій считаетъ за долгъ глумиться,—котораго всякій безнаказанно оскорбляетъ на каждомъ шагу: изъ школѣ, на судѣ, изъ храмѣ науки и искусства, на помостках театра, изъ произведеніяхъ писателей, изъ періодической прессѣ, словомъ: вездѣ, всюду и всегда при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ? Откуда же, спрашивается, набраться имъ, русскимъ евреямъ, духа, стойкости характера, храбрости и вообще благородныхъ качествъ? Гдѣ имъ учиться всему этому, и

у кого позаимствовать высокія правила чести? Не у русскихъ ли? Не у рѣдкихъ ли журналистовъ, представителей прессы, вродѣ Пихно, Суворинихъ, Баталиныхъ и имъ подобныхъ? Не у нѣкоторыхъ ли профессоровъ-сыщиковъ (Васильевъ, Кояловичъ, О. Миллеръ), науськивающихъ на евреевъ изъ самую тревожную минуту общей смуты и сильнаго напряженія общественнаго вниманія, указывающихъ на нихъ пальцами, какъ на главныхъ виновниковъ крамолы? Не у „Великаго" ли учителя „всечеловѣка", который проповѣдуя постоянно евангельскія истины о „всепрощеніи" и „христіанской любви", то и дѣло называетъ въ своихъ произведеніяхъ цѣлый народъ „жидами", и, подобно мрачнымъ средневѣковымъ фанатикамъ, не перестаетъ ихъ громить всѣми карами небесными и земными? Не у нѣкоторыхъ ли педагоговъ мужескихъ и женскихъ училищъ и гимназій, имѣющихъ похвальныя привычки въ классахъ, во время уроковъ, самымъ грубѣйшимъ образомъ надѣваться надъ „жидами" и „жидовками", на потѣху и назиданіе юнымъ питомцамъ и питомицамъ? Наконецъ, не у офицера ли главнаго штаба, захлебывающагося отъ хохота при видѣ разбѣгающихся подъ ударами нагаекъ евреевъ и евреекъ, плачущихъ надъ трупомъ своего варварски-замученнаго родственника? Неужели евреямъ слѣдуетъ у нихъ учиться правиламъ чести и порядочности? Да избави ихъ, великій Боже, отъ такого посрамленія!...

Прошу у Васъ, глубокоуважаемый Иванъ Сергѣевичъ, тысячу извиненій за эту длинную тираду. Она продиктована чувствомъ глубокой сердечной боли, чувствомъ величайшаго горя и отчаянія. Сердце болѣзненно сжимается при видѣ такой людской несправедливости, при видѣ тѣхъ кровныхъ обидъ и оскорбленій, которымъ мои бывшіе единовѣрцы подвергаются изъ Россіи со стороны не одной только „безсмысленной толпы", но и—лицъ, считающихся „интеллигенціею".

Заканчиваю настоящее письмо тѣми же словами, которыми было заключено первое мое письмо. Право тѣмъ будетъ *лучшему русскому человѣку* не возвысить, хотя одинъ разъ, своего могучаго голоса изъ пользу униженныхъ и оскорбленныхъ евреевъ,—во имя права и справедливости.

Прошу принять увѣреніе изъ моемъ безграничномъ, глубокомъ къ Вамъ уваженіи и преданности.

I. Сорокинъ.

29 Мая 1881 г.

С. Петербургъ.

Лештуковъ переулокъ

соб. домъ, № 11.

Надеждинская д. 42.

Многоуважаемый
Иванъ Сергѣевичъ

Не могу отказать себѣ въ удовольствіи, еще разъ поблагодарить васъ за тотъ любезный пріемъ, которымъ вы удостоили меня, и который останется однимъ изъ самыхъ свѣтлыхъ воспоминаній изъ моей жизни. Много часовъ высокаго наслажденія перекипла и перечитывая ваши чудесныя произведенія, полныя такой чистой поэзіи и такой художественной правды; радуясь и страдая съ вашими героями, не вымученными, не притянутыми насильно, а вставшими во всей Святой правдѣ, какъ тѣ благоуханныя ночи и ликующіе дни, что вы рисовали намъ своимъ геніальнымъ перомъ. Вы намъ показали вполнѣ, на сколько проза можетъ возвыситься до поэзіи, и когда, прошлую зиму, на одномъ изъ литературныхъ вечеровъ, вы читали вашихъ „Пѣвцовъ"—Боже мой, какъ къ вамъ то относились именно эти слова: „онъ пѣлъ и отъ каждаго звука его голоса вѣяло чѣмъ то роднымъ и необъятно широкимъ!" Помню, послѣ окончанія словъ: „онъ оглянулся и увидѣлъ, что побѣда была его"—вы тоже взглянули на толпу, жадно внимавшую вамъ и вы должны были почуять чуткой душой, что, что бы не говорили ваши враги,—побѣда все же *ваша!* Слишкомъ вы намъ дороги, чтобы мы могли не любить васъ; такъ вотъ и я привыкла любить васъ съ юности и все мечтала о счастіи, хоть на короткое время приблизиться къ вамъ, какъ къ источнику теплоты, свѣжести и силы. И вотъ нынче, не дождавшись удобнаго случая, взяла свою смѣлость въ обѣ руки, и явилась, какъ вы видѣли, незваная, непрошенная: простите великодушно и не поминайте лихомъ! Вотъ что хотѣла я высказать вамъ на прощанье, нашъ дорогой и родной поэтъ-художникъ,—а затѣмъ, да сохранитъ васъ Богъ на долгіе годы и радость, чего отъ всей души желаетъ вамъ, глубоко и благоговѣйно, уважающая васъ

18 Мая 1881. С. Лаврентьева.

С. Петербургъ 29 Іюня 1881.

Многоуважаемый
Иванъ Сергѣевичъ

Принявъ, съ большимъ удовольствіемъ, предложеніе Татьяны Петровны заняться для „Игрушечки" иллюстраціями изъ нѣкоторыхъ вашихъ сочиненій, я написала, притомъ, краткую характеристику вашей литературной дѣятельности и кое что изъ вашего воспитанія. По выходѣ номера, въ которомъ помѣщена какъ эта характеристика, такъ и два первыхъ разсказика изъ „Записокъ охотника"—считаю своею пріятною обязанностью переслать его вамъ, чтобы дать понятіе о моемъ скромномъ трудѣ. Вы увидите, что въ вашихъ разсказахъ я

только дѣлала пропуски всего лишняго для дѣтей, не измѣняя и даже не переставляя *ни единаго слова*, что, при моемъ благоговѣйномъ поклоненіи вашему таланту, почла бы святотатствомъ. Передъ акростихомъ,—который Татьяна Петровна упросила меня напечатать у нея,—она непремѣнно хотѣла помѣстить вашъ портретъ, но нигдѣ не могла найти порядочнаго клише. Единственное, мало мальски лучшее, бывшее на обертвѣ „Записокъ охотника" конторы Стасюлевича не хотѣла отпустить ей на-прокатъ; и она упросила опять меня же награвировать портретъ. Но трудъ мой,—вышедшій изъ подъ моего рѣзца весьма порядочнымъ,—какъ вы видите, такъ отвратительно напечатали, что всѣ видѣвшіе мою тонкую работу въ моемъ ручномъ оттискѣ, были поражены увидя его такъ обезображеннаго типографіей! Наша милѣйшая старушка очень страдаетъ не имѣя дѣятельныхъ помощниковъ, могущихъ постоянно слѣдить за дѣломъ, и вотъ грустные результаты падающіе на главу и сотрудниковъ, отъ души желающихъ ей успѣха и поставленныхъ въ грустную необходимость получать щелчки ихъ артистическому самолюбію! Если позволите, я современемъ пришлю вамъ оттискъ этого портрета, отдавъ его сдѣлать въ другую болѣе умѣлую типографію, чтобы вы видѣли его въ его настоящемъ видѣ. Въ слѣдующемъ номерѣ „Игрушечки" будутъ помѣщены разсказы изъ „Бѣжина луга" и „Пѣвцовъ"—а затѣмъ, дальше „Муму". Въ заключеніи моего письма, могу сообщить вамъ нѣкоторыя свѣдѣнія о юномъ поэтѣ Васильевѣ, приносящемъ вамъ стихи. Онъ очень порядочный мальчикъ, толковый въ своемъ дѣлѣ; по вечерамъ ходитъ заниматься къ одному старому учителю, гдѣ занимается вмѣстѣ съ его сыномъ, приготовляющимся поступить въ учительскую семинарію. Въ той конторѣ, гдѣ онъ рассыльнымъ, служитъ одна моя хорошая пріятельница и большая ваша поклонница, которая очень слѣдитъ за нимъ и мы съ ней такъ рады, что можемъ вашимъ именемъ направлять его на хорошее, такъ какъ вы служите теперь для него святыней, о которой онъ говоритъ со слезами на глазахъ. Я ему взялась доставлять какія ему нужны для ученія книги, и теперь мы остановились на грамматикѣ Греча (!), которую непремѣнно требуетъ его учитель, находя, что безъ нея нѣтъ спасенія! Простите, что затрудняю васъ чтеніемъ такого длиннаго посланія: но такъ пріятно поговорить съ вами хотя письменно! Если будетъ ваша милость на то, чтобы порадовать меня нѣсколько о себѣ, о вашемъ взглядѣ на мой трудъ и о томъ, когда думаете опять заглянуть въ Петербургъ, то потрудитесь адресовать: Софіи Ивановнѣ Лаврентьевой, Надеждинская, д. 42, к. 5. Если отвѣтъ вашъ можетъ придти ко мнѣ до 9-го іюля, то очень осчастливитъ меня передъ отъѣздомъ. Въ противномъ случаѣ мнѣ его перешлютъ.

Будьте здоровы и благополучны. Да сохранитъ васъ Богъ на все хорошее. Душевно и глубоко уважающая васъ

С. Лаврентьева.

Autriche-Riva.
lac de Garde.
$\frac{23}{4}$ J. A. 1881.

Многоуважаемый
Иванъ Сергѣевичъ

Я получила ваше дорогое письмо наканунѣ моего отъѣзда изъ Петербурга и не могла тотчасъ же исполнить своего желанія, какъ благодарить васъ за него, такъ и высказаться противъ вашего замѣчанія „о преувеличенности значенія вашихъ работъ", подмѣченной вами въ моей статейкѣ для журнала „Игрушечки". Не одна горячая симпатія и глубокое уваженіе, которое я питаю къ вашему высокому таланту и свѣтлой личности,—водила въ ней моимъ перомъ; имъ водила правда, хотѣвшая познакомить русскихъ дѣтей съ тѣмъ *учителемъ* и *услади телемъ*, на сочиненіяхъ котораго они будутъ учиться красотѣ слога нашего богатаго языка, подъ перомъ талантливаго и образованнаго человѣка; поэтическимъ описаніямъ, часто, самой скромной природы; наблюдательности тѣхъ мелочей, которыми такъ рѣзко, иногда, обрисовывается личность и любви, или, по крайней мѣрѣ, снисходительности къ этимъ, часто весьма не симпатичнымъ, но все же требующимъ снисхожденія, личностямъ. А эта снисходительность, эта теплота повсюду разлита въ вашихъ произведеніяхъ: человѣчности въ нихъ много и потому надъ ними часто скорбишь, но не презираешь, не погружаешься въ злобный кошмаръ или омерзѣніе! Ваши сочиненія должны служить оплотомъ для нашей молодежи противу всей той пошлости или мрачнаго озлобленія, съ пѣной у рта и безплоднаго завыванія, которыя такъ обильно усвящаютъ теперь современную литературу, подъ перомъ мелкоты, ей же имя легіонъ! О вашемъ значеніи, какъ *услади теля*, передъ произведеніями котораго забываешь много горькаго и пошлаго,—встрѣчаемаго не рѣдко—нечего и говорить; также какъ о значеніи вашего слова въ пользу крестьянскаго вопроса, повліявшаго не на одну голову, заставивъ ее призадуматься! Вотъ, нисколько не преувеличенное значеніе вашихъ работъ, и вотъ почему ваши сочиненія, чуждыя всякой мелочности и грязи, но полныя житейской правды и художественной красоты, должны войти въ библіотеку подростающаго поколѣнія; почему я съ такой радостью принесла мой скромный трудъ *въ даръ* маленькихъ читателей „Игрушечки" и ихъ родителей, нѣкоторые изъ которыхъ (я уже знаю), тотчасъ задались мыслью, понемногу, знакомить своихъ дѣтокъ съ вашими сочиненіями, могущими развить ихъ вкусъ на столько, чтобы предохранить отъ наклонности въ сторону того чтенія, которое можетъ только опошлить, или привить ту безплодную, глупую хандру, съ которой у насъ такъ любятъ няньчиться, замѣняя ею всякое другое дѣло. Вотъ что хотѣлось мнѣ высказать вамъ, многоуважаемый, дорогой Иванъ

Сергѣевичъ,—рискую, быть можетъ, показаться вамъ докучливой; вотъ что шлю я вамъ изъ—*не своего* прекраснаго далека, съ береговъ ярко-бирюзоваго Гардскаго озера, куда залетѣли мы вмѣсто нашего имѣнія на южномъ берегу Крыма, заманиваемые двумя итальянскими вывѣсками: въ Миланѣ и Венеціи.—куда затѣмъ отправимся; да и желая немножко освѣжиться подъ чужимъ небомъ. А затѣмъ, пожелавъ вамъ всего свѣтлаго и радостнаго, съ глубокимъ чувствомъ преданности и благоговѣнія, остаюсь неизмѣнно поклоняющаяся вамъ

С. Лаврентьева.

Великому
Поэту-художнику.
(Экспромтъ-Акростихъ.)

Таинственный шопотъ родимыхъ лѣсовъ,—
Увитую прелесть зеленыхъ луговъ,—
Румянецъ востока, полуденный зной,—
Гимнъ радостный утра и ночи покой:
Едва прикасаясь чудеснымъ перомъ
Намъ Русь онъ рисуетъ широкимъ штрихомъ;
Едва лишь наброситъ—и образъ живой
Въ штрихѣ геніальномъ стоитъ, какъ живой.

С. Лаврентьева.

Paris $18\frac{VI}{7}81$.

Многоуважаемый Иванъ Сергѣевичъ!

Обстоятельства мои сложились такимъ образомъ, что я вмѣсто того чтобы ѣхать въ іюнѣ въ Москву, какъ я разсчитывала, должна была остаться въ Парижѣ и, Богъ вѣсть, когда мнѣ удастся отсюда выбраться—раньше конца іюля врядъ ли. Вообще, всѣ мои планы потерпѣли такое печальное крушеніе, что я совсѣмъ пріуныла и смирилась духомъ. Если Вы помните, добрѣйшій Иванъ Сергѣевичъ, я Вамъ говорила о главной цѣли моей поѣздки: мнѣ хотѣлось примирить отца съ сестрой; я попыталась сдѣлать это посредствомъ писемъ, т. к. ѣхать самой мнѣ было невозможно; но что же изъ всего этого вышло! Отецъ послушался меня и рѣшился повидаться съ ней; свиданіе это было очень тяжелое; папа настаивалъ, чтобы она взялась серьезно за ученье и не губила своей молодости и способностей на безсмысленное гувернантство у Шереметевыхъ, предлагалъ ей средства. Она съ нимъ вполнѣ согласилась и обѣщалась пріѣхать черезъ нѣсколько дней домой, но вмѣсто того, чтобы исполнить это обѣщаніе—прислала отцу письмо, въ кот. пишетъ, что по основательномъ размышленіи

о его предложеніи, она нашла, что папа „требуетъ ея отреченія отъ христіанства", что для нея вишь такъ же невозможно, какъ покинуть „родную семью Шереметевыхъ", а потому она и на дальнѣйшее время отказываетъ себѣ въ „счастіи" видѣться съ нимъ и съ семьей. На мои письма она совсѣмъ ничего не отвѣтила. Папа ужасно разсердился и больше всего, разумѣется, на меня. Вся эта исторія долго меня измучила, что я захворала. Простите, Иванъ Сергѣевичъ, что я утомляю Васъ такимъ неинтереснымъ разсказомъ; но изъ всѣхъ русскихъ съ кот. мнѣ приходилось сталкиваться, я встрѣтила лишь немногихъ, кот. не на словахъ только, а на дѣлѣ не питаютъ никакихъ предубѣжденій противъ нашего несчастнаго, избиваемаго и со всѣхъ сторонъ оплеваемаго народа—Вы одинъ изъ этихъ немногихъ; въ Васъ также и не замѣтила и тѣни тѣхъ прозелитическихъ наклонностей, которыя составляютъ отличительную черту нашего православнаго интеллигентнаго общества; къ тому же мнѣ запалъ въ голову Вашъ разговоръ о религіи съ тѣми двумя господами, кот. я у Васъ разъ видѣла—и вотъ причина моей откровенности. А тяжелое время переживаемъ теперь мы, евреи; для насъ, видно, средніе вѣка еще не скоро кончатся. И главное, больше всѣхъ пострадали бѣдняки, голь перекатная; они и безъ этой варварской кулачной расправы жили еле перебиваясь со дня на день чѣмъ Богъ пошлетъ. Должно быть такъ и надо.....

Долго ли Вы намѣрены пробыть еще въ Россіи, Иванъ Сергѣевичъ? Я спрашиваю объ этомъ п. ч. скоро кончу второй свой очеркъ и желала бы воспользоваться Вашимъ объясненіемъ прочесть его и вообще выслушать Ваше мнѣніе и совѣты. Кстати, напишите мнѣ, если найдете время, какая судьба постигла мою первую вещицу? чуетъ мое сердце, что не приняли! Ну и Богъ съ ней. Есть у меня къ Вамъ еще просьба, Иванъ Сергѣевичъ, только я даже не знаю, какъ ее высказать; если выйдетъ неловко, Вы, пожалуйста, не выщите. Дѣло въ томъ, что у меня теперь въ Москвѣ, кромѣ кн. Горчаковой, которая все больна, нѣтъ ни одного знакомаго, кот. могъ бы мнѣ доставить какое-нибь занятіе; а безъ занятій мнѣ..... очень трудно будетъ существовать. Я надѣялась, что мнѣ удастся получить мѣсто учительницы при гимназіи или хотъ частномъ пансіонѣ, но теперь объ этомъ и думать нечего—одного того что я еврейка достаточно, чтобы получить вездѣ отказъ. Вотъ я и хочу попросить Васъ, Иванъ Сергѣевичъ,—не можете ли Вы помочь мнѣ рекомендаціей—у Васъ вѣдь такое обширное знакомство. Простите меня, Бога ради, за эту безцеремонность! Мнѣ тѣмъ болѣе неловко Васъ просить, что Вы такъ мало меня знаете и, слѣдовательно, имѣете полное право питать ко мнѣ лишь очень слабое довѣріе. Какъ же тутъ быть! Во всякомъ случаѣ, если это Васъ хоть сколько-нибь затруднитъ, то Вы не безпокойтесь: я въ претензіи не буду.

Изъ газетъ я знаю, что Вы пріѣхали въ Петербургъ здоровымъ, но о томъ,

какое впечатлѣніе произвела на Васъ родина—газеты молчатъ. Конечно, тяжелое, кому теперь легко....

Въ „Revue littéraire" теперь печатается Вашъ разсказъ—„Vieux portraits", я никогда этого не читала по русски, хотя у меня есть полное и послѣднее изданіе Вашихъ сочиненій.

До свиданья, Иванъ Сергѣевичъ, желаю Вамъ всего, всего лучшаго и еще разъ прошу простить великодушно эту безсвязную и скучную болтовню.

Преданная Вамъ

Р. Ф.....

Адресъ—Paris-Auteuil, rue Lafontaine, 104.

С. Новое Зыково $18\frac{VII}{I}81$.

Многоуважаемый

Иванъ Сергѣевичъ,

Ваше письмо мнѣ переслали изъ Парижа въ Россію, куда я возвратилась лишь вчера. Еще задолго до полученія отъ Васъ отвѣта, я ужасно бранила себя за то, что такъ не кстати надумала „распространяться" въ своемъ послѣднемъ письмѣ. Но Вамъ, Иванъ Сергѣевичъ, такъ хорошо знающему человѣческую душу, должно быть понятно, что бываютъ такіе моменты, когда, помимо воли, сорвется вдругъ съ языка что-нибь такое, за что, опомнившись, со злостью самъ бы себя за ухо выдралъ; такой именно моментъ переживала я, когда колотили наше, какъ Вы выражаетесь, „племя" (даже и народомъ то Вы не благоволите насъ считать). Я, однако, надѣюсь, многоуважаемый Иванъ Сергѣевичъ, что Вы великодушно забыли *все* содержаніе моего послѣдняго глупаго письма. Тысячу разъ спасибо за Ваши хлопоты о моей скромной литературной попыткѣ и еще больше благодарю Васъ за Вашу любезную готовность просмотрѣть мою вторую работу. Но дѣло въ томъ, что М-ме Луканина такъ напугала меня „границей", что я не рѣшилась везти рукописи съ собой, а послала ее въ заказномъ пакетѣ, кот. до сихъ поръ еще не прибылъ. Авось, мнѣ удастся повидаться съ Вами въ Москвѣ и тогда я отдамъ на Вашъ судъ свое „дѣтище". Не хочу Васъ больше утомлять. Сердечно желаю Вамъ всего хорошаго, а главное, здоровья.

Уважающая Васъ

Р. Ф.....

Адресъ: Москва, Новое Зыково, бл. Петровскаго Парка, дача Кадушкиной, кв. Хинъ для Р. М. Ф.

Н. Зыково 13 Августа 81 г.

Многоуважаемый
Иванъ Сергѣевичъ!

Вчера я получила отъ г. Пыпина обратно свою рукопись. Вы, конечно, сами поймете, какъ опечалила меня моя неудача; все это время я думала, не отказаться ли мнѣ совсѣмъ отъ дальнѣйшихъ поползновеній. Что за радость вѣчно испытывать „охоту смертную да участь горькую".

Какъ я Вамъ благодарна, добрѣйшій Иванъ Сергѣевичъ, за Ваше обѣщаніе извѣстить меня о днѣ Вашего пребыванія въ Москвѣ—по крайней мѣрѣ удастся еще разъ съ Вами побесѣдовать, а ради этого можно примириться со многими неудачами. Надѣюсь, Вы не заподозрите искренности того, что я говорю. Если это Васъ не затруднитъ, Иванъ Сергѣевичъ, то извѣстите меня изъ деревни, когда Вы думаете быть здѣсь, н. ч. пока до нашего благословеннаго Зыкова дойдетъ письмо, Вы ужъ успѣете уѣхать за границу, а мнѣ было бы слишкомъ жаль упустить возможность съ Вами повидаться.

Душевно Вамъ преданная
Р. Ф....

Адр. Новое Зыково, что за Петровскимъ Паркомъ, д. Кадушкиной, кв. Хинъ.

26 Мая 1881 г.

Многоуважаемый
Иванъ Сергѣевичъ,

Очень тяжело и непріятно мнѣ надоѣдать Вамъ моими дѣлами, но я надѣюсь, что Вы, по добротѣ своей, простите меня. Вотъ почти уже мѣсяцъ прошелъ съ Вашего отъѣзда и я до сихъ поръ не получила никакого извѣстія ни отъ Васъ ни изъ редакціи. Я очень хорошо знаю и отдаю себѣ полный отчетъ въ томъ, что и Вы и редакція и заняты и заинтересованы такими вопросами и дѣлами, по сравненію съ которыми мои „дѣлишки" ничто—поэтому мнѣ и самой даже чуть не до слезъ досадно, что *необходимость*, не смотря ни на что, заставляетъ таки лѣзть на глаза людямъ, которымъ вовсе не до меня и до моихъ нужъ,—и что я лѣзу и надоѣдаю, потому что иначе не могу. Деньги, которыя Вы дали мнѣ—вышли; уроки, или лучше сказать—урочишки прекращаются за лѣтнимъ временемъ; урокъ черезъ Г-жу Фельдштейнъ смутно предвидится въ Сентябрѣ; занять не у кого, да и тяжело было бы въ виду неопредѣленности отдачи занятаго. Однимъ словомъ сѣлъ опять клиномъ сошелся—только и есть одна надежда на помѣщеніе статьи въ В. Ев. при помощи Вашей рекомендаціи. О такихъ вопросахъ какъ высылка мнѣ журнала я и заикаться не смѣю—у меня просто дѣло идетъ теперь о насущномъ хлѣбѣ. Къ тому же еще простудилась

сильно, прохворала двѣ недѣли и даже свои несчастные уроки проманкировала отчасти. Еслибы не Антокольскій достать немного работы, то не знаю что дѣлала бы, да и это всего еще на три-четыре недѣли, а тамъ уже и совсѣмъ плохо будетъ. Пишу сердясь на себя за то *что* и за то *какъ* пишу; за то что вѣчно приходится ныть, просить, надоѣдать. Еслибы редакція прямо ужъ хоть отказала, такъ я бы въ кухарки или нянькй куда нибудь пошла въ виду невозможности найти никакого другого дѣла, а тутъ все еще чего-то ждешь, на что-то надѣешься. Ужасно надоѣло мнѣ все, да и я всему свѣту надоѣла.

Перечитала свое письмо, нашла его вполнѣ безтактнымъ и хуже того совсѣмъ глупымъ, хотѣла написать другое, подумала и зачѣмъ оказалось, что какъ бы ни писала—выйдетъ все то-же самое нытье, все тѣ-же просьбы и вся та-же досада на то, что это все приходится излагать и посылать Вамъ. Итакъ простите меня великодушно и напишите мнѣ два слова. Я даже въ сущности удивляюсь, какъ рѣшаюсь вообще писать Вамъ. Я все болѣе и болѣе убѣждаюсь и въ ничтожествѣ и въ дрянности своей и спрашиваю себя очень часто какая собственно нужда въ томъ, чтобы *я* окончательно не была стушевана, устранена, уничтожена. Я спрашиваю себя на что я собственно существую и почему не было бы въ тысячу разъ лучше, еслибы я не отнимала своимъ существованіемъ долю хлѣба, воздуха и свѣта у другихъ, лучшихъ. Простите меня за надоѣдливость.

А. Луканина.

Многоуважаемый
Иванъ Сергѣевичъ,

Какъ Васъ благодарить ужъ и не знаю—я получила оба Ваши письма и деньги—200 фр.—отъ Г. Віардо и теперь на время спокойна. Я не могу Вамъ выразить какъ я рада, что статья моя принята; если она дѣйствительно начнетъ печататься съ Іюня, какъ Вамъ говорили, то мои бѣдствія на время прекращаются—если же нѣтъ, то мое положеніе будетъ очень некрасно въ Іюлѣ и Августѣ, ну да до тѣхъ поръ еще далеко, а я такъ привыкла жить со дня на день, что едва думаю о томъ что будетъ черезъ мѣсяцъ или два. Я Вамъ такъ много задолжала деньгами, что боюсь не потеряла ли счетъ. Сначала Вы мнѣ дали 200 фр., о которыхъ я писала Г. Стасюлевичу; потомъ еще 150, потомъ 100, теперь еще 200—это вмѣстѣ составляетъ 650. Я записывала, но боюсь не пропустила ли чего по своей безпорядочности. Какъ и когда отдать ихъ Вамъ?—Если Г. Пыпинъ вычеркнетъ мнѣ деньги за напечатанное, не вычитая ничего, то я отошлю Вамъ часть или можетъ быть редакція сама вычтетъ? Я не знаю какъ сдѣлать и была бы Вамъ несказанно благодарна, еслибы Вы меня извѣстили; во всякомъ случаѣ врядъ-ли за Іюньскій № я получу достаточно, чтобы отослать Вамъ

все сполна, т. к. я боюсь что за Американскую статью мнѣ заплатятъ меньше, нежели за попѣсти. Мнѣ такъ совѣстно, что я такъ постоянно утруждаю Васъ, не только всякими хлопотами, но еще и постоянно получаю деньги отъ Васъ. Я думаю, что гораздо лучше было бы еслибы редакція прямо вычла изъ будущаго гонорара то, или хоть часть того, что Вы мнѣ дали и переслала бы Вамъ, но и не смѣю ничего писать туда объ этомъ, потому что не знаю какъ рѣшите Вы. До сихъ поръ я ни извѣщенія, ни журнала, ни денегъ оттуда не получала. Писать ли мнѣ Г. Пыпину до появленія Іюньской книжки? Если у Васъ, многоуважаемый Иванъ Сергѣевичъ, найдется минута свободная напишите мнѣ. Г. Віардо сказалъ мнѣ, что Вамъ лучше, чему я отъ души порадовалась,—желаю Вамъ всего что можно желать лучшаго и въ смыслѣ здоровья и въ смыслѣ спокойствія. Здѣсь опять настоятельно пишутъ въ газетахъ о сынѣ представителей Земства. Неужели это опять ложь?

Съ самою искреннею благодарностью и глубокимъ уваженіемъ остаюсь

А. Луканина.

СПБургъ.
Сергіевская, 2.
8 Іюня 1881.
Понедѣльникъ.

Сегодня получилъ письмо Ваше отъ 2 Іюня, дорогой Иванъ Сергѣевичъ, и сего же дня былъ у К. И. Одынецъ, передалъ ей Ваше письмо и 25 рублей. Она перемѣнила квартиру, изъ 2-й линіи переѣхала въ Кадетскую домъ № 31. Потомъ былъ у Чагашена и узналъ отъ него, что квитанція послана Вамъ 30 Мая, вѣроятно Вы теперь ее получили. На Новое Время я подписался 25 Мая, на семь мѣсяцевъ т. е. по 1 Января 1882 года. Надѣюсь, что оно Вамъ доставляется. 2 Іюня Вы еще не могли его получить, такъ какъ 1 Іюня былъ Духовъ День и газеты не выходили, по случаю праздника.

Стасюлевичу я писалъ, что Вы желаете получать Порядокъ, вѣроятно онъ будетъ высылаться Вамъ тоже съ 1-го Іюня.

У Квернера ничего нѣтъ, кромѣ двухъ писемъ, которыя отправлены въ Спасское.

Прошу Васъ передать мой поклонъ Жозефинѣ Антоновнѣ.

Желаю Вамъ благоденственнаго и мирнаго житія, здравія и спасенія и во всемъ благаго поспѣшенія.

Вашъ
покорный слуга
. . . . . .

Дѣтѣ булавки и кланяйтъ у Васъ за зеркаломъ и передать Я. П. Полонскому, для доставленія по принадлежности.

СПБургъ.
Сергіевская, 2.
21 Іюня 1881 год.
Воскресенье.

Письмо Ваше, дорогой Иванъ Сергѣевичъ, отъ 15 Іюня я получилъ, радуюсь благополучному прибытію Вашему въ родное гнѣздо, желаю Вамъ благоденствовать и быть бодрымъ и здоровымъ. Меня удивляетъ только то, что Вы не дождались въ Москвѣ бенефиса М. Г. Савиной,—будетъ ли она у Васъ въ Спасскомъ,—удачны ли были въ Москвѣ ея дебюты? Напишите пожалуйста, меня все это очень интересуетъ. Получаете ли Вы Нов. Вр. и От. Записки? Прошу Васъ передать мой усердный поклонъ Я. П. Полонскому и супругѣ его и дѣткамъ.

Вашъ пок. слуга
. . . . . .

Завтра ѣду въ городъ Гдовъ, гдѣ намѣренъ пробыть около недѣли, если не соскучусь.

Милостивый Государь
Иванъ Сергѣевичъ.

Позвольте мнѣ выразить Вамъ отъ имени Комитета по сооруженію памятника Гоголю изъ Нѣжина искреннѣйшую благодарность за сообщенное Вами мнѣніе, касательно того, что приличнѣе изобразить на доскахъ украшающихъ пьедесталъ памятника. Безъ сомнѣнія, мнѣніе Ваше будетъ вполнѣ оцѣнено и принято къ руководству Гг. исполнителями.

Пользуясь этимъ случаемъ покорнѣйше прошу Васъ принять увѣреніе глубокаго уваженія и совершенной преданности

Вашего
8-го Мая 1881. покорнаго слуги
Петръ Кочубей.

Новгородъ, 22 Іюля 1881.

Нашъ Новгородскій Акцизный Чиновникъ Бунинъ, страстный охотникъ и искусный стрѣлокъ, по временамъ помѣщающій свои разсказы въ охотничьемъ журналѣ Сабанѣева, и въ то же время благотворящій передъ Вами, просилъ меня убѣдительно передать Вамъ, дорогой Иванъ Сергѣевичъ, прилагаемую книжечку, въ чемъ я не смѣлъ ему отказать, зная Вашу доброту и увѣренный, что Вы, избравъ когда нибудь свободный часъ, прочтете и напишете мнѣ короткое письмецо о впечатлѣніи, произведенномъ на Васъ разсказомъ Бунина. Ободритъ человѣка—

Ваша спеціальность. Вотъ почему я и рѣшился побезпокоить Васъ этой просьбой въ надеждѣ, что Вы не посердитесь зато на меня.

Примите увѣреніе въ чувствахъ глубочайшаго уваженія и искренней преданности.

М. Яньковъ.

P. S. Если это письмо застанетъ Васъ въ Спасскомъ, гдѣ вѣроятно находится и Я. П. Полонскій, то прошу Васъ передать ему отъ меня дружескій поклонъ.

4 Мая 1881.

Любезнѣйшій и дражайшій
Иванъ Сергѣевичъ.

Эту записку передастъ Вамъ Иванъ Александровичъ Астафьевъ художникъ, нарисовавшій самый похожій портретъ Бѣлинскаго. Будьте добры, взгляните на него и скажите художнику, п„авъ я или нѣтъ, находя портретъ очень похожимъ, насколько возможно, работая 33 года послѣ смерти оригинала.

Если Вы похвалите, надо Вашу и мою подпись, чтобъ рекомендовать портретъ и потомъ надо помочь художнику, который очень нуждается, продать его. Во всемъ этомъ Вы можете ему помочь и я прошу Васъ не отказать въ Вашей сильной поддержкѣ, разумѣется если Вы сходство одобрите.

Весь Вашъ

. . . . . .

Глубоко-чтимый
Иванъ Сергѣевичъ.

Я получила Вашъ портретъ и благодарю Васъ за него.

Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы выразить Вамъ мою благодарность и за все остальное, за Ваши поистинѣ дорогіе и незамѣнимые совѣты и указанія. Чѣмъ глубже я вдумываюсь въ нихъ тѣмъ болѣе узнаю имъ цѣну. Если не сумѣю ими воспользоваться, то потому что не хватитъ таланта; но „сіе не отъ насъ—Божій даръ".

Доставите ли Вы мнѣ опять радость видѣть Васъ? Такъ многое еще хотѣлось у Васъ спросить, столько взглядовъ проѣврить. Не сказала я и десятой доли того, что хотѣлось сказать. Впрочемъ, если опять увижу Васъ, то вѣроятно опять забуду многое. Вы вѣдь это знаете не правда ли?

Удивительную прелесть придаетъ вашей бесѣдѣ это сознаніе, что Вы все такъ хорошо понимаете, что не нужно много словъ; кажется будто Вы въ душѣ читаете, и открыта она передъ Вами,—и это странное какое-то и радостное чувство.

Изъ общенія съ людьми выношишь большею частію совершенно обратное впечатлѣніе.

И какъ бы я Вамъ выразила чувства мои? Какъ сумѣла бы благодарить за всѣ чистыя радости, и блаженныя слезы, и сладостную грусть, и за все, все чѣмъ дарили Вы меня съ отроческихъ лѣтъ моихъ—за тоску по идеалу, томительную, безысходную, еще не понятую но дорогую какъ счастіе молодой души.

Сказать ли Вамъ, Учитель, какъ невѣроятно и странно мнѣ то, что узнала я объ Васъ въ послѣднее наше свиданіе? Не могу даже никакъ остановиться на этой мысли. Не укладывается она что-ли въ головѣ моей?—или тонетъ въ лучахъ Вашего ореола?... Грустно мнѣ думать, что мои убѣжденія лишаютъ меня, можетъ быть, возможности разсчитывать на Вашу симпатію.

Однако письмо мое, кажется, дѣлается слишкомъ длинно—простите, Учитель дорогой; такъ весело говорить съ Вами. До свиданья, не правда ли? Да хранитъ Васъ Господь.

С. Петербургъ. Преданная Вамъ и благодарная
27-ое мая 1881 г. Гр. Е. Ефимовская.

Не нахожу словъ, многоуважаемый Иванъ Сергѣевичъ, благодарить Васъ за Ваше письмо. Какъ только найду кого нибудь переписать свой разсказъ, то тотчасъ же воспользуюсь Вашимъ позволеніемъ перешлю его Вамъ.

Не браните меня, что я не умѣю писать по русски, несмотря на то, что я часто пересыпаю свой разговоръ французскими словами, я все же не получила никакого образованія. Почему же и выйдши замужъ, и прожившя до 38-и лѣтняго возраста я всетаки не научилась писать правильно, право на это есть много причинъ. Написала я свой разсказъ, какъ умѣла и очень бы желала его отдать кому нибудь. Цѣль моего разсказа принести хоть малѣйшую пользу Институту Слѣпыхъ. Можетъ быть, кто нибудь съумѣетъ съютить этотъ разсказъ и выпустить его въ печать, то не найдутся ли люди, которые прочтя этотъ разсказъ обратятъ вниманіе на уставъ Института Слѣпыхъ и разберутъ съ кою цѣлью онъ устроенъ. А я знаю, что всякій даже пустяшный намекъ на Институтъ Слѣпыхъ, въ печати заставляетъ на некоторое время начальство Институтское дѣлать жизнь слѣпыхъ гораздо сноснѣе.

Видѣвши меня на какихъ нибудь полъ-часа Вы бы поняли и цѣль моего разсказа да и всю жизнь мою. Если Вы читали Живую Душу Марко Вовчокъ, это описана вся наша семья и дѣвочька Катя описанная тамъ, это я, Маша двоюродная моя сестра, но я ее „ѣ„ эти двадцать пять лѣтъ видѣла два раза мелькомъ.

Простите меня, что я Васъ утруждаю своими письмами вѣроятно и несскладными, да и я читала то на своемъ нѣку очень мало.

Постараюсь выслать свой разсказъ не знаю долго ли Вы пробудете въ деревнѣ.

Крѣпко отъ души жму Вашу руку.

27-го Іюля Уважающая Васъ
1881 года. . . . . .

Золотаревo.

Я узнала, что вы въ деревнѣ, милѣйшій Иванъ Сергѣевичъ, и такъ какъ случай привелъ меня въ ваше сосѣдство, то я хотѣла бы имъ воспользоваться чтобъ повидать васъ. Я пробуду еще два дня, т: е. Воскресенье и Понедѣльн: у своей пріятельницы Елиз: Петр: Кислаковской, въ имѣніи, принадлежавшемъ когда-то Шереметеву (Ал: Вас:) и еслибъ вы посѣтили меня, то доставили бы величайшее удовольствіе не только мнѣ но и хозяйкѣ дома, съ которой, если вы помните, вамъ случилось разъ обѣдать у насъ въ Петерб. Если же, по чему нибудь, вы пріѣхать не можете, то назначьте мнѣ день и часъ когда я могла бы навѣстить васъ въ Спасскомъ. Я такъ безцеремонно навязываю вамъ свое посѣщеніе, расчитывая на деревенскую скуку, которая дѣлаетъ людей снисходительными.

Насъ вы можете застать дома съ 9 час: утра до 12-и ночи. Всего лучше было бы вамъ пріѣхать къ завтраку, остаться обѣдать, чтобъ имѣть время отдохнуть. Увѣдомьте только, когда васъ ожидать, въ Воскресенье или Понедѣльникъ?

До скораго свиданія, не правда ли?

6-ое Іюня. Искренно васъ уважающая

Суботя. Ел: Шешкина.

С: Покровское.

Четвергъ.

Гагар. наб. 20.

Напоминаю дорогому Ивану Сергѣевичу любезное обѣщаніе обѣдать у меня сегодня въ 6 часовъ въ сертукѣ. Обѣщали быть Титовъ, бар. Николаи, Набоковъ, морск. м-ръ Пещуровъ, Фришъ, Перетцъ.

Пред.

Головнинъ.

Paris 23 Mars 1881.

Cher monsieur Tourguéneff.

La traduction des Vieux Portraits est révisée et prête à être envoyée.

Désirez-vous la présenter vous-même à Mr Jung, ou préférez-vous que je la lui apporte? La démarche n'aurait pour moi rien de désagréable, mais si vous aimez mieux voir m-r Jung vous-même, je vous enverrai le manuscrit.

La tache blanche sur le front du cheval s'appelle une étoile. Les pigeons турманы sont des pigeons culbuteurs.

Quant au гриб дождевикъ, c'est ce qu'on nomme en France pet-de-loup ou vesse-de-loup de la famille des lycoperdacées. Il m'a semblé plus *convenable*, dans les deux sens de cet adjectif, de traduire la phrase ainsi: „tu éclateras comme une

grenade". L'or de la correction des épreuves, vous trouverez peut-être quelque chose de mieux.

Inutile d'ajouter que je suis à votre pleine et entière disposition pour le conte, quand vous l'aurez terminé.

Compliments cordialement empressés de nous deux.

Eduard Gréville.

Paris le 17 Avril 1881.

Monsieur,

Je desire vous voir pour vous remetre un papier que j'ai à Monsieur Nicolas de Khanikoff. Je ne sais pas comment cela c'est fait, je l'ai trouvé dans des papiers à moi, je ne sais pas l'adresse des parant de Monsieur N. de Khanikoff.

Je voudrai le remêtre à vous même si cela ne vous dérange pas de me faire savoir par un petit mot le jour et l'heure que vous voudriez bien me recevoir.

Recevez Monsieur l'assurence du profond respect avec lequel j'ai l'honneur d'être votre très humble.

Hortense Rousselle.

Voici mon adresse, rue du Mont parnasse 47.

Ce 23 Juin 1881.

Cher Ivan Sergieviteh,

Sainte Anne est enfin arrivée! Une Sainte Anne de troisième classe avec tous ses insignes. Tout vient à point à qui sait attendre. Ce qui me charme surtout dans cette distinction ce sont les souvenirs auxquels elle se rattache, les sympathies dont j'ai été l'objet à Moscou, votre précieuse amitié que je vous prie de conserver na многія лѣта

A votre très affectionné serviteur

L. Leger

5 rue de Laval.

Messine, (Italie) $^{2}/_{7}$ 1881.

Illustre Monsieur Tourgenieff!

J'ose avec la presente m'adresser à un homme que l'Europe admire à l'envi: et je me flatte que sa courtoisie et son indulgence ne voudront pas rejeter mes prières.

Ce qui vous conseillera peut-être a me pardonner l'hardiesse de m'être adressé à vous, illustre Monsieur, c'est que mon but est celui de faire éclater davantage votre gloire en Italie, et d'y rendre votre nom plus populaire. Ce n'est pas, illustre Monsieur, que l'une n'y soit déjà établie, et l'autre connu: les savants et les gens de lettres s'empressent tous de rendre hommage à votre génie: mais aucun de vos

romans n'a été jusqu'à present traduit en italien, et c'est pour cela que votre nom n'a encore acquis ici le sceau de la popularité. Je vous demande pourtant la permission de traduire quelques uns de vos romans en italien: mais, ne connaissant pas assez le russe, vous permettrez que moi, allemand, je les traduise de l'allemand de M. Lange! J'aurais l'intention de traduire: Die neue Generation, Dunst, Väter und Söhne; mais néanmoins vous m'obligeriez infiniment si vous vouliez m'accorder la licence de traduire tous vos romans. Outre cela je vous prie de me vouloir envoyer l'autorisation de les imprimer, pour l'imprimeur M. Edoardo Fonzogno Milano. Il va sans dire que je vous envoyerai les premières copies de la traduction. Mon humble travail, c'est le seul hommage que ma petitesse puisse rendre à l'un des hommes les plus illustres de l'Europe. Agréez, illustre Monsieur, mes salutations les plus empressées.

I. Edouard Boner.

Adresse: M. Edouard Boner,
(Strada Fabbriche, № 19)
Messine, (Italie).

Mon bien cher et bien grand ami,

J'aime trop, quand j'aime, pour me donner le chagrin de faire une reserve. Je prefere vous dire mille fois merci—pour ce que vous m'envoyez et pour ce que vous me promettez. C'est parfait et définitif comme notice sur le C-te Tolstoi. Il n'y a pas une virgule à changer.

Vous êtes la coquetterie en personne quand il s'agit „du français". Il est vrai que les françaises, qui vous adorent, vous le rendent bien.

Votre plus vraie admiratrice et amie
24 Juillet 1881. J-tte Adam.

Автобіографія Николая Ивановича Иваницкаго.

Начато въ 1843 году, въ Маѣ мѣсяцѣ въ Вологдѣ.
115 листовъ.

Минувшихъ лѣтъ угаснее веселье
Мнѣ тяжело, какъ смутное похмѣлье;
Но, какъ вино, печаль минувшихъ дней
Въ душѣ моей чѣмъ старѣ, тѣмъ сильнѣй.
А. Пушкинъ.

Дѣтство и жизнь въ Вологдѣ.

Давно хотѣлось мнѣ описать всю прошедшую жизнь мою; но до сихъ поръ не могъ собраться: то недосуги, то лѣнь мѣшали этому благому намѣренію.

А жаль, что я дожилъ до 27 лѣтъ, не записалъ ни одного случая изъ моей жизни, хотя многіе стоятъ того, чтобы хранить ихъ въ памяти до могилы. Теперь я читаю статью Гете: *Wahrheit und Dichtung;* она то и подстрекнула меня привесть въ исполненіе давнишнее мое намѣреніе. Начинаю писать; но не для читателей, какъ Гете, а для самого себя, и потому мое описаніе будетъ самое искреннее, а слѣд. и справедливое.

Родители мои говорили, что я родился въ Широгорьѣ, въ 25-ти верстахъ отъ Вологды. Это случилось 2 Генваря 1816 года, въ одиннадцатомъ часу вечера. Крестною матерью моею была ближняя помѣщица Генеральша Шушукова, а крестнымъ отцемъ дядя мой Н. Ѳ. Андреевъ. Я былъ очень здоровой и красивой ребенокъ. Черезъ годъ отецъ мой перешолъ въ управители на Сергеевской саловаренной заводъ. Онъ уѣхалъ туда лѣтомъ; а маменька отправилась къ нему по первому зимнему пути, съ старшимъ братомъ моимъ, которому было тогда 2½ года, и со мною. Мы ѣхали въ своей повозкѣ на почтовыхъ. Провожалъ насъ присланный отъ папеньки человѣкъ, по имени Никола. Говорятъ, онъ былъ большой хитрецъ и шутникъ. Мнѣ все хотѣлось сидѣть насѣтъ съ нимъ и съ кучеромъ на облучкѣ,—и я безпрестанно тянулся туда изъ кибитки. Никола бралъ меня на руки, и когда морозъ убѣлялъ мой носъ и окоченялъ руки, тогда снова укладывали меня въ кибитку. Когда лошади шли тихо, и ямщикъ скупился погонять ихъ, Никола свисталъ самымъ пронзительнымъ свистомъ изъ нарочно сдѣланную имъ трубочку, и лошади, принимая это за свистъ медвѣдя, неслись во весь духъ. Ямщикъ сердился, а Никола говорилъ, что онъ свищетъ не съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы пугать лошадей, а только, чтобы потѣшить дитя, т. е. меня. Въ Сергеговскомъ заводѣ прожилъ я четыре года съ половиною, и началъ немного понимать себя. Вотъ два случая, которые запомнилъ я, и которые можно назвать самыми первыми, принятыми и сохраненными памятью. Однажды лѣтомъ, вѣроятно въ 1821 году, день былъ прекрасный; я сидѣлъ передъ домомъ на скамейкѣ и смотрѣлъ на рѣку, на которой въ это время несло плоть, а на плоту сидѣла женщина..... Этотъ ничтожный случай сильно врѣзался въ моей памяти, и самъ не знаю по какой причинѣ; онъ былъ самый первый, гдѣ началъ дѣйствовать моя память. Другой, также маловажный: я шелъ съ маменькой въ церковь, и нашелъ на дорогѣ пятакъ. Разумѣется, я тотчасъ отдалъ его, а попадья, которая не знаю какъ тутъ случилась, очень хвалила меня, что я не воспользовался находкою. Странно! Прочіе случаи изъ жизни моей въ Сергеѣ представляются теперь, какъ неясный и самый темный сонъ: мелькаютъ въ памяти какія-то безъименныя лица, какія-то неопредѣленныя мѣстоположенія.... По разсказамъ знаю теперь, что я во все время тамъ былъ здоровъ, любилъ безпрестанно бѣгать по двору, играть и пр. Природа надѣлила меня крѣпкимъ тѣлосложеніемъ и красивою наружностію. Что еслибы дары ея я успѣлъ сохра-

нить донынѣ? Но прошедшаго не воротить; по крайней мѣрѣ я должень благодарить Природу за то, что она нескупо наградила меня, и если я не нахожу теперь въ себѣ и десятой доли этихъ даровъ, то виновать самъ.... Нянькой моей была старуха, которую называли Горошиной. Говорять, она очень любила меня, и часто говаривала мнѣ: „Колушонышъ (красное солнышко) ты мой! у самого ты Царя приказнымъ будешь!“ Но въ памяти моей не сохранилось образа этой доброй старушки.... Странно! что мы часто видимъ въ дѣтствѣ, того не помнимъ, а иногда хранимъ въ памяти случаи самые ничтожные, какъ напр. тѣ, которые записалъ я выше, или вотъ эти: мы ѣхали на рѣкѣ въ карбосѣ, не знаю, куда. Съ нами былъ и самоваръ. Я игралъ пищечкой, отвернутой отъ крышки самовара и уронилъ ее въ воду. Несмотря на то, что дно въ этомъ мѣстѣ было глубоко, мѣдная блестящая пищечка видна была на чистомъ пескѣ Вями. Другой случай: это было уже въ домѣ Нѣмчинова, куда перешли мы, когда отецъ мой сдавалъ управленіе завода другому управителю. Мы помѣщались во второмъ этажѣ. Однажды въ зимнее воскресное утро встали мы съ братомъ на разсвѣтѣ и подошли къ окну, въ одинаковыхъ рубашкахъ: передъ окнами была ярмарка, которая обыкновенно производилась каждое воскресенье.... Еще помню,—это было тоже зимой—какую-то сильную драку между мужиками, которыхъ не знаю, по какому случаю, собралось очень много: они пили, гуляли и наконецъ дрались. Одного изъ нихъ, избитаго уже до крови, спрятали священникъ у себя въ хлѣбѣ. Я стоялъ на крыльцѣ; два мужика шли мимо меня и весело разговаривали; но вдругъ остановились и начали усердно колотить другъ друга.... Вотъ все, что еще сколько нибудь въ ясномъ видѣ сохранила моя память; а прочее сливается въ одну нестройную, неясную картину. Вѣроятно, дикая природа сѣвера, постоянный и суровый климатъ, и жизнь не комнатная, а всегда открытая благотворно дѣйствовали на развитіе моихъ физическихъ и нравственныхъ силъ: не отъ чего было мнѣ ни сохнуть, ни блѣднѣть, и приучаться къ хитрости, лукавству, обманамъ, однимъ словомъ, ко всѣмъ подлостямъ, которыя господствуютъ въ обществѣ. Отецъ мой перешелъ служить изъ Вологду; и маменька со всѣми дѣтьми (кромѣ старшаго брата и меня тогда были уже двѣ сестры и еще больной братъ одного году) отправилась къ нему весною на каюкѣ (такъ называются суда). Помню, что когда каюкъ отчаливалъ отъ берегу,—это было вечеромъ на закатѣ солнца,—то на берегу стоялъ священникъ съ семействомъ и съ нимъ много народу; всѣ они кланялись намъ и желали счастливаго пути.... Мы ѣхали въ самую большую воду, но всетаки тихо; потому что каюкъ тянули лошадьми; на ночь всю стояли на мѣстѣ. Изъ всей нашей пятинедѣльной поѣздки я помню только, и то чуть-чуть, какъ останавливались мы въ Устюжѣ и жили у священника Аралова, и какъ провожали насъ берегомъ какіе-то мужчины и женщины.

Опока ясиѣе врѣзалась въ памяти. Какъ теперь вижу эту ужасную скалу, почти нависшую надъ водою; рѣка дѣлаетъ крутой поворотъ кругомъ этой скалы, и между каменистыми порогами образуетъ опасные водовороты. Мы въѣхали въ это мѣсто въ ясный воскресный день, кажется, около вечерень,—и вдругъ лошади, которыя шли въ лямкахъ по узкой дорожкѣ, подъ навѣсомъ скалы, упали на колѣни; потому что судно силою водоворота потянуло назадъ; работники едва могли людить съ рулемъ; хозяинъ молодой человѣкъ и какъ видно довольно малодушный, совершенно растерялся; онъ всталъ на колѣни на палубѣ и молитъ о помощи. Маменька моя, какъ женщина, также очень струсила. Она держала на рукахъ меньшаго моего брата и горько плакала. Женщина, которая была съ нами, держала меньшую мою сестру, а старшій братъ, я и покойная сестра стояли кругомъ ихъ, и съ любопытствомъ смотрѣли на эту суматоху. Впрочемъ тутъ шутки плохія: мы дѣйствительно были въ большой опасности. Къ счастію въ деревнѣ находящейся на противуположномъ берегу рѣки, было гулянье. Много мужиковъ пріѣхало оттуда въ лодкахъ; они пристегнулись къ бичевѣ, и судно благополучно вышло изъ опасности. Помню также, что одинъ мужикъ былъ очень пьянъ: онъ безпрестанно падалъ, и шумѣлъ, какъ будто отъ него зависѣло наше спасеніе.

Вотъ все, что я помню изъ первыхъ годовъ моего дѣтства. Пріѣхалъ мой въ Вологду (кажется въ 1823 году) не врѣзался въ памяти: можетъ быть это потому, что Вологда въ тогдашнее время не представляла предметовъ занимательныхъ, или—что вѣроятнѣе—я былъ развлеченъ разнообразіемъ жизни и не могъ ни на чемъ остановить вниманія. Первая наша квартира была на Соборной горѣ, гдѣ нынѣ разведенъ садъ. Тогда на этомъ мѣстѣ было нѣсколько старыхъ домовъ, и въ одномъ изъ нихъ—въ домѣ Семерикова прожили мы нѣсколько мѣсяцовъ. Потомъ мы переѣхали за рѣку, въ Калашную улицу, въ домъ Волкова, недалеко отъ церкви Св. Георгія. Здѣсь я продолжалъ учиться читать; но больше—игралъ. Зимой слѣдующаго года отецъ мой купилъ домъ въ дворянской улицѣ. Здѣсь начали уже меня учить серьезнѣе. Наняли семинариста, и засадили за книгу вмѣстѣ съ старшимъ братомъ. Я проходилъ начала ариѳметики и грамматики, кое-что изъ исторіи и занимался чистописаніемъ, а старшій братъ, кромѣ этого, читалъ и писалъ по-латынѣ. Объ новыхъ языкахъ и слова не было: тогда они не считались еще необходимыми для образованія дѣтей; на нихъ смотрѣли, какъ на роскошь, и даже видѣли въ нихъ что-то противное православной нравственности. Разумѣется отецъ не виноватъ въ этомъ упущеніи: онъ платилъ день понятіямъ своего вѣка, да—главное—и не имѣлъ средствъ нанять Француза или Нѣмца, а семинаристъ-учитель въ зубъ тянуть не зналъ ни на какомъ новомъ языкѣ. Онъ обыкновенно приходилъ на урокъ ежедневно въ вечерни и сидѣлъ до 6 часовъ; за это отецъ мой платилъ ему 2 цѣлковыхъ

въ мѣсяцъ. Ученье производилось разумѣется по старой методѣ, т. е. учитель дастъ намъ выучить наизусть параграфъ изъ исторіи, или грамматики и послѣ прослушиваетъ. Вотъ и все! О развитіи же способностей тогда никто и не думалъ, по крайнѣй мѣрѣ въ Вологдѣ: все предоставляли природѣ.... Хорошо что еще она была ко мнѣ довольно милостива, и я не остался навсегда дуракомъ! Утромъ мы съ братомъ учили уроки, а день весь играли—зимой въ комнатѣ, а лѣтомъ или на дворѣ, или всего чаще въ саду. Эти занятія были конечно полезнѣе уроковъ учителя; потому что развивали наши физическія силы. Я отъ природы былъ крѣпкаго сложенія, имѣлъ правильныя черты и прекрасный цвѣтъ лица; а жизнь на открытомъ воздухѣ еще болѣе укрѣпила мои силы. Словоохотныя старушки называли меня ***дѣвичьей заразой***, а молодыя барыни безпрестанно старались цѣловать меня. Не понимая еще настоящаго значенія и прелести поцѣлуя, я бѣгалъ отъ нихъ, а иногда даже плакалъ, когда какая нибудь Армида успѣвала въ расплохъ поцѣловать меня.

Съ братомъ я жилъ довольно дружно, хотя, разумѣется, нерѣдко случалось, что игры наши оканчивались дракой. Онъ былъ старше меня почти двумя годами, и гораздо скрытнѣе и хитрѣе. Я былъ очень живъ, горячъ, легковѣренъ и откровененъ. Меня стоило только подстрекнуть къ чему нибудь, и я, не разсуждая о препятствіяхъ и послѣдствіяхъ, тотчасъ бросался на все. Братъ вѣроятно понималъ мой характеръ, и потому научалъ иногда сдѣлать такое дѣло, за которое виновный подвергался отвѣтственности: онъ оставался въ сторонѣ, а меня наказывали. Я никогда не помнилъ обидъ, и ежели братъ дѣлалъ иногда что нибудь худое, я никогда не жаловался на него, хотя самъ нерѣдко терпѣлъ отъ его жалобъ. За одно ласковое слово я готовъ былъ открыть всю мою душу и простить какую угодно обиду. Грустно вспомнить теперь, что всѣ эти лучшія свойства моего сердца не получили надлежащаго образованія, и должны были развиваться сами собою, иногда подъ вліяніемъ обстоятельствъ самыхъ неблагопріятныхъ. Одна только религія, или лучше сказать, разные религіозные обряды благотворно питали мое дѣтское сердце. Родители мои строго держались устава церковнаго, и потому съ дѣтства внушили намъ благоговѣніе и страхъ ко всему священному. Каждое воскресенье, несмотря ни на какую погоду, мы должны были идти съ маменькой въ церковь, и соблюдать, несмотря ни на какія обстоятельства, всѣ посты, т. е. великій постъ, Филипповъ, Петровъ, Успенскій, и кромѣ того круглый годъ поститься каждую среду и пятницу. Это очень хорошо для дѣтей не въ физическомъ, а въ нравственномъ отношеніи.

Въ 1824 году, по 9-му году отъ роду, я отданъ былъ вмѣстѣ съ братомъ въ Гимназію, которая тогда еще жила патріархальный вѣкъ, и чаяла движенія. Меня приняли во второй классъ, а брата въ 3-й. Учители мои были народъ самый жалкій: всѣ почти выпущенные изъ Семинаріи, неряхи, невѣжды и—мно-

гіе—пьяницы. Среди учениковъ, изъ которыхъ большая часть были дѣти мѣщанъ и солдатъ, они деспотствовали по-султански. Порядка и методы въ преподаваніи не было никакихъ: кто что зналъ, то и проходилъ, кто гдѣ хотѣлъ, тамъ и оканчивалъ предметъ. Надзору ни за учителями, ни за учениками не было никакого. Учители приходили и уходили когда кто хотѣлъ и въ какомъ видѣ было ему угодно. Нерѣдко являлись и пьяные. Ученики собирались въ классѣ рано, и до прихода учителя, или въ небытность его, что случалось очень часто, шалили какъ только было возможно. Я разумѣется скоро привыкъ къ этому новому образу жизни, и не уступалъ другимъ въ шалостяхъ. Помѣщеніе классовъ было самое дурное: три низшихъ класса заперты были въ низу, а 4 старшихъ помѣщались вверху. Однакожъ это продолжалось недолго. Въ октябрѣ мѣсяцѣ и насъ перевели вверхъ,—именно вотъ по какому случаю. Еще за годъ до этого времени вся Вологда говорила уже, что скоро пріѣдетъ Государь: улицы и мостовыя исправлялись и устроивались вновь; вдоль по дворянской Обуховской улицѣ, начиная отъ Винтеровскаго моста, и мимо Владимірской церкви, въ поворотъ до улицы, идущей отъ рынка къ Спасу на болото, сдѣланъ былъ бульваръ; вездѣ подѣланы тротуары. Наконецъ получено было извѣстіе, что Государь будетъ въ Октябрѣ. Передъ каждымъ домомъ устроены были деревянныя гирлянды для иллюминаціи; въ разныхъ частяхъ города и на рѣкѣ сдѣланы 6 щитовъ съ вензелевыми изображеніями Императора. Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали прибытія Монарха, тѣмъ болѣе, что въ Вологдѣ со временъ Петра Великаго не бывалъ никто изъ Царской Фамиліи. Мы, Гимназисты, были распущены до повѣстки, чтобы не затоптать вымытыхъ половъ, и только каждый день сбирались на нѣсколько минутъ въ одинъ изъ нижнихъ классовъ, гдѣ насъ учили кланяться. Наконецъ насталъ день (числа не помню). Около вечеренъ полиціймейстеръ и множество лицъ разныхъ сословій выѣхали къ Московской заставѣ. Родители мои со мною и съ старшимъ братомъ отправились въ удѣльную деревню Кобылино, гдѣ приготовленъ былъ домикъ для переодѣванья Государя. Крестьяне окружили этотъ домикъ еще съ ранняго обѣда. Мы помѣстились подлѣ въ домѣ мельника. Въ это время была оттепель, и накрапывалъ дождикъ. Часу въ 8 вечера пріѣхалъ адъютантъ съ мундиромъ Государя; а въ 9-мъ прибылъ и самъ Императоръ въ открытой колискѣ, въ которой онъ сидѣлъ вмѣстѣ съ Дибичемъ. Несмотря на то, что вся деревня ярко освѣщена была плошками и зажженными смоляными бочьками, я не могъ однакожъ разсмотрѣть лица Монарха; потому что онъ проѣхалъ очень скоро. Мужики изо всѣхъ силъ кричали: ура! Императоръ остановился у приготовленнаго домика, съ крыльца раскланялся со всѣмъ народомъ, и пошелъ переодѣваться. Шинель его взялъ на руки частный приставъ, и, неосторожно держа ее надъ зажженными на крыльцѣ стаканчиками, прожегъ на ней порядочную диру. Въ ту же ночь, разумѣется, ее зашили,

и Государь не зналъ объ этомъ. Переодѣвшись, Императоръ сѣлъ опять въ коляску, и отправился въ городъ. Впереди ѣхали сани съ зажженными факелами для освѣщенія дороги. Народъ ѣхалъ за коляской и кричалъ: ура! Императоръ отправился сначала къ Спасу приложиться къ нерукотворенному образу, и потомъ проѣхалъ въ Соборъ, гдѣ ожидалъ его Архіерей и все дворянство. На рынкѣ невозможно бы было проѣхать, если бы шесть жандармовъ, которые скакали впереди Императора, не расчистили дороги. Такъ тѣснился народъ, чтобы только хоть разъ взглянуть на своего Монарха. Изъ Собора, отслушавъ тамъ молебенъ, Императоръ отправился въ отведенную для него квартиру, въ домъ купца Витушечникова. Народъ окружилъ домъ и безпрестанно кричалъ: ура! Говорятъ, Государь долженъ былъ нѣсколько разъ выходить на балконъ и раскланиваться на всѣ стороны. На другой день мы собрались въ Гимназіи въ 4 часа утра, и разумѣется до прихода учителей дурачились. Въ 8 часовъ начали сходиться учителя, напудренные, въ шелковыхъ чулкахъ и башмакахъ съ пряжками. А мы одѣты были по маскарадному: кто во фракѣ, кто въ курточкѣ, кто въ сюртукѣ. Не позволялось только быть въ шинеляхъ, подпоясанныхъ кушаками. Часу въ 12 вся площадь передъ домомъ Гимназіи и всѣ сосѣднія улицы были наводнены народомъ; при появленіи Государя всѣ кидали шапки вверхъ, и кричали: ура: Въ 12 часовъ Государь прибылъ въ Гимназію, въ сопровожденіи Дибича, полковника Соломки, Волхонскаго и еще какихъ-то лицъ. Директоръ Шишловъ шелъ подлѣ Императора и показывалъ классы. Когда онъ сказалъ—первый классъ! мы поклонились въ поясъ. Государь отвѣчалъ легкимъ склоненіемъ головы, и прошелъ далѣе. Только я его и видѣлъ. Говорятъ, въ залѣ, гдѣ собраны были четыре верхніе класса, Императоръ останавливался на нѣсколько минутъ и говорилъ съ Директоромъ. Для этой-то короткой встрѣчи готовились мы такъ много и долго! Послѣ обѣда Государь ѣздилъ въ коляскѣ по городу, но я не видалъ его. Вечеромъ снова весь городъ былъ иллюминованъ. Государь былъ на балѣ въ Дворянскомъ собраніи. На другой день утромъ Онъ осматривалъ гарнизонъ, и послѣ обѣда уѣхалъ въ Череповецъ.

Начальное ученье мое въ Гимназіи было очень не завидно; учили кое-кто и кое-чему, а потому и мы учились кое-какъ. Большую часть времени проводили въ шалостяхъ. Во время отсутствія учителя происходили драки классъ на классъ, и разумѣется не всегда безвредныя. Чудно еще, какъ хранилъ насъ Господь Богъ! Директоръ ѣздилъ въ Гимназію въ недѣлю разъ, и потому учителя рѣдко являлись въ классы, а если и приходили, то часто въ петревомъ видѣ. Я ничему почти не учился, и несмотря на это, былъ изъ числа хорошихъ учениковъ. Въ 3-мъ классѣ оставили меня на другой годъ по молодости лѣтъ. Съ товарищами я жилъ дружно, и они очень любили меня. По праздникамъ многіе изъ нихъ собирались ко мнѣ играть. Зимой мы устроивали въ саду изъ

снѣгу крѣпость, и разыгрывали военные приступы, а лѣтомъ или играли въ городки и бабки, или уходили въ поле на рѣчку Содимгу. Тамъ играли въ лапту и купались. Иногда же ѣздили по Вологдѣ въ лодкѣ, только по секрету; потому что родители боялись, чтобы я не потонулъ, и не пускали меня на рѣку. Впрочемъ эти шалости занимали меня потому только, что не было ни какихъ другихъ. Если бы изъ среды моихъ товарищей нашлось хоть нѣсколько человѣкъ, съ такимъ же живымъ, наобрѣтательнымъ, чисто-поэтическимъ духомъ, какой имѣлъ я, то самыя игры наши получили бы болѣе благородный и оживленный характеръ. Я бредилъ не бабками и не лаптой, а военными эволюціями: Норманнскій духъ мучилъ меня! Это не было слѣдствіемъ какихъ нибудь посторонннихъ вліяній, а врожденное чувство, обличавшее во мнѣ болѣе возвышенныя понятія и мечты, нежели какія занимали моихъ сверстниковъ. Я былъ кротокъ и снисходителенъ, даже слишкомъ мягокъ характеромъ, и любовь къ войнѣ происходила во мнѣ не изъ буйства, а изъ какого-то темнаго понятія о славѣ, о любви къ отечеству.....

Въ 1827 году я перешелъ въ четвертый классъ, или въ собственно, такъ называемую, Гимназію; потому что, до введенія новаго устава, первый классъ назывался приходскимъ училищемъ, второй и третій уѣзднымъ, а четыре послѣднихъ Гимназіею. Переходъ этотъ въ тогдашнее время для насъ былъ очень важенъ; вопервыхъ потому, что на экзаменѣ присутствовали все новые учителя, которыхъ мы знали мало, и—неизвѣстно почему—боялись; вовторыхъ потому, что съ четвертаго—или съ тогдашняго перваго,—класса Гимназіи начинались нѣкоторые новые для насъ предметы. Но всякая новость занимаетъ насъ только до тѣхъ поръ, пока не привыкнемъ къ ней. Такъ точно и мы, поучившись въ четвертомъ классѣ мѣсяца два, увидѣли ясно, что *ничто не ново подъ луною*. Предметы были такъ же безтолковы, какъ и прежде; учители также смѣшны и малосвѣдущи, какъ и первые. Одинъ изъ нихъ—учитель словесности Дружининъ—былъ во мнѣніи нашемъ самымъ ученѣйшимъ человѣкомъ. И дѣйствительно, по схоластическимъ понятіямъ XVIII вѣка, который тогда еще благополучно катился въ Вологдѣ, Дружининъ имѣлъ полное классическое образованіе, т. е. былъ ученая голова, но безъ сердца и безъ чувства. Логики, которую онъ преподавалъ намъ въ этомъ классѣ, мы рѣшительно не понимали; а онъ и не спрашивалъ насъ: понимаемъ ли мы ее или нѣтъ? потому что преподавалъ совершенно не по-дѣтски. Также вопросъ: къ чему ведетъ такое ученіе? не могъ имѣть мѣста ни въ головахъ учениковъ, ни въ головахъ учителей: Природа дѣйствовала отдѣльно отъ ученья, которое, разумѣется, не могло поладить съ ней.... О прочихъ учителяхъ и говорить нечего: всѣ они были семинаристы, не имѣющіе ни о чемъ понятія,—а впрочемъ добрые люди. Нѣкоторые изъ нихъ крѣпко придерживались чарочки, и ежели учители нѣтъ въ классѣ, то это считалось

дѣломъ обыкновеннымъ. Не могу до сихъ поръ надивиться голодѣ своей, какъ она изъ этого хаоса не вышла совершенной растрепой, и какъ въ ней не потухла совершенно эта искра любви къ наукамъ, которая разнилась теперь въ ней такимъ прекраснымъ пламенемъ!

Нельзя не сказать здѣсь нѣсколько словъ о внѣшнихъ характерахъ моихъ наставниковъ. *Веденскій*, учитель исторіи, худощавой и довольно крѣпкій старичекъ, не зналъ ничего, кромѣ курса Кайданова. Онъ былъ добръ и невзыскателенъ. Самымъ лучшимъ ученикомъ у него считался тотъ, который отвѣчалъ заданную страничку не запинаясь, мѣрно останавливаясь на точкахъ и запятыхъ. Лѣтомъ онъ ходилъ въ темномъ фракѣ, въ нанковыхъ панталонахъ бланжеваго цвѣта, въ шлапѣ и съ палкою; а зимой въ валенкахъ и въ бекешѣ съ меружчатымъ воротникомъ. Когда читалъ изъ исторіи что-нибудь впередъ, то надѣвалъ очки. Но чрезъ каждыя десять минутъ останавливался: клалъ книгу на столъ, снималъ очки и уставлялъ ихъ въ видѣ рогатки на книгѣ; потомъ вынималъ изъ кармана клѣтчатый бумажный платокъ, аккуратно сложенный, развертывалъ его очень мѣрно и медленно, и изъ послѣдняго сгиба вынималъ круглую табакерку, гладилъ ее пальцами правой руки, осторожно снималъ крышку, подкладывалъ ее подъ дно табакерки, потомъ указательнымъ пальцемъ соскабливалъ табакъ съ краевъ на средину, потомъ бралъ щепотку и медленно несъ къ носу, потомъ вдругъ съ какимъ-то одушевленіемъ сильно тянулъ носомъ, такъ что по всему классу раздавался храпъ; потомъ обтиралъ пальцы о края табакерки, и потомъ опять въ обратномъ порядкѣ совершалъ всѣ прежнія дѣйствія. Это всегда продолжалось по крайней мѣрѣ пять минутъ. Говорилъ онъ то басомъ, то дискантомъ. Ежели въ другомъ классѣ, во время отсутствія учителя, случался шумъ, то онъ отворялъ туда двери, и грозя двумя пальцами, говорилъ медленно и басомъ: „тише бездѣльники, тише!“ потомъ вдругъ оканчивалъ эту фразу отрывисто и дискантомъ: „чтобы тихо было!“ Когда онъ въ церкви молился Богу, то обыкновенно, сотворивъ большой крестъ, начиналъ всѣмъ корпусомъ наклоняться къ землѣ и правою рукою доставать до полу; при этомъ случалъ отъ натуги онъ крехтѣлъ самымъ непріятнымъ образомъ. *Добряковъ*, учитель Греческаго и Латинскаго языковъ, былъ ужасно толстъ, такъ что насилу ходилъ. Онъ обыкновенно носилъ зеленый фракъ, штаны горохового цвѣта и *ботфорты* съ кисточками у колѣнъ. Училъ онъ плохо, а ежели въ сосѣднемъ классѣ былъ Дружининъ, тогда весь урокъ мы не дѣлали ничего; потому что Дружининъ, услышавъ голосъ Добрякова, обыкновенно отворялъ къ нему изъ классъ двери, и скрестивши на груди руки, безмолвно смотрѣлъ на него. Добряковъ поднимался съ кресселъ и катился какъ шаръ къ своему пріятелю. Потомъ начинался разговоръ и продолжался до конца класса. Можно судить, каковы должны быть наши успѣхи въ древнихъ языкахъ подъ руководствомъ такого наставника.

Фортунатовъ, учитель математики, зналъ свой предметъ очень плохо, и рѣшительно ничего не могъ объяснить. Обыкновенно онъ приходилъ въ классъ и спрашивалъ, шепеляви: „сто вы сегодня учили?“ Мы очень откровенно отвѣчали всегда, что не учили ничего... „Да сто зо это такое?“ говорилъ Фортунатовъ съ недовольной миной. Мы, въ утѣшеніе ему, отвѣчали, что сейчасъ выучимъ. Онъ успокоивался и начиналъ прохаживаться по классу. Минутъ черезъ 5 первый изъ насъ поднимался и говорилъ, что онъ выучилъ первый пунктъ. Фортунатовъ прослушивалъ его, потомъ тоже самое спрашивалъ другаго, потомъ третьяго и т. д., а первые между тѣмъ учили слѣдующій пунктъ. Вотъ въ какомъ жалкомъ видѣ была у насъ математика. *Дружининъ*, какъ я сказалъ уже, былъ ученый въ духѣ XVIII столѣтія. Онъ отличался пьянствомъ и неряшествомъ. Ходилъ онъ обыкновенно въ широкомъ и длинномъ коричневомъ фракѣ, нижнюю петлю одной полы застегивалъ на третью пуговицу другой, и такимъ образомъ пазуха представляла у него видъ пестерки; изъ нея выглядывала огромная табакерка. Волосы у него всегда были растрепаны и часто запачканы въ пухъ. Приходя въ классъ, онъ обыкновенно никому не кланялся, клалъ фуражку на столъ, показывалъ на кого нибудь изъ учениковъ пальцемъ, и начиналъ, потупивъ голову въ землю и безпрестанно перебирая пальцами табакъ въ табакеркѣ, прогуливаться по классу. Тотъ, на кого обращенъ былъ перстъ его, вставалъ и отвѣчалъ урокъ; но Дружининъ не слушалъ и спокойно думалъ о своемъ. Когда ученикъ оканчивалъ, тогда садился на мѣсто,—и каждый могъ спокойно заниматься своимъ дѣломъ; потому что Дружининъ не обращалъ никакого вниманія. Только при окончаніи класса, онъ бралъ книгу или тетрадь, и отмѣчалъ ногтемъ—сколько выучить къ слѣдующему классу. Рѣдко, рѣдко, въ годъ раза два или три, случалось, что онъ разговорится и что нибудь объяснитъ. Но зато, когда былъ пьянъ, тогда все передъ нимъ трепетало. Тогда онъ обыкновенно, спросивъ кого нибудь, становился передъ нимъ, разставивши ноги, опершись кулаками объ столъ и выпучивъ глаза. Если отвѣтъ былъ удовлетворителенъ, тогда онъ былъ спокоенъ; но если ученикъ замиралъ, тогда ругательства сыпались градомъ. Чертова заслонка, филинъ запечной, кобылья рожа и тому подобныя фразы были дѣломъ обыкновеннымъ. Дуракомъ и каналіей называлъ онъ въ похвалу. Вотъ какіе оригиналы были мои наставники. И теперь даже самъ едва могу вѣрить, въ какомъ жалкомъ положеніи была у насъ ученая часть, назадъ тому лѣтъ 12-ть,—чтожъ если подобные анекдоты какой нибудь запоздалый житель XIX столѣтія разскажетъ человѣку XX вѣка!!! Другіе учителя, хотя не отличались такими оригинальными характерами, но сходствовали съ первыми тѣмъ, что ничего не знали, и вовсе не умѣли учить.

Въ 4-мъ классѣ по молодости лѣтъ я остался на второй годъ. Въ это время нѣкіе, подъ особеннымъ покровительствомъ Директора Шишкова, обра-

зовались прекрасно. Отъдни они пѣли въ церкви I. Предтечи, а всенощные въ Гимназіи въ VII классѣ, который занималъ тогда довольно большую залу. Меня также выбрали изъ нѣвчіе, и всѣ ахнули отъ удивленія, когда я запѣлъ такимъ дискантомъ, какого никто еще не слыхалъ въ Вологдѣ. Шишловъ самъ наблюдалъ надъ моимъ ученьемъ, и на четвертой недѣлѣ поста я уже пѣлъ одинъ перваго дисканта—„свѣте тихій!“ Дѣйствительно, у меня голосъ былъ рѣдкій, несмотря на то, что человѣка три или четыре изъ нашего хора годились бы въ солисты для придворной церкви. Только пѣлъ я довольно трусливо: это безъ сомнѣнія происходило отъ неувѣренности въ знаніи нотъ; потому что когда я зналъ какую нибудь пьесу наизусть, тогда пѣлъ свободно. Многіе съѣзжались въ церковь нарочно затѣмъ, чтобы послушать насъ.

Я много имѣлъ въ запасѣ силъ физическихъ и нравственныхъ, былъ хорошъ собой и далеко превосходилъ другихъ умственными способностями. Во мнѣ была поэзія, т. е. такое свойство души, о которомъ хотя всѣ толкуютъ и пишутъ очень много, однакожъ понимаютъ его только тѣ, которые сами надѣлены имъ. Поэзія первоначально обнаружилась во мнѣ въ живости, прямотѣ и открытости характера, въ горячей любви къ предметамъ занимавшимъ меня, въ непритворности дружбы, даже въ самоотверженіи для тѣхъ, которые были для меня милы и дороги. Въ 5-мъ классѣ я весь жилъ товариществомъ и дружествомъ, и товарищи любили меня. Это чувство внушило мнѣ и первые стихи, которые написалъ я, не имѣя еще понятія о механизмѣ звуковъ, но уже страстно любя ихъ по какому-то тайному инстинкту. Вотъ начальные стихи посланія, написаннаго къ одному изъ моихъ товарищей, на 14-мъ году моей жизни:

Тамъ, гдѣ Чернавка протекаетъ
Среди цвѣтущихъ береговъ,
Гдѣ тихій Куня обитаетъ
Въ тѣни развѣсистыхъ деревъ....

Дальше не помню ни одного стиха. Этотъ воспѣтый Куня былъ Яковъ Метелевъ, одинъ изъ лучшихъ товарищей, очень добрый и скромный мальчикъ, къ которому лѣтомъ мы часто сбирались играть въ лапту, спускать змѣйки и пр. Посланіе къ нему я задумалъ писать потому, что въ это время у многихъ изъ насъ была страсть къ чтенію стиховъ. Но не имѣя средствъ достать ни одного порядочнаго автора вполнѣ, мы обыкновенно доставали рукописныя тетради одъ Ломоносова, Державина, нѣкоторыхъ поэмъ Пушкина, сказокъ Дмитріева, балладъ Жуковскаго и т. п.; все это прилежно списывали и большую часть выучивали наизусть. Опять не могу не надивиться, какимъ образомъ, при тогдашнемъ преподаваніи, могли рождаться и образовываться такія страсти! Нынче ученики снабжены уже, кажется, всѣмъ, предметы преподаются имъ въ возможной полнотѣ и удобопонятливости, и несмотря на все это въ нихъ нѣтъ и десятой доли

той любви къ знаніямъ, какая во время оно одушевляла меня! Вѣроятно, это происходитъ отъ того, что настоящее поколѣніе дѣтей слабѣе предшествующаго, или отъ того, что въ наше время не предупреждали природы, которая въ тишинѣ совершала великое дѣло образованія.... Нынѣ во всѣхъ концахъ замѣтенъ недостатокъ полноты и плодовитости мысли, и, какъ мнѣ кажется, отъ того, что слишкомъ торопятъ дѣтей жить..... Вообще этотъ фактъ достоинъ самаго основательнаго и прилежнаго размышленія педагоговъ!

При переходѣ въ VI,—или по тогдашнему въ III-й,—классъ, къ намъ пріѣхалъ изъ Петербурга новый учитель естественной исторіи—Назарьевъ. Это былъ первый человѣкъ, заговорившій съ нами по человѣчески, и внушившій намъ лучшія понятія о наукѣ. Самая наружность его рѣзко противорѣчила со всѣми другими. До пріѣзда его съ именемъ учителя мы привыкли соединять понятіе о старикѣ, человѣкѣ неопрятномъ, попивающемъ, строгомъ и т. п. А теперь мы увидѣли молодаго человѣка, чисто одѣтаго, очень вѣжливаго и ласковаго, и въ заключеніе всего умнѣе нашихъ старыхъ учителей. Назарьевъ началъ проходить ботанику, и предметъ этотъ очень занялъ насъ. Вмѣсто того, чтобы предаваться шалостямъ, какъ дѣлаютъ это нынѣшніе ученики, мы ходили по полямъ и собирали растенія; а послѣ, когда начали проходить зоологію и минералогію, составляли маленькіе кабинеты насѣкомыхъ и камней. Между тѣмъ, въ Сентябрѣ или въ Октябрѣ этого—1830—года началась холера. Первое впечатлѣніе, произведенное ею на жителей, было сильно. Всѣ трусили этой заразы, какъ бича небеснаго. Учрежденіе карантиновъ усилило всеобщее уныніе; улицы опустѣли, торговые дни прекратились; молва объ ужасахъ болѣзни волновала суевѣрный народъ; классы у насъ были закрыты на неопредѣленное время. Мы гуляли, а между тѣмъ каждый день слышали о какомъ нибудь новомъ покойникѣ. Впрочемъ на этотъ разъ холера была довольно милостива къ Вологдѣ: въ продолженіи 6 или 7 недѣль умерло не болѣе 40 или 50 человѣкъ этою болѣзнію. Холодная осень прекратила язву; городъ снова ожилъ. Святки прошли весело. Я съ нѣсколькими товарищами маскировался, и это очень занимало меня. Костюмы устраивались по моему плану и большею частію моими средствами. Съ Февраля опять началась холера и довольно сильная: бывали такіе дни, что умирало человѣкъ по 10 и по 15. Карантины возобновились; присланы были изъ разныхъ мѣстъ лѣкаря; по домамъ каждое утро ходили рассыльные отъ Думы и спрашивались о здоровьѣ. Насъ опять распустили; а въ Маѣ мы снова собрались; потому что холера прекратилась. Но въ началѣ Іюня она снова началась и еще съ большею силою. Насъ опять распустили. Каникулы прошли помнятся не очень весело, потому что нельзя было гулять за городомъ: всадѣ были карантины. Изъ нашихъ учителей этою болѣзнію умерло двое: учитель математики—Фортунатовъ и учитель Латинскаго языка—Остроумовъ, который было поступилъ

на мѣсто покойнаго Добрякова. Онъ былъ очень умный человѣкъ, только неспособный для учительскаго званія и притомъ—крѣпко придерживающійся чарочки. Въ этомъ же году, кажется весной, мнѣ пришла изъ голову довольно глупая мысль найдти въ гражданскую службу. Соблазнилъ меня къ этому Михайловъ, бывшій губернскимъ контролеромъ. Онъ очень любилъ меня; потому что и былъ дружевъ съ его сыномъ. Но такая любовь чуть было не повредила мнѣ: онъ хотѣлъ непремѣнно имѣть меня у себя въ отдѣленіи, и такими прекрасными чертами изобразилъ мнѣ прелесть моего новаго положенія, что я было написалъ уже прошу. Однакожъ чувство, вложенное въ меня Природою, взяло наконецъ верхъ, и я отказался отъ этихъ сумасбродныхъ плановъ.... И прекрасно сдѣлалъ! какъ бы послѣ долженъ былъ жалѣть объ этомъ поступкѣ! Михайловъ не могъ мнѣ составить большой протекціи; притомъ же года черезъ три послѣ этого онъ умеръ, и я бы остался безъ всякой помощи. Да главное—я вовсе не создалъ для гражданской службы: я рожденъ и долженъ жить только для науки. Поступя на 16 году въ кругъ подъячихъ, я бы остался рѣшительно безъ всякаго образованія: способности мои, при ихъ живой пріемлемости и движимости, можетъ быть приняли бы вредныя для меня направленія: я бы скоро пустился въ пьянство и наконецъ кончилъ бы свой карьеръ—женитьбою!.... Вотъ какъ иногда близокъ бываетъ человѣкъ къ погибели. Одно только какое-то неясное пророческое чувство спасло меня, и именно въ ту минуту, когда уже и стоялъ надъ этой бездной: прошьба была уже написана, оставалось только подать....

Въ 7 классѣ и перешелъ съ такими разрозненными свѣденіями, что стыдно въ люди сказать. По Латынѣ не зналъ почти ничего, по Гречески столько же; по Нѣмецки и по Французски кое-что, т. е. слогъ сотни дѣв-три, да кое-что изъ грамматики, а переводить рѣшительно не умѣлъ. Изъ исторіи въ 4-мъ классѣ мы прошли по Кайданову два первыхъ періода древней исторіи; въ пятомъ—второй періодъ средней; а въ шестомъ—первый періодъ новой. Можно судить, что же было у насъ въ головѣ! Объ математикѣ не имѣлъ и понятія, хотя могъ рѣшать практическимъ образомъ кое-какія задачи, и доказывать нѣкоторыя теоремы. Изъ Закону Божію по крайней мѣрѣ знать навязуетъ Богословію Платона, которую прежде проходили вмѣсто Катихизиса. Одна словесность была въ головѣ хотя сколько нибудь въ систематическомъ видѣ; но зато схоластическій духъ ея не питалъ души и не грѣлъ сердца: правила ея оставались безъ примѣненій. Хотя Дружининъ строго выискивалъ за сочиненія, и требовалъ, чтобы они писались по образцамъ блаженной древности; но природа брала свое, и сколько ни старались мы приблизиться къ великимъ учителямъ Греціи и Рима, современность все-таки брала верхъ надъ бездушнымъ классицизмомъ. Мы стали впадать наконецъ въ безнадежное отчаяніе и думали, что современному человѣчеству и не суждено стать на такую высоту, на которой были Греція и Римъ.... Что

касается до самаго чтенія, то оно было очень ограниченно. Первыя книги, которыя начали читать мы еще съ 4-го класса, были романы Радклифъ и Дюкре-ди-Менилля. Мечтательный тонъ ихъ развивалъ только наше воображеніе, и нисколько не дѣйствовалъ на умъ и сердце. Въ головахъ нашихъ возникла вѣра въ какой-то фантастическій міръ, гдѣ все идеально—и природа и люди.... Опыты жизни нисколько не занимали насъ: на все дѣйствительное мы смотрѣли, какъ на сонъ, а въ призраки, толпящіеся въ молодомъ воображеніи, вѣровали безусловно: тамъ находили мы и другіе характеры, и другой образъ мыслей, и другія чувства, и другія мечты. Такое чтеніе особенно было вредно для меня; я имѣлъ горячія чувства и живое воображеніе; вѣра въ дѣйствительность призраковъ такъ утвердилась во мнѣ, что ранныя впечатлѣнія жизни никогда не производили на меня такого сильнаго вліянія и не раздражали такъ нервовъ, какъ картины жизни мечтательной. Кромѣ Радклифъ и Дюкре-ди-Менилля имѣлъ мало книгъ попадалось въ руки. О Ломоносовѣ, Державинѣ, Жуковскомъ, Дмитріевѣ и отчасти Пушкинѣ мы имѣли понятіе только по тѣмъ рукописнымъ тетрадямъ, о которыхъ я говорилъ выше. Отъ этого самый слогъ сочиненій нашихъ отзывался XVIII столѣтіемъ; а объ мыслихъ и говорить нечего. Темы, на которыя писали мы сочиненія, были самыя общія, нисколько не занимавшія насъ, а формы были чисто риторическія. Стало быть, чтожъ въ нихъ было хорошаго? Хріи и ораторскія рѣчи нисколько не были сообразны ни съ нашимъ образомъ представленій, ни съ нашими мыслями; мы писали ихъ потому только, что такъ было велѣно... Между тѣмъ природа требовала своего,—и потому у насъ существовала другая секретная литература. Мы писали другъ къ другу письма, въ которыхъ, уже не боясь цензуры учителя, свободно высказывали то, что занимало насъ, о чемъ мы думали и что чувствовали. Часто между немногими избранными товарищами заключались такъ называемые *союзы дружбы*. Обыкновенно на разрисованномъ листѣ писалось клятвенное обязательство любить другъ нелицемѣрно, помогать во всемъ другъ другу и пр. и пр. и пр.,—и подъ этимъ листомъ избранные друзья подписывались собственноручно. Я участвовалъ почти во всѣхъ такого рода союзахъ, которые, разумѣется соблюдались свято до первой ссоры. Въ письмахъ къ друзьямъ, съ которыми конечно видѣлись каждый день, мы больше мечтали, нежели говорили правду. Да и можно ли было клясться въ вѣчной дружбѣ, не зная не только характера того, кому клянемся, но даже и своего собственнаго? Все это доказываетъ только, что мы были мальчики съ горячими чувствами; но жили больше въ мірѣ мечтательномъ, нежели въ дѣйствительномъ. У меня хранится почти всѣ такого рода письма, и нельзя теперь не улыбаться, смотря на нихъ. Въ этихъ письмахъ говорилось много и о любви къ прекрасному полу, хотя любовь эта, какъ и всѣ другія наши страсти, была только мечтательная. Не могу теперь припомнить, какъ рано начало развиваться во

мнѣ это чувство, или по крайней мѣрѣ желаніе чувствовать. Помню только, что первый предметъ, занявшій мое воображеніе, кажется, году на 13-мъ, была наша горничная Авдотья, дѣвушка лѣтъ 18 или 19, красавица собой. Я любилъ ее чисто платоническою любовію, и понималъ уже нѣсколько ревность; потому что у Авдотьи былъ любовникъ, и я зналъ объ этомъ. Впрочемъ воображеніе мое было въ то время такъ настроено, что я готовъ былъ влюбиться даже въ козу, если бы только она могла нравиться. Въ 6-мъ классѣ, сдружась съ Михайловымъ, я познакомился въ его домѣ съ Н. П. С., и разумѣется, тотчасъ же влюбился: началъ преслѣдовать ее вездѣ,—и для чего? для того только, чтобы посмотрѣть на нее; потому что, по понятіямъ нашимъ того времени, любовь должна быть безмолвна, и могла выражаться только во взглядахъ, во вздохахъ, въ слезахъ. Надинька дѣйствительно была хороша собой: но больше и уже рѣшительно ничего не могу сказать объ ней; потому что говорилъ съ нею рѣдко, и то не нѣсколько только словъ, да притомъ смотрѣлъ на нее влюбленными глазами, слѣд. все въ ней казалось мнѣ ангельскимъ. Ей было лѣтъ 18, а мнѣ 15, и несмотря на такую разницу въ лѣтахъ и положеніяхъ, я все таки мечталъ соединиться съ нею когда нибудь вѣчными узами. Прежде всего и открылся въ этой страсти Михайлову, и онъ всегда извѣщалъ меня, когда Н. приходила къ его сестрамъ. Я разумѣется тотчасъ являлся на зовъ,—и былъ очень счастливъ, если Н. о чемъ нибудь спрашивала меня, или дарила конфектной бумажкою. По праздникамъ я всегда видалъ ее въ церкви, и одинъ взглядъ дѣлалъ меня блаженнымъ. Михайловъ черезъ сестру извѣстилъ и Н. о моей страсти къ ней. Не знаю, что она думала объ этомъ: но вѣроятно ей, какъ женщинѣ, пріятенъ былъ лишній обожатель, хотя это былъ 15-лѣтній мальчикъ. При томъ же она не имѣла причинъ чувствовать ко мнѣ антипатію: потому что я былъ очень хорошъ собой. Только конечно въ ней не было и той любви, которую питалъ я къ ней: она очень благоразумно дѣлала, что считала это ребячествомъ, и изъ великодушія награждала меня милымъ взглядомъ или нѣжною улыбкою... Однакожъ и не былъ доволенъ этимъ, по самой простой причинѣ: вся цѣль моя была та, чтобы завести переписку съ избраннымъ предметомъ. Это, по понятіямъ всѣхъ насъ, было самымъ величайшимъ блаженствомъ въ дѣлахъ любовныхъ. Михайловъ приготовилъ черновое письмо, списанъ его изъ письмовника Курганова; потому что, по тогдашнимъ понятіямъ нашимъ, вся сила краснорѣчія заключалась въ хитро-сплетенныхъ образахъ, а не въ теплотѣ мысли и чувства. Помнится, оно начиналось этими словами: „Очаровательница сердецъ! Судьба моя рѣшилась—и я должень любить Васъ“.... Я переписалъ это посланіе, и съ помощію старшей сестры Мих-ва передалъ Н. С. Черезъ недѣлю она написала мнѣ въ отвѣтъ маленькую записочку, которая не сохранилась у меня, но которой содержаніе, сколько помню, совершенно не согласовалось съ моими высоко-

ними мечтами. Н. С., какъ поступила бы на ея мѣстѣ и всякая опытная дѣвушка, написала только, что ей не хотѣлось отвѣчать на мое письмо, но что наконецъ она принуждена къ этому; потомъ слѣдовало еще нѣсколько подобныхъ фразъ,— и наконецъ подпись—Н. С-ва. Я однакожъ не слишкомъ былъ огорченъ такимъ отвѣтомъ: мнѣ пріятно было уже и то, что я имѣлъ письмо отъ дѣвушки.... Какая глупость! И вотъ такія-то интриги составляли иногда содержаніе нашихъ дружескихъ писемъ. Вообще, мы тогда, кажется, больше писали, нежели говорили и думали. Кромѣ писемъ, у насъ были еще другія занятія. Мы составили изъ среды себя родъ судилища, и занимались составленіемъ разныхъ дѣловыхъ бумагъ. Каждый имѣлъ свою должность, и носилъ особенное названіе: одинъ назывался диктаторомъ, другой трибуномъ и т. д. Предметы дѣловыхъ бумагъ были вымышленные: мы сами выдумывали какое нибудь дѣло, и производили судъ по всѣмъ правиламъ. Вотъ какого рода литература занимала насъ болѣе всего; потому что сообразна была съ нашими требованіями,—и на ее то должно бы было обратить тогда вниманіе учителя; потому что здѣсь мы свободно высказывали свои мысли и впечатлѣнія. Но схоластика, стоя на классическихъ ходуляхъ, не замѣчала того, что дѣлалось у ней подъ ногами. Итакъ образованіе наше совершалось безъ всякаго руководства: оно отдано было на произволъ природы.

Въ 7-мъ классѣ дѣла пошли лучше. Вмѣсто покойнаго Фортунатова математикъ началъ учить Назарьевъ, котораго очень любили мы, и который былъ дѣйствительно умный человѣкъ и знатокъ своего дѣла. Конечно онъ не могъ уже вознаградить того, что было упущено, но крайнѣй мѣрѣ умѣлъ приохотить насъ къ наукѣ, и заставилъ заниматься серьезно. На мѣсто покойнаго Остроумова пріѣхалъ изъ Петербурга новый учитель Латинскаго языка—Поздняковъ. Онъ былъ строгъ, и умѣлъ заставить насъ учиться: мѣсяца черезъ два мы уже знали болѣе, нежели сколько успѣвали прежде научиваться въ нѣсколько лѣтъ. Прочіе учители оставались попрежнему. Директоромъ былъ Соколовъ, двоюродный братъ Шишилова, переведеннаго во вторую С. Петербургскую Гимназію. Насъ сдѣлали дежурными, т. е. до прихода учителей каждый изъ насъ поочередно долженъ былъ ходить по классамъ и смотрѣть за порядкомъ. Такъ протянулось время до Святой недѣли; а на Ѳоминой вышелъ новый, т. е. нынѣшній штатъ Гимназіи. Введеніе его совершено было торжественно. Послѣ обѣдни изъ церкви Іоанна Предтечи, всѣ ученики и учители, предводимые крестнымъ ходомъ, пришли въ Гимназію. Здѣсь, въ присутствіи множества посѣтителей, открыть былъ торжественный актъ, на которомъ между прочимъ и я читалъ свое сочиненіе— какую-то басню: *Голубь и Мураей*. Рукописи у меня не сохранилось. Вмѣстѣ съ новымъ уставомъ началось понемногу вводиться и новое устройство въ управленіи и преподаваніи. Разумѣется, все это было къ лучшему, и нынѣшніе ученики не могутъ уже питать такихъ справедливыхъ жалобъ, какія питали мы.

Между тѣмъ случилось одно очень важное происшествіе, сдѣлавшееся предметомъ толковъ цѣлаго города. Наканунѣ праздника Преположенія я былъ дежурнымъ и по обыкновенію оставался съ обѣдомъ въ Гимназіи. Уроки послѣобѣденные тогда начинались съ 3-хъ часовъ. Какъ теперь помню, я долбилъ таблицу Нѣмецкихъ неправильныхъ глаголовъ, и углубись въ тетрадь ходилъ по классамъ для порядка. Была уже половина третьяго. Я шелъ черезъ 4-й классъ и замѣтилъ, что ученики смѣялись; но не обращая на это большаго вниманія, прошелъ дальше, а потомъ тотчасъ же опять вернулся назадъ, чтобы пройдти въ первый классъ, гдѣ необходимость заставляла бывать чаще, нежели въ другихъ мѣстахъ. Въ четвертомъ классѣ была мертвая тишина. Одинъ изъ учениковъ—Николаевскій, довольно высокій и стройный мальчикъ, лѣтъ 15—поднимается съ мѣста и проситъ позволенія выйдти. Я взглянулъ на него; онъ былъ очень блѣденъ; но полагая, что это происходитъ отъ кружевія головы, я безъ всякихъ распросовъ отпустилъ его, и самъ пошелъ въ первый классъ. Между тѣмъ изъ слѣдъ за Николаевскимъ тихонько ушли изъ 4-го класса еще двое—Иконниковъ и Двиницкій. Я съ товарищемъ моимъ Зосимскимъ сидѣлъ на окнѣ въ первомъ классѣ. Не прошло 10 минутъ, какъ вдругъ прибѣгаетъ Двиницкій весь блѣдный отъ испугу, и говоритъ: „Ник. Ив-чъ! идите скорѣе на дворъ: Николаевскій умираетъ!“ Мы съ Зосимскимъ тотчасъ поставили у дверей солдата и не велѣли никого выпускать изъ классовъ, а сами побѣжали на дворъ. Иконниковъ стоялъ на старой галлереѣ и держалъ за плечи Николаевскаго, который сидѣлъ, опустивъ голову на грудь и былъ блѣденъ, какъ полотно. „Что съ тобой, Ник-ій?“ спросилъ я; но Ник-ій не отвѣчалъ ни слова; глаза у него закатились..... Тотчасъ мы послали одного солдата за Директоромъ, другаго за докторомъ. Директоромъ, а инѣстѣ и Инспекторомъ былъ тогда Веденскій, бывшій нашъ учитель исторіи. Онъ жилъ у Власьи въ своемъ собственномъ домѣ; потому что уставъ Гимназіи былъ еще иной: Директоръ не имѣлъ еще мѣста для квартиры въ домѣ Гимназіи, а Инспекторъ не былъ еще опредѣленъ; слѣд. вся Гимназія, въ небытность учителей, была подъ вѣдѣніемъ одного только дежурнаго ученика. Между тѣмъ Николаевскаго положили, и дыханіе его начало затихать. Черезъ полчаса начали собираться учители; приходилъ и Директоръ, но онъ не повстрѣчался съ посланнымъ за нимъ солдатомъ, и потому ничего не зналъ. Я напалъ его въ классахъ, и подойдя къ нему, сказалъ: „Николаевскій на дворѣ“.....—Какой Николаевскій? спросилъ Веденскій. „Ученикъ, о которомъ послали извѣстить васъ: онъ умираетъ!“.... отвѣчалъ я.....—Какъ? гдѣ? вскрикнулъ Веденскій, и побѣжалъ на дворъ: мнѣстѣ со мною. Увидя на галлереѣ умирающаго, онъ наклонился къ нему, и спрашивалъ: „Николаевскій! что съ тобой?“ Но Николаевскій былъ уже мертвъ. Между тѣмъ Дозе, для утѣшенія Веденскаго, принесъ зеркало, приложилъ его ко рту покойника, и потомъ, махнувъ по стеклу пальцемъ, сказалъ:

„онъ дышитъ!“ Но мы ясно видѣли, что это одно только пустое утѣшеніе... Послали Двиницкаго на квартиру къ Николаевскому узнать: не бывало ли съ нимъ прежде какихъ нибудь припадковъ? Квартира была почти противъ Гимназіи, въ Петровкѣ. Двиницкій, отворивъ двери въ комнату и увидя тамъ нѣсколько незнакомыхъ женщинъ, спросилъ отрывисто: „не бывало ли прежде съ Николаевскимъ какихъ нибудь припадковъ?“—„Нѣтъ! отвѣчали многія изъ женщинъ съ одинъ голосъ: а что такое?“ Двиницкій, не говоря болѣе ни слова, захлопнулъ дверь и убѣжалъ. Тѣ, не понимая что это значитъ, побѣжали въ Гимназію. Многіе изъ встрѣчныхъ, глядя на нихъ, также захотѣли полюбопытствовать—что такое случилось,—и дворъ Гимназіи черезъ нѣсколько минутъ началъ наполняться народомъ. Пріѣхалъ докторъ. Мертваго начали раздѣвать, и увидѣли на рубашкѣ противъ самаго сердца маленькое пятнышко крови. Это удивило всѣхъ: начали распрашивать, и тогда только объяснилось все дѣло. Николаевскій и Иконниковъ сидѣли въ классѣ рядомъ. Первый былъ веселый малый, а второй—удивительный флегматикъ, и потому между ними часто происходили довольно смѣшныя сцены. Въ этотъ день, когда они пришли послѣ обѣда въ классъ, Николаевскій набилъ табакомъ пустой орѣхъ и далъ его Иконникову раскусить. Тотъ набѣсился, а товарищи засмѣялись. Вотъ въ это-то время я и проходилъ первый разъ черезъ ихъ классъ. Иконниковъ схватилъ перочинный ножикъ,—очень коротенькій, но отточенный въ видѣ шила,—и грозился колнуть. Николаевскій шутя подставилъ ему лѣвый бокъ, а тотъ, разумѣется думая только пострашать, кольнулъ его, но такъ несчастно, что попалъ прямо въ сердце..... Николаевскій вдругъ началъ блѣднѣть; всѣ испугались; въ это время я обратно проходилъ черезъ ихъ классъ, и Ник-ій, какъ я говорилъ уже, попросился выдти. Иконниковъ и еще нѣкоторые, не говоря мнѣ ни слова, вышли также за нимъ. На лѣстницѣ Ник-ій зашатался; они взяли его подъ руки, и свели на галлерею; тамъ минутъ черезъ пять онъ уже пересталъ говорить,—и тогда только Двиницкій прибѣжалъ сказать мнѣ, что Николаевскій умираетъ; но всетаки не сказывая отъ чего. Докторъ велѣлъ дать знать полиціи. Явился частный приставъ, и началось слѣдствіе. Классовъ, разумѣется, уже не было; потому что всѣ учителя заняты были разговорами объ этомъ происшествіи. Только одинъ Дружининъ былъ ко всему невнимателенъ и хладнокровенъ. Когда онъ проходилъ черезъ нашъ классъ, товарищъ мой Зосимскій, желая скорѣе сообщить эту новость, подошелъ къ нему и сказалъ: „Петръ Ивановичъ! Николаевскій умеръ“..... Дружининъ разсѣянно взглянулъ на Зосимскаго, и отвѣчалъ: „нешажной и человѣкъ-то былъ!“ Слѣдствіе по этому дѣлу тянулось недѣли двѣ: покойника на 3-й день анатомировали въ Гимназической банѣ; насъ безпрестанно допрашивали, и кончилось все тѣмъ, что Иконникова исключили изъ Гимназіи и послали на 6 мѣсяцовъ въ монастырь. Теперь онъ уже женатъ и живетъ въ Тотьмѣ.

Вскорѣ пріѣхалъ къ намъ изъ Петербурга новый учитель исторіи и статистики—М. Ѳ. Бѣляевъ. Этому человѣку всѣ мы обязаны полною благодарностію. Онъ былъ очень добръ и ласковъ съ нами: мы отъ него ничего не скрывали, даже самыя сокровенныя мысли и чувства. Въ обществѣ часто смѣялись надъ нимъ; потому что онъ любилъ педантствовать, хвастать и вообще былъ большой говорунъ. Но намъ до этихъ недостатковъ не было никакого дѣла: мы отъ души любили его, какъ добраго учителя, и часто ходили къ нему на квартиру, что, по тогдашнимъ понятіямъ, было новостью. Бѣляевъ, замѣтивъ въ насъ желаніе учиться и вмѣстѣ съ тѣмъ неполноту нашихъ свѣденій, уговорилъ всѣхъ насъ (а всѣхъ-то насъ было четверо: Зосимскій, Студитскій, Богословскій и я) остаться еще на годъ въ 7-мъ классѣ, и потомъ ѣхать въ Университетъ. Вотъ истинная польза, которую онъ принесъ намъ; потому что въ тогдашнее время никто почти въ Вологдѣ и не думалъ объ Университетѣ. Съ самаго перваго времени существованія Гимназіи и до того году только двое уѣхали въ Университетъ: Фортунатовъ, сынъ нашего покойнаго учителя математики (въ 1830 г.) и братъ мой (въ 1831 году). Прочіе же, кончавшіе курсъ, выходили большею частію въ приказные, рѣдкіе въ военную службу, и очень, очень рѣдкіе въ Демидовскій лицей. Стѣд. нашъ курсъ былъ первый, который весь рѣшился ѣхать въ Университетъ. Итакъ экзаменовъ въ этотъ годъ мы не держали; а только на актѣ я читалъ разсужденіе *о вліяніи Монголо-Татарскаго владычества на Россію*. Это сочиненіе, мною первоначально написанное, все отъ начала до конца было написано вновь самимъ Дружининымъ; потому что я трактовалъ этотъ предметъ, какъ должно, и никакъ не могъ втиснуть его въ схоластическія рамки. На актѣ были и дамы,—это также вещь дотолѣ неслыханная. Я прочиталъ превосходно, и когда кончилъ, всѣ слушатели начали апплодировать. Я перконфузился, и поскорѣй спрятался.

Во время каникулъ ѣздилъ въ Тотьму—къ двоюродному дѣдушкѣ, Савинову, и къ теткѣ, покойной Маріѣ Максимовнѣ, которая была замужемъ. Всѣ они жили въ одномъ большомъ домѣ, на берегу Сухоны, подлѣ церкви, кажется, Андреевской. Не помню уже, какъ я проводилъ тамъ время; помню только, что двѣ какія-то барышни влюбились въ меня, и безпрестанно строили мнѣ глазки. Изъ Тотьмы ѣздилъ на нѣсколько дней на Леденскій заводъ, гдѣ жилъ родной мой дядя Николай Ѳедоровичъ Андреевъ. Впрочемъ эта поѣздка въ Тотьму была уже не первая: при переходѣ изъ третьяго класса въ четвертый я ѣздилъ въ Тотьму съ братомъ и съ дядей; а при переходѣ изъ пятаго въ шестой съ маменькой, съ старшимъ братомъ, съ сестрой и съ теткой Анной Ивановной Савиновой. Но сила въ томъ, что изъ всѣхъ этихъ поѣздокъ я ничего не помню; стало быть онѣ не произвели на меня никакого особеннаго впечатлѣнія.

Наступилъ послѣдній годъ гимназическаго курса. Всѣ мы бредили Петербургомъ, не размышляя, разумѣется, о средствахъ необходимыхъ для такой поѣздки. Положеніе мое было незавидное. Отецъ получалъ жалованья 800 руб. въ годъ; семейство и отправка брата вовлекли его въ долги, которые для его состоянія были очень велики,—а теперь предстояли еще новыя издержки—отправлять меня. Другой на мѣстѣ отца ни за что бы не рѣшился на это, тѣмъ больше, что въ тогдашнее время, какъ я говорилъ уже, никто почти и не предчувствовалъ пользы отъ образованія. Но отецъ мой, въ этомъ отношеніи, превосходилъ другихъ своими понятіями, а въ отношеніи къ издержкамъ полагался на *авось*... Итакъ поѣздка моя въ Петербургъ была рѣшена, на основаніи самыхъ шаткихъ предположеній: авось достанемъ денегъ, авось примутъ меня на казенный коштъ, авось я кончу курсъ хорошо, авось въ послѣдствіи опредѣленъ буду старшимъ учителемъ въ Вологду и пр. и пр. и пр. Хорошо, что всѣ эти авось сбылись,—а не то плохія бы были обстоятельства! Разумѣется, въ тогдашнее время я не понималъ настоящаго моего положенія; но нѣроятно логика отца дѣйствовала уже на меня невидимо; потому что есть теперь въ характерѣ моемъ черта—не унывать ни въ какихъ обстоятельствахъ и дѣйствовать на авось!

Ученье мое въ этотъ годъ шло хорошо. Математикѣ у Назарьева мы выучились столько, сколько было можно; начала конечно знали худо, но этого и воротить было уже невозможно; по крайней мѣрѣ прошли основательно то, что положено проходить въ седьмомъ классѣ, и кое-что повторили. Физику знали хорошо. Исторію всеобщую, сколько могли, повторили сами, но знали довольно плохо; потому что руководство Кайданова немногому научитъ. Зато Русскую исторію и статистику у Бѣляева знали прекрасно. Словесность шла по старому: теорія основывалась на схоластикѣ, а въ практикѣ—сдѣлали успѣхи. Стихи, какъ сказано выше, я началъ писать еще въ 4-мъ классѣ; но съ тѣхъ поръ оставилъ ихъ; а теперь снова принялся. Первое стихотвореніе, написанное въ 7-мъ классѣ, было переложеніе изъ прозаическаго перевода въ стихи Гесперовой Идилліи—*Миртиллъ*. Дружининъ очень хвалилъ его. Потомъ написано было еще нѣсколько стихотвореній; но они теперь уже потеряны. Наконецъ я написалъ поэмѣ въ стихахъ, подъ названіемъ—*Хижина*. Здѣсь я высказывалъ лучшія мои убѣжденія и мечты; потому что былъ влюбленъ.... Эта поэмѣ сохранилась у меня въ бумагахъ. По-Латынѣ Поздняковъ училъ очень хорошо; потому что строго взыскивалъ; Нѣмецкій языкъ шелъ худо: Дозе вовсе не умѣлъ учить, и—главное—самъ былъ такой подлый и низкій человѣкъ, какого и еще не видывалъ. Онъ особенно ненавидѣлъ меня, хотя я учился у него изъ послѣднихъ силъ. Всякое терпѣніе должно было лопнуть, однакожъ я всетаки терпѣлъ. Не хочу да и не стоитъ припоминать всѣхъ гадостей, какія дѣлалъ онъ со мной: такихъ людей надобно награждать полнымъ и глубокимъ презрѣніемъ.... Чертъ съ нимъ! Я всетаки счастливъ, а онъ и до сихъ поръ живетъ, какъ мерзавецъ: подличаетъ, унижается

какъ червякъ у ногъ всякаго дурака, самъ дѣлаетъ глупости и пр. и пр. Французскій языкъ шелъ также худо; потому что учители часто мѣнялись, а послѣдній изъ нихъ—Эверсъ—былъ совершенно сумасшедшій: дѣлалъ безпрестанныя глупости, смѣшилъ насъ и ничему не училъ. При такихъ недостаткахъ въ преподаваніи собственная наша ревность къ занятіямъ была велика: мы читали и писали столько, сколько было возможно по нашимъ силамъ и средствамъ. И на все доставало времени: и на занятія и на шалости и на волокитства. Между собою мы жили очень дружно. Первый годъ насъ было въ 7 классѣ четверо: Зосимскій, Студитскій, Богословскій и я; а на второй годъ къ намъ перешли изъ шестаго класса: Михайловъ, Дубравинъ, Пчелинъ и Титовъ. Всѣ они были хорошіе ребята. Студитскій жилъ у насъ въ домѣ. По праздникамъ мы обыкновенно сбирались у кого нибудь изъ товарищей,—всего чаще у меня или у Пчелина или у Титова или у Михайлова. Шалости, разумѣется, были самыя невинныя; больше занимались разговорами, а лѣтомъ ходили гулять въ поле, и купались на Содимкѣ. Больше всего употреблялось времени на сочиненія и на письма другъ къ другу. Мы издавали журналъ, подъ названіемъ *Васильекъ*,— гдѣ помѣщали разныя статьи въ прозѣ и въ стихахъ. Каждый мѣсяцъ выпускали мы по тетрадкѣ, и отсылали въ 6-й классъ, а оттуда получали тоже тетрадку, подъ названіемъ *Муравей*... Всѣ мы трудились и писали: намъ хотѣлось жить, только средствъ было мало, а въ учителяхъ видѣли мало примѣровъ... Нынѣшніе ученики не могутъ сказать этого, и всегдаи они гораздо лѣнивѣе, нежели были мы въ тогдашнее время.... Ахъ, время, время! все это какъ будто вижу теперь во снѣ; а давно ли это минувшее такъ полно было жизни и событій? Любовныя интриги кипѣли между нами въ полной силѣ. Я снова былъ влюбленъ. Волокитство за Н. П. С., не помню уже какимъ образомъ, прекратилось: вѣроятно мнѣ наскучило вздыхать безнадежно.... Теперь я влюбился въ другую, или по крайней мѣрѣ вообразилъ, что я влюбленъ. Это сдѣлалось очень просто. Въ Декабрѣ 1832 года, не помню котораго числа, я былъ на именинахъ у А. Э. Тамъ было еще нѣсколько товарищей; мы играли въ лото, въ гусекъ и пр.,—а кто умѣлъ танцевать, тѣ танцевали съ барышнями. Я былъ очень застѣнчивъ,—и потому не рѣшался близко подходить къ танцующимъ.... Но онѣ, т. е. барышни вѣроятно обращали на меня больше вниманія, нежели я на нихъ; потому что лицомъ я былъ гораздо лучше ихъ; иежели бы тогда одѣть меня въ женское платье, то многіе бы мужчины влюбились въ меня по-уши. Какъ бы то ни было, только черезъ недѣлю А. Э. дастъ мнѣ замѣтить, что одна барышня ко мнѣ очень неравнодушна. Это была М. Л. З.—двоюродная сестра Дубравина; она вмѣстѣ съ родной сестрой Дубравина училась у Энгельмейерской гувернантки. Мнѣ, разумѣется, пріятно было слышать это,—и я тотчасъ вообразилъ, что и самъ влюбленъ въ нее, хотя и не видалъ ее порядочно. Настали святки. Мы опять маскировались,—и я

нѣсколько разъ имѣлъ случай видѣть М. З. Она, разумѣется, узнавала меня, и всегда приступала, чтобы я снялъ маску. Я очень хорошо понималъ, что все это значитъ,—и рѣшился написать письмо—только не къ ней, а къ Дубравину. Письмо, разумѣется, было на цѣломъ листѣ, и изъ самомъ сентиментальномъ родѣ. Жаль только, что теперь не припомню его содержанія; но главная мысль была та, что я просилъ Дубравина помочь мнѣ.... Это конечно довольно образцовая глупость; а Дубравинъ тоже по глупости рѣшился исполнить мое порученіе,—и черезъ два дня я уже получилъ отвѣтъ, что она также любитъ меня, и готова даже соединиться со мною на вѣки.... Ей было 15 лѣтъ, а мнѣ 17; просто слѣдовало бы высѣчь насъ!... Свиданія наши сдѣлались чаще,—и вскорѣ завелась переписка.... Боже мой! сколько было клятвъ и увѣреній и въ прозѣ и въ стихахъ!... Такимъ образомъ, начавъ съ глупости, и подобными же глупостями такъ пристрастился къ М. З., что только и бредилъ ею. Впрочемъ она была дѣйствительно хороша, брюнетка—въ полной формѣ. Объ умѣ же и сердцѣ я не зналъ, да мнѣ это и въ голову не приходило; потому что любовь моя въ эту эпоху была черезчуръ отвлеченна: я любилъ не М. З., а идеализированный образъ ея, начертанный въ моемъ воображеніи...; Сколько было чувствъ, то веселыхъ, то грустныхъ, то бурныхъ, то нѣжныхъ!... Но замѣчательно то, что къ М. З. я не написалъ ни однихъ стиховъ; только въ поэмѣ *Хижина*, о которой и упомянулъ выше, было нѣсколько тирадъ, внушенныхъ ею... Причиной этого безъ сомнѣнія было вліяніе схоластики, которая не позволяла выражать въ слогѣ самыя лучшія движенія сердца.....

Всѣ, или почти всѣ, мои товарищи вели также свои любовныя интриги. Когда мы сходились имѣть, то повѣряли другъ другу свои тайны, и были совершенно счастливы. Жаль, что все это почти изгладилось уже изъ памяти,— а то сколько любопытныхъ вещей можно бы было описать!

Между тѣмъ время уходило: прошла Масляная, провелъ постъ, прошла Святая недѣля, наступили каникулы. Надобно было думать объ экзаменѣ и готовиться ѣхать въ Петербургъ. М. З. безпрестанно писала, чтобы я оставался въ Вологдѣ, что она умретъ отъ тоски и пр. и пр. Но на этотъ разъ я ее не послушался, а утѣшалъ только, что на каникулы буду пріѣзжать въ Вологду, что черезъ три года кончу курсъ въ Университетѣ, и тогда женюсь на ней.... И изъ всего этого въ послѣдствіи вышла чепуха, гиль, просто ничего..... Экзамены кончились благополучно въ концѣ Августа. Медлить было нечего. 28 Августа я пришелъ къ Энгельмейеру, простился со всѣми, въ томъ числѣ и съ М. З.,*) а 29, въ день Усѣкновенія главы Іоанна Предтечи, въ 12 часу утра отправился изъ Петербургъ на почтовыхъ, вмѣстѣ съ Михайловымъ, Зосимскимъ и Студит-

*) И съ нею увидѣлся черезъ 7 лѣтъ.

скимъ. Богословскій поѣхалъ въ Московскій Университетъ; Титовъ и Пчелинъ вышли въ уѣздные учители, а Дубравинъ остался еще на годъ въ 7-мъ классѣ.

Такимъ образомъ первый періодъ моей жизни кончился! Я развернулся, какъ цвѣтокъ, и физически и нравственно,—развернулся на лонѣ родины, въ нѣдрахъ семейства, среди заботъ и попеченій родныхъ: это былъ цѣлый міръ, только неокрашенный яркими и блистательными красками: все было тихо, скромно, но зато полно такихъ чистыхъ радостей и такихъ искреннихъ печалей, что, кажется, воротилъ бы это блаженное время. Какъ жаль, что я не записывалъ своей жизни съ тѣхъ поръ, какъ началъ понимать себя! Сколько поступковъ, мыслей, чувствъ, желаній, надеждъ,—перебывали въ головѣ и въ сердцѣ въ продолженіи этихъ 17-ти лѣтъ! Откуда они приходили, и куда исчезло все это?... Кажется, я видѣлъ одинъ только сонъ. Я былъ, въ полномъ смыслѣ, прекрасный юноша: цвѣту и милому выраженію лица моего всѣ завидывали; голова моя была сформирована счастливо, добъ широкій и полный, носъ прямой и довольно длинный; брови и волоса темные; грудь широкая и сильная; шея жилистая и крѣпкая; голосъ звучный и пріятный; ростомъ былъ немногимъ ниже теперешняго: а теперь ростъ мой 2 арш. 8 вер. Въ нравственномъ отношеніи и также имѣлъ довольно счастливую организацію: я могъ скоро усвоивать все, и примѣнять каждую мысль къ жизни; память имѣлъ хорошую, воображеніе живое; былъ чувствителенъ и добръ даже до самоотверженія; только мечтательность развита была въ высшей степени. Однимъ словомъ я имѣлъ самое счастливое сложеніе тѣла и души.... Теперь, разлучась съ родиною, я долженъ былъ начать новую жизнь: образовать дары Природы, пополнить недостатки, истреблять мало-по-малу пороки,—однимъ словомъ,—изъ юноши переобразовываться въ человѣка.... Разумѣется, если бы тогда я понималъ это дѣло такъ, какъ теперь, то былъ бы очень порядочнымъ человѣкомъ. Впрочемъ, я и не потерялся, и не слился съ толпой безсмысленныхъ педантовъ, которые могутъ доказать умъ свой развѣ только тѣмъ, что покажутъ свой кандидатскій дипломъ.

Передъ отъѣздомъ изъ Вологды я написалъ стихотвореніе, подъ названіемъ *прости*, въ которомъ прощался съ родиною, и болѣе всего съ М. З. Оно сохранилось у меня въ бумагахъ. Зналъ ли я тогда, что родину увижу черезъ 10 мѣсяцевъ, а М. З. черезъ 7 лѣтъ, и при какихъ обстоятельствахъ!

Мы отправились въ двухъ кибиткахъ, и ѣхали безъ отдыху 160 верстъ, до станціи *Давыдово*; потому что старались скорѣе догнать нашего учителя Бѣляева, который отправился тоже изъ Петербургъ, наканунѣ вечеромъ. На него сдѣланъ былъ какой-то доносъ, и по именному повелѣнію онъ долженъ былъ ѣхать для личныхъ объясненій съ тайной полиціей. Догнавъ его въ Давыдовѣ, мы поѣхали всѣ вмѣстѣ. Сначала поѣздка на почтовыхъ занимала меня, потому что была еще первая; но послѣ усталость и безсонница такъ измучили меня,

что не радъ уже былъ и скорой ѣздѣ. Дорогой особенныхъ приключеній не было, кромѣ обыкновенныхъ ссоръ Бѣляева съ ямщиками и со станціонными смотрителями. Приближеніе къ Петербургу очень занимало меня, и заставляло забывать всю усталость. Велико слово—Петербургъ—для провинціала, не видавшаго ничего лучшаго, кромѣ своего губернскаго города! Первое совершенно новое впечатлѣніе произвело на меня широкое устье Волхова и видъ Ладожскаго озера: я никогда не видалъ еще такой огромной массы водъ. Суда особенной конструкціи я принялъ сначала за корабли. Чѣмъ дальше, тѣмъ предметы были любопытнѣе. Шлюзъ въ Шлиссельбургѣ, истокъ Невы, множество плывущихъ судовъ, крѣпость,—совершенно поглотили мое вниманіе. На послѣдней станціи, въ Мурзинкѣ, Бѣляевъ взялъ Петербургскаго извощика на маленькихъ дрожкахъ, и уѣхалъ впередъ. Мы отправились одни. Цѣлую станцію я ѣхалъ по сторонамъ—на громадныя и великолѣпныя зданія фабрикъ и заводовъ, на толпы пѣшеходовъ, на кавалькады будущихъ верхами дамъ и кавалеровъ, на множество встрѣчныхъ экипажей. Города все еще не было видно; наконецъ вдругъ—застава, и у ней Преображенскіе усачи. Это было такъ ново для меня, что я не зналъ куда глядѣть. Мы отдали подорожныя и въѣхали въ городъ. Это было 2 Сентября, въ 8-мъ часу вечера. Экипажей, народу—тьма: шумъ, гамъ, движеніе—совершенная ярмарка. Мы остановились въ Ямской улицѣ, въ гостинницѣ Завитаева.

II.

Петербургъ и жизнь въ Университетѣ.

Переодѣвшись наскоро, я съ Михайловымъ отправился въ Университетъ, который помѣщался тогда противъ Семеновскихъ казармъ, въ домѣ, принадлежащемъ нынѣ Кіевскому митрополиту. Хозяинъ гостинницы указалъ намъ дорогу. Въ Университетѣ мы встрѣтили только новенькихъ студентовъ, большею частію изъ Поляковъ, а брата не нашли. Возвратясь домой, поужинали, и я съ устатку заснулъ мертвымъ сномъ. Просыпаюсь утромъ: шумъ и громъ: народъ кипитъ на улицѣ. Напившись чаю, отправился опять въ Университетъ. Студенты умывались. Я поздоровался съ братомъ; поговорилъ съ нимъ недолго, и отправился къ Шишилову—бывшему своему директору, который тогда былъ директоромъ второй Гимназіи. Разумѣется, дорогу нашелъ съ помощію извощика. Шишиловъ принялъ меня ласково. Оттуда заѣхалъ домой, взялъ Михайлова,—и поѣхалъ съ нимъ къ Ректору Дегурову; но, не найдя квартиры его, долженъ былъ возвратиться назадъ. Вечеромъ пришелъ опять къ брату, и вмѣстѣ съ нимъ отправился къ Лисину—бывшему вологодскому откупщику, который жилъ у пяти угловъ, въ домѣ Аферовскаго. Лисинъ взялъ меня къ себѣ на квартиру, и я въ тотъ же вечеръ переѣхалъ къ нему. На слѣдующее утро, по разсказу брата, я уже нашелъ квартиру Ректора, подалъ прошьбу, и онъ очень вѣжливо пригласилъ

меня вечеромъ на экзаменъ. Признаюсь, этого я никакъ не ожидалъ! Нечего дѣлать: день мы прогуляли, а въ 6 часовъ вечера собрались въ Правленіе; тамъ было еще нѣсколько молодыхъ людей, пришедшихъ затѣмъ же, зачѣмъ и мы. Экзаменъ начался. Намъ не очень посчастливило: въ этотъ вечеръ мы экзаменовались изъ исторіи, и получили довольно плохія отмѣтки; потому что руководство Кайданова оказалось недостаточно, и притомъ Веденскій проходилъ его, какъ говорится, черезъ два въ третій. Велѣно придти на другой день на слѣдующіе экзамены. Мы разошлись по квартирамъ, и опять ни о чемъ не думали. Такимъ образомъ прошла цѣлая недѣля. Каждый день мы экзаменовались изъ нѣсколькихъ предметовъ,—и наконецъ на повѣрку оказалось, что получили очень плохія отмѣтки, особливо изъ математики. Только Студитскій былъ счастливѣе насъ: его скоро приняли на казенный счетъ. Михайловъ, хотя имѣлъ такія же отмѣтки, какъ и мы; однакожъ его приняли также; потому что онъ просился на свой коштъ. Нечего дѣлать; мы съ Засимскимъ отправились къ Ректору; онъ отказалъ; приняли на другой день; онъ обѣщалъ принять,—и такимъ образомъ проводилъ насъ 6 недѣль. Все это время мы гуляли по Петербургу, и осматривали все любопытное и новое для насъ. Наконецъ, соскучившись безплѣзтіемъ, отправились къ А. Н. Очкину—секретарю Университетскаго Правленія, попросили его, и въ тотъ же день приняты были на казенный коштъ. Такимъ образомъ дѣло кончилось благополучно.

Жизнь моя въ Университетѣ имѣла нѣсколько періодовъ, непохожихъ одинъ на другой. Первый годъ я мало еще сблизился со студентами: жилъ большею частію воспоминаніями о прошедшемъ и мечтами о будущемъ. Не имѣя ни гроша денегъ, я не могъ пользоваться и веселостями; даже рѣдко пилъ чай. Все это было довольно скучно. Рвалсякался только тѣмъ, что ходилъ раза два въ недѣлю къ Михайлову, и съ нимъ имѣлъ преданія любимыхъ мечтамъ. Исключая земляковъ, и съ однимъ только Накашинымъ сблизился короче. Онъ былъ родомъ изъ Саратова, учился въ Новгородской Гимназіи, и поступилъ въ Университетъ вмѣстѣ со мной. Характеры наши, сердца, мысли, способности и мечты были сходны. Часто мы проводили вмѣстѣ вечера, и совершенно понимали другъ друга. Лекціями я не манкировалъ, хотя и худо еще понималъ ихъ. Древними языками занимался прилежно; а новые, по легкомыслію и увлеченный примѣромъ другихъ, почти сонѣмъ остались. Это потеря невозвратная! Въ свободное время писалъ стихи; но самъ чувствовалъ, какъ далеко отсталъ въ этомъ отношеніи отъ другихъ: схоластика налагала на меня тяжкія оковы: у меня не было современности ни въ мысляхъ, ни въ языкѣ. Съ новаго году поступилъ къ намъ новый Инспекторъ—Ник. Павловичъ Филипповъ—прекрасный, добрый и благородный человѣкъ. Онъ далъ студентамъ совершенную свободу, каждый могъ уходить когда ему угодно, и возвращаться тоже когда угодно. Такимъ обра-

зомъ, безъ особенныхъ приключеній, кончился этотъ первый годъ. Только зимой, не помню когда именно, получилъ изъ дому довольно непріятное письмо, именно вотъ по какому случаю: я написалъ письмо къ родителямъ, для передачи Ан. Энгельмейеръ, а его просилъ передать М. З. Родители мои, не посмотрѣвъ на адресъ, распечатали это письмо, и узнали всѣ мои шашни. Отецъ тотчасъ написалъ мнѣ строгій выговоръ; но спасибо, братъ заступился за меня, и дѣло кончилось ничѣмъ. Только уже нельзя было переписываться съ М. З. и я не получалъ объ ней никакихъ извѣстій до лѣта. Экзамены кончились благополучно, и я отправился вмѣстѣ съ братомъ и Михайловымъ въ Вологду. Мы ѣхали на долгихъ; вмѣстѣ съ нами, только въ другой кибиткѣ, ѣхалъ нашъ сумасшедшій землякъ, сынъ какого-то священника, служившій въ Сенатѣ. Онъ возвращался въ домъ родителей для излѣченія; но съ дороги безпрестанно бѣгалъ и кралъ по деревнямъ у бабъ пироги. Смѣху и горя было довольно! Тхали ровно 12 дней. Впрочемъ не могу жаловаться, чтобы было очень скучно. Пріѣхалъ домой, разумѣется, очень обрадовалъ и насъ и родителей. Время летѣло весело: или у насъ были часто, или мы были въ гостяхъ. М. З. я не нашелъ уже въ Вологдѣ: она уѣхала въ деревню, въ Любимскій уѣздъ; потому что кончила свой курсъ ученья, или по крайней мѣрѣ такъ воображала.... Старые Гимназическіе товарищи часто посѣщали меня, и съ жадностію слушали разсказы мои о Петербургѣ. Все это тогда очень занимало меня. Такимъ образомъ время прошло незамѣтно. Назадъ мы уѣхали на почтовыхъ.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, я началъ ходить во второй курсъ; а Михайловъ остался въ первомъ курсѣ. Это очень повредило ему, потому что заставило его лгать передъ отцемъ. Потомъ онъ пустился въ пьянство, и началъ манкировать лекціями. Я тоже велъ себя худо. Пріѣхалъ изъ Москвы Черняевъ, который вышелъ изъ нашей Гимназіи изъ 6-го класса, и поступилъ въ Московскій Университетъ; но, пробывъ тамъ годъ, перешелъ въ Петербургскій Унив-тъ. Онъ подружился со мной, и безпрестанно уводилъ къ себѣ. Такимъ образомъ я началъ пропускать лекціи, и, что мнѣ повредило всего больше, вовсе пересталъ заниматься древними языками. Годъ шолъ быстро и весело. Хотя денежонки водились рѣдко, однакожъ я бывалъ иногда и въ театрѣ. Уроковъ частныхъ почти не имѣлъ; только Михайловъ достался мнѣ одинъ урокъ у Врянчанинова, но и тотъ скоро кончился; потому что Врянчаниновъ скупъ былъ на плату денегъ. Учился я хорошо у одного только Никитенки, который уже началъ меня отличать отъ другихъ. Среднюю исторію читалъ Гоголь. Первая его лекція, напечатанная послѣ въ Арабескахъ, была превосходна; но чѣмъ дальше, тѣмъ хуже: онъ рѣдко ѣздилъ на лекціи, и ничего почти не читалъ. Слѣд. этотъ предметъ я зналъ плохо. Другими хотя и занимался, но не такъ, какъ бы должно было; потому что предался развлеченіямъ. Братъ, который въ это время былъ въ 3-мъ курсѣ,

познакомилъ меня съ семействомъ Эвальда. Эвальдъ былъ его товарищъ, прекрасный студентъ во всѣхъ отношеніяхъ. Старшій братъ его служилъ берейторомъ при Михайловскомъ манежѣ. Съ нимъ жили: мать, тетка, двѣ сестры и шесть братьевъ, а отецъ былъ гдѣ-то управителемъ, и потому рѣдко ѣздилъ въ Петербургъ. Это было самое благословенное семейство. Каждое воскресенье къ нимъ собиралось нѣсколько студентовъ и нѣсколько знакомыхъ дѣвицъ, и мы танцевали подъ форте-піано такъ весело, какъ мнѣ послѣ не случалось уже танцовать ни на одномъ провинціальномъ балѣ. Я такъ пристрастился къ этому семейству, что въ продолженіи трехъ съ половиною лѣтъ, которыя еще суждено мнѣ было прожить въ Университетѣ, ходилъ туда постоянно не недѣлю разъ, а иногда и два. Здѣсь я больше всего сблизился съ нѣкоторыми студентами, а именно съ Шакѣевымъ и Григорьевымъ. Они были прекрасные и добрые ребята. Сестры Эвальда были очень хорошенькія: старшей Аннѣ было лѣтъ 16, а меньшой Наталѣ лѣтъ 13. Сначала я было занимался старшей; но какъ-то нерѣшительно... помечталъ, да и пересталъ. Послѣ уже года черезъ полтора узналъ, что ею занятъ Шакѣевъ, а сестрой Шакѣева, которая также часто бывала у Эвальда, занимался Григорьевъ; стѣдъ. одинъ только я былъ безъ дѣла. Кромѣ этого развлеченія у меня было еще другое, которое отнимало времени гораздо болѣе. Мы издавали журналъ, т. е. кто хотѣлъ, переписывалъ свое сочиненіе,—и послѣ всѣ они сшивались въ одну тетрадь. Я по обыкновенію былъ самымъ ревностнымъ сотрудникомъ: писалъ много, но для того только, чтобы написать, а объ усовершенствованіи и не думалъ. Стѣд. эти сочиненія мало приносили пользы, а вреда очень много: они еще болѣе развивали мою мечтательность, и отнимали драгоцѣнное время. Наконецъ кромѣ всѣхъ этихъ развлеченій самый бытъ студентскій больше занималъ меня: я сблизился со студентами, былъ любимъ ими и цѣлые вечера проводилъ въ пріятельскихъ бесѣдахъ. Конечно это время потерано безъ вреда; потому что во мнѣ развилось изъ высшей степени чувство дружбы и товарищества: но всетаки для занятій оно потеряно. Такимъ образомъ прошелъ цѣлый годъ. Наступили экзамены. Изъ наукъ я получилъ хорошія отмѣтки; только изъ средней исторіи единицу. Конечно, въ этомъ больше всего виноватъ Гоголь; но неправъ и я: потому что хорошіе студенты приготовлялись по записямъ Шульгина, а я пренебрегъ этимъ. Кромѣ того изъ древнихъ языковъ я получилъ по единицѣ. Съ тремя единицами нельзя было думать о переводѣ; однакожъ я надѣялся, и не унывалъ. Опять видна отцовская философія!

Въ это время случились въ Университетѣ два происшествія, одно до начала экзаменовъ, а другое во время экзаменовъ. Въ одномъ со мной курсѣ былъ студентъ Десницкій, поступившій изъ Новгородской Семинаріи. Онъ учился хорошо, но былъ порядочной пьяница. Инспекторъ давно уже грызъ на него зубы; потому что онъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, особенно съ Тарховымъ, Зосимскимъ,

Островскимъ и Шведтомъ, старался всегда надоѣдать Инспектору и спорить съ нимъ. Это, разумѣется, было глупо! Инспекторъ, несмотря на нѣкоторые свои недостатки, былъ [очень добрый человѣкъ и дѣлалъ для насъ все, что только могъ. Но эта шайка не любила его. Такъ напр. однажды Тарховъ не пришелъ на лекцію къ Грефе, профессору Греческаго языка. Грефе сказалъ въ тотъ же день попечителю; а попечитель сдѣлалъ выговоръ Инспектору. Инспекторъ взбѣсился, и приказалъ перенести кровать Тархова въ карцеръ. Тарховъ тотчасъ собралъ всю свою шайку, а къ ней, разумѣется, изъ одного только довольно глупаго удальства присоединились и многіе другіе студенты, въ числѣ которыхъ былъ и я. Входитъ Инспекторъ и зоветъ Тархова для за собой. Т. говоритъ: нейду! Инспекторъ началъ было горячиться; но мы всѣ въ одинъ голосъ крикнули: „вонъ! вонъ!" и онъ уѣхалъ домой. Послѣ такихъ исторій, разумѣется, Инспекторъ искалъ уже случая, чтобы подлѣть кого-нибудь изъ этихъ молодцовъ. Случай скоро представился. На одной недѣлѣ Десницкаго приводили въ Университетъ нѣсколько разъ, какъ говорится, еле-еле душа въ тѣлѣ. Инспекторъ зналъ, но не могъ привязаться; потому что самъ не видалъ. Наконецъ однажды въ Маѣ мѣсяцѣ, вечеромъ часовъ въ 9 Десницкаго привели почти безъ чувствъ, и только что притащили въ комнату, какъ вдругъ входитъ Инспекторъ.... Тотчасъ же пьянаго перенесли въ карцеръ, а Инспекторъ донесъ Попечителю.... Дѣло тянулось недѣли 2, и кончилось тѣмъ, что Десницкаго отправили въ Аракчеевскія казармы, и отдѣли въ солдатскій мундиръ. Онъ поступилъ въ артиллерійскую роту, стоявшую около Старой Русы. Нынѣ онъ уже офицеромъ. Странно только, что онъ очень хладнокровно перенесъ свое несчастіе.... Вотъ что значитъ семинарское воспитаніе!

Другой случай былъ во время экзаменовъ. Мы приготовлялись изъ метафизики. Чертковъ, студентъ одного со мною курса, безпрестанно подходилъ къ кому нибудь изъ товарищей, и пускался въ метафизическія объясненія.... Мы отгоняли его, но онъ не унимался: то говорилъ дѣльно, то хохоталъ безъ толку. Нѣкоторые начали даже подозрѣвать—не сошелъ ли онъ съума. Экзаменъ изъ философіи кончился,—и мы начали готовиться изъ Р. исторіи. Чертковъ не спалъ ночь, и писалъ какое-то сочиненіе. На другой день онъ отнесъ это сочиненіе къ Никитенко, и тотъ, разумѣется, не сказалъ ничего; потому что сочиненіе было довольно плохое, какъ и обыкновенно писалъ Чертковъ. Въ полдень Чертковъ отправился на дачу къ Министру. У Министра въ это время былъ Попечитель. Когда человѣкъ пришелъ доложить о Чертковѣ, Попечителю странно показалось, что казенный студентъ является безъ вѣдома его прямо къ Министру, и потому вышелъ къ нему самъ. Чертковъ подалъ прозьбу, написанную на Фр-мъ языкѣ; въ ней объяснялъ онъ, что желаетъ держать экзаменъ прямо на степень доктора. Попечитель отвѣчалъ, что этого сдѣлать нельзя; но впрочемъ онъ доложитъ Министру.

Чертковъ отправился обратно въ Университетъ, и заговорилъ съ нами уже съ такою увѣренностію о своемъ докторскомъ званіи, что мы ясно увидѣли, что онъ сошелъ съумa. Вечеромъ пришли на экзаменъ. Чертковъ сѣлъ развалившись на первую скамейку, и все обмахивался бѣлымъ платкомъ. Посидѣвъ съ часъ, онъ всталъ съ мѣста, подошелъ къ Ректору и просилъ, чтобы его спросили скорѣе. Ректоръ (И. П. Шульгинъ, профессоръ Новой исторіи), предупрежденный уже Инспекторомъ, отвѣчалъ Черткову, чтобы лучше онъ шолъ теперь гулять, и что ему поставитъ хорошую отмѣтку безъ экзамена. Чертковъ былъ доволенъ; пошелъ на дворъ, взялъ подъ руку Инспектора и началъ ходить съ нимъ очень скоро... Не знаю уже, о чемъ говорили они. На слѣдующій день рано утромъ Чертковъ надѣлъ калоши, подштаники, мундиръ, на голову зеленый зонтикъ, и обратился къ намъ съ рѣчью: „вставайте, господа! у васъ новый начальникъ“.... Мы проснулись; Чертковъ рекомендуется, что онъ сдѣланъ нашимъ инспекторомъ, и что черезъ полчаса пріѣдетъ Государь.... Мы разумѣется, смѣялись, и, какъ умѣли, отвѣчали. Чрезъ четверть часа Чертковъ забылъ уже свое инспекторство и сдѣлался Государемъ; а минутъ черезъ 10 и Богомъ. Тогда его посадили въ темную комнату, и онъ три дня и три ночи бредилъ безъ умолку; наконецъ его отправили въ сумасшедшій домъ.

По окончаніи экзаменовъ я собрался опять въ Вологду. Коншинъ и Дубравинъ отправились впередъ; а я, Чернявъ и Зосимскій, дня черезъ два послѣ нихъ. Передъ отъѣздомъ Зосимскій далъ мнѣ 6 цѣлковыхъ на прогоны, и сказалъ, что ассигнаціи размѣняетъ послѣ. До Шлиссельбурга мы доѣхали водой,—а отъ Шлиссельбурга отправились на почтовыхъ. Не доѣзжая одной станціи до Соминъ, я отдалъ уже изъ кошелька послѣднія деньги, и сказалъ Зосимскому, что теперь очередь доходитъ до его ассигнацій.... Зосимскій отвѣчалъ, что онѣ у него въ чемоданѣ, и что въ Соминахъ онъ вынетъ. Пріѣзжаемъ въ Сомины, раскрыли чемоданъ,—и ассигнацій не оказалось.... Тогда ясно обнаружился обманъ. Но дѣлать нечего: надобно было принимать какія нибудь мѣры. Придумали—солгать: сказать, что дорогой потеряли деньги. Станціонный смотритель сказалъ, чтобы мы обратились къ смотрителю за шлюзами, что у него водятся деньги, и онъ можетъ дать намъ въ долгъ. Приходимъ къ смотрителю, объясняемъ ему дѣло, и просимъ денегъ. Къ счастію, у него случился на эту пору одинъ пріѣхавшій изъ Петербурга мѣщанинъ, который служилъ прежде повѣреннымъ у Лисина, и зналъ меня. Онъ, разумѣется, шепнулъ смотрителю, что мы обманутъ не можемъ, что съ насъ можно будетъ сопременемъ взыскать. Смотритель однакожъ былъ осторженъ: цѣлый вечеръ онъ гулялъ съ нами по шлюзу и отпустилъ только съ надеждами. Весь слѣдующій день прошелъ также ни въ чемъ, и только къ вечеру онъ далъ намъ на вексель 30 рублей. Такъ какъ этихъ денегъ было недостаточно, то онъ заставилъ одного лодочника взять насъ всѣхъ троихъ за

одинъ цѣлковый на легкую лодку, и довести до станціи Глинъ, сто верстъ. Мы поблагодарили смотрителя, и отправились въ путь утромъ на слѣдующій день. Сто верстъ проѣхали въ сутки; а въ Глинахъ взяли почтовыхъ лошадей, и благополучно прибыли въ Вологду.

Каникулы прошли по обыкновенію очень скоро: веселились каждый день, иногда танцовали, ѣздили въ деревню къ Дубравину. Любовныхъ интригъ, сверхъ обыкновенія моего, не было никакихъ: вѣроятно потому, что и не зналъ кому отдать преимущество. Отъ брата, который въ этотъ годъ кончилъ курсъ и остался на каникулы въ Университетѣ, получили письмо, что онъ не получилъ степени кандидата; это огорчило родителей; но дѣлать было нечего: онъ самъ былъ виноватъ, что занимаясь прилежно естественными науками, мало обращалъ вниманія на математику.... Въ это время пріѣхали въ Вологду два мои дяди: одинъ родной, Н. Ѳ. Андреевъ, изъ Леденева; а другой двоюродный, М. И. Савиновъ, изъ Охотска, гдѣ онъ по собственному вызову служилъ три года управителемъ соляныхъ заводовъ. Разсказовъ о Сибири была куча. Онъ имѣетъ съ нами поѣхалъ въ Петербургъ, чтобы поступить тамъ на службу. Такимъ образомъ мы отправились въ 3-хъ кибиткахъ; а отъ Тихвина поѣхали водой. Время дорогой провели весело. Но, по пріѣздѣ въ Университетъ, я былъ пораженъ громовымъ извѣстіемъ: меня не перевели, и назначили учителемъ уѣзднаго училища въ Архангельскѣ... Что тутъ дѣлать? Спасибо, Инспекторъ и Никитенко заступились за меня. Они написали письма къ Попечителю, который въ это время уѣзжалъ въ Крымъ... Но, пока письма шли туда, Министръ прислалъ бумагу, чтобы я и еще нѣкоторые, подвергнувшіеся такой же участи, отправлялись къ мѣстамъ имъ назначеннымъ. Я сказался больнымъ, и пролежалъ въ лазаретѣ до тѣхъ поръ, пока Попечитель не написалъ Инспектору, чтобы оставить меня до его возвращенія. Тогда я выздоровѣлъ и снова ожилъ. Дядя мой отправился служить въ Акерманъ. Брутъ, читавшій у насъ еще по старому положенію физическую географію, доставилъ мнѣ прекрасные уроки, у Ульянина: я долженъ былъ учить сына лѣтъ 18, четыре раза въ недѣлю. Ученикъ мой былъ прекрасный и добрый малой. Все его семейство—также прекрасные люди: я былъ принятъ въ ихъ домъ, какъ родной. Теперь я имѣлъ возможность получать всѣ удовольствія: посѣщать театры, кондитерскія и пр. и пр.

Между тѣмъ пріѣхалъ Попечитель, и объявилъ мнѣ, что онъ оставляетъ меня въ Университетѣ; а прочихъ—отправили. Я, разумѣется, былъ очень доволенъ—вопервыхъ потому, что могъ продолжать учиться, а вовторыхъ потому, что свыкся уже съ Петербургскою жизнію, и предвидѣлъ теперь новыя перемѣны къ лучшему. Во внѣшнемъ отношеніи я былъ совершенно обезпеченъ; денегъ имѣлъ много; знакомые любили меня; студенты ласкали, какъ хорошаго товарища. Въ свободное отъ занятій время я ходилъ или на уроки къ Ульянину,

или къ Эвальду, или къ какому нибудь изъ своекоштныхъ студентовъ. Съ зимы этого года самый составъ Университета измѣнился къ лучшему. Вышелъ новый штатъ: профессорамъ болѣе нежели удвоено жалованье; но—что было всего лучше—многіе изъ нихъ смѣнены и каѳедры ихъ замѣщены новыми, а многія каѳедры открыты вновь. Надобно признаться, что изъ прежняго своего состава Университетъ не представлялъ почти ничего утѣшительнаго. Факультеты были неполные; профессоры большею частію или дрянь, или лѣнтяи. Такъ напр. въ Филологическомъ факультетѣ, въ которомъ былъ я, читались только: философія, исторія, древняя и физическая географія и словесность,—да 4 языка. Юридическій факультетъ былъ еще бѣднѣе; а въ Математическомъ и математическія и естественныя науки скомканы въ одну кучу. Многіе изъ профессоровъ были недостойны своего званія: напр, въ нашемъ факультетѣ Крыловъ, профессоръ статистики, только что могъ быть порядочнымъ учителемъ въ какой нибудь гимназіи; Брутъ, профессоръ географіи, хотя и былъ человѣкъ со свѣдѣніями, но вовсе не съ профессорскими, и притомъ заикался; Поповъ, профессоръ Греческаго языка, бралъ взятки.... Въ другихъ факультетахъ было тоже самое. Теперь все измѣнилось: изъ заграницы возвратилось вдругъ человѣкъ до сорока молодыхъ людей, посылаемыхъ туда для образованія; всѣ они держали въ Петербурскомъ Университетѣ экзамены на степени докторовъ, и потомъ разосланы были профессорами по разнымъ округамъ... Вмѣсто Крылова къ намъ поступилъ Порошинъ, человѣкъ съ очень замѣчательнымъ талантомъ и прекрасными свѣдѣніями. Положено было, чтобы онъ читалъ у насъ политическую экономію и статистику; а прежде первая изъ этихъ наукъ читалась въ одномъ только Юридическомъ факультетѣ. Каѳедра географіи была вовсе упразднена. Вмѣсто Гоголя, который еще лѣтомъ оставилъ Университетъ, поступилъ М. Куторга. Конечно, Гоголь имѣлъ прекрасный талантъ, только не профессорскій. Постигнувъ совершенно способы изложенія исторіи, онъ не могъ однакожъ самъ приводить плановъ своихъ въ исполненіе; потому что для этого нужны были—огромная ученость и долголѣтняя опытность. А Гоголь къ тому же былъ лѣнивъ, какъ и всѣ поэты; только и прочиталъ онъ хорошо первую лекцію, да еще объ Аравитянахъ, которую посѣтили Пушкинъ и Жуковскій. Куторга имѣлъ гораздо болѣе свѣдѣній, и тоже былъ не безъ таланта; но—главное—онъ уже давно готовился къ званію профессорскому— и потому для насъ былъ полезнѣе Гоголя. Поповъ былъ отставленъ. Вмѣстѣ съ юристами мы должны были слушать еще два новые предмета у Иваповскаго— народное право и дипломацію,—предметы очень любопытные и преподаватель ихъ человѣкъ очень даровитый. Наконецъ Рождественскій назначенъ былъ читать у насъ—Русскія государственныя учрежденія и права сословій. Всѣ эти перемѣны были очень полезны для насъ: студенты начали болѣе разнообразить свои свѣдѣнія и учиться основательнѣе. И въ этотъ годъ, несмотря на то, что

много гулялъ, много и занимался: всѣ лекціи посѣщалъ постоянно, кромѣ древнихъ языковъ, которыхъ я и прежде не любилъ, и которые мнѣ особенно сдѣлались противны съ прошлогодняго неудачнаго экзамена. И дѣйствительно, сколько ни толковали и ни писали о пользѣ изученія древнихъ языковъ, но никто однакожъ не могъ доказать необходимость знанія ихъ....

Этотъ годъ провелъ я въ Университетѣ весело. Жизнь студентская чрезвычайно нравилась мнѣ. И въ самомъ дѣлѣ—какое общество можетъ быть пріятнѣе для молодаго 20-ти лѣтняго человѣка, какъ не общество 400 или 500 сверстниковъ? Здѣсь вы найдете и умныхъ и дураковъ, и серьезныхъ и веселыхъ, и любезныхъ и смѣшныхъ, и красавцевъ и уродовъ,—однимъ словомъ,—тьму оригиналовъ. Чувство дружбы и товарищества развивается здѣсь въ высшей степени: здѣсь нѣтъ никакихъ интересовъ, все общее—и горе и радость. Сходство характеровъ, одинаковыя занятія, одинаковыя нужды и намѣренія, одинаковая мѣра ума и образованія, одинаковыя чувства и мечты—сближаютъ людей и связываютъ ихъ такими узами, которыхъ не могутъ уже разорвать ни время ни жизнь.... Какъ жаль, что нельзя перечислить всего того, что тогда занимало насъ! По крайней мѣрѣ припомню, что можно. Первый предметъ, общій для всѣхъ, былъ суб-инспекторъ Вакарь. Онъ былъ изъ военныхъ,—и потому человѣкъ очень мелочной. Мы, разумѣется, тотчасъ смекнули—что это за птица, и начали тѣшиться надъ нимъ. Онъ считалъ свою должность очень важною и любилъ вслѣдствіе во все; а мы обыкновенно называли его губернеромъ, и обращались съ своими нуждами прямо къ инспектору. Это всегда очень обѣсило Вакара,—и онъ слегка, съ большими вѣжливостями и комплиментами, давалъ замѣтить иногда о своемъ неудовольствіи; но этимъ только подстрекалъ насъ къ новымъ насмѣшкамъ. Ходилъ онъ всегда нѣсколько сгорбившись, въ лѣвой рукѣ держалъ шляпу, прижимая ее больше къ задницѣ; а правою потиралъ безпрестанно верхнюю губу, какъ будто разглаживая усы, которые онъ прежде нѣкогда носилъ; говорилъ всегда самыми отборными фразами; такъ напр. самыя обыкновенныя вещи онъ называлъ необыкновенными словами: промежутки между столами—интервалами, суповую чашку—вазою, перешницу—урною и пр. и пр. и пр. Какъ только явится бывало Вакарь къ столу, мы тотчасъ начинаемъ кричать: „что это какіе сегодня большіе интервалы!“ „Солдатъ! подай сюда урну съ перцомъ!“ „Солдатъ! подай сюда вазу съ супомъ!“ и т. п. Жилъ онъ внизу,— и изъ сѣней на дверяхъ своей квартиры приклеялъ гравированную карточку съ надписью: „суб-инспекторъ Вакарь“. Въ первую же ночь карточка была сорвана; онъ приклеилъ другую, но и другую постигла та же участь. Увидя студента Эвальда, Вакарь горько жаловался ему на такіе—выражаясь его языкомъ—непріятные пассажи. Эвальдъ научилъ его приклеить карточку изъ нутри комнаты на круглое стекло, которое было въ дверяхъ. Вакарь исполнилъ этотъ совѣтъ;

поутру видитъ, что стекло замазано грязью, а съ улицы надъ окнами его квартиры огромными буквами написано дегтемъ: „здѣсь живетъ Вакарь". Такъ и кончилось дѣло съ карточкою. Вакарь былъ страстный охотникъ говорить студентамъ рѣчи, въ которыхъ увѣрялъ насъ въ искренности своихъ намѣреній, въ правотѣ своихъ поступковъ и пр. и пр. Разумѣется, намъ скоро надоѣли такія высокопарныя проповѣди, и мы перестали слушать ихъ. Но Вакарь не унимался. Вотъ однажды приходитъ онъ къ ужину, и проситъ, чтобы мы послѣ стола собрались въ большой комнатѣ, что онъ имѣетъ нѣчто сказать намъ. Какъ только кончился столъ, мы поскорѣе убѣжали наверхъ, потушили всѣ свѣчи, разставили по всей большой комнатѣ табуреты въ разныхъ направленіяхъ, а сами спрятались въ спальну, которая отдѣлялась отъ большой комнаты только перегородкою, и легли на кровати. Черезъ четверть часа является Вакарь. Отворивъ двери изъ передней и видя, что въ большой комнатѣ темно, онъ подумалъ, что мы ожидаемъ его въ другихъ комнатахъ, и потому пошелъ далѣе. Наткнувшись на первую табуретку, онъ однакожъ устоялъ еще на ногахъ; но сдѣлалъ нѣсколько шаговъ еще, съ громомъ растянулся на полу.... Мы засмѣялись довольно громко, и онъ, догадавшись, что это насмѣшка, поскорѣй убрался домой. Послѣ этого рѣчи Вакара прекратились; спустя много времени, онъ дѣлать было еще двѣ попытки—объясниться съ нами, но онѣ были также неудачны. Въ первый разъ за насъ всѣхъ говорилъ съ нимъ Тарховъ, который тоже охотникъ былъ пошарлатанствовать и поговорить высокимъ слогомъ. Мы только стояли, слушали и смѣялись. Дѣло дошло дотого, что Тарховъ, объясняя Вакару, какъ различно можетъ быть значеніе одного и того же слова, ударилъ слегка по щекѣ Григорьева, и сказалъ: „вотъ напр. одна и та же оплеуха можетъ быть такого рода,— и можетъ быть вотъ такого".... При этихъ послѣднихъ словахъ онъ размахнулся и подозвалъ къ Вакару. Вакарь, смекнувъ важность этого довода, отодвинулся назадъ, и сказавъ съ уклоненіе: „я не могу съ вами спорить въ краснорѣчіи",— удалился.... Въ другой разъ онъ пришелъ къ намъ въ комнаты и неожиданно началъ говорить рѣчь.... Не знаю, о чемъ говорилъ онъ; потому что мы поочередно приходили и уходили слушать его; а нѣкоторые въ сосѣдней комнатѣ играли на флейтахъ и на скрипкахъ, подъ такть его рѣчи.... Съ тѣхъ поръ Вакарь не объяснялся уже болѣе съ нами, даже рѣдко и ходилъ къ намъ; но мы всетаки не любили его, и на каждомъ шагу старались дѣлать ему непріятности; однажды даже хотѣли разбить въ его квартирѣ стекла, но не удалось. Вотъ какъ это было: насъ человѣкъ 10 спало въ особенной спальнѣ, которая окнами выходила на улицу и была подъ самою квартирою Вакара. Ночью часу во второмъ мы взяли полѣно, привязали его на полотенца и начали раскачивать, чтобы попасть въ стекло къ Вакару; но полѣно ударялось всегда плашмя,— и потому всѣ труды наши были напрасны.... Много было еще и другихъ штукъ,

но теперь не могу припомнить,—однимъ словомъ,—не проходило дня безъ какой-нибудь исторіи съ Вакаремъ.

Бытъ нашъ былъ самый веселый, какъ всегда бываетъ въ обществѣ 20-ти лѣтней молодежи. Утромъ обыкновенно вставали кто какъ захочетъ, и отправлялись въ столовую пить чай. Казеннаго чаю тогда еще не было, а потому мы дѣлали складчину, раздѣлясь на партіи, человѣка по три или по четыре. За кружками чаю или толки о разныхъ предметахъ, а чаще всего острялись и хохотали. Между студентами было множество оригиналовъ, и потому предметы для остротъ не истощались. Разумѣется, вся поэзія этой бесѣды заключалась въ ея—можно сказать—животрепещущемъ интересѣ,—и теперь она уже исчезла навсегда.... можно припомнить только отрывки; но они безъ связи съ общимъ характеромъ жизни, съ характерами и физіогиміями дѣйствующихъ лицъ, съ обстоятельствами ихъ окружающими,—не имѣютъ почти ничего занимательнаго.... Большая часть студентовъ имѣли особенныя прозвища; такъ напр. Перелогова называли барономъ; потому что онъ имѣлъ очень важную физіономію; Шведта—жидомъ; потому что волосы его похожи были на жидовскіе пейсики; Дорогаго—Круазетъ съ цѣпочкой; потому что онъ былъ такъ же тонокъ, какъ танцовщица Круазетъ, и изъ подъ мундира выставлялъ всегда золотую цѣпочку; Конюсова—барбосомъ; потому что разговоръ его похожъ былъ на собачій лай; всѣхъ нѣмцовъ—однимъ именемъ: нѣмецъ или колбасникъ; меня называли сначала Рюрикомъ; потому что у меня было чисто Русское лицо; а послѣ—Гете; потому что нѣсколько времени я постоянно переводилъ Германа и Доротею; Навашина—Трухменцомъ; потому что у него было смутное лицо.

Послѣ чаю уходили наверхъ, и кому нужно было, тотъ шелъ на лекцію, а кому ненужно, или просто не хотѣлось, тотъ оставался въ комнатахъ или куда нибудь уходилъ. Отѣдали въ три часа, и послѣ надѣвали халаты и занимались каждый своимъ дѣломъ: иные уходили въ столовую пить кофе, иные ложились на столы отдыхать; иные играли на какихъ нибудь инструментахъ, иные садились въ кружокъ и разговаривали, иные пѣли пѣсни, иные уходили на частные уроки или просто гулять и т. д. Я обыкновенно пилъ кофе, потомъ отдыхалъ на столѣ, и наконецъ уходилъ къ Ульянину. Въ 8 часу пили чай, и опять начинались старыя исторіи: остроты, каламбуры, пѣсни и пр.; а послѣ всѣ почти расходились по гостямъ, если только не было какихъ нибудь особенныхъ занятій. Возвращались, кто въ 10, кто въ 12, а кто и передъ утромъ; потому что Инспекторъ давалъ намъ совершенную свободу. Дѣйствительно, нельзя не вспомнить съ благодарностію о добротѣ этого человѣка: онъ большею частію обращался съ нами, какъ съ товарищами, и обращался истинно поруссски.

Если въ комнатахъ слишкомъ узкъ густо накурено табакомъ, Филиппонъ обыкновенно кивалъ головой и приговаривалъ: „ну вотъ вѣдь узкъ такъ накуу*

рили, что хоть топоръ повѣсь!" Кстати о табакѣ. Формально курить намъ не было позволено; однакожъ начальство смотрѣло на это сквозь пальцы. Мы всѣ почти курили, и уходили для этого въ коридорчикъ, который велъ изъ комнатъ im Abtritt. (Я началъ курить только во второй годъ Университетской жизни.) Вечеромъ же курили просто въ комнатахъ, каждый за своимъ столомъ. Если Филиппонъ былъ не въ духѣ, и заставлялъ кого нибудь съ трубкою, тогда обыкновенно ломалъ чубукъ черезъ колѣно и выбрасывалъ въ окошко. Впрочемъ это случалось рѣдко. Около полуночи, или и позже, когда уже всѣ почти студенты собирались домой, мы садились партіями въ кружки, и разсказывали другъ другу о приключеніяхъ дня. Сколько тутъ было остротъ, шутокъ и смѣху! Каждый кружокъ составлялся обыкновенно изъ людей болѣе близкихъ другъ другу: сидѣли обыкновенно вокругъ стола на табуреткахъ, кто въ халатѣ, кто въ шинели, кто въ одной рубашкѣ, и круговая трубка переходила изъ рукъ въ руки. Наговорившись досыта, уходили одинъ за другимъ въ спальню. Здѣсь начиналась новая потѣха. Между студентами было много поляковъ; они обыкновенно ложились рано, а мы находили удовольствіе будить ихъ. Конюсовъ, мой однокурсный товарищъ, математикъ, отличался въ этомъ случаѣ. Онъ ложился на кровать, и такъ ужасно храпѣлъ, что могъ разбудить всякаго. Спящіе поляки невольно вздрагивали, и говорили въ просонкахъ: „що то есть? нехъ его дьябли вамми!" Мы хохотали.

Въ числѣ предметовъ, доставлявшихъ намъ тогда удовольствіе, надобно упомянуть еще о двухъ солдатахъ—о Балденяковѣ и о Московскомъ. Первый былъ уже старичекъ, но очень веселаго характера, и говорилъ очень часто риѳмованною прозою. Бывало, когда онъ ходитъ по комнатамъ съ курильницею, скажешь ему: „Балденяковъ! скажи стихи!" Онъ отвѣчаетъ: „гдѣ тутъ стихи говорить, когда надобно курить!" Или когда пьемъ чай, и кто нибудь велитъ ему принести чайникъ, онъ отвѣчаетъ: „вы наши начальники, а мы вамъ должны подавать чайники"…. Можно бы было еще привести подобныхъ анекдотовъ, но теперь не припомню. Московскій былъ ученый солдатъ: онъ любилъ читать книги историческія и философскія и разсуждать о предметахъ важныхъ. Во время лекцій онъ иногда стоялъ у дверей аудиторіи, и подслушивалъ чтеніе профессора. Въ концѣ курса выпрашивалъ у кончившихъ студентовъ старыя тетради и читалъ ихъ, не разбирая того, что иногда въ одной и той же тетради были лекціи совершенно о разныхъ предметахъ. Но всего смѣшнѣе были его ученыя разсужденія, съ которыми онъ любилъ обращаться къ студентамъ въ то время, когда мелъ комнаты. Однажды онъ началъ отвергать бытіе Бога, и привелъ вотъ какое доказательство: „ассигнаціи не деньги, хотя мы и называемъ ее деньгами; точно также и то, что мы называемъ Богомъ, не Богъ!" Не помню кто-то изъ студентовъ, желая испытать твердость этого убѣжденія, сказалъ Московскому: „пойдемъ-ка къ эконому; унижу я, какъ ты тамъ будешь отвергать бытіе Божіе". Московскій перепугался, началъ кланяться въ ноги и просить о помилованіи. Разумѣется, все кончилось смѣхомъ.

Въ этотъ годъ я имѣлъ еще уроки у Шуленниковой. Старшій сынъ ея былъ со мною въ одномъ курсѣ, а я училъ меньшаго. Она сама—прекрасная женщина…. Кромѣ того мѣсяца два я училъ еще барона Шеппинга, который готовился къ поступленію въ Университетъ. Вообще въ этотъ годъ денегъ было у меня много, и я имѣлъ возможность разгуливать по Петербургу: посѣщать кондитерскія, театры, иногда играть въ карты…..

По воскресеньямъ я постоянно ходилъ къ обѣднѣ въ нашу Университетскую церковь. Пѣли мы сами, и довольно порядочно: у многихъ студентовъ были хорошіе голоса. Я пѣлъ басомъ. Народу ходило много, и разумѣется, нѣкоторые студенты вели любовныя волокитства. Постоянныя посѣтительницы нашей церкви были—Генеральша Подобѣдова и двѣ ея дочери, за которыми волочились больше всѣхъ. Гувернантка ихъ также не была забыта. Приѣзжали еще двѣ Эллинскія. Къ старшей изъ нихъ я былъ неравнодушенъ; но все мое волокитство ограничивалось только взглядами. Вообще въ Петербургѣ я оставался старую привычку—страдать платоническою любовію; вѣроятно потому, что жизнь университетская поглотила все мое вниманіе. Хорошее товарищество развернуло мою душу, дало ей много новой пищи, и отвлекло отъ безплодныхъ мечтаній. Было въ Петербургѣ много такихъ женщинъ, о которыхъ думалъ и иногда, и на которыхъ засматривался; но ни одна изъ нихъ не овладѣла совершенно душою моею…… Священникомъ при нашей церкви и имѣлъ законоучителемъ былъ Вас. Борис. Бажановъ—умница изъ всѣхъ священниковъ, какихъ только мнѣ случалось видать. Никогда я не исповѣдывался съ такимъ чувствомъ, какъ у него. Наши священники превратили неисчислимостью своимъ исповѣдь въ пустой обрядъ: переберутъ по требнику всѣ грѣхи,—и только…. Бажановъ былъ не такой: онъ обыкновенно мало спрашивалъ о грѣхахъ: но самъ говорилъ наставленія, и словами своими вызывалъ на отвѣты. Передъ Пасхой Бажановъ переведенъ былъ во дворецъ—учить Наслѣдника, именно вотъ по какому случаю. Прежній законоучитель Наслѣдника, Протоіерей Павскій, умнѣйшій человѣкъ, былъ, какъ это обыкновенно водится, въ постоянной вражде съ Митрополитомъ. Въ этотъ годъ онъ напечаталъ программу всего пройденнаго. Одинъ экземпляръ отосланъ былъ къ Филарету Московскому, который въ это время жилъ въ Петербургѣ; Филаретъ написалъ на ней карандашемъ много замѣчаній, упрекая (разумѣется несправедливо) Павскаго въ ереси, и представилъ этотъ экземпляръ Государю. Государь передалъ замѣчанія Павскому, какъ будто они сдѣланы неизвѣстнымъ лицомъ. Но Павскій понималъ дѣло очень хорошо. Онъ написалъ отвѣты, въ которыхъ обличилъ неизвѣстнаго замѣчателя во лжи, въ зависти, въ низости…. и кончилъ

все это словами: „стыдно неизвѣстному замѣчателю дѣлать такія несправедливыя замѣчанія и чернить брата не чернаго". Государь передалъ отвѣты Филарету, и тотъ отъ злости предложилъ въ Синодѣ формальнымъ образомъ послать къ Государю бумагу, въ которой заключалось прошеніе—уволить Павскаго отъ законоучительства, какъ еретика и раскольника. Государь поставленъ былъ въ затруднительное положеніе. Шпіоны монашескіе давно уже успѣли внушить народу ложныя мысли о Павскомъ, и народъ говорилъ объ этомъ довольно громко. Дѣлать нечего. Государь уволилъ Павскаго, далъ ему огромную пенсію и квартиру въ Таврическомъ дворцѣ. Синодъ предложилъ Государю вмѣсто Павскаго четырехъ кандидатовъ, разумѣется, монаховъ; но Государь спросилъ совѣта у Павскаго. Павскій указалъ на друга своего Баженова, и Государь собственноручно зачеркнулъ имена 4-хъ кандидатовъ, и написалъ Баженова. Так. обр. Баженовъ разсталася съ нами. Мѣсто его въ Университетѣ заступилъ Райковскій, человѣкъ очень ученый, но безъ всякаго таланта. Онъ началъ читать Церковную Исторію вспошъ по Филарету, и ужасно надоѣлъ всѣмъ, такъ что мало по малу къ нему перестали и ходить.

Въ театрѣ я бывалъ довольно часто.... Да, вотъ еще забылъ сказать о первомъ моемъ посѣщеніи театра. Это было черезъ нѣсколько дней послѣ перваго моего пріѣзда въ Петербургъ. Мы отправились въ такъ называемый большой театръ въ Коломну, вчетверомъ—я, Зосимскій, Студитскій и Михайловъ—на извощикахъ. Разумѣется первое впечатлѣніе было совершенно новое и пріятное. Въ Вологдѣ мы почти не имѣли понятія не только о драматическомъ искусствѣ, но даже объ устройствѣ театра. Тамъ хотя и дѣланы были представленія разныхъ драммъ чиновниками палатъ; но это была каррикатура на искусство. Самый театръ не имѣлъ надлежащаго устройства. Это былъ старый полуразвалившійся домъ, въ переулкѣ противъ Резановскаго саду: перегородки въ немъ были выломаны, и т. об. составлялась довольно пространная зала. Разумѣется все это было неопрятно и грязно. Нѣкоторые изъ чиновниковъ играли порядочно; но большая часть была просто дрянь. Выборъ самыхъ піесъ былъ очень неудаченъ. Слѣд. послѣ такого театра Петербургскій могъ показаться волшебнымъ замкомъ. Въ этотъ разъ играли драму—*Поединокъ при Кардиналѣ де Ришелье* и еще не помню какіе-то водевили. Игра актеровъ не могла не показаться восхитительною; я не говорю уже о декораціяхъ и вообще о всемъ великолѣпіи и осѣщеніи театра. Послѣ представленія мы проѣхались къ подъѣзду, и, воображая, что запомнили хорошо дорогу, пустились пѣшкомъ. Но театръ имѣетъ четыре подъѣзда, всѣ совершенно одинаковаго устройства,—и потому мы ошиблись и вышли не туда, откуда пришли. Ночь темная; это было въ половинѣ Сентября. Идемъ, идемъ—все дико и незнакомо.... Наконецъ фонари стали рѣже, рѣже—и совсѣмъ прекратились.... Въ потьмахъ мы выбрались на какую-то пустую дорогу.... Вдругъ вдали чей-то

голосъ окликаетъ насъ. Мы спрашиваемъ—что тутъ такое.... Намъ отвѣчаютъ, что мы идемъ въ городъ черезъ Нарвскую заставу.... Вотъ тебѣ разъ! Поскорѣе взяли извощиковъ, и отправились на квартиру. Вотъ мое первое посѣщеніе театра! Послѣ того, въ первой и второй годъ Университетской жизни, я рѣдко бывалъ въ театрѣ; потому что не имѣлъ денегъ; но въ этотъ третій годъ часто посѣщалъ особенно представленія драммъ. Игра Каратыгина старшаго, жены его, Брянскаго и жены его не могла не очаровывать самаго строгаго цѣнителя театральнаго искусства. Изъ комическихъ актеровъ восхищался неподражаемымъ Сосницкимъ; а изъ водевильныхъ—Дюромъ, Максимовымъ, Мартыновымъ, Каратыгинымъ меньшимъ, Шелиховой, Асенковой, Сосницкой и др. Случались во время театровъ со мной и кое-какія приключенія. Вотъ все, что только помню: однажды,—кажется еще въ 1834 году,—я былъ боленъ; у меня начиналась желудочная лихорадка; мнѣ бы слѣдовало идти въ лазаретъ; но я вмѣсто того отправился въ театръ; потому что назначено было играть *Разбойниковъ—Шиллера*, которыхъ мнѣ давно уже хотѣлось видѣть. Тогда существовалъ еще деревянный Симіоновскій театръ; рублевыя мѣста тамъ были внизу подлѣ креселъ; смотрѣть прекрасно, только все представленіе надобно простоять на ногахъ. Я забрался пораньше, чтобъ занять лучшее мѣсто. Сначала стоять было хорошо; но когда весь народъ собрался, сдѣлалось невыносимо жарко; у меня начала кружиться голова; но я превнебрегъ этимъ.... голова кружилась болѣе и болѣе: наконецъ—я лишался чувствъ.... Въ полномъ безпамятствѣ мое продолжалось не болѣе 5 минутъ.... Очнулся, и не могу понять—гдѣ я. Чей-то голосъ говоритъ: „ахъ, Боже мой! человѣкъ упалъ"... Какіе-то незнакомые мужчины подняли меня, вывели на галлерею, дали воды и я ожилъ..... Музыка уже перестала играть—знакъ, что поднимается занавѣсъ, и я опять пошелъ въ театръ; но голова опять начала кружиться и я вышелъ вонъ. На галлереѣ встрѣтился съ Навашинымъ, отдалъ ему свой билетъ, и самъ отправился домой. Въ другой разъ я былъ на представленіи какой-то оперы. Степанова пѣла арію; въ театрѣ тишина мертвая; вдругъ въ райкѣ раздался чей-то грубой голосъ: „я тебя сукина сына за воротъ выведу!" Всѣ невольно подняли головы къ верху.... Какой-то купецъ въ лисьей шубѣ бранился съ мужикомъ..... А между тѣмъ въ двери райка выставился уже красный обшлагъ квартальнаго, чтобы занять самаго крикуна за воротъ... Бывало много и другихъ подобныхъ случаевъ; но теперь не припомню.

Въ этомъ же году, въ первое воскресенье Масленой недѣли сгорѣлъ балаганъ Лемана. Это былъ самый большой изъ 10 балагановъ, выстроенныхъ на Исаакіевской площади. Въ немъ разыгрывались прекрасныя кукольныя комедіи. Пожаръ случился въ 3 часу дня. Народу на площади было набито биткомъ. Во всѣхъ балаганахъ на балконахъ играла музыка, и кривлялись паяцы. У Лемана отъ представленія какого-то волшебнаго огня пыхнулъ занавѣсъ. Онъ закричалъ:

„пожаръ!“ Народъ изъ креселъ, которыя были внизу, бросился въ двери, и успѣлъ выбраться; но изъ верхнихъ ярусовъ спаслись только тѣ, которые имѣли смѣлость соскочить внизъ; а прочіе стиснувшись приперли двери, которыя отворялись внутрь балагана, и дымомъ задушило всѣхъ ихъ. Между тѣмъ на площади не скоро еще и узнали, что горитъ; потому что при громѣ музыки и при шумѣ народу нелзя было слышать вопля отчаянія погибавшихъ. Когда пламя показалось на крышѣ, тогда прискакали пожарные и растащили балаганъ по частямъ. Я узналъ объ этомъ событіи въ Университетѣ часа въ 4,—и тотчасъ же отправился на площадь. Вся Гороховая улица была наводнена народомъ, такъ что я едва могъ протиснуться до конца ея. Смеркалось; народъ валилъ стѣнами къ площади, и полиція должна была дѣйствовать на толпу изъ трубъ. Съ пепелища ѣхало нѣсколько розвальней съ тѣлами задохшихся и обгорѣвшихъ.... Картина ужасная! Вечеромъ я былъ въ Александринскомъ театрѣ; тамъ всѣ говорили объ этомъ несчастномъ событіи: множество разсказано было анекдотовъ; но, разумѣется, нельзя было всему вѣрить.

Въ Маѣ начались экзамены; я получилъ изъ всѣхъ предметовъ полныя отмѣтки, только изъ древнихъ языковъ по $1^1/_2$. На каникулы домой не поѣхалъ; потому что было совѣстно, просидѣвъ въ одномъ курсѣ два года, и потому, что Ульянинскіе уроки доставляли мнѣ большіе доходы. И ѣздилъ къ нимъ почти каждое утро на дачу на Каменный Островъ, и проводилъ тамъ время до самаго обѣда. Разумѣется, занимались мало, а больше прогуливались. Въ это время я въ первый разъ познакомился съ окрестностями Петербурга, и не могъ не полюбить ихъ. Каменный, Элагинъ и Крестовскій острова теперь узналъ я очень хорошо: кромѣ того былъ на многихъ мѣстахъ по Черной рѣчкѣ. Денегъ было довольно. Послѣобѣденное время проводилъ я или въ театрѣ, или въ кондитерской, или у Эвальда, или у кого нибудь изъ студентовъ. Братъ въ это время жилъ въ Гатчинѣ, куда онъ опредѣленъ былъ еще въ прошедшемъ году, тотчасъ послѣ выпуска. Я былъ у него во время каникулъ раза два или три; познакомился очень коротко съ его сослуживцемъ, тоже старымъ студентомъ, Ильинымъ, и былъ неравнодушенъ къ его женѣ. Но по обыкновенію все мое волокитство ограничивалось одними только взглядами и мечтами. Каждый вечеръ гуляли въ Гатчинскомъ саду. Это—прелесть! Онъ въ окружности нѣсколько верстъ; а какіе есть въ немъ ландшафты! Ѣздилъ съ однимъ студентомъ—Смольяниомъ—въ Танцы, верстъ за 20 отъ Петербурга. Сестра Смольяна живетъ тамъ замужемъ за докторомъ Вокомъ; мы у нихъ и гостили сутки. Отсюда ѣздили кавалькадой на Дудоровскую гору.... Что за мѣстоположеніе! Вся гора превращена въ дикій садъ.... какія тутъ ущелья, мостики, гроты—прелесть! На горѣ выстроена изъ дубу крестьянская изба, гдѣ иногда бываетъ во время прогулокъ царская фамилія. Я вошелъ туда со Смольяномъ, а всѣ спутники наши остались внизу. Народу

въ избѣ было много; Смольянъ показываетъ мнѣ на столѣ большую развернутую книгу, и говоритъ: „не хочешь ли что нибудь написать?“ Я взялъ перо и хотѣлъ черкнуть какой-нибудь стишокъ изодрѣйскій; но лакей пришолъ къ намъ и объявилъ, чтобы мы скорѣе шли; потому что наши уже уѣзжаютъ. Я поскорѣе и махнулъ: „резвѣичанный любовникъ и поэтъ Н. Иваницкій!“ Изъ этого и вышла штука. Дни черезъ 3, Ректоръ взялъ И. П. Шульгинъ пригласилъ къ себѣ четырехъ студентовъ на вечеръ—потанцевать, по случаю именинъ жены его. Я былъ въ томъ числѣ. Ив. Петровичъ принялъ насъ въ кабинетѣ, и между прочимъ спросилъ меня: „вы были недавно на Дудоровской горѣ?“—Былъ. „А видѣли ли вы, гдѣ подписались?“—Видѣлъ, тамъ всѣ подписывались.—„Да вы то подписались подлѣ Государя, Государыни, великаго князя и двухъ княженъ, которые въ тотъ самый день были изъ этомъ домѣ за $^1/_4$ часа до васъ.... Я тоже приѣзжалъ туда вскорѣ послѣ васъ, и знакомые мои, увидя нашу подпись, сказали мнѣ: „посмотрите-ка какъ подмахиваютъ ваши студенты“.... И, разумѣется, отвѣчалъ, что не замѣтилъ этого, и Шульгинъ смѣялся отъ чистаго сердца.

Въ эти же каникулы была свадьба Тархова, который только что кончилъ курсъ. Онъ женился на гувернанткѣ Подобѣдовыхъ, въ которую давно уже былъ влюбленъ. Я былъ шаферомъ со стороны невѣсты; а Никитенко посаженымъ отцемъ. Свадьба была въ Рыбацкой, на берегу Невы, въ 10-ти верстахъ отъ Петербурга. Туда и обратно я ѣхалъ въ каретѣ вмѣстѣ съ Никитенкой; но въ шаферы уже не поспѣлъ; потому что въ церковь мы опоздали. Свадьба кончилась безъ особенныхъ приключеній. Во время дороги я о многомъ очень откровенно говорилъ съ Никитенкой, и онъ, зная меня и прежде, какъ ревностнаго студента, пригласилъ на будущій годъ посѣщать его литературные вечера по пятницамъ.

Въ первыхъ числахъ Августа я разстался со многими моими добрыми, милыми и умными товарищами: они кончили курсъ и разъѣхались къ мѣстамъ своего назначенія: Переловъ, котораго мы называли Барономъ, уѣхалъ въ Винницы—старшимъ учителемъ математики; Наваинъ—въ Вологду старшимъ учителемъ словесности; Григорьевъ хлопоталъ о поступленіи въ Лѣсной Институтъ. Братъ изъ Гатчины переведенъ былъ уч. математики въ Вологду.

Между тѣмъ начались пріемные экзамены: Ульянинъ, мой ученикъ, держалъ экзаменъ плохо; но я попросилъ нѣкоторыхъ профессоровъ, написалъ ему сочиненіе, и онъ былъ принятъ. Въ благодарность онъ подарилъ мнѣ брегетовскіе часы.

Начались лекціи. Дѣла мои шли хорошо: я занимался прилежно; вскорѣ профессоры начали отличать меня, а товарищи уважать. Больше всего я занимался исторіей Русской литературы, которую читалъ Плетневъ и политической экономіей, которую читалъ Порошинъ; потому что оба эти профессоры—люди съ душою и говорили всегда съ истиннымъ убѣжденіемъ въ правотѣ своихъ

мыслей. Изъ казенныхъ однокурсныхъ моихъ товарищей не было людей хорошихъ: все почти воспитанники 3-й Гимназіи, бездарные и бездушные, носящіе на себѣ отпечатки губернерскаго обращенія. Одинъ только Коншинъ, мой земякъ и товарищъ по Гимназіи, да Шведтъ, родомъ Бѣлорусецъ, составляли исключеніе: первый былъ человѣкъ съ душою и хорошо занимался; второй тоже умный и добрый малой, только лѣнтяй. Казенные математики были лучше: Кеслеръ, Ленчевскій и Копосовъ постоянно были моими добрыми товарищами. Со многими изъ своекоштныхъ студентовъ я сблизился и подружился: П. Зубовъ, мой земякъ и товарищъ по Гимназіи, Любощинскій, Червинскій, Граве, Щуленниковъ, Крамеръ, Менцовъ, Масягинъ, Щеткинъ и многіе другіе были хорошими и дѣльными товарищами. Зубовъ былъ у насъ издателемъ Университетскаго журнала; я принялъ въ немъ дѣятельное участіе. Первая статья моя была переводъ съ Польскаго въ стихахъ небольшой поэмы Славацкаго—Исповѣдь монаха. Эта статья заслужила общую похвалу всѣхъ студентовъ, и именно съ этого времени товарищи начали смотрѣть на меня съ большимъ уваженіемъ. Время я проводилъ не скучно: бывалъ у Ульянина, который теперь самъ уже одѣлался студентомъ; родители его жили богато въ собственномъ прекрасномъ домѣ, и очень ласкали меня: у Эвальда: у Шакѣева, который служилъ вмѣстѣ съ Ѳ. Эвальдомъ, стар. учит. во 2-й Гимназіи, и былъ женатъ на сестрѣ его; у Любощинскаго и Червинскаго, кот-е жили вмѣстѣ; у Граве, который жилъ съ старшимъ братомъ своимъ инженеромъ; тамъ я познакомился съ Губеромъ, переводчикомъ Фауста; у Зубова, у Щуленникова; у профессоровъ—Плетнева и Никитенки и наряду у Порошина. Къ Эвальду я ходилъ, какъ къ роднымъ; у Шакѣева собирались всегда старые студенты, отъ которыхъ я отсталъ курсомъ; у Любощинскаго и Червинскаго играли въ вистъ; у Соловьева—тоже: здѣсь была цѣлая партія старыхъ студентовъ. Впрочемъ я игралъ рѣдко, потому что дорожилъ деньгами для другихъ удовольствій; у Щуленникова собиралось насъ однокурсныхъ студентовъ человѣкъ 12 къ обѣду каждый понедѣльникъ. Тутъ всегда бывала славная попойка: шутили, дурачились, острили; а вечеромъ отправлялись толпой на Невскій проспектъ искать приключеній. У Никитенки я былъ постоянно каждую пятницу на мужскомъ вечерѣ: здѣсь я видалъ нѣсколько разъ, и даже очень часто—Бенедиктова, Якубовича, Кольцова, Вронченку, Базили и другихъ пишущихъ. Кромѣ того здѣсь постоянно встрѣчался со многими профессорами и короче сближался съ ними. Вечеръ проходилъ всегда въ разговорахъ, которые разумѣется относились всегда или къ литературѣ, или къ наукѣ, или къ путешествіямъ. Иногда кто нибудь изъ присутствующихъ читалъ свои стихи. Это было для меня сколько интересно, столько же и полезно. Самъ Никитенко человѣкъ очень умный и добрый. Жена его хорошенькая и милая женщина часто сжимала вмѣстѣ съ нами: я отчасти даже былъ влюбленъ въ нее.... какая

смѣшная привычка! Съ Плетневымъ я познакомился случайно. Фамилію мою онъ зналъ еще прежде, когда я не слушалъ у него лекцій: потому что Никитенко говаривалъ ему обо мнѣ. Потомъ на экзаменѣ изъ словесности при переходѣ изъ 2-го курса въ 3-й я немного поспорилъ съ нимъ, и онъ, замѣтивъ, что я знаю свое дѣло, поставилъ мнѣ 5. Перейдя въ 3-й курсъ я прилежно занимался его предметомъ. Однажды я былъ у него на лекціи очень скученъ; выходя изъ аудиторіи, я подошелъ къ Плетневу и сталъ просить у него сочиненій Фонъ-Визина. Онъ съ улыбкою спросилъ у меня: „отъ чего вы сегодня такъ скучны?“ Я отвѣчалъ: „нѣтъ, Петръ Алек-чь, кажется и нескучень“.... Плетневъ съ улыбкою опять сказалъ: „нѣтъ, я по глазамъ вижу, что у васъ есть что-то тяжелое на душѣ.... Приходите сегодня ко мнѣ вечеромъ: я вамъ дамъ книги“. Вечеромъ—это было въ среду—я отправился къ Плетневу вмѣстѣ съ Зубовымъ. Онъ принялъ насъ очень привѣтливо, и мы просидѣли у него часовъ до 12-ти. Въ этотъ день у него каждую недѣлю бываютъ мужскіе вечера. При прощаніи онъ просилъ меня ходить къ нему каждую среду. Разумѣется, я былъ очень радъ такому приглашенію; вопервыхъ потому, что любилъ и люблю Петра Александровича отъ всего сердца; вовторыхъ потому, что находилъ здѣсь всегда общество людей избранныхъ. Трудно предетавить себѣ человѣка лучше Петра Александровича: милое, доброе и умное лицо, которое съ перваго уже взгляда располагаетъ всякаго въ свою пользу; душа—чисто поэтическая; вкусъ—образцовый..... Самое убранство въ комнатахъ его даетъ уже понятіе о хозяинѣ: въ нихъ нѣтъ ничего излишняго, поставленнаго для эффекта: все просто, хорошо и мило. На вечерахъ я встрѣчалъ здѣсь кромѣ лицъ, которые бывали и у Никитенки, Губера, Кони, Краевскаго и другихъ. Но самыхъ искреннихъ друзей Плетнева—Жуковскаго, Пушкина, Баратынскаго—не видалъ; потому что Пушкинъ и Жуковскій всегда бывали у него утромъ по воскресеньямъ, чтобы поговорить одинъ на одинъ; а Баратынскій проживалъ все въ Москвѣ. Плетневъ былъ прежде любимцемъ Карамзина, который и далъ ему ходъ, опредѣлилъ его учителемъ Маріи и Ольги Николаевенъ. Поставленный такимъ образомъ въ отношенія съ людьми значительными, онъ скоро приобрѣлъ себѣ всеобщее уваженіе: сблизился съ Пушкинымъ, Жуковскимъ, Дмитріевымъ, Баратынскимъ, Дельвигомъ и другими лицами нашей знаменитой литературной школы, и списались ихъ любовь.... Даже Пушкинъ никогда не издавалъ своихъ сочиненій, не посовѣтовавшись прежде съ Плетневымъ. Изъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ видно, что П. А. Плетневъ человѣкъ съ большимъ талантомъ, и имѣлъ случай изъ кругу такихъ лицъ приобрѣсть превосходное литературное образованіе. Всѣ его сужденія всегда дышутъ поэзіей. На лекціяхъ онъ по большой части скученъ; потому что не любитъ строгихъ системъ и довольно лѣнивъ къ занятіямъ; но зато когда начнетъ разбирать какого-нибудь писателя или сочиненіе какого-ни-

будь студента, то врядъ ли гдѣ можно найти другаго подобнаго ему цѣнителя. Я очень скоро могъ понять его, да и онъ, кажется, понимаетъ меня хорошо.... Вечера, проведенные въ домѣ П. А-ча, принесли мнѣ кажется больше пользы, нежели всѣ университетскія лекціи: здѣсь-то именно я и образовалъ свой вкусъ, который теперь мнѣ прямо указываетъ, что хорошо и что худо.... Тамъ, гдѣ иной бьется и соображаетъ часа два, тамъ я ну одну минуту отдѣлю золото отъ грязи.

Въ этотъ годъ и постоянныхъ уроковъ не имѣлъ: нѣсколько мѣсяцовъ училъ двухъ дочекъ и сынка у Д. М. Княжевича, который тогда былъ директоромъ какого-то департамента, а теперь Попечителемъ Одесскаго Учебнаго Округа. Эти уроки доставилъ мнѣ Никитенко, который по женѣ приходится какъ-то въ родствѣ Княжевичу. Нѣсколько мѣсяцовъ училъ еще у какого-то помѣщика сына, котораго фамилію забылъ. Нѣсколько уроковъ далъ какому-то инженерному полковнику, котораго фамилію тоже забылъ. Онъ былъ Нѣмецъ, но ему надобно было непремѣнно выучиться хорошо писать по-русски. Послѣ нѣсколько мѣсяцовъ училъ купца Брюхова, который готовился въ Университетъ. Такимъ образомъ хотя денегъ у меня было немного, однакожъ я жилъ нескучно; потому что имѣлъ возможность каждый вечеръ куда-нибудь уходить изъ Университета. 6 Декабря я былъ приглашенъ на обѣдъ къ Попечителю вмѣстѣ съ другимъ студентомъ Леонтьевымъ. Обыкновенно каждый праздникъ у Попечителя обѣдали двое изъ студентовъ. Между тѣмъ я успѣлъ уже пообѣдать и порядочно выпить у Энальда. Слѣд. мнѣ ѣсть не хотѣлось; но идти надобно было. Передъ обѣдомъ Попечитель завелъ со мною рѣчь о философской темѣ, которая намъ дана была для полученія медали. Это еще сдѣлано было въ первый разъ, а тема была—*о предѣлахъ человѣческаго познанія*. Я очень бойко говорилъ съ Княземъ: потому что и онъ и всѣ присутствовавшіе въ это время въ залѣ были въ философіи профаны. Князю очень понравилась моя бойкость, за столомъ онъ посадилъ меня противъ себя, и продолжалъ прежній разговоръ. Всѣ сидѣвшіе за обѣдомъ безмолствовали; а мнѣ говорить было свободно; потому что я былъ сытъ. Попечитель остался мною очень доволенъ, и при прощаніи сказалъ, что я непремѣнно долженъ писать на эту тему. Разсказавшись съ Княземъ, я отправился по приглашенію на вечеръ къ Инспектору. Тамъ было много гостей; изъ томъ числѣ много студентовъ и институтокъ; танцовали до утра; но я ушелъ спать въ 12 часовъ. Здѣсь къ стати сказать, что инспекторъ Филипповъ съ этого году сдѣлался ко мнѣ еще ласковѣе, и именно вотъ по какому обстоятельству. Въ Генварѣ или въ Февралѣ 1836-го года онъ получилъ отъ Князя нѣсколько выговоровъ за то, что многіе студенты часто не почуютъ въ Университетъ. Желая прекратить эти безпорядки, Инспекторъ приказалъ, что студенты могутъ ходить безъ спросу только до 12 часовъ вечера, а кто хочетъ опоздать, тотъ долженъ

спроситься у него, или по крайнѣй мѣрѣ оставить записку. Разумѣется, многіе не умѣли оцѣнить этой кроткой и необходимой мѣры, и часто безъ позволенія прогуливали цѣлыя ночи. Я съ своей стороны предупредилъ инспектора, объявивъ ему, что каждую среду и пятницу я бываю у Профессоровъ Плетнева и Никитенки, и потому въ эти дни можетъ быть буду приходить поздно. Случилось, что въ одну пятницу я пробылъ у Никитенки до 2-хъ часовъ, и возвратился отъ него въ Университетъ вмѣстѣ съ двоюроднымъ братомъ инспектора—Михайловымъ, который жилъ вмѣстѣ съ Филипповымъ. Между тѣмъ въ ту же ночь многіе изъ студентовъ не ночевали дома, а многіе поздно возвратились, не имѣя на то позволенія. Все это было передано инспектору; а въ томъ числѣ сказано и обо мнѣ, что я поздно возвратился. Мы сидѣли за обѣдомъ; не дождавшись конца стола, я ушелъ наверхъ; а инспекторъ между тѣмъ пришелъ въ столовую, и, разгорячившись, очень шумѣлъ на тѣхъ, которые были виноваты. При этомъ случаѣ онъ вспомнилъ и обо мнѣ и послалъ за мной солдата. Я прихожу въ столовую; вдругъ инспекторъ началъ горячиться и кричать на меня; между тѣмъ какъ прежде онъ никогда не говаривалъ даже грубаго слова. Я стоялъ, слушалъ брань и не понималъ—за что все это. Наконецъ Филипповъ сказалъ, чтобы я остался на 2 недѣли подъ арестомъ. Я, не сказавъ ни слова, ушелъ на верхъ. Прочіе студенты, возвратясь изъ столовой, объяснили мнѣ въ чемъ дѣло. Я тотчасъ отправился къ инспектору, и очень вѣжливо спросилъ у него о причинѣ его гнѣва. Онъ объяснилъ мнѣ; а я сослался на Михайлова, и напомнилъ ему, что еще въ началѣ года получилъ позволеніе опаздывать по средамъ и по пятницамъ. Филипповъ расплакался, сталъ меня обнимать и просить прощенія. Я успокоилъ его, и ушелъ въ свою комнату. Не прошло 5 минутъ, какъ Инспекторъ снова явился къ намъ, собралъ всѣхъ студентовъ, и торжественно началъ просить у меня прощенія. Опять пошли объятія и поцѣлуи; тѣмъ дѣло и кончилось.

Новый годъ встрѣчали мы у Щулепникова; насъ было человѣкъ 12. Пили, пили шампанское и кончили тѣмъ, что въ первомъ часу пошли гулять по городу. На Фонтанкѣ встрѣтился намъ какой-то мужчина, который ѣхалъ на своей лошади. Мы остановили лошадь и начали поздравлять его съ новымъ годомъ; онъ снялъ шляпу, благодарилъ, и наконецъ, когда мы отпустили его, поѣхалъ далѣе. Подобныхъ шалостей было много, но всѣ онѣ кончились благополучно.

25 Генваря умеръ одинъ изъ лучшихъ нашихъ товарищей Гречь, сынъ Н. И. Греча; 28 числа всѣ мы собрались въ Аннинскую кирху на его погребеніе; передъ началомъ службы Зубовъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ: „знаешь ли, братъ? Пушкинъ умираетъ: вчера онъ былъ на дуэли и смертельно раненъ!“ Я остолбенѣлъ. Зубовъ сказалъ мнѣ, что былъ вчера у Плетнева, который въ 9 часу

возвратился отъ Пушкина и разсказывалъ о несчастномъ событіи. При этомъ случаѣ я очень жалѣлъ, что не былъ у Плетнева въ прошедшую среду, т. е. ровно за недѣлю до этой дуэли,—потому что Пушкинъ былъ тамъ, и говорятъ, очень много и весело говорилъ.... О причинахъ дуэли и тогда и послѣ толковали различно; но я имѣлъ случай узнать это дѣло довольно вѣрно. Жена Пушкина была красавица, и слѣд. немудрено, что многіе занимались ею. Въ числѣ ея поклонниковъ самый неутомимый былъ Дантесъ, одинъ кавалергардскій офицеръ, побочный сынъ Голландскаго посланника Геккерна. Жена Пушкина, говорятъ, нѣсколько разъ жаловалась мужу на этого волокиту, и Пушкинъ нѣсколько разъ дѣлалъ ему замѣчанія; но тотъ не отставалъ. Впрочемъ объ этомъ я наѣрно не знаю; но крайнѣй мѣрѣ толки согласны. На одномъ балѣ поклонниковъ у Пушкиной было болѣе обыкновеннаго; Пушкинъ видѣлъ это и хмурился. Жена подходитъ къ нему и говоритъ: „что ты такъ задумчивъ, мой поэтъ?" А онъ отвѣчалъ:

„Мой другъ! для твоего поэта
Уже насталъ великій постъ;
Люблю тебя, моя комета,
Но не люблю твой длинный хвостъ!"

Это мнѣ разсказалъ Крамеръ, который самъ былъ при этомъ. Между тѣмъ аристократическая партія ненавидѣла Пушкина за разныя остроты и сатиры. Въ *Московскомъ Наблюдателѣ* онъ напечаталъ стихотвореніе подъ названіемъ *На выздоровленіе Лукулла*, съ примѣчаніемъ—переводъ съ Латинскаго; между тѣмъ какъ всѣ очень хорошо знали, что ни у одного Римскаго писателя нѣтъ такого стихотворенія, и что это есть ничто иное, какъ ѣдкая сатира на Министра Уварова, который во время болѣзни своего родственника Шереметьева мечталъ уже воспользоваться его имѣніемъ, и вдругъ ошибся въ разсчетахъ; потому что Шереметьевъ выздоровѣлъ. Даже и средній классъ неблагопріятно уже отзывался о Пушкинѣ: говорили обыкновенно, что Пушкинъ неписался и т. п. Онъ началъ даже получать безымянныя письма, въ которыхъ поздравляли его съ рогами и пр. Это окончательно взорвало Пушкина, и онъ вызвалъ Дантеса на дуэль, въ среду 27 Генваря.... Якубовичъ разсказывалъ послѣ при мнѣ у Никитенки, что онъ въ этотъ самый день былъ у Пушкина съ Сахаровымъ часу во 2-мъ. Пушкинъ былъ очень сердитъ, и безпрестанно бранилъ Полеваго за его Исторію: ходилъ скоро взадъ и впередъ по кабинету, хваталъ съ полки какой-нибудь томъ Исторіи Полеваго, и читалъ для выдержки.... Якубовичъ и Сахаровъ ушли отъ него въ 3-мъ часу, а въ 4-мъ онъ поѣхалъ имѣться съ секундантомъ, старымъ своимъ лицейскимъ товарищемъ, инженернымъ маіоромъ, Данзасомъ—стрѣляться.... Болѣзнь его и послѣднія минуты жизни описаны Жуковскимъ. Въ пятницу 29 числа въ 3 часа и 45 минутъ Пушкина не стало. Журналисты

соревновали въ краснорѣчіи, извѣщая о смерти поэта; но самое лучшее объявленіе напечатано было въ Литературной Газетѣ; вотъ оно отъ слова до слова: „Солнце нашей поэзіи закатилось: Пушкинъ умеръ.... Пушкинъ! нашъ поэтъ! наша радость! наша народная слава! неужели у насъ нѣтъ болѣе Пушкина? въ этой мысли нельзя еще привыкнуть"..... Всякой, кто зналъ Плетнева, безъ сомнѣнія тотчасъ узналъ, чьи это слова. Весь Петербургъ заговорилъ о смерти Пушкина, и невыгодное мнѣніе о немъ тотчасъ замѣнилось самымъ искреннимъ энтузіазмомъ: всѣ обратились въ книжныя лавки—покупать только что вышедшее новое миніатюрное изданіе Онѣгина; болѣе 2000 экз. было раскуплено въ 3 дня. Между тѣмъ въ кабинетѣ Пушкина найдены были безымянныя письма и началось слѣдствіе. Тайная полиція часто обращалась съ этими письмами къ нашему отставному Профессору Бутырскому—не можетъ ли онъ узнать по почерку этихъ писемъ; потому что подъ его руководствомъ воспитывалось много молодыхъ людей, и слѣд. онъ могъ примѣниться къ разнымъ почеркамъ. Но Бутырскій, разумѣется, не могъ узнать. Я слышалъ это отъ Бутырскаго. Слѣдствіе тянулось долго; но такъ какъ въ этомъ дѣлѣ запутано было много аристократовъ, то оно и кончилось ничѣмъ. Секундантъ Пушкина, Данзасъ, былъ прощенъ; а Дантесъ, какъ не Русскій подданный, высланъ заграницу.

Пасху встрѣтилъ я очень весело. Обыкновенно въ Страстную субботу часовъ въ 10 вечера мы всѣ уже собирались въ Университетъ, и чтобы не спать до 12 часовъ, то принимали самыя простыя мѣры—пили, пѣли и веселились. Въ этотъ годъ къ намъ пришло нѣсколько педагоговъ—нѣтъ вмѣстѣ съ нами заутреню и обѣдню. Они приучены къ гувернерскому обращенію и къ разнымъ строгостямъ, и потому очень были удивлены и даже испугались, когда мы начали пить и послѣ кричать.... Смѣху было довольно..... Заутреня обыкновенно начиналась ровно въ 12 часовъ, послѣ нее тотчасъ же и обѣдня и все оканчивалось въ 3-мъ часу. Семейство Попечителя и нѣкоторые профессоры слушали въ этотъ день въ У-тѣ и заутреню и обѣдню; а самъ Попечитель пріѣзжалъ всегда въ среднѣ обѣдни, отстоявъ всю службу во Дворцѣ (онъ былъ камеръ-герръ) и похристосовавшись съ Государемъ. Послѣ обѣдни мы собирались обыкновенно въ сборную залу, гдѣ приготовлена была закуска, и поставлены вина. Все это дѣлалось на счетъ Попечителя. Попечитель приходилъ и христосовался со всѣми нами. Въ этотъ годъ онъ замѣтилъ, что отъ насъ пахнетъ виномъ, и потому обращаясь къ Поликамъ сказалъ: „я думаю, господа, вамъ скучно было переживать нашу службу; вотъ Русскіе такъ приняли свои мѣры!" Закуска обыкновенно бывала самая шумная: пили за здоровье Попечителя, профессоровъ, и ревѣли—ура! Послѣ всѣ ложились спать. Въ этотъ годъ къ Пасхѣ намъ разрѣшено было носить шпаги и шляпы. Прежде форма соблюдалась нестрого: кто придетъ въ мундирѣ, кто во фракѣ, кто въ мундирѣ, а сверху бекешъ и круглая

пляпа. Теперь же строго велѣно было всѣмъ ходить непремѣнно въ формѣ. Мундиръ у насъ былъ довольно хорошій: темнозеленаго сукна, съ голубымъ воротникомъ и съ золотыми петлицами. На шестой недѣлѣ поста мы получили первое извѣстіе о плянахъ и шпагахъ. Какъ теперь помню: это было въ среду; мы сидѣли на лекціи у Плетнева; приходитъ Инспекторъ и объявляетъ намъ; по этому случаю начались кой-какіе разговоры. Инспекторъ, обращаясь къ намъ, говоритъ: „вотъ прежде многіе изъ васъ ходили въ цвѣтныхъ брюкахъ; теперь этого уже нельзя будетъ дѣлать; вотъ напр., Г. Блудовъ, я васъ очень часто видалъ не въ формѣ". Блудовъ поднялся съ своего мѣста и, показывая на брюки, отвѣчалъ: „нѣтъ, Ник. Пав-чъ, я въ форменныхъ брюкахъ!" Разумѣется, и Инспекторъ и всѣ мы захохотали.... Когда Инспекторъ ушелъ, Плетневъ началъ продолжать лекцію такими словами: „изъ этой новой формѣ начали появляться сюрпризы".... Всеобщій хохотъ. Здѣсь кстати припомню другой анекдотъ о Плетневѣ. Однажды на репетиціи онъ спросилъ князя Щербатова; тотъ отвѣчалъ, что не приготовился: Плетневъ обратился къ другому студенту; но и отъ того получилъ такой же отвѣтъ. Тогда Плетневъ покачалъ головою и съ улыбкою сказалъ: „не надѣйтеся ни на князи, ни на сыны человѣческіе!" Подобные анекдоты случались и съ другими профессорами. Шульгинъ, избранный въ ректоры, рекомендуясь намъ, сказалъ: „нынче Крестопоклонная недѣля (это было на 4 недѣлѣ поста): не знаю, будетъ ли моя новая должность крестомъ тяжелымъ, или иго мое будетъ благо и бремя мое легко!" Тоже случилось, что Крамеръ не явился на экзаменъ къ Шульгину и черезъ нѣсколько дней началъ просить, чтобъ его проэкзаменовали. Шульгинъ сказалъ, что надобно представить лѣкарское свидѣтельство. Крамеръ отвѣчалъ: „я не хочу обманывать васъ; потому что не былъ на экзаменѣ не по болѣзни, а по домашнимъ обстоятельствамъ". Шульгинъ на это сказалъ: „я вполнѣ вѣрю вамъ, Г. Крамеръ, но всетаки для формы надобно какое нибудь свидѣтельство; вотъ вѣдь намъ многіе представляли свидѣтельства и отъ такихъ докторовъ, которыхъ знаетъ вся Европа, и отъ такихъ, которыхъ знаетъ одинъ только Богъ, да и тотъ потому, что всевѣдущъ!"

Экзаменъ приближался, а вмѣстѣ съ тѣмъ приближался и срокъ, когда надобно было подавать сочиненіе для полученія медали; а между тѣмъ мое сочиненіе было написано только вполовину: надобно было и писать и готовиться къ экзаменамъ. Нечего дѣлать! За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь: я рѣшился не искать уже медали, и бросить свое сочиненіе. Оно было довольно хорошо, и я увѣренъ, что получилъ бы медаль. Изъ нашихъ студентовъ подали сочиненія трое; но всѣ, какъ и ожидать надобно было, остались съ носомъ.... Экзаменъ кончился счастливо: изъ всѣхъ предметовъ я получилъ полныя отмѣтки; только изъ Лат. я пол. 3, да изъ Гр. 2. Между тѣмъ получилъ отъ Навашина письмо: онъ звалъ на каникулы въ Вологду, и приложилъ даже 25 р. денегъ.... Добрая душа! Я пособралъ кое-какіе остатки съ уроковъ, и отправился въ дорогу. Встрѣчи родныхъ и знакомыхъ были очень пріятны. Вообще время я проводилъ весело: то самъ былъ въ гостяхъ, то у насъ были гости. Но самые лучшіе дни проведены были у Навашина, въ холостой бесѣдѣ съ пріятелями и въ волокитствѣ. У Навашина я не былъ рѣдкій день и часто даже ночевалъ. Волочился за Лидіей Энгельмейеръ. Дѣло это началось очень просто. Я увидѣлъ ее въ первый разъ у всеношной: взглянулъ на нее, она посмотрѣла на меня, и этого было довольно: за взглядами пошли разговоры и т. д. Горновской, двоюродный братъ Дубравина, узналъ отъ сестры своей Аннушки Дубравиной, что Лидія влюблена въ меня, и тотчасъ же передалъ эту новость мнѣ. Я написалъ стихи, означенные въ книгѣ моей 1 №; стихи эти черезъ Гор-го и черезъ Ан. Дуб-ну переданы были Лидіи; потомъ написалъ въ альбомъ Ан. Дуб-ной, что означено въ книгѣ № 2,—и въ этихъ стихахъ все мечты о Лидіи; потомъ Лидія дала мнѣ свой альбомъ, я и ей написалъ стихи и т. д. На клиникѣ моей шпаги вырѣзалъ надпись: „Лидинька—душа моя и радость!" Объ этой надписи зналъ одинъ только Навашинъ. Однимъ словомъ дѣла шли прекрасно. Вдругъ ничтожный случай разрушилъ всѣ мои радости. Это было 31 Іюля, наканунѣ Спасова дня. Мы сидѣли у Дубравина; тутъ была Лидія, гувернантки ея сестеръ и Навашинъ. Я разговаривалъ не помню о чемъ-то съ гувернанткой; а Навашинъ въ это время вертѣлъ въ рукахъ мою шпагу. Вдругъ вижу онъ вынулъ ее изъ ноженъ и показываетъ Лидіи; Лидія вся вспыхнула; я побѣднѣлъ отъ досады и смекнулъ въ чемъ дѣло. Черезъ нѣсколько минутъ подхожу къ Лидіи, стараюсь заговорить съ нею; но слова какъ-то не клеятся, и она не смотритъ на меня. Я не могъ вынесть досады, и ушелъ. Послѣ всеночной опять увидѣлся съ Лидіей, и опять та же исторія. Тоска мучила меня нестерпимо. Почти всю ночь я проплакалъ, и не могъ сомкнуть глазъ. На другой день у насъ сдѣлано было условіе отправиться въ Прилуки. Лидія поѣхала туда же. И въ Прилукахъ—та же исторія: Лидія не хотѣла даже смотрѣть на меня. Она не знала отношеній моихъ къ Навашину, и думала, что я всѣмъ расхвасталъ о своихъ интригахъ. Возвратясь домой, я не могъ найти себѣ покою. Послѣ обѣда ушелъ въ садъ, и тамъ написавъ къ Нав-ну записку съ благороднымъ вызовомъ на дуэль, отправилъ ее къ Навашину. Какое безуміе! Могъ ли такъ низко цѣнить добраго Навашина! Вотъ до чего доводитъ человѣка одна страсть, неруководимая разсудкомъ! Между тѣмъ самъ ушелъ въ садъ и тамъ написалъ стихи, означенные въ моей книгѣ № 4. Ясно, что они надиктованы были глубокимъ чувствомъ.... Около вечерень приходитъ Навашинъ, и со слезами проситъ у меня прощенія... Разумѣется я самъ зарыдалъ горько и вмѣсто ссоры обнялся съ нимъ. Онъ утѣшалъ меня, и увѣрялъ, что все кончится счастливо. Въ самомъ дѣлѣ обстоятельства скоро перемѣнились: Лидія попрежнему

стила весела и привѣтлива со мной. Отецъ ея поѣхалъ изъ Петербурга—опредѣлять въ У-тъ старшаго сына Аполлона, который только что кончилъ курсъ въ Вол-ой Гимназіи; а онѣ, всѣ барышни съ гувернанткой, отправились въ Логиново—изъ усадьбу за 12 в. отъ города по Петерб-ой дорогѣ. Я уговорилъ Дубравиныхъ ѣхать къ Семистрѣльной, и на пути переночевать въ Логиновѣ. Все устроилось, какъ нельзя лучше. Мы пріѣхали въ Логиново въ вечерни; вечеръ провели весело и улеглись спать уже поздно. Лидія съ Дубравиной легла въ гостинную, а я съ Навашинымъ и Дубравинымъ въ сосѣдней комнатѣ. Всю ночь почти мы не спали; переговаривались съ сосѣдками, и дурачились. Я былъ въ полномъ восторгѣ. Утро провели всѣ вмѣстѣ за чаемъ и кофеемъ; потомъ я съ Лидіей, Дубравинымъ и гувернанткой на одной колескѣ ѣздилъ къ Семистрѣльной; потомъ завтракали; потомъ ходили гулять въ рощу. Гувернантка, разумѣется, смотрѣла уже на меня въ оба глаза, однакожъ просмотрѣла. Лишь только мы пришли въ рощу, тотчасъ же разбѣжались въ разныя стороны. Я замѣтилъ, куда побѣжала Лидія. и тотчасъ пустился въ слѣдъ за нея. Она, мелькая между деревьями, останавливалась и плутовски поджидала меня; наконецъ я нашелъ ее... Встрѣча была самая поэтическая, но продолжалась только нѣсколько минутъ; потому что насъ уже кликали нѣсколько голосовъ; Лидія пошла на зовъ, а я объѣхалъ кругомъ, и явился съ другой стороны. Не знаю, какъ толковали объ этомъ гувернантка и старуха Дубравина, но я мало заботился объ ихъ сплетняхъ. Послѣ обѣда мы отправились домой; Лидія провожала насъ съ версту, и взяла съ меня слово—зѣхать въ Логиново, когда отправлюсь въ Петербургъ. Я такъ и сдѣлалъ: поѣхалъ опять вмѣстѣ съ Дубравинымъ, и зѣхали въ Логиново... Два часа проведено было превосходно... На крыльцѣ въ послѣдній разъ поцѣловалъ руку Лидіи,—и полетѣлъ.... вотъ гдѣ поэзія! Теперь я припоминаю одни только происшествія, но тогда эти происшествія такъ полны были жизни, что кажется никогда бы не разставался съ ними. Съ первой станціи послалъ въ Вологду стихи, которые внесены въ мою книгу подъ № 5. Въ Петербургъ пріѣхали мы безъ особенныхъ приключеній.

Теперь я опять долженъ обратиться назадъ: забылъ сказать объ открытіи Александровской колонны. Это было въ 1834 году, 30 Августа, на третій день по возвращеніи нашемъ изъ Вологды. Мы пришли на площадь въ 9 часовъ. Для народу подѣланы были мѣста амфитеатромъ до самыхъ крышъ домовъ; кромѣ того на крышахъ всѣхъ окрестныхъ зданій были посѣтители. Многіе изъ черни, чтобы не прозѣвать мѣста, забрались на крыши еще съ вечера. Мы, студенты, забрались на манежъ. Площадь въ это время была еще пуста; колонна закрыта была тафтой, раскинутой въ видѣ шатра. Вся царская фамилія была у обѣдни. Въ одиннадцать часовъ выѣхала на площадь пушка и сдѣлано было 3 выстрѣла. Въ ту же минуту во всѣхъ улицахъ, которыя выходятъ на площадь, раздалась

музыка и показались колонны пѣхоты и кавалеріи: не мѣшая другъ другу, стройно проходили онѣ мимо колонны и становились на назначенныхъ мѣстахъ. Что за картина! Тутъ былъ весь гвардейскій и весь гранадерскій корпусъ; кромѣ того изъ всѣхъ полковъ Р. арміи по одной ротѣ; всего кавалеріи и пѣхоты 160 тысячъ. Когда войска стали на свои мѣста, на балконѣ Зимняго Дворца показался Митрополитъ и вся Царская фамилія; къ балкону съ площади сдѣлана была великолѣпная лѣстница и съ обѣихъ сторонъ ея на каждой ступенькѣ стояли солдаты образцовой роты, въ бѣлыхъ штанахъ, въ высокой медвѣжьей шапкѣ съ золотыми кистями, и въ темнозеленомъ мундирѣ съ густыми мишурными эполетами. Начался молебенъ. Когда протодіаконъ провозгласилъ Императору Александру Первому вѣчную память, все войско гряхнуло: ура; тафта съ колонны упала, и поднялся ужасный громъ орудій. На набережной Невы поставлено было 540 орудій; на Неву введено нѣсколько фрегатовъ, да еще крѣпостная артиллерія—все это подняло такой гамъ, что кажется весь Петербургъ дрожалъ... Ура и пушечные выстрѣлы не умолкали ½ часа. Потомъ Государь сошелъ на площадь, окруженный блестящею свитою посланниковъ и придворныхъ. Полки проходили мимо него колоннами. Парадъ кончился въ вечерни. Подробное описаніе его было напечатано въ Сѣверной Пчелѣ. (Все это было отступленіе.)

Когда мы возвратились въ Петербургъ, то нашли уже весь Университетъ готовый къ переѣзду на Васильевскій островъ въ домъ 12-ти коллегій, который нарочно отстроенъ былъ для Унив-та. Въ этомъ домѣ со временъ Петра 1-го помѣщались Сенатъ и Синодъ; а теперь онъ отданъ былъ подъ Университетъ. Что зданіе прекрасное, объ этомъ нечего и говорить: галлерея, изъ которой помѣщается библіотека, по величинѣ своей первая въ Европѣ: она въ длину 183 сажени; въ ней паркетный полъ и по концамъ зеркальныя двери. Зала, въ которой при Петрѣ была конференція, осталась въ прежнемъ своемъ убранствѣ. Публичная зала въ длину около 30 саженъ, въ два этажа, съ хорами и мраморными колоннами; полъ паркетной. Аудиторіи многія сдѣланы амфитеатромъ: мебель вездѣ новая. Мы помѣстились въ 3 этажѣ: во второмъ аудиторіи, библіотека и залы, а въ третьемъ столовая, буфетъ, кухни, правленіе, цензурный комитетъ и квартира нѣкоторыхъ чиновниковъ. Лекціи начались съ сентября. Я, разумѣется, сначала очень много мечталъ о Лидіи: братъ ея Аполлонъ поступилъ въ У-тъ, и я былъ съ нимъ очень друженъ. Лекціи очень занимали меня: Плетневъ читалъ ист. Рус. лит-ры со временъ Екатерины; нѣкыихъ 4 мѣсяца онъ разбиралъ Державина; разборы эти были образцовые, ничто столько не дѣйствовало на образованіе моего вкуса, какъ эти бесѣды. Жаль только, что немногіе изъ студентовъ могли цѣнить ихъ: бисеръ по большой части падалъ предъ свиньями.... Порошинъ читалъ статистику превосходно: удивительный талантъ—сдѣлать живымъ и занимательнымъ такой сухой предметъ. Ивановскій читалъ народное право; статьи о

посольствѣ была чрезвычайно интересна; Шульгинъ читалъ новую исторію своимъ въ высокой степени оригинальнымъ языкомъ. Я занимался очень хорошо, и всѣ профессоры любили меня. Развлеченій могъ имѣть также довольно. Попечитель доставилъ мнѣ уроки у Графа Левашова: я училъ тамъ маленькую дочку лѣтъ 12 и сына лѣтъ 10; ходилъ 4 раза въ недѣлю; кромѣ того Ульянинъ доставилъ мнѣ уроки у Гурьева—учить тоже сына и дочь дважды въ недѣлю. Стало быть у меня денегъ было достаточно на чай, кофей, табакъ, на извощиковъ, на театръ и пр. и пр. Товарищи уважали и любили меня; бирка была тепло, подлѣ У-та, и потому мы часто наѣзжали ее. При добромъ нашемъ Инспекторѣ можно было гулять сколько угодно. Желая сколько нибудь взять насъ въ руки, онъ завелъ, что двери наши отперты были только до 12 часовъ; кто хотѣлъ придти позже, тотъ долженъ былъ идти на крыльцо къ Инспектору, пройти черезъ его спальну и кабинетъ прямо въ свою спальну; пот. что спальная наша была подлѣ Инспекторскаго кабинета. Изъ за этого было много смѣху. Въ первую ночь Инспекторъ заперъ двери кабинета и ключъ положилъ къ себѣ подъ подушку; так. обр. всякой, кто приходилъ поздно, долженъ былъ будить инспектора. Какъ только пасталъ первый часъ ночи, начали собираться наши гуляки одинъ за однимъ; инспекторъ долженъ былъ не спать всю ночь, безпрестанно отпирая и запирая двери. На другую ночь онъ уже оставилъ ключъ въ дверяхъ. Иногда случалось, что возвращаешься часу во 2-мъ, а Инспекторъ еще не спитъ: надобно проходить черезъ кабинетъ такъ, чтобы онъ не видалъ изъ за ширмъ,—тогда снимешь бывало въ передней сапоги и на четверенькахъ (чтобы черезъ ширмы не видно было головы), держа сапоги и шпагу въ зубахъ, пробираешься къ своимъ дверямъ. Однажды полало так. обр. вдругъ человѣкъ пять студентовъ: передній намѣренно или ненамѣренно разсмѣялся; всѣ прочіе расхохотались и бросились опрометью въ двери, растеряв сапоги и шпаги. Филиппова вскочилъ съ кровати и подобралъ добычу. Иные по утрамъ спали очень долго—часовъ до 9 и даже до 10; инспекторъ отворялъ двери изъ кабинета и почти сквозь слезы говорилъ: „господа! пора вставать: вѣдь ужъ скоро обѣдъ!" Если же на зовъ его спящіе не откликались, онъ подходилъ къ кроватямъ и дергалъ за ноги лежавшихъ: иной завернется въ одѣяло, и будто въ просонкахъ начнетъ лягать ногами.... Смѣху бывало довольно.

По субботамъ у Плетнева на лекціяхъ мы обыкновенно читали сочиненія. Я въ свою очередь прочелъ въ прозѣ о Бенедиктовѣ и два стихотворенія, написанныя въ каникулы: № 1 и № 2. Плетневъ взялъ эти стихотворенія къ себѣ. Послѣ Никитенко говорилъ мнѣ, что Плетневъ хочетъ эти стихотворенія напечатать въ *Современникѣ*; однакожъ, не знаю почему, они не были напечатаны. Около этого же времени я узналъ отъ Никитенки, что обо мнѣ было говорено въ Совѣтѣ: меня, по окончаніи курса, назначали отправить заграницу; однакожъ,

тоже не знаю почему, Попечитель не согласился; а назначенъ былъ Прейсъ, учитель Дерптской Гимназіи; онъ теперь уже возвратился изъ путешествія и читаетъ лекціи въ Пет-мъ У-тѣ. Впрочемъ студенты не хвалятъ его: говорятъ, что безжизненный нѣмецъ!

Осенью, когда на Невѣ шелъ ледъ и были разведены мосты, намъ запрещено было переѣзжать на ту сторону; потому что, случалось, лодки затирало льдомъ и уносило. Однакожъ мы не слушались. Лекцій въ это время не было; потому что всѣ почти профессоры и большая часть студентовъ жили за рѣкой, и потому мы гуляли славно. Однажды утромъ я переѣхалъ за рѣку: но возвращаясь назадъ, увидѣлъ, что перевозу нѣтъ уже; потому что ледъ сильно сдвинуло. Дѣлать нечего, надобно было переночевать на той сторонѣ. Утромъ возвратился въ У-тъ и сѣлъ читать Державина. Въ комнатѣ никого не было. Вдругъ приходитъ Инспекторъ, я разсказалася. Онъ закачалъ головой, и началъ тихо говорить, такъ чтобы не слыхали студенты, сидѣвшіе въ сосѣдней комнатѣ: „вотъ вы не ночевали сегодня!... чтожъ, если узнъ мнѣ и васъ-то садить подъ арестъ, такъ чтожъ тогда будетъ?... Я право не знаю.... Дайте вашу шпагу!" Однакожъ на другой день утромъ возвратилъ. Так. об. въ 5 лѣтъ я былъ одинъ день подъ арестомъ. Около этого же времени Шакѣевъ, по протекціи Шульгина, опредѣленъ былъ Адъюнктъ-Профессоромъ въ У-тъ—читать въ 1, 2 и 3 курсахъ нашего факультета исторію. Но между студентами была мысль, пущенная партіей Куторги, что Шакѣевъ ничего не знаетъ. На первую лекцію собралось къ нему человѣкъ 300. Онъ читалъ довольно хорошо: однакожъ его никто не слушалъ, а всѣ только ждали окончанія лекціи. Когда онъ началъ сходить съ каѳедры, всѣ засвистали, зашикали.... Разумѣется, тотчасъ объ этомъ дано было знать Князю. Князь на другой день дѣлалъ намъ выговоръ, бросилъ свою перчатку, и сказалъ: кому угодно подниматъ? Разумѣется перчатки никто не подналъ: тѣмъ дѣло и кончилось. Черезъ нѣсколько недѣль Шакѣевъ былъ отставленъ. Вскорѣ случилось другое обстоятельство. Князь Вяземскій, студентъ 1-го курса, пришелъ пьяный на лекцію къ Фишеру. Фишеръ побранилъ его; Вяземскій этимъ обидѣлся. Тотчасъ вся университетская аристократія заступилась за Вяземскаго, и увлекла за собой всѣхъ другихъ студентовъ одного курса. Написали прошеніе къ Князю, и подали эту жалобу взявшись два студента Графъ Васильчиковъ и Сверчковъ. Попечитель прочиталъ прошеніе и сказалъ подателямъ: „извольте отправиться къ Инспектору и отдать ему ваши шпаги!" Дѣлать нечего: Инспекторъ посадилъ Васильчикова и Сверчкова въ карцеръ. Но они не унывали: въ продолженіе 3 дней они выпили 18 бутылокъ шампанскаго, и порожнія бутылки выбрасывали въ окно на улицу. Инспекторъ узналъ объ этомъ: солдата Московскаго, который носилъ арестантамъ вино, высѣкли; а они дали ему 300 р. и Московскій былъ въ восхищеніи: „пожалуй, говорилъ онъ, пусть высѣкутъ и въ другой разъ!"

Въ эту же осень былъ интересный случай съ студентомъ Новицкимъ. Онъ былъ чрезвычайно, даже почти до невѣроятности близорукъ. Однажды шелъ онъ по Англійской набережной. Навстрѣчу ему попадается Государь съ Государыней. Новицкій прошелъ между ними, толкнулъ и того и другую. Государь разсердился; началъ бранить Новицкаго, и Новицкій тогда только узналъ съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло. Въ досадѣ Государь не пошелъ далѣе: тотчасъ сѣлъ въ коляску и уѣхалъ. Къ счастію нашъ субъ-инспекторъ Грейсонъ видѣлъ все это; онъ распросилъ Новицкаго и тотчасъ донесъ Инспектору; Инспекторъ въ ту же минуту отправился къ Князю; а Князь къ Министру. Министръ въ этотъ день долженъ былъ гдѣ-то обѣдать имѣетъ съ Государемъ: потому то и поспѣшили скорѣе предупредить его. Государь, какъ только увидѣлся съ Министромъ, тотчасъ сказалъ ему: „какіе у тебя невѣжи студенты: сегодни одинъ студентъ чуть не толкнулъ меня съ тротуаровъ!“ Министръ отвѣчалъ: „это Новицкій; онъ, В. И. В., уже посаженъ подъ арестъ: онъ чрезвычайно близорукъ, такъ что узнаетъ людей только по голосу!“ „Ну, такъ оставить это!“ сказ. Государь. Новицкій просидѣлъ 3 дня въ карцерѣ,—тѣмъ дѣло и кончилось.

Въ началѣ зимы этого года сгорѣлъ Зимній Дворецъ. Я былъ въ это время въ У-тѣ. Часу въ 9 вечера мы увидѣли зарево, которое то мелькало, то опять исчезало; намъ показалось, что пожаръ гдѣ-нибудь слишкомъ далеко; но вдругъ возвращается одинъ студентъ, и говоритъ, что пожаръ во Дворцѣ. Мы тотчасъ побѣжали было изъ У-та; но не могли уже пробраться на ту сторону; потому что вся площадь и набережная была оцѣплена солдатами. Государь и Государыня были въ театрѣ; а многіе изъ придворныхъ на балѣ въ Мильенной. Узнавъ о пожарѣ, всѣ переполошились: Государь тотчасъ пріѣхалъ и началъ распоряжаться; Государыню съ жандармскимъ конвоемъ отправили въ Аничкинъ Дворецъ; придворные съ балу поѣхали кто куда зналъ. Пожарные всѣ уже были въ дѣлѣ; но вдругъ на Васильевскомъ острову, не помню въ которой линіи, сдѣлался другой пожаръ: Наслѣдникъ и половина пожарныхъ трубъ поскакали туда. Между тѣмъ Дворецъ разгорался болѣе и болѣе: часу въ 12 уже вся линія на Неву была въ пламени. Мы ушли домой; но въ спальнахъ у насъ было свѣтло, какъ днемъ. Государь былъ на пожарѣ до 6 часовъ утра; а все было затушено только къ вечеру другаго дня. Слуховъ о пожарѣ, по обыкновенію, было множество; но нельзя знать, что тутъ истинное и что вздоръ; слѣд. нечего и писать.

Приближались святки, и мы узнали еще новость: бывшій студентъ Александровъ посаженъ въ крѣпость. Жизнь этого человѣка была очень интересна. Онъ былъ побочный сынъ какого-то помѣщика изъ подъ-московныхъ губерній. Въ малолѣтствѣ онъ отличался всевозможными шалостями, и наконецъ отказать отъ отца въ Петербургѣ. Не знаю уже какимъ образомъ, но только онъ нашелъ случай поступить въ У-тъ; а содержалъ себя частными уроками. Въ одно время не

случилось у него денегъ; а хозяинъ безъ денегъ не хотѣлъ держать на квартирѣ. Александровъ поздно вечеромъ забралъ всѣ свои вещи и переѣхалъ на Семеновскій плацъ, кот-й былъ прямо противъ стараго У-та. Тамъ онъ переночевалъ. Утромъ будочникъ, увидя такого необыкновеннаго постояльца, подошелъ и спрашиваетъ: кто онъ такой и зачѣмъ здѣсь? Александровъ отвѣчаетъ, что онъ студентъ, и что поселился здѣсь жить; потому что не имѣетъ другой квартиры. Съ тѣмъ и ушелъ будочникъ. Въ 9-мъ часу Александровъ положилъ на комодъ свой записку, въ кот-й увѣдомляетъ всѣхъ и каждаго, что тутъ квартира такого-то студента; а самъ ушелъ на лекцію. Возвратившись изъ У-та, онъ видитъ, что къ квартирѣ его подступила полиція, и кругомъ собралось множество народу. Пробравшись сквозь толпу, Александровъ спрашиваетъ у частнаго пристава: что ему угодно? Частный приставъ отвѣчаетъ, что оберъ-полиціймейстеръ приказалъ забрать и это имущество и хозяина. Отправились къ о. пол-ру. Александровъ объяснилъ, что крайность заставила его искать жительства на Сем. плацѣ. Поѣхали къ Министру Внутреннихъ дѣлъ. И тотъ получалъ такое же объясненіе; онъ сказ. Александрову, чтобы тотъ покамѣстъ пожилъ у частнаго пристава, и что завтра же будетъ доложено объ этомъ дѣлѣ Государю. Съ тѣмъ Алек. и былъ отпущенъ. Но когда онъ сходилъ съ лѣстницы, Адьютантъ Министра подалъ ему нѣсколько бѣленькихъ бумажекъ. Алек. обидѣлся и бросилъ бумажки, сказавъ грозно Адьютанту, что онъ не нищій. Между тѣмъ на другой день Государь приказалъ, чтобы Александрова приняли въ У-тъ на казенное содержаніе. Но Александровъ отъ этого отказался: тогда Государь приказалъ ему идти изъ полкъ. Александровъ пожелалъ поступить въ Гусарскій полкъ, который тогда стоялъ въ Финляндіи. Разумѣется, на другой же день дано было отъ этомъ знать въ полкъ, а Александрову приказано снаряжаться въ дорогу. Но Александровъ исчезъ: онъ ходилъ все по знакомымъ, и полиція не могла найти его. Тогда приказано было, какъ только найдутъ Александрова, тотчасъ же отправить съ казаками на мѣсто службы, и тамъ посадить подъ арестъ. Такъ и сдѣлали. Александрова нашли, отправили въ полкъ и посадили на гауптъ-вахту. Просидѣвъ подъ арестомъ недѣли 2, онъ однажды угорѣлъ; прибилъ унтеръ-офицера, который топилъ комнату, вышелъ на плацъ-форму, легъ и притворился умирающимъ. Его отнесли въ лазаретъ. Тамъ онъ пролежалъ недѣли 3, и наконецъ обругалъ доктора. За эту грубость его опять посадили на гауптъ-вахту. Пробывъ тутъ недѣли двѣ, онъ подалъ въ отставку. Разумѣется, его съ радостію уволили, и Александровъ опять пріѣхалъ въ Петербургъ, и поступилъ въ У-тъ въ Математическій факультетъ. Это было въ 1833 году, когда и я пріѣхалъ въ У-тъ. Учась въ У-тѣ, онъ дѣлалъ много штукъ; но не очень важныхъ. Разъ только, при переходѣ изъ 2-го курса въ 3-й, на Лат-мъ экзаменѣ, онъ порядочно разсмѣшилъ насъ. Раскрывъ какую-то главу изъ Саллюстія, которая начинается рѣчью, онъ началъ читать: „Patres conscripti“...

и пр. Шульгинъ, который тогда предсѣдательствовалъ на экзаменѣ, спросилъ: „что значитъ patres conscripti?“ Александровъ, не запинаясь, отвѣчалъ: „отцы вписанные!“ Шульгинъ улыбнулся и спросилъ: „что же значитъ это—отцы вписанные?“ Александровъ махнулъ рукою и отвѣчалъ: „а Богъ ихъ знаетъ: Римляне народъ очень мудреный!“ Всѣ захохотали. Не знаю, въ которомъ году, но только еще во время студентства Александровъ началъ было дѣлать фальшивыя ассигнаціи; но полиція захватила его; Бенкендорфъ призвалъ Александрова къ себѣ, и далъ съ него честное слово, что онъ впредь такихъ глупостей дѣлать не будетъ. Тѣмъ это дѣло и кончилось; и мы тогда не знали объ этомъ ни слова. Въ 1836 году Александровъ кончилъ курсъ и поступилъ учителемъ въ Технологическій Институтъ. Я часто видался съ нимъ у Эвальда и у Шакѣева. Жизнь, какъ слышно было тогда, велъ онъ самую распутную. Въ разговорахъ только и бредилъ тѣмъ, чтобы идти въ разбойники. Мы такъ уже привыкли къ этому, что не обращали даже и вниманія на его восторженныя мечты. Въ 38 году онъ задумалъ наконецъ осуществить свои желанія. Плавъ его былъ такой: выбрать изъ старыхъ студентовъ надежнаго товарища; одѣться одному жандармомъ, а другому жандармскимъ офицеромъ, пріѣхать въ домъ къ Яковлеву ночью, показать старику отцу указъ, написанный отъ имени Государя, которымъ повелѣвается взять молодаго сына Яковлева и отвезти въ Сибирь; и тутъ же предложить, что если отецъ хочетъ спасти сына, то чтобы далъ имъ 2 мильона, и они обѣщаются увезти его заграницу; взявши же деньги убить арестанта на дорогѣ, а самимъ бѣжать заграницу. Ясно, что такія нелѣпости могли придти только въ голову Александрова. Въ товарищи себѣ онъ назначилъ Борисова—прекраснаго молодаго человѣка, который вышелъ изъ У-та вмѣстѣ съ Александровымъ, и служилъ учителемъ математики во 2-й Пет-ой Гимназіи. Борисовъ, выслушавъ этотъ планъ, счелъ его обыкновеннымъ бредомъ, и сказ. Александрову, что онъ согласенъ; при этомъ случаѣ мечтать вмѣстѣ съ Александровымъ, разумѣется шуты, о томъ, какъ славно они заживутъ заграницей.... Тѣмъ разговоръ ихъ и кончился. Борисовъ счелъ это за бредъ; но Александровъ не остановился. На другой день онъ послалъ къ Борисову записку, которую зналъ его къ себѣ. Борисову было нельзя и онъ не пошелъ. Черезъ день Александровъ присылаетъ другую записку, въ которой уже ясно пишетъ, что онъ имѣетъ надобность посовѣтоваться о томъ, о чемъ они говорили лично. Борисовъ, видя, что Александровъ не въ шутку уже что-то затѣваетъ, отказался отъ приглашенія. Александровъ не отсталъ къ нему самъ, и, не заставъ Борисова дома, оставилъ ему ругательную записку. Съ тѣхъ поръ Борисовъ уже и не видался съ нимъ. А Александровъ обратился къ Галлеру—съ приглашеніемъ къ себѣ въ товарищи; въ случаѣ же отказу грозился убить Галлера. Галлеръ былъ студентъ Юридическаго факультета, кончившій курсъ вмѣстѣ съ Александровымъ, и человѣкъ очень

богатый. Онъ согласился на предложеніе Александрова и въ тотъ же вечеръ разсказалъ все отцу; а отецъ Бенкендорфу. Бенкендорфъ сказалъ Галлеру, чтобы сынъ его дѣйствовалъ такъ, какъ велитъ ему Александровъ, и чтобы доносилъ о всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ. Такъ дѣло и пошло. Александровъ написалъ уже указъ, и прекрасно поддѣлалъ подпись Государя; нужно только было на что-то 5 тысячъ денегъ. Александровъ сдѣлалъ фальшивый вексель отъ имени какого-то купца, и переодѣвшись вмѣстѣ съ Галлеромъ, отправился къ маклеру.... Полиція уже знала объ этомъ, и какъ только вошли они къ маклеру, тотчасъ арестовала ихъ, и представила Дуппельту—жандармскому полковнику. Дуппельтъ обратился къ Александрову съ допросомъ; а Александровъ всю вину началъ сваливать на Галлера. Тогда Дуппельтъ сказалъ: „оставьте Галлера въ покоѣ; онъ дѣйствовалъ такъ, какъ ему было приказано; я васъ спрашиваю“... Тутъ Александровъ смѣшался. Началось слѣдствіе; Александровъ запуталъ и Борисова. Послѣдняго обвинили въ томъ, что онъ зналъ весь планъ и не донесъ. Кончилось тѣмъ, что Галлера перенесли въ собственную канцелярію Государя. Яковлевъ давалъ ему въ знакъ благодарности 10 тысячъ, но онъ отказался. Борисова послали въ Архангельскъ подъ надворъ полиціи; а Александрова въ каторжную работу. Въ Указѣ о ссылкѣ прописаны были всѣ дѣла Александрова, и тогда только мы узнали, что онъ, еще бывши студентомъ, дѣлалъ фальшивыя ассигнаціи. Но вотъ что странно: въ прошедшемъ, 1842 году, я случайно увидѣлся съ однимъ проѣзжавшимъ изъ Вятки въ П-гъ чиновникомъ, и узналъ отъ него, что Александровъ возвращенъ уже изъ каторжной работы и живетъ въ Вяткѣ подъ надзоромъ полиціи.

Зима, сколько помню, прошла очень весело. Наша студентская жизнь была самая завидная. Хорошіе товарищи любили меня, а сколочь, порожденіе 3-й Гимназіи, завидывала успѣхамъ моимъ и молчала.... Жалкія существа! Кесслеръ, Копосовъ, Кошницъ и Шведовъ—были моими друзьями, а прочіе—Дубранинъ, Дорогой, Бушмакинъ и др. безсильными соперниками. Я не ссорился съ ними, жилъ всегда мирно; но въ душѣ презиралъ ихъ. Два оригинала были у насъ въ одномъ со мной курсѣ: Ревкуцъ и Леонтьевъ. Ревкуцъ былъ маленькой ростомъ и очень толстъ, совершенно кубической формы. Мы прозвали его полковникомъ. Когда онъ идетъ бывало по комнатамъ, мы всѣ зашепчемся; самъ идетъ, самъ идетъ, и вытянемся передъ нимъ. Если онъ веселъ, то улыбнется, а сѣкли не въ духѣ, то обругаетъ насъ.... Онъ часто пьянствовалъ, и потому передъ концемъ курса мы разказповали его изъ полковниковъ: схватили его, переломили надъ нимъ вмѣсто шпаги лучину, и такъ отпустили. Онъ мастеръ былъ танцовать мазурку: однажды въ клубѣ нѣмцы аплодировали ему, когда онъ, выпивъ 3 пунша, шелъ мазурку, и кричали: „фора, штуденть!“ Леонтьевъ былъ тоже маленькаго роста и въ противуположность Ревкуцу—тоненькой. Онъ ни съ кѣмъ не говорилъ

ни слова, и всегда сердился, когда съ нимъ начинетъ кто нибудь говорить; только со мной онъ жилъ мирно. Въ воскресенье, когда весь У-тъ опустѣетъ, я оставался обыкновенно часовъ до 7 дома; потому что въ это время всего лучше заниматься; а Леонтьевъ обыкновенно не ходилъ никуда; стало быть въ воскресенье мы обыкновенно оставались съ нимъ вдвоемъ. Бывало, я сижу и читаю что нибудь; Леонтьевъ ходитъ по комнатѣ, подойдетъ ко мнѣ, хлопнетъ по плечу, и скажетъ: „ну, что?“ Это значитъ я могу съ нимъ говорить. Впрочемъ всѣ наши разговоры ограничивались всегда какими нибудь шуточными фразами; потому что Леонтьевъ былъ человѣкъ очень посредственнаго ума.

Отношенія къ Лидіи измѣнились. Какъ то случилось, что Аполлонъ, братъ ея, заболѣлъ, и лежалъ въ лазаретѣ. Онъ написалъ письмо къ отцу и другое къ Лидіи, и отдалъ ихъ мнѣ, чтобы запечатать и отправить; потому что у него не случилось ни сургуча, ни денегъ. Притомъ же онъ не секретничалъ со мной; потому что зналъ всѣ отношенія мои къ сестрѣ. Я, разумѣется, прочиталъ письмо къ Лидіи, и приписалъ ей поклонъ. Лидія съ первой же почтой отвѣчала брату, и написала между прочимъ, что она очень удивляется, какъ я *осмѣлился* собственноручно писать къ ней поклоны, что я могъ бы объ этомъ попросить ея брата и пр. и пр. Надобно замѣтить, что въ это время за ней волочился ссыльный полякъ Ремеръ, и стало быть она писала эти строки подъ вліяніемъ новыхъ впечатлѣній.... Аполлонъ опять написалъ къ ней, и я опять приписалъ поклонъ... Лидія разсердилась и написала: „скажи Ив-му, что ежели и было между нами что нибудь, то я уже давно забыла все, и говорю ему adieux. Это письмо принесли въ У-тъ, когда уже Аполлонъ уѣхалъ домой на каникулы; я распечаталъ письмо и, приписавъ подъ словомъ adieux—прощай, отправилъ его обратно на имя Лидіи. Тѣмъ все и кончилось.

Экзамены мои шли хорошо: изъ всѣхъ предметовъ я получилъ полныя отмѣтки, кромѣ, разумѣется, языковъ; впрочемъ и изъ тѣхъ дѣло кончилось какъ нельзя лучше: изъ Нѣм-го 4, изъ Латынскаго 4; и изъ Греческаго 2. Я не только не отягощался экзаменами, но даже шелъ на нихъ съ наслажденіемъ, потому что былъ увѣренъ самъ въ себѣ. Истинное мое торжество было на экзаменѣ изъ Русской словесности. Какъ теперь помню, день былъ ясной. Утромъ мы узнали, что на экзаменъ къ намъ будетъ Московскій профессоръ Шевыревъ, который въ это время пріѣхалъ въ Петербургъ. Часовъ въ 9 я съ Кошинымъ и еще съ кѣмъ-то вышелъ на крыльцо—дожидаться Плетнева. Въ 10-мъ часу Плетневъ пришелъ пѣшкомъ, и мы подгороваше объявили ему, что будетъ Шевыревъ. Начался экзаменъ. Графе предсѣдательствовалъ на немъ въ качествѣ декана. Вдругъ входитъ Шульгинъ и за нимъ идетъ маленькой человѣкъ, съ черными волосами, въ черномъ шалевомъ галстухѣ, съ очень пріятнымъ, нѣсколько смуглымъ лицомъ. Это былъ Шевыревъ. Тотчасъ вызвали меня. Я взялъ билетъ

о Жуковскомъ. Въ эту минуту пріѣзжаетъ Князь. Только я началъ отвѣчать, Шевыревъ вызвался въ мой отвѣтъ, и у насъ одинъ за одинъ пошла самая одушевленная бесѣда. Разговоръ нечувствительно перешелъ на Державина; а Державина я зналъ почти всего наизусть.... Много декламировалъ стиховъ; наконецъ началъ читать: *Властителямъ и судіямъ*. Шевыревъ сказалъ: „вы прекрасно читаете стихи“... А Плетневъ тихо замѣтилъ ему: „онъ и самъ прекрасно пишетъ“.... Князь и Шульгинъ напомнили, что пора и кончить. Я раскланялся; Шевыревъ всталъ съ мѣста, взялъ меня за руку, и просилъ побывать у него. Князь тоже всталъ, очень довольный и уходя на экзаменъ къ юристамъ, сказалъ: „пойду тамъ похвастаюсь!“ Я былъ въ полномъ восторгѣ; всѣ студенты поздравляли меня... Дня черезъ 2 я пришелъ къ Шевыреву; онъ принялъ меня ласково, говорилъ очень много о современномъ состояніи нашей литературы, о моихъ будущихъ занятіяхъ, давалъ совѣты, и отпустилъ, изъявивъ желаніе и послѣ быть со мной знакомымъ.

На другой день по окончаніи всѣхъ экзаменовъ, я отправился къ Попечителю узнать о моемъ назначеніи. Онъ сказалъ, что уже назначили меня во Псковъ. Этотъ звукъ былъ совершенно новый для меня, и я никакъ не могъ представить себѣ—что это за городъ Псковъ. Впрочемъ лучшаго мѣста нельзя было и желать; потому что въ Петербургѣ не было свободныхъ вакансій, а ѣхать въ Вологду—учить исторіи я не хотѣлъ: мой предметъ была—словесность. Начались каникулы. Я остался въ Петербургѣ и получилъ два частныхъ мѣста: у Викулина и у Мартынова: у Викулина каждую недѣлю 5 разъ, а у Мартынова трижды въ недѣлю. Стало быть деньги были, а съ деньгами нескучно. Я часто ѣздилъ на дачи: къ Плетневу и Шакѣеву. Плетневъ жилъ въ Кушелевой деревнѣ; а Шакѣевъ у Григорьева, который женатъ на сестрѣ Шакѣева, и жилъ подлѣ Лѣсного Института. Время шло весело. Въ Университетѣ остались почти всѣ, кончившіе курсъ, и мы жили весело. Однажды случилось вотъ какое происшествіе. Мы были уже въ спальнѣ; это былъ часъ 12-й; вдругъ возвращаются человѣкъ 5 студентовъ и говорятъ: „господа! пойдемте браниться съ Филипповымъ“. Мы тотчасъ накинули сверхъ халатовъ шинели, надѣли фуражки и отправились въ походъ. Филипповъ этотъ былъ офицеръ 1-го кадетскаго корпуса, и стало быть жилъ подлѣ У-та; у него были 2 сестры, довольно вольныя, и студенты волочились за ними, а онѣ перемигивались съ ними, бросали изъ окна разные сюрпризы и пр. и пр. Врагъ зналъ это, и жестоко злился на студентовъ; къ тому же онъ былъ почти помѣшанной и не зналъ какъ выместить свою злобу: часто при встрѣчѣ вовсе съ незнакомымъ ему студентомъ онъ начиналъ браниться, и тотъ, не понимая отношеній его къ студентамъ, не зналъ—что это значитъ. Въ этотъ вечеръ, о которомъ я упомянулъ теперь, Филипповъ сдѣлалъ подобную же глу-

ность. Студенты шли мимо и разговаривали между собою. Филипповъ вдругъ размахнулъ окно, и началъ ругаться съ ними. Они, разумѣется, отвѣчали ему, и пришли позвать всѣхъ насъ, чтобы гуртомъ веселѣе было браниться. Лишь только мы поравнялись съ окнами Филиппова, вдругъ онъ растворилъ опять окно и пошла потѣха: мы принудили самою отчаянною бранью... Мать и сестры Филиппова, почти полураздѣтыя, высунулись въ окно и стали упрашивать насъ: „господа! сдѣлайте милость, оставьте: видите, что онъ сумасшедшій“. Побранившись съ ½ часа, мы наконецъ удалились.

Такимъ образомъ, живя очень весело, я и не замѣтилъ, какъ приближалось время—отправляться къ мѣсту назначенія. Я не вѣрилъ даже, что приближается наконецъ часъ, когда надобно разстаться навсегда съ студентствомъ. Мечты о Псковѣ были довольно неопредѣленныя. Я зналъ только, что встрѣчу тамъ старыхъ студентовъ, бывшихъ нѣкогда со мной въ одномъ курсѣ: земляка моего Студитскаго, Барановскаго и Котовича. Но больше занимало меня то, что я теперь кандидатъ философскаго факультета 1-го отдѣленія, что пріѣду въ новый городъ, что всѣ будутъ смотрѣть на меня, какъ на лицо новое и пр. и пр. Передъ отъѣздомъ дня за 4 былъ на дачѣ у Плетнева, онъ, взявъ меня подъ руку, долго ходилъ со мной по саду и весело разговаривалъ; совѣтовалъ между прочимъ не жениться; потому что это отвлечетъ меня отъ занятій и остановитъ ходъ мой по службѣ и пр. и пр. Однимъ словомъ мы вдвоемъ провели съ нимъ вечеръ, какъ нельзя лучше. Ночевать я уѣхалъ къ Григорьеву: тамъ нашелъ Эвальда. Ужь мы пили, пили.... Григорьевъ даже свалился съ ногъ; а я съ Эвальдомъ улегся у него остановился Горковскій, мой старый повѣренный по дѣламъ съ Лидіею, и пріѣхавшій теперь для поступленія въ Университетъ. У Сѣверова—7 дочерей и три сына; старшая—Катерина была тогда красавица; впрочемъ я не былъ, противъ моего обыкновенія, влюбленъ въ нее, хотя и бывалъ у нихъ почти каждый день. Тутъ собиралось всегда много молодыхъ людей, и время мы проводили весело. Отъ Сѣверова, осыпанный желаніями счастливаго пути, я поѣхалъ ночевать къ Шакѣеву, который въ это время былъ уже въ городѣ. А отъ туда утромъ къ Лебедеву, одному чиновнику, старому моему гимназическому товарищу,—куда перевезены уже были всѣ мои вещи. Проводить меня пришли нѣсколько студентовъ,—выпили и простились. Почтовыхъ лошадей не было, и потому я нанялъ до Царскаго села фастонъ тройкой. Лебедевъ поѣхалъ провожать меня. Это было 1 Августа. Итакъ—я простился съ Петербургомъ.... Въ

Царскомъ селѣ сѣлъ на почтовую телѣжку и пріѣхалъ къ вечернему чаю въ Гатчину. У Ильина провелъ вечеръ, ночевалъ и на другой день утромъ поѣхалъ далѣе. Наконецъ 3 Августа увидѣлъ Псковъ. Когда въѣхалъ въ заставу, было уже темно. Не зная квартиры Студитскаго, я подъѣхалъ прямо къ Гимназіи. Тутъ встрѣтился мнѣ какой-то человѣкъ небольшаго росту. Я спросилъ его: „позвольте узнать—гдѣ живетъ Студитскій?“—„Знаю, отв. маленькой человѣчекъ самымъ тонкимъ дискантомъ; но только забылъ фамилію хозяина дома; а вы, вѣроятно, тотъ чиновникъ, котораго мы ожидаемъ изъ Петербурга?“—Точно такъ.—„Честь имѣю рекомендоваться: я служу письмоводителемъ при здѣшней Гимназіи. Если вамъ угодно остановиться, то вотъ здѣсь недалеко живетъ учитель Котовичъ!“ Онъ указалъ мнѣ домъ. Я отправился къ Котовичу. Въ передней сидѣлъ человѣкъ. Я спрашиваю: „дома Котовичъ?“—Дома. И я отворилъ двери. Въ залѣ сидитъ нѣсколько дамъ и съ ними Котовичъ. А я былъ въ шинели, съ трубкою въ рукахъ, и съ фуражкою на головѣ. Я тотчасъ назадъ. Человѣкъ вызвалъ Котовича, и я вмѣстѣ съ нимъ поѣхалъ къ Студитскому и Барановскому. Дамы эти были Диденевы, у которыхъ Котовичъ жилъ на квартирѣ. Такимъ образомъ я достигъ мѣста своего назначенія.

III.

Дополненіе къ предыдущимъ главамъ.

Въ предыдущихъ главахъ я забылъ упомянуть еще о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ моей жизни; потому что писалъ безъ опредѣленнаго плана, по однимъ только воспоминаніямъ.

Изъ гимназическихъ моихъ товарищей былъ одинъ очень курьезной человѣкъ—Иванъ Титовъ. Онъ всегда смѣшилъ насъ въ классѣ. Вотъ нѣкоторыя изъ его штукъ. Мы были въ Гимназіи у всенощной и стояли рядомъ четверо: Титовъ, Пчелинъ, я и Студитскій, а недалеко отъ насъ стоялъ Веденскій, который тогда былъ уже директоромъ. Веденскій, какъ я говорилъ уже, молился очень смѣшно. Титовъ вздумалъ передразнивать его: перекрестится большимъ крестомъ, и крехти начнетъ доставать рукою до земли. Мы хохотали. На другой день Веденскій приходитъ въ классъ и говоритъ протяжнымъ басомъ: „вы вчера смѣялись за всенощной; вотъ я замѣтилъ—Титовъ, Пчелинъ, Иваницкій.... потомъ вдругъ скороговоркой дискантомъ—бездѣльники Студитскій!“ Мы еще больше захохотали. Въ другой разъ мы сидѣли въ классѣ у учителя рисованія Катина. Катинъ былъ маленькаго роста, чрезвычайно глухъ и ходи по классу часто задумывался: тогда онъ обыкновенно шагнетъ и стоя на одной ногѣ, другую держитъ на воздухѣ иногда довольно долго. Титовъ хохоталъ надъ нимъ и бранилъ его громко. Катинъ замѣтилъ это, подошелъ къ Титову и сказалъ: „ты ученикъ, и учитель; возьму рисунокъ, тебя выгоню вонъ,—потомъ продолжалъ

октавой и протяжно—ск-а-ти-на!" Надъ Звѣремъ было всего болѣе смѣху. Онъ обыкновенно кланялся съ прискачкой. Когда онъ идетъ мимо нашего класса, мы поклонимся ему, а онъ подскочитъ и идетъ далѣе. Титовъ въ ту же минуту передразнитъ его; мы захохочемъ; Звѣрь остановится, и сейчасъ начнетъ допрашивать, нѣтъ ли у насъ какого заговора. На этомъ онъ былъ уже помѣшанъ: ему только и грезились заговоры. Однажды онъ, разсердившись на Зосимскаго и Студитскаго, закричалъ: „обѣ вонъ, обѣ вонъ!" На шумъ этотъ приходитъ Бѣляевъ; Звѣрь тотчасъ подскочитъ къ нему съ жалобой; а Бѣляевъ говоритъ: „помилуйте, вы такой подняли здѣсь шумъ, что у меня ученики всѣ хохочутъ!" Звѣрь наѣсенъ, ушелъ изъ класса, и не ходилъ недѣли двѣ. Вскорѣ его перевели изъ Новгородъ, но и тамъ онъ не ужился, и мѣсяца черезъ два былъ отставленъ. Объ Дружининѣ и уже говорилъ много; но вотъ еще два анекдота о немъ. Однажды онъ задалъ намъ урокъ очень большой къ слѣдующему дню; намъ некогда даже было и списать, и потому на другой день мы пришли въ классъ пораньше, и всѣ вмѣстѣ учили по одной тетради. Между тѣмъ пробило уже 9 часовъ, а Дружинина все еще нѣтъ. Полагая, что онъ уже не будетъ, мы перестали заниматься. Вдругъ въ половинѣ 10 катитъ нашъ Дружининъ пьяной, и тотчасъ спросилъ меня урокъ. Сначала я отвѣчалъ хорошо, но чѣмъ дальше, тѣмъ чаще началъ заглядывать въ тетрадь. Дружининъ замѣтилъ, и сталъ прямо напротивъ меня, разшеперившись и облокотясь на столъ. Я разумѣется не могъ болѣе отвѣчать. Дружининъ обратился къ другому, и тотъ тоже, потомъ къ третьему и т. д. Ни одинъ не зналъ. Дружининъ заходитъ по классу большими шагами, переваливаясь съ боку на бокъ. Это уже предвѣщало бурю. И въ самомъ дѣлѣ, не прошло 5 минутъ, какъ вдругъ Дружининъ остановился и съ какимъ-то остервенѣніемъ закричалъ: „а дайте-ка я васъ поцуплю изъ Греческаго!" Мы просили его, чтобы онъ училъ насъ и по Гречески, потому что для этого языка тогда не было еще особеннаго учителя, а между тѣмъ намъ хотѣлось получить чины. Дружининъ схватилъ Демосѳена и заставилъ переводить. Мы переводили худо; онъ сыпалъ всевозможными ругательствами. Наконецъ классъ кончился. Дружининъ раскрылъ журналъ и, взявъ перо въ руки, обратился къ намъ: „а что тово—не прописать ли вамъ сегодня эпитафіи?" Мы наклонили головы въ столы.—„И, ерши-канальи, запишрали теперь!" сказ. Дружининъ, и не записавъ ничего въ журналѣ, ушелъ. Другой анекдотъ былъ съ нимъ дома о Пасхѣ. Домашніе караулили уже, чтобы онъ не напился; но Дружининъ обманулъ ихъ, сходилъ тихонько изъ дому, кушалъ вина, заперся въ кухнѣ и кутнулъ. Наконецъ ему захотѣлось ѣсть; онъ вытащилъ изъ печки жаркое, досталъ крынку молока, и—неизвѣстно нарочно или ненарочно—вылилъ молоко въ жаркое. Передъ вечеромъ уже домашніе хватились его, отворили кое-какъ кухню и напли Дружинина уже спящимъ.....

Въ тогдашнее время существовали еще въ Вологдѣ кулачные бои. Этотъ обычай—нѣкогда общій во всѣхъ мѣстахъ Россіи—вѣроятно велъ свое начало еще изъ древности. По преданіямъ извѣстно намъ, какъ дивились бойцы при дворахъ великокняжескихъ; а о боихъ въ царствованіе Екатерины можно еще слышать отъ очевидцевъ. При мнѣ въ Вологдѣ бывали бои каждый вечеръ зимой. Дрались всегда семинаристы со всѣми прочими сословіями. Главныя мѣста побоищъ были: у Благовѣщенья, на рѣкѣ, и Архангельской улицы и др. а время—послѣ вечерень, когда семинаристы выходили изъ классовъ, и когда всѣмъ мастеровымъ свободно; потому что въ сумерки они не работаютъ. Начиналось всегда съ маленькихъ, а потомъ вступались и большіе. Съ обѣихъ сторонъ были нѣкоторые извѣстные бойцы. Вообще семинаристы отличались трусостію, и на каждомъ бою ихъ жестоко били. Я всегда любилъ смотрѣть на эти драки. Однажды случилось, что рекрутамъ кто-то внушилъ мысль подраться съ семинаристами. Передъ вечернями они собрались у обоихъ воротъ Семинаріи и до 8 часовъ вечера не выпустили ни одного семинариста. Въ воротахъ производились единоборства и свалки.

Изъ университетскихъ воспоминаній я пропустилъ еще вотъ что. Былъ у насъ одинъ студентъ—Базилевскій. Онъ кончилъ курсъ въ Вологодской семинаріи и поступилъ въ Духовную Академію; но не доучившись тамъ, опредѣлился въ Синодъ; получилъ чинъ и поступилъ въ Университетъ. Здѣсь онъ мало занимался, но ужасно много ѣлъ. Къ тому же клеймо Семинаріи еще ярко означалось на немъ и дѣлало его посмѣшищемъ студентовъ. Однажды онъ легъ спать въ 7 часовъ и проспалъ, чтобы къ ужину его разбудили. Мы, разумѣется, разбудили его тогда уже, какъ столовая была заперта. „Ахъ, чертъ возьми!" сказалъ Базилевскій и началъ охать. Противъ обыкновенія не шелъ уже и спать. Между тѣмъ кроватъ его поставили на другую кровать; наверхъ положили куклу; по сторонамъ поставили на табуретку 4 свѣчки. Базилевскій былъ очень мнителенъ: онъ никакъ не хотѣлъ лечь на кроватъ, на которой лежала кукла въ видѣ покойника,—и не спалъ всю ночь, да не далъ и намъ спать. А на другой день заболѣлъ и ушелъ въ лазаретъ. На лекціи, внимательно слушая профессора, онъ подпиралъ голову обѣими руками и такъ скверно вытягивалъ рожу, что нельзя было смотрѣть на него безъ смѣху. Проучившись въ У-тѣ годъ, онъ задумалъ опять выйдти на службу,—и чтобы освободиться отъ обязанности служить казнѣ, притворялся больнымъ глазами и ушелъ въ лазаретъ. Тамъ онъ пролежалъ мѣсяца 3; славно ѣлъ и пилъ и растолстѣлъ ужасно. Однажды лѣкарь прописывалъ въ лазаретѣ кому-то рецептъ. Базилевскій подошелъ къ нему и глубоко вадохнулъ. Лѣкарь спросилъ: „что съ вами?" Базилевскій отвѣчалъ: „да что-то скучно!"—„Чтожъ вамъ надобно?—„Да хоть бы чайку прописали!" И лѣкарь прописалъ ему чаю. Такимъ образомъ, прочислившись больнымъ нѣсколько мѣсяцевъ, Базилевскій былъ наконецъ уволенъ, и поступилъ на службу въ Сенатъ.

Пробывъ тамъ съ годъ, опять поступилъ въ своекоштные студенты. Шпагу себѣ купилъ на толкучкѣ какую-то старинную изъ родъ палаша и завелъ преогромные карманные часы. Мы безпрестанно спрашивали у него: который часъ? Базилевскій уйдетъ всегда въ уголъ, посмотритъ на часы, и скажетъ. Ему было уже за 30 лѣтъ, а онъ учился танцовать. Смѣху было довольно. Сначала онъ подниметъ ногу и раскачаетъ, а потомъ уже пойдетъ танцовать; и когда въ серединѣ фигуры остановится, приложитъ палецъ къ носу, и думаетъ—въ которую ему сторону надобно двигаться. Надъ Лѣсневскимъ, студентомъ Математическаго факультета одного со мною курса, тоже смѣлись часто. Онъ былъ страстный охотникъ играть на флейтѣ и на скрипкѣ. Какъ только отобѣдаемъ мы, Лѣсневскій берется за смычекъ и начинаетъ пилить.... Невозможно слушать! Тогда Копосовъ ляжетъ на табуретки и начинаетъ храпѣть такъ ужасно, что надобно уши заткнуть.... Этимъ только и можно было вытянать Лѣсневскаго. Мнѣ какъ-то вздумалось написать стихи, въ которыхъ выставлены были характеристическія черты многихъ студентовъ. Жаль, что эти стихи теперь не сохранились, а на память я худо помню. Вотъ какъ они начинались:

Друзья! есть у меня прекрасное созданье
Хотите посмотрѣть? извольте: вотъ Черновъ
Въ мундирѣ глупое созданье;
Вотъ и Дубравинъ—черный жукъ,
Блоха Арабская, паукъ;
Вотъ Конпинъ—плутъ подъ сѣдиною,
Вотъ Шведъ—изъ израильскихъ кудрявъ,
Бушмакинъ—съ мѣдной головою;
Баршевскій—съ трубкою, въ очкахъ;
Леонтьевъ—мокрая улитка;
Вотъ Дорогой—живая нитка,
Точь въ точь съ цѣпочкой Кругаетъ;
Вотъ и Полизо—нашъ поэтъ;
Идетъ бѣшеный любовникъ;
Вотъ Ренкуцъ—самъ толстякъ полковникъ;
А вотъ и Копосовъ—барбосъ;
Вотъ Кеслеръ—страшный математикъ;
Лѣсневскій—формульной лунатикъ;
Вотъ и Ленчевскій—длинный носъ.
И пр. и пр. и пр.

Эти стихи по секрету разошлись между всѣми студентами, и послѣ уже кто-то написалъ къ нимъ прибавленія, впрочемъ довольно глупыя. Къ стати

объ стихахъ. Григорьевъ написалъ пѣсню, которая тоже разошлась по всему У-ту, и мы пѣли ее на всѣхъ сходкахъ. Вотъ она:

Наливайте, наливайте,
Други! пѣнного вина;
Выпивайте, выпивайте
Чаши полныя до дна.

То-ли дѣло жизнь студента!
Всякой день онъ сытъ и пьянъ,
Безъ бумажнаго патента
Онъ въ попойкѣ капитанъ.

Что чины, богатство, слава,
Пряжки, ленты и кресты?
Это дѣтская забава,
Это дѣтскія мечты.

Звонъ бутылочекъ прелестныхъ,
Полуштофиковъ трезвонъ,
Словно звуки арфъ небесныхъ
Тянетъ душеньку всю вонъ.

Дайте жъ, други, штофъ и рюмку,
Карты, щетки и мѣлокъ,
Да раскуренную трубку
И я—маленькой царекъ.

Ну, послѣднее желанье:
Пусть придетъ къ намъ иногда
Это милое созданье,
Черноокая моя!

Башмачекъ ея красивый
Смѣло приступомъ возьмемъ,
Поцѣлуемъ ножку милой,
И кипучаго напьемъ.

Я скажу вамъ—выпивайте
Въ честь красавицы моей,
Да порою вспоминайте
Дивный блескъ ея очей.

Голосъ этой пѣсни тотъ же самый, какъ и Карамзинской: Братья! рюмки наливайте!

Григорьевъ былъ маленькаго роста, ходилъ всегда согнувшись, а голову вытягивалъ впередъ, и любилъ подъ часъ выпить съ пріятелями. Съ нимъ случалось много анекдотовъ, вотъ одинъ изъ нихъ; это было еще въ старомъ У-тѣ. Мы стояли въ церкви за всенощной и пѣли на крылосѣ. Вдругъ изъ половинѣ всенощной является Григорьевъ пьяной. Не видя ничего, онъ идетъ по церкви, и вмѣсто того, чтобы идти на крылось, поворотилъ въ народъ, и воображая, что онъ уже на крылосѣ между студентами, запѣлъ: „Господи помилуй!“ Вотъ анекдотъ о другомъ студентѣ— Страшинскомъ. Онъ получилъ единицу на экзаменѣ у Крылова. Крыловъ въ то время читалъ статистику, и любилъ брать взятки. Страшинскій, взявъ съ собою свой серебренный сервизъ, отправился къ Крылову, и дожидается его въ залѣ. Какъ только Крыловъ показался изъ дверей кабинета, Страшинскій, поставивъ сервизъ на окошко, подходитъ къ Крылову и проситъ перемѣнить отмѣтку. Крыловъ сначала отказывался, но взглянувъ на сервизъ, согласился и тутъ же изъ единицы сдѣлалъ четыре. Страшинскій благодаритъ его, береть съ окошка сервизъ, и уходитъ. Т. обр. Крыловъ и остался въ дуракахъ: отмѣтки перемѣнить было нельзя; потому что вѣдомость была бѣловая, да притомъ этимъ ясно надобно было показать, что онъ надѣялся получить сервизъ.

1838 года 25 Марта въ У-тѣ былъ актъ, первый еще по переводѣ У-та на Васильевскій островъ. Посѣтителей—мужчинъ и дамъ—было тысячь до трехъ. Билеты были трехъ разборовъ: благородныхъ—розовые, высокоблагородныхъ—голубые, а превосходительныхъ и сіятельныхъ—бѣлые. На актѣ Никитенко читалъ о нынѣшнемъ состояніи теоріи словесности, а Шульгинъ—исторію университета. Послѣ акта всѣ посѣтители вышли въ библіотеку, которая представляла тогда видъ бульвара. Прогулка эта продолжалась около часа. Вскорѣ, не помню только въ какой день, пріѣзжалъ Государь, а недѣли черезъ двѣ послѣ него Наслѣдникъ. Государь на лекціи не заходилъ, а Наслѣдникъ зашелъ только минуть на 10 въ аудиторію къ Устрялову. Довольно было и смѣху по случаю этихъ посѣщеній. Государя ожидали недѣли двѣ. Въ одинъ день онъ ѣхалъ по Исакьевскому мосту и поворотилъ къ У-ту. Часовой тотчасъ далъ знать. Въ У-тѣ поднялась страшная тревога. Мы въ это время сидѣли на лекціи у Порошина. Это былъ третій часъ въ исходѣ. Солдатъ Московскій, который въ это время

былъ изъ сборныхъ залахъ и держалъ въ рукѣ звонокъ, съ испугу звонилъ. Мы думали, что уже 3 часа и пошли съ лекціи, но намъ закричали: Государь пріѣхалъ! и мы вернулись. Рождественскій, профессоръ правъ, сочинитель глупой логики, читалъ въ это время у юристовъ 2-го курса. Онъ долго перепугался, что вскочилъ съ кресель, и началъ свою лекцію снова словами: милостивые государи! въ прошедшій разъ мы говорили.... и пр. Экономъ въ это время побѣжалъ зачѣмъ-то наверхъ, но добѣжавъ до средины лѣстницы, пріѣхалъ и съ глубокимъ вздохомъ сказалъ: „ой, не могу больше“.... Между тѣмъ оказалось, что Государи ѣхалъ: онъ проѣхалъ мимо У-та въ Маріинскую больницу. Проѣздивъ это, студенты начали пугать Рождественскаго: вдругъ зашумѣть—идетъ, идетъ! и Рождественскій побѣдимѣть и вскочитъ съ мѣста. Государь былъ послѣ этого еще чрезъ нѣсколько дней. Кромѣ актовъ, были въ У-тѣ часто собранія по случаю защищенія докторскихъ и магистерскихъ диссертацій; при мнѣ было такихъ защищеній до 30. Всего больше отличился Неволинъ, а Устрялова нашего Плетневъ просто зарѣзалъ.

Когда мы кончили курсъ, студенты трехъ первыхъ курсовъ сдѣлали для насъ праздникъ. Всѣ они сложились по 10 рублей, выбрали мѣсто на берегу озера въ Парголовѣ, накупили вина и приготовили кутежъ. Каждый долженъ былъ пріѣзжать туда въ сюртукѣ, въ фуражкѣ, со своей трубкой и табакомъ. Кто имѣлъ свой экипажъ, тотъ ѣхалъ, разумѣется, на своихъ; но большая часть взяли омнибусы. Собралось вдругъ омнибусовъ до 10; на крышѣ передняго стоялъ студентъ Воротниковъ, высокой ростомъ, съ волторной въ рукахъ. Подъѣзжая къ заставѣ, онъ заигралъ. Всѣ съ удивленіемъ смотрѣли на эту процессію. На праздникѣ было всего человѣкъ до 400: пили, ѣли, дурачились и пр. почти до утра. Съ тѣхъ поръ этотъ праздникъ дѣлается ежегодно.

Ульянинъ разсказывалъ мнѣ, что Крыловъ (баснописецъ) былъ у нихъ на вечерѣ. Это было въ 1826 году. Въ залѣ танцовали. Крыловъ сидѣлъ на стулѣ и смотрѣлъ на танцующихъ; но только задремалъ, повалился на бокъ, подломилъ стулъ, и грянулся на полъ. Плетневъ разсказывалъ, что Карамзинъ, занимаясь исторіею, вставалъ всегда утромъ въ 9 часовъ, и тотчасъ же отправлялся съ женою гулять; въ 10 часовъ пилъ чай и садился заниматься до обѣда. Въ это время онъ уже не принималъ никого. Въ 5 часовъ обѣдалъ и отдыхалъ до 7; съ 7 до 8 занимался; а потомъ выходилъ въ гостинную къ семейству. Въ это время дверь была отворена для всѣхъ. Въ 11-ть часовъ опять уходилъ въ кабинетъ и занимался до 1-часу. Такъ жилъ онъ все время, когда писалъ исторію.

IV.

Псковъ и Лифляндія.

Жизнь во Псковѣ мнѣ сначала очень нравилась. Климатъ прекрасный и очень благорастворенный; при каждомъ почти домѣ садъ, гдѣ на открытомъ воздухѣ растутъ разныхъ сортовъ яблоки, вишни, сливы, крыжовникъ и пр. Городъ древній; кругомъ его стѣны съ башнями; много старинныхъ домовъ, самыя названія улицъ и кварталовъ напоминаютъ о временахъ республиканскихъ. Рѣка быстрая и широкая. Въ городѣ находится дивизіонный штабъ и постоянно стоитъ Екатеринославскій гренадерскій полкъ. Гимназія тоже поправилась съ перваго разу. Директоръ показался человѣкомъ очень добрымъ, Инспекторъ—тоже. Оба они пригѣхали во Псковъ за нѣсколько дней до меня: одинъ переведенъ былъ изъ Архангельска, а другой изъ Новгорода. Жилъ и вмѣстѣ со Студитскимъ и Барановскимъ. Перваго знать уже и прежде, учившись съ нимъ вмѣстѣ съ самаго дѣтства, а втораго знать въ У-тѣ: онъ былъ малороссъ, прекраснѣйшій, благороднѣйшій и умный человѣкъ. Прочіе учители тоже хорошіе люди. Жили мы на Завеличье, т. е. за рѣкой Великой, сперва во флигелѣ, а потомъ въ домѣ Петергофскаго священника. Домъ былъ дольной, и потому мы взяли еще къ себѣ Котовича и Молоховца, учителя правовѣденія, только что пріѣхавшаго изъ Петербурга. Стало быть всѣ мы были студенты одного У-та, и жили дружно. Знакомыхъ сначала я не имѣлъ никого. Единственное мое развлеченіе составляла бесѣда съ товарищами и Гимназіи. Ученики, можно сказать, боготворили меня. Директоръ очень любилъ меня, но Инспектора мы скоро узнали хорошо: это былъ въ превосходной степени дуракъ, подлецъ, и шарлатанъ; однимъ словомъ, нельзя ничего представить себѣ отвратительнѣе этого человѣка. Фамилія его Баронъ Мену.... Гадко даже вспоминать объ этомъ человѣкѣ; лучше плюнуть, и не говорить ни слова. Жаль только было того, что онъ забралъ къ себѣ въ руки директора и игралъ имъ, какъ куклой. Такимъ образомъ вся осень прошла у меня въ томъ, что я ходилъ въ классы и сидѣлъ дома: здѣсь мы разговаривали безпрестанно о подлостяхъ инспектора, и иногда ходили гулять. А наединѣ я занимался Нѣмецкимъ языкомъ. Приблизились святки. Одинъ изъ учениковъ Менгденъ пригласилъ меня ѣхать съ нимъ въ *Голлофское*—мызу, гдѣ жили его родители, и находящуюся въ 180 верстахъ отъ Пскова. Я разумѣется охотно согласился; потому что по недостатку въ деньгахъ въ П-гѣ ѣхать не могъ, а во Псковѣ ничего не ожидалъ кромѣ скуки. За нами прислали были лошади и мы поѣхали въ бричкѣ, потому что снѣгу не было еще ни одной снѣжники, несмотря на то, что было уже 22 Декабря. Поѣздка была чрезвычайно интересна для меня; потому что я видѣлъ новыя мѣста, новый бытъ и слышалъ новый языкъ Латышей. Жаль только, что время было очень неблагопріятно для прогулокъ; потому что въ первую же ночь выпалъ снѣгъ и покрылъ всѣ картины

однимъ покрываломъ. 24 числа мы пріѣхали въ Голгофское. Баронъ и Баронша приняли меня очень радушно, и я зажилъ весело. Баронъ худо говорилъ по русски, а Баронша—прекрасно. Съ перваго дня Рождества начались балы. Къ Менгдену наѣхало множество гостей, и гостили у нихъ два дня. Каждый день мы танцовали. Злѣсь и очень коротко сблизился съ синолискимъ Барономъ Менгденомъ, двоюроднымъ братомъ того, у котораго гостилъ я, съ отставнымъ кавалергардскимъ генераломъ Каленомъ и съ братомъ его отставнымъ кавалергардскимъ полковникомъ Каленомъ. Они полюбили меня, какъ роднаго. Изъ барышенъ были: двѣ сестры Левизъ—очень хорошенькія, Тизингаузенъ, и меньшая дочь полковника Калена. Черезъ 2 дня мы всѣ вмѣстѣ поѣхали въ Синолино, къ двоюродному брату Менгдена, тоже Менгдену. Эта мыза была въ 9 верстахъ отъ Голгофскаго. На дорогѣ случилось очень интересное происшествіе. Впереди всѣхъ на тройкѣ ѣхалъ генералъ Каленъ. За нимъ на парѣ я съ Левизомъ, который самъ и правилъ. За нами на парѣ рысаковъ какая-то старая барышня М-lle Colino. Она хотѣла насъ обогнать и потому приказала гнать во весь духъ. Только сани ея начали равняться съ нашими, какъ передняя лошадь бухнула въ канаву, закрытую снѣгомъ: кучеръ черезъ облучекъ, а барышня головою въ снѣгъ и ноги къ верху. Мы тотчасъ остановились и начали вытаскивать ее. Между тѣмъ на сцену эту безпрестанно наѣзжали сзади сани за нашими. Хохоту было довольно. Въ Синолинѣ послѣ обѣда начали танцовать. Полковникъ Каленъ заставилъ меня вальсировать съ старшею дочерью; я сначала отказывался; потому что у меня голова кружится; но наконецъ долженъ былъ вальсировать. Все кончилось благополучно. Каленъ подвелъ другую дочь; у меня голова кружилась уже порядочно; но долженъ былъ устушить настоятельной просьбѣ—и вальсировать. И этотъ вальсъ кончился благополучно. Вдругъ генералъ Каленъ подводитъ Тизингаузень, тетку хорошенькой Тизингаузенъ; нечего дѣлать; прошелъ и съ ней туръ; голова кружилась страшно; только мы останавливаемся, какъ вдругъ толстой синолинской Баронъ, вальсируя не помню съ кѣмъ-то, хватилъ меня въ спину своей задницей, такъ что я повалился со своей дамой. Разумѣется, все кончилось смѣхомъ,—и Калены безпрестанно твердили мнѣ объ старушкѣ. Изъ Синолина ѣздили мы на мызу къ Цейману, а послѣ къ Тизингаузену. Все время проводили весело; танцовали, катались, пили и ѣли. Возвратясь во Псковъ, я жилъ попрежнему, довольно скучно.

Между тѣмъ я получилъ уроки: у дивизіоннаго генерала Розена—училъ сына, и еще ссыльнаго полика Адама Гуровскаго, лицо замѣчательное во время Польской Революціи. Уроки эти получилъ вотъ по какому случаю. Передъ Рождествомъ былъ у насъ акгъ. Я читалъ сочиненіе—о состояніи Русской литературы во второй половинѣ XVIII и въ началѣ XIX ст. Сочиненіе это произвело сильное впечатлѣніе на слушателей. Тотчасъ же старый вице-губернаторъ Деле-

нѣмъ подошелъ ко мнѣ и просилъ быть съ нимъ знакомымъ. Розенъ и Гуровскій просили давать уроки: первый—сыну, а второй себѣ. У Розена старшая дочь Ольга—была очень хорошенькая; впрочемъ я не имѣлъ на нее никакихъ видовъ. Квартира моя въ это время была уже около Покровской башни, недалеко отъ Баторіева пролома, на берегу Великой. У насъ былъ прекрасный садъ.

Кончились экзамены; за мной и за Менгденомъ присланы были лошади—цѣлая четверня съ бричкой. Я былъ въ восторгѣ. Лифляндія чрезвычайно нравилась мнѣ. Поѣздка эта у меня описана; я выбираю изъ прежняго описанія только то, что больше интересно.

Мы отправились 21 Іюня, въ четвергъ, въ 9-мъ часу вечера. Надобно признаться, что я отправлялся въ Лифляндію съ такими же чувствами, съ какими, бывало, отправлялся домой изъ Петербурга. Разнообразіе впечатлѣній,—другая природа, другія лица, другіе обычаи, радушный пріемъ въ семействѣ, которое считало меня почти своимъ родственникомъ,—вотъ что ожидало меня впереди. Менгденъ, когда мы усѣлись, сказалъ: *брупстъ*, т. е. поѣзжай,—и мы выѣхали со двора. Съ громомъ катились мы по Псковской мостовой. Студитскій и Барановскій галопировали верхами. (Студитскій держалъ въ это время пару лошадей: одну изъ нихъ онъ купилъ у меня; потому что не задолго до этого я выигралъ лошадь въ лотереѣ; но какъ самъ былъ не охотникъ до лошадей, то и продалъ ему.) Когда выѣхали за городъ, солнце закатилось; воздухъ сдѣлался свѣжѣе: мы остановились у Печерской часовни, въ полуторѣ верстѣ отъ заставы. Часовня эта древняя. На стѣнѣ виситъ картина, аршина 2½ въ длину, изображающая осаду Пскова Баторіемъ. Работа лубочная. Больше нѣтъ здѣсь никакихъ украшеній. Мы надѣли шинели, простились со Студ-мъ и Бар-мъ и пустились далѣе. Сумерки располагаютъ всегда къ мечтамъ и откровеннымъ разговорамъ. Каждый изъ насъ началъ припоминать и разсказывать былое. Наконецъ Менгденъ—удивительный соня, человѣкъ безъ царя въ голофѣ—скоро задремалъ. Тогда я могъ свободно сосредоточиться изъ самомъ себѣ. Золотой рогъ луны прорѣзался на горизонтѣ, и навелъ фантастическій свѣтъ на безмолвную окрестность. Впрочемъ равнины Псковскія очень и даже очень не живописны. Дорога прямолинейно тянется по необозримой степи, упираясь концемъ своимъ въ горизонтъ: ѣдешь версту, ѣдешь другую—одна и та же картина, ѣдешь десять верстъ—и нѣтъ никакой перемѣны ни въ очеркахъ, ни въ краскахъ. Рѣдко покажется какой нибудь лѣсокъ, и еще рѣже какая нибудь деревенька. Слухъ идетъ, что на этихъ равнинахъ было множество деревень, да жители ихъ разбѣжались: а отъ чего? неизвѣстно.

Передъ разсвѣтомъ показалась Изборская крѣпость. Она построена на высокой горѣ; архитектура ея такая же, какъ и архитектура стѣнъ и башенъ Пскова. Вся она выстроена изъ известковаго плитняка; стѣны безъ зубцовъ; нѣкоторыя башни

полуразвалились. Мы въѣхали въ деревеньку, состоящую изъ длиннаго ряда плохихъ домишковъ, и расположенную вокругъ подошвы горы, на которой стоитъ крѣпость. Эта-то деревенька и называется заштатнымъ городомъ Изборскомъ. Остановились у дьякона. Покамѣстъ грѣли самоваръ, я выспался въ бричкѣ. Послѣ чаю пошелъ на курганъ, находящійся въ полѣ позади дьяконскаго дома; и срисовалъ отсюда видъ Изборской крѣпости. Осматривать крѣпость было некогда. Впрочемъ дьяконъ разсказалъ, что всѣ лѣстницы въ стѣнахъ развалились, своды подземныхъ ходовъ обрушились,—и слѣд. нечего было и любопытствовать. Кромѣ того, дьяконъ разсказалъ еще, что Ст. Баторій стоялъ подъ Изборскою крѣпостію 7 лѣтъ, что осажденные вынесли наконецъ на башню образъ Божіей Матери, что Она осѣнила Короля и навела на него такой страхъ, что онъ бѣжалъ безъ оглядки, что воеводы Русскіе напали на бѣгущія толпы непріятелей и совершенно разбили ихъ. Вѣдный Баторій! подумалъ я,—глупой дьяконъ такъ безсмысленно питаетъ славную память твою!

Выкормивъ лошадей, мы отправились въ путь. Миновавъ заставу или—вѣрнѣе сказать—послѣдній огородъ, мы очутились въ чистомъ полѣ. По обѣимъ сторонамъ дороги лежитъ множество камней, одинъ подлѣ другаго. На нѣкоторыхъ изъ нихъ укрѣплены небольшіе кресты изъ гранита. Вѣроятно, во время оно тутъ было кладбище. Посрединѣ возвышается бѣлая каменная часовня, съ рѣзными дверьми и съ двумя окошками. Предпріе говоритъ, что она выстроена на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ погребенъ Труворъ. Разумѣется, это надоръ!

Въ Изборскомъ природа видимо перемѣняется. Свѣжая зелень лѣсовъ пріятно поражаетъ взоръ, утомленный однообразною желтизною песковъ Псковскихъ. Кое-гдѣ вьются рѣчки, и черезъ нихъ живописно переброшены мостики. Погода была прекрасная, лошади бѣжали дружно,—и мы весело доѣхали до *Нейгаузена*.

Нейгаузенъ теперь ничто иное какъ почтовая станція; только характеръ ея совершенно нѣмецкій. Это прежде всего можно замѣтить по столбу, на которомъ написано: von Pskow 75; von Riga 244. Потомъ вы подъѣдете къ большому деревянному дому, выкрашенному синесѣрою краскою. Передъ окнами разсажены цвѣты съ нѣмецкою аккуратностію. По широкой лѣстницѣ, усыпанной бѣлымъ пескомъ, вы войдете въ свѣтлыя сѣни. Здѣсь двѣ двери: въ право или въ лѣво пойдете вы—все равно; потому что весь домъ дѣлится на двѣ совершенно одинаковыя половины. Мы вошли въ правую половину. Кучеръ внесъ за нами корзину съ съѣстными припасами. Обѣдъ кончился живо: дичина и пироги исчезали какъ на огнѣ. Я закурилъ трубку и отправился гулять. Сойдя съ крыльца и миновавъ палисадникъ, я забылъ, что нахожусь на почтовой станціи, и перенесся мысленно въ Швейцарію. Въ самомъ дѣлѣ мѣстоположеніе здѣсь обворожительно. Маленькая рѣчка, раздѣляясь на множество рукавовъ, гремитъ между живописными горами. Орѣшникъ и липы зеленѣютъ по крутымъ берегамъ ея. На одной горѣ,

очень крутой и высокой, торчатъ развалины замка. Придерживаясь за кусты, я взѣлся съ Менгденомъ взобрался наверхъ. Съ этой стороны, т. е. съ западной, стѣна и объ башни сохранились еще довольно хорошо. Во внутренности стѣны сохранились еще остатки узенькихъ лѣстницъ. Внутренность же башенъ не представляетъ ничего замѣчательнаго: все обрушилось, или уже готово обрушиться. Подъ башнями есть какіе-то погреба, но спуститься въ нихъ нельзя. Мысленно только бродилъ я по этимъ темнымъ ямамъ, видѣлъ и слышалъ тамъ кое-что, но ... не ручаюсь за истину! Говорятъ, нѣсколько латышей спустились однажды въ одинъ подвалъ по веревочной лѣстницѣ, нашли тамъ много серебреной посуды и другихъ вещей; но правительство запретило дѣлать подобные поиски; потому что искатели этихъ, такъ называемыхъ, кладовъ, роясь подъ стѣнами, разрушаютъ мало по малу древность. Съ сѣверной стороны торчитъ только половина башни, а стѣны нѣтъ и въ поминѣ. На восточной и южной сторонѣ вмѣсто стѣнъ и башенъ лежитъ только огромная куча камней. Мальчишки для забавы скатываютъ ихъ въ низъ. Съ полчаса бродили мы по развалинамъ. Скажутъ: „вотъ прекрасный случай помечтать и написать нѣсколько Байроновскихъ куплетовъ!" Правда, но здѣсь не было ни луны, ни звѣздъ, а солнце жгло такъ сильно, что у меня разболѣлась голова.... Вотъ и поэзія!

По южному склону горы мы сошли внизъ. Здѣсь рукава рѣчки, переплетаясь между собою, образовали множество острововъ. Лингардтъ—владѣлецъ Нейгаузена—развелъ здѣсь садъ. Утомленные и дорогою, и жаромъ, мы легли подъ тѣнью липы и заснули подъ шумъ рѣчки. Блѣдные овецъ и барановъ разбудило меня. Смотрю, цѣлое стадо этихъ невинныхъ созданій лежитъ кругомъ меня. Вотъ прекрасная картина! Для полноты ея недоставало только пастушки. Я взглянулъ на часы: ровно шесть. Мы поспѣшили на станцію. Лошади давно уже были запряжены, и кучеръ ожидалъ насъ.

До корчмы Земерсгофъ, гдѣ мы располагали ночевать, считается отсюда 22 версты. Мы думали пріѣхать туда къ закату солнца. Тѣмъ; лошади бѣгутъ довольно скоро; кучеръ безпрестанно хлопаетъ бичемъ. Погода прекрасная: жаръ спалъ значительно; прохладный вѣтерокъ повѣялъ съ полуночи. Мы углублялись болѣе и болѣе въ средину Лифляндіи и почти ежеминутно встрѣчали новыя картины. Большія, красивыя горы и густые липовые лѣса услаждали зрѣніе. Мы часто выходили изъ брички: множество земляники, разсыпанной по пригоркамъ, соблазнитъ хоть кого. Наконецъ солнце опустилось уже довольно низко. Вечеръ дохнулъ свѣжо и благовонно. Кучеръ напѣлъ съ своимъ маленькимъ товарищемъ, мальчикомъ лѣтъ 10, который исправлялъ должность лакея, нѣсколько по-латышски священныя лютеранскія пѣсни. Долго прислушивался я къ этимъ заунывнымъ звукамъ и рѣшилъ, что наши православные гимны гораздо музыкальнѣе. Навстрѣчу попадалось намъ множество Латышей. Лошади ихъ были наряжены изъ

рогатые нѣчники, сплетенные изъ березовыхъ и липовыхъ прутьевъ. Это было для меня ново и смѣшно. Мнѣ объяснили, что Латыши всегда наряжаютъ такъ лошадей своихъ въ канунъ Иванова дня—самаго большаго ихъ праздника.

Но вотъ и Земерсгофъ. Мы остановились. Кучеръ пошелъ на крыльцо корчмы, переговорилъ съ какимъ-то высокимъ, усатымъ Латышемъ, покачалъ головой, развелъ руками, и подойдя къ бричкѣ объявилъ М-ну, что надобно ѣхать еще 15 верстъ до Маріенбурга; потому что здѣсь нѣтъ ни сѣна, ни овса. Мнѣ очень не понравилось такое извѣстіе: я хотѣлъ быть въ Маріенбургѣ не иначе какъ утромъ, чтобы осмотрѣть развалины. Но дѣлать нечего: завернулся въ плащъ и задремалъ.... Просыпаюсь—свѣтло; смотрю на часы: ровно пять. Съ ними крестная сила! неужели все еще не проѣхали этихъ 15 верстъ.—„Куръ верстъ Маріенбургъ?" спросилъ я кучера. Онъ усмѣхнулся только, и хлопнулъ бичемъ.... Я думалъ, что онъ не понялъ моего Латышскаго языка, и потому разбудилъ М. Но и М-ну кучеръ далъ тотъ же отвѣтъ. Между тѣмъ, покамѣстъ мы соображали и догадывались—что бы это такое значило, передъ глазами нашими развернулась знакомая картина. На правой сторонѣ дороги стояла большая корчма, нѣлѣво вверхъ по склону горы тянулась липовая аллея и на концѣ ея двухъ-этажный каменный домъ. Я тотчасъ узналъ *Зельтингофъ*, мызу генер. Калена, но все еще не хотѣлъ вѣрить глазамъ. Отъ Нейгаузена до Зельтингофа ровно 70 верстъ, и мы проѣхали это пространство не корма; потому что въ Маріенбургѣ также не нашли сѣна. Я былъ радъ и не радъ такому—можно сказать—Парнасскому иноходцу нашихъ лошадей. Радъ потому, что теперь оставалось только 20 верстъ до Голгофски, а не радъ потому, что не видалъ Маріенбурга. На возвратномъ пути я былъ счастливѣе: покамѣстъ перепрягали лошадей, я успѣлъ срисовать видъ Маріенбургской крѣпости. Она расположена на островѣ не широкаго, но длиннаго озера. Стѣны и башни въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уже повреждены; видъ ихъ такой же, какъ и Псковскихъ. На противуположномъ берегу видна красивая мыза Барона Фитингофа. Но это было отступленіе.—Мы подъѣхали къ корчмѣ Зельтингофской и расположились отдыхать. Теперь можно поговорить на счетъ о Лифляндскихъ корчмахъ. Это просто длинный одноэтажный домъ, сдѣланный изъ прутьевъ и глины, покрытый или черепицею или соломою. Стѣны снаружи вездреваты какъ губка. Съ наружной стороны придѣлано нѣчто вродѣ галлереи на столбахъ, съ деревянною крышей; это такъ, для прохлады въ жаркіе дни. Крыльцо придѣлано также снаружи между тѣхъ и третьимъ окномъ. Вы войдете прямо въ большую комнату, выстланную известковымъ плитникомъ и усыпанную пескомъ. Подлѣ передней стѣны, черезъ всю комнату тянется столъ, и по обѣимъ его сторонамъ скамейки. Здѣсь обѣдаютъ проѣзжіе крестьяне. Для нашего брата есть особенная комната, налѣво. Тамъ есть и кровать, и постель: все опрятно и чисто. Семейство корчмаря живетъ въ задней половинѣ дома. Въ

задней стѣнѣ большой комнаты вы увидите не дверь, а половину двери,—т. е. одна только нижняя часть ихъ отворяется, а верхней вовсе нѣтъ. Эта половина дверей служитъ стойкою, за которою сидитъ хозяинъ. Если вамъ хочется пить, подойдите къ стойкѣ и скажите: „дотъ манъ бутель алѣсъ?“ (Дай мнѣ бутылку пива.) Корчмарь скажетъ: „я, я,“—и тотчасъ принесетъ изъ погреба бутылку (такую точно, въ какихъ продается у насъ малага), оботретъ ее фартукомъ, потянетъ за паклю, свернутую веревочкой и вбитую въ горлышко вмѣстѣ съ пробкою, пробка хлопнетъ, и довольный хозяинъ, проговоривъ громко: „либе алѣсъ“, (хорошее пиво) нальетъ стаканъ. Вы выпьете его съ большимъ удовольствіемъ; потому что Лифляндское пиво имѣетъ хорошій вкусъ. Бутылка стоитъ 10 копѣекъ. Крестьянское пиво продается не бутылками, а кружками: оно нѣсколько похуже. Вотъ маленькое понятіе о Лифляндской корчмѣ. Всѣ онѣ строятся на одинъ образецъ. Спало быть это не то, что наши постоялые дворы, гдѣ все гадко и нечисто, а деньги берутъ славно. Между тѣмъ въ корчмѣ за хорошую постель берутъ только 20 коп., за самоваръ тоже 20 к.

Итакъ я сказалъ, что мы пріѣхали въ корчму Зельтингофскую. Знакомый Латышъ встрѣтилъ насъ на крыльцѣ. Мы узнали отъ него, что Калена нѣтъ дома: онъ уѣхалъ въ Синолино. Мы вошли въ комнату, хотѣли было пить чай, но не нашли ни самовара, ни чашекъ. Нечего дѣлать! Я сѣлъ подъ окно. Сегодня Ивановъ день. Передъ окнами корчмы стоитъ кирха. Къ ней толпами собирался народъ: мужчины и женщины садились на лужокъ, въ ожиданіи пастора; а дѣти играли вокругъ нихъ. На головахъ у мужчинъ были маленькія шляпы съ широкими полями; коротенькій камзолъ покрывалъ станъ; изъ полъ него видны были штаны до колѣна, а далѣе чулки, переплетенные тесемками, прикрѣпленными къ башмакамъ. Длинные волосы ложились опущены до плечъ. На шеѣ выпущенъ воротничекъ рубашки. Галстуковъ и бородъ нѣтъ. Головы женщинъ закутаны въ платки, подвязанные у подбородка, а сверху надѣты высокія мужскія шляпы. На плечахъ шерстяная шаль голубаго или бѣлаго цвѣту. Потомъ что-то вродѣ шугая съ пуговицами напереди и съ карманами на бокахъ. Нѣкоторые, усѣвшись въ кружокъ, пѣли духовныя пѣсни. Надобно знать, что въ Лифляндіи при каждой кирхѣ есть училище: кистеръ учитъ Латышей Закону Божію и нѣмію.— Покамѣстъ лошади отдыхали, мы долго гуляли по окрестностямъ Зельтингофа. Садъ былъ запертъ, а ключъ не знали у кого спросить. Впрочемъ въ это время (въ послѣднихъ числахъ Іюня) садъ еще не очень интересенъ: потому что фрукты не созрѣли.

Въ 10 часовъ выѣхали мы изъ Зельтингофа. Здѣсь дорога идетъ по горамъ, и потому ѣзда очень затруднительна: надобно безпрестанно выходить изъ экипажа. Зато веселю для глазъ! Вотъ наконецъ, поднявшись на одну гору, мы увидѣли вдали широкой садъ и при немъ знакомый домъ; голубой флагъ поло-

скался въ воздухѣ.... Вотъ и Голгофское! Чрезъ полчаса мы были у крыльца. Латыши и Латышки начали обѣгаться со всѣхъ угловъ мызы, чтобы поздороваться съ своимъ *jungmuischa* (молодой баринъ). Они цѣловали руку сперва М., а потомъ мою, и мы говорили каждому: *labbe diena* (добрый день). На крыльцѣ встрѣтило насъ очень толстое существо, съ ключами въ рукахъ и въ огромномъ чепцѣ. Послѣ длиннаго нѣмецкаго привѣтствія и тяжелаго книксена, она отрекомендовала себя экономкою, сказала, что оставлена здѣсь только до нашего пріѣзда, и что имѣетъ съ нами должна ѣхать къ морю. Мы попросили приготовить обѣдъ. Итакъ надежды мои лопнули! Кучеръ дорогою говорилъ намъ, что новая экономка—очень миленькая француженка.... а теперь я увидѣлъ, что это просто толстая нѣмка.

Въ ожиданіи обѣда мы жестоко поѣдали въ саду ягоды, а послѣ обѣда гуляли въ лѣсу и катались въ лодочкѣ по маленькой рѣчкѣ, которая протекаетъ здѣсь. Часу въ 6-мъ переодѣлись и поѣхали въ Синолино, въ 9 в. отъ Голгофски, къ Эрнесту Менгдену, двоюродному брату Бориса Менгдена, Голгофскаго Барона. Передъ корчмой въ 2 вер. отъ мызы мы встрѣтили всѣхъ синолинскихъ дамъ, съ ними былъ и самъ Баронъ—мужчина вершковъ 10 ростомъ, въ бѣломъ сюртукѣ, съ черными усами, въ огромной шляпѣ,—и генер. Калень—также въ бѣломъ сюртукѣ, съ маленькими усами и съ сигарою въ зубахъ. Всѣ они встрѣтили меня очень радостно. Калень тотчасъ спросилъ: „ну что, Ник. Ив-чь, а вальсъ махнете? Я опять подведу къ вамъ старуху: хватите ее о печку, пусть же помнитъ, старая вѣдьма!“ Цѣлую дорогу, пока шли къ дому, хохотали вспоминая былое. Самоваръ уже кипѣлъ на столѣ, когда мы вошли въ столовую. На диванѣ сидѣлъ сѣдой сѣдѣнецъ, въ коричневомъ сюртукѣ, и разговаривалъ съ какой-то старушкой. Синолинскій баронъ отрекомендовалъ ему меня. Сѣдѣнецъ всталъ съ мѣста, обнялъ меня и поцѣловалъ. Это былъ родной дядя по отцу Бориса Менгдена. Онъ служилъ въ кирасирахъ подъ начальствомъ Потемкина и Суворова, былъ подъ Очаковымъ и Измаиломъ, ослѣпъ еще въ молодыхъ лѣтахъ, и съ тѣхъ поръ живетъ въ своей мызѣ, недалеко отъ Валька. Вечеръ провелъ я весело. Калень по обыкновенію шутилъ безпрестанно. Передъ закатомъ солнца, Баронъ далъ мнѣ прекрасную кобылку, и я прокатился на ней до корчмы и назадъ. Послѣ ужина, часу въ 12, мы возвратились въ Голгофское.

На другой день, уже поздно утромъ, мы снарядились въ дорогу. Я съ М. сѣлъ въ задокъ брички; экономка помѣстилась впереди, а ея огромная желтая шляпка качалась на шнурѣ въ среднѣ брички. Прикащикъ поцѣловалъ у насъ руки, сказалъ: „ардіево“, (съ Богомъ)—и мы поѣхали. Я съ любопытствомъ смотрѣлъ на окрестности. Садъ, корчма, латышскія избы проѣзжали мимо брички; передъ глазами открылась равнина и по ней въ отдаленіи тянулась цѣпь горъ, увѣнчанныхъ лѣсомъ. Впереди на самомъ краю горизонта сіялъ золотой пѣтухъ

нѣмецкой кирхи. Лѣвѣе вилась черная черта деревъ, оканчивающаяся домомъ. Это *Адлеймъ*,—мыза Тизингаузенъ. Кое-что шевельнулось въ сердцѣ, кое-что мелькнуло въ головѣ; но мы повернули направо, и картина перемѣнилась. Мы опять должны были подниматься съ горы на гору; то взѣзжать въ орѣховый лѣсокъ, то выѣзжать на берегъ какого-нибудь озера, которыхъ здѣсь очень много. Живописныя мызы (нѣк-я изъ нихъ принад. Шереметьеву) развертывались здѣсь и тамъ. Солнце горѣло высоко. Вѣтеръ чуть-чуть вѣялъ съ долины; только одинокій жалкій крикъ, не знаю какой-то птицы, раздавался съ сосѣдняго озера. Латыши говорятъ, что нѣкогда въ этомъ озерѣ потонулъ ямщикъ, заѣхавъ въ потемкахъ въ воду. Душа его превратилась въ птицу, которая съ тѣхъ поръ всегда, завидя проѣзжаго, летитъ за экипажемъ и кричитъ на птичьемъ языкѣ: держи правѣе, чтобы предостеречь неосторожнаго отъ подобной участи. Въ самомъ дѣлѣ, эти птицы летѣли всегда параллельно съ экипажемъ и кричали очень жалобно. Между тѣмъ толстая экономка болтала безъ умолку; пересказала, кажется, все, что случалось съ ней и съ ея родными въ жизни, и все это сопровождала жестами. Я, разумѣется, не слушалъ: потому что худо понималъ по-нѣмецки; а товарищъ мой безъ церемоніи спалъ. Въ 2 часа мы остановились у корчмы *Дегли*. Я закурилъ трубку и пошелъ гулять; но окрестность здѣсь самая прозаическая: плетеный огородъ, два-три крестьянскихъ домика, и за ними небольшой перелѣсокъ. Кругомъ равнина. Я ходилъ назадъ и впередъ по дорогѣ до тѣхъ поръ, пока старая экономка показалась на крыльцѣ и пригласила къ обѣду. Послѣ обѣда сидѣлъ на крыльцѣ и курилъ трубку, наблюдая проѣзжихъ и прохожихъ. Они быстро неслись въ каретахъ: ловкаго въ пѣшѣ, кучера и лакея въ пыли; изъ окна выглянетъ какая-нибудь черноглазая головка, моргнетъ раза два и улетитъ.... Другіе тащились съ котомками за спинами, съ палками въ рукахъ. Они подходили къ корчмѣ и ложились въ тѣни на лужокъ. Какая-то слѣпая старуха сидѣла на нижней ступенькѣ крыльца и что-то самымъ жалостнымъ голосомъ распѣвала по-латышски. Меня даже изъ тоску бросило.

Въ 5 часовъ мы снова пустились въ путь. Толстая экономка, къ счастію, на этотъ разъ была не такъ говорлива: вѣроятно ее укачало, такъ что нѣкую станцію она дремала, стукая головой о бричку. Дорога шла по горамъ, въ темномъ лѣсу. При каждомъ подъемѣ на гору я выходилъ изъ кареты и отъ нечего дѣлать разговаривалъ съ кучеромъ, который понималъ немного по-русски (изъ Г. насъ везъ другой кучеръ), потому что бывалъ нѣсколько разъ во Псковѣ. Отъ него узналъ я, что лошади наши назывались всѣ русскими именами: Принцесса, Дашка, Ванька и Машка. Солнце сѣло; кое-гдѣ показались звѣзды; лѣсъ часъ отъ часу рѣдѣлъ и рѣдѣлъ. Въ половинѣ 10 мы подъѣхали къ корчмѣ *Дростенгофъ*. Она стоитъ на высокомъ холмѣ. Передъ ней разстилается маленькое озерко, или—вѣрнѣе сказать—огромный прудъ; на противуположномъ берегу рощи; а

изъ-за рощи показывается большой домъ. Это мыза Барона Вольфа. Я вышелъ изъ брички. Нѣсколько Латышей, стоявшихъ на крыльцѣ, почтительно сняли шляпы, подошли и поцѣловали у меня руку. Я не зналъ, что это значитъ; но М., поговоривъ съ ними, объяснилъ мнѣ, что они приняли меня за пастора, потому что я былъ въ длинномъ бекешѣ и съ длинными волосами. Мы вошли въ корчму. Множество Латышей ужинало за длиннымъ столомъ, и передъ каждымъ стояло по кружкѣ пива. Корчмарь встрѣтилъ насъ привѣтствіемъ: *labb vakarr* (добрый вечеръ) и ввелъ въ особенную комнату. Послѣ легкаго ужина, мы улеглись спать; а экономку отправили въ бричку. Но Барону моему не спалось: вечеромъ онъ видѣлъ у одного Латыша пару пистолетовъ и нашелъ—несомнѣнные признаки, что это разбойникъ, что ночью перерѣжетъ насъ и пр. и пр. Я долго смѣялся надъ малодушнымъ страхомъ моего ученика, и насилу могъ уговорить его спать.

Утромъ мы встали вмѣстѣ съ солнцемъ, напились кофе и отправились далѣе. Ученикъ мой сообщилъ свои вчерашнія опасенія толстой экономкѣ. Та обрадовалась новому предмету разговора, и разсказала столько ужасовъ, сколько не знала и сама Мадамъ Радклифъ. Отъѣхавъ 15 верстъ, мы остановились подлѣ одной небольшой деревеньки, чтобы дать время лошадямъ перевести духъ; потому что теперь до самаго Ронебурга, на разстояніи 3 верстъ, дорога идетъ въ гору по песку. Желая поскорѣе увидѣть развалины Ронебургскаго замка, я закурилъ трубку и пошелъ впередъ пѣшкомъ.

Было 7 часовъ утра. Солнце грѣло порядочно. Самымъ скорымъ шагомъ поднимался я на гору; по обѣимъ сторонамъ дороги тянулся густой лѣсъ. Наконецъ онъ кончился. Я очутился на вершинѣ высокой горы; саженяхъ въ 150 отъ меня, напрало отъ дороги, торчали развалины замка, на крутомъ утесѣ. Густой зеленой кустарникъ прикрывалъ основаніе ихъ. Замокъ выстроенъ въ видѣ параллелограмма, съ окнами въ два ряда; крыши, потолковъ, половъ и рамъ нѣтъ; но стѣны цѣлы. Цекатурка уже обвалилась, и потому онѣ кажутся теперь темно-красными; въ пустыхъ окнахъ растетъ высокая трава и маленькія деревья. Весь домъ обнесенъ былъ нѣкогда стѣною съ башнями; теперь же все это развалилось. Въ долинѣ противъ замка стоитъ красиво выстроенная кирха: а недалеко отъ ней корчма, обнесенная липами. Противъ нее 5 или 6 шатровъ и нѣсколько балагановъ. Народу множество; всѣ въ праздничныхъ костюмахъ; говоръ, пѣсни, пляска, музыка.... Это латышская ярмарка. По узенькой тропинкѣ я спустился внизъ. Въ шатрахъ сидятъ мелочные торгаши; въ балаганахъ торгуютъ сукномъ, ситцами, бумажными матеріями. Жидъ играетъ на гуслихъ; маленькой жиденокъ бьетъ въ бубенъ, а сестра его—въ трехъугольникъ. Нѣсколько Латышей и Латышекъ танцуютъ кадриль, нѣсколько похожую на Русскую; старики сидятъ на лугу, любуясь на молодежь. Въ сторонѣ Латышки, стоя въ кружкѣ, поютъ однозвучныя свои

пѣсни. Скучны ихъ пѣсни: ни разгулья удалаго, ни сердечныя тоски. Я обошелъ ярмарку, и потомъ по усыпанной пескомъ дорожкѣ поднялся на гору, которая возвышается за корчмой. Эта гора называется Горою Іоанна Грознаго. Она насыпная. Иванъ Васильевичъ устраивалъ на ней батареи, чтобы стрѣлять по замку. Теперь на ней разведенъ садъ, и сдѣланъ павильонъ. Отсюда я снялъ видъ замка. Между тѣмъ спутники мои подъѣхали, и мы расположились завтракать. Послѣ завтрака я осмотрѣлъ гору. Она сади образуетъ высокую скалу. У подошвы шумитъ маленькая рѣчка. Внизъ можно спускаться по деревяннымъ ступенямъ. Тамъ видъ самою водою есть много пещеръ изъ твердомъ песчаномъ грунтѣ скалы. Неизвѣстно, вода рѣчная или рука человѣческая образовала ихъ. Нѣкоторыя пещеры очень живописны. Владѣтель замка и его окрестностей—Баронъ Вольфъ—мало заботится объ отдѣлкѣ своего имѣнія. А между тѣмъ такое мѣстоположеніе, при небольшой помощи со стороны человѣка, могло бы представить удивительные предметы для кисти живописца.

Отъ Ронебурга 20 верстъ до Венденъ. Мы ѣхали скорою рысью, и во 2-мъ часу въѣхали въ городъ. Съ перваго взгляда можно уже узнать, что это Нѣмецкій городъ: во всемъ размѣренность, аккуратность, чистота. Небольшіе, но красивенькіе домики держатся въ возможной опрятности. Мы остановились въ трактирѣ. Намъ отвели очень чистенькую комнатку. Пообѣдавъ и отправился осматривать замокъ. Надобно только выйдти на крыльцо трактира, пройдти черезъ дворъ, и вы очутитесь на дворѣ Графа Сиверса. Отсюда рѣшетчатыя ворота проведутъ васъ въ садъ,—и замокъ, какъ баснословный великанъ, предстанетъ предъ вами во всей своей страшной паготѣ. Миленькая, какъ слезѣшній съ неба херувимъ, лѣтъ 10 дѣвочка сидѣла у дверей одной башни, которой гигантская тѣнь давала ей прохладу, и плела вѣнокъ. Я спросилъ ее: гдѣ смотритель замка? Серебренный голосокъ дѣвочки зазвучалъ по саду и изъ сосѣдней сплетенной изъ прутьевъ будки вылѣзъ старикъ бѣлый, какъ лунь, въ сѣромъ камзолѣ, въ коротких штанахъ, чулкахъ и башмакахъ. Я попросилъ его отперетъ замокъ. Старикъ вынулъ изъ кармана связку ключей и сказалъ, чтобы мы шли одни; потому что ему трудно таскаться по крутымъ лѣстницамъ. Я поблагодарилъ старика двугривеннымъ и отправился одинъ. Венденскій замокъ менѣе другихъ разрушенъ: лѣстницы и комнаты сохранились, многія даже нисколько не повреждены. Простѣнки въ окнахъ загнуты такъ, что свѣтъ въ комнату входитъ не прямо, а отраженный, и потому во всемъ замкѣ очень мрачно. Зала, гдѣ бывали главныя собранія рыцарей, сохранилась менѣе другихъ: потолокъ цѣлъ, онъ выкрашенъ пунцовой краской и перечерченъ узенькими бѣлыми полосками; полколонны торчитъ изъ одной стѣны. Въ полуразвалившихся простѣнкахъ видны потаенныя лѣстницы. Полы сдѣланы уже недавно новые. Оконъ нѣтъ; только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ есть желѣзныя рѣшетки. Весь домъ представляетъ видъ креста.

Со средней башни видѣнъ весь городъ и въ полуверстѣ отъ него живописная развалина Екатерининской церкви. Стѣна кругомъ замка почти уже развалилась. Дворъ поросъ березникомъ; въ окнахъ трава; а по стѣнамъ мохъ. Кругомъ всего замка садъ Сиверса. Замокъ на горѣ, и обведенъ рвомъ. На возвратномъ пути во Псковъ я видѣлъ Венденскій замокъ въ ясную ночь, при свѣтѣ луны и звѣздъ.

Дорога за Венденомъ очень живописна: она идетъ между горами, изрѣдка перегородитъ вамъ путь гремучая рѣчка съ красивымъ мостикомъ; или разверзется въ сторонѣ густой садъ съ бесѣдками и изъ за него поднимется высокій домъ съ флагомъ и гербомъ. Къ закату солнца мы подъѣхали къ корчмѣ *Орелѣ*, которая стоитъ почти у подошвы очень живописной горы *Германъ-Берге;* сажениахъ въ 50 отъ ней разстилается озеро. У крыльца прибита доска, съ надписью на Латышскомъ языкѣ: „Корчмарь Крауль—закадышный другъ всякаго, кто заѣзжаетъ къ нему". Миленькая Латышка, какихъ не встрѣчалъ я во всю дорогу, встрѣтила насъ на крыльцѣ. Это была жена корчмаря. Пока готовили ужинъ, я сидѣлъ на крыльцѣ и курилъ трубку. Солнце закатилось. Воздухъ былъ прохладенъ и благовоненъ. Озеро курилось прозрачнымъ туманомъ. На небѣ кое-гдѣ мелькнули звѣзды. Корчмарь, въ коротком камзолѣ, босикомъ, пришелъ съ озера съ цѣлою корзиною рыбы. Хорошенькая жена его выѣзжала навстрѣчу, приняла ношу и подлѣ крыльца начала чистить рыбу. Я могъ свободно любоваться ею.....

Рано утромъ поднялись мы съ ночлега, и къ полудню обѣду пріѣхали въ Пабѣлгъ. Здѣсь ожидало насъ семейство Барона: они живутъ въ Пабѣлгѣ только нѣсколько дней, проѣздомъ къ морю. Баронъ и Баронша приняли насъ съ восторгомъ; цѣлый день поили и кормили на убой. Передъ вечеринкомъ чаемъ ѣздили въ лодкѣ черезъ озеро, кот-е разстилается за домомъ. Тамъ есть прекрасныя мѣста для купанья. Вечеръ провели въ бесѣдкѣ на берегу озера. Слѣдующій день прошелъ въ прогулкахъ и приготовленіяхъ къ отъѣзду. До моря отсюда 7 верстъ; но на вечерней зарѣ, при сильномъ вѣтрѣ, мы долго слушали громовой шумъ его. На слѣдующій день Баронъ ухалъ впередъ, чтобы приготовить все къ нашему пріѣзду. Мы отправились послѣ обѣда. Я съ Баронней помѣстился въ коляску, въ ногахъ у насъ сѣла горничная; а ученикъ мой поѣхалъ верхомъ. Скоро я услышалъ шумъ, похожій на отдаленное паденіе водопада, и чѣмъ дальше ѣхали мы, тѣмъ шумъ этотъ становился ясніе. Наконецъ явственно уже началъ я различать плескъ волнъ. Дорога повернула влѣво, съ правой стороны тянулись невысокія обнаженныя горы, и слышно было, что въ нихъ-то и плещетъ море. Я часто приподнимался, но не могъ ничего видѣть. Вотъ мы въѣхали наконецъ въ лѣсъ; черезъ ½ часа онъ кончился; передъ глазами раскрылся садъ и въ концѣ его красивый деревянный домъ. Три дамы—мачиха Баронши (Гагельстремъ) и двѣ сестры барона—встрѣтили насъ на крыльцѣ. Баронъ, отрекомендовавъ меня своимъ родственницамъ, свелъ меня въ назначенную мнѣ комнату. Я только окн-

нулъ ее глазами и бросился къ морю. Поднялся на гору, которая возвышается за домомъ, и передъ глазами развернулась безграничная серебряная равнина; съ нее вѣяло чѣмъ-то чистымъ, но чрезвычайно питательнымъ. Я раскрылъ ротъ и полною грудью старался дышать этимъ воздухомъ. Ухъ, какое раздолье! Послѣ чаю я сѣлъ съ М. въ лодку къ двумъ рыбакамъ и поѣхалъ въ море. Отъѣхавъ отъ берегу версты полторы, рыбаки начали выбрасывать сѣть. Сперва отпустили вѣху, а потомъ начали выпускать сѣть саженей въ 200 для камбалы. Кончивъ это, мы возвратились къ берегу, а сѣть осталась въ морѣ до утра. Весь вечеръ прошелъ въ осмотрѣ окрестностей и въ знакомствѣ съ новыми лицами.

Мѣстоположеніе представляло всѣ удобства для жизни свободной. Морской берегъ имѣетъ сначала видъ отмели, саженей въ 15 или 20; а потомъ поднимается круто горою, саженей на 20; на вершинѣ этой горы, или—лучше сказать—валу (потому что онъ растягивается почти на версту, а въ ширину саженей 5, не болѣе) растетъ сосновый лѣсъ; съ противуположной стороны этотъ валъ довольно отлогъ и вышиною не болѣе 5 или 6 саженъ; отъ него саженяхъ въ 10 стоитъ домъ; въ промежуткѣ же между домомъ и валомъ находится кухня и еще кой-какія маленькія постройки. Съ противуположной стороны дома находится цвѣтникъ и садъ, который по обѣ стороны граничитъ съ лѣсомъ. Лѣсомъ мимо саду идетъ дорога; подъѣздъ къ дому черезъ садъ; на дорогѣ саженяхъ въ 25 отъ дому—корчма; при ней и баронская конюшня; налѣво отъ главнаго дома, на площадкахъ лѣса, довольно рѣдкаго и очень чистаго, находится нѣсколько маленькихъ домиковъ, занятыхъ разными семействами, съѣхавшимися къ морю. Въ одномъ изъ нихъ жила Гагельштремъ, мачиха Баронши, а въ другомъ сестры барона. Комната у меня была совершенно отдѣльная, лицомъ къ валу; черезъ сѣни отъ нея другая, такая же, которую послѣ заняли Каленъ и Э. Менгденъ, синолинскій Баронъ. Они пріѣхали черезъ недѣлю послѣ насъ. Послѣ еще пріѣхали Остафъ Бергъ и Роберъ Менгденъ, тоже родственникъ Барона, старые холостяки.

Жизнь моя была однообразная, но очень веселая, однимъ словомъ, въ моемъ духѣ. Утромъ, иногда часу въ 3-мъ, рыбакъ Янъ будилъ меня, и мы отправлялись съ нимъ къ морю, гдѣ ожидалъ насъ другой рыбакъ въ лодкѣ. Мы отправлялись доставать сѣти, закидываемыя съ вечера для камбалъ. Отъѣздъ версты полторы отъ берега. Море какъ зеркало. Изъ за лѣса показывается солнце; тишина мертвая: съ берегу не долетаетъ ни одинъ звукъ. Сѣть вытягиваютъ довольно долго: камбалы запутываются въ ней какъ птички. Ихъ всегда считаютъ канами. Въ канѣ 30 штукъ. На эту ловлю я ѣздилъ только въ самую тихую погоду. Въ 7 часовъ весь домъ просыпался; дамы отправлялись по звонку купаться. Въ 8 часовъ другой звонокъ. Мы, набросивъ только на плечи халаты, отправлялись къ морю. На отмели была выстроена будка, тамъ мы обрасывали халаты и

рубашки и отправлялись въ воду. Раздолье! отъ берега можно было отходить шаговъ на 400. Дно и береговая отмель состоятъ изъ самаго мелкаго песку—точно толченой сахаръ—только желтой. На купанье выходило насъ всегда почти человѣкъ 15. Крикъ, шумъ, смѣхъ. Флегма Роберъ Менгденъ, котораго всѣ называли Der Alter, смѣшилъ насъ часто до слезъ. Чистота воды морской удивительна: съ лодки на глубинѣ 2 саженей можно сосчитать каждую песчинку; у берега ходятъ милліонами какія-то маленькія рыбки, которыхъ здѣсь называютъ иголками. Ихъ ловятъ иногда мелкою сѣтью, а иногда маленькія дѣти рубахами. Всѣ камешки и на днѣ и на берегу имѣютъ округленную форму; потому что качка моря тихонько перекатываетъ ихъ по дну. Послѣ купанья мы возвращались въ комнаты и отдыхали нѣсколько минутъ, потому что чувствуешь всегда большую усталость. Послѣ легко одѣвались и гуляли по саду въ тѣни аллей. Я иногда садился въ уединенной бесѣдкѣ и читалъ Шиллера. Часу въ 11-мъ мы завтракали; а въ 12 часовъ отправлялись купаться. Послѣ купанья зарывались въ песокъ и лежали тамъ, обр. нѣсколько минутъ. Иногда же ѣздили купаться на двухъ-парусномъ яликѣ. Обѣдали часа въ два, иногда въ комнатѣ, а иногда въ сплетенной изъ хмѣлю галлереѣ, которая примыкала къ столовой. Послѣ обѣда я ложился спать; а часу въ 5-мъ опять купались. Чай пили часу въ 7, и послѣ иногда гуляли по саду и по лѣсу, а иногда съ М. я ѣздилъ кататься верхомъ. Въ 2-хъ верстахъ отъ насъ на берегу стояли лагеремъ Рижскіе кантонисты; въ 1½ верстѣ отъ нихъ была мыза Neubadt, куда съѣзжалось множество нѣмцевъ и полякевъ. Тамъ былъ хорошій трактиръ, гдѣ всѣ и мужчины и дамы обѣдали. Оркестръ музыки каждый вечеръ игралъ въ рощѣ. Молодежь на лугу играла въ волянъ. Было много хорошенькихъ. Послѣ заката солнца я любилъ гулять по берегу и слушать шумъ моря.

Но самыя лучшія купанья въ сильный вѣтеръ, когда волны гонятъ на берегъ. Ежели море расшумится съ вечера, то ночью трудно заснуть: точно пушечная пальба на берегу. Подойдешь къ берегу: море представляется снѣжною равниною, немного приподнявшеюся отъ земли; потому что видны одни только вершины валовъ. Но вольная вѣрить этой обманчивой бѣлизнѣ и глади: подъ нею скрыты милліоны челюстей, и каждая реветъ какъ голодный тигръ. Стоишь отъ воды аршина на 3; раздается громъ, и бѣлый разлинь волны съ шипѣніемъ змѣинымъ подбѣгаетъ къ ногамъ. Невольно отскочишь назадъ. Но нечего долго думать: надобно идти въ воду. Отважнѣйшіе бросаются впередъ на битву съ волнами. Когда пройдешь шаговъ 30, тогда только поймешь немного—что такое взволнованное море? Теперь стоишь уже не въ золотистой, холодной и прозрачной влагѣ; но въ какой-то жидкой и зеленоватой грязи. Глубина до колѣна; но это на одно только мгновеніе..... Надъ головою повисла водная скала, обрушилась, отгудшла страшнымъ громомъ, отбросила назадъ шаговъ на 5, и снова стоишь въ водѣ по

колѣни. А между тѣмъ съ обѣихъ сторонъ ревутъ и валятся водопады, разверзаются хляби, и видишь, какъ товарищи то исчезаютъ, то снова показываются. Иной, глядя съ горы, подумаетъ, что тутъ тонуть. Нѣмцы обыкновенно встрѣчаютъ волны слиной: упрутся ногами въ землю, закроютъ уши и носъ руками; волна затопитъ ихъ, они стоятъ; волна убѣжитъ, они повертываются, сдѣлаютъ шагъ впередъ, и снова въ прежнемъ видѣ сунутся подъ другую волну. Но я дѣлать не такъ. Я стану къ волнамъ лицомъ, сложу руки крестомъ на груди, понурю немного голову, и крѣпко упрусь правою ногою; волна обрушится, зареветъ какъ звѣрь и шатнетъ немного назадъ; но я опять впередъ и опять также встрѣчаю слѣдующую волну. Въ этой безпрерывной борьбѣ съ волнами и состоитъ все купанье. Минутъ черезъ 15 устанешь, будешь задыхаться. Но назадъ выйдти легко: стоитъ только повернуться лицомъ къ берегу, и волны погонятъ тебя рысью. Послѣ такого обѣденаго купанья за завтракомъ съѣшь столько же, сколько и за обѣдомъ. Въ такую погоду, когда волны гонятъ на берегъ, рыбаки обыкновенно ловятъ лососей. Человѣкъ 12 гребцовъ сядутъ въ большую лодку, отправляются навстрѣчу гребцамъ и начинаютъ выпускать веревку, конецъ которой на берегу привязанъ къ столбу. Веревка тянется саженей 50, потомъ начинается сѣть, длиною саженей въ 300. Когда выпустятъ половину сѣти, тогда поворачиваютъ къ берегу. На берегу стоитъ человѣкъ 15 народу. Они берутся за оба конца веревки и вмѣстѣ съ рыбаками тянутъ сѣть. Это продолжается часа два. Латышки поютъ пѣсни. Когда всю сѣть вытянутъ и вынутъ рыбу, тогда дѣвки схватятъ кого нибудь изъ молодыхъ ребятъ и бросаютъ его въ воду. Если парень довольно силенъ, то дѣвки цѣлыми кучами сыплются въ море. Крикъ, визгъ и хохотъ.

Иногда, въ тихіе вечера, мы ѣздили съ дамами кататься въ яликѣ и наслаждались великолѣпнымъ зрѣлищемъ заката солнечнаго. Нельзя было не вспомнить Бенедиктова:

Изъ за облачнаго края
Солнце, будто покидая
Пелены и колыбель,
Къ морю сладостно склонилось
И младенцемъ погрузилось
Въ необъятную купель.

Въ ту самую минуту какъ солнце юркнетъ въ море, съ крѣпости Динаминда, которая находилась отъ отъ города верстахъ въ 20, раздавался пушечный выстрѣлъ и гудѣлъ по морю. Чудесно!

Надобно упомянуть еще объ одномъ обстоятельствѣ. Въ первый вечеръ пріѣзда къ морю я подмѣтилъ одну горничную Б. Гагельстремъ. Она была Латышка, но хорошо говорила по-нѣмецки и была очень хороша собой. Я объяснился съ

нею. Она была добра ко мнѣ, и мы проводили вечера, а часто и ночи весело. Она была строга ко всѣмъ, кромѣ меня. Ее звали Леноръхенъ. Денегъ она не брала, и я никакъ не могъ ничего подарить ей. Она любила меня очень. Самъ же Б. Менгденъ, Каленъ и Бергъ старались какъ-нибудь поймать меня съ нею; потому что сами искали ея благосклонности. Много бывало очень забавныхъ сценъ. Леноръхенъ любила меня и провожая даже плакала.

Вообще Лифляндія произвела на меня такое впечатлѣніе, какого я никогда не испытывалъ еще. Природа очаровательная. Люди ласковы до nec plus ultra. Одинъ только недостатокъ довольно рѣзокъ въ нихъ: страсть говорить о своихъ предкахъ. Положимъ, что предки ихъ были великіе люди—да они-то сами гуси, и больше ничего. Напр. родъ Менгденовъ получилъ баронство отъ Христины, дочери Густава Адольфа, и былъ одинъ изъ доблестныхъ родовъ въ Лифляндіи; но нынѣшній М. нигдѣ не служивалъ, ничего не дѣлалъ.

Во Псковъ возвратился я безъ особенныхъ приключеній, по знакомой уже дорогѣ. Жилъ попрежнему, у Покровской башни вмѣстѣ съ Б. С. и М-мъ. Директоръ попрежнему глупилъ, а инспекторъ подличалъ. Чаще всего я ходилъ къ Девеле и къ Ф. Познакомился также съ Черепниной и съ Залѣсскимъ. Черепнина жила во флигелѣ; а домъ ея занималъ Ген. Беклешовъ. У него воспитывалась вмѣсто дочери Ушкова, кот-я волочилась за мной. Когда пріѣдешь къ Черепниной, Ушкова всегда ужъ пріѣжаетъ туда. Но я не волочился за ней, а просто иногда дурачился. Разъ она гадала обо мнѣ и записывала по фр. всѣ отвѣты, какіе выходили обо мнѣ. Послѣ она подарила мнѣ эту бумажку, кот-я хранится у меня и теперь.

У Ф. я познакомился съ К. Я. Она была полька, только что выпущенная изъ Павловскаго Института. Личико недурное, сама довольно ловкая,—и этого уже довольно было, для того чтобы въ сердцѣ моемъ расшевелить неутомимаго сѣса. Я былъ тогда похожъ на голодную собаку, которая бросается на все.... Странное чувство! Безъ любви у меня нѣтъ и жизни: мнѣ непремѣнно надобно думать о комъ нибудь; за недостаткомъ чего нибудь хорошаго, я готовъ находить прелестныя черты въ какой угодно нищей старухѣ.... Положимъ, что эта неутомимая жажда любви есть признакъ поэтическаго настроенія души; но все-таки она во мнѣ, кажется, ужъ черезчуръ велика.....

Итакъ дѣло скоро сладилось. Мы вполнѣ уже понимали другъ друга, хотя ни слова еще не говорили о любви. Только Б-ій зналъ о моихъ чувствахъ и, разумѣется, смотрѣлъ на нихъ, какъ на простое волокитство. Наступили святки. Я бывалъ у Ф. почти каждый день. Однажды мы надумали маскироваться: Ф. съ женой и К. Я., Маньковскій съ женой и свояченой и я. Костюмы готовились у Ф. Вечеромъ я, не помню, что-то помогалъ шить К. Я. и сидѣлъ противъ нея. Мадамъ Ф. вышла готовить чай, Ф. тоже вывернулся. Я взялъ руку К. Я. и

поцѣловать. Она нѣжно посмотрѣла на меня. Съ тѣхъ поръ рукопожатіе и поцѣлуи руки были дѣломъ обыкновеннымъ вездѣ, гдѣ только встрѣчались мы наединѣ. Маскированные мы провели весь вечеръ у Деведе. Я танцовать съ К. Я. цѣлый вечеръ, цѣловать ее въ плеча, которыя были роскошно обнажены. Ф. жестоко надулись на меня. Вскорѣ Ф. пришелъ къ намъ вечеромъ, тонко намекалъ о К. Я.; а я будто не понималъ. Часу въ 10 я попелъ его провожать. Дорогой онъ объяснился со мною откровенно. Я, разумѣется оправдался, и тѣмъ дѣло кончилось. На другой день я былъ у Маньковскихъ, К. Я. была тамъ одна. Танцовали до глубокой ночи. Часу въ первомъ К. Я. отправилась домой съ провожатой. Я за ней. Провожатую мы отправили домой, а сами пошли одни. Дорогой К. Я. разсказала мнѣ, какъ Ф. сердится на нее и бранитъ меня. Дойдя до крыльца, мы остановились и долго еще разговаривали. Наконецъ надобно было проститься. Я крѣпко поцѣловать у ней руку; а она, поцѣловавъ меня въ щеку, сказала: „прощай, душа!" Послѣ этого я уже смѣло поцѣловать ее въ губы разъ, два, три и т. д. Это были первые поцѣлуи. Ф. на другой же день и узнали, что я провожалъ К. Я. Но я мало заботился объ нихъ.... Она дала мнѣ разныя бездѣлушки и между прочимъ записку, въ которой назначила свиданіе въ костелѣ. Чертъ меня прорвалъ написать ей отвѣтъ. А она какъ-то неосторожно подала подозрѣнія Ф., и Мадамъ Ф. прочитала мою записку. Вдругъ вечеромъ Ф. приѣзжаетъ за мной и увозитъ къ себѣ. Вхожу въ гостинную; Ф. вышелъ, и входитъ его жена.—„Милостивый государь! такъ-то вы платите за наше къ вамъ расположеніе", и пр. и пр. и пр. Однимъ словомъ наговорила мнѣ все то, что можетъ наскучать взбѣсившаяся баба. Я былъ довольно глупъ, и—главное—нисколько не приготовленъ къ подобному объясненію: оторопѣлся, сколько могъ; но дѣло было ясно—собственноручная записка.... Чертъ поберн всѣ записки! Въ жару нашего объясненія двери отворяются, и К. Я.—блѣдная, заплаканная—входитъ въ комнату и начинаетъ управлять Мадамъ Ф. Разумѣется, ее сейчасъ же вывели. Все объясненіе кончилось тѣмъ, что мы примирялись, по крайней мѣрѣ на словахъ. На другой день я пришелъ. К. Я. проситъ настоятельно возвратить всѣ ея вещи. Это взбѣсило меня. Я возвратилъ. К. Я. опять начала ухаживать за мной; опять клятвы, опять поцѣлуи въ темномъ корридорѣ.... Чудное созданіе! Однажды—это было уже въ Маѣ—мы вышли съ ней вмѣстѣ изъ костела. Долго говорили о старомъ. Она сказала: „ахъ, Н. И., зачѣмъ я узнала васъ?" Я отвѣчалъ: „мы сами разсердили меня. Я васъ любилъ, а вы подчинились Мадамъ Ф." Разумѣется, это сказано было глупо; изъ нашей любви не могло быть ничего хорошаго. Я никогда бы не женился на ней.

Передъ Пасхой еще я получилъ письмо отъ Дели. Онъ извѣщалъ меня, что попечитель получилъ письмо отъ моего папеньки, который проситъ перевести меня въ Вологду; но Князь не имѣетъ въ виду моего согласія, и потому оста-

навливается переводомъ. Я тотчасъ отвѣчалъ, что согласенъ. Черезъ недѣлю пришла бумага о моемъ переводѣ, съ тѣмъ чтобы я отправился не прежде окончанія экзаменовъ. Я переводился на мѣсто Навашина. Н. съ конца 37 года началъ впадать въ меланхолію, а наконецъ въ 39-мъ году ясно уже увидѣли, что онъ сошелъ съума. Его взяли въ гимназическій лазаретъ: но толку было мало. Наконецъ въ началѣ 40 года надобно было донести начальству, что Н. болѣнъ неизлѣчимо. Ему выдали не въ зачетъ годовой окладъ; брать изъ Саратова прислалъ за нимъ человѣка; Н. уѣхалъ къ роднымъ, и вскорѣ въ припадкѣ сумасшествія потонулъ въ колодцѣ. Причины его болѣзни неизвѣстны. Я одинъ больше всѣхъ понимаю ихъ. Меланхолическое расположеніе у него было врожденное: отецъ его до сихъ поръ почти сумасшедшій. Изъ отрывковъ дневника Н., который здѣсь уже попался мнѣ, видно, что онъ страдалъ о..... Эта болѣзнь при меланхолическомъ характерѣ—самый сильный ядъ. Кромѣ того, онъ не нашелъ въ В. ни одной души, способной понять его. Все это сведо его въ могилу.... Прекрасный былъ человѣкъ! не для Вологды создаются такія души.....

Послѣднее время я провелъ не скучно: часто бывалъ у знакомыхъ и гулялъ по городу. Псковъ стоитъ того, чтобы помечтать на развалинахъ его. Подъ всѣмъ городомъ подземелья. Что шагъ, то и памятникъ.. Евгеній, покойный митрополитъ Кіевскій, бывши архіепископомъ П-мъ, написалъ въ 4-хъ томахъ Исторію Княж. Псковскаго. Изъ этой Исторіи самый лучшій эпизодъ осада Баторія. Я написалъ его изъ прозѣ для одного ученика къ акту, и напечаталъ въ П-ой газетѣ. Есть еще Исторія Ильина, ее очень хвалятъ; но мнѣ не случалось читывать. Мощи Гавріила Псковскаго лежатъ въ соборѣ; подъ ними виситъ мечъ его, преогромный, съ надписью: honorem meum nemini dabo. Подлѣ собору стоялъ домъ, принадлежавшій нѣкогда Тіунамъ; но онъ лѣтомъ, въ 1839 году, упалъ. Вѣчевая церковь, теперь Николькая, до сихъ поръ цѣла, только передѣлана; въ ней служатъ. На возвышеніи, гдѣ былъ домъ посадниковъ, теперь домъ губернатора; а вѣчевая площадь занята губернаторскимъ садомъ. Во Псковѣ живетъ жена партизана Фигнера, урожденная Бибикова. Она лѣтъ 50; недурна собой, и очень весела; но мнѣ не случалось отъ нея ничего слышать объ ея мужѣ. Недалеко отъ Гимназіи, на такъ называемой *большой* улицѣ, стоитъ часовня *Красный крестъ*. Преданіе говоритъ, что когда поляки С. Баторія ворвались въ проломъ, то на этомъ самомъ мѣстѣ они были отражены и погнаны назадъ. Тутъ, говорятъ, нашли церковный окровавленный крестъ. Вѣроятно какой-нибудь священникъ выходилъ съ нимъ; но былъ убитъ. Два квартала, отъ этой часовни до пролома, и до сихъ поръ называются *Полонищемъ*. Проломъ начинается отъ самой Свинуєской башни и продолжается саженей на 30, къ Покровской башнѣ. Онъ былъ заложенъ кирпичемъ, но наскоро, и потому теперь кирпичъ развалился, такъ что зимой тутъ ѣздятъ. Недалеко отъ пролому находится церковь во

мя Рождества Богородицы, сооруженная въ память отраженія приступа (8 Сен. 1592). Покровская башня самая большая, находится на берегу Великой. У ней оканчивается городской ровъ. Весною снѣгъ, растаявъ по рву, стремится съ крупнаго берегу въ рѣку водопадомъ. Жители говорятъ, что *Покровскій бывъ зарѣзъ*, и замѣчаютъ, что рѣка вскрывается послѣ этого черезъ 12 дней. Замѣчательно еще ежегодное наводненіе р. Псковы. Она впадаетъ въ Великую въ самомъ городѣ. Оба берега ея саженей на 20 отлоги, а потомъ круто поднимаются высокими скалами. На отлогости стоятъ домы въ одинъ рядъ. Когда Великая вскрывается, жители этихъ домовъ начинаютъ перебираться въ верхніе этажи; потому что вода въ Псковѣ вдругъ, въ продолженіи двухъ или 3 часовъ, поднимается саженми на 3 и на 4,—и потомъ опять также скоро упадаетъ. Церквей во Псковѣ около 70, и всѣ онѣ, за исключеніемъ очень немногихъ новыхъ, чрезвычайно малы; вмѣсто колоколенъ надъ папертями выстроены нишенькія стѣнки съ двумя или тремя окнами, гдѣ висятъ колокола; звонятъ съ земли.

Въ концѣ 39 и въ началѣ 40 года около Пскова развелась огромная шайка разбойниковъ подъ начальствомъ какого-то Авдона. По дорогамъ быть грабежъ страшный; даже въ самомъ городѣ небезопасно было ходить по вечерамъ. Разбойники среди бѣлаго дня напали на село Окунево, въ 10 в. отъ города; схватили прикащика и жгли его, допытываясь, чтобы онъ сказалъ, гдѣ у господъ деньги. Дня черезъ 3 они напали тоже днемъ на село Ген. Кульнева (роднаго брата знаменитаго Кульнева) и произвели тѣ же злодѣйства. Наконецъ въ Маѣ и Іюнѣ они были всѣ переловлены, и даже самъ атаманъ. Въ городѣ безпрестанно привозили ихъ по нѣскольку человѣкъ, изъ цѣпяхъ.

Экзамены по обыкновенію кончились рано, кажется около 18 Іюня. Я попросилъ, чтобъ подорожную дали черезъ Москву, для того чтобы имѣть случай прокатиться и для того чтобы заѣхать за Засѣтскимъ, однимъ изъ моихъ товарищей, вологжаниномъ, который служилъ въ Новоржевѣ. Вмѣсто прогоновъ я получилъ *на подъемъ*. Въ день отъѣзда я обѣдалъ у Черепниной вмѣстѣ съ Залѣсскими, кот-е отправлялись въ Торопецъ. До Новоржева мы условились ѣхать вмѣстѣ. Передъ вечеринми мы отправились въ путь. Залѣсскіе ѣхали въ каретѣ, я въ почтовой кибиткѣ. Меня провожали Крюковичъ, Іордапъ, Гизенкампъ, Варановскій. За Залѣсскими ѣхало семейство Черепнинихъ. До первой станціи 5 в., потому что шоссе изъ П. въ Варшаву идетъ въ 5 вер. отъ города. Домчались мигомъ. Первое привѣтствіе—нѣтъ лошадей. Мы отправились въ трактиръ. Покутили часа 2. Но дѣлать нечего: надобно было ѣхать одному; потому что на слѣдующихъ станціяхъ предвидѣлись тѣ же неудобства. Я взялъ лошадей; простился съ любезнымъ Б. и со всѣми другими и—маршъ. Дорогой обогналъ нѣсколькихъ гимназистовъ; поговорилъ съ ними минутъ 5. На слѣдующей станціи нашелъ своего ученика Симанскаго, который тащился изъ Острова на долгихъ. Я взялъ

его съ собой, и къ закату солнца примчалъ въ городъ. Здѣсь, у Симанскихъ, остановился ночевать. Они такіе тонные.... Скучно! На слѣдующее утро опять увидѣлся съ Залѣсскими. Они поѣхали впередъ. Я выѣхалъ въ полдень, дорогой провелъ часа 2 въ деревнѣ у Васильева и у Брынкина, и ночью пріѣхалъ въ Новоржевъ. Засѣтскій былъ еще не готовъ и я ждалъ его полтора дня. Жилъ все у Берга, который былъ очень благодаренъ мнѣ за милости, имъ оказанныя его сыну. Какой радушный пріемъ! Выѣхали мы въ полдень. Насъ проводили торжественно съ бутылками и пальбою. Отъѣхавъ верстъ 8 остановились у Карамышева, предводителя Новг. дворянства, въ Конькоп. Обѣдали, пили шампанское и отправились далѣе. На слѣдующей станціи случилось маленькое приключеніе. Ямщикъ везъ тихо; а между тѣмъ собирался дождь. Я нѣсколько разъ понукалъ ямщика, но онъ не слушался. Я не расположенъ быть сердиться, и потому, завернувшись въ шинель, спокойно приготовился встрѣчать дождь. Темно ужасно, дождь крапаетъ. Вдругъ ямщикъ закричалъ: „стой, братъ Ванюха! давай перепрягаться!“ Смотрю, передъ нами тихо тащится карета, запряженная 6 лошадьми. Это меня изумило. Я далъ хорошихъ раза 3 по спинѣ ямщику и закричалъ: „пошелъ“.... Изъ кареты выставился чепчикъ и вскрикнулъ: ай! Ямщикъ послушался. Я постращалъ его, что на станціи запишу въ книгу. Отъѣхавъ съ версту, онъ сошелъ съ козелъ, легъ на траву и зазадыхалъ: „вы прибили меня, я не могу ѣхать“.... Этимъ маневромъ онъ хотѣлъ набѣсить меня, чтобы я порядочно поколотилъ его, и тогда не имѣлъ бы уже права жаловаться. Но я смекнулъ—чего хочетъ онъ, и спокойно ждалъ чѣмъ кончится исторія. Видя, что хитрость не удалась, ямщикъ сѣлъ на козлы и погналъ лошадей. Пріѣхали на станцію. Я взялъ листъ бумаги, написалъ письмо къ губернатору, который долженъ былъ протѣкать здѣсь дня черезъ два, отдалъ письмо смотрителю и сказ., чтобы онъ доставилъ по адресу. Это встревожило ямщиковъ. Схожу съ крыльца, староста проситъ меня: „ваше высокоблагородіе! прикажите перепречься, если встрѣтится почта: ей-Богу, нѣтъ лошадей“.... Вотъ Русскій народъ! Безъ палки ничего не сдѣлаешь.

До Великихъ Лукъ ѣхали безъ особенныхъ приключеній. Станціи прекрасныя: лошадей вездѣ почти по 50 троекъ; на каждой станціи трактиръ, что угодно найдешь, какъ въ городѣ. Въ В. Луки пріѣхали въ полдня обѣдали, и отдыхали до вечерень. Въ вечерни я пошелъ къ смотрителю училища—Кузьмину, бывшему моему предшественнику въ П. Гимназіи. Онъ принялъ меня радушно. Просидѣлъ часа два. Вечеромъ выѣхали изъ В. Лукъ. На другой день пріѣхали въ жидовскій городъ Великъ: куда ни посмотришь, все жиды. Это явленіе было ново для меня. И передъ городомъ и за городомъ объ станціи жидовскія. Въ Порѣчьѣ только перемѣнили лошадей. Городъ извѣстный мнѣ по 12 году. Въ Смоленскъ пріѣхали утромъ. Погода была прекрасная. Издали весь городъ представляется

пирамидой: онъ расположенъ на горѣ, на берегу Днѣпра; зданія каменныя, прекрасныя; все это перемѣшано съ густой зеленью садовъ. Городомъ надобно ѣхать все или изъ гору или подъ гору. Смоленскъ обнесенъ стѣнами; но архитектура ихъ не та, что во Псковѣ. За городомъ видны историческіе курганы. Мы пробыли здѣсь не болѣе 2-хъ часовъ. По шоссе прямо къ Москвѣ. Въ Дорогобужѣ были передъ закатомъ солнца. Городъ, кажется, порядочный. Въ Вязьму пріѣхали днемъ. Остановились часа на 3; купили пряниковъ—привези домой гостинца. Черезъ Бородино проѣзжали передъ закатомъ солнца. Колонна возвышается направо, саженяхъ въ 60 отъ дороги. Далѣе виденъ монастырь Тучковой. Село отстроено прекрасно: прекрасные трехъ-этажные домы, крашенные зеленой краской. Куда ни взглянешь—повздъ мѣста полныя воспоминаній. Въ Можайскѣ вечеромъ пили чай. Городъ прекрасный: соборъ на скалѣ—прелесть! Въ Москву пріѣхали изъ Петровъ день, часу въ 12-мъ. Погода была прекрасная. Издали, верстъ за 15, видъ города—прелесть. Полгоризонта занято шпицами колоколенъ, башнями, огромными зданіями, садомъ—далѣе видны живописныя окрестности; Иванъ-Великій выше всѣхъ поднялъ золотую главу.... Вспомнилъ Пушкина, какъ подъѣзжали къ Москвѣ Ларины. Черезъ Дорогомиловскую заставу мы проѣхали на Тверскую, и остановились въ гостинницѣ *Европа*. Я пообѣдалъ и легъ спать; потому что ужасно измучился. Но заснуть не могъ; всталъ и сѣлъ къ окну. Комната наша была въ 4 этажѣ; слѣд. изъ полномъ смыслѣ и сдѣлалъ только высшій взглядъ на Москву; потому что больше ничего не видалъ. Передъ закатомъ солнца мы снова пустились въ путь. Проѣхали мимо Университета, подъ Сухареву башню, и къ заставѣ. На первой станціи выспались. Утромъ опять въ путь. Въ Переяславлѣ только перемѣнили лошадей, и то поздно вечеромъ. Въ Ростовѣ были днемъ. Городъ прекрасный! Въ Ярославль пріѣхали вечеромъ, и только напились чаю. Мѣстоположеніе и постройка—прелесть. Даниловъ тоже довольно красивъ. Въ Грязовцѣ переночевали и явились въ Вологдѣ....

V.

Вологда.

Опять на родинѣ! Это чувство очень сладостно, когда увидишь родныя мѣста послѣ долгой разлуки. Домашніе мои разумѣется радовались не менѣе меня. Я увидѣлся опять съ тѣми, которыхъ нѣкогда любилъ.... Много нашелъ перемѣнъ. А. П. Дубравина была замужемъ уже за Вульфомъ, отставнымъ артиллеристомъ, очень хорошимъ человѣкомъ. Дубравинъ составлялъ на Новицкой. Отецъ ея, совѣтникъ Губ. Правленія, единственный человѣкъ. Лидія Э., предметъ моей страсти, ужасно перемѣнилась и подурнѣла; ходили объ ней скверные слухи. Гимназія поправилась: Директоръ и Инспекторъ обласкали меня; а я и принялъ это за наличную монету. Каникулы (я пріѣхалъ 3 Іюня) провелъ дома. Пере-

водилъ Д. Карлоса въ прозу; но очень дурно, и потому вскорѣ бросилъ это занятіе. Изъ учениковъ было много прекрасныхъ мальчиковъ. Всѣ полюбили меня всѣмъ сердцемъ, такъ же какъ и я ихъ. Насталъ день свадьбы Д. На дѣвичникѣ мы танцевали. Не помню которую кадриль я танцевалъ съ невѣстой Д. Вдругъ входитъ Л. В. Д-ва и за ней какая-то молодая дама. Д. подошла къ невѣстѣ, поздоровалась съ ней, и указывая на свою спутницу, сказала: „рекомендую тебѣ мою племянницу, дочь моего брата!“ Боже мой, это М. Л. З., за которой я волочился гимназистомъ! Теперь она за Очкасовымъ, живетъ въ Любимѣ и пріѣхала сюда ненадолго только на свадьбу, безъ мужа. М. Л. не замѣтила меня; но когда кадриль кончилась, я подошелъ къ ней и пристально посмотря на нее сказалъ: „позвольте васъ попросить на слѣдующую кадриль“... Она взглянула на меня и вся перемѣнилась въ лицѣ, такъ что едва нашлась—что отвѣчать. Кадриль началась. Сколько ни старался я заговорить съ М. Л., но не могъ ничего добиться отъ ней: она краснѣла, смущалась, дрожала—и только.... Я очень доволенъ былъ этимъ. Въ день свадьбы успѣхъ былъ совершенный: она не спускала съ меня глазъ; я рѣшительно вскружилъ ей голову.... И спросилъ: „зачѣмъ вы напили замужъ?“ Она отвѣчала: „ахъ, не говорите ужъ лучше“.... Я жалъ ей руку и пр. Дня черезъ 2 она уѣхала, и послала мнѣ черезъ Д. тысячи поклоновъ.....

Дѣла въ Гимназіи шли хорошо: самъ я очень порядочно занимался, да приучилъ и учениковъ къ занятіямъ; они полюбили словесность. Между тѣмъ сердце мое жаждало жизни: такъ ужъ видно создано оно! Я опять принялся за стихи, которыхъ не писывалъ съ 37 года. Во Псковѣ написано было только одно стихотвореніе къ К. А. И. Оно есть въ моей книгѣ. Это довольно странно! Послѣдній годъ въ У-тѣ и 2 года во П-вѣ я рѣшительно не писалъ. Можетъ быть отъ того, что было слишкомъ большое разнообразіе въ жизни, и я не успѣвалъ сосредоточиваться въ одномъ какомъ-нибудь чувствѣ. Теперь первымъ предметомъ была Лидія. Я не любилъ ее: но память о быломъ еще слишкомъ сильно волновала сердце. Это стихотвореніе есть въ книгѣ. Другое, написанное тоже къ ней, уже не въ томъ тонѣ; потому что я началъ правильнѣе смотрѣть на нее. Два стихотворенія посвящены Лифляндіи,—именно воспоминаніе объ Эдеморѣ.... Домъ Съверова также занялъ меня. К. М., которую я видѣлъ въ послѣднее время въ П-вѣ, теперь явилась предо мной уже въ полной славѣ свѣтской дѣвушки. Мы сблизились съ нею коротко. Она думала, что я влюбленъ въ нее; но въ сердцѣ моемъ не было ничего похожаго на любовь. Сестра ея Софья больше нравилась; потому что проще вела себя. Вообще я провелъ въ ихъ домѣ много прекрасныхъ вечеровъ. Для акта въ этотъ годъ написалъ разсужденіе *о состояніи отечественной словесности во второй половинѣ XVIII и въ первой половинѣ XIX ст.* Оно имѣло успѣхъ. Начальство тотчасъ провозгласило меня ораторомъ.

Другая статья также изъ прозѣ была: *воспоминаніе о Навашинѣ;* но она не была читана. А теперь я ее затерялъ гдѣ-то. Въ стихахъ написалъ кантъ и *воспоминаніе о Навашинѣ*—отъ имени учениковъ. Чихаченъ написалъ прекрасное стихотвореніе: *Разрушеніе Іерихона.* Эта статья напечатана была въ Маякѣ. Между тѣмъ у Сѣверова я встрѣчался нѣсколько разъ съ М. И. Красовской, племянницей Волоцкихъ. Она была прекраснаго росту и превосходно сложена; но въ лицѣ не было ничего замѣчательнаго, а въ душѣ, кажется, еще менѣе. Однакожъ для меня важно было первое впечатлѣніе. Я мечталъ о ней и написалъ нѣсколько стихотвореній. Обаяніе было непродолжительно: масла не подливали, и потому лампада скоро потухла. Къ веснѣ я мечталъ о Р. И. Дуб-ой, и написалъ ей 2 стихотворенія, одно на тему—*Вы семь;* а въ другомъ ясно объяснился въ любви. Книга, въ которой это стихотвореніе, была у ней. Она прочитала стихи и поняла къ кому они относятся. Но и Д. тоже смекнулъ..... Однажды онъ сказалъ ей: „вѣдь это къ тебѣ написано". Она вся вспыхнула. Она любила меня; потому что видѣла, что я во всѣхъ отношеніяхъ лучше ея мужа. Но я никогда не простиралъ далеко своихъ намѣреній. Послѣ, когда начали объ насъ сплетничать уже довольно громко, я совсѣмъ отсталъ отъ ней, и такъ, обр. далъ ей случай—истребить прежнія чувства. Послѣ у ней пошли дѣти, и поэзія исчезла. У Сѣверовыхъ же я познакомился и съ самой В. И. Волоцкой, которая играла тогда первую роль въ городѣ. Она была очень хорошо расположена ко мнѣ. По ея желанію я написалъ стихи: *вдогновительное пиво,* потому что однажды мы цѣлой вечеръ разговаривали съ ней и пили пиво. Она называла меня: „мой поэтъ!" Въ то же время написалъ стихи и К. М. С-ой, которая, не знаю почему, однажды написала мнѣ на книгѣ: „я заплатила вамъ тою же монетой". Но вѣрить этимъ стихамъ нельзя: тутъ много чести. Вообще этотъ годъ я провелъ весело: былъ со многими знакомъ; всѣ любили меня. Больше всѣхъ я сблизился съ Новицкимъ; онъ человѣкъ чистосердечный и прегостепріимной; у него никогда не бываетъ скучно.

Въ каникулы поѣхалъ въ Тотьму. Тамъ затѣялась свадьба моей троюродной сестры А. И. Савиновой. Но въ Тотьмѣ пробылъ я только одинъ день и уѣхалъ къ дядѣ на Леденскій заводъ, въ 35 и. отъ города. А маменька и сестра остались съ невѣстой. Въ Леденскѣ жизнь раздольная. Въ одинъ день познакомился со всѣми. Управляющій Д. Т. Павлиновъ человѣкъ прелестный. У него гостила тогда замужняя дочь его, Ярославцова, очень хорошенькая. Въ Л-кѣ нашелъ я еще своего инспектора съ женой, Семенову и Монакова, студента. Каждый почти день мы танцевали или у Павлиновыхъ, или на *Маганкѣ*—прехорошенькой дачѣ, въ 2 верстахъ отъ завода. Дня только и были тамъ хорошенькія: Ярославцева и Ландражини. Я ухаживалъ за обѣими; но послѣдней было только еще 14 лѣтъ, и потому больше сочувствія находилъ въ первой. Написалъ

стихотвореніе *Маганка,* которое доставило мнѣ немалую славу въ этомъ муравейникѣ. Три недѣли веселился я въ Леденскѣ. Наконецъ надобно было ѣхать въ Т. на свадьбу. Я оставилъ Л-къ съ грустью: много было чувствъ и мечтаній. Въ стихотвореніи къ Л. можно видѣть эти чувства и мечты. Въ Тотьму пріѣхалъ прямо на вечеръ. У С-хъ было штукъ 15 барышенъ, а изъ кавалеровъ только я, де-Шапперъ, тамошній окружной, лихой малой, хотя и женатый, и Кокоревъ, меньшой сынъ тамошняго заводчика. Я, разумѣется, разыгрывалъ первую роль. Танцевали и дурачились до упаду. Я ухаживалъ за Ю. Кокоревой. Ей было тогда еще 16 лѣтъ; она была очень хороша. Впрочемъ волокитство мое далеко не пошло: мнѣ мало было времени заняться ею; потому что за мной ухаживали 2 барышни, и слѣд. надобно было на нихъ удѣлить много времени. Въ день свадьбы танцевали до 12 часовъ. Къ числу кавалеровъ прибавились еще Фортунатовъ, нашъ инспекторъ, Еврейновъ изъ Леденска, да учитель Тотьмы. На другой день танцевали до 5 ч. утра. Дурачества было много. А утромъ въ 12 часовъ мы отправились въ лодку. Долго кутили на Дядловомъ островѣ. Проводы были торжественны: все пило и пѣло... Дорогой я только и думалъ о Кокоревой. Стихотвореніе *Мое созвѣздіе* относится къ ея глазамъ.

Въ Вологдѣ жилъ я попрежнему. Между тѣмъ братъ мой сосватался на Ш. Мать и меньшая сестра ея Юлія жили также въ Вологдѣ. Свадьба несчастная: братъ жестоко ошибся въ выборѣ. Теперь мнѣ надобно будетъ приступить къ описанію со мной несчастной исторіи. Новая сватья моя Ю. очень хороша собой, самая лучшая въ цѣлой В. Она очень часто бывала у насъ. Ш. каждый вечеръ приводила сестру свою въ мои комнаты, и мы играли въ карты. Так. обр. я сблизился съ Ю., т. е. влюбился въ нее по уши, а она въ меня. Между тѣмъ домашніе мои замѣтили въ чемъ дѣло, и подняли ужаснѣую бурю.... Здѣсь начинается цѣлый рядъ самыхъ непріятныхъ исторій между братомъ, женой его, Ю., мной и моими домашними.... Не могу описать этого. Кромѣ того весь городъ сплетничалъ обо мнѣ.... Но тѣмъ больше препятствій, тѣмъ больше дерзости. Я завелъ съ Ю. самую страстную переписку: она хранится у меня. И наяву и восплі и только и думалъ объ одной Ю. Никуда почти не ходилъ; только и счастливъ былъ въ тотъ день, когда видѣлъ ее. Стихи лились..... Я не могъ ни о чемъ болѣе думать, какъ только о любви. Въ этотъ годъ только и написалъ: *Кантъ,* пѣтый при встрѣчѣ въ Г. Иннокентіи; *Бородинское сраженіе,* кот-е читалъ на актѣ; *Приступъ Баторія ко Пскову,* кот-е читалъ одинъ ученикъ, да еще *Пѣвецъ,* тоже написанный для одного ученика. (Къ стати здѣсь замѣтить: Иннокентій былъ въ Гимназіи вмѣстѣ съ пр. Погодинымъ, который путешествовалъ. Послѣ я самъ былъ у него. Онъ принялъ меня хорошо. Я далъ ему нѣсколько народныхъ нашихъ пѣсенъ, которыя и были напечатаны въ Москвитянинѣ вмѣстѣ съ благодарностью Погодина.) Другіе всѣ стихи относились

къ ней. Она всегда съ жаромъ писала ко мнѣ; но флегматическій ея характеръ мучилъ меня. Кромѣ того Ш. дѣлала ужасныя глупости, а она во всемъ слѣдовала ея капризамъ. Мильены упрековъ писалъ я ей въ каждомъ письмѣ; между тѣмъ всетаки любилъ ее безъ памяти. Какая буря волновала тогда мою душу! Въ Генварѣ я впервые поцѣловалъ ее, и съ тѣхъ поръ началась длинная цѣпь поцѣлуевъ и объятій.... Какъ ужасно это вредило здоровью моему! Но я знать ничего не хотѣлъ и безумно любилъ ее.... Сколько разъ со мной бывала даже рвота отъ огорченій! Чего все это стоило мнѣ! Вдругъ въ Февралѣ она рѣшаетъ, къ Одинцовымъ. Какое горькое прощанье! Передъ отъѣздомъ она написала мнѣ письмо. Изъ деревни тотчасъ же прислала мнѣ еще письмо; но потомъ измѣстила, что она боится писать.... Я рвался и проклиналъ весь міръ. Писалъ къ ней каждый день, но отвѣта не было. Наконецъ въ именины мои получаю письмо, въ кот-мъ вмѣсто *ты* написала уже *вы*.... Съ тѣхъ поръ началось мое разочарованіе. Я написалъ ей самый холодный и нѣжливый отвѣтъ.... Чего стоило мнѣ такъ ужасно переломить себя! Я мучился ужасно; но разсудокъ началъ вступать въ свои права.... Чѣмъ больше думалъ я, тѣмъ больше всѣ поступки ея представлялись мнѣ въ иномъ свѣтѣ: я увидѣлъ, что она никогда не можетъ понять любви моей, что для женщины любовь только игрушка.... Съ тѣхъ поръ взглядъ мой на женщинъ перемѣнился и, кажется, навсегда.... Она замѣтила, что письмо написано уже не въ шутку, и послала мнѣ два письма вскорѣ одно за другимъ. Но я скрѣпился и не отвѣчалъ ни слова.... Когда она пріѣзжаетъ сюда, я никогда не показываюсь ей. Кончено! я побѣдилъ себя, хоть эта побѣда и дорого стоитъ мнѣ.... Прости, моя любовь! Сильные перевороты измѣняютъ совершенно существующій порядокъ вещей: такъ случилось и съ моими чувствами. Въ книгѣ стиховъ можно видѣть, какъ постепенно разочаровывался я.... Жаль, что я сперва не велъ записокъ жизни: какой богатый матеріалъ былъ бы у меня для размышленій. Чего не писывалъ я къ ней! Кажется, не осталось уже ни одной струны въ сердцѣ, кот-й бы не коснулся я, ни одного слова въ устахъ, которое бы не высказалъ ей.... Хотѣлось бы достать отъ ней всѣ мои письма, да нельзя. Но переворотъ совершился однакожъ не вдругъ: я искалъ развлеченій, чтобы въ чемъ нибудь позабыться. Нѣжности съ Ю. кажется окончательно разстроили меня. Въ каникулы я поѣхалъ къ Чечулинымъ, въ усадьбу Борисоглѣбское, въ 100 в. отъ В-ды, въ Череповскомъ уѣздѣ, на Шексну. Они прелюбезные и прерадушные люди; сосѣди у нихъ такіе же. Мѣстоположеніе превосходное; всѣ приволья. Я какъ въ маслѣ сыръ катался. Для услажденія связался съ очень хорошенькой горничной. Эта жизнь благотворно подѣйствовала на меня: слѣды прошедшихъ бурь исчезли совершенно. Я прожилъ въ Борисоглѣбскомъ 6 недѣль, и возвратился въ В-ду обновленнымъ. Здѣсь написалъ стихотвореніе *Борисоглѣбское*, изъ котораго видно, какъ я измѣнился въ сравненіи съ прежнимъ. На актъ написалъ статью *о современномъ значеніи отечественной поэзіи*. Она имѣла большой успѣхъ. Между тѣмъ стихи мои печатались мало помалу въ *Маякѣ*, и одно стихотв. въ *Отт. Запискахъ*. Это было первое мое лит-е поприще. Я испытывалъ чувство новое—что значитъ видѣть въ первый разъ въ печати свое произведеніе! Между тѣмъ приближались святки и вмѣстѣ съ ними для меня новыя наслажденія и печали. Изъ Петербурга пріѣхалъ студентъ Соколовъ, который прошедшую зиму жилъ у насъ, готовясь въ У-тъ. Онъ теперь поселился у тетки и вмѣстѣ матери своей—Е. И. Бибиковой. Я разумѣется былъ всегда у нихъ какъ дома: уйду рано утромъ, а возвращусь домой поздно вечеромъ. Е. И. любила меня какъ сына. У ней жила еще внучка ея, только что выпущенная изъ института, А. И. Давыдова, прехорошенькая. Еслибы я былъ помоложе годами тремя, то непремѣнно бы влюбился въ нее. Время мы проводили превесело. А спплетни городскія между тѣмъ кипѣли, какъ ядъ.... Меня, разумѣется, женили тотчасъ на Д. Я и Е. И. хохотали надъ этимъ. Но непріятностей было много. Ну, да теперь все уже кончилось; стало быть нечего и вспоминать. Я сказалъ только объ этомъ потому, что въ это время сблизился съ Е. И. Б. Она очень любитъ меня и можетъ быть полезна современемъ.

Весной я часто бывалъ въ деревнѣ у Е. И. А лѣтомъ поѣхалъ въ Устюгъ. Дорога была превеселая. Со мной поѣхали 3 мои ученика и Н. Засѣтскій, съ кот-мъ я ѣхалъ изъ П. и который живетъ теперь въ В-дѣ. Провожали насъ всѣ ученики, кончившіе тогда курсъ. Пили и ѣли много. Я до сихъ поръ все еще студентъ. Первую ночь комары не дали намъ глазъ сомкнуть. Въ Наремахъ мы взяли стружекъ и пустились впередъ вдвоемъ съ Засѣтскимъ. Въ Шуйскомъ перемѣнили нашу подводу. Насъ повезли мать съ дочерью. Въ продолженіи 14 часовъ мы доѣхали до устья Толшмы: взяли здѣсь лошадей и вечеромъ пріѣхали въ Тотьму. Лодка наша приплыла на другой день въ вечерни,—и мы отправились далѣе. Но сильный противный вѣтеръ задерживалъ насъ безпрестанно. Окрестности превосходныя: оба берега Сухоны круты и высоки; на нихъ шумитъ густой лѣсъ. Есть много мѣстоположеній живописныхъ.... Въ горахъ какъ-то лучше дышишь; сердце лучше понимаетъ природу. Есть много такихъ горъ, на которыхъ и сосны представляются съ рѣки кустарникомъ. Въ Опокѣ я припомнилъ старину, какъ мы тонули слишкомъ 20 л. тому назадъ. Только мѣсто это совершенно не въ такомъ видѣ осталось у меня въ памяти. Скалы, саженей 15 вышины, образуетъ не выпуклую, а вогнутую дугу—здѣсь тонули мы; а подлѣ нея—такъ называемая медвѣжья гора; она обращаетъ выпуклую гору; она вдвое выше скалы.

На противуположномъ берегу такая же гора, называемая Порогомъ. Въ Порогѣ мы вышли четверо и взяли лошадей; а пятаго товарища оставили въ лодкѣ.

До Устюга оставалось еще 70 верстъ,—а намъ хотѣлось поспѣть туда къ завтрешнему, т. е. къ Петрову дню. Однакожъ пріѣхали ночью. Остановился я у А. П. Царевскаго, который былъ знакомъ съ моимъ отцемъ и зналъ меня 22 года тому назадъ. Онъ и жена его (родная сестра моего У-го товарища Воротникова) приняли меня радушно. Я прожилъ у нихъ день; а послѣ перебрался къ ученику моему Красильникову, у котораго давно уже была приготовлена для меня квартира. Устюгъ одинъ изъ красивыхъ городовъ по своему мѣстоположенію. Онъ стоитъ на крутомъ берегу Сухоны, которая широко раскатила здѣсь воды свои. Вся набережная обстроена каменными домами; изъ за нихъ видны церкви, всѣ почти съ вызолоченными главами, такъ что съ рѣки представляется какъ будто весь городъ каменный. Въ 2-хъ вер. отъ него, въ верхъ по Сухонѣ, на крутомъ берегу находится Никовская пустынь—мѣсто очень живописное; видъ къ городу прекрасный. Въ живописной разсѣлинѣ, между двумя горами, находится колодецъ, выкопанный монахами и осѣненный старыми соснами, на которыхъ множество гнѣздъ грачей. За городомъ Сухона прорвала себѣ новое устье, называемое Подлѣ; а другой рукавъ немного подалѣе соединяется съ Югомъ. На острову, образуемомъ двумя рукавами Сухоны и Югомъ, стоитъ деревня. Далѣе разстилается Двина. На крутой горѣ Глядень, т. е. на мысу между правымъ рукавомъ Сухоны и Югомъ, стоитъ Троицкой монастырь—одинъ изъ древнѣйшихъ въ этомъ краю. Мѣсто очень живописное. Вся окрестность видна на нѣсколько верстъ. Въ 3 верстахъ за Устюгомъ—Богородское—прежняя архіерейская дача. Она устроена при Елизаветѣ Пр. Варлаамомъ. Тамъ есть кедровая аллея. Съ колокольни видны всѣ пруды, которые разрѣзываютъ садъ. Они образуютъ вензель П. В. Е. У., т. е. Пр. Варлаамъ Е. Устюжскій. Подлѣ саду мельница. Время я провелъ въ Устюгѣ весело. Прожилъ 10 дней,—а потомъ съ Заѣтскимъ отправился въ Никольскъ. Здѣсь жилъ 5 дней,—и каждый вечеръ былъ въ гостяхъ. Квартира моя была у Пр. Соколова, женатаго на сестрѣ моей Савиновой. Чаще всего былъ у окружнаго начальника Заседемскаго. Танцовалъ. Какая-то никольская красавица волочилась за мной. Всего больше нравилось мнѣ здѣсь купанье. Юзъ очень быстръ, и вода хороша. Провожали меня торжественно: пили на перевозѣ изъ колокольчика, пот. что забыли взять стаканъ. Я поѣхалъ одинъ въ Леденскъ. Тамъ прожилъ 3 дня очень весело, и уѣхалъ въ Тотьму. Въ Тотьмѣ пробылъ только 2 дня, и опять въ Леденскъ. Веселье! Сынъ Павлинова, пріѣхавшій изъ П-га, сговорены были на дочери Совака, совѣтника Л-го правленія. Онъ объяснилъ мнѣ, что Э. Ландражини, за которою я ухаживалъ назадъ тому 2 года, теперь влюблена въ меня. Смѣху было много: и отецъ и мать ея хотѣли завлечь меня; но теперь я уже не тотъ.... Павлиновъ—острякъ. Однажды ночью онъ импровизировалъ стихи,—какъ бы я сталъ объясняться въ любви къ Эмиліи....

Большую часть времени провелъ я на Маканкѣ. Т. обр. прожилъ 11 дней. Потомъ поѣхалъ въ Тотьму. А. С. влюблена въ меня. Бездна была глупостей. Она подарила мнѣ кольцо. Проводины были самыя веселыя. На другой день я былъ уже въ В-дѣ. Остатокъ каникулъ провелъ въ Соколовѣ.

Вотъ краткій очеркъ моей Вологодской жизни. Подробно писать—некогда, а—главное—лѣнь.... Много, разумѣется, не записано такого, что и составляло собственно самую жизнь: это только нити; но чтоже дѣлать? Надобно было бы подумать о запискахъ прежде и писать все сгоряча,—какъ говорится,—съ огня рвать....

Теперь поговоримъ о настоящемъ. Осенью нынѣшняго года я занимался окончательною обработкою реторики: надѣюсь современемъ издать что-нибудь порядочное, не то, что издавали Г. Георгіевскій, Кошанскій и т. под. Я забочусь больше всего о простотѣ и истинѣ, а это кажется главное въ учебникѣ. Всѣ положенія беру прямо изъ жизни, а чего не знаю, такъ о томъ и не говорю. Сначала занялся было логикой; но этотъ предметъ требуетъ еще многихъ размышленій. Надѣюсь однакожъ, что не безъ вниманія прочитаны были мысли мои о способѣ преподаванія логики въ гимназіяхъ и о Руководствѣ Рождественскаго. Въ Ж. М. Н. П. похвалили. Это первый печатный отзывъ обо мнѣ. Объ реторикѣ же надобно будетъ посовѣтоваться съ Плетневымъ, Никитенкой. Я займусь ею въ Петербургѣ. Теперь доволенъ и тѣмъ, что успѣлъ дать ученикамъ хотя нѣсколько истинныхъ понятій о словесности. Несчастный этотъ предметъ у насъ въ Россіи. Всѣ толкуютъ объ немъ, даже *бабы*, а никто почти не понимаетъ. Тѣ, которые понимаютъ, не пишутъ. Недавно перевелъ нѣсколько сценъ изъ Д. Карлоса стихами. Переводъ вѣренъ; а больше не могу ничего сказать объ немъ. Печатать не думаю; потому что драмма эта вся уже переведена Ободовскимъ. Когда буду въ П-гѣ посмотрю его переводъ,—и если увижу, что мой вѣрнѣе, тогда напечатаю. Дай только Богъ, чтобы надежды мои сбылись,—а то мнѣ не въ мочь приходится уже жить въ В-дѣ. Не видалъ ничего гаже этого города! Такъ называемая аристократія здѣшняя—все надутыя свиньи; глупы, сроду ничему не учивались, ничего не видали, ничего не читывали,—и хотятъ корчить всѣ графовъ да князей. Средній классъ—хуже пней. Сплетничество ужасное. Наша ученая собратія—тоже гуси порядочные. Директоръ учился, много видалъ,—но до сихъ поръ семинаристъ.... Инспекторъ больная, хитрая и пресамодовольная штучка.... Я прошусь въ Петербургъ, въ первую гимназію, на мѣсто учителя словесности. Не знаю, чѣмъ-то кончится. Плетневъ, Никитенко и Максимовичъ хлопочутъ обо мнѣ.

Съ этихъ поръ я начну мой дневникъ.

17 Декабря. Былъ у Жарковыхъ. Воспитанница его Баронесса Плотто, институтка, влюблена въ меня. Сегодня очень много было многозначительныхъ взглядовъ

и рѣчей.... Она еще неопытна. Кружить ей голову не стоитъ; потому что не вижу никакой цѣли.... Пылъ мой уже прошелъ; теперь надобно быть разсудительнѣе. Надобно признаться, что мнѣ счастье отъ институтокъ. Сколько ни зналъ я ихъ, всѣ онѣ были неравнодушны ко мнѣ. Самъ Ж. прекрасный человѣкъ: старой служивой; былъ подъ Аустерлицомъ; до сихъ поръ еще свѣжъ и неистощимъ на анекдоты.

19 Дек. Былъ у Дивернуа. Видѣлъ въ первый разъ послѣ пріѣзду изъ деревни Адель Порошину. Она немного выросла. Познакомился и съ сестрой ея Антониной, недавно выпущенной изъ Ек. Москов. Института. Объ онѣ двоюродныя сестры моего любимаго профессора Вик. Степ. Порошина. Мать ихъ уѣхала недавно въ Петербургъ къ сыну. Я познакомился съ этимъ семействомъ въ прошедшемъ году. Сынъ Порошиной тогда проживалъ въ В-дѣ: онъ студентъ П-го У-та, но б. боленъ аневризмой, и потому жилъ при матери. Ему кто-то сказалъ обо мнѣ и о братѣ, что мы люди ученые, дѣльные, литераторы (!!!) и онъ пріѣхалъ познакомиться съ нами. Это было въ первыхъ числахъ Декабря. Съ тѣхъ поръ мы сошлись съ нимъ: онъ человѣкъ неглупой и большой охотникъ учиться. Мы часто бывали другъ у друга. 19 Декабря, въ имянины Адели, танцовали у нихъ. Адель, разумѣется, какъ молоденькая институточка, остановила на мнѣ свой взглядъ: вѣдь надобно же кого нибудь любить молоденькой дѣвушкѣ, хоть для того только, чтобы поговорить по секрету съ подружками.... Мы поняли другъ друга. Но это продолжалось недолго. Мать съ сыномъ уѣхала въ П-гъ на третій день Рождества; а дочь съ бабушкой въ деревню. Потомъ другая сестра ея вышла изъ института, и теперь онѣ пріѣхали сюда ненадолго,—только проводить мать.... Въ среду опять уѣзжаютъ въ деревню. Вчера я очень много куртизанилъ: объ сестры очень занялись мной. Онѣ сказали мнѣ, что наканунѣ у нихъ была Надинька Плотто (онѣ однокашницы), что онѣ не спали всю ночь, вспоминали старину, что Надинька кланяется мнѣ, что она вжегъ мнѣ кошелекъ и пр. и пр. Потомъ просили у меня книгъ.—спрашивали у меня нѣсколько разъ: надолго ли я ѣду въ Петербургъ? и пр. и пр. Прощаніе было многозначительно. Сестра Мадамъ Дивернуа сказала мнѣ, что *очень многіе* жалѣютъ объ моемъ отъѣздѣ. Разумѣется, не трудно угадать—кто эти многіе.

24 Дек. Вчера утромъ я былъ ужасно разстроенъ. Какъ? Получилъ недѣлю уже тому назадъ письмо отъ Конюсова, въ которомъ онъ увѣдомляетъ, что переводъ мой непремѣнно состоится, и между тѣмъ не получаю ничего, и даже нѣтъ никакого извѣстія отъ Соколова. Приготовилъ было уже письмо къ Бибиковой, въ которомъ бранилъ Соколова. Но вдругъ брать сказываетъ, что пріѣзжалъ сейчасъ О. Петръ и сказалъ, что обо мнѣ получена съ этой почтой бумага. Я тотчасъ въ гимназію. Въ бумагѣ сказано: Директоръ 1-й Петербургской Гимназіи увѣдомилъ меня, что въ его Гимназіи открылось мѣсто Ст. Учителя Словесности,—и имѣетъ съ тѣмъ ходатайствуетъ о перемѣщеніи на это мѣсто изъ В. Г. кандидата Иваницкаго.

А потому предлагаю вамъ, Милостивый Государь, доставить мнѣ свѣдѣніе—нѣтъ ли какихъ препятствій къ перемѣщенію канд. Иваницкаго, и если нѣтъ, то выслать мнѣ формулярный списокъ о его службѣ. Я пошелъ къ директору. Онъ было сначала заговорилъ: вотъ видите, всѣмъ не обошлось безъ моего содѣйствія; но когда я сказалъ ему: объ этомъ-то я и пришолъ просить васъ,—тогда онъ перемѣнилъ тонъ, сказалъ, что радуется моему счастію и пр. и пр. Потомъ, чтобы не остаться безъ учителя, предложилъ мнѣ написать, чтобы оставили меня здѣсь до Майя; но въ такомъ только случаѣ, если это не повредитъ моему перемѣщенію. Я, разумѣется, охотно согласился, и дѣло кончено. Так. об. я уѣду изъ Вологды. О, сколько утѣшительнаго въ этой мысли! Еще уѣзжая изъ Петербурга, я уже думалъ о томъ—какъ бы поскорѣе опять возвратиться туда. Живя во Псковѣ, я безпрестанно писалъ къ Плетневу и Никитенкѣ объ этомъ самомъ; но мѣсто не было. Наконецъ долженъ былъ перебраться въ Вологду. Здѣсь въ первые годы не могъ думать о переходѣ. Исторія съ Ю. Г. и слѣдствія этого—непріятности съ домашними внушили мнѣ первую мысль удалиться отъ зла. Наконецъ прошедшей зимой, послѣ того какъ всѣ подняли такую ужасную тревогу и чуть-чуть не женили меня на Даньдовой и даже на самой Бибиковой, я написалъ къ Плетневу, что желаю служить въ Польшѣ, гдѣ предлагаютъ разныя выгоды охотникамъ. Съ той же почтой написалъ и въ Варшаву къ директору второй гимназіи Филиппову, бывшему университетскому инспектору. Плетневъ отвѣчалъ съ первой же почтой, что въ В. ѣхать не зачѣмъ, что надобно подать прошеніе попечителю о перемѣщеніи въ Петербургъ. Прошеніе было написано и отправлено въ письмѣ къ Плетневу. Этого никто не зналъ здѣсь. Плетневъ самъ подалъ прошеніе мое попечителю и получилъ отвѣтъ, что при первомъ мѣстѣ я буду перемѣщенъ. Тѣмъ дѣло и кончилось. Наконецъ въ первыхъ числахъ Ноября я получилъ извѣстіе черезъ Максимовича, что открывается мѣсто въ первой Гимназіи. Я тотчасъ написалъ къ Плетневу и Никитенкѣ. Плетневъ попросилъ попечителя, а Никитенко Калмыкова (Дир. 1-й Г.)—и дѣло рѣшено. Перемѣщеніе это во всѣхъ отношеніяхъ должно быть выгодно для меня. Во-первыхъ, служить въ Вологдѣ нѣтъ никакой цѣли: служи хоть 20 лѣтъ, кромѣ жалованья ничего не выслужишь; заниматься нѣтъ никакихъ средствъ; посовѣтоваться не съ кѣмъ. Повторыхъ, живя въ Вологдѣ, я мало полезенъ для семейства; платить отцовскіе долги не имѣю средствъ. Въ Петербургѣ же не то.

1844 годъ.

10 Генваря. Всѣ праздники провелъ весело. Я говорю это только объ внѣшней жизни, а не объ душѣ и сердцѣ. Въ первый день писалъ письма въ Петербургъ; потомъ принималъ поздравленія, большею частію отъ учениковъ. Самъ не ѣздилъ съ поклонами. Вздоръ! Только къ Дир. и Инспек. и то ех officio.

Ненавижу этихъ людей: въ высочайшей степени глупы: плачутъ и держатъ камень за пазухой. Вечеромъ былъ у Новицкаго. Этотъ человѣкъ съ родни мнѣ по душѣ. Оттуда часовъ въ 8 отправился къ Жаркову и просидѣлъ тамъ за полночь. Было довольно весело. На другой день вечеромъ былъ у Новицкаго. Въ понедѣльникъ вечеромъ былъ у Дубравина. Карты.... послѣ только немножко было веселѣе. Во вторникъ у Засѣцкаго.... любезничалъ съ Семеренкиной.... Она очень мила, только вѣтрена; мной занимается; но это на нѣсколько минутъ: не будь меня здѣсь, и все къ чорту. Танцовали до упаду. Въ среду маскировался; былъ въ двухъ или трехъ домахъ; а послѣ цѣлый вечеръ дурачился у Энгельмейера. Съ Лидіей пралъ ужасно, а она все слушаетъ охотно. Ужасно опустилась! отвратительна безстыдная дѣвушка. Не то было прежде.... не такъ я смотрѣлъ на нее.... Въ четвергъ у Шарыгина: опять любезности съ С-ой и опять дурачества. Маскировался и съ З. съѣзжалъ къ Жаркову. Узнали. Въ пятницу у Новицкаго. Танцовали до утра. Въ субботу на именинахъ у Вульфа. Опять до утра. Въ воскресенье въ маскарадѣ въ собраніи. Почти до утра. Въ понедѣльникъ маскировался съ Новицкимъ, а ночь до утра танцовалъ у Жолвинскихъ. Во вторникъ на именинахъ у Засѣцкой. До утра. Въ среду отдыхалъ. Въ четвергъ у Шарыгиныхъ на вечерѣ. Насилу опомнился послѣ такой гулянки. Но душа моя, какъ только погружусь самъ въ себя, не знаетъ покою....

Занимался реторикой: если Богъ велитъ, въ будущемъ году выпущу первую часть. Знаю, что она далеко не удовлетворитъ всѣмъ требованіямъ; но по крайней мѣрѣ вездѣ представитъ нѣчто живое. До сихъ поръ въ ходу Кошанскій, Плаксинъ, Георгіевской.... хотъ бы искра ума и чувства была въ этихъ сборникахъ. И самъ Давыдовъ семинаристъ. Вообще эта часть у насъ въ Россіи еще и не начиналась. Смѣшно! учебники пишутъ чортъ знаетъ для кого! Нагородятъ галлиматьи цѣлую книгу, да и даютъ ученикамъ.... Помилуйте! развѣ учить водору не значитъ развращать учениковъ? Притомъ зачѣмъ такіе огромные учебники? Учиться словесности не значитъ выдолбить реторику. Словесность такой предметъ, гдѣ надобно понять хорошо только главную, основную мысль, т. е. связь языка съ понятіями, и тогда весь учебникъ будетъ ясенъ какъ день; а безъ этой мысли—все водоръ, хоть бы реторика ваша была въ 100 томовъ. Учить словесности надо не по книгѣ: книга для ученика служитъ только посохомъ за который ведетъ его учитель. Надобно развивать учениковъ многосторонне. До сихъ поръ я употребляю вотъ какія средства: въ IV классѣ читаю хорошія сочиненія и объясняю имъ мысли, со всѣми ихъ изворотами и приложеніями, для того чтобы пролить въ умы учениковъ сначала хоть немного свѣту; разбираю въ подробности сочиненія учениковъ. Разумѣется въ обоихъ случаяхъ обращаюсь сперва къ самимъ ученикамъ, а чего они не знаютъ, говорю самъ. Въ V классѣ по реторикѣ уже разбираю хорошія и дурныя сочиненія. По моей

реторикѣ можно это дѣлать; а по реторикѣ Кошанскаго нельзя. Обращаю вниманіе на красоты выраженія. Въ VI классѣ почти тѣ же занятія; даю только поправлять имъ сочиненія учениковъ IV класса. Въ VII классѣ задаю спорныя темы, и ученикъ долженъ защищать ее передъ всѣми. Какое обширное поле для діалектики! Кромѣ того въ IV классѣ ученики пишутъ еще сочиненіе на доскѣ: это для того, чтобы слѣдить за ходомъ ихъ мыслей. На бумагѣ нельзя указывать, можно только поправлять; а здѣсь есть возможность предупреждать каждое уклоненіе отъ прямой дороги. Современемъ можетъ быть придумаю еще нѣкоторыя средства—съ большею пользою занимать учениковъ. Все это теперь очень занимаетъ меня; потому что до этого я дошелъ самъ, безъ всякихъ указаній,—и планъ и изложеніе реторики принадлежитъ лично мнѣ: учителей у меня не было. Въ Университетѣ этотъ предметъ читается совершенно не такъ: тамъ легче преподавать словесность, нежели въ гимназіи. Надобно написать объ этомъ особенную статью, да не могу собраться. Впрочемъ торопиться нечего: можно еще подумать. По выходѣ изъ У-та и не имѣлъ понятія о преподаваніи словесности въ гимназіи; потомъ обдумывая болѣе и болѣе этотъ предметъ, дошелъ до настоящихъ мыслей; нельзя считать ихъ конечно окончательными, но крайней мѣрѣ основаніе вѣрно. О хорошей христоматіи, которая также необходима, какъ и реторика, надобно еще подумать. Теперь покамѣстъ мнѣ извѣстны 3 сборника: *Собраніе образцовыхъ Русскихъ сочиненій 12 томовъ; Христоматія Пешимскаго и Христоматія Галахова.* Въ первомъ собраны всѣ сочиненія, пользующіяся классическою извѣстностію въ первой четверти 19 столѣтія. Разумѣется тутъ есть многое, чего бы не слѣдовало помѣщать въ христоматіи. Притомъ для ученикова эта книга теперь не годится; вопервыхъ потому, что недоступна для нихъ по огромности, а слѣд. и по цѣнѣ; вовторыхъ потому, что въ ней нѣтъ сочиненій новѣйшихъ. Пешимскаго христоматія также пахнетъ стариной и не совсѣмъ разборчива. Галахова отзывается безвкусицей. Если буду жить въ П-гѣ, надобно объ этомъ предметѣ подумать и поговорить съ молодыми учеными. Теорія поэзіи представляетъ ужасно много затрудненій. Теперь у меня собрано все, что было можно собрать, живя въ В-дѣ; но въ П-гѣ надобно заняться этимъ предметомъ основательно. Боже мой! за что ни хватись, ничего у насъ нѣтъ! А между тѣмъ молодое поколѣніе не ждетъ и проситъ науки.

Февраля 6. Опасенія мои, къ несчастію, были справедливы: два письма изъ П-га отъ Соколова окончательно подтвердили истину, которой боялся я. Въ первой гимназіи мнѣ не бывать.... Соколовъ пишетъ, что у Калмыкова есть въ виду другой. Всетаки это для меня самая горькая непріятность! Хотя Бибикова и увѣряетъ, что братъ ея—директоръ 2-го корпуса,—будетъ хлопотать обо мнѣ и искать мѣста гдѣ-нибудь въ корпусѣ; но всетаки надобно ѣхать въ П-гъ *на авось*. Плетневу написалъ письмо такого рода, что онъ, я думаю, отвѣтитъ

скоро.... Подождемъ. Сегодня послѣдній день масляницы; катанья я даже не видалъ: не то на сердцѣ. Впрочемъ всю недѣлю, каждый вечеръ былъ въ гостяхъ, хотя душевно и скучалъ.

Марта 21. Цѣлый мѣсяцъ... какое мѣсяцъ! слишкомъ 6 недѣль не могъ приняться за дневникъ. А сколько въ это время перечеиыталъ, передумалъ, перечувствовалъ! Не бывать мнѣ вѣрно никогда аккуратнымъ! Нарочно для того и завелъ дневникъ, чтобы не пропалъ ни одинъ случай жизни изъ памяти, ни одна мысль изъ головы, ни одно чувство изъ сердца; а между тѣмъ пишу тогда только, когда уже рѣшительно нечего дѣлать, или когда хочется спать, какъ сегодня напримѣръ. Но въ томъ-то и сила, что когда *живешь*, тогда и не думаешь объ дневникѣ; а хватишься за него тогда уже, когда жизнь совершить свое дѣло. Дѣлать нечего: запишу хоть воспоминанія. Отъ Плетнева получилъ отвѣтъ съ первой же почтой... Что это за благодѣтель! Онъ принимаетъ во мнѣ участіе, какъ въ родномъ сынѣ. Пишетъ, что все къ лучшему; не хвалить Калмыкова, имѣетъ для меня въ виду что-то лучшее, совѣтуетъ заняться новыми языками и пр. Все это, разумѣется, успокоило меня, хотя и не вполнѣ. Самое лучшее то, что П. попрежнему любитъ меня.... Можетъ быть, мнѣ никогда не оцѣнить достойно любви его. На третьей недѣлѣ поста, въ субботу вечеромъ, пріѣхалъ Максимовичъ, нашъ окружный инспекторъ. Насъ повѣстили въ воскресенье утромъ, и мы всѣ собрались въ гимназію къ обѣднѣ. Странное лицо у М. Когда онъ смотритъ серьезно, то кажется очень сердитымъ; когда же заговоритъ, то физіономія его дѣлается очень доброю и привѣтливою. Я успѣлъ обмѣняться съ нимъ только нѣсколькими фразами. Директоръ сказалъ ему обо мнѣ: „онъ скоро останется насъ; мы уже и не считаемъ его за своего“.... Лучше узнъ ничего не умѣлъ сказать! Максимовичъ только улыбнулся и сказалъ: „да“.... Въ понедѣльникъ онъ на минуту заходилъ ко мнѣ въ 4-й классъ. Никого не спрашивалъ; только посмотрѣлъ. Во вторникъ пришелъ въ 5 классъ и сѣлъ на скамейку къ ученикамъ. Я проходилъ впередъ. Максимовичъ остался доволенъ. Въ среду пришелъ къ нему на квартиру; но сказали, чтобы придти въ 6 часовъ вечеромъ. Вечеромъ пришелъ, а его нѣтъ дома. Я разсердился и далъ себѣ слово— не ходить больше. Я думалъ, что онъ не хочетъ принять меня. Какая ошибка! Наконецъ совершенно случайно прихожу въ пятницу вечеромъ. М. опять не было дома; но зато братъ его остановилъ меня и сказалъ, что братъ спрашивалъ уже обо мнѣ нѣсколько разъ. Черезъ ½ часа пріѣхалъ и М. Я началъ благодарить его за участіе, которое онъ принималъ во мнѣ, еще не зная меня лично. М. сказалъ, что онъ очень радъ былъ хлопотать обо мнѣ; но что, къ несчастію, неудачно.... Я отв., что знаю все,—и прочиталъ ему письмо П-на. Разговоръ былъ продолжителенъ. М. обласкалъ меня, какъ отецъ. Сказалъ, чтобы я пріѣзжалъ въ П-гъ въ Іюлѣ, что онъ достанетъ мнѣ и уроковъ, и мѣсто,

чтобы я не заботился ни объ чемъ, что обо мнѣ заботятся больше чѣмъ я самъ о себѣ забочусь, что я человѣкъ любознательный, и потому долженъ имѣть ходъ, и буду его имѣть и пр. и пр. Чего жъ мнѣ больше и ожидать. Я слушалъ М. почти со слезами. Между тѣмъ разговоръ коснулся и службы моей. М. сказалъ, что онъ всегда слышалъ обо мнѣ съ отличной стороны, только съ начальствомъ у меня всегда *какъ-то такъ*.... При этихъ словахъ онъ сдѣлалъ пальцемъ въ воздухѣ виньетку и улыбнулся. Объ Калмыковѣ сказалъ: „вы разумѣется писали къ нему такъ, какъ ко мнѣ пишете и къ Петру Александровичу, и вообще къ людямъ, понимающимъ эти вещи; слѣд. ослибы вы написали къ Калмыкову хоть такъ напримѣръ—*нашему.станичный паша*, то и это было бы кстати“,— и засмѣялся. Вообще видно, что онъ понимаетъ меня, что П. много ему говорилъ обо мнѣ, и что самъ онъ, какъ благородный и добрый человѣкъ, любитъ дѣлать добро другимъ.... Я былъ въ такомъ восторгѣ отъ этого разговора, что не могъ спать всю ночь. А милостивое мое начальство—одинъ семинаристъ, а другой подлецъ—вѣроятно уже шепнули ему обо мнѣ.... Да не на того попали! Онъ самъ хорошо понимаетъ ихъ.... Сочиненія учениковъ М. бралъ на квартиру и остался очень доволенъ.... Въ пансіонѣ онъ при всѣхъ сказалъ: „я здѣсь нашелъ такія сочиненія, которыхъ не находилъ ни въ одной гимназіи!“ Директоръ при этомъ только захлопалъ ушами, а Фортунатовъ тотчасъ сказалъ: „да, они имѣютъ такого наставника; и мы съ Ал. В-мъ каждое воскресенье читаемъ имъ проповѣди“.... *Мы!* а когда изъ уѣзднымъ училищѣ М. былъ недоволенъ и бранился, тогда директоръ не сказалъ *мы!* Подлецы!

22 Марта. Былъ на 5 недѣлѣ поста, въ среду, у Порошиной. Провелъ часа два пріятно. Адель и Антонина были въ восторгѣ, увидѣвъ меня. Онѣ не замолкли ни на минуту. Вѣрно не шутя я запалъ имъ въ головы.... какъ еще онѣ не подерутся за меня! Много говорили и о Баронессѣ Плотто..... Онѣ всячески даютъ замѣтить мнѣ, что Плотто влюблена въ меня; а я будто и не понимаю.... Странно это институтское воспитаніе! Дѣвушка выходитъ изъ института совершеннымъ ребенкомъ: какъ будто ихъ воспитываютъ для гаремовъ.... На повѣрку выходитъ то, что онѣ влюбляются въ перваго попавшагося мужчину, и счастливы еще тѣ, которыя, по выходѣ изъ института, имѣютъ вѣрныхъ руководителей въ родителяхъ, а не то—гибель неизбѣжна.... Мать просила меня повидаться еще разъ съ нею, до отъѣзда въ деревню; а дочки прямо назначили днемъ свиданія—вербное воскресенье.... Я хотѣлъ потѣшить ихъ, и вечеромъ въ назначенный день отправился къ нимъ. Мать еще одѣвалась. Адель и Антонина встрѣтили меня: онѣ такъ были довольны моимъ посѣщеніемъ, что не попросили даже садиться. Антонина тотчасъ сказала, что Адель напоминала матери уже нѣсколько разъ послать за мной; а Адель ссылалась на Антонину, и наконецъ обѣ покраснѣли.... Ясно, что имъ обѣимъ хотѣлось видѣть меня.... Сказали,

что посылали и за Баронессой; да ей нельзя.... Впрочемъ мнѣ и съ двумя-то трудно было любезничать; чтожъ если бы явилась еще третья?... Вечеръ прошелъ незамѣтно. Мнѣ было весело смотрѣть на эти миленькія созданія,—а они просто блаженствовали..... При свѣтѣ луны я видѣлъ, какъ онѣ стояли у окна и провожали меня глазами, покамѣстъ я не уѣхалъ изъ виду.....

Въ это же воскресенье получилъ письмо отъ Бурачка. Добрѣйшій человѣкъ! Онъ хлопочетъ сильно обо мнѣ! Былъ у Князя и упросилъ его, чтобы онъ позволилъ проситься мнѣ во 2 гимназію. Съ прошедшей почтой я написалъ къ Директору. Не знаю что̀ будетъ изъ этого пива; а кажется ничего.... Впрочемъ—все равно: теперь я уже обезпеченъ....

26 Апрѣля. Говорятъ, Державинъ не зналъ порядочно ни одного языка; но странно смотрѣть на его переводы. Псалмы Давида, которые онъ могъ бы хорошо понимать по нашему Славянскому переводу, переданы ужасно дико; напр. что это за переводъ:

Помилуй мя, о Боже! по велицей
Мнѣ милости Твоей,
По множеству щедротъ, Твоей десницей
Сгладь грѣхъ съ души моей:
А паче тайныхъ беззаконій
Очисть; ихъ знаю я.

Между тѣмъ многія пьесы Анакреона и Горація, которыя онъ читалъ въ плохомъ подстрочномъ переводѣ, переданы превосходно. Вотъ что значитъ чувствовать симпатію къ чему нибудь! Здѣсь онъ по одинѣмъ, можно сказать, буквамъ угадывалъ духъ поэзіи, а тамъ—все было ясно, и онъ ничего не видѣлъ. Піеса Державина *Дѣва за арфою* есть переводъ піесы Шиллера: *Laura am Clavier*, и переводъ прелестный, только въ концѣ онъ прибавилъ къ ней два куплета своихъ; они начинаются стихомъ: *Завтра отъ очей унала*. Этотъ хвостъ совершенно замаскировалъ піесу, такъ что нельзя даже и думать, чтобы она была не Державинская.

Вчера получилъ письмо отъ Соколова; онъ пишетъ, что въ Университетѣ явился новый поэтъ, и очень замѣчательный—Песьянкій, что Никитенко въ восторгѣ отъ него. Это пріятно. Песьянкій учился у меня въ Псковѣ, въ 5 и 6-мъ классахъ. Въ 7-мъ классѣ онъ былъ уже безъ меня, послѣ онъ поступилъ въ учители какого-то уѣзднаго училища, и черезъ 2 года перешелъ въ У-тъ. Но странно то, что онъ тогда не писалъ стиховъ, по крайней мѣрѣ не показывалъ мнѣ; да и прозой-то писалъ не совсѣмъ хорошо. Статья, которую онъ читалъ на актѣ въ гимназіи, была написана мной.

VI.

Петербургъ.

Вотъ уже слишкомъ мѣсяцъ живу я въ Петербургѣ. Кажется, цѣлая жизнь полная и горя и радостей, пролетѣла съ тѣхъ поръ, какъ я писалъ въ послѣдній разъ въ этомъ дневникѣ. Изъ Вологды выѣхалъ я 9 Іюля. Послѣднее время провелъ не скучно. Каждый день бывалъ вмѣстѣ съ кѣмъ нибудь изъ пріятелей, съ которыми Богъ вѣсть увижусь ли когда. Меня очень любили всѣ.... Много пріятныхъ вечеровъ провелъ въ послѣднее время у Витта, у Новицкаго, у Сырнева, у Селецкаго и пр. За день до отъѣзда прощался съ тѣми, которые еще оставались въ городѣ. Съ Жарковымъ простился нѣсколько прежде. Славный старикъ! Никогда не забуду его. У Витта былъ почти всю ночь за день до отъѣзда. У Новицкаго утромъ. Ниночка—эта хорошенькая, умненькая, милая, 14-лѣтняя его дочка—грустила: она также была занята мной..... Какъ жаль, что я не записывалъ исторіи моихъ чувствъ! Ниночка года черезъ два будетъ красавицей-невѣстой.... но не для меня..... Ужасно видѣть—прекрасное и не имѣть надежды когда либо владѣть имъ! Тутъ можно написать цѣлую диссертацію,—но оставимъ пока—до времени..... Бибикова съ чувствомъ простилась со мной и провожала вереты 4, разумѣется, вмѣстѣ съ Соколовымъ. Я поѣхалъ съ Засѣцкимъ и Максеевымъ въ бричкѣ. Дорога была скучна: грязь ужасная, и потому ѣхали тихо. Въ Тихвинѣ ночевали. 14 Іюля утромъ, часовъ въ 9, въѣхали въ Петербургъ. Не нужно говорить, что чувствовалъ я, въѣзжая въ столицу, гдѣ нѣкогда протекали лучшіе годы моей жизни, годы студентства.... Остановился въ домѣ Крузе, у бывшаго ученика моего Энгельмейера. Это было въ субботу. Вечеромъ пошли гулять. Зашелъ на минуту къ Монакову; потомъ къ Эвальду. Дѣти узнали меня тотчасъ. Всѣ эти крошки теперь выросли. Сама М-me Эвальдъ бросилась мнѣ на шею.... Ѳедора Ѳ. не было дома, а старика Ѳед. Христ-ча уже четвертый годъ нѣтъ на свѣтѣ. Условились на другой день ѣхать на дачу къ Шакѣлену; но никого не нашли дома. Гуляли въ Строгановскомъ саду; слушалъ кавалергардскую музыку.... Въ понедѣльникъ въ дилижансѣ отправился въ Кушелевку. Пришелъ къ Плетневу. Онъ встрѣтилъ меня попрежнему. Поговорили объ дѣлахъ и пошли къ Никитенкѣ; но нашли дома одну только жену его. Пошли въ садъ: гуляли долго. Плетневъ проводилъ меня до дилижанса. Черезъ недѣлю я опять былъ въ Кушелевкѣ. Никитенко обласкалъ чрезвычайно. И пробылъ у него цѣлый день. Жена его попрежнему хороша, добра и мила. Тутъ же былъ и Любощинскій—братъ ея, мой старый товарищъ. Съ тѣхъ поръ я постоянно ѣзжу въ Кушелевку, дня на два въ недѣлю. Ночую у Шакѣлева; потомъ отправляюсь въ Лѣсной Институтъ къ Григорьеву; а наконецъ къ Никитенкѣ; отъ туда уже въ городъ въ дилижансѣ. Ахъ, какъ тамъ весело, какъ полно жизни! то ли въ Вологдѣ! Однажды я былъ съ Никитенкой въ 4 верстахъ отъ Кушелевки на

Покло́нной горѣ. Тамъ гуляли въ саду и встрѣтили Острогра́дскаго. Онъ былъ въ бѣломъ сюртукѣ до пятъ; вокругъ шеи обернута голубая шелковая шаль; на головѣ бѣлая фуражка. Колоса́льный ростъ и необыкнове́нное выраже́ніе лица дѣлаютъ его какимъ-то вели́кимъ существомъ. Окруженный дѣтьми, онъ игралъ съ ними въ кегли. Съ нимъ же былъ и академикъ Буняко́вскій. Эта встрѣча памятна мнѣ. Въ Кушелевкѣ же у Никитенки видѣлъ Павскаго, Филиппова—нашего стараго университе́тскаго инспе́ктора и Струговщикова—переводчика Гете.... Переводы его удачны. Никитенко доста́лъ мнѣ мѣсто въ Корпусѣ Инженеровъ Путей Сообще́нія, въ среднихъ ка́ссахъ. Мѣсто прекра́сное. У Бурачка бываю также часто. Онъ человѣкъ хорошій; впрочемъ живетъ небога́то. Изъ старыхъ товарищей видѣлъ Любощи́нскаго, Садовско́каго, Черня́ева, Виногра́дова, Марцинове́каго, Полѣво́, Быко́ва, Черткова... Всѣ они служатъ: иные хорошо, а иные худо.

6 Сент. Съ 30 Августа живу вмѣстѣ съ Н. Н, С-мъ. Устро́ились хорошо. Это истинно—мое счастіе.... Живу ни скучно, ни весело: ни то, ни се.... Серьезныхъ занятій рѣши́тельно нѣтъ: то полежу, то схожу куда-нибудь за дѣломъ, а иногда и безъ дѣла, то почитаю старый журна́льный сбро́дъ, то подумаю о предстоя́щей новой жизни, то—по обыкнове́нію—помечта́ю.... да и замечта́юсь.... Несно́сныя мысли! откуда лѣзутъ онѣ въ голову? Я думаю, чрезъ недѣлю начне́тся уже моя новая служба! Что-то Богъ да́стъ! неужели и здѣсь разочарованіе! Въ головѣ ужа́сное безсмы́ліе.... рѣши́тельно ни одна мысль покамѣстъ не занима́етъ меня.... Ужа́сно пу́сто и въ головѣ, и въ сердцѣ: ни горя, ни ра́дости.... Одна только непрія́тность по временамъ движетъ сердце и скопли́нетъ въ груди грозу, которая, какъ обыкнове́нно, бли́зится у меня, производитъ мгновенные взры́вы...

16 Сент. На прошлой недѣлѣ въ пя́тницу былъ у Никитенки и видѣлъ Краевскаго. Никитенко отрекоменди́валъ меня ему. Я обѣща́лъ доста́вить нѣсколько статей для *Отеч-гя Записокъ*. Разговоръ былъ пусто́й: бранили монаховъ и вообще то состоя́ніе, до котора́го доведено у насъ духове́нство. При этомъ разска́зано было множество смѣ́шныхъ анекдо́товъ. Говорили о Мераля́кинѣ. Краевскій хочетъ издать его жизнеописа́ніе. Это хорошо. Говорили о Щепки́нѣ, который пріѣ́халъ сюда изъ Москвы. Онъ, говорятъ, человѣкъ очень смѣ́сушій, просто живая книга. Между прочимъ Краевскій упомяну́лъ, что *Старосвѣтскіе помѣщики* Гоголя написаны съ разска́за Щепки́на. Въ понедѣ́льникъ на нынѣшней недѣлѣ былъ въ *Кунскамерѣ* и въ *Кабине́тѣ Петра Великаго*. Предме́товъ множество; но особе́нно замѣча́тельнаго мало. Только статуя Петра и лошадь его интересны. Впрочемъ первая сдѣ́лана невѣ́рно: лицо и руки дѣтскія. Портре́ты царей, начиная съ Алексѣя Михаи́ловича—хороши. Портре́тъ Екатерины Великой превосходе́нъ. Что это за чу́десные глаза! Немудрено, что она умѣла

побѣ́ждать сердца. Скелетъ мамонта интересе́нъ. А главное меня занима́ло въ Кунскамерѣ личико какой-то Нѣмо́чки, которая ходила съ своей матерью. Очень миленькая! Она замѣ́тила, что я пристально слѣ́жу за ней глазами, и часто огля́дывалась. О женское лука́вство! Впрочемъ мнѣ скоро наскучи́ло и я ушелъ. Въ четвергъ былъ у Порошина. Призна́юсь, никогда не чувствовалъ я, какъ много отсталъ въ своемъ образова́ніи въ послѣ́дніе шесть лѣтъ; но въ разговорѣ съ Порошинымъ увидѣ́лъ всю бе́здну, отдѣля́ющую меня отъ него,—и ушелъ съ полнымъ убѣжде́ніемъ—приня́ться за ученье. Но по пути зашелъ къ К., и кончи́лъ вечеръ скверно. Вотъ мой характе́ръ! Въ этихъ контраста́хъ истинной теплоты чувства и мысли въ самыхъ глупы́хъ проступка́хъ заключа́ется моя жизнь; а всему причи́ной первонача́льное воспита́ніе и обѣ́шенная кровь. Въ одну минуту могу оста́вить за собою многихъ и даже очень многихъ,—и тотчасъ же пасть ниже животны́го. Впрочемъ Порошинъ подѣ́йствовалъ на меня благотво́рно. Я рѣши́тельно приня́лся теперь за Нѣм-ій языкъ: надо́бно больше чита́ть и читать и чита́ть. Въ бесѣдѣ съ Плетневымъ, Никитенко́й и Бурачко́мъ я чувствую, что самъ не глупъ—потому что главное досто́инство ихъ (кромѣ Бурачка) заключа́ется въ вѣ́рности взгляда и чистотѣ вку́сов. Они не имѣ́ютъ такой многосторо́нности фактическихъ свѣ́дѣній, какъ Порошинъ. Съ этимъ человѣкомъ познаешь вполнѣ все свое невѣ́жество. Вчера былъ у Никитенки; видѣлся тамъ съ Гребе́нкой и Струговщико́вымъ. Гребенка человѣкъ неинтере́сный; но Струговщи́кокъ очень образо́ванный. Разговоръ былъ многосло́венъ. Много говорили о Гете. Струговщи́комъ преимущественно занима́ется этимъ писателемъ и переводитъ его очень удачно. Мысль его,—что хотя Гете сдѣ́лался уже вполнѣ нашимъ достоя́ніемъ въ переводахъ, передѣ́лкахъ, покра́жахъ и т. п.; но что надобно изучить его непремѣ́нно въ самомъ источникѣ: увидѣть всю глубину его мыслей, понять по какому поводу возника́ли эти мысли, какое отношеніе имѣ́ли онѣ къ современной жизни и пр.,—эта мысль совершенно справедли́ва. Дай Богъ, чтобы Струговщи́кову удало́сь вполнѣ исполни́ть этотъ планъ. Говорили опять о Щепки́нѣ. Очень хвали́ли его игру въ Ревизорѣ и сравнивали съ Сосни́цкимъ. Разумѣ́ется, самъ я не могу судить объ этомъ; потому что не видалъ Щепки́на, по недоста́тку въ фина́нсахъ. Что дѣлать? надобно покамѣстъ потерпѣ́ть: вно́сь скоро обстоя́тельства измѣ́нятся. Говорили о книжной торго́вдѣ въ Россіи. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ у насъ второго Новико́ва; все это торгаши. Надобно бы составить компа́нію изъ людей образо́ванныхъ, которые бы имѣли и силы и средства покрови́тельствовать талантамъ. Тогда бы меньше было у насъ вздорныхъ книгъ.

16 Окт. Много случи́лось со мною въ одинъ мѣсяцъ. Въ самомъ дѣлѣ изъ Петербурга мѣсяцъ то же, что въ Вологдѣ годъ. Надобно бы записывать каждый день, да гдѣ взять времени. Жизнь кипу́чая.... когда жъ тутъ думать и записывать. Начнемъ съ того, что я уже живу на 4-й квартирѣ, по прика́зу въ

Петербургъ. Ну да это проза. Лекціи въ Институтѣ идутъ. Въ кадетскихъ классахъ я начать не блистательно. Кадеты на меня смотрѣли какъ-то дико,—однимъ словомъ, не поняли меня. Я испытать маленькое разочарованіе. Прежде бывало я производить на учениковъ магическое дѣйствіе... Я былъ всегда идоломъ ихъ, а теперь..... Въ чемъ же причина? Въ шарлатанахъ—преподавателяхъ словесности: они приучаютъ учениковъ только къ бездушнымъ возгласамъ и внушаютъ мысль, что занятіе словесностью легкое и пріятное. Отъ этого и происходитъ, что всякой хочетъ учиться словесности слегка. Бутырскій, мой предшественникъ, избаловалъ кадетъ: занималъ ихъ анекдотами да побасенками.... Однакожъ надѣюсь; современемъ они полюбятъ меня: надобно добиться того же, что я имѣлъ и въ Вологдѣ, т. е. безграничной любви, уваженія, преданности, увѣренности въ истинѣ каждаго слова, сказаннаго мною.... Въ офицерскомъ классѣ дѣло идетъ лучше: тамъ и профессоръ, слѣд. свободенъ, и скорѣе могу внушить къ себѣ уваженіе. Неловко только устроенъ классъ. Офицеры не имѣютъ передъ собою столовъ, сидятъ на стульяхъ, разставленныхъ амфитеатромъ; а профессоръ долженъ стоять передъ ними на маленькомъ амвонѣ, тоже не имѣя передъ собою ничего. Но дѣло идетъ хорошо. Слушаютъ внимательно, да и я не лѣнюсь; потому что предметъ чтеній—теорія поэзіи—любимѣйшій мой предметъ. Отношенія къ начальству хороши. Получилъ черезъ Никитенко уроки у Позняковскаго—готовить сына въ Университетъ. Ученикъ мой малой славный; способности отличныя. Только тутъ вышла сплетня. До меня училъ Савельевъ—другъ и сотрудникъ Бурачка. Я отозвался на урокъ невыгодно о Маякѣ. Ученикъ мой пересказалъ Савельеву, а тотъ Бурачку. Прихожу вчера къ Бурачку, и тотчасъ замѣтилъ, что уже ему пересказано. По случаю этого написалъ къ нему сегодня по городской почтѣ. Не знаю что будетъ. Хорошо, если бы разойтись съ нимъ. Съ такимъ фанатикомъ, который видитъ въ Св. Писаніи только буквы, дѣла не сдѣлаешь. Споралъ вчера съ нимъ часа два о сатирѣ и комедіи. Разумѣется, ничѣмъ не рѣшили. Онъ утверждалъ, что этотъ родъ поэзіи противенъ духу христіанства; а я говорилъ, что основаніе его чисто христіанское,—желаніе исправить людей. Онъ занесъ ужасную нелѣпость, что надобно у насъ возстановить только тѣ роды поэзіи, которые были у Евреевъ и пр. и пр. Что станешь дѣлать съ такимъ человѣкомъ? Онъ готовъ въ глаза вцѣпиться каждому.

2 Декабря. Былъ вчера у Никитенки, и провелъ время очень пріятно. Сначала пришелъ туда Краевскій. Разговоръ нечувствительно склонился къ Крылову. Много было говорено о его умѣ—чисто Русскомъ—точномъ, тонкомъ, смѣтливомъ, о его ужасномъ цинизмѣ въ жизни и пр. и пр. Между прочимъ вотъ два анекдота, разсказанные Краевскимъ. Однажды (К. не помнитъ, въ которомъ году) Крыловъ сидѣлъ у Князя Одоевскаго. Приходятъ Якоби, который тогда бредилъ гальвано-пластикой, и химикъ Гессъ. Одоевскій тотчасъ познакомилъ ихъ съ

Крыловымъ. Начались разныя вѣжливости и комплименты. Крыловъ между прочимъ сказалъ: „Я, и я очень люблю естественныя науки; но не имѣю возможности заниматься ими какъ слѣдуетъ; а потому много вопросовъ для меня неразрѣшимы, хотя очень занимаютъ меня.“ Якоби и Гессъ, разумѣется, захотѣли узнать—что это за вопросы. „А вотъ напримѣръ, сказ. Крыловъ: я не понимаю предомленія лучей свѣта. Положимъ, я откуда, справа, смотрю на лѣвый конецъ картины и вижу его; а вы слѣва—на правый и также видите. Какимъ же образомъ, если мы видимъ предметы потому, что лучи свѣта падаютъ на нихъ и отражаются въ глазу, здѣсь эти лучи пересѣкаютъ другъ друга и не перемѣшиваются?“ Другой анекдотъ. Въ 1836 году, въ послѣдній годъ жизни Пушкина, у Жуковскаго были субботы. Однажды въ субботу сидѣли у него Крыловъ, Краевскій и еще кое-кто. Вдругъ входитъ Пушкинъ, необыкновенно ужасно. Что за причина? спрашиваютъ всѣ. А вотъ причина: цензоръ Крыловъ не хочетъ пропустить изъ стихотворенія Пушкина—Пиръ Петра Великаго—стихонъ: *чудотворца исполина чернобровая жена*.... Пошли толки о цензорахъ. Жуковскій, съ свойственнымъ ему дѣтскимъ поэтическимъ простодушіемъ, сказалъ: „странно, какъ это затрудняются цензоры! Устанъ имъ давать: ну, что подходитъ подъ какое нибудь правило—не пропускай; тутъ въ томъ только и трудъ: прикладывать правила и смотрѣть.“—„Какой ты чудакъ! сказ. ему Крыловъ: ну, слушай. Положимъ, поставили меня сторожемъ въ этой залѣ, и не велѣли пропускать въ двери плѣшивыхъ. Идешь ты (Жуковскій плѣшивъ и зачесываетъ волосы съ висковъ), и пропустилъ тебя. Меня отколотили палками—зачѣмъ пропустилъ плѣшиваго. Я отв.: „да вѣдь Жуковскій не плѣшивъ: у него здѣсь (показывая на виски) есть волосы.“ Мнѣ отвѣчаютъ: „здѣсь есть, да здѣсь то (показывая на маковку) нѣтъ.“ Ну хорошо, думаю себѣ, теперь-то ужъ я буду знать. Опять идешь ты: я не пропустилъ. Меня опять отколотили палками. „За что?“—„А какъ ты смѣлъ не пропустить Жуковскаго.“—„Да вѣдь онъ плѣшивъ: у него здѣсь (показывая на теми) нѣтъ волосъ.“—„Здѣсь-то нѣтъ, да здѣсь-то (показывая на виски) есть.“—Чортъ возьми, думаю себѣ: не велѣли пропускать плѣшивыхъ, а не сказали, на которомъ волоскѣ остановиться“. Жуковскій такъ былъ пораженъ этой простой истиной, что не зналъ—что отвѣчать—и замолчалъ.

А вотъ кстати ужъ еще анекдотъ Крылова. Я слышалъ его отъ Позняковскаго. Незадолго до смерти, Крыловъ былъ гдѣ-то на обѣдѣ. Разговоръ зашелъ объ стерлядяхъ, которыя въ это время подавались за столомъ. Одинъ какой-то господинъ, сидя напротивъ Крылова, разсказывалъ, что въ ихъ сторонахъ стерляди необыкновенно велики. „А какъ напримѣръ?“ спросилъ Крыловъ.—„А вотъ, отв. господинъ, какъ отъ меня до васъ.“ Крыловъ немного отодвинулся со стуломъ въ сторону и сказалъ: „не мѣшаю ли я вамъ?“.... Просто зарѣзалъ! Да и Крылова ужъ нѣтъ на свѣтѣ! Грустно видѣть, какъ старое поколѣніе писателей по-

степенно все уже почти сошло со сцены; а новое что-то плохо дѣйствуетъ. Давно ли у насъ звучали еще имена: Пушкина, Баратынскаго, Крылова, Дмитріева, Карамзина, Гнѣдича, Дельвига, Батюшкова и пр. и пр. А теперь остался уже только одинъ Жуковскій. Да и тотъ живетъ въ Дюссельдорфѣ съ молодой женой. Говорятъ впрочемъ, онъ уже перевелъ 10 пѣсней Одиссеи. Дай Богъ, чтобы онъ кончилъ этотъ трудъ. Теперь у насъ одинъ Гоголь.... Вотъ писатель! Вчера Краевскій говорилъ, что Гоголь написалъ путевыя записки Русскаго генерала въ Италіи. За одну тему уже стоитъ расцѣловать Гоголя. Этотъ предметъ до того исполненъ комизма, что право кажется не можетъ быть ничего лучше. Что можетъ быть глупѣе Русскаго генерала? Но здѣсь этотъ народъ, можно сказать, въ своемъ стоялѣ; а тамъ онъ въ Италіи, среди памятниковъ искусствъ? Умереть со смѣху!—Былъ вчера у Никитенки Майковъ. Я познакомился съ нимъ. Прелестный человѣкъ! Онъ прочелъ прекрасное стихотвореніе—*Духъ вина*. Послѣ много толковали объ Италіи, объ женщинахъ—объ Венеціанкахъ и Испанкахъ.... Боже мой! неужели мнѣ никогда не удастся осуществить мечту свою—о поѣздкѣ заграницу. Нѣтъ, отказусь отъ всѣхъ видимыхъ благъ, какія только сулитъ здѣсь жизнь, и во что бы то ни стало, поѣду заграницу.

1845.

3 Маія. Чортъ знаетъ! никогда нѣрно не быть мнѣ аккуратнымъ. Дневникъ и завелъ не для того, чтобы писать воспоминанія, которыя—какъ бы они ни были живы—всегда воспоминанія; образы безъ плоти и крови; мнѣ хотѣлось бы высказывать мысли и чувства въ минуты ихъ бытія; а напослѣдку выходитъ не то: я пропускаю почти по полугоду.... Вотъ Русская натура!

Вчера былъ Майскій парадъ, ... Ничтожное столкновеніе какого-то франта съ полицейскимъ чиновникомъ навело меня на ужасное чувство.... Чѣмъ больше живешь, тѣмъ больше понимаешь, какой ужасный деспотизмъ въ Россіи.... Это чувство невыразимо мучительно,—и нѣтъ никакой надежды на болѣе свѣтлую будущность.... Будочникъ можетъ среди улицы ударить васъ по шеѣ, и попробуйте-ка пожаловаться? васъ задавятъ.... Ужасное положеніе! Чувства народныя дотого опошлены, въ этомъ дьявольскомъ деспотизмѣ, что подлость дѣлаетъ человѣку честь, и облагораживаетъ его въ глазахъ другихъ. Слова: *онъ подлецъ*,—и *онъ хорошій человѣкъ*—у насъ синонимическія. Попробуйте жить честно: счастіе еще, если васъ не задушатъ,—а ужъ о выигрышахъ не думайте. Кто вчера красовался . . . . . въ лентахъ и звѣздахъ? Первые подлецы въ Россіи, варвары, тираны, дураки,—и народъ такъ привыкъ къ этому, что смотритъ на нихъ съ какимъ-то благоговѣніемъ.... А Царь? онъ совершенно счастливъ, что солдаты хорошо маршируютъ.... Онъ считаетъ себя въ эти минуты не ниже Наполеона.... . . . . а что между тѣмъ дѣлается . . . . . ужасъ! нѣтъ словъ высказать всѣ

мерзости.... Едва ли Римъ бывалъ въ такомъ положеніи.... И есть же подлецы, которые печатнымъ образомъ кричатъ о славѣ Россіи, ... Мы велики подлостями: въ этомъ дѣйствительно не сравнится съ нами ни одинъ народъ.... а больше что? всѣ части у насъ въ упадкѣ страшномъ.... вездѣ торжествуетъ одна только подлость.... Ужасъ, ужасъ!... Если бы имѣлъ средства, бѣжалъ бы на край свѣта.... только чтобы не видѣть этого и отдохнуть сердцемъ.... въ груди такъ тяжело.....

19 Ноября. Съ Октября я получилъ 4 частныя мѣста. Одно у Графа Ферзена. Готовить въ У-тъ двухъ сыновей и учить дочь. Сыновья хорошіе люди, а дочь Софья Павловна—прелесть. Умна и мила. Она доставляетъ мнѣ много удовольствія. Другое—у Княгини Салтыковой—готовить въ Университетъ сына. Прелесть что за юноша. Уменъ и благороденъ! Третье—у Князя Одоевскаго (Влад. Ѳедор-ча) готовить въ У-тъ племянника. Четвертое—у Графа Клейнмихеля—учить двухъ дочерей.

Все это проза. Теперь о занятіяхъ другаго рода. Я перевожу Донъ-Карлоса. Кажется, удастся кончить это дѣло хорошо. Драма моя пошла въ ходъ, и обѣщаютъ успѣхъ. Можетъ ли въ деспотическомъ государствѣ быть что-нибудь порядочное на сценѣ! Ахъ, если бы всѣ мои надежды исполнились!

1846.

18 Февр. Проза, проза и проза! куда ни оглянись—все проза. Возьмешься за перо—проза: потому что въ тѣ минуты, когда чувствуешь въ себѣ что-то похожее на поэзію—перо не попадается подъ руку. Хотѣлось бы писать жизнь духа, то, что волнуетъ меня, а между тѣмъ пишешь не то, какія-то холодныя воспоминанія. Надобно имѣть Нѣмецкую аккуратность, а это ужъ рѣшительно не въ природѣ моей. Въ границахъ я никакъ не могу быть: что ни задашь себѣ, ничего не исполнишь. Плановъ много, и если судить обо мнѣ по планамъ, такъ пожалуй иной сочтетъ за генія,—да нотъ бѣда! нѣтъ воли. Съ самой выспренней мысли я тотчасъ падаю въ грязь. Счастье только мое, что недолго остаюсь въ этой грязи: тотъ часъ же опять я встаю *здравъ* и *невредимъ*. Покинемъ, покамѣстъ живется. Умремъ—и сгнію не оставивъ..... Грустно! Теперь только находятъ иногда на меня минуты, когда я начинаю чувствовать какое-то одиночество. Иной сочтетъ это за пополненіе жениться. Да вѣдь нельзя, по моимъ понятіямъ о жизни и о женщинѣ..... Впрочемъ много тужить не о чемъ. Зачѣмъ же я и учился, если не устою противъ внутренней борьбы. Есть много еще въ жизни, чѣмъ можно одушевить себя. Вопервыхъ наука со всѣми своими живоносными истинами; вовторыхъ литература; въ третьихъ благотворительность.... сколько чистѣйшихъ наслажденій, которыя гораздо прочнѣе счастія супружеской жизни. Объ одномъ только надобно заботиться—беречь здоровье. Вотъ если оно измѣнитъ, тогда—бѣда, просто бѣда. Но будущее невѣдомо для

насъ,—такъ нечего много и заботиться объ немъ. Положимся во всемъ на Бога,—и поживемъ, покамѣстъ живется.

Что наша литература? На прежнихъ основаніяхъ, т. е. выходитъ иногда кое-что порядочное, сколько возможно это въ деспотическомъ царствѣ. Трудно представить даже, какія ужасныя оковы наложены на всякое свободное развитіе мысли. Теперь только можно чувствовать нѣкоторыя историческія эпохи, какъ напр. отданіе Нидерландовъ, Съверо-Американскихъ штатовъ и пр. То, что было даже въ царствованіе Александра, (а давно ли кажется) теперь представляется уже какимъ-то мнѣніемъ. Варварскій деспотизмъ! Когда жъ это кончится? Спитъ Русскій народъ глубокимъ сномъ, и вѣроятно нескоро еще проснется. Сколько можно предвидѣть это теперь, такъ онъ пойдетъ двумя путями. Высшій и средній классы образуются и въ наукѣ почерпнутъ силы и средства для дѣйствій человѣческихъ,—а низшій само правительство разбудитъ наконецъ кнутами; потому что лопнетъ же когда нибудь историческое—можно сказать—баснословное его терпѣніе. По временамъ, а въ послѣднее время даже и нерѣдко,—вспыхиваютъ уже маленькія возмущенія. Правда, это раздаются голоса только немногихъ, маленькихъ волостей; но все же такъ это вопли человѣчества—признакъ, что чувство чего-то лучшаго есть уже въ народѣ. Прижимки—варварскія прижимки Евреевъ,—; религіозное гоненіе въ Лифляндіи и Курляндіи (въ XIX вѣкѣ!!!), плаки и кнуты въ Польшѣ, Кавказъ—все это ускоритъ ходъ вещей..... Но всетаки врядъ ли дождаться намъ чего нибудь лучшаго! Развѣ само небо сжалится надъ нами, и *сочиненія* какое нибудь чудо!.... Чортъ знаетъ, какъ бы вспыхнулъ я, если бы заварилась какая нибудь каша!... все бы бросилъ и пошелъ на площадь..... Какимъ клеймомъ заклеймитъ будущій историкъ нашу несчастную эпоху! И подѣломъ! Изъ 60 милленовъ жителей—едва ли найдется полмильена, которые чувствуютъ весь ужасъ своего положенія. Стыдно сказать!

19 Февр. Что наши журналы? То же, что и другія отрасли литературы. Хорошій человѣкъ не возьметъся за изданіе журнала, потому что эта часть оподлена спекулиторами; а тѣ журналисты, которые теперь на лицо, не заслуживаютъ ничего кромѣ презрѣнія. На первомъ планѣ стоятъ—*Отеч. Записки* и *Библ. для Чтенія*. И тотъ и другой журналъ имѣютъ до 4500 подписчиковъ—число въ наше время огромное! Но чтожъ изъ этого слѣдуетъ? можно ли заключать у насъ по числу расхожихъ экземпляровъ о духѣ журнала? ничуть не бывало! Общество наше погружено еще въ такое глубокое невѣжество, что никто и не думаетъ всмотрѣться въ направленіе журнала..... Только въ Петербургѣ слѣдятъ за этимъ. А добрымъ нашимъ провинціаламъ давай только повѣстей—все равно какія бы ни были онѣ—давай повѣстей и только. Провинціалъ смотритъ на литературу, какъ на препровожденіе времени, если нѣтъ лучшихъ развлеченій—карть, сплетней и т. п. Вотъ *Б. для Ч.* и *О. З.* и подчуютъ ихъ цѣлыми ромаnами, переводя ихъ отовсюду. А издатели журналовъ собираютъ денежки, держатъ на жалованьи цѣлыя ватаги рецензентовъ, переводчиковъ, корректоровъ,—а сами лежатъ на боку, и смотрятъ на свои журналы какъ на хорошія усадьбы. Конечно, они народъ смѣтливый, знаютъ, что въ мутной водѣ легко ловить рыбу.... *Сынъ Отечества* мало извѣстенъ. *Репертуаръ*—слишкомъ для нашего общества спеціаленъ. Въ немъ имѣютъ нужду только любители театра, а такъ какъ этихъ людей мало, да и Репертуаръ хочетъ быть только ничтожнымъ эхомъ мнѣній толпы, потому и не можетъ никогда имѣть ходу. *Современникъ* и *Маякъ* издаются—можно сказать—incognito. Первый потому, что слишкомъ тонокъ: мало въ немъ понѣстей, стало быть и подписчиковъ мало; а въ Петербургѣ тоже онъ не можетъ имѣть ходу; потому что мнѣнія почтеннаго издателя пахнутъ еще вѣкомъ Аркадскихъ пастуховъ. Второй—Богъ знаетъ что такое. Это голосъ фанатика, который ругаетъ все, что только не взято изъ Библіи. На дняхъ, къ чести нашего вѣка, онъ замолкъ: его запретили за статью, въ которой издатель проповѣдывалъ крестовый походъ противъ иностранцевъ въ Россіи. *Москвитянинъ* пошелъ было сначала порядочно,—но потомъ обился съ толку: началъ доказывать, что Россія хороша была только до Петра, но потомъ когда подвинулась къ Европѣ, все пошло вверхъ дномъ. Чортъ знаетъ, что за нелѣпость!.... А между тѣмъ новое поколѣніе воспитывается подъ вліяніемъ этихъ мнѣній; многіе учители почерпаютъ въ журналахъ пищу для своихъ крошечныхъ умовъ и толкуютъ это своимъ ученикамъ. Каковы надежды Россіи!!! Одни, увлекаясь духомъ Библіотеки для Чтенія, пріучаются, прежде нежели образуются наукой, конфузствовать надъ всѣмъ, не разбирая святыни ли это или глупость. Другіе, въ духѣ Отеч. Записокъ, въ духѣ глупо понятой Германской философіи, начинаютъ пускаться въ объясненіе такихъ явленій, которыя они никогда не испытывали и не видали. Дитя еще и по уму и по сердцу, онъ не хочетъ и знать,—что значитъ образованъ умъ и сердце,—а трактуетъ очень высокопарно о сотворенія міра, о Богѣ и пр. и пр. и пр. Вотъ наше настоящее, да и въ будущемъ-то тьма кромѣшная!

23 Фев. Вотъ что разсказывалъ гр. Сологубъ Никитенкѣ о смерти Пушкина. Въ послѣдній годъ своей жизни, Пушкинъ рѣшительно искалъ смерти. Тутъ была какая-то психологическая задача. Причины никто не могъ знать, потому что Пушкинъ былъ окруженъ шпіонами: каждое слово его, сказанное въ кабинетѣ самому искреннему другу, было извѣстно правительству. Стало быть—что творилось въ душѣ его, извѣстно только Богу. Онъ искалъ смерти. Въ 1836 г. онъ вызывалъ на дуэль Сологуба, по самой пустой причинѣ, за какую-то сплетню. Сологубъ не отказался. Это понравилось Пушкину. Онъ сблизился съ Сологубомъ, и они сдѣлались друзьями. Вскорѣ онъ вызвалъ на дуэль Дантеса—и просилъ Сологуба быть секундантомъ. Сологубъ согласился. Секунданты объяснились съ Дантесомъ. Тотъ сказалъ, что готовъ исполнить всѣ требованія Пушкина. Пуш-

князь потребовалъ, чтобы Дантесъ женился на его свояченицѣ. Дантесъ женился. Не прошло и двухъ мѣсяцевъ, какъ Пушкинъ опять потребовалъ его на дуэль. Дантесъ опять объявилъ, что въ жизни этого великаго человѣка онъ обязанъ будетъ дать отчетъ передъ цѣлымъ народомъ,—и потому готовъ сдѣлать ему всевозможныя уступки. Пушкинъ сказалъ, что онъ хочетъ непремѣнно стрѣляться съ нимъ; потому что оба они не могутъ жить вмѣстѣ. Сологубъ ухаживалъ тогда въ Москву, и секундантомъ Пушкина былъ Данзасъ. Разумѣется, обвиненія пали на жену Пушкина, что она будто бы была въ связяхъ съ Дантесомъ. Но Сологубъ увѣряетъ, что это сущій вздоръ. Жена Пушкина была въ формѣ красавица, и поклонниковъ у ней были цѣлые легіоны. Немудрено стало быть, что и Дантесъ поклонялся ей какъ красавицѣ; но связей между ними никакихъ не было. Подозрѣваютъ другую причину. Жена Пушкина была фрейлиной при Дворѣ, такъ думаютъ, что не было ли у ней связей съ Царемъ. Изъ этого понятно будетъ, почему Пушкинъ искалъ смерти и бросался на всякаго встрѣчнаго и поперечнаго. Для души поэта не оставалось ничего кромѣ смерти.

26 Мая. Перевелъ для Современника 2 статьи: одна—біографія Берл. Проф. Пухты: она напечатана уже въ Майской книжкѣ; другая *Любовь Гете къ Гретхенъ* (отрывокъ изъ Wahrheit und Dichtung); она напечатается въ будущемъ мѣсяцѣ (въ Іюлѣ). Послѣдняя статья навела меня на мысль—описать подробнѣе любовь мою къ Ю. А. Г. Заглянулъ сегодня въ дневникъ. Эта исторія описана съ жаромъ; но видно, что, живя еще подъ вліяніемъ страсти, я не могъ тогда быть историкомъ собственнаго сердца. Теперь же, сколько припомню, запишу основательнѣе. Еслибъ можно было отъ Ю. А. достать всѣ мои письма, тогда бы составилась изъ этого самая любопытнѣйшая исторія: не было ни одного вздоха, который бы я не вывѣрилъ письму; самыя обстоятельства равныхъ встрѣчъ съ нею описаны преподробно, съ приличнымъ объясненіемъ—когда и что я чувствовалъ.... Смѣшно! а тогда какая глубокая жизнь кипѣла среди этихъ повидимому мелочныхъ обстоятельствъ! Я увидѣлъ Ю. А. въ первый разъ на бульварѣ. Она шла съ дѣтьми Н. Н. Зубова. Это было въ Маѣ мѣсяцѣ 1841 года. Я шелъ тогда съ П. Встрѣтить въ Вологдѣ новое лицо—вещь рѣдкая: тамъ всѣ лица извѣстны. А это лицо было такое миленькое! Я невольно пристально посмотрѣлъ на нее. Она потупила глаза. Я нѣсколько разъ оглядывался еще и смотрѣлъ ей въ слѣдъ; но она повернула къ дому, и исчезла. П. сказалъ мнѣ, что она недавно пріѣхала изъ Пет.-га. Дѣйствительно, какъ я послѣ уже узналъ, она только въ концѣ зимы пріѣхала. Мнѣ очень хотѣлось почаще встрѣчаться съ нею; но 3-мы уѣхали на лѣто въ Погорѣлово и увезли, разумѣется, съ собой и Ю. А. Я по обыкновенію мечталъ только, и избалованный прежними побѣдами, думалъ, что и она непремѣнно мечтаетъ обо мнѣ. Такъ и былъ самонадѣянъ! Впрочемъ на этотъ разъ, какъ увидимъ ниже, я не ошибся. Лѣто

проведено въ Тотьмѣ. Въ другой разъ я увидѣлъ Ю. А. въ домѣ Тизенгаузена, когда братъ мой былъ уже женихомъ Ш. А.,—именно въ самый день сговора. Ю. А. съ матерью пріѣзжала изъ Погорѣлова, по этому случаю, въ городъ. Не знаю почему, я не былъ на сговорѣ, а пришелъ уже вечеромъ. Братъ отрекомендовать меня Ю. А. Я не помню что-то сказалъ ей и приготовился уже услышать отъ нея что-нибудь любезное. Не тутъ-то было! Она рѣшительно ничего не сказала: смѣшалась немного, и тотъ-часъ же уѣхала съ матерью въ Погорѣлово. Я растолковалъ это замѣшательство въ свою пользу, и въ сердцѣ моемъ въ эту минуту было уже рѣшено, что добьюсь отъ ней откровенности. Приблизился день свадьбы брата. Я былъ шаферомъ у его невѣсты. За полчаса до вѣнчанья пріѣхалъ къ Тизенгаузену. Невѣста еще одѣвалась; Ю. А. была при ней. Мнѣ не удалось сказать ей ни слова. Послѣ вѣнчанья всѣ гости пріѣхали къ намъ. Ю. А. была ужасно дика. Я не смѣлъ даже подступить къ ней. Наконецъ подсѣлъ, и успѣлъ вымолвить ее на разговоръ. Теперь мы были уже родственники. Я очень много шутилъ; она смѣялась. Такъ и кончился вечеръ. При прощаніи я подалъ ей салопъ и поцѣловалъ руку. Она дружески простилась со мной. Я былъ въ восторгѣ. На другой день она обѣдала у насъ,—зашла изъ моей комнату,—и потомъ опять уѣхала въ Погорѣлово. Подарила мнѣ сигарошницу и дала свой альбомъ. Я написалъ ей стихи, которые начинаются такъ: „что вамъ скажу? тамъ стихъ молчитъ" и пр. Ея не было въ городѣ, а я все мечталъ объ ней. Черезъ сестру она присылала мнѣ поклоны и просила книгъ. Я исполнялъ все немедленно. Наконецъ по первому зимнему пути она возвратилась въ городъ. Я началъ ухаживать за ней. Былъ вмѣстѣ съ братомъ, его женой и съ сестрой К. у нихъ. Дурачились; но она все какъ-то какъ будто боялась меня, хотя глазъ моей зорко видѣлъ, что она любитъ меня. Попалась подъ руку книга—нѣмецкій переводъ Байрона. Я заставилъ ее прочитать стихи—Первый поцѣлуй любви. Она прочитала, зачеркнула карандашемъ и написала на полѣ: „очень глупо!" Изъ этого уже ясно было, что ей хочется поцѣлуя. Книга эта была моя, и я хранилъ ее съ тѣхъ поръ какъ святыню. Зубовы, возвратись въ городъ, желали, чтобы я ходилъ къ нимъ чаще. Однажды Ш. А. пошла къ сестрѣ и просила, чтобы вечеромъ и я пришелъ туда. Я былъ очень радъ. Явился. Зубовы приняли меня очень ласково. Самъ Н. Н. З. видѣлъ меня прежде, во время свадьбы, и очень расхвалилъ меня. Жена его (молодая кокетка) и старшая дочь (отъ первой жены) желали непремѣнно видѣть меня, чтобы лично убѣдиться—дѣйствительно ли я такой. Я сидѣлъ теперь съ ними внизу. Начали прощаться. Зубова предложила, не угодно ли мнѣ зайти наверхъ къ роднымъ. Отправился. Ш. сидѣла въ боковой комнатѣ съ матерью, а я подсѣлъ къ Ю. А. Шутили, играли въ карты, гадали. По картамъ вышло, что она влюблена въ червоннаго короля. Хотя ясно было, кто этотъ червонный король, но я непремѣнно доби-

вался, чтобы она признавалась. Ю. А. всячески оттоваривалась; наконецъ обѣщала, что она скажетъ мнѣ на актѣ. Актъ въ гимназіи назначенъ былъ дней черезъ пять—и я просилъ ее теперь танцевать со мной на актѣ вторую кадриль. Увидѣлъ у ней тетрадь стиховъ и въ числѣ ихъ списано было нѣсколько моихъ стихотвореній. По поводу этого открытія также наговорено было много любезностей. Я предложилъ, не угодно ли ей, чтобы я списалъ ей въ эту тетрадь нѣсколько стихотвореній Бенедиктова. Она благодарила, просила прислать ей книгу для того, чтобы отмѣтить тѣ стихи, какіе ей понравятся. Книга была послана на другой же день, и въ нее я вложилъ маленькую записочку. Черезъ день Ю. А. возвратила мнѣ книгу. И раскрылъ ее съ трепетомъ.... Въ самомъ дѣлѣ, въ книгѣ вложена была записочка, какъ слѣдуетъ, розовенькая. Ю. А. благодаритъ за книгу, проситъ списать отмѣченные стихи, бросить въ огонь записку, и посылаетъ 976514 и т. д. поклоновъ.... Я былъ въ восторгѣ. Хотя записка состояла изъ нѣсколькихъ строкъ, но по тону ея видно было, что я любимъ.... Въ день акта я танцевалъ съ ней, допрашивалъ снова—кто червонный король? Но она никакъ не сказала. Разумѣется, всѣ эти допросы дѣлались для того только, чтобы смотрѣть ей въ глаза и видѣть какъ мило она упрямится. Черезъ день, кажется, я написалъ ей письмо по-нѣмецки, но не секретно однакожъ. Я просилъ только, чтобы она позволила мнѣ писать къ ней по-нѣмецки для того, чтобы выучиться этому языку,—чтобы она поправляла мнѣ въ письмахъ ошибки и отсылала бы назадъ. Разумѣется, это была штука: значитъ я не могъ больше владѣть сердцемъ, и хотѣлъ непремѣнно высказать ей свои чувства и добиться отъ ней взаимности. Въ отвѣтъ на это письмо я получилъ отъ ней записку; но.... тутъ-то и начинаются всѣ непріятности, которыхъ испилъ я полную чашу. Вечеромъ братъ приходитъ въ мою комнату и говоритъ: „пожалуйста, братъ, будь остороженъ, не пиши къ Ю. А.; наша маменька—Богъ знаетъ какія исторіи выводитъ уже объ васъ.“ Сердце мое сжалось. Нѣтъ ничего несноснѣе, когда мы только что успѣемъ размечтаться, какъ вдругъ обрѣзываютъ крылья. Я, разумѣется, отвѣчалъ, что въ письмѣ моемъ не было ничего запрещеннаго. Конечно это такъ: по настоящему, не слѣдовало бы выводить изъ этого исторій: потому что я писалъ открыто, не таясь. А когда сказали, чтобы этого не дѣлать, тогда, разумѣется, только больше подстрекнули меня и довели до вещей непозволительныхъ. Сдѣлалъ мнѣ этотъ дружескій совѣтъ, братъ отдалъ мнѣ отвѣтъ Ю. А., который посланъ былъ въ книгѣ и попался въ руки къ М. Въ запискѣ не было ничего особеннаго; но мое сердце чуткимъ уже понимало настоящій смыслъ этихъ строкъ, непонятный ни для кого больше. Я ясно видѣлъ уже, какъ разгораются мечты въ милой дѣвушкѣ. Между прочимъ она спрашивала меня, къ кому въ книгѣ стиховъ моихъ написаны стихи подъ заглавіемъ къ N. N. Эти стихи написаны были на тему: *въ одномъ лазаревомъ чертогѣ мы не сойдемся*

никогда. Она сама подчеркнула эти слова въ книгѣ Бенедиктова. Я написалъ на нихъ стихи и означилъ подъ ними 20 Ноября. Она очень хорошо понимала, что N. N. значитъ Ю. А.; но спрашивала по той же причинѣ, почему и я допрашивалъ у ней—кто червонный король. Теперь два совершенно различныя чувства волновали меня. Съ одной стороны я былъ въ полномъ восторгѣ, что умѣлъ занять собой сердце Ю. А.; съ другой стороны долженъ былъ безотвѣтно стоять подъ цѣлой бурей сплетней и всевозможныхъ непріятностей.... Рѣшился наконецъ окончательно объясниться съ Ю. А. Мнѣ надобно было имѣть человѣка, которому бы я могъ высказывать то, что долженъ былъ таить отъ всѣхъ. Если бы меня не стерегли такъ, то безъ сомнѣнія ничего бы и не было. Но теперь, не имѣя возможности часто видѣть ее, да и при свиданіи не смѣя не только много говорить съ нею, даже смотрѣть попристальнѣе, я поневолѣ предавался мечтамъ, сидя въ своей комнатѣ. Одиночество всего болѣе развивало любовь. Я написалъ письмо, въ которомъ признался ей въ любви. Отвѣта не было дня три. Наконецъ однажды, возвратясь изъ класса, я нашелъ ее у насъ. Всячески старался шутить съ нею, но она еще болѣе дичилась меня. Наконецъ, передъ прощаніемъ уже, улучилъ минутку столкнуться съ нею наединѣ въ передней. Тамъ было довольно темно. Она вынула изъ за корсета записку и сказала: „вотъ вамъ записочка!“ Потомъ тотчасъ же ушла въ комнату къ М. и отправилась домой. Я какъ сумасшедшій прибѣжалъ въ свою комнату и развернулъ письмо. Нельзя описать моего восторга. Письмо заключало въ себѣ самое искреннее признаніе. По обычаю всѣхъ влюбленныхъ, я перечитывалъ его нѣсколько разъ: вематривался въ каждую букву: каждая черта, казалось, улыбалась мнѣ. Это письмо отъ 1 Декабря. Дня черезъ два я отправился съ братомъ и женой его къ З-мъ. Тамъ былъ кое-кто. Мнѣ удалось передать Ю. отвѣтъ на ея признаніе. Начали танцевать. Я разумѣется всталъ съ Ю. Слѣдовало бы, разумѣется, остеречься, зная, что тутъ столько сплетницъ; но я не могъ иначе поступить: пот. ч. не было больше дамъ. Сдѣл. въ этомъ случаѣ я не виноватъ. Разговаривая съ Ю. во время танцевъ, я былъ очень остороженъ; но вдругъ, кажется, за З фигурой, Ю. говоритъ мнѣ: „пожалуйста не говорите со мной: сестра сердится.“ Меня какъ огнемъ обдало. Ю. объяснила мнѣ, что М. во второй фигурѣ шепнула ей: „полно вамъ любезничать: всѣ смотрятъ на васъ!“ Это былъ просто одинъ изъ самыхъ глупыхъ капризовъ М. Я васпылился ужасно,— и вскорѣ, не простившись ни съ кѣмъ, ушелъ домой. Я давалъ самъ себѣ самыя отчаянныя клятвы—не показываться никогда, какъ только придетъ къ намъ Ю. Разумѣется, это пахло ребячествомъ; но вѣдь если человѣкъ живетъ только чувствомъ, тогда онъ часто дитя природы. Чего мнѣ стоила эта сердечная буря—одинъ Богъ знаетъ. 6 Декабря Ю. обѣдала у насъ. Какъ только я увидѣлъ въ окно, что она пріѣхала къ намъ, я ужасно расплакался. Позвали

обѣдать. Въ продолженіи цѣлаго обѣда я не сказалъ ей ни слова: сидѣлъ какъ убитый. Послѣ обѣда тотъ-часъ же ушелъ въ свою комнату. Опять слезы и отчаяніе, опять ребячество. Ю. между тѣмъ, какъ я узналъ послѣ, не весеніе меня провела время. Она ушла въ комнату къ брату и проплакала тамъ до вечера. Сколько ни старались узнать, о чемъ она плачетъ, и сколько ни утѣшали ее братъ и Ш.—ничто не помогало. Часовъ въ 7 вечеромъ братъ съ женой отправились въ гости, а Ю. домой. Я написалъ самое отчаянное письмо и отправилъ къ ней. Это облегчило меня. И прокипѣлъ какъ самоваръ и успокоился. Она опять приходила къ намъ. Я опять не отходилъ отъ нея: читалъ ей книги, пожималъ руку и пр. 15 Декабря было какимъ-то злополучнымъ для меня днемъ.... Вечеромъ я отправился къ З-мъ. Прихожу наверхъ. Ю. сидитъ и пишетъ. Какъ только она увидѣла меня, тотчасъ же убѣжала. Я поздоровался съ ея матерью. Она одѣвалась и хотѣла куда-то отправиться. Ю. вскорѣ вышла. Мы начали бесѣдовать съ нею; а мать между тѣмъ простилась со мной и убѣжала. Разумѣется, зная натуру З-хъ, мнѣ бы не слѣдовало оставаться; но въ то время я думалъ иначе. Мы сидѣли вдвоемъ и тихо разговаривали; а внизу между тѣмъ сплетничали объ насъ. Совершенно счастливый, я возвратился домой. Между тѣмъ на другой день З-ва призвала Ю. и начала ей выговаривать; потомъ послала за Ш. и жаловалась ей. Ш., вмѣсто того чтобы защитить сестру, еще на нее же подбавила.... Вышла такая каша, что Боже упаси. И страдалъ ужасно: единственнымъ утѣшеніемъ было—писать стихи и письма къ ней. Пріѣхалъ изъ Пет-га братъ ея Карлъ. Я очень полюбилъ его; потому что онъ похожъ былъ на нее. Черезъ него я могъ теперь легче передавать ей письма. К. ничего не понималъ; п. ч. былъ очень глупъ, но я и на него смотрѣлъ глазами влюбленнаго. Святки прошли нескучно: она была у насъ раза три, и я такъ же заходилъ къ нимъ въ новый годъ. Была по обыкновенію мѣна локонами, рукопожатіями и пр. А сплетни росли да росли.... 4 Генваря, когда я проводилъ ее домой (она была вмѣстѣ съ матерью), я поцѣловалъ ее въ щеку.... Это былъ первый поцѣлуй, сорванный украдкой, при сіяніи звѣздъ, въ морозную ночь.... Она сквозь слезы сказала мнѣ: „ахъ, Н. И., чѣмъ все это кончится!“ „Неужели же вы считаете меня за какого нибудь негодяя? Вы обижаете меня!“ отв. я. Отвѣтъ конечно довольно нелѣпый. Въ самомъ дѣлѣ, чего хотѣлъ я?.... Но страсть не размышляетъ объ этомъ: чувство уже само по себѣ есть наслажденіе. Дай ему цѣль, тогда оно потеряетъ всю цѣну: тогда уже цѣль будетъ предметомъ наслажденія, а не самая жизнь, полненіе сердца.... Возвратясь домой, я тотъ-часъ обдумалъ планъ. Я не зналъ наиѣрнѣе—могу или нѣтъ жениться на ней.... Нужно было спросить у какого нибудь законника. Въ Вологдѣ нельзя было этого сдѣлать: тотъ-часъ бы узналъ весь городъ. Я рѣшился написать въ Псковъ къ Б-му. Между тѣмъ на другой же день сообщилъ и Ю. мой планъ.

Отвѣтъ ея былъ самый искренній. Т. обр. я жилъ теперь надеждами, и не видѣлъ и не слышалъ ничего болѣе. Глупостей было множество. Слѣпой только не замѣтилъ бы, что я влюбленъ страстно. Хотя каждое письмо Ю. дышало любовью, но въ поступкахъ она была довольно страннымъ существомъ: Ш. вертѣла ею какъ хотѣла.... Въ совершенномъ аду жилъ я тогда; но этотъ адъ казался мнѣ раемъ: я страстно обнималъ моего демона-мучителя.... О, если бы можно было тогда передать на бумагу всю эту бурную исторію сердца!.... Тысячи глазъ слѣдили за мной, тысячи языковъ сплетничали обо мнѣ, тысячи непріятностей дѣлали мнѣ, мальены мученій самъ я вызывалъ воображеніемъ изъ глубины сердца; но среди всей этой дьявольщины—какое наслажденіе чувствовать и знать, что есть существо, которое страстно любитъ меня, которое ежеминутно думаетъ обо мнѣ, которымъ я могу повелѣвать, хотя самъ лежу у ногъ его.... какое наслажденіе подъ батареями взглядовъ пожать руку, сорвать поцѣлуй, сказать: другъ мой!.... Боже мой! какъ я любилъ ее!.... даже и теперь еще,—когда столько событій пронеслось уже надо мною, когда столько волненій должна была прожить душа моя, когда все, все должно было отголкнуть меня отъ нее,—даже и теперь еще какая-то змѣя шевелится въ сердцѣ.... Приближался роковой срокъ: я получилъ письмо изъ Пскова съ отказомъ.... Не знаю, какъ я не сошелъ съума!.... Я началъ думать, хвататься за мысль, трактовать самъ съ собой о законахъ природы.... было уже какое-то предчувствіе сумасшествія.... Вдругъ новый ударъ,—и не дальше какъ недѣли черезъ двѣ.... Она приходитъ къ намъ и говоритъ, что уѣзжаетъ на двѣхъ изъ В. въ О. Можно себѣ представить, съ какимъ чувствомъ выслушалъ я это извѣстіе, я, который любилъ ее такъ ревниво, такъ безумно.... На другой день она написала мнѣ разныя утѣшенія.... Я дѣйствительно утѣшился нѣсколько, но потому только, что по случаю отъѣзда могъ въ эти послѣдніе дни чаще видаться съ нею. 18 февраля—день ея рожденія. Мы были у ней весь вечеръ. Она была свободнѣе въ обращеніи со мной, а я нѣженъ какъ дитя. На другой день она сидѣла у насъ цѣлый вечеръ и простились.... Я поцѣловался съ нею при всѣхъ.... это былъ послѣдній поцѣлуй!.... На другой день она уѣхала. Я писалъ ежеминутно, никуда не ходилъ; думалъ, что она перечитаетъ эту исповѣдь сердца съ такимъ же чувствомъ, съ какимъ она была писана.... Черезъ недѣлю получилъ отъ нее письмо, и отправилъ къ ней цѣлую тетрадь моихъ горестныхъ повѣствованій.... Мученье было невыносимое—письма отъ ней были рѣже, а я ждалъ ихъ ежеминутно; я пошлю ей вдругъ листовъ десять, исписанныхъ самымъ мелкимъ почеркомъ, а получу отъ ней одинъ листокъ.... Я слишкомъ многаго требовалъ отъ женщины: я требовалъ отъ ней такой же безумной любви.... И нѣжности, и упреки, и безумство любви, и ядъ ревности—все это бурно кипѣло въ сердцѣ, и все это описывалъ я ей самыми огненными красками. Она благодарила.... *благодарила!*.... женщины!

слышите ли вы это? *Она меня благодарила!!!* Я умиралъ, и распинался,—а *она меня благодарила*, что я такъ прекрасно умѣю страдать и мучиться.... По самому послѣднему пути она пріѣхала въ В-ду на нѣсколько дней. Не помню ужъ, какъ я встрѣтился съ ней.... Только, кажется, на другой же день разыгралась сцена, которая произвела во мнѣ страшный переполохъ.... Ю. была у насъ и сидѣла цѣлый день въ комнатѣ у Ш. Это терзало меня невыносимо. Если бы въ ней была хоть искра того пламени, который поджигалъ меня такъ мучительно, она не сдѣлала бы этого.... Повѣрьте, что Ш. не отпускала ее; но могла ли она такъ равнодушно выносить это?.... Цѣлый день я лежалъ въ своей комнатѣ, страдая ужасно. Къ чаю онѣ вышли наконецъ. Я успѣлъ сказать ей только нѣсколько словъ. Послѣ чаю она опять забралась въ комнату къ Ш. Каковъ былъ для меня вечеръ! Я ходилъ по залѣ какъ сумасшедшій.... А она раза два выпила только на минутку, чтобы объявить, какъ онѣ дурачатся тамъ и какъ ей весело! Я мучился, умиралъ, а между тѣмъ всетаки безумно любилъ ее.... Успѣлъ шепнуть только: „я пойду васъ провожать!“ Она сказала: „хорошо!“ Я ждалъ съ нетерпѣніемъ, когда она пойдетъ домой.... Смотрю—она идетъ уже, и братъ мой провожаетъ ее.... Она не хотѣла даже сказаться ни мнѣ, ни сестрѣ моей.... Это даже глупо, а каково же было для меня!.... И она могла еще говорить, что любитъ меня!.... Казалось, вся внутренность моя перевернулась.... Я бросился въ слѣдъ за ней: догналъ ее на бульварѣ и какъ сумасшедшій началъ молоть какія-то глупости.... Въ самомъ дѣлѣ, я былъ жалокъ, истинно жалокъ: надобно быть не человѣкомъ, чтобы не тронуться такими страданіями. Братъ началъ горячо упрекать меня. Я обѣщался еще болѣе. Она говорила: „чего вы хотите отъ меня?.... Пожалуйста оставьте меня!“.... Наверстъ!.... Положимъ, что при братѣ она не могла на безумство мое отвѣчать любезностями; но развѣ можно быть человѣкомъ и вонзить кинжалъ въ самую глубину сердца и еще повернуть дважды?.... „Прощайте, Ю. А.,“ сказ. я, когда она пошла уже къ воротамъ, и протянулъ было ей руку.—„Прощайте!“ отв. она съ досадою и даже не взглянула на меня.... Все кончено! я былъ убитъ совершенно!.... Возвратясь домой, имѣлъ довольно горячій разговоръ съ братомъ. Но это было очень глупо, и извинительно потому только, что ужъ я не владѣлъ больше собой.... Въ какую бездну вдругъ упалъ и съ моего неба!.... Первою мыслію моею было—не видѣть ее болѣе!.... Не видѣть!.... Это легко произнести теперь.... а каково было рѣшиться тогда!.... Однакожъ я рѣшился. Она прожила въ В-дѣ еще дня три, была почти постоянно у насъ; но я не показывался ей. Я заперся въ своей комнатѣ и не выходилъ.... Боже мой! но какъ мнѣ хотѣлось ушесть къ ея ногамъ, излиться цѣлымъ потокомъ слезъ и упрековъ, и еще огненнѣе полюбить ее!.... Однакожъ я не видалъ ее! Съ гордостію вспоминаю объ этой побѣдѣ духа—самой блистательной изъ всѣхъ побѣдъ въ мірѣ.... Я вызывалъ противъ

нее изъ самой глубины сердца ужасную башню ненависти; а между тѣмъ каждое волненіе сердца, каждый вздохъ, каждая слеза говорили невольно, что я люблю ее безъ памяти.... Съ первымъ же попутчикомъ послалъ ей письмо: надъ каждой буквой рука дрожала и хотѣла написать—люблю тебя—а между тѣмъ я писалъ совсѣмъ не то.... Тонъ письма построенъ былъ фальшиво: я говорилъ, повидимому, очень вѣжливо и холодно, просилъ возвратить мои письма и пр.; а между тѣмъ каждое слово дышало такою глубокою, искреннею любовію.... Отвѣтъ полученъ былъ скоро. Видно, что много пробудилось въ душѣ ея; но не того ожидалъ я.... разлука потушила уже многое.... нельзя было не замѣтить этого..... Я ожидалъ услышать голосъ милаго безумства, а услышалъ слово благоразумія родственницы..... Ужасно, ужасно! Я не отвѣчалъ.... Тысячи отвѣтовъ диктовало сердце; но я не отвѣчалъ. Вскорѣ получилъ другое письмо, въ которомъ замѣтно уже болѣе чувства; но я не отвѣчалъ.... Невыносимое молчаніе! Мысль моя торжествовала, попирая печальныя развалины сердца..... Такъ проходили дни и мѣсяцы: каждое слово, которое случалось иногда услышать объ ней, бросало меня въ лихорадку, но я молчалъ упрямо. Лѣто, проведенное у Ч-хъ, успокоило меня. Возвратясь оттуда, я нашелъ ее въ В-дѣ, даже у насъ въ домѣ, но не показывался ей.... Медленно, очень медленно шло исцѣленіе, однакожъ я оживалъ.... Не могу сказать, чтобы и теперь даже не оставалась еще въ сердцѣ капля какого-то яду; но.... это ужъ искра не пепелъ!.... Итакъ я не видалъ ее больше! Въ прошедшемъ году хотѣлъ было достать отъ ней всѣ мои письма, чтобы по нимъ написать всю исторію любви; но не удалось: получилъ ихъ отвѣтъ отъ ней письмо, изъ котораго видно, что она уже забыла все.... Однакожъ и непремѣнно достану.

30 Майя. Кн. Салтыковъ живетъ на дачѣ. Я ѣзжу къ нему. Въ первый разъ еще видѣлъ аристократическую дачу. Она еще не совсѣмъ отдѣлана; но уже стоитъ до 500 тысячъ. Одна комната, очень большая, вся убрана старинными саблями, кинжалами, ружьями: все это скопилось вѣками. Тутъ же поставленъ рыцарь въ полномъ вооруженіи. Мебель въ другихъ комнатахъ вся старинная, купленная изъ Англіи и во Франціи,—или доставшаяся отъ предковъ. Хорошо то, что все это достается человѣку достойному: дай Богъ побольше такихъ аристократовъ, какъ Кн. Николай Ивановичъ!

Софья Павловна очень любитъ меня. Истинное наслажденіе заниматься съ нею.... Бываютъ и въ жизни учителя счастливыя минуты! Дѣйствовать постоянно на душу умной, милой дѣвушки, быть—въ нѣкоторомъ смыслѣ—творцемъ ея будущаго, оставить въ этой прекрасной душѣ воспоминаніе по себѣ..... Грустно, правда, видѣть, что это милое созданіе отдѣлено отъ меня цѣлою бездною, что она аристократка.... Можетъ быть, ее удастся послѣ и увидѣть ее..... Но зато сколько чистаго и святаго въ дѣлѣ ея образованія!... Какъ утѣшительно думать,

что и въ блестящихъ чертогахъ, въ сердцѣ великолѣпной графини есть уголокъ, въ которомъ хранится память о тебѣ.... Плачь и торжествуй, мое бѣдное сердце!

Графини Клейнмихель тоже очень любитъ меня! Каждый разъ послѣ урока поитъ меня чаемъ. Миленькія дѣвушки! Сама Гр. Клеопатра Петровна—прелестная женщина; умна, добра и хороша собой. Все это вздоръ, рѣшительно вздоръ, что сплетничаютъ о ней по всей Россіи. Аристократію завидуетъ временщику и готово назвать даже на семейство его всѣ небылицы.... Однакожъ эти нелѣпые слухи передадутся потомству, воображеніе раскраситъ басню, и какой нибудь поэтъ создастъ изъ этого чудную драмму.... Матеріалъ богатый, хотя въ немъ нѣтъ ни капли истины! А жаль, истинно жаль, если эта добрая и милая женщина возникнетъ передъ потомствомъ въ такомъ гнусномъ образѣ!

Всю Страстную недѣлю и Пасху лежалъ, страдая сильнымъ ревматизмомъ.

Прочиталъ первый выпускъ Ист. Лит-ры Рус-ой Шевырева. Какъ узналъ этотъ человѣкъ! Спеціальная часть сочиненія хороша: видно, что этотъ человѣкъ трудился. Но зато взглядъ его, мнѣнія—не приведи Господи! Это что-то пахнетъ Маякомъ. Вотъ какимъ подлецомъ можетъ сдѣлаться человѣкъ хорошій. А все виноватъ наша духовная лит-ра.....

4 Іюня. Сегодня послѣ урока очень много дурачился съ маленькими Графинями Клейнмихель. Они заперли двери на ключъ и не выпускали меня. Потомъ утащили у меня шляпу и возвратили, убранную цвѣтами. Сколько было возни! Наконецъ подарили мнѣ прекрасный букетъ цвѣтовъ. Возвращаясь домой, встрѣтилъ очень миленькую дѣвушку, лѣтъ 12-ти. Она шла должно быть съ матерью. „Ахъ, какіе прекрасные цвѣты!“ сказала она, обратившись къ матери. Я остановился и подарилъ ей половину изъ моего букета. Она очень благодарила. Вообще я доволенъ сегодняшнимъ днемъ. Утромъ былъ на дачѣ у Кн. Одоевскаго. Они оставляли меня обѣдать; но мнѣ нельзя было: нужно было поспѣть къ 6 часамъ въ городъ. Послѣ урока поѣли съ молодымъ Княземъ на Кушелевку.

7 Іюня. Наконецъ только въ Іюньской книжкѣ нынѣшняго года От. Записокъ появилась реценія на книгу Буслаева—*О преподаваніи Русскаго языка;* а книга эта вышла еще въ 1843 г. Книга хороша; но видно, что авторъ молодой человѣкъ: много читалъ, но мало усвоилъ и переварилъ. А главное то, что подобныя книги у насъ являются еще не во время. Прежде нежели мы будемъ бросать философскіе взгляды, должны разработать матеріалы. Съ какимъ бы взглядомъ ни пришелъ учитель въ классъ—ни у него, ни у учениковъ ничего нѣтъ подъ руками. Главный недостатокъ въ хорошей хрестоматіи, въ грамматикѣ, въ словаряхъ.... Реценія пишется человѣкомъ, который не бывалъ учителемъ; отъ. онъ упускаетъ изъ виду такія вещи, которыя чрезвычайно важны.

Простился сегодня съ моей милой Графиней Софьей Павловной. Она ѣдетъ въ Гапсаль на два мѣсяца. Добрая дѣвушка! встрѣтила меня еще въ швейцарской, наговорила множество любезностей. Читалъ ей Гоголя, ея любимаго писателя, далъ ей книгу на дорогу. Послѣ урока М-ме Люджеръ просила меня остаться пить чай. Софья Павловна бросилась хлопотать объ самоварѣ. Занимала меня чѣмъ только можно. Простилися; она проводила; опять вышла въ швейцарскую, даже смотрѣла въ слѣдъ, пока я не затворилъ дверей и не сошелъ съ крыльца.....

Сегодня весь городъ великолѣпно иллюминовалъ по случаю возвращенія изъ заграницы Императрицы съ Ольгой Ник-ой, помолвленой за наслѣдника Принца Виртембергскаго. Есть чему радоваться! Императрица жила цѣлый годъ въ Палермо, все Русское золото ушло туда, а здѣсь цѣлыя губерніи умираютъ съ голоду. Для раздачи однимъ нищимъ въ Палермо ассигновалось каждый мѣсяцъ 1800 червонцевъ. Для приданаго взято изъ синода 15 милліоновъ сѣчной суммы, которая сберегалась на жалованье духовенству. Кромѣ того никому изъ чиновниковъ не нелѣпо давать денежныхъ наградъ: если кто ѣдетъ въ отпускъ—не выдавать жалованья.... Приданое все дѣлалось заграницей: стало быть Русское купечество можетъ только облизываться... Одно подѣночное платье изъ блондъ съ брилліантами стоитъ 3 мил. рублей!!! Вышла по этому случаю картинка: царица бросаетъ горстями въ Палермо золото. Тамъ подбираютъ его нищія, разодѣтыя блистательно. Три русскія женщины подходятъ съ другой стороны къ царицѣ и просятъ милостыни. Онѣ истомлены голодомъ. Царица говоритъ: „сходите въ Палермо и попросите у тамошнихъ нищихъ“.

15 Іюня. Вчера былъ въ Петергофѣ, на урокѣ у Клейнмихель. Отправился туда въ 10 часовъ утромъ на пароходѣ—*Москва.* Пассажировъ было довольно много, между прочимъ ѣхала какая-то магазинщица, очень хорошенькая. Было ясно, но вѣтрено. Изъ Петергофа тотъ-часъ же на извощикѣ отправился въ Михайловское (дача Мих. Николаевича, гдѣ живетъ Клейнмихель). Дѣти очень обрадовались. Видѣлъ и самое Графиню. Она ѣздила при мнѣ съ меньшой дочкой (9 мѣс.) къ ея крестной матери Ольгѣ Николаевнѣ. Ольга Ник. подарила крестницѣ маленькой образокъ съ брилліантами. Оставляли меня обѣдать, но я не остался. Дали мнѣ на дорогу цвѣтовъ, и я отправился въ Петергофъ. Тамъ пообѣдалъ, съѣлъ опять на тотъ же пароходъ и отправился домой. Вѣтеръ былъ страшный. Я все время просидѣлъ въ каютѣ.

22 Іюня. Вчера опять былъ въ Петергофѣ или—вѣрнѣе сказать—въ Михайловскомъ. Графиня пригласила меня обѣдать. Много гуляли, дурачились. За обѣдомъ сторонникъ не было. Въ 6 часовъ я отправился въ Петергофъ. Напился тамъ чаю и пошелъ въ садъ. Погода прелестная; всѣ фонтаны пущены; играютъ два оркестра музыки; народу гуляетъ бездна. Очаровательно! Вотъ памятники временъ Екатерины вѣчно велики, не то что нынѣшніе дворцы. Въ 9 часовъ отправился обратно на пароходѣ.

20 Іюля. Сегодня утромъ былъ въ Безплешонкѣ у Никитенки. Много говорили съ нимъ о нынѣшнемъ состояніи Россіи. Въ самомъ дѣлѣ замѣчательно то, что народъ, который спалъ цѣлыя столѣтія, начинаетъ наконецъ просыпаться и открывать глаза. Всякой сколько нибудь мыслящій человѣкъ невольно задаетъ себѣ вопросы: „кто я? гражданинъ или рабъ? если гражданинъ, гдѣ моя права? Мнѣ говорятъ—вотъ твои права.... Вздоръ! это дары деспотовъ, данные предкамъ моимъ за службу или просто за подлости..... Гдѣ права, купленныя цѣною крови и страданій нѣкоторыхъ, права, за которыя я бы долженъ былъ стоять? Подарки свои деспотъ отниметъ у меня завтра же, а то что я приобрѣлъ исторически, это моя собственность, моя слава, мое счастіе"..... Вотъ что говорятъ довольно гласно въ народѣ. Это очень утѣшительно. Голосъ народа не можетъ умолкнуть—непремѣнно будутъ какія нибудь послѣдствія. Не скоро, пранда; русскій народъ не вдругъ расшевелится; но крайней мѣрѣ есть начало.

22 Іюля. Когда Царь (1 Іюля) представлялъ въ Петергофѣ съ балкона народу жениха и невѣсту,—въ толпѣ были разставлены солдаты, которые должны были кричать—ура! Надѣялись, что и народъ пристанетъ къ нимъ.... Не тутъ-то было! Солдаты крикнули, а народъ молчалъ.... Идеи въ народѣ бродятъ живо, хотя еще и не широко. Въ провинціяхъ все еще глушь и темнота.... Въ Вологдѣ напр. нѣтъ ни одной живой головы, объ уѣздахъ и говорить нечего.... Все это люди, блаженствующіе въ рабствѣ. Въ самомъ дѣлѣ, они счастливы, потому что рабы; они такъ привыкли къ этому механизму, что пропадутъ, если ходъ вещей перемѣнится.... Слѣд. никакія идеи и не могутъ привиться къ нимъ.... Правда, и они негодуютъ на многое; но это негодованіе есть ничто иное какъ брыканіе коровы, которая замотаетъ головой, забьетъ ногами, но если ее отдутъ хорошенько, то она будетъ еще послушнѣе и даже больше будетъ чувствовать признательности къ вамъ.... Надежда только на черезъ. Черезъ долго уже угнетенія, что наконецъ должно же когда нибудь лопнуть ея терпѣніе. Это будетъ разумѣется не вслѣдствіе высокихъ убѣжденій ума, а просто вулканическій взрывъ,—взрывъ страшный, какого можетъ-быть никогда не запомнитъ исторія; но все-таки благодѣтельный: говорятъ, на лавѣ гуще зеленѣетъ трава.... Петербургъ—молодецъ: онъ думаетъ и чувствуетъ за всѣхъ. Это не то что сплетница Москва. Москва не только не движется впередъ, но въ послѣднее время пошла ракомъ назадъ.... Фактъ замѣчательный!

10 Августа. Не пройдетъ дня, чтобъ не слышно было о какихъ нибудь новыхъ подлостяхъ полиціи. Нѣтъ почти человѣка, который бы не говорилъ по опыту объ деспотизмѣ полиціи. Страшная вопіющія несправедливости! Если записывать все это, не достанетъ времени. Самый лучшій, честнѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ совершенно уничтожается передъ адскою властью послѣдняго мерзавца—квартальнаго или даже будочника.... Сердце готово повернуться отъ горькаго чувства....

Потомство (если только оно будетъ счастливѣе насъ) заклеймитъ насъ ужаснымъ именемъ.... Благородный человѣкъ! не спѣши произносить приговоръ. Перенесись въ нашъ вѣкъ душою и сердцемъ, всмотрись хорошенько въ механизмъ нашей жизни.... Посмотри: вотъ самъ. . . . . окруженный легіономъ рабовъ и подлецовъ. Большею частію это все иностранцы, которые пріѣзжаютъ къ намъ цѣлыми обозами набивать свои карманы и искать почестей, блеску; потому что дома имъ нечего ѣсть. Вся эта дикая орда варваровъ вооружена съ ногъ до головы. Они опираются на полтора милліона войска. Войско предано имъ; потому что солдату нѣтъ времени думать: онъ просто машина. Это основаніе военной дисциплины. А офицеры.... это не люди. Это дѣти дворянъ. Родители, очарованные блескомъ военной службы, вниманіемъ царя къ этой службѣ, охотно отдаютъ своихъ дѣтей въ военно-учебныя заведенія, тѣмъ больше что дѣти воспитываются тамъ на казенный счетъ. Несчастные мальчики дѣлаются совершенными рабами. Объ наукѣ ихъ никто и не спрашиваетъ. Они должны знать только фрунтъ. И вотъ они растутъ, мечтая только о будущихъ эполетахъ, объ отличіяхъ (разумѣется, не на полѣ сраженія, а на парадѣ) и т. д. Изъ этого народа дѣлаются офицеры (т. е. дураки, развратники, подлецы.... Разумѣется, они душевно преданы царю, потому что изъ этой только сферѣ и могутъ они дышать.... Больше они ни къ чему не годятся. Вотъ нашъ высшій классъ. Къ этому надобно еще прибавить людей государственныхъ, занимающихъ высокія мѣста въ гражданской части. Имъ предоставленъ полный деспотизмъ; а деспотизмъ такъ упоителенъ для деспота, что онъ, разумѣется, не захочетъ разстаться съ нимъ. За хвосты этихъ деспотовъ держится цѣлый классъ чиновниковъ, которые тоже лѣзутъ въ гору, одушевленные мыслію, что тѣмъ кто больше рабъ, тѣмъ тотъ скорѣе самъ попадетъ въ деспоты. Небольшое число людей, кончившихъ курсъ въ Университетѣ и получившихъ лучшія понятія, пропадаютъ незамѣтно въ этой сволочи. Притомъ они служатъ только въ Петербургѣ. а въ губерніи никто не ѣдетъ. Черный народъ, т. е. крестьяне и мѣщане не имѣютъ никакихъ средствъ учиться: имъ закрыты всѣ пути къ образованію и даже къ дѣятельности. Хотя они чувствуютъ всю тяжесть деспотизма, но съ одной стороны не знаютъ, чѣмъ замѣнить ее, съ другой стороны Рус. народъ искони славится удивительнымъ терпѣніемъ. Много еще нужно, чтобы это терпѣніе лопнуло. Аристократы, правда, образованнѣе другихъ, но они понимаютъ, что еще не переполнена чаша терпѣнія народнаго, и потому живутъ каждый для себя. Что же можно стало бы сдѣлать теперь, при этой разрозненности сословій, при этихъ страшныхъ военныхъ силахъ? Люди благородно мыслящіе должны молчать и выжидать, покамѣстъ пробьетъ часъ. Опытъ 1825 г. 14 Декабря показалъ, что можно только погибать и ничего не исполнить. Рано еще, слишкомъ рано... Правда, послѣ 1825 года сдѣлано уже очень много: идеи обхватили уже большій кругъ народа, но все

еще рано, слишкомъ рано... Желалъ бы я дожить до конца нынѣшняго столѣтія,—что тогда будетъ? Вѣроятно, народъ больше почувствуетъ свои силы.... Двадцатое столѣтіе разумѣется будетъ самое бурное и самое счастливое для Россіи.... Братски обнимаю тебя, мой милый соотечественникъ,—ты, который увидѣлъ зарю новой жизни—зарю счастія и свободы.... Ты гордишься тѣмъ, что живешь въ эпоху великаго переворота, когда открыты пути для разнообразной дѣятельности.... Но вспомяни и насъ, которые начали скоплять эту грозную силу негодованія—этотъ капиталъ, который достался тебѣ въ наслѣдство удвоенный, утроенный, удесятеренный, и который далъ тебѣ средство пользоваться лучшею жизнію... Да, народъ долженъ пройти сперва трудный путь страданія, и тогда только онъ оцѣнитъ свободу.... Эта только мысль и можетъ поддерживать насъ и не дать упасть духомъ.

15 Августа. Былъ вчера у Одоевскаго. Княгиня наговорила мнѣ множество комплиментовъ зато, что племянникъ ея прекрасно выдержалъ экзаменъ въ Университетъ. Ну и зато спасибо, что хвалитъ. Обѣдалъ у Никитенки. Онъ говорилъ съ необыкновеннымъ одушевленіемъ. Благородный человѣкъ! И всѣ эти люди должны погибнуть подъ ярмомъ деспотизма, не оставивъ послѣ себя никакого слѣда изъ мірѣ. Вся эта кипучая жизнь мыслей и чувствъ должна глохнуть безъ плодовъ.... Проклятая Москва! ты осквернила нашу Исторію, такъ что народу долго еще не выжить этого яду изъ жилъ и костей своихъ. Никитенко разсказалъ между прочимъ еще одинъ интересный случай. Графиня Самойлова продавала имѣніе свое *Славянку*. Графъ Воронцовъ-Дашковъ сторговалъ у ней, далъ задатки, оставалось только совершить актъ. Вдругъ пріѣзжаетъ къ Графу чиновникъ и говоритъ, что актъ совершенъ быть не можетъ. Отъ чего? Отъ того, что Государь беретъ это имѣніе себѣ. Видѣлъ новую рукопись Гоголя—*Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями*. И Гоголь, кажется, началъ обиваться съ толку. Этимъ онъ обязанъ Московскимъ литераторамъ. Прочтемъ.—и тогда увидимъ.....

Авг. 20. Вчера зашелъ въ театръ. Давно ужъ не бывалъ. Играли три комедіи—*Жена и карты, Сиротка-Сусанна, Приключеніе на искусственныхъ минеральныхъ водахъ*. Первыя двѣ хороши. Разумѣется, въ новѣйшемъ французскомъ вкусѣ, т. е. много есть нелѣпостей въ основѣ, но по крайней мѣрѣ—все это живо, легко, впрочемъ, какъ шампанское, хотя въ головѣ остается пустота, какъ послѣ шампанскаго. Играли превосходно. Это невольно наводитъ опять грусть на сердце. Сколько истинныхъ талантовъ таится въ нашихъ актерахъ. И все это подавлено властью.... Въ чемъ обнаружитъ актеръ свои таланты? Гдѣ пьесы, по которымъ бы онъ могъ образоваться? Кромѣ глупостей не позволяютъ ничего ставить на сценѣ. Даже тѣ пьесы, которыя игрались при Александрѣ, теперь запрещены.... Какая безотрадная будущность!... Народъ полонъ великихъ

силъ—нездѣ такъ и пробивается его чистый самородный умъ, и между тѣмъ надъ всѣмъ тяготѣетъ желѣзное ярмо деспотизма.... Грустно! грустно! Вотъ почему и могутъ держаться на сценѣ такія вещи, какъ напримѣръ *Приключеніе на искусственныхъ минеральныхъ водахъ*. Если бы подлѣ этихъ пьесъ стояли произведенія Шекспира, Шиллера, Гете, тогда первыя пали бы сами собою, даже невозможно бы было и предполагать ихъ существованія. А теперь онѣ играются, и публика хоть зѣваетъ, а всетаки смотритъ. Плоскости—и больше ничего.

24 Авг. Въ четвергъ, третьяго дня, былъ обѣдъ у Одоевскаго, по причинѣ поступленія въ Университетъ Кн. Сергія Ивановича. Были тѣ, которые приготовляли его къ пріѣмному экзамену; а изъ посторонняхъ Плетневъ и Никитенко. Плетнева я не видалъ уже почти годъ, и тутъ столкнулся съ нимъ. Онъ дружески пожалъ мнѣ руку, и благодарилъ за статью—Гете и Гретхенъ—которую я перевелъ для Современника. Разумѣется больше я не вступалъ съ нимъ ни въ какія объясненія. Обѣдъ былъ подъ деревьями. Время проведено очень, очень пріятно. Маленькая Княжна Мар. Ив. Одоевская очаровала меня. И дурачился съ нею какъ дитя. Очень миленькая и умная дѣвушка.

8 Окт. Гоголь рѣшительно, кажется, погибъ для литературы: вдался въ страшный мистицизмъ. Странная судьба нашихъ талантовъ! Впрочемъ и неудивительно: тамъ гдѣ нѣтъ общей жизни духа, которая бы оживляла всю массу народа, головы мыслящія, чувствуя свое одиночество, тоскуя изъ неволѣ, бросаются на всевозможные пути—только бы жить и мыслить и забыть хоть ихъ чаду заблужденія своихъ палачей. Страшно видѣть утопающаго, еще страшнѣе смотрѣть на костеръ, на которомъ погибнетъ талантъ! Ахъ, Гоголь, Гоголь!....

Сегодня Графиня Клейнмихель была необыкновенно любезна; что за милая дама! Только въ аристократическомъ кругу женщина вполнѣ достигаетъ своего назначенія. Съ мужчинами не то: умъ мужчинъ вездѣ имѣетъ цѣну, вездѣ пробьется и окружитъ себя лучами славы; но вкусъ и любезность женщины, какъ главныя ея преимущества, требуютъ много внѣшнихъ условій: только въ благовонной атмосферѣ великолѣпныхъ гостиныхъ и будуаровъ, среди роскоши, женщина развиваетъ вполнѣ свои таланты, становится существомъ, передъ которымъ благоговѣешь.

10 Окт. Третьяго дня, когда я жалѣлъ о болѣзни Гоголя и питалъ еще надежды, что онъ поправится, поэта уже не было на свѣтѣ: изъ понедѣльниковъ получено извѣстіе, что Гоголь умеръ*). Я сегодня только узналъ объ этомъ. Трудно иностранцу, или человѣку другаго поколѣнія представить—какъ велика наша потеря! Была поэзія—и нѣтъ ея; вотъ все, что можно сказать. Но кто понимаетъ

*) Это былъ пустой слухъ. (Примѣч. автора.)

имѣетъ и чувствуетъ вполнѣ новую, для кого она есть жизнь, самая лучшая, благородная и высокая, тотъ поймете всю цѣну, всю горечь этой простой фразы. Велико было сопротивленіе наше по смерти Пушкина, но тогда и мало еще могъ понимать это; да притомъ всѣ-таки оставались еще люди, къ которымъ съ любовію могло обращаться сердце, жаждущее истины и красоты: тогда Жуковскій еще не устарѣлъ, Баратынскій хоть рѣдко, но всѣ-таки являлся въ печати; Гоголь былъ въ полномъ почти блескѣ; Лермонтовъ подавалъ большія надежды.... А теперь посмотрите кругомъ.... Сколько ни трубятъ журналы объ Сологубѣ и Достоевскомъ, но цѣлая бездна отдѣляетъ этихъ подражателей отъ ихъ родоначальника. Они схватили только внѣшнюю сторону Гоголя, а никто еще не понялъ его духа; никто еще изъ пишущихъ не понялъ, что Гоголь открылъ цѣлый міръ поэзіи, міръ совершенно новый и невиданный; никто еще не понялъ, что онъ пророчествовалъ о такой жизни, которая, проникнувъ сперва духомъ своимъ всю литературу, должна была современемъ отразиться и въ быту политическомъ; никто еще не понялъ, что Гоголь не простой художникъ, но поэтъ, принесшій къ намъ начала новой жизни.... И этотъ поэтъ, это сѣятелю, этотъ духъ, оживляющій насъ, вдругъ исчезъ.... Вы видите въ мастерской множество превосходныхъ картинъ, множество геніальныхъ начатковъ,—а художника-хозяина уже нѣтъ. Какими слезами заплачете вы тогда?

25 Окт. Вчера былъ у Графини Клейнмихель. Никитенко экзаменовалъ моихъ учениць. Графиня осталась очень довольна. Пригласила насъ къ себѣ пить чай,— и показала всѣ комнаты, даже спальную. Боже мой, что за роскошь! Вообще вчера она была очень любезна; въ первый разъ еще стала называть меня по имени, и просила, чтобы я вмѣлся учить и Русс. Исторіи, что ученицы очень привыкли ко мнѣ и пр. Отказаться нельзя. А сегодня Никитенко говорилъ, что Графиня сказывала ему вчера, что ученицы мои просто обожаютъ меня. Пріятно слышать. Вчера же получилъ мѣсто въ V гимназіи. Теперь деньгъ будетъ много, зато и работы куча.

5 Ноября. Обѣдалъ у Графини Клейнмихель. Она была по обыкновенію очень любезна. Показывала разныя вещи, привезенныя изъ Парижа и назначенныя въ продажу для дѣтскихъ пріютовъ. Есть очень много премиленькихъ вещей.

31 Дек. Въ послѣднее время я обдумалъ основательно вещи достойныя обдумыванья. Занялся изслѣдованіемъ методы преподаванія Рус. языка. Прежде я слѣдовалъ просто какому-то инстинкту; теперь началъ вникнивать свои понятія и дѣйствія. Это поприще у насъ рѣшительно ново. Сколько можно сдѣлать на немъ полезнаго. Гимназія принесла мнѣ пользу; она обратила меня къ началамъ языкоученія. Написалъ, по порученію Мусина-Пушкина, планъ преподаванія Рус. языка въ гимназіяхъ. Много тутъ еще незрѣлаго, дѣтскаго; но главное— вѣрно; надобно только развить эти мысли и заняться кое-чѣмъ спеціально. Кстати

поручено было написать разборъ на Половцова. Составленъ совѣтъ изъ учителей Рус. языка подъ предсѣдательствомъ Буссе, директора 3-й гимназіи. Первое засѣданіе было. Статья моя прочитана и принята хорошо. Очень радъ, что нашелъ сочувствіе. Есть надежда, что у насъ лучше наконецъ будутъ учить въ школахъ.

Гоголь жилъ; но для литературы погибъ. Вышла его новая книга—*Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями*. Что это за нелѣпый мистицизмъ! Можно ли узнать Гоголя?

Наступаетъ новый

1847-й годъ.

Что-то принесешь ты мнѣ, новый годъ?

5. Никитенко поцѣловалъ меня (когда я пришелъ поздравить его съ новымъ годомъ) за статью противъ Половцова. Ему Попечитель хвалилъ и ее и меня. Обѣдалъ у Никитенки. Въ субботу (4 числа) было собраніе, въ которое пріѣхалъ и Половцовъ. Глупый человѣкъ! Я прочиталъ ему статью, и онъ не нашелся сказать ни одного слова. Сидѣлъ какъ дуракъ,—съ тѣмъ и уѣхалъ. Пожали только плечами да улыбнулись.

9. Былъ вчера въ театрѣ. Играли *Уголино* (Полеваго). Драма сложена довольно нелѣпо: во есть истина въ основѣ, логика въ любви, чисто итальянской. Каратыгинъ, Сосницкой и Самойлова играли прелестно. На меня же собственно страннымъ образомъ подѣйствовалъ совѣтъ Нино. Въ облакахъ является Веронika.... музыка.... тихій голосъ существа любящаго, но уже отлетѣвшаго отъ міра.... Какъ много тутъ истины! Столько напомнило мнѣ это! Такъ много шевельнулось въ душѣ.... Я заплакалъ горько.... и было такъ грустно и больно и сладко на сердцѣ, что и до сихъ поръ не выходитъ изъ головы это видѣніе, этотъ голосъ, эти звуки.... Давно уже не таяла такъ душа моя.... Я обновился!....

Въ театрѣ были Порошины. Три года я не видался съ ними: встрѣтился какъ съ близкими родными.... Пожалъ руку Адели....

11 Мая. Замѣчательное нынче время. Сверху притѣсненіе страшное: стерегутъ не только шаги, даже взгляды, малѣйшее движеніе мысли. А между тѣмъ всѣтаки есть въ народѣ какой-то осадокъ разумности, и по временамъ что-то кипитъ въ видѣ пѣны. Правда, эта пѣна исчезаетъ быстро; но по крайней мѣрѣ пріятно видѣть, что . . . . . долженъ же иногда просыпаться и чувствовать, что не всѣ считаютъ его за отца отечества. Пріятно видѣть и то, какъ онъ разочаровывается по временамъ въ своихъ любимцахъ. Въ послѣднее время человѣкъ 5 или 6 самыхъ именитыхъ вельможъ уличены *въ воровствѣ*. Это люди, осыпанные титлами, чинами, орденами. Графъ Левашовъ, Тришатный, Дробишинъ, Клевенскій— другихъ не помню.... Между тѣмъ есть надежда (Богъ знаетъ, когда-то сбудется она), что народъ заговоритъ наконецъ. Всѣ событія ведутъ къ тому. Одно только худо, что народъ напъ—подлецъ на подлецѣ. Татаринова . . . . . такъ ополчили

всѣхъ, что, я думаю, мы изъ силахъ еще пережить нѣлый десятокъ Іоанновъ Грозныхъ. . . . . Да, вѣка портили народъ, вѣка должны и исправить его. Наша доля (доля наставниковъ и учителей) еще самая блаженная: мы можемъ по крайней мѣрѣ дѣйствовать *непосредственно*, т. е. внушать истинныя понятія о вещахъ, дѣйствовать на развитіе разума; если къ кому привьется это, тотъ самъ уже дойдетъ до приложеній.

16 Мая. Перечиталъ снова исторію Грознаго, время самозванцевъ и междуцарствія. Что это за интересная картина! Народъ лижетъ ноги тирана, когда тотъ пьетъ кровь своихъ подданныхъ,—и хоть бы одна голова приподнялась.... только Курбскій обнаруживаетъ въ себѣ признакъ жизни, да и то—герой безъ лица и физіогномія. А другіе въ это время только сплетничаютъ и предаютъ другъ друга.... Это не невѣжество, нѣтъ, это подлость, остатокъ татарщины.... А время самозванцевъ: что это такое? Шумъ, громъ, и все изъ за чего? за свободу ли мысли? за права ли разума? за честь ли и славу народную?.... Ничуть не бывало! За одинъ формы, за глупые обычаи; нѣтъ и тѣни мысли и чувства.... То ли бывало въ Европѣ во времена самыхъ кровавыхъ распрей, бурь и невзгодъ? Нѣтъ, ничего подобнаго!.... Какая убійственная тоска наполняетъ душу, какъ всмотришься въ исторію отечества.....

2 Августа. Частныя мои отношенія къ людямъ (исключая нѣкоторыхъ начальниковъ) всегда хороши. Меня любятъ; можетъ быть впрочемъ потому, что нѣтъ причины не любить. О нѣтъ! я еще далекъ отъ такого разочарованія. Я вѣрю въ безкорыстную честность, дружбу и любовь. Во мнѣ даже слишкомъ много откровенности и вѣрованій во все прекрасное. Часто конечно и обманывался; но зато много испытывалъ и такихъ наслажденій, которыхъ не испытываетъ ни одинъ разсчетливый человѣкъ. Не понимаю только, за что Гр. Соф. Павл. такъ любитъ меня?

7 Авг. Вчера вечеромъ возвращался изъ Павловска вмѣстѣ съ секретаремъ Бенардаки. Онъ разсказалъ мнѣ, какъ очевидецъ, несчастное событіе 1841 года. Онъ возвращался тогда изъ Павловска съ двумя пріятелями. Они сидѣли въ 4 вагонѣ; а всѣхъ вагоновъ было 37. Въ Царскомъ Селѣ И. Е. вышелъ закурить сигару; но возвратясь видитъ, что мѣсто его уже занято. Онъ обращается къ кондуктору и предъявляетъ билетъ. Кондукторъ говоритъ, что ужъ дѣлать нечего—сами ищите другое мѣсто, что при такомъ множествѣ народу всѣ почти перепутались мѣстами, такъ что невозможно уже добраться толку. И. Е. пошелъ отыскивать новое мѣсто и усѣлся сѣсть въ 24 вагонѣ; а пріятели его остались на прежнихъ мѣстахъ и смѣялись надъ нимъ. Поѣздъ тронулся. Это было уже въ 1-мъ часу ночи; многіе дремали. И. Е. замѣчаетъ, что машина прошла уже то мѣсто, гдѣ бы слѣдовало остановиться для разъѣзда съ другой машиной. Онъ обратился съ вопросами къ своему сосѣду; но сосѣдъ былъ нѣмецъ—пьянъ и

притомъ дремалъ. Ѣдутъ. Вдругъ раздается страшный ударъ; такъ что стекла въ 24 вагонѣ полетѣли дребезгами. И. Е. выглянулъ въ окно—впереди пожаръ и вопли. Онъ и всѣ другіе выскочили изъ вагона, бѣгутъ—передній вагонъ горитъ, исковерканный такъ, что и узнать нельзя; 8 вагоновъ разбитые лежатъ во рву—трупы, головы, ноги, руки валяются кучами. Онъ встрѣчаетъ одного изъ своихъ товарищей, окровавленнаго. Тотъ говоритъ, что ударомъ придавило ихъ вагонъ, такъ что крыша раскололась, и онъ въ безпамятствѣ бросился въ ровъ; а другой товарищъ вѣроятно погибъ. И въ самомъ дѣлѣ они скоро нашли несчастнаго: у него голова была вдавлена въ грудь. Раненые кричали отчаянно; оставшіеся въ живыхъ спѣшили подать имъ помощь. И. Е. наткнулся на дѣвушку, прекрасно одѣтую: она кричала и билась. Онъ съ товарищемъ подняли ее; у несчастной въ шеѣ былъ гвоздь. Гвоздь вырвали, и раненую отнесли на рукахъ въ поле; распросили—кто она, достали какую-то лошадь и отвезли въ городъ. Между тѣмъ мертвыхъ и раненыхъ складывали въ уцѣлѣвшіе вагоны. Дали знать въ городъ; прислала новая машина и довезла ихъ до города. Погибло всего—болѣе 100 человѣкъ, да перерѣнено было до 160. Воображаю весь ужасъ этого событія!

7 Сент. На днихъ купилъ и прочиталъ Тургенева и Головина. Новаго ничего не нашелъ; но утѣшительно читать книгу, въ которой систематически излагается все, что самъ я передумалъ и перечувствовалъ въ разныя минуты жизни. Сочувствіе—вотъ что интересуетъ. Головинъ, какъ человѣкъ молодой, говоритъ съ энергіей, съ желчью; но мало убѣждаетъ: нѣтъ доказательствъ. Тургеневъ положительнѣй, богатъ свѣденіями, основывается во всемъ на документахъ. Въ четвергъ 2 числа играли мою драму—*За короля*. Я былъ очень огорченъ: играли дурно, да и самая драма высока для публики Александринскаго театра. Притомъ цензура жестоко изуродовала ее..... Получилъ уроки у Княгини Долгорукой—учить 15 лѣтнюю Княжну Марью Николаевну. Очень умная дѣвочка. Она любитъ меня и я ее.

21 Ноября. Графиня Фераенъ любитъ меня. Ей теперь 16-й годъ. Она начинаетъ уже чувствовать не по дѣтски. По цѣлымъ часамъ я держу и ласкаю ея бархатную ручку. Это ей нравится; она такъ уже привыкла къ этому, что сама предупреждаетъ меня и подаетъ мнѣ ручку. Если бъ Мефистофелемъ.... о, сохрани меня Боже! Но я, кажется, никогда не разстанусь съ ней; потому что когда она сорѣетъ вполнѣ, надѣюсь, будетъ не только любить, но и уважать меня.... Милая душа! Она доставляетъ мнѣ много минутъ истиннаго наслажденія.

28 Ноября. Общество наше въ послѣднее время видимо растетъ и мужаетъ. Можно сказать, въ каждомъ уже есть если не ясное понятіе, то по крайней мѣрѣ темное чувство о правѣ человѣка и гражданина,—о томъ великомъ правѣ, которое всегда и вездѣ у народовъ образованныхъ было источникомъ всѣхъ событій

жизни, достойныхъ исторіи, и которое такъ позорно попрано въ Россіи. Правда, это—если можно такъ выразиться—электризованіе общества можетъ продолжиться еще слишкомъ долго, но все же законъ природы возьметъ наконецъ верхъ надъ правилами незаконнаго деспотизма, можетъ быть слѣдующее поколѣніе будетъ уже гораздо счастливѣе насъ. И теперь одинъ только безпрерывный свистъ кнута заглушаетъ темный ропотъ сердецъ. Однакоже всетаки жизнь прорывается то тамъ, то здѣсь: . . . . . иѣроятно видишь это. Вотъ только бѣдствіе: есть еще пропасть подлецовъ, которые находятъ выгоду въ доносахъ. Имена такихъ людей стоило бы обезсмертить самымъ позорнымъ образомъ. Давно ли студентъ Кіевскаго Университета (и кто же? студентъ!.....) донесъ на Гулака, Кулѣша, Шевченко—и несчастные страдальцы пьютъ теперь горькую чашу! А вотъ опять достойный воспитанникъ Горнаго Корпуса . . . . . донесъ на Аффендика, и бѣдняка отправили солдатомъ на Кавказъ. Конечно, Аффендикъ—лицо неважное; невелика потеря для отечества, если и вовсе не будетъ; но всетаки подлецъ . . . . . достоинъ безсмертія!

Говорятъ, на 20 число ночью ходили по городу патрули и даже солдатамъ розданы были патроны. Это было изъ слѣдствіе того, что . . . . . подброшены были какія то письма, въ которыхъ грозили свернуть ему шею. Угроза конечно вещь пустая: надо не грозить, а дѣйствовать; но всетаки не мѣшаетъ, чтобы . . . . . держалъ ухо востро. Новый законъ о правѣ заложенныхъ крестьянъ выкупаться на волю—законъ пустой изъ основанія, знаешь тѣмъ, что онъ взволновалъ всю аристократію. Они сильно зашумѣли, и если это пойдетъ все такъ какъ теперь, то сыну . . . . . достанется на орѣхи. Я много толковалъ объ этомъ съ молодыми аристократами, и видно, что они сдѣлали уже шагъ въ понятіяхъ о правѣ и свободѣ. Дай Богъ! Авось дѣти будутъ лучше отцевъ. Утѣшительно ужъ и то, что они презираютъ службой и одушевляются мыслію—жить и дѣйствовать для блага своихъ крестьянъ. Можно надѣяться, что рабство исчезнетъ наконецъ, и крестьяне будутъ имѣть свою собственность. Тогда дѣло пойдетъ иначе!

Дек. 27. Она (Софи) меня любитъ, и мнѣ суждено еще разъ испытать упоеніе любви, хотя совершенно въ иномъ родѣ. Такая любовь больше согласна съ моимъ характеромъ. Я поэтъ въ сердцѣ. Въ любви меня очаровываетъ эта безпредѣльность чувства, которую, какъ небо, нельзя измѣрить даже мыслію. Всякая мѣль, какъ бы она далека ни была, указываетъ уже на опредѣленную границу, за которой—чтожъ тамъ? какой-то новый порядокъ жизни—жизнь, можетъ быть, полнѣе настоящей; но всетаки довольно опредѣленная, не безъ скуки, не безъ непріятностей. Но безбрежность чувства, съ его бурями и волненіями—вотъ гдѣ можетъ крѣпнуть и мужать душа моя. Я одинокъ и долженъ умереть одинокимъ. Такъ отъ чего же не дать воли сердцу уноситься къ самымъ далекимъ запоздѣлымъ берегамъ? Она меня любитъ—и я счастливъ, и я горжусь ея любовью.

1848 годъ.

25 Февр. Новый годъ вошелъ подъ счастливыми предзнаменованіями. Вся Европа въ волненіи: во всѣхъ головахъ бродятъ мысли о свободѣ; троны вездѣ колеблются. А во Франціи поступили рѣшительно: короля—къ черту, и—vivat republica! Молодцы! Люблю народъ, гдѣ мысль и дѣло всегда почти синонимы. Что будетъ изъ всего этого—еще неизвѣстно; вопервыхъ потому, что мы покамѣстъ и не знаемъ еще ничего вѣрнаго; а вовторыхъ потому, что самое дѣло еще только начинается. Первое извѣстіе сюда получено въ самую масленицу (третьяго дня), и на другой день уже всѣ заговорили объ этомъ. Впечатлѣніе рѣзко и живо; покамѣстъ оно еще не приняло опредѣленнаго образа; но радуетъ уже то, что оно принято почти всѣми съ видимымъ удовольствіемъ, какъ новость пріятная. Слава Богу, стало быть головы Русскія уже значительно измѣнились въ послѣднія 50 лѣтъ. Первая революція Франціи пробудила не только въ Россіи, но даже во всей Европѣ отвращеніе къ себѣ и негодованіе; а теперь—совсѣмъ не то! вездѣ люди толкуютъ, потирая руки, какъ будто онѣ у нихъ чешутся.... Худо только то, что по характеру нашему это можетъ ограничиться одной только чесоткой! Но во всякомъ случаѣ дѣла Европейскія ускорятъ наше развитіе. Мысль не остановишь никакой таможней: она прокрадывается какъ тать; хоть медленно, зато прочно утверждается въ головахъ и сердцахъ, такъ что искоренить ее можно только тогда, когда выпустишь всю кровь изъ человѣка съ преображенной головой. На ноги и руки набиваются оковы; для книгъ есть цензура; а для мысли и чувства нѣтъ окозъ: они улетаютъ изъ міра не иначе какъ вмѣстѣ съ душою, ими осѣненною.... Посмотримъ, какъ пойдетъ дѣло. Теперь каждый день надобно ожидать какихъ нибудь новостей. Люблю такую жизнь; потому что въ этомъ только, въ этихъ волненіяхъ, и есть жизнь. Половина столѣтія отмѣчаетъ себя въ исторіи; можно надѣяться, что конецъ выкажетъ ясно то, что запарилось въ этой огромной лабораторіи духа народовъ. Привѣтствую тебя, 1848 годъ!

Марта 13. Европа устраиваетъ свои дѣла хорошо и спокойно: вездѣ подписываютъ конституціи и народы торжествуютъ.... Невидимый перстъ ясно обозначилъ теперь восточную границу Европы: она идетъ по чертѣ Рус. владѣній. Такимъ образомъ, въ три недѣли, сидя на мѣстѣ, мы уѣхали въ Азію, встали на одну доску съ турками, татарами и пр. Хвала тебѣ,....! Первыя слова, которыя вырвались у него изъ устъ, при полученіи извѣстія о Французской республикѣ, были: „я теперь въ Азіи; но чуть только дѣло коснется Австріи, я буду въ Европѣ!“ Ну вотъ, дѣло коснулось Австріи—ступай теперь въ Европу.... Кто пуститъ тебя? Что говоритъ объ тебѣ Европа? Всѣ государства объявили торжественно, чтобы ни одна русская нога не показывалась на ихъ границахъ; въ противномъ случаѣ—народная война! Ты сказалъ, что воздвигнешь китайскую стѣну

между Россіею и Европою: эту стѣну воздвигла сама Европа.... Горько наше положеніе. Давно ли начали обнаруживаться въ нашихъ журналахъ маленькіе признаки жизни, и вотъ—новое иго притиснуло ихъ снова. На днихъ учрежденъ совѣтъ изъ 6 человѣкъ: Гр. Орлова, Кн. Меньщикова, Гр. Строганова, Бар. Корфа, Душельта и Дегая. Призваны были третьяго дня въ этотъ совѣтъ всѣ редакторы журналовъ и газетъ. Объявлена была воля...., чтобы никто не смѣлъ выходить изъ опредѣленныхъ рамокъ.... Каково! Въ то время, когда по всей Европѣ объявлена свобода книгопечатанія, у насъ удесятерены мѣры цензуры! Какъ это современно и благородно!!! А подлецамъ затo полный просторъ. Булгаринъ подличаетъ, сколько душѣ угодно. Третьяго дня напечатано въ Пчелѣ *Письмо изъ Франкфурта*—образцовое въ этомъ родѣ, и достойное безсмертія.... Гдѣ жъ наши надежды? Гдѣ наше будущее? Что оно? Приподнимись, таинственная завѣса!.... Покамѣстъ не видно ничего; только тяжелѣе и тяжелѣе налегаетъ варварская власть....

15 Марта. Новое извѣстіе. Говорятъ, третьяго дня дано знать по секрету...., что въ Пруссіи король взятъ подъ стражу. Это все равно, что подвести рюмку водки! Стало быть дѣла идутъ хорошо—долой всѣхъ деспотовъ и подлецовъ! Поздравляю васъ, счастливые народы Европы! Праздную день свободы, рутините хорошенько насъ, погрязшихъ по уши въ рабствѣ, въ этомъ состояніи скотства.... У, какъ черно наше настоящее, да кажется и будущее.... Хоть бы каплю отрады, хоть бы каплю воздуха!.... Аристократство сильно шевелится и щетинится. Оно чувствуетъ, что если проснется народъ, такъ имъ плохо придется—полотерамъ, напереникамъ тирана! Сегодня говорилъ объ этомъ съ Гр-ней Клейнмихель: добрая женщина, а провоняла придворною жизнію. Княг. Долгорукая такъ же съ ужасомъ отозвалась сегодня о дѣлахъ Европы; а въ субботу просто побранился съ молодымъ Гр. Ферзеномъ. Одна только милая моя Гр-ня Ферзенъ мыслитъ и чувствуетъ какъ должно. Утѣшительно одно только: всѣ съ жадностью читаютъ газеты; въ кондитерскихъ просто толкотня съ утра до вечера; всѣхъ интересуютъ Европейскія событія. Инстинкту много въ толпѣ, да нѣтъ еще убѣжденій и рѣшимости. Что дѣлать: будемъ ждать. Нынче—что день, то новость. Ручаться ни за что нельзя..... видимо сконфужень; авось надѣлаетъ такихъ промаховъ, что и поправить будетъ нельзя. На это онъ мастеръ. Вчера читали въ церкви манифестъ, гдѣ убѣждаютъ народъ стоять твердо за Вѣру, Царя и Отечество!

Марта 18. Дѣло въ Пруссіи было совсѣмъ не такъ, какъ я слышалъ. Еврейновъ (служ. при Министрѣ Иностр. Дѣлъ) передаетъ вотъ какимъ образомъ эти подробности. Король сражался съ народомъ около недѣли. Рѣзня была ужасная. Трупы защитниковъ-гвардейцовъ бросали во дворецъ, чтобы показать, что наконецъ этихъ защитниковъ всѣхъ перебьютъ. Между тѣмъ Рейнскія провинціи прислали своего депутата. Онъ привезъ къ королю бумагу съ тѣмъ, что если

черезъ 18 часовъ эта бумага не будетъ доставлена обратно съ подписью короля, то чтобы его величество не безпокоился и не считалъ бы Рейнскія провинціи своими. Медлить было некогда: онъ подписалъ конституцію. Гвардія народъ велѣлъ удалиться изъ предѣловъ Пруссіи.... Король дрался съ народомъ за то, что народъ просилъ у него позволенія жить почеловѣчески—слышишь ли ты это, дитя XX-го столѣтія? Берлинская газета теперь въ траурѣ. Говорятъ, одинъ студентовъ было убито до 700 человѣкъ.... Въ Познани сформировался корпусъ Поляковъ въ 60 тысячъ. Въ Варшавѣ вѣроятно есть волненіе; потому что Русс. войско выпало изъ города и стоитъ въ окрестности, готовое стрѣлять по первому знаку. Нѣсколько молодыхъ людей пѣли на площади какую-то пѣсню. Пасквичъ—достойное орудіе.....—велѣлъ схватить первыхъ попавшихся подъ руку полиціи и повѣсить. Четверо тотъ-часъ же было повѣшено на фонаряхъ. Каково! Какой азіатскій деспотизмъ перещеголялъ деспотизмъ Русскаго.... и клеверетовъ его? Въ Кіевѣ также безпокойно. Только здѣсь..... о мертвый народъ!.... здѣсь только фаіономіи спокойны и неподвижны.... голосъ человѣка умолкъ въ шумномъ говорѣ чиновничьихъ страстей.... Не знаю, наберется ли въ цѣломъ Петербургѣ 10 тысячъ человѣкъ, сочувствующихъ ходу идей на Западѣ и болѣющихъ сердцемъ за угнетеніе всего прекраснаго и благороднаго.... Массы войскъ готовятся къ походу; но куда же пойдутъ онѣ—эти машины.... А впрочемъ дай Богъ! Половину дураковъ перебьютъ, а другая воротится умнѣе.... Но когда-то еще это будетъ, а между тѣмъ желѣзное иго гнететъ все болѣе и болѣе.... убиваетъ не только всякая дѣятельность, но даже всякая мысль и чувство.... Горе вгрызается въ самыя кости и съѣдаетъ человѣка безвременно.... сердце высыхаетъ..... Остается одна еще отрада—передавать сердечные стоны друзьямъ, которыхъ впрочемъ очень немного. Да и то нужно очень осторожно. Шпіонство страшное. Везлѣ есть предатели; готовы подслушать даже сонный бредъ....

Марта 20. Городъ полонъ толками и слухами. Каждая встрѣча съ знакомымъ начинается словами: „ну что—нѣтъ ли чего новаго?“ И потомъ тотъ-часъ же оглянутся по сторонамъ—не подслушиваютъ ли ихъ камни и стѣны домовъ.... Въ кондитерскихъ всегда тѣсно. Каждый приходитъ, молча садится и беретъ газету, спросивъ только чашку кофе, трубку или сигару; да нарѣдка выглядываетъ изъ за листа, чтобы убѣдиться, не подсмотрѣлъ ли кто на его лицѣ двусмысленной улыбки или другаго какого нибудь подозрительнаго выраженія. Въ обществахъ скучно, всѣ разбредутся по угламъ и шепчутся; нѣтъ мѣны чувствъ и понятій,—отъ того разладъ въ головахъ страшный: кто въ лѣсъ, кто по дрова.... понятія и мысли идутъ въ обществѣ какими-то углами: вдругъ выдается какое нибудь препелѣпое мнѣніе и держится упрямо; иной предложитъ, Богъ знаетъ какое, затѣйливое сомнѣніе или курьезную надежду—хаосъ совершенный; а все потому, что въ обществѣ нѣтъ жизни оживляющей.... нѣтъ духа животворящаго.

Тоска! тоска! бѣжалъ бы, кажется, на край свѣта.... Между тѣмъ слышно, что люди исчезаютъ—услужливые шпіоны дѣлаютъ свое дѣло. И въ самомъ дѣлѣ, какое обширное поле открыто теперь всякой низкой клеветѣ, всякому подлому доносу. Теперь только наступило полное торжество для журналовъ и газетъ, подобныхъ *Пчелѣ*, *Иллюстраціи*, *Москвитянину*. Булгаринъ, Гречъ, Вашуцкій, Шевыревъ могутъ обезсмертить свои имена. Они впрочемъ и безъ того уже на пути къ безсмертію. Гречу только не посчастливило: его, говорятъ, высѣкли въ Парижѣ (онъ тамъ былъ во время изгнанія короля). Кто-то изъ Русскихъ указалъ на него толпѣ: „вотъ Русскій", который постоянно пишетъ всякую мерзость объ насъ въ Петербургѣ", — и толпа тотъ-часъ же распорядилась по своему. Такъ или иначе было это, только мнѣ пересказывали за вѣрное, что Гречь высѣченъ. Зато Булгаринъ, достойный собратъ его, торжествуетъ. Вотъ и на двяхъ онъ подалъ доносъ на Современникъ и Отечественныя Записки. Его подкрѣпилъ другой подлецъ—Графъ Левашевъ, лошадиный староста, зато что эти журналы неуважительно отозвались о журналѣ Коннозаводства. Неизвѣстно еще, чѣмъ это кончится; но покамѣстъ уже и Современникъ и Отч. Записки ваты въ сквозныя рукавицы. А что дѣлаетъ .....? О, онъ торжествуетъ, по крайней мѣрѣ по наружности: веселъ, любезенъ, живъ и дѣятеленъ..... по сердцу, не думаю, чтобы было спокойно. Излишняя безаботность и увѣренность въ себѣ иногда бываетъ признакомъ внутренняго безпокойства и неувѣренности. Въ продолженіи послѣднихъ двухъ недѣль онъ объѣхалъ почти всѣ учебныя заведенія, былъ даже и въ тѣхъ, гдѣ не бывалъ уже нѣсколько лѣтъ; ходилъ пѣшкомъ по толкучему рынку—первый разъ въ жизни; въ манежахъ говоритъ безпрестанно рѣчи къ солдатамъ; вездѣ хочетъ выказаться хватомъ, молодцомъ. Это что-то подозрительно. Неужели онъ не понимаетъ, что въ случаѣ войны, чего кажется не миновать, онъ долженъ бояться какъ огня, чтобы непріятель не проникъ въ предѣлы Россіи? Нынче вѣдь ужъ народъ не поднимется какъ въ 12-мъ году.... Неужели онъ не чувствуетъ, что не только Польша, но даже и Малороссія ждутъ только случая къ возстанію?... Неужели онъ не думаетъ о томъ, что терпѣніе черни скоро наконецъ лопнетъ,—и тогда бѣда: тутъ надобно будетъ охотиться какъ противъ тигровъ. Между тѣмъ въ среднемъ классѣ—это ужъ знаетъ навѣрно—есть много, очень много назлектрированныхъ головъ. Стоитъ только какому нибудь внѣшнему событію слить эти элементы, и тогда душа Русская проснется....

26 Марта. Голштинія и Шлезвигъ отдѣлились отъ Даніи. Милань въ полномъ возстаніи: Австрійцы изгнаны. Венгрія и Галиція наготовѣ подняться. Въ Познани, говорятъ, объявленъ королемъ князь Чарторижскій. Теперь, значитъ, Русская Польша въ такомъ точно положеніи, какъ собака, которой положили подъ носъ кусокъ мяса и не велятъ трогать..... у бѣдняжки слюнки текутъ. Чтожъ будетъ изъ этого?.... Теперь Польша наводнена войсками: тамъ стоитъ

около 400 тысячъ; но чтожъ въ томъ толку? Такъ вѣдь нельзя долго властвовать. Европа устроится; славянскія земли, можетъ быть, образуютъ отдѣльную конфедерацію, и тогда..... Сегодня заговорили о войнѣ за права Даніи. Очень нужно мѣшиваться не въ свое дѣло! Ничего еще нельзя сказать теперь—что будетъ изъ этого пива: пари хороша, какъ-то уходится.... Исторія вписала уже 1848 годъ въ свои скрижали: кончена исторія государствъ, державшихся за хвосты своихъ правителей; начинается исторія народовъ; человѣкъ обрасываетъ съ себя подлую кожу подданнаго; физіономія его выясняется болѣе и болѣе.... Франція теперь покамѣстъ въ тѣни; интересы Германіи ближе къ сердцу и человѣчнѣе; тутъ вопросъ—*быть* или *не быть*: жить ли, какъ прилично человѣку, или пресмыкаться въ рабствѣ? Слава Богу, вопросъ вездѣ рѣшенъ въ пользу человѣка,—исключая одного только *любезнаго* моего отечества..... здѣсь покамѣстъ живутъ еще вѣки Людовика XI.... Спи, святая Русь, спи сномъ праведницы; что-то снится тебѣ?

27 Марта. Она (Гр. Ф.) меня любитъ! Она такъ искренно сегодня пожала мою руку, и не выпускала ее изъ своей руки до тѣхъ поръ, покамѣстъ не наговорилась досыта, и покамѣстъ я не поцѣловалъ наконецъ ея миленькіе пальчики.... Я открылъ ей состояніе души моей, т. е. мои политическія понятія, или—лучше сказать—глубокую печаль мою о судьбѣ Россіи.... Въ этомъ сердцѣ говоритъ природа; ей понятенъ голосъ человѣка, изъ какой бы демократической груди ни исходилъ онъ.... Милая дѣвушка! благословляю разцвѣтъ твоей жизни, и желаю тебѣ возможнаго счастія....

А другіе! О, аристократизмъ мало по малу убиваетъ въ нихъ всѣ человѣческія чувства. Смѣшно наше аристократство! Эти люди называютъ себя аристократами; но развѣ они не такіе же рабы, какъ и я, какъ и великій мужикъ? Развѣ ихъ графскіе и княжескіе титулы не такіе же дары....., какъ и чины чиновниковъ? Гдѣ тѣ домы, которые ведутъ свой родъ отъ древнихъ владѣтельныхъ фамилій? Ихъ можно пересчитать по пальцамъ; а всѣ остальные—выслужившіеся чиновники; а многіе еще и не совсѣмъ честные чиновники.... Такимъ аристократомъ можетъ быть каждый изъ насъ: стоитъ только быть выисканнымъ милостями..... Примѣры сегодня совершаются передъ глазами.... Чѣмъ же гордиться тутъ? Зачѣмъ сгонять себя на одну доску съ аристократами Англіи? Жалкіе люди! какъ дорого заплатятъ они современемъ за эти золотые сны, за эти сладкія заблужденія!.....

Она меня любитъ! И я могу еще мучиться съ жизнію; есть еще въ мірѣ уголокъ для моего оскорбленнаго чувства.... Она меня любитъ!

2 Апрѣля. Прочиталъ на этой недѣлѣ двѣ замѣчательныя статейки: одну въ фельетонѣ полицейской газеты отъ 27 Марта; другую—тамъ же отъ 31 Марта. Какое лицемѣріе! То ли думаютъ Межевичъ и Сологубъ, что написали? Какая

подлость! Впрочемъ неудивительно: деспотизмъ гнететъ только благородныя чувства, авто даетъ полный просторъ всему низкому и презрѣнному. Эти статейки такъ оригинальны, что стоитъ даже ихъ списать. Объ фельетонахъ Сѣверной Пчелы нечего и говорить: теперь настало настоящее время для Булгарина и его братіи: онъ можетъ обезсмертить себя; а о потомствѣ онъ не заботится: подлая душа не вѣритъ въ безсмертіе.

10 Апрѣля (ночь передъ Пасхой). Настоящія обстоятельства раскрыли наконецъ истинный характеръ нашей аристократіи во всей его наготѣ. Содрогнись, благородный потомокъ нашъ, и плюнь на первое попавшееся тебѣ изображеніе аристократа нашего времени! Въ числѣ мѣръ, клонящихся къ поддержанію и еще большему укорененію невѣжества народнаго (на чемъ—замѣтимъ мимоходомъ—и держится весь деспотизмъ..... и вся слава аристократіи) предложена была одна мѣра, достойная безсмертія: *закрыть всѣ университеты*, разорить эти гнѣзда, гдѣ подъ крыломъ матери-науки кое-какъ дышитъ еще мысль народная..... Варвары! неужели вы вѣруете въ Бога? Провозгласителемъ этой мѣры былъ Бутурлинъ, которому порученъ теперь высшій надзоръ за цензурой—ловить и убивать каждую мысль, въ которой замѣтно будетъ хоть малѣйшее движеніе жизни. Къ счастію, самъ..... содрогнулся и не рѣшился такъ публично сооружить общественный эшафотъ. Приняты мѣры страшныя, но безъ огласки. Онѣ отразились уже на Апрѣльскихъ книжкахъ нашихъ журналовъ. Современникъ убитъ или—вѣрнѣе сказать—пораженъ въ самое сердце. Нѣтъ болѣе поэтовъ запечатлѣнныхъ мыслію: опять пошли въ ходъ сказки..... Читай, почтеннѣйшая публика, читай и поучайся! Никитенко оставилъ редакторство. Теперь Современникъ за 1847 и первыя три книжки 1848 года должны сдѣлаться рѣдкостью..... Удивительно безчувственъ Рус. народъ! Много ли есть людей, которыхъ обдаетъ ужасомъ при одной мысли о такомъ положеніи дѣлъ? Большая часть совершенно равнодушны; а многіе еще радуются..... Громъ и молнія да разразятъ нашъ вѣкъ, наше поколѣніе!....

1 Мая. Третьяго дня былъ съ Никитенкой у Графини Клейнмихель. Говорили о гоненіяхъ на современную литературу. „Какъ же тутъ быть? сказала Графиня: насъ заставляютъ читать по-русски; хотятъ, чтобы дѣти наши учились и читали по-русски; но чтожъ послѣ этого читать? Положимъ, я еще буду читать старыхъ писателей; но чтожъ будутъ читать мои дочери? жить и пробавляться только старымъ?“... Если бы подобныя мысли выражались почаще, порѣже и погромче,—такъ можно бы было хотя по крайней мѣрѣ питать надежды на лучшую будущность..... Никитенко говоритъ, что изъ всѣхъ современныхъ палачей..... обнаруживаетъ еще больше другихъ чего-то человѣческаго. Когда принялись за журналы, потребовали къ отвѣту всѣхъ редакторовъ. Никитенко написалъ письмо къ Гр. Орлову. Главная мысль, выраженная имъ, была та, что прежде нежели

судить человѣка, надобно знать, кто онъ такой? какъ онъ жилъ? что онъ писалъ? и т. д. Письмо вѣроятно было написано умно и ловко. Орловъ показалъ его Государю. Государь велѣлъ объявить Никитенкѣ, что онъ благодаритъ его за благородныя чувства, что онъ никогда не сомнѣвался въ нихъ и увѣренъ, что и впредь онъ будетъ вести себя какъ прежде. Что можетъ быть лучше этихъ словъ въ устахъ.....? Но всетаки дѣло нашего поколѣнія проиграло совершенно: слѣдующее поколѣніе должно оскорбиться; слѣдующее за нимъ родится уже одною огромною скотиною, а потомъ уже начнется реакція, и безъ сомнѣнія разыграется ужасно: нуженъ страшный огонь, чтобы скоты перегорѣли и вышли бы изъ нихъ люди.... Боже мой! къ чему жъ эти страданія?

15 Мая. Дѣла Европы такъ запутаны, что нельзя даже и догадываться чѣмъ все это кончится. Конечно, мы знаемъ одни только отрывки, хвостики, а не видимъ, какъ вяжутся эти узлы; но не думаю однакожъ, чтобъ и тамъ дѣло было ясно. Вѣрно только одно, что изъ всего этого возникнетъ лучшій порядокъ вещей. Жатва значитъ готова; но еще мало жнецовъ, по крайней мѣрѣ не всѣ еще проникнуты ясной идеей: она покамѣстъ въ чувствѣ, въ пророческомъ инстинктѣ. Молотьба слишкомъ сильна; зерна залетаютъ и сюда, только почва здѣшняя еще неразработана.... Много, много еще нужно для Россіи событій, чтобы подготовить ее къ чему нибудь лучшему; можетъ быть, еще не одно поколѣніе пройдетъ по землѣ, какъ стадо свиней, хрюкая и чиновничествуя, на законныхъ основаніяхъ, поѣдая то, что подъ ногами..... Мечты мои! мечты мои—мои несбыточныя гаданія! зачѣмъ же вы мучите меня?.... К.... не дремлетъ; клеверты и палачи его дѣлаютъ свое дѣло: всякое поползновеніе къ мысли убито; даже книги нужно прятать; въ шкафахъ можно имѣть только сказки. Ужъ если страдать, такъ по крайней мѣрѣ страдать бы по-человѣчески—на крестахъ и кострахъ.....

26 Мая. Въ тотъ самый день, какъ я писалъ эти строки, т. е. 15 числа, въ Неаполѣ происходило первое дѣйствіе страшной драмы, которая кончилась только къ 18 числу. Господи! гдѣ мы живемъ? Король торжественно, передъ глазами цѣлаго міра, разыгралъ превосходно роль разбойника.... Всякое человѣческое чувство должно быть возмущено до дна. Неужели это пройдетъ безнаказанно? Боже мой! Боже мой! Если тамъ, гдѣ и наука, и искусство цѣлые вѣка дѣйствовали къ образованію всего человѣчества, если тамъ до сихъ поръ не могли дойти до этой простой истины, что человѣкъ не оселъ, что онъ долженъ искать закона и права въ самомъ себѣ, а не ожидать ихъ какъ милости отъ палачей.—такъ чего жъ ожидать намъ? Когда жъ мы дойдемъ до этой истины? Будущее съ каждымъ шагомъ нашимъ впередъ становится чернѣе и чернѣе.... Гдѣ наши надежды? На грядущія поколѣнія? Напрасно! Мѣры деспотизма таковы, что дѣти должны быть глупѣе отцевъ. Знаменитая мысль Бутурлина рано или поздно осуществится..... Чего жъ искать въ жизни? Во что же вѣрить? Что любить?

Чего надѣяться? Гдѣ тутъ Промыслъ, пекущійся объ мірѣ? Зачѣмъ онъ создалъ человѣка такой скотиной-чиновникомъ? Тяжело дойти до этихъ вопросовъ; еще тяжелѣе, когда разсудокъ отказывается ихъ рѣшить.

27 Мая. Вотъ нѣкоторыя подробности объ верховномъ, вновь учрежденномъ цензурномъ комитетѣ. Его составляютъ трое: Бутурлинъ, Дегай и Модестъ Корфъ. У нихъ нанято еще 6 человѣкъ помощниковъ съ платою каждому по 2 тысячи р. сер. Обязанность ихъ—читать книги уже напечатанныя и ловить въ нихъ мысли. Никитенко оставилъ цензорство. Передъ отставкой онъ сдѣлалъ одно доброе дѣло: подалъ Министру бумагу, въ которой объясняетъ, что въ послѣднее время начали поступать въ цензуру множество сочиненій въ прозѣ и стихахъ, имѣющихъ содержаніемъ наліяніе патріотическихъ чувствованій; такъ какъ цензура, по силѣ такой-то статьи устава, должна обращать вниманіе на то, чтобы предметы высокіе представлялись въ приличныхъ имъ формахъ,—и такъ какъ большая часть поступающихъ теперь въ цензуру сочиненій обличаютъ въ авторахъ совершенное незнаніе даже общихъ условій языка,—то цензоры находятся теперь въ затруднѣніи—какъ поступать съ подобными сочиненіями?... Министръ препроводилъ эту бумагу къ Орлову, и Орловъ велѣлъ привести ее въ исполненіе, т. е. не пропускать подобныхъ сочиненій. Ну, слава Богу! всетаки хоть одною мерзостію меньше. Никитенко для образца прочиталъ мнѣ одно изъ этихъ сочиненій. Оно называется: *Лай Европы*,—и начинается стихомъ: „Европа лаетъ гамъ, гамъ, гамъ, гамъ!“ Какова Россія XIX вѣка!....

28 Мая. Вотъ образчикъ нашей современной образованности. Сегодня я прихожу въ магазинъ къ Циммерману—купить шляпу. У прилавка стоятъ какой-то военный и другой статскій. Я началъ примѣривать шляпу. Вдругъ военный беретъ съ сердцемъ за каску и уходя къ дверямъ говоритъ: „ну, нѣтъ.... прощайте! это ужъ изъ рукъ вонъ“..... Я подумалъ сначала, что можетъ быть его обманулъ приказчикъ. Но вдругъ военный остановился у дверей и, обращаясь ко всѣмъ намъ, говоритъ: „сколько ужъ лѣтъ живу въ Петербургѣ, а первый разъ еще вижу, что генералъ-аншефу не хотятъ принести на квартиру шляпу“..... Минутное молчаніе. Мы всѣ невольно улыбнулись. Но генералъ-аншефъ не удовольствовался одною глупостью: онъ вообразилъ, что всѣ люди его деньщики, и потому продолжалъ: „я генералъ-аншефъ; я состою при Государынѣ..... Знаете ли вы это, прибавилъ онъ съ гордостью, съ одушевленіемъ и съ сознаніемъ своего достоинства,—знаете ли вы это, что я состою при Государынѣ?“ Приказчики не отвѣчали ни слова, и придворный герой торжественно вышелъ. Всѣ захохотали. Я спросилъ у приказчика—кто этотъ дуракъ? Приказчикъ сказалъ, что это Графъ Апраксинъ. За что же такъ разгнѣвалось его генералъ-аншефское сердце? А вотъ за что: онъ купилъ шляпу и хотѣлъ, чтобы ее принесли къ нему на квартиру и тамъ бы получили деньги, а приказчикъ отвѣчалъ, что имъ не съ кѣмъ послать:

у нихъ нѣтъ теперь свободныхъ людей. Конечно, для другаго они бы сдѣлали это одолженіе; но Апраксинъ имъ уже извѣстенъ: назадъ тому нѣсколько мѣсяцевъ онъ тоже купилъ у нихъ шляпу и велѣлъ принести на квартиру; приказчикъ долженъ былъ нѣсколько разъ ходить къ нему, и насилу получилъ деньги. Вотъ каковы наши генералъ-аншефы..... Какъ же говорить теперь какой нибудь чиновникъ передъ мужиками, ссылаясь на свое званіе и чинъ?... О Россія, Россія!....

2 Іюня. Дѣла Вѣнскаго Университета, кажется, гибельно отзовутся у насъ. Тучи уже сдвинулись, и слышенъ глухой громъ. Дѣло наше проиграно—это ясно..., надежды никакихъ; а к..... сильнѣе и сильнѣе затягиваетъ бразды.... Университеты непремѣнно будутъ закрыты и вѣроятно скоро. Что тогда?

Какая пустота въ журналахъ! А что еще въ дали?... Вѣлинскій умеръ.... „Теперь я вижу, сказалъ онъ умирая, что смерть есть благодѣяніе“. Въ самомъ дѣлѣ, онъ умеръ во время. Смерть была для него благодѣяніемъ. Что еще оставалось для него? Писать нельзя, а начинать служить поздно.

Подлецамъ полный просторъ! подличаютъ на славу. Имена Булгарина, Вашуцкаго, отчасти Жуковскаго, Сологуба, Иннокентія (Харьковскаго)—перейдутъ къ потомству. Вотъ вѣрная дорога къ безсмертію!.... А между тѣмъ, можетъ быть, Невидимый Перстъ выводитъ новыя нити жизни изъ нѣдръ гніющаго въ рабствѣ ничтожества: можетъ быть въ великой исторической лабораторіи слагается уже событіе, которому подобнаго не видалъ еще міръ.... Вотъ когда хотѣлось бы быть безсмертнымъ или всевѣдущимъ!... Напрасно.... еще разъ напрасно!....

„Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать!“

11 Мая. Отъ чего большая часть такъ называемыхъ *водевилей* (хотя это названіе самое нелѣпое), которыми постоянно наводняется наша сцена, нравятся публикѣ, несмотря на то, что въ нихъ нѣтъ ни искры поэзіи? Главныя причины вотъ какія. Во-первыхъ, въ публикѣ нѣтъ ни малѣйшаго понятія о поэзіи. Спросите кого угодно, кто любитъ толковать безпрерывно о литературѣ, въ чемъ по его мнѣнію заключается поэзія. Онъ совершенно онѣмѣетъ; не въ состояніи будетъ сказать даже какой нибудь глупости. До такой степени вопросы науки еще новы у насъ и считаются совершенно лишними! Представьте же теперь, что такая публика сидитъ въ театрѣ: чѣмъ нельзя подчивать ее? Давай все, что на умъ взбредетъ; все прослушаетъ она: не боится—не отвернутся ни чьи глаза и не возмутится ни чье сердце. Во-вторыхъ, въ авторахъ нѣтъ есть маленькая смышленность: они понимаютъ, что тутъ непремѣнно нужны снимки съ жизни, и дѣлаютъ эти снимки довольно удачно; но какъ опоэтизировать изображаемую жизнь,—вотъ до этого они ужъ никакъ не могутъ дойти; потому что никто изъ нихъ не учился порядочно. Начитанность, нѣкоторая теплота души, пробужденная чтеніемъ хорошихъ писателей, у нихъ признается уже за таланть, и горячій юноша рубитъ себѣ съ плеча что попало..... Жаль, истинно жаль! Все благородное и прекрасное

опозорено такъ, что грустно смотрѣть! Тутъ нечѣмъ даже и помочь: одна только образованность, разлитая широко, можетъ смыть эту грязь съ нашей сцены; но.... образованность есть преступленіе! Можно заботиться только объ улучшеніи своего костюма, но не головы и сердца.....

27 Іюня. Около трехъ недѣль уже свирѣпствуетъ въ городѣ холера. Болѣзнь страшная, потому что еще мало изучена медиками. Чернь по обыкновенію зашумѣла: заговорили, что народъ отравляютъ лѣкаря и поляки.... Какая нелѣпость!... Объ этомъ опубликовано уже и довольно добросовѣстно. Между тѣмъ подобные случаи всего выразительнѣе показываютъ, что народъ нашъ рѣшительно неподвиженъ: какъ бунтовалъ онъ въ 15 ст., такъ же точно бунтуетъ и нынче—глупо и безсмысленно!... И чѣмъ же оканчиваются всѣ эти бунты?.....

28 Іюня. Вчера Эвальдъ говоритъ сыну Бутурлина: „скучное нынче время: раскроешь Рус. журналъ—нечего читать", и т. д. Молодой Бутурлинъ отвѣчалъ со вздохомъ: „стыдно мнѣ сказать, но долженъ сказать: этимъ мы обязаны больше всего моему отцу..... теперь я стыжусь своей фамиліи—не вездѣ могу громко сказать ее". Вѣроятно хорошъ отецъ, что сынъ стыдится носить его фамилію!

Въ Парижѣ опять была рѣзня. Чѣмъ же все это кончится? Неужели опять монархіей? Если такъ, то значитъ человѣчество ничто иное какъ глыба грязи.... И стоитъ ли носить послѣ этого имя человѣка? Гдѣ цѣль жизни? Гдѣ счастіе гражданина?... Тоска!...

11 Іюля. Переѣздъ мой на дачу (а это еще первый разъ въ жизни) самый несчастный. Погода постоянно гадкая: дождь, холодъ, вѣтеръ. Холера рветъ свои жертвы. Я лишился двоихъ изъ людей любимыхъ много: нѣтъ больше на землѣ Е. И. Бибиковой и Маши Фирзена.... Грустно! Бѣдная Софья Павловна! что будетъ съ ней, когда она узнаетъ о смерти брата?

21 Іюля. Вчера только узналъ я, что у меня нѣтъ болѣе матери. Она кончила жизнь 3-го числа отъ холеры. Подробностей ея кончины еще не знаю. Вотъ первая утрата, которая глубоко отозвалась въ сердцѣ. Конечно, закона жизни не минуешь; нужно уже было ожидать этого, и во мнѣ, слава Богу, довольно силы и ума, чтобы не предаваться отчаянію; но отецъ, бѣдный отецъ!... Ему скоро 70 лѣтъ; онъ 35 лѣтъ былъ женатъ; онъ свыкся уже такъ съ своимъ положеніемъ, что смерть эта убьетъ его..... Послѣдніе дни жизни его отравлены неизлѣчимою тоской..... Несчастный! Пусть слезы сына хоть на минуту облегчатъ печаль твою.... Этотъ человѣкъ страдаетъ цѣлую жизнь.... за каждую улыбку жизни расплачивается годами горя и кровавыхъ слезъ.... Отецъ мой, отецъ мой! я горжусь тобой: ты никогда не покривилъ душой и не торговалъ своей совѣстью; ты страдалъ за это постоянно; но зато передалъ дѣтямъ твоимъ неподкупное чувство чести.... Благословляю тебя, цѣлую сѣдины твои..... Неужели же нѣтъ безсмертія?

30 Іюля. Если бы можно было (не говорю—одному человѣку, нѣтъ, тутъ нужно дѣйствовать цѣлымъ обществомъ) разобрать всѣ архивы въ нашихъ судахъ, палатахъ и сенатѣ,—какой огненной кровью облилось бы сердце всякаго благороднаго человѣка! Сколько вопіющихъ неправдъ хранится подъ пылью въ этихъ темныхъ подвалахъ! Застонали бы самые знѣри лѣсные, если бы открылась передъ ними такая отвратительная картина золи, подлости, корысти и обмана.... Мнѣ скажутъ: это *было, есть* и *будетъ* вездѣ. Несогласенъ. Что *было*—это такъ: человѣкъ прошелъ сперва всѣ пути подлости, покамѣсть узналъ цѣну добра и правды. Но что *есть* и *будетъ*—этому не вѣрю. Почему же? Вопервыхъ потому, что въ Европѣ образованіе реальто шире и глубже, чѣмъ у насъ; а образованіе и подлость—вещи несогласимыя, вовторыхъ, каждую судейскую подлость тамъ можно сдѣлать тотъ-часъ гласною: можно неправое дѣло разсказать въ романѣ, представить въ драмѣ, даже прямо распубликовать въ газетахъ; а подлость боится огласки. Эти двѣ причины значительно уже сжали въ берегахъ море зла, и главное—служатъ вѣрными залогами того, что современемъ совершенно уничтожатъ его. А у насъ? Нѣтъ въ настоящемъ ничего утѣшительнаго и никакихъ, рѣшительно никакихъ надеждъ на будущее. У насъ, можно сказать, нѣтъ ни одного дѣла, рѣшеннаго по совѣсти. Тѣ, которыя рѣшены законно, показываютъ только, что судьи могли тутъ взять что слѣдуетъ. „Но вѣдь правительство, скажутъ мнѣ, невиновато въ этомъ: законъ празденъ, виновны судьи!" Совершенно согласенъ. Если судить о благосостояніи государства по своду законовъ его, то можетъ быть окажется, что нѣтъ государства благополучнѣе Россіи. Но, друзья мои, нужно создать почву, на которой бы могли укорениться законы и приносить плоды: нужно сперва просвѣтить умы и сердце людей, и потомъ требовать отъ нихъ исполненія законовъ. А безъ этого къ чему послужатъ самые мудрые законы? Они останутся мечтами законодателей—и больше ничего. Растолкуйте мнѣ: какой тутъ смыслъ, какая логика—держать народъ въ оковахъ рабства и писать для него законы? Чистая безсмыслица! Мудрыми законами можно гордиться тогда только, когда народъ просвѣщенъ....

Безнадежность въ будущемъ—вотъ что ужасно!....

5 Декабря. Жизнь нашихъ университетовъ рѣшительно виситъ уже на волоскѣ. Вотъ начинается преобразованіе гимназій, самое безсмысленное. Теперь не остается уже ни одного заведенія, гдѣ бы можно было образоваться по-человѣчески—вездѣ преобладаетъ спеціальность.... Чтожъ изъ всего этого будетъ? Ахъ какъ тяжело рабство, тяжело, тяжело.... Читать наконецъ рѣшительно нечего. Въ нынѣшнемъ году вышли только вотъ какія книги, которыя мнѣ нужно было купить: О вліяніи христіанства на Славянскій языкъ—Буслаева; Начатки Рус. философіи—Максимовича; Систематическое описаніе Помпеи—Классовскаго и двѣ книжки стихотвореній Жуковскаго. Четыре книги въ годъ—какова литература?

27 Декабря. Мысль—закрыть журналы не приведена въ исполненіе *прямо*, вѣроятно потому, чтобы не подать повода къ лишнимъ разговорамъ, которые во всякомъ случаѣ не могли быть *лестны* для правительства; но она непремѣнно приведется въ исполненіе *косвеннымъ образомъ*, именно вотъ какъ: статьи, назначенныя для журнала, поступаютъ въ цензурный комитетъ не въ рукописяхъ, а напечатанныя уже. Издатель журнала, разумѣется для избѣжанія лишнихъ издержекъ, старается печатать только такія статьи, которыя не могутъ быть запрещены. Но теперь, когда весь цензурный комитетъ состоитъ изъ чиновниковъ, надъ которыми виситъ кнутъ,—дѣло дѣлается *по-чиновнически*. Цензоръ говоритъ: эта статья негодится; надобно набирать другую. Вотъ набираютъ другую. Цензоръ опять говоритъ: негодится, и т. д. Такимъ образомъ каждый листъ придется перепечатать можетъ быть 5 или 6 разъ, и потому журналъ, который прежде окупался 500 подписчиковъ, теперь едва-едва можетъ окупиться 2000 подписчиковъ. Кромѣ того никто не хочетъ писать: потому что никому не хочется за какую нибудь фразу, которую скотина Бутурлинъ растолкуетъ какъ ему угодно, улетѣть въ Сибирь. Издателямъ журналовъ ничего не остается больше, какъ отказаться отъ изданія, бросить все.... Завидна наша доля!....

31 Декабря. Изъ всего этого бурнаго года остается одна только отрада въ сердцѣ: это любовь къ моей милой С. П. Ферзенъ. Добрая дѣвушка! какъ она любитъ меня! Я никогда не забуду тебя. Третьяго дня она такъ мило простилась со мной.... Ей грустно безъ Мани. Въ сочиненіи своемъ она откровенно высказала печаль свою. Милая Софи! Поздравляю тебя съ новымъ годомъ и желаю тебѣ больше счастія!

Конецъ 1848 года.

Письма *) И. С. Тургенева къ И. П. и П. И. Борисовымъ. 1858-1871 гг.

Любезнѣйшій Иванъ Петровичъ,

Мой чирій на затылкѣ застанетъ меня съѣздить въ Орелъ, гдѣ я пробылъ 6 дней—и откуда вернулся только вчера вечеромъ. Выѣзжать я еще не могу и долженъ сидѣть дома; а потому я лишенъ удовольствія быть у Васъ. Но я надѣюсь Васъ у себя увидѣть—во всякомъ случаѣ прошу Васъ быть у меня 28-го Октября, во Вторникъ: это день моего рожденья—мнѣ стукнетъ 40 лѣтъ.

Кланяюсь Вашей женѣ и дружески жму Вамъ руку.

С. Спасское.
25-го Окт. 1858.
Суббота.

Вашъ
Ив. Тургеневъ.

*) Письма И. С. Тургенева къ И. П. и П. И. Борисовымъ, а также и слѣдующія къ А. А. Фету—напечатаны съ любезнаго разрѣшенія Петра Дмитріевича Боткина, которому они принадлежатъ. П. Щ.

Любезный Иванъ Петровичъ,

Очень мнѣ жаль, что болѣзнь лишаетъ меня удовольствія видѣть Васъ у себя сегодня—я остаюсь здѣсь еще до Субботы—и постараюсь самъ быть у Васъ—благодарю Вашу жену за поклонъ и самъ ей низко кланяюсь и желаю всего хорошаго. Желаю Вамъ поскорѣе выздоровѣть и до свиданія.

28-го Окт. 58.
С. Спасское.

Преданный Вамъ
Ив. Тургеневъ.

С. Спасское.
22 Мая 1861.
Понедѣльникъ.

Милѣйшій Иванъ Петровичъ,

Душевно радъ буду видѣть Васъ у себя—я никуда не выѣзжаю. То есть, я имѣлъ (и имѣю) намѣреніе отправиться къ Фету вмѣстѣ со Львомъ Толстымъ, которому написалъ объ этомъ и котораго ожидаю со дня на день; но если онъ пріѣхалъ—я бы тотъ-часъ далъ Вамъ знать, прежде чѣмъ пуститься въ путь. Онъ мнѣ писалъ, что будетъ у меня въ теченіи нынѣшней недѣли—но Вы знаете, какъ это все невѣрно. Съ своей стороны Вы пишете, что ждете Фета къ 21-му, но 21-е было вчера. Если онъ явился къ Вамъ, извѣстите меня—и либо я къ Вамъ отправлюсь—либо я Васъ обоихъ буду у себя ожидать. Словомъ, во всякомъ случаѣ мы увидимся—а я снижу у моря и жду погоды.

Спасибо за лошадь—она, кажется, очень хороша—но затѣмъ же я Васъ лишу необходимаго подспорья? Впрочемъ если Вы такъ добры—то я съ благодарностью приму Ваше предложеніе—но мы еще поговоримъ объ этомъ при свиданіи.

Дружески жму Вамъ руку и кланяюсь Вашей женѣ. Я бы самъ давно у Васъ былъ—да Вы говорили, что домъ Вашъ въ перестройкѣ. До свиданья.

Вашъ
Ив. Тургеневъ.

Четвергъ.
22-го Іюня 61.

Я сегодня ѣду на 2 дня въ Орелъ, любезнѣйшій Иванъ Петровичъ—а 27-го числа мы, Богъ дастъ, съ Фетомъ уже выѣзжаемъ на охоту—такъ что мнѣ лошадь Ваша становится ненужна—и я Вамъ ее съ благодарностью возвращаю.

Вамъ съ Вашей женой надобно непремѣнно пріѣхать къ намъ погостить, передъ нашей Одиссеей. Не угодно ли пожаловать къ намъ на 26-е т. е. на

Поведѣльникъ—тогда и Феты будутъ (я имъ посылаю эстафету изъ Орла). Очень бы насъ порадовали.

До свиданія; дружески жму Вамъ руку.

Вашъ
Ив. Тургеневъ.

Любезнѣйшій Иванъ Петровичъ, я никакъ не ожидалъ что уѣду изъ С. Петербурга не простившись и не повидавшись съ Вами—но вышло такъ: я отправляюсь завтра, Богъ дастъ, и вернусь въ будущемъ Апрѣлѣ мѣсяцѣ и тогда мы и видѣться будемъ чаще и на охоту вмѣстѣ пойдемъ, такъ какъ у васъ не будетъ такихъ хлопотъ какъ въ нынѣшнемъ году—да и несчастіе вѣроятно не будетъ такъ меня преслѣдовать. Я Фету такъ же написалъ и получилъ уже отъ него отвѣтъ. Дружески жму Вамъ руку и усердно кланяюсь Вашей женѣ; будьте здоровы—и до свиданія. Всѣ наши Вамъ очень кланяются и ждутъ Васъ въ Спасское, куда Фетъ обѣщалъ быть съ женою около 5-го Сентября.

С. Спасское.
28-го Авг. 1861.

Преданный Вамъ душевно
Ив. Тургеневъ.

Парижъ.
$\frac{11}{23}$-го Дек. 1861.

Я только вчера получилъ Ваше письмо отъ 12-го Окт. любезнѣйшій Иванъ Петровичъ—оно находилось два мѣсяца въ дорогѣ—это сильно даже для Русской почты. Благодарю Васъ за это письмо: отъ него вѣетъ такой искренней и доброй пріязнію, что я былъ тронутъ. Оно возбудило во мнѣ желаніе побывать опять въ нашихъ некрасивыхъ и неудобныхъ—но почему то привлекательныхъ мѣстахъ. Кто мнѣ растолкуетъ то отрадное чувство, которое всякій разъ овладѣваетъ мною, когда я съ высоты Висельной горы открываю Мценскъ? Въ этомъ зрѣлищѣ нѣтъ ничего особенно плѣнительнаго—а мнѣ весело. Это и есть чувство родины.

Поздравляю Васъ съ окончательнымъ устройствомъ Вашего гнѣзда и да будетъ оно предназначеніемъ устройства Вашихъ дѣлъ. Но судя по доходящимъ до меня слухамъ и письмамъ—мужички наши еще долго будутъ васъ крутить.

И такъ вы охотитесь въ окрестностяхъ Мценска и даже находите зайцевъ? Послѣднее обстоятельство меня поражаетъ. Я до сихъ поръ не могъ себѣ представить болѣе пустыннаго (въ отношеніи дичи) мѣста. Но впрочемъ съ тѣхъ поръ, какъ Фетъ убилъ утку на *есеемъ* прудѣ—все возможно. Я получаю выдѣлка письма отъ этого милаго смертнаго; онъ въ нихъ плачетъ подобно Іереміѣ... а

все таки и убѣжденъ, что дѣла его идутъ недурно. Главная ошибка его была—покупка Степановки; но онъ съ тѣхъ поръ умѣлъ ее исправить.

Я здѣсь вижу Боткина, который лечится старательно, но тѣтъ напропалую. Впрочемъ онъ теперь почти молодцомъ сталъ.

Извѣстія изъ Россіи—литературныя и всякія другія—печальны. Мы живемъ въ темное и тяжелое время—и такъ-таки не выберемся изъ него. Въ Современникѣ я однако прочелъ повѣсть, въ которой попадаются проблески несомнѣннаго дарованія—„Молотовъ“ Помяловскаго.

Я пожалѣлъ о смерти Добролюбова, хотя и не раздѣлялъ его воззрѣній: человѣкъ былъ даровитый—молодой.... Жаль погибшей, напрасно потраченной силы!

Необходимыя поправки къ моей повѣсти я еще не кончилъ—и она раньше Февраля или Марта не появится въ Русскомъ Вѣстникѣ. Новаго я ничего не дѣлаю; кажется, я самому себѣ сказалъ: Basta!

Крѣпко жму Вамъ руку и кланяюсь дружески Вашей женѣ. Что сынокъ Вашъ подрастаетъ? До весны уже теперь осталось недолго. Будьте здоровы.

Вашъ
Ив. Тургеневъ.

Парижъ.
$\frac{\text{3-го Марта}}{\text{21-го Февраля}}$ 1862.

Любезнѣйшій Иванъ Петровичъ, всякое мое письмо къ Вамъ начинается съ извиненія—и бы долженъ былъ давно отвѣчать Вамъ—но что дѣлать! Вопервыхъ, благодарю Васъ за Ваше подробное и милое посланіе, а вовторыхъ, доложу Вамъ, что я на дняхъ увидалъ первые листики на сиреняхъ, чему я очень обрадовался—ибо это предвѣщаетъ весну—а весною я возвращаюсь въ Мценскій уѣздъ, Орловской губерніи, въ село Спасское, которое находится всего въ 15-и верстахъ отъ Новоселокъ—и (увы!) въ 70-и отъ Степановки. Надѣюсь, что этотъ пріѣздъ будетъ удачнѣе прошлогодняго—въ отношеніи охоты и пр. и пр.

Фету я написалъ недѣли дня тому назадъ письмо съ иллюстраціями, которое онъ вѣроятно Вамъ показалъ. Вы совершенно вѣрно опредѣлили его характеръ—недаромъ въ немъ частица нѣмецкой крови—онъ дѣятеленъ и постѣпенъ въ своихъ предпріятіяхъ, при всей поэтической безалаберщинѣ—и я увѣренъ, что, конецъ концовъ,—его *лирическое* хозяйство принесетъ ему больше пользы чѣмъ множество другихъ, прозаическихъ и практическихъ. Съ умиленіемъ воображаю, какъ я буду дразнить его, спорить съ нимъ и т. д. и т. д.

Не знаю, получили ли Вы уже Номеръ Русскаго Вѣстника съ моимъ дѣтищемъ — (сомнѣваюсь, зная аккуратность редакціи и таковую же — почты) — но если получили—скажите свое мнѣніе. Я здѣсь почти не вижу Россійскихъ жур-

налонъ—но доходящіе до меня слухи о нихъ представляютъ мало отраднаго. Какое-то безплодное барахтанье... а впрочемъ можетъ быть мы устарѣли и уже не понимаемъ потребностей вѣка. „Минина“ я все еще не получилъ—хотя пріятели хоромъ обѣщали его выслать.

Здоровье мое порядочно—а безобразіе—абсолютно. Это уже не лѣнь—это какое-то косненіе въ родѣ тѣхъ „бѣлокрылыхъ видѣній“, которыя „коснѣютъ въ этой полумглѣ“. Помните Вы при этомъ пающій ангинъ, который Фетъ придаетъ своей тальѣ? О когда и его улицезрю! Я увѣренъ что онъ еще разтолстѣлъ.

И такъ до свиданія—и до скораго. Въ шахматы Вы меня будете бить—я рѣшительно слабѣю противъ прежняго. Поклонитесь Вашей женѣ—поцѣлуйте Вашего мальчика—и примите отъ меня самое дружеское рукожатье.

Преданный Вамъ
Ив. Тургеневъ.

Rue Rivoli, 210.

Парижъ.

$\frac{5}{15}$-го Декаб. 1862.

rue de Rivoli, 210.

Невеспобѣдимы судьбы нашей.... почты, дорогой Иванъ Петровичъ! Ваши два письма—одно отъ 26-го Окт. другое отъ 22-го Ноябр.—пришли въ Парижъ почти въ одинъ день! Мнѣ онѣ принесли двойную радость—и я спѣшу отвѣчать Вамъ.

Прежде всего, чувствую потребность показаться о бѣдномъ Фетушкѣ, которому непремѣнно напишу на дняхъ, хотя онъ и не отвѣчалъ мнѣ на моихъ два письма. Какимъ образомъ эта бѣда съ нимъ приключилась.... ужъ не замѣшался ли злодѣй Редерерь? Но во всякомъ случаѣ я надѣюсь что дальнѣйшихъ послѣдствій не будетъ—и онъ останется съ обѣими своими красивыми ручками.

3-го Янв. нов. ст. 1863.
22-го Дек. ст. ст. 1862.

Виноватъ, любезнѣйшій Иванъ Петровичъ! Письмо это залежалось какъ видите около 20 дней. Не то, чтобы я былъ очень занятъ—а разные не совсѣмъ веселые случаи помѣшали. Теперь, хотя въ нѣсколькихъ словахъ, но заплачу свой долгъ.

Меня искренно обрадовало извѣстіе о женитьбѣ Толстаго, и то, что Вы пишете объ его женѣ, которую я, помнится, видѣлъ почти ребенкомъ у ея отца, А. Е. Берса. Желаю ему счастія, мира и тишины. Я не хотѣлъ бы съ нимъ встрѣчаться, но я никогда не переставалъ принимать самое живое участіе во всемъ, что касается до него—и теперь мнѣ особенно было пріятно услышать, что онъ снова принялся за литературную дѣятельность, которой ему никогда не слѣдовало бы покидать.

Извѣстія, сообщаемыя Вами о ходѣ крестьянскаго дѣла, вообще утѣшительны и совпадаютъ съ извѣстіями, приходящими изъ другихъ источниковъ. Весной, я надѣюсь, все окончательно успокоится—и когда я, въ Маѣ мѣсяцѣ, отъѣзжусь въ Спасское, дѣло будетъ сдѣлано и начнется новая жизнь. Но и старая не забудется—а именно: поѣздки въ Новоселки и въ Степановку, Редереръ и т. д.

Желалъ бы я сообщить Вамъ что нибудь о моихъ литературныхъ занятіяхъ—но на нѣтъ суда нѣтъ. Я рѣшительно ничего не могу дѣлать— кое что вертится въ головѣ, но ничего не ложится на бумагу. Что будетъ дальше—неизвѣстно—но пока—урожай плохой, въ родѣ того, которымъ, какъ слышно, грозитъ намъ будущій годъ, по причинѣ безснѣжья.

До свиданья, добрѣйшій Иванъ Петровичъ. Крѣпко жму Вамъ руку—дружески кланяюсь Вашей женѣ и цѣлую Петю въ его умную голову. Будьте здоровы.

Преданный Вамъ
Ив. Тургеневъ.

Парижъ.

22-го Февр.
6-го Марта. 1863.

rue de Rivoli, 210.

Любезнѣйшій Иванъ Петровичъ, Ваши большія, милыя и умныя письма всегда доставляютъ мнѣ истинное удовольствіе: въ нихъ выражается Ваша прекрасная душа да кромѣ того, отъ нихъ вѣетъ такимъ роднымъ Орловски-степнымъ воздухомъ, что мнѣ здѣсь, на чужбинѣ, остается только благодарить да дышать поглубже. Въ теперешнюю эпоху оно еще отрадненѣе: столько грустныхъ, тяжелыхъ впечатлѣній....

Вы не повѣрите, какъ бы мнѣ хотѣлось именно теперь находиться на родинѣ: что тамъ дѣлается, какъ встрѣтитъ народъ давно ожидаемую годовщину 19-го Февраля, что сталось съ дворовыми, что говорятъ и толкуютъ дворяне? Мысли мои постоянно у васъ. Здѣсь мы въ самый день 19-го Февр. собрались у Николая Милютина.—(Николай Ивановичъ Тургеневъ былъ въ числѣ гостей)—пили за здоровье Царя, народа, всѣхъ сотрудниковъ великаго дѣла, старика Тургенева начинателя—Милютина совершителя; произносили небольшіе, не краснорѣчивые, но теплые и дѣльные спичи; мнѣ какъ автору „Записокъ охотника“ было сказано нѣсколько добрыхъ словъ, которыя я буду всегда помнить, какъ лучшую награду. А въ Современникѣ, говорятъ, такъ меня пробираютъ, что просто пыль столбомъ. Ну да Богъ съ ними! Пускай кураженятся молодежь! Дай ей Богъ скоро найти такихъ дѣятелей и затѣять такія дѣла, что и бранить-то меня не останется охоты.

Съ нетерпѣніемъ жду появленія „Казаки“ А. Толстаго въ Русскомъ Вѣстникѣ. Revue des 2 Mondes помѣстила на днях отрывки изъ его „Дѣтства и Отрочества“. Отъ Боткина я знаю, что Фетъ вернулся въ Степановку; мнѣ онъ не пишетъ.... Неужели онъ по прежнему не получаетъ моихъ писемъ?

У насъ здѣсь совсѣмъ зимы не было—а теперь весна на дворѣ.... Да и въ Россіи, когда придетъ это письмо къ Вамъ—первые грачи уже появятся около талыхъ мѣстъ. Богъ дастъ, мѣсяца черезъ полтора увидимся! А пока будьте здоровы и веселы. Кланяюсь Вашей женѣ, цѣлую Вашего Петю и крѣпко жму Вамъ руку.

Искренно Вамъ преданный
Ив. Тургеневъ.

Баденъ-Баденъ.
Schillerstrasse, 277.
$\frac{5\text{-го}}{17\text{-го}}$ Іюня 1864.

Любезнѣйшій Иванъ Петровичъ, мнѣ даже стыдно вспоминать, какъ давно тому назадъ Вы ко мнѣ писали—а я только теперь собрался отвѣчать! Приношу повинную голову—а ее, по пословицѣ, мечь не рубитъ.

Пишу Вамъ изъ своего Баденскаго гнѣздышка, которое такъ мнѣ полюбилось, что заставляетъ измѣнить нашимъ „палестинамъ“. Я купилъ себѣ здѣсь десятины полторы землицы—и намѣренъ съ нынѣшняго же года завести садъ—а съ будущей весны начать строиться. Здоровье мое удовлетворительно—работаю я очень мало: вотъ и все, что можно сказать обо мнѣ въ настоящемъ.

Въ прошедшемъ была поѣздка въ Петербургъ, кончившаяся, какъ Вамъ извѣстно, весьма благополучно и доставившая мнѣ случай понохать немного родину и людей, въ ней живущихъ. Запахъ оригинальный! Но Вамъ, бѣдный Иванъ Петровичъ, приходилось плохо: несчастное положеніе Вашей супруги и собственное нездоровіе.... Будемъ надѣяться, что, авось, перемелется наконецъ эта мука и Вамъ придется вздохнуть нѣсколько посвободнѣе.

Со стыдомъ долженъ признаться, что не исполнилъ Вашей просьбы о портретѣ: посылаю Вамъ карточку свою—не знаю имѣете ли Вы такую: примите ее какъ знакъ искренней привязанности человѣка, который забывчивъ и разсѣянъ—но не измѣнчивъ.

На днях перечелъ я романъ Л. Н. Толстаго—„Казаки“—и опять пришолъ въ восторгъ. Это вещь поистинѣ удивительная и силы чрезмѣрной. Что онъ дѣлаетъ? Напишите два слова о немъ. Хотя мы съ нимъ Монтекки и Капулетти, но я принимаю большое въ немъ участіе и съ удовольствіемъ узнаю, что ему хорошо. „Неудавшійся романъ“ въ Русскомъ Вѣстникѣ, говорятъ, вовсе не его. Я впрочемъ этой вещи не читалъ. Какое Ваше мнѣніе о „Маревѣ?“

Поклонитесь милѣйшему Фетищу и сообщите ему это письмецо. Я тоже въ долгу передъ нимъ. У него теперь должно быть гоститъ В. П. Боткинъ, который провелъ здѣсь нѣсколько дней. Богъ знаетъ, увижу ли я его и Васъ въ нынѣшнемъ году! Сомнѣваюсь. Но вамъ надобно сдѣлать какъ Магометъ сдѣлалъ съ горой: она не пошла—онъ пошолъ. Зову Васъ въ Баденъ погостить у меня. Что же тутъ необыкновеннаго? Оно только такъ кажется съ перваго взгляда. Пріѣхать сюда и съ Петей—вовсе не затруднительно—легче чѣмъ съѣздить въ Орелъ. Подумайте-ка—если не въ этомъ году, такъ въ будущемъ.

Къ сожалѣнію я глупо распорядился и не получаю здѣсь Московскихъ Вѣдомостей: вижу только изрѣдка Сѣверную Почту—пища скудная! О толстыхъ журналахъ и помину нѣтъ. Иногда съѣздишь въ Гейдельбергъ—почитаешь впрочемъ безъ большаго удовольствія.

Прощайте, дорогой Иванъ Петровичъ, будьте здоровы, крѣпко жму Вамъ руку. Какова у васъ погода? У насъ все дожди.

Преданный Вамъ
Ив. Тургеневъ.

P. S. Я печатаю въ Карлсруэ полное собраніе своихъ сочиненій; идетъ очень хорошо.

Баденъ-Баденъ.
Schillerstrasse, 277.
Вторникъ $\frac{4\text{-го Окт.}}{22\text{-го Сент.}}$ 64.

Милѣйшій Иванъ Петровичъ, всякое мое письмо должно по настоящему начинаться съ извиненій въ лѣни и мѣшкотности: примите разъ навсегда отъ меня повинную голову, которую, говорятъ, мечь не рубитъ. На этотъ разъ я даже за два письма у Васъ въ долгу; что дѣлать! Здѣсь мнѣ слишкомъ хорошо живется—вотъ объясненіе моего молчанья; и зная Васъ, я почти готовъ о закладъ биться, что Вы, въ силу этого объясненія, готовы простить меня.

А въ самомъ дѣлѣ мнѣ здѣсь хорошо живется. Здоровье весьма удовлетворительно, охота тоже, старые друзья съ каждымъ днемъ мнѣ становятся ближе и дороже; вмѣстѣ съ осеннимъ ненастьемъ ложатся на жизнь и осенніе краски и осенняя тишина. Желанія успокоились и дѣятельность прекращается; но тѣмъ болѣе разыгрывается фантазія—и тѣшишься поневолѣ ея неопредѣленной и бесплѣдной игрой. День скользитъ тихонько за днемъ—и только и думаешь: какъ бы это продолжилось подольше—и въ томъ же родѣ!

А Вы въ то же самое время прожили много горькихъ и тяжелыхъ минутъ.... Могу Васъ увѣрить, что я часто, съ искреннимъ участьемъ думалъ о Васъ—и отъ души желаю, чтобы хоть теперь Вы успокоились и порадовались, глядя, какъ подрастетъ Ваша умница, котораго заочно цѣлую. Помнитъ ли онъ, какъ

онъ сперва дичился меня — а потомъ подружился со мною? Скажите ему, что рано или поздно — я жду его къ себѣ, въ свой баденскій домъ, который понемножку начинаетъ выростать изъ земли. Самъ же я не знаю, когда загляну въ наши родные края: надѣюсь, что это непремѣнно сбудется въ 1865-мъ году. По многимъ причинамъ мнѣ надо тамъ побывать.

Я получилъ письмо отъ Боткина и Фета.... Неужели нашъ милый Аванасьюшка лишится своей мельницы? Или судьба его мало колотила? Я ему написалъ на дняхъ.

Вы теперь, чай, травите волковъ — а мы здѣсь стрѣляемъ по дикимъ козамъ и по фазанамъ. Иногда по неволѣ надохнешь о дуэляхъ или о красноборовомъ тетеревѣ, вылетающемъ изъ куста при неистовомъ восторгѣ Фета....

Пишите мнѣ хотя изрѣдка, добрѣйшій Иванъ Петровичъ; Ваши письма для меня настоящая отрада. Дружески крѣпко жму Вашу руку и остаюсь

Преданный Вамъ
Ив. Тургеневъ.

Парижъ.
rue Basse, 10, Passy.

$\frac{9\text{-го Февр.}}{28\text{-го Янв.}}$ 1865. Четвергъ.

Любезнѣйшій другъ Иванъ Петровичъ, письмо Ваше пріѣхало со мной сюда изъ Бадена — а пріѣхалъ я въ Парижъ для того чтобы сыграть свадьбу моей дочери, которая 25-го Февр. выходитъ за молодаго хорошаго Француза, нѣкоего Г-на Gaston Brière. Послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ эта увѣнчалась успѣхомъ — и я теперь очень радъ, что мы до сихъ поръ не торопились: партія во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворительная. Я нахожусь въ великихъ хлопотахъ — выдать дѣвушку замужъ — это цѣлая исторія — чуть не цѣлое уголовное дѣло во Франціи — а при ненормальномъ положеніи моей дочери — затрудненія усложняются въ десять разъ. Однако все уладилось — и за исключеніемъ болѣзни или чего нибудь еще хуже, кажется, никакихъ препятствій предвидѣть нельзя. Вы легко можете себѣ представить какъ я доволенъ.

Тотчасъ по окончаніи свадьбы, я возвращаюсь въ мой любезный Баденъ — а въ самыхъ первыхъ числахъ Апрѣля ѣду въ Россію. Въ Петербургѣ я останусь нѣсколько дней, въ Москвѣ нѣсколько часовъ — и прямо въ Спасское. Это *вѣрно, несомнѣнно*, опять таки если что нибудь фатальное не помѣшаетъ. Съ истиннымъ удовольствіемъ мечтаю о томъ, какъ мы сразимся въ шахматы съ Вами на Вашей террасѣ, въ присутствіи Пети, который уже вѣрно знаетъ ходы, и которому прошу кланяться отъ моего имени. А отъ васъ надо будетъ махнуть къ Фету — и тамъ, несмотря на весь мракъ его отчаянія и печальныхъ

предсказаній, пойдутъ трюфели, пулярды подъ ѣлымъ соусомъ и батюшка Редереръ. Доживемъ — такъ поживемъ.

Очень меня опечалило извѣстіе о Толстомъ. Надѣюсь, что онъ давнымъ давно справился и работаетъ. Ему книги въ руки. Не хитри только этотъ человѣкъ — отдайся своему таланту — Господи Боже, куда онъ уйдетъ! Передъ нимъ жизнь только что начинается — что за годы 36 лѣтъ — да и силы какія! Съ нетерпѣніемъ ожидаю его новаго романа.

А меня Вы, душа моя, напрасно шевелите. Моя пѣсенка спѣта. Такъ спокойно катится жизнь, такъ мало сожалѣній, тревогъ — что только думаешь объ одномъ: матушка Середа, будь похожа на Вторникъ — какъ самъ батюшка Вторникъ былъ похожъ на Понедѣльникъ. Не поднимайтесь со дна вы, всякіе черные тараканы — болѣзнь, слѣпота, глухота, увѣчіе — а больше не надо, не надо ничего. Куда намъ бороться и ломать деревья! Благо чувство къ красотѣ не изсякло; благо можешь еще порадоваться ей, всплакнуть надъ стихомъ, надъ мелодіей..... А тутъ охота, страсть, горячая, сильная, неистомная; пѣсъ такой, что цѣлой вселенной на удивленіе — коронованныя особы (безъ шутокъ — это сдѣлалъ Принцъ Гессенскій на охотѣ) передъ нимъ шапки ломаютъ — и предлагаютъ мнѣ громадныя суммы.... Онъ такъ отъискиваетъ великаго раненаго звѣря, птицу — что на легенду обижается, право. Спросите любаго мальчугана въ Великомъ Герцогствѣ Баденскомъ: а слыхалъ ты о Пегазѣ, собакѣ одного Русскаго въ Баденѣ? — такъ онъ о Русскомъ ничего не знаетъ — Пегаза знаетъ! Чего еще? Помилосердуйте!

Продавать изданіе съ билетомъ пожелалъ самъ книгопродавецъ для скорѣйшаго пріобрѣтенія денегъ. Впрочемъ послѣдній томъ подвигается уже къ концу. Я Вамъ привезу экземпляръ.

Жму Вамъ руку крѣпко и крѣпко и говорю: до свиданія.

Искренно Вашъ любящій
Ив. Тургеневъ.

P. S. Мнѣ пишутъ изъ Петербурга, что тамъ уже „швальни“ и т. д. прекратились и барышни опять заглядываются на офицеровъ; тоже будетъ и въ Орлѣ; въ провинціи старыя моды всегда дольше держатся.

Баденъ-Баденъ.
Schillerstrasse, 277.

$\frac{16}{28}$-го Марта 1865.

Вторникъ.

Любезнѣйшій Иванъ Петровичъ, Вы не повѣрите, какъ я люблю получать отъ Васъ письма: не говорю уже о томъ, что онѣ напоминаютъ мнѣ о человѣкѣ,

къ которому я искренно привязанъ—но онѣ составляютъ почти единственную мою связь съ нѣкоторою „сутью“ Русской жизни, которая съ каждымъ днемъ слабѣетъ и теряется для меня. Нечего грѣха таить: отрѣзанный я ломоть—и вѣрно такъ тому и быть слѣдовало—а по временамъ въ сердцѣ шевелится нѣчто въ родѣ сожалѣнія. Оно было бы еще сильнѣе, еслибъ я не почиталъ своего дѣла конченнымъ—а дожившъ свои денечки можно вездѣ. Впрочемъ я не желаю ни разчувствоваться, ни о себѣ говорить: лучше выражу то удовольствіе, съ которымъ я мечтаю о нашемъ свиданіи, „весной, при пѣсняхъ соловьиныхъ“.

Съ тѣхъ поръ какъ пришло Ваше письмо, я успѣлъ прочесть драму Островскаго (Воеводу) и начало романа Толстаго. Къ истинному своему огорченію, я долженъ признаться, что романъ этотъ мнѣ кажется положительно плохъ, скученъ и неудаченъ. Толстой зашолъ не въ свой монастырь—и всѣ его недостатки такъ и выпятились наружу. Всѣ эти маленькія штучки, хитро подмѣченныя и вычурно высказанныя, мелкія психологическія замѣчанія, которыя онъ подъ предлогомъ „правды“, выковыриваетъ изъ подъ мышекъ и другихъ темныхъ мѣстъ своихъ героевъ—какъ это все мизерно на широкомъ полотнѣ историческаго романа! И онъ ставитъ этотъ несчастный продуктъ выше „Казаковъ“! Тѣмъ хуже для него, если это онъ говоритъ искренно. И какъ это все холодно, сухо—какъ чувствуется недостатокъ воображенія и наивности въ авторѣ,—какъ утомительно работаетъ передъ читателемъ одна память, мелкаго, случайнаго, ненужнаго. И что это за барышни! Все какія-то золотушныя кривляки. Нѣтъ, эдакъ нельзя; такъ пропадешь, даже съ его талантомъ. Мнѣ это очень больно и я желалъ бы обмануться.

А „Воевода“ Островскаго меня привелъ въ умиленіе. Эдакимъ славнымъ, вкуснымъ, чистымъ Русскимъ языкомъ никто не писалъ до него! Послѣдній актъ (особенно гдѣ воевода бѣгаетъ за своей невѣстой, чтобы *защекотать ее на смерть*) плохъ; но 2-й и 3-й это совершенство! Какая мѣстами пахучая, какъ наша Русская роща лѣтомъ, поэзія! Хоть бы въ удивительной сценѣ „Домового“. Ахъ, мастеръ, мастеръ этотъ бородачъ! Ему и книги въ руки. Вотъ ужъ у него нѣтъ „изыскапія мелкой букашки“ „de la petite bête,“ какъ говорятъ Французы. Сильно онъ распѣвелилъ во мнѣ литературную жилу.

Я не „обхожу“ Каткова, какъ Вы говорите, хотя лично его не долюбливаю; но моя мошна пуста—послѣднія крохи я изъ нея вытресъ—что тутъ будешь дѣлать? Неизвѣстно что впередъ будетъ, а пока я могу только смотрѣть какъ дѣйствуютъ другіе.

Не знаю, какая у Васъ погода, а у насъ—да и во всей Европѣ—просто ужасъ. Со вчерашняго вечера валитъ густой снѣгъ—ни одной почки не распустилось ни на одномъ деревѣ—Январь да и полно! Зато хотя на томъ спасибо, что нѣтъ ни тифа, ни сибирской язвы. Съ первыми красными днями я направ-

ляюсь въ Новоселки и въ Степановку. Поклонитесь отъ меня владѣльцу сей послѣдней и скажите ему, что я жажду увидѣть его иссине-бурый носъ, услыхать его очаровательно мычащую рѣчь. Поклонитесь такъ же Вашему попу Петѣ и примите отъ меня самое дружеское рукожатіе.

Преданный Вамъ
Ив. Тургеневъ.

P. S. Что у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ: если увидите моего дядю, скажите ему, что „облигація“ (онъ уже знаетъ что это значитъ) и днемъ и ночью мнѣ не даютъ покоя.

P. S. Свадьба моей дочери состоялась мѣсяцъ тому назадъ—и я получаю отъ нея самыя розовыя письма. Мужъ ея дѣйствительно хорошій и добрый человѣкъ—и собою очень пригожъ. Зовутъ его Вгьёге.

Спасское.
Пятница, 4-го Іюня 1865.

Любезнѣйшій Иванъ Петровичъ, я пріѣхалъ сюда вчера вечеромъ—и весьма желаю увидѣться съ Вами. Не пріѣдете ли Вы ко мнѣ въ Воскресенье, послѣзавтра? Очень было бы пріятно. Я никуда отсюда не тронусь. До свиданія.

Душевно Вамъ преданный
Ив. Тургеневъ.

Баденъ-Баденъ.
Schillerstrasse, 277.
$\frac{5\text{-го}}{17\text{-го}}$ Августа 1865.

Милѣйшій Иванъ Петровичъ, сейчасъ я возвратился изъ небольшаго путешествія во Францію, къ моей дочери, которая живетъ теперь съ своимъ мужемъ на его стеклянномъ заводѣ—и нашолъ здѣсь Ваше любезное письмо отъ 25-го Іюля. Письмо отъ Васъ. Вы это знаете, доставляетъ мнѣ всегда особенное удовольствіе—а потому спѣшу отвѣчать. Прежде всего прошу Васъ передать Петѣ слѣдующее стихотвореніе, сочиненное мною въ отвѣтъ на его:

Ай да Петя! Молодецъ!
Хоть и малъ онъ какъ скворецъ
За то умъ его орлиный,
Взглядъ же—просто соколиный!
Онъ одинъ лишь угадалъ,
Отчего я ускакалъ!

Дѣйствительно: я уѣхалъ въ Баденъ именно въ слѣдствіи письма, полученнаго мною во Мценскѣ въ самый день нашего знаменитаго путешествія отъ

Фета; меня вызывали сюда—и я отправился. Предположеніе Толстаго опять таки „отзывается“ имъ: не такое же онъ мѣсто занимаетъ въ моихъ соображеніяхъ—да мы бы и́ронично и не встрѣтились; что же касается до его сестры, то мнѣ рѣшительно не́ изъ чего набѣгать ея. Желаю ему всего хорошаго съ его—по общимъ отзывамъ—милой женой; но едва ли онъ переста́нетъ мудрить: въ самое то время, когда онъ по Вашимъ словамъ распространялъ обо мнѣ съ участіемъ, онъ писалъ Фету, что съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе меня ненавидитъ. А потому и мнѣніе его о дядѣ немного доказываетъ: онъ гораздо больше хлопочетъ о собственныхъ впечатлѣніяхъ, чѣмъ о людяхъ, которые возбуждаютъ эти впечатлѣнія. Радуюсь тому, что онъ продолжаетъ работать и желаю, чтобы послѣдующія части романа были лучше первыхъ.

Дочь моя живетъ въ хорошенькомъ, новомъ домѣ: мѣстность кругомъ довольно живописная. Мужъ ее очень любитъ, а она его любитъ—(она пятый мѣсяцъ узке беременна).—Пока все идетъ хорошо и впереди ничего не предвидится мрачнаго.

И здѣсь все идетъ недурно: домъ мой поднимается довольно шибко; сегодня мы должны были отправиться на охоту, но пошолъ дождь—и мы отложили нашу поѣздку до завтра. Вообще погода у насъ въ противность тому, что Вы пишете, свѣжая—почти холодная, что меня лично даже радуетъ, потому что я въ этомъ вижу нѣкоторую защиту противъ холеры, которая, какъ грозовая туча, заходитъ со всѣхъ пунктовъ горизонта, и которой я боюсь, какъ Вамъ извѣстно, до позора.

Вы, словно шутя, говорите о поѣздкѣ Фета за границу; а я серьезно думаю что ему нужно встряхнуться, а то онъ непремѣнно окисне́тъ и погрязне́тъ въ какомъ-то, если можно такъ выразиться, вяломъ ожесточеніи. Съ будущаго Октября мой домъ будетъ открытъ для всѣхъ добрыхъ пріятелей. Имѣя уши, да слышитъ!

Вы пишете объ отъѣздѣ Боткина; но Вы не извѣщаете о томъ, куда сей старецъ направилъ свой полетъ? Узкъ не къ намъ ли? А мнѣ все кажется, что надуетъ онъ бѣдняковъ Фетовъ и ничего не оставитъ имъ въ своемъ, столь многократно переписанномъ завѣщаніи.

Обнимите за меня Петю (помнитъ онъ золотой замокъ на амбарѣ?). Дружески жму Вамъ руку и остаюсь

Душевно Вамъ преданный
Ив. Тургеневъ.

Баденъ-Баденъ.
Schillerstrasse, 277.

Понедѣльникъ, $\frac{23\text{-го}}{11\text{-го}}$ Окт. 1865.

Любезный Иванъ Петровичъ,

Получивши Ваше письмо отъ 20-го Сент. я тотъ-часъ напелъ желаемыя Вами справки и могу Вамъ сообщить слѣдующее: въ теченьи *зимняго* сезона (отъ 1-го Ноября н. с. до 1-го Мая)—можно имѣть здѣсь хорошую чистую комнату, со столомъ весьма удовлетворительнымъ, въ лучшемъ мѣстѣ города—и съ прислугой—за 5 франковъ въ день (отопленіе и освѣщеніе не считаются); въ теченьи *лѣтняго* сезона т. е: въ остальные шесть мѣсяцовъ—надо прибавить, 1 или даже $1^1/_2$ франка. Сообщите эти факты, въ совершенной достовѣрности которыхъ я ручаюсь, кому слѣдуетъ.

Съ смѣшаннымъ чувствомъ удовольствія и сожалѣнія читалъ я Ваше, съ большимъ юморомъ начертанное описаніе Вашей охотницкой Иліады. Хорошъ чернокудрявый прекрасный юноша, который оказывается мавуриковъ, и довѣренный трезвый человѣкъ, безсознательно лишившійся носа.... Узнаю тебя, о родина сватьи! Вообще я прихожу къ тому убѣжденію, что и охота на Руси, эта пресловутая охота, какъ много другихъ прославленныхъ вещей въ родѣ скорой ѣзды, закидыванія врага шапками, употребленія въ пищу того что „нѣмцу смерть“—оказывается пуффомъ; и наша (здѣшняя) степенная, искусственная, пожалуй скромная но дѣльная охота совершенно иначе удовлетворитъ человѣка.

Въ послѣднее время намъ пришлось однако нѣсколько поджать хвостъ: послѣ почти двухъ мѣсячной безподобной погоды съ безоблачной лазурью—хляби небесныя разверзлись и въ эту минуту льетъ такой ливень—и вѣтеръ такъ завываетъ, что чудо! Впрочемъ и тутъ можно утѣшиться какъ вспоминшь, что, по слухамъ, на родинѣ санный путь установился. Да не только санный путь: мнѣ пишутъ изъ Спасскаго, что тамъ открылся моръ на лошадей, коровъ, овецъ, свиней, домашнюю птицу и даже на кошекъ. Мы здѣсь пока удовлетворяемся одной холерой, которая, какъ грозовая туча, зашла со всѣхъ сторонъ и заявляетъ свое скорое прибытіе необыкновеннымъ количествомъ поносовъ и другихъ гадостей. Излишнюю веселость это распространять не можетъ: поневолѣ думаешь больше о возможности собственнаго окачуренія чѣмъ объ окачуреніи даже такого крупнаго гуся, каковъ былъ „Всевода Пальмерстонъ“.

Я отъ Фета получилъ длинное письмо и отвѣчалъ ему на Ваше имя. Поклонитесь отъ меня любезному моему другу Петѣ и примите увѣреніе въ совершенной моей преданности и искренней дружбѣ.

Ив. Тургеневъ.

Баденъ-Баденъ.
Schillerstrasse, 277.

Середа, $\frac{19\text{-го}}{31\text{-го}}$ Янв. 1866.

Любезнѣйшій Иванъ Петровичъ, не успѣлъ я еще отвѣтить на Ваше первое письмо, какъ уже получилъ второе, столь же наполненное интересными извѣстіями и любопытными фактами. Берусь за перо и отвѣчаю. Прежде всего благодарю за добрыя пожеланія—и съ своей стороны признаюсь на Вашу голову все хорошее. Я продолжаю жить здѣсь потихоньку—зимы у насъ совсѣмъ нѣтъ—да и въ Россіи, кажется, она отсутствуетъ; завтра въ послѣдній разъ отправляюсь на охоту и намѣренъ приняться за работу, слухъ о которой, должно быть, распространился черезъ В. Боткина. Тишина душевная продолжается: я чувствую, такъ же какъ и Вы, что пріобрѣлъ „темпераментъ стариковскій"—и что вся жизнь уже имъ окрашена. На Вашъ анекдотъ о нищемъ я могу отвѣчать Вамъ такимъ же: въ 1854-мъ году (мнѣ было 35 лѣтъ) я изъ Петергофъ лихо сѣзжаю съ горы къ ожидавшему меня внизу на дорогѣ дрожечному извощику.... „Вотъ оно, что значитъ гора-то," замѣчаетъ онъ съ усмѣшкой: „и старичка съ себя попѣхиваетъ." Къ счастью, мы оба, кажется, давно на счетъ физіономіи смирились и въ старички охотно готовы записаться, лишь бы здоровье пока не измѣнило. Теперь вотъ только и осталось, что заботы о молодомъ поколѣніи, о нашихъ смѣнителяхъ: какъ бы имъ помочь своею опытностью и т. д. У Васъ есть Петя, а у меня тоже есть, хоть и не родныя дѣти. Кстати поклонитесь ему и скажите, что изъ слѣдующій разъ я ему цѣлое письмо въ стихахъ пришлю: а теперь Муза моя что-то скопытилась. Очень Вамъ благодаренъ за рекомендацію Захара: онъ чудакъ и говорить не можетъ, точно ему языкъ вывихнули—но онъ очень честный и хорошій человѣкъ: боюсь я только, что Шереметеву онъ покажется слишкомъ страненъ. А бѣдный старичина Афанасій истинно достоинъ сожалѣнія. Эка однако какъ время летитъ! Какъ теперь помню я мою первую охоту съ нимъ: (онъ между прочимъ удивилъ меня тѣмъ, что вытащилъ чуть ли не изъ сапога цѣлаго поросенка—да такъ его и съѣлъ—безъ хлѣба но съ дестемъ) это было въ 1855-мъ году—то есть слишкомъ тридцать лѣтъ назадъ!! Но уже тогда онъ пилъ и тотъ-часъ пьянѣлъ послѣ первой рюмки. Правда, онъ храбрился тогда—а теперь плачетъ. Что дѣлать!

Исторія о необходимости служенія „обществу, семейству" и т. д. очень хороша—и я дорого бы далъ послушать Н. Карпова—(Вы его нѣроятно называете „мягкимъ") какъ онъ будетъ читать „Взбаламученное море". Всѣ наши такъ называемыя направленія—словно пѣна на квасу: смотришь—вся поверхность покрыта—а тамъ и ничего нѣтъ и слѣдъ простылъ. И еще, пожалуй, должно дотого, что тотъ же Современникъ (спасибо за дѣйствительно забавную цитату) будетъ бранить меня за мой нигилизмъ.

Не забудьте въ слѣдующемъ письмѣ извѣстить меня о здоровьи Толстаго: я, Вы знаете, очень интересуюсь имъ—какъ писателемъ. Фетушка мнѣ давно не писалъ: а послѣднее письмо между нами было мое. Увидите его, поцалуйте его и теперь уже нѣроятно совѣсмъ голый лобъ и поклонитесь его женѣ. А отъ меня примите самое усердное рукожатіе и вѣрьте въ искренность моей дружбы.

Преданный Вамъ
Ив. Тургеневъ.

P. S. Я съ недѣлю тому назадъ въ одинъ день убилъ трехъ дикихъ козъ: но завтра конецъ охоты—до Сентября.

Баденъ-Баденъ.
Schillerstrasse, 277.

$\frac{1\text{-го Марта}}{17\text{-го Февраля}}$ 1866. Четвергъ.

Вотъ письмо, такъ письмо, любезнѣйшій Иванъ Петровичъ! Право, я ни отъ кого не получаю подобныхъ писемъ и всегда съ особеннымъ удовольствіемъ узнаю у себя на столѣ Ваши продолговатые пакетцы. А потому и отвѣчаю немедленно.

О себѣ Вамъ скажу, что со мной случилась довольно скверная штука—а именно сдѣлалось воспаленіе въ мышцахъ лѣвой руки. Ужъ оно давно начиналось понемногу—но въ послѣднее время приняло такой скверный оборотъ, что я цѣлыи двѣ недѣли принужденъ былъ мѣнять (каждыя 10 минутъ!) холодные компрессы—и теперь еще почти не владѣю этой несчастной рукой. Къ счастью, это случилось не во время охоты—а то бы прощай ружье! Эта гадость, по словамъ доктора, продолжится до лѣта. Что дѣлать! Надо запастись терпѣніемъ.

Середа $\frac{21\text{-го}}{9\text{-го}}$ Марта.

Стыдно сказать, все это время—и почти три недѣли—провалялся этотъ листокъ бумаги—а Вы съ тѣхъ поръ успѣли мнѣ еще написать письмо, такое же милое и интересное какъ и первое. Не знаю какъ благодарить Васъ и прошу извинить мою безобразную лѣнь.

Рукѣ моей легче стало—и если такъ будетъ продолжаться, то я рѣшусь на дняхъ попытать своего счастья на вальдшнепахъ и бекассахъ. Не знаю, писалъ ли я Вамъ, что мы съ Віардо пріобрѣли еще на три года другую очень нарядную охоту—и теперь мы считаемъ себя чуть не владѣтельными герцогами. Къ сожалѣнію, погода стоитъ скверная: льютъ нескончаемые дожди. И хохотылъ до истерики описанью Вашей охоты за единственнымъ зайцемъ Вашего выстрѣла въ его широкій лобъ—и спокойнаго его путешествія. Здѣсь, батюшка, мы по зайцамъ стрѣляемъ—можно сказать—слишкомъ хладнокровно—больно много ихъ—и почти

безъ пуделя. Пріѣзжайте-ка съ Вашимъ Петей (который на дняхъ получитъ отъ меня цѣлое письмо въ стихахъ)—поселитесь въ моемъ домѣ, (который уже приближается къ окончанію)—и Вы сами убѣдитесь въ справедливости моихъ словъ.

Ваши описанья уѣздныхъ и прочихъ съѣздовъ—просто прелесть—и я напередъ говорю Вамъ, что я ими воспользуюсь. А сиженосый, скромнобрюхый Фетъ передо мной въ долгу; я ему написалъ въ началѣ зимы пространнѣйшее письмо—а онъ хоть бы пикнулъ мнѣ въ отвѣтъ. Радуюсь очень его преуспѣянію—и воображаю, что съ нимъ происходило во время его секретарства. Какъ онъ потѣлъ!

Разсказъ Достоевскаго въ 1-мъ № Русскаго Вѣстника—дѣйствительно замѣчательная фотографія: только ужъ очень много онъ самъ съ собою возится. Стихи Фета премилы, только конецъ тупенекъ: нѣтъ этого завершающаго намаха, безъ котораго лирическая штучка всегда кажется прѣсной. Я зачиталъ съ Г-жой Віардо „Казаки“ Толстаго—и сугубо наслаждаюсь: знай неподдѣльная поэзія и красота! Сюда пріѣхалъ Жемчужниковъ—писатель; онъ женатъ на сестрѣ Дьякова и черезъ него я узналъ довольно много подробностей о ненавидящемъ меня Львѣ Николаевичѣ.

Самъ я почти что ничего не дѣлаю: живется глухо и смирно—но недурно. Не знаю, когда я попаду къ Вамъ, но крѣпко Васъ и Петю обнимаю и остаюсь.

Преданный Вамъ Ив. Тургеневъ.

Баденъ-Баденъ.
6-го Іюня / 25-го Мая 1866.
Schillerstrasse, 277.

Милѣйшій Иванъ Петровичъ, не скоро и собрался отвѣчать на Ваши два письма—зато теперь видите разомъ—и Вамъ и Петѣ и Фету. Я только что вернулся изъ небольшой поѣздки во Францію, къ моей дочери: я нашолъ ее здоровою и веселою; она съ мужемъ живетъ въ большомъ ладу и вѣроятно въ началѣ будущаго года произведетъ меня въ дѣдушки. Собственное мое здоровье недурно—ну а что касается до дѣлъ, то ничего хорошаго сказать нельзя, мы здѣсь съ часу на часъ ожидаемъ войны—и теперь уже такое господствуетъ уныніе, такой волнующій застой во всемъ—что описать невозможно. О поѣздкѣ въ Россію въ нынѣшнемъ году и думать нечего. Тѣмъ отраднѣе будетъ для меня получать Ваши письма, которыя составляютъ почти единственное звено, соединяющее меня съ родиной.

Извините за краткость этой цидули—и не пеняйте на меня, что я такой надоръ настрочилъ Петѣ. Ничего въ голову не лѣзло. Если онъ разсмѣется—ну стало быть и хорошо.

Охота у насъ начинается еще нескоро и я можетъ быть воспользуюсь этимъ промежуткомъ свободнаго времени, чтобы опять приняться за литературничанье; впрочемъ это все въ рукѣ Аллаха—засимъ дружески Васъ обнимаю и остаюсь

Преданный Вамъ
Ив. Тургеневъ.

Баденъ-Баденъ.
Schillerstrasse, 277.
7-го Сентяб. / 26-го Августа 1866.

Любезнѣйшій Иванъ Петровичъ, передо мною опять лежатъ два большія—и какъ водится—прелюбопытныя письма отъ Васъ—и я берусь за перо и отвѣчаю. Какъ уже Вамъ извѣстно, въ Германіи совершилось замиреніе полное—и если нашъ сосѣдъ не затѣетъ какой-нибудь каталасіи, ничто не помѣшаетъ Пруссіи преспокойно забрать себѣ въ карманъ всю Сѣверную Германію; да и то, говорятъ, вниманіе сосѣда устремлено болѣе теперь на Восточныя дѣла. Въ Баденѣ же было всегда нарочито тихо—а теперь шумятъ однѣ кринолины Парижскихъ лоретокъ.

Охота началась, но къ сожалѣнью, погода стоитъ прескверная—холодъ и дожди—и куропатокъ въ нынѣшнемъ году уродилось мало; къ тому же я прихворнулъ и съ недѣлю вылежалъ дома: со всѣмъ тѣмъ я уже убилъ около 85 штукъ дичи. Песъ у меня все тотъ же удивительный Пегазъ, который даже въ печать попалъ—и ружье такое, что, какъ говорится, что въ ротъ то спасибо. Все стало быть въ исправности; одно скверно: денегъ присылается мало, да такъ мало, что коренныя преобразованія становятся очевидно необходимы; для приведенія ихъ въ дѣйствo, по мѣрѣ силъ, я пріѣзжаю въ Спасское весною—въ первыхъ числахъ Апрѣля—и останусь тамъ сколько будетъ нужно. Но объ этомъ еще рѣчь впереди.

Вамъ дѣйствительно необходимо нужно вывезти Вашего умницу на обученіе въ Москву, но я не предвижу для Васъ возможности въ первую же зиму разстаться съ нимъ: придется Вамъ взять въ Москвѣ квартирку—не разворотить же это Васъ. А Вы ему отъ меня поклонитесь—и скажите, что очередь стиховъ за нимъ; а я не отстану: на всякое его посланіе сей часъ отпрану эпистолію. Кстати же у меня другихъ литературныхъ занятій нѣтъ—такъ какъ мой романъ подигается весьма медленнымъ ходомъ, среднимъ между черепашьимъ и раковымъ.

Фетушкѣ я написалъ на дняхъ только въ Степановку: ахъ зачѣмъ онъ это по временамъ помѣщаетъ такія слабосильныя стишки въ Русскомъ Вѣстникѣ—которыя только напоминаютъ прежніе соловьиные звуки? Точно человѣкъ накушался фіалокъ и испускаетъ потомъ безсильныя отрыжки. Но Вы еще благопо-

лучше—Вы не получаете Отечественныхъ Записокъ—а я страдаю этимъ несчастьемъ: тамъ есть переводъ безобразныхъ „Тружениковъ моря" Господина Гюго.... О! О! О!... И Петербургскія трущобы Г-на Крестовскаго. У... У... У!

Такъ и вторая дочь Шепшина замужемъ.... Ну, эта премиленькая. А я думаю, изъ старшей вышла такая бой-барыня, что у ея супруга затылокъ долженъ трястись. Посмотрѣлъ бы я на всю эту молодую жизнь. Да вотъ Богъ дастъ весной. Правда ли, говорятъ, у васъ сильная холера? Бѣднаго доктора жалко.

Крѣпко жму Вамъ руку и остаюсь преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

Баденъ-Баденъ.
Schillerstrasse, 277.
12-го Окт.
30-го Сент. 1866. Пятница.

Любезнѣйшій Иванъ Петровичъ, Ваше большое письмо отъ 18-го Сент. пришло въ свое время и доставило мнѣ много удовольствія—какъ вообще всѣ Ваши письма. Берусь за перо—и хотя поздненько—но отвѣчаю.

Послѣ отвратительнѣйшей, два мѣсяца продолжавшейся, погоды, у насъ проскочило нѣсколько осенних дней—но чтобы мы не слишкомъ радовались—отъявилась *она* т. е: холера—и хотя въ самый Баденъ еще не заглянула, но уже свирѣпствуетъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ—въ Раштатѣ, а сюда выслала своего обычнаго курьера—поносъ. Что дѣлать! Мы покоряемся необходимости, запасаемся мятой, Тильмановскими каплями, прислушиваемся къ бурчанью нашихъ утробъ и ѣдимъ съ величайшей нѣжливостью, какъ только въ проголодь. Охота однако продолжается—и хотя у насъ нѣтъ тѣхъ баснословныхъ массъ вальдшнеповъ и куропатокъ, о которыхъ между прочимъ пишетъ и дядя—однако все таки я до сихъ поръ съ грѣхомъ пополамъ убилъ 150 штукъ слишкомъ. И работа моя подвигается—такъ какъ я обѣщалъ доставить ее Каткову къ концу Января—тутъ уже мѣшкать и хвостомъ вилять нельзя. Планъ мой слѣдующій: въ Февралѣ и Мартѣ я въ Петербургѣ и Москвѣ а Апрѣль провожу въ Спасскомъ—и конечно буду Васъ видѣть чуть не ежедневно. Пребываніе мое въ Спасскомъ будетъ сопряжено съ нѣкоторыми непріятностями: мнѣ невозможно болѣе оставить мое имѣніе на рукахъ дяди, въ честности котораго я не сомнѣваюсь ни одной секунды, но который состарѣлся, потерялъ всякую энергію и даетъ себя и меня грабить. Доходы съ моего имѣнія сдѣлались ничтожными—(Вы можете пробѣжать прилагаемое письмо къ Фету, которое я по незнанію его теперешняго мѣстопребыванія, посылаю черезъ Васъ). Здѣсь продолжать дѣло нельзя. Я, кажется, нашолъ дѣльнаго человѣка—но всякомъ случаѣ я явлюсь въ Спасское не иначе какъ съ новымъ управляющимъ—и между прочимъ заранѣе разсчитываю на Ваши добрые совѣты и содѣйствіе.

Но довольно объ этихъ дрязгахъ, поговоримте лучше о нашемъ общемъ пріятелѣ, Петѣ. Вы хотите взять его въ Москву—воображаю, какъ будетъ Вамъ жутко съ нимъ разстаться—но знать такъ уже предопредѣлено судьбою: мальчику нельзя нѣчно оставаться подъ родительскимъ крылышкомъ. Впрочемъ я увѣренъ что надзоръ за нимъ будетъ самый старательный—а онъ слишкомъ уменъ, чтобы не понять что все это дѣлается для его же пользы. Поклонитесь ему отъ меня и скажите, что весною мы вмѣстѣ будемъ сочинять стихи: такъ оно пойдетъ шибче.

Если Вамъ въ руки попадутся „Отечественныя Записки" (весьма впрочемъ плохой журналъ)—то прочтите тамъ статью подъ заглавіемъ: Кузи, Мордовскій Богъ. Ужасно любопытно и поучительно, хотя авторъ напрасно все разкидалъ и разсыропилъ. А „Преступленіе и наказаніе" Достоевскаго я отказался читать: это что-то въ родѣ продолжительной колики—въ холерное время помилуй Богъ!

Обнимаю Васъ дружески и остаюсь

Преданный Вамъ Ив. Тургеневъ.

Баденъ-Баденъ.
Schillerstrasse, 277.
1-го Янв. 1867.
20-го Дек. 1866. Вторникъ.

Только что собрался писать къ Вамъ въ Москву, милый Иванъ Петровичъ, въ самый день басурманскаго (и настоящаго) Новаго Года—глядь! является Ваше письмецо—и я вижу что мнѣ еще возможно отписать къ Вамъ въ деревню—и кстати поздравить Васъ съ Россійскимъ Новымъ Годомъ. Нечего говорить Вамъ какъ искренни и усердны мои желанія Вамъ всего хорошаго; Петѣ тоже отъ меня поздравьте—и скажите ему что я желаю ему умнѣть и расти не по днямъ, а по часамъ.

Я заранѣе радуюсь нашему свиданію въ Москвѣ; я обязался передъ Катковымъ самолично вручить ему мой романъ въ началѣ Февраля, такъ какъ появиться онъ долженъ въ Февральской книжкѣ.....

Четвергъ $\frac{9}{15}$ го Февр.

Я писалъ предыдущую страницу 6 недѣль тому назадъ... Увы! человѣкъ предполагаетъ, а ужъ неизвѣстно кто располагаетъ. Представьте что я въ теченіи этихъ шести недѣль почти не выходилъ изъ комнаты, двигался не иначе какъ съ помощью костыля, а съ недѣлю тому назадъ опять слегъ и теперь пишу Вамъ изъ постели—и все это по милости подагры, да не обыкновенной, а какой то атонической, т. е: хронической, которая поразила мою лѣвую ногу и превратила меня въ неподвижный чурбанъ! Вотъ Вамъ я и у праздника! Всѣ мои предположенія рухнули—и впередъ я никакихъ плановъ не могу дѣлать: докторъ мнѣ

объявилъ, что онъ не можетъ мнѣ назначить время, когда я буду въ состояніи предпринять путешествіе. А романъ давно конченъ, переписанъ, перечтенъ и выправленъ нѣсколько разъ; а дѣла мои въ Спасскомъ и по имѣнію требуютъ самымъ настоятельнымъ образомъ моего немедленнаго присутствія—такъ какъ дядя внезапно потерялъ голову и пишетъ мнѣ самыя отчаянныя и оскорбительныя письма, а все отъ того, что я рѣшился наконецъ взять новаго управляющаго—который хотя бы нѣсколько улучшилъ мои доходы.... Вы легко можете себѣ представить, какъ мнѣ теперь весело....

И не хотѣлъ оставить Вашего послѣдняго письма безъ отвѣта—я и такъ передъ Вами въ долгу. Скажите Петѣ, что я, какъ только справлюсь, непремѣнно отвѣчу на его античное стихотвореніе. Мнѣ кажется, что онъ ничего не потеряетъ, оставшись еще годъ въ деревнѣ: пусть онъ еще укрѣпится физически—а съ его головой онъ не останется въ задникъ рядахъ.

Поклонитесь отъ меня Фету, если Вы его увидите проѣздомъ въ Степановку. Не теряю надежды увидѣть Васъ—но когда? опредѣлить съ точностію невозможно—ибо не отъ меня зависитъ—тогда мы побесѣдуемъ хорошенько—во всякомъ случаѣ желаю Вамъ и Петѣ всего хорошаго на землѣ—и все таки говорю: до свиданія.

Душевно Вамъ преданный
Ив. Тургеневъ.

Москва.
Середа, 7-го Марта 1867.

Милый Иванъ Петровичъ.

Я пріѣхалъ сюда сегодня утромъ и выѣзжаю въ Пятницу или въ Субботу въ Спасское. Начиная съ Понедѣльника или со Вторника меня можно будетъ тамъ застать—я очень, очень буду радъ Васъ видѣть—дайте знать такъ же Фету—но остаюсь я въ деревнѣ весьма немного времени, не болѣе недѣли. Дѣла не позволяютъ. И такъ въ надеждѣ скоро увидѣть Васъ, хотя не надолго—жму Вамъ дружески руку и остаюсь

Преданный Вамъ
Ив. Тургеневъ.

Москва.
Въ домѣ Удѣльной Конторы,
на Пречистенскомъ бульварѣ,
у И. И. Маслова.
Четвергъ, 16-го Марта 1867.

Милѣйшій Иванъ Петровичъ.

Вамъ уже вѣроятно извѣстна невзгода, которая стряслась надо мною—а именно: болѣзнь, которая схватила меня въ Серпуховѣ и заставила черезъ силу

вернуться въ Москву—и тѣмъ самымъ отдалила наше свиданіе. Здоровье мое однако скоро поправилось и сегодня я въ первый разъ попытаюсь выѣхать—но встрѣчается новое препятствіе: мнѣ принесли сегодня первую корректуру моей повѣсти въ „Русскомъ Вѣстникѣ"—и теперь уже я не могу пошевельнуться отсюда, пока она вся не будетъ набрана т: е: въ теченіи десяти дней по малой мѣрѣ. А черезъ 10 дней—кто знаетъ—какая будетъ бѣда по нашимъ дорогамъ—и не наступитъ ли тогда то ужасное время, когда ни пройти ни проѣхать, ни на полозьяхъ, ни на колесахъ. Однако надо будетъ—хоть тресни да ползай. Безъ меня дядя никакъ не захочетъ сдать имѣніе и письмами ничего тутъ не подѣлаешь. (Новаго управляющаго я впрочемъ напередъ отправилъ—благо ужъ онъ доѣхалъ до Серпухова.) А необходимость перемѣны управленія Вамъ будетъ ясна изъ простаго сопоставленія слѣдующихъ цифръ:

По отчету дяди я въ 11 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ получилъ 127,371 руб. съ копейками.

Изъ нихъ капитальной суммы (выкупныхъ денегъ, за продажу лѣсовъ и т. д.) 63,564 руб.

Изъ доходныхъ денегъ я слѣдовательно получилъ: 63,807 руб.—т: е: около 5500 руб. сер. въ годъ.

Оброчныхъ суммъ съ оброчныхъ имѣній поступаетъ въ годъ 5756 р.—платежа въ Опекунской Совѣтъ—на 3409 р.—остается слѣд. въ пользу владѣльца—2347 р. Если прибавить къ этой суммѣ деньги за аренды, мельницы и т. д. то приблизительно получится вся сумма моего годоваго дохода—5500 р. и окажется что лучшія мои имѣнія, Спасское, Тайки и др. находящіяся на надѣлѣ, не приносятъ мнѣ буквально ни копейки. Покажите этотъ результатикъ Фету, который въ письмѣ къ Боткину говоритъ, что отказывая дядѣ—я „осатанѣлъ." Согласился ли бы онъ съ 5500 десятинъ свободной земли получать 5500 р. дохода? Кстати скажите ему, что онъ совершенно справедливо критикуетъ языкъ перевода „Перро"—и что я самъ нашолъ въ немъ курьезы почище фразы: „Онъ ***имѣлъ*** жену"—тамъ говорится о лошади сѣрой „съ яблоками" и т. д. Какъ? скажете Вы: я самъ?—Да развѣ.... Въ томъ-то и дѣло, что я далъ только имя свое выставить на оберткѣ—а впрочемъ ни тѣломъ ни душой невиноватъ т: е: въ сущности виноватъ—зачѣмъ далъ имя—и теперь долженъ терпѣть укоры.

Что подѣлываетъ мой дорогой Петя? Поклонитесь ему отъ меня—и скажите, что если шоссе не провалится или рѣки не затопятъ всей Тульской губерніи—я скоро съ нимъ увижусь. А Вамъ я пока крѣпко и дружески жму руку и говорю топ: досвиданія. Кромѣ отдѣльнаго экземпляра моей повѣсти, я Вамъ привезу и почитаю другой мною написанный разсказъ. Но все это впереди. Будьте здоровы.

Истинно Васъ любящій
Ив. Тургеневъ.

Москва.
Въ домѣ Удѣльной конторы,
на Пречистенскомъ бульварѣ.
Вторникъ, 21-го Марта 67.

Милый Иванъ Петровичъ, я получилъ Вашу записочку изъ Спасскаго—и нечего мнѣ говорить Вамъ, какъ я сожалѣю о томъ, что не удалось повидаться съ Вами. Особенно скверная звѣзда преслѣдуетъ меня съ самаго начала нынѣшняго года. Наканунѣ перваго Января заболѣла у меня нога какой-то сложной ревматической подагрой, 6 недѣль я пролежалъ, долженъ былъ оподлать вьѣздомъ—притащился наконецъ сюда—и въ самый день моего отъѣзда въ Спасское схваченъ былъ сильнѣйшимъ гриппомъ въ Серпуховѣ—полужиной прибылъ назадъ въ Москву—а теперь дороги стали непроѣзжія—и нога, какъ нарочно, снова такъ жестоко разболѣлась, что пожалуй придется опять слечь. Къ тому же подошли невеселыя вѣсти изъ Бадена—гдѣ ужъ мнѣ тутъ думать о поѣздкѣ въ деревню—дай Богъ по добру по здорову по желѣзнымъ дорогамъ вернуться въ Баденъ. Я объ этомъ сегодня же пишу къ дядѣ, который вѣроятно придетъ въ большое волненье и огорчится—но вѣдь собственно мое присутствіе ничего бы не измѣнило. Управляющій мой, Никита Алексѣевичъ Кишинскій, который находится теперь въ Спасскомъ, имѣетъ отъ меня инструкцію принять управленіе, не требуя никакихъ отчетовъ, и не входя ни въ какія разбирательства—а судьба дяди и его дѣтей мною обезпечена—и жить онъ можетъ въ Спасскомъ, пока найдетъ удобнымъ, не спѣша, переселиться къ себѣ. Оставаться долѣе при 5500 р. сер. годоваго дохода отъ 5500 десятинъ я не нашолъ возможнымъ—и вотъ вся причина этой перемѣны. Рѣшаюсь обратиться къ Вамъ, добрѣйшій Иванъ Петровичъ,—въ Вашемъ характерѣ столько деликатности и мягкости, дяля мой питаетъ къ Вамъ такое уваженіе, что въ случаѣ какихъ-либо затрудненій, Ваше слово принесло бы великую пользу! Помогите старику взглянуть на все это дѣло прямыми глазами, а то онъ мнѣ такія письма пишетъ, что я прихожу въ тупикъ. Мнѣ ужасно непріятно, что я въ Спасское не попалъ и не попалу—но что же дѣлать! Ей Богу—мнѣ невозможно ѣхать.

Романъ мой печатается а выдетъ въ Мартовской книжкѣ Русскаго Вѣстника. Посмотримъ какое онъ на Васъ произведетъ впечатлѣніе—а трудился я надъ нимъ много.

Поклонитесь отъ меня Фету и пошалуйте Петю: видно не въ нынѣшнемъ году придется намъ увидѣться.

Крѣпко, дружески жму Вамъ руку и остаюсь

Душевно Вамъ преданный
Ив. Тургеневъ.

Москва.
На Пречистенскомъ бульварѣ,
въ домѣ Удѣльнаго Вѣдомства.
Четвергъ, 23-го Марта 1867.

Милый Иванъ Петровичъ, не успѣлъ я Вамъ написать довольно большое письмо, какъ получилъ Ваше—и не могу не отозваться. Прежде всего—благодарю Васъ за чувство, которое Вамъ его внушило: я узналъ Вашу неизмѣнную дружбу, Вашу добрую душу. Съ тѣхъ поръ какъ я писалъ Вамъ—я получилъ наконецъ отъ дяди письмо спокойное и благоразумное: онъ какъ будто опомнился и пришолъ въ себя и убѣдился, что я не могъ поступить иначе—и всячески стараясь ослабить неизбѣжный ударъ, обезпечить и упрочить его будущность. Еслибъ онъ показалъ Вамъ мои письма—Вы бы увидали что я все время поступалъ съ нимъ такъ, какъ Вы мнѣ совѣтуете: говорилъ ему что совершенно убѣжденъ въ его безкорыстіи, не требовалъ никакихъ отчетовъ, не возвращался на старое: если же я упоминалъ о немъ, то единственно для оправданія себя. Я натягивалъ всѣ возможныя струны—и все неудачно; наконецъ однако кажется, что дѣло пошло на ладъ. Правда, что когда онъ узнаетъ—что я не пріѣду—опять поднимутся волны... Но чтоже дѣлать? Желаніе мое пріѣхать было великое: доказательствомъ тому служитъ моя попытка, окончившаяся въ Серпуховѣ: но теперь, при ужасныхъ дорогахъ,—путешествіе для меня немыслимо: я боленъ, истинно боленъ и расклеился весь: ногѣ опять хуже—такъ что я изъ комнатѣ едва волочусь съ мѣста на мѣсто—кашель терзаетъ мнѣ грудь чуть только я носъ выставляю на свѣжій воздухъ.... нѣтъ! куда мнѣ! Дай Богъ домой вернуться, въ топленыхъ вагонахъ, по желѣзнымъ дорогамъ! Будьте такъ добры, помогите мнѣ растолковать это дядѣ: оно невесело—да помочь этому нельзя. А чтобы дать Вамъ понятіе о томъ, до какой степени запущено было хозяйство—то вообразите, что Спасское попало подъ опеку!! за неплатежъ двухъ сотъ семидесяти рублей въ годъ. Несмотря на правильно веденныя книги—это былъ совершеннѣйшій хаосъ.

Но довольно объ этомъ. Я хотѣлъ только поблагодарить Васъ за Ваше письмо и выразить Вамъ мое сожалѣніе, что не увижу Васъ въ нынѣшнемъ году.... Придется, видно, вамъ съ Петей пріѣхать погостить ко мнѣ въ Баденъ. Романъ мой печатается и я уже читаю послѣднія корректуры: я Вамъ вышлю отдѣльный оттискъ.

Я выѣзжаю отсюда во Вторникъ а изъ Петербурга въ Пятницу; а въ Петербургѣ буду стоять на квартирѣ у Боткина, на Караванной № 14.

Еще разъ обнимаю Васъ и остаюсь навсегда

Душевно Вамъ преданный
Ив. Тургеневъ.

Баденъ-Баденъ.
Schillerstrasse, 7.

Пятница, $\frac{16\text{-го}}{28\text{-го}}$ Іюня 67.

Я давно не писалъ Вамъ, милый Иванъ Петровичъ—а слѣдовало бы отвѣчать на Ваше послѣднее письмо, но тутъ подошли разныя дѣла—сверхъ того я дней на десять отлучался въ Парижъ—выставку посмотрѣть.... отвѣтъ и замѣшкался. О выставкѣ скажу Вамъ, что это вещь дивная, чудо изъ чудесъ—и нельзя не пожалѣть о томъ, кто ея не увидитъ. Все удивительно, необычайно—и въ то же время чрезвычайно занимательно и удобно устроено. Моя нога поправилась—и я могъ ходить безъ особенной усталости. Кстати жъ, я свидѣлся съ моею дочерью, которая нарочно для этого пріѣхала изъ своей провинціи.

Вамъ „Дымъ“ не нравится—да и по всему замѣтно, что онъ никому не понравился въ Россіи: но я такой закоренѣлый грѣшникъ, что не только не каюсь,—но даже упорствую—и къ отдѣльному изданію романа прибавлю предисловіе, въ которомъ еще сильнѣе буду доказывать необходимость намъ Русскимъ по прежнему учиться у Нѣмцевъ,—какъ Нѣмцы учились у Римлянъ и т. д. Проклянутъ ли меня на всѣхъ соборахъ, просто ли бросютъ въ лужу—это уже не моя печаль.

А дядя Н. Н. ловко со мной распорядился. Продолжая называть себя злополучнымъ старцемъ и страдальцемъ и указывая на свои опозоренныя сѣдины—онъ наложилъ запрещеніе на все мое имѣніе, основываясь на *безденежныхъ* векселяхъ, которые я ему далъ на случай моей смерти. Я не отказывался отъ своевременной и постепенной уплаты этихъ векселей—но это уже изъ рукъ вонъ. Мнѣ остается одно: откупиться отъ „страдальца“, предложивъ ему одно изъ моихъ имѣній,—Холодово, цѣнность котораго равняется, если не превосходитъ, суммѣ моего долга: что-то скажетъ теперь Фетъ? Пожалуй, онъ по прежнему будетъ утверждать, что я „осатанѣлъ“ и что подъ̀ломъ молъ дураку! А вѣдь недурной результатъ 11-ти лѣтняго управленія: дядя жилъ какъ баринъ, давалъ мнѣ *менѣе* 5000 въ годъ, оставилъ имѣніе чуть не разворенимъ, да зашибъ себѣ деревеньку съ домомъ и усадьбой въ 20,000 р. серебромъ. Этакъ хоть бы и не „злополучному страдальцу!“

Впрочемъ это все пустики! Вотъ скоро подойдетъ охота—и я опять зажиру пріѣзжаючи. Домъ мой оконченъ—но перейти въ него я не рѣшаюсь: нужны деньги на обзаведеніе—а для этого надо сперва придти маленько въ себя послѣ тисковъ злополучнаго старца.

Дружески цалую моего пріятеля Петю и крѣпко жму Вашу руку.

Любящій Васъ
Ив. Тургеневъ.

Баденъ-Баденъ.
Schillerstrasse, 7.

Воскресенье $\frac{11\text{-го Авг.}}{30\text{-го Іюля}}$ 1867.

Любезный Иванъ Петровичъ, я опять виноватъ передъ Вами, не скоро отвѣчалъ на Ваше интересное письмо. Я таки порядочно былъ занятъ все это время—но это не извиненіе. Вы уже вѣроятно знаете черезъ Кишинскаго, что дядя отказывается отъ Холодова, находя это имѣніе не довольно значительнымъ—и намекая на то, что по закону онъ можетъ требовать и проценты съ 15-и тысячнаго векселя: я написалъ ему письмо, въ которомъ спрашиваю его, что же ему собственно хочется—такъ какъ *денегъ* у меня въ теперешнюю минуту нѣтъ ни копѣйки. Не знаю, отвѣтитъ ли онъ мнѣ, а пока, по милости наложеннаго запрещенія (со слезою въ глазѣ одобреннаго Фетомъ)—я не могу, какъ говорится, ни..... Пожалуйста поддержите въ случаѣ нужды Кишинскаго, Малороссское терпѣніе котораго подвергается сугубымъ испытаніямъ.

Я очень радъ избранію Фета, и увѣренъ, что изъ него выдетъ отличный судья (прилагаемое письмо передайте ему—я не знаю, куда теперь ему писать—оно его нѣсколько покоробитъ—но это ничего: мы еще не такъ другъ другу кишки рвали—а дружба наша отъ этого не пострадала). Я очень такъ же радъ „фіаску“ Ржевскаго: этому противному господину всякій щелчокъ во спасеніе.

Вы въ Вашемъ уединеніи производите на меня впечатлѣніе истиннаго мудреца—изъ начала нынѣшняго столѣтія Васъ бы слѣдовало назвать: „Философъ берегомъ Зуши“. Дай Вамъ Богъ только здоровья—и пусть Вашъ Петя благополучно вырастаетъ (я непремѣнно напишу ему цидулу въ стихахъ)—и больше нечего требовать отъ жизни. Я *непремѣнно*, если только буду живъ, весною—въ концѣ Апрѣля пріѣду въ Спасское на мѣсяцъ—(это я говорю совершенно серьезно, да Вы сами легко поймете, что мое присутствіе будетъ тамъ необходимо)—и тогда часто и много буду съ Вами видѣться. Напишите мнѣ какъ подвинется наша желѣзная дорога. Изъ газетъ я вижу, что Государь проѣхалъ по ней до Тулы: ну а дальше?

Завтра мы начинаемъ здѣсь охотиться; но къ сожалѣнію—противные дожди въ Іюнѣ мѣсяцѣ потопили множество молодыхъ куропатокъ. Посмотримъ, что-то будетъ.

Дружески жму Вамъ руку и остаюсь

Любящій Васъ
Ив. Тургеневъ.

P. S. А я бы съ любопытствомъ прочелъ статью Фета; но вѣдь она нигдѣ напечатана не будетъ?

Баденъ-Баденъ.
Schillerstrasse, 7.
Воскресенie $\frac{6\text{-го Окт.}}{21\text{-го Сент.}}$ 1867.

Любезнѣйшій Иванъ Петровичъ, получилъ я Ваше большое и, какъ водится, чрезвычайно интересное письмо. Надѣюсь что Вы уже успѣли успокоиться на счетъ Пети и что извѣстія, доходящія до Васъ теперь изъ Москвы, подтверждаютъ Вашу рѣшимость разстаться съ нимъ на зиму. Этотъ первый переломъ въ дѣлѣ воспитанія труденъ, но необходимъ—и зная характеръ Пети, я убѣжденъ, что онъ вынесетъ кризисъ молодцомъ. Пришлите мнѣ его Московскій адресъ: я хочу написать ему прямо въ пансіонъ и ужъ разумѣется, стихами.

О дѣлахъ моихъ съ дядей распространяться не стоитъ. Я смотрю на все это какъ на пожаръ или на крупный проигрышъ: помочь нельзя—должно стараться загладить убытокъ. Къ изумленію адѣшняго Посланника онъ прислалъ ему кѣлую груду сѣрыхъ копій съ различныхъ своихъ прозьбъ, съ векселей и пр. Для чего онъ это сдѣлалъ—неизвѣстно: или онъ полагалъ, что въ силу этихъ бумагъ Посланникъ наложитъ запрещеніе на адѣшнее мое имущество? Замѣчательно то обстоятельство, что *первая* прозьба противъ меня, въ которой онъ жалуется, что *я ему не платчу*, была подана 12-го Окт. 1866,—то есть, когда о Кишиневомъ не было ни слуха ни духа! Сверхъ того, онъ пользуется передаточной надписью сдѣланной на *уплоченномъ моими выкупными деньгами* векселѣ Г-жѣ Слиницкой, чтобы требовать съ меня *вторичную* уплату—уже въ собственную пользу, какъ будто онъ удовлетворилъ ее своими деньгами. Это уже чистое воровство—но къ счастью у меня сохранилось его письмо, гдѣ онъ говоритъ объ этой уплатѣ изъ *выкупныхъ* денегъ, да и изъ предетавленнаго отчетъ за послѣдніе два года—обозначено тоже. А Кишиневому по прежнему не даетъ никакого отвѣта. Я велѣлъ ему сказать, что я могу найти здѣсь сумму денегъ подъ залогъ моего дома—но я долженъ *знать* по крайней мѣрѣ—до какой цифры доходитъ его претензія—такъ какъ одна капитальная сумма равняется 9700 р. сер.?—Но дядя не отвѣчаетъ.... Борисъ Годуновъ—да и все тутъ!

Охота у насъ здѣсь идетъ помаленьку: куропатки уродились плохо. До нынѣшняго дня убито немного—138 штукъ: 75 куропатокъ, 6 фазановъ, 9 перепелокъ и 48 зайцевъ. Немного—но главныя зимнія охоты еще впереди а главное—я доволенъ своею стрѣльбой: я записываю всякій разъ число выстрѣловъ. Мною ихъ сдѣлано 233—(на 138 убитыхъ штукъ)—это очень и очень хорошо. Дай Богъ всегда такъ! Песъ, по прежнему, совершенство.

Здоровье пока недурно—и подагра молчитъ. Литературная дѣятельность молчитъ тоже. Я занимаюсь сочиненіемъ оперетокъ на Французскомъ языкѣ, на которыя Г-жа Віардо пишетъ прелестнѣйшую музыку. Особенно одна изъ нихъ

подъ названіемъ „Послѣдній колдунъ"—имѣла громадный успѣхъ. (Король и Королева Прусскіе были въ числѣ зрителей и т. д.) Предетавленія происходятъ въ моемъ новомъ домѣ, въ который я пока не могу перебраться по милости благодѣтельнаго дядюшки. А исполнителями дѣти и воспитанницы Г-жи Віардо.

Сообщите мнѣ нѣсколько свѣдѣній о Вашей охотѣ и о прочемъ житьѣ-бытьѣ. Извѣстіе о построеніи желѣзной дороги меня очень радуетъ: въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ будущаго года я, если не умру, буду въ Спасскомъ и, конечно, увижу Васъ. До тѣхъ поръ будьте здоровы, крѣпко жму Вамъ руку.

Преданный Вамъ
Ив. Тургеневъ.

P. S. Фету я писалъ на дняхъ.

Баденъ-Баденъ.
Schillerstrasse, 7.
$\frac{28\text{-го Окт.}}{9\text{-го Нояб.}}$ 1867.

Богъ знаетъ какъ давно мнѣ слѣдовало написать къ Вамъ, добрѣйшій мой Иванъ Петровичъ, да помѣшала охота, которая теперь свирѣпствуетъ съ удвоенной силой. Три раза въ недѣлю я таскаюсь съ ружьемъ въ рукахъ—а остальные дни одна дышу отъ усталости ибо.... увы!.... плохъ я сталъ ногами нехуже Афанасья. Вотъ Вамъ итогъ моего нынѣшняго сезона: 5 дикихъ козъ, 92 зайца, 82 куропатки, 15 фазановъ, 10 перепелокъ, 1 вальдшнепъ, 1 дикій голубь: всего 206 штукъ. У насъ здѣсь есть молодцы, которые доказличиваютъ шестую сотню, и не потому что стрѣляютъ лучше—но охота у нихъ лучше а меня—со времени появленія „Дыма" адѣшніе магнаты изъ Россіянъ на охоту болѣе не приглашаютъ. Со всѣмъ тѣмъ я надѣюсь, если подагра не вернется, или другая какая нибудь галость не приключится, до 1-го Февраля убить еще штукъ около 200-тъ. Вы видите, что и въ этомъ отношеніи мы далеко отъ Васъ ушли.

Всѣ Ваши извѣстія крайне занимательны—и письма Ваши доставляютъ мнѣ истинное наслажденіе. Узналомъ меня пожалуйста о точномъ и неложномъ положеніи желѣзной дороги: дѣйствуетъ ли она или нѣтъ—и докуда? Каковы у насъ хлѣбныя цѣны? И какіе до Васъ доходятъ слухи о дѣятельности моего новаго управляющаго? Что касается до добродѣтельнаго старца Н. Н. то я вовсе отношенія съ нимъ, какъ совершенно безплодныя, прекратилъ, и оставляю всю эту гисторію до моего пріѣзда въ Спасское т. е: до Апрѣля. Вопросъ весь въ томъ, оставитъ ли онъ меня до тѣхъ поръ въ покоѣ?

Вы уже объ эту пору съѣзжали въ Москву и повидались съ Петей. Надѣюсь, что онъ уже привыкъ понемногу къ школьной жизни (Вы все еще не сообщили мнѣ его адреса а я хочу написать отсюда прямо на его имя); тяжело Вамъ должно быть . . . . въ этой пустотѣ, въ одиночествѣ; что дѣлать! Жизнь штука

трудная—кому это лучше знать какъ не Вамъ? Но все таки хорошо уже и то—что есть сыновъ—и умница—а что съ такими дѣтьми иногда какъ съ огнемъ—это въ порядкѣ вещей: здоровенный дуракъ не тревожилъ бы Васъ—да что въ немъ проку? Вотъ, Богъ дастъ, дотянемъ до весны—тогда еще покуримъ: я съ собой и новое ружье (сзади заряжающееся) привезу на вальдшнеповъ—и покажу Вамъ. И въ шахматы сразимся, хотя я и въ этомъ отношеніи слабъ сталъ. Литературной работы пока серьезной нѣту: есть пустяки—да надъ предисловіемъ къ будущему изданію—не столько тружусь, сколько раздумываю. Перечелъ я въ послѣднее время всего Л. Н. Толстаго: экой сильный и свѣжій талантъ—но не въ „Семейномъ счастьи", не въ педагогическихъ статьяхъ—и долженъ прибавить, за исключеніемъ нѣкоторыхъ удивительныхъ сценъ—не въ 1805-мъ годѣ! Не знаю, извѣстно ли Вамъ, что сюда ждутъ С. М. Сухотина: все семейство его уже здѣсь, живетъ съ Жемчужниковыми.

Ну, добрый мой другъ, обнимаю Васъ—и до свиданія.

Преданный Вамъ
Ив. Тургеневъ.

Баденъ-Баденъ.
Schillerstrasse, 7.
$\frac{30\text{-го}}{18\text{-го}}$ Ноября 1867.

Любезнѣйшій Иванъ Петровичъ, 30-го Октября ст. ст.—11-го Ноября нов. ст. то есть девятнадцать дней тому назадъ я, на охотѣ, становясь на назначенное мнѣ мѣсто, какъ-то неловко оступился—такъ что въ лѣвомъ колѣнѣ у меня что-то хрустнуло—и я чувствовалъ боль въ теченіи полу-часа; но потомъ справился и даже два раза еще охотился—только замѣчалъ что у меня иногда въ колѣнѣ что-то какъ-бы щелкало; а $\frac{17\text{-го}}{5\text{-го}}$ Ноября—шесть дней спустя у меня вдругъ это колѣнко распухло и уже ходить было невозможно. Съ тѣхъ поръ я засѣлъ и съ мѣста не двигаюсь—и Богъ знаетъ, сколько это еще продолжится—а погода чудесная и охота въ полномъ разгарѣ! Нечего Вамъ говорить, какое уныніе на меня нашло! Странное дѣло: я имѣлъ постоянное предчувствіе, что со мною случится какая-нибудь гадость—и на этотъ разъ оно оправдалось.... До сихъ поръ мои предчувствія не сбывались никогда. Приходится смириться и терпѣть! Быть можетъ и за работу примусь. Въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ я долженъ вручить книгопродавцу Салаеву въ Москвѣ—рукопись моихъ „Литературныхъ Воспоминаній" въ теченіи 25 лѣтъ сочинительской дѣятельности. Эти „Воспоминанія" будутъ служить предисловіемъ къ новому изданію. Кстати я распорядился о высылкѣ Вамъ „Дыма", въ который я еще ввернулъ кое-что, непропущенное цензурой Каткова.

Экое однако Вы имѣли „путешествіе"—изъ Серпухова до Тулы и далѣе. Велика и чудесна наша Русь православная! События, разъ за разомъ обрушившіяся на бѣднаго Л. Н. Толстаго—тоже хороши въ своемъ родѣ: надѣюсь, что онъ совершенно поправился теперь.

Милому Вашему Петѣ я сегодня же пишу—и разумѣется изъ стихахъ; какъ-то онъ мнѣ отвѣтитъ! Невесело должно быть Вамъ изъ Вашемъ одинокомъ, хотя тепломъ и уютномъ домикѣ! Что дѣлать.... надо терпѣніемъ запастись. Вы же этимъ добромъ богаты. Мысль, что разлука Ваша съ Петей необходима для него же—должна поддержать Васъ.

Что дѣлаетъ добродѣтельный, но строгій мужъ Аф. Аф. Фетъ? Не прибылъ ли онъ во Мценскъ по служебнымъ обязанностямъ? Хотѣлъ онъ мнѣ выслать какую-то свою педагогическую статью, но вѣроятно разсердившись на меня за мои отзывы объ его послѣднихъ стихотвореніяхъ—раздумалъ. Напрасно. Стиховъ я ему болѣе не совѣтую писать—но въ статьяхъ его, даже тамъ гдѣ онъ (между нами будь сказано) чушь городитъ, попадаются всегда прелестныя вещи. Поклонитесь ему отъ меня дружески.

Будьте такъ добры, *наблюдайте однимъ глазкомъ*, что происходитъ въ Спасскомъ. До сихъ поръ я дѣятельностью Кишинскаго очень доволенъ, но все лучше если существуетъ хотя маленькій нравственный контроль. Дѣло съ дядей не покончится раньше моего пріѣзда—т: е: въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ: придется ему заплатить знатный кушъ.

До свиданія, милый И. П., а до тѣхъ поръ дружески Васъ обнимаю.

Преданный Вамъ Ив. Тургеневъ.

Баденъ-Баденъ.
Schillerstrasse, 7.
Пятница, $\frac{1\text{-го}}{13\text{-го}}$ Дек. 1867.

Милый Иванъ Петровичъ, получилъ я вчера Ваше большое письмо—и отвѣчаю сегодня: какомъ я молодецъ! Отчасти причиной этой аккуратности (правда дороже всего)—мое колѣно, которое все еще болитъ и заставляетъ меня сидѣть дома самымъ глупымъ манеромъ—и слѣдовательно времени оказывается вдоволь, такъ какъ работа почему-то не клеится. Ну а теперь буду отвѣчать по порядку.

Ружье я Вамъ сегодня же заказываю у здѣшняго отличнѣйшаго и дешеваго оружейника Нагеля—я самъ охочусь (и Віардо и другіе всѣ охотники) съ его ружьемъ. Оно будетъ и легко и прочно и не превыситъ 100 р. сереб. Калиберъ будетъ по обыкновенію № 16—и я Вамъ привезу такъ же штукъ двѣсти пустыхъ патроновъ, которые весьма просто и легко набиваются. Вы увидите, что послѣ такихъ ружей, со старыми охотиться просто невозможно.

Спасибо за извѣстія изъ деревни. Слухи о „двадцатилѣтней" кабалѣ несомнѣнно идутъ изъ Катуницы; на самомъ дѣлѣ контрактъ заключенъ на 10 лѣтъ, *но съ тѣмъ условіемъ, что каждый имѣетъ право отказать другому, предваривъ только три мѣсяца напередъ.* Кабала, какъ видите, сносная. До сихъ поръ я доволенъ Кишинскимъ—и если писалъ Вамъ о собираніи нѣкоторыхъ справокъ—то это полагалось мною въ самомъ общемъ смыслѣ.

Кстати, пришлите немедленно вырѣзанную изъ почтовой бумаги и склеенную модель ружья такъ: *)

Такъ чтобы ложа была устроена для Васъ прикладисто. Вы можете сложить ее и отправить въ почтовомъ конвертѣ—въ письмѣ.

Посмотрѣть бы я на Фета съ мировой цѣпью на шеѣ! Отчего же Вы не прислали его стиховъ на 3.? Я Вамъ могу слово дать, что все останется въ тайнѣ.

Семейство Сухотина здѣсь—и молодой Сухотинъ тутъ. Онъ кажется добрый мальчикъ—но болѣзненный и слабый.

Мы получаемъ здѣсь Московскія Вѣдомости и читаемъ очень прилежно; о Московско-Тульской дорогѣ уже вычиталъ тамъ статейку. Хотъ не до Мценска, а до Тулы доѣдемъ спокойно въ будущемъ году—и то слава Богу! А „Русскій Архивъ" я и здѣсь научаю вслухъ и совершенно понимаю Ваше пристрастіе къ этому изданію.

Милому Петѣ я уже вчера отправилъ реимованное посланіе: какъ-то онъ отвѣтитъ?

Дружески жму Вамъ руку и остаюсь

Любящій Васъ
Ив. Тургеневъ.

Баденъ-Баденъ.
Schillerstrasse, 7.
$\frac{3\text{-го}}{15\text{-го}}$ Февраля 1868.
Суббота.

Сію минуту получилъ я Вашу телеграмму, любезнѣйшій Иванъ Петровичъ, отправленную изъ Москвы—и Вы можете легко себѣ представить, какъ подѣйствовало на меня это извѣстіе. И такъ всѣ мои жертвы были напрасны, напрасно продалъ я здѣсь свое гнѣздышко: дядюшка мой, который въ двадцати письмахъ у меня находящихся умолялъ меня „не лишить его семейство хлѣба" и т. д.—положительно бьетъ на то, чтобы разорить меня! Вы спрашиваете меня, что сдѣлать съ векселемъ Ротшильда? Разумѣется, на первое время сохранить его у Кишинскаго; но вѣдь вотъ какой возникаетъ вопросъ: векселя предетавлены

*) Здѣсь нарисовано ружье.

ко взысканію—и если не будетъ по нимъ уплаты, имѣніе можетъ быть продано; во всякомъ случаѣ при существующемъ запрещеніи ни Кишинскому, ни мнѣ повернуться нельзя. Вамъ, я полагаю, извѣстно, что изъ трехъ векселей—одинъ признанъ спорнымъ: предоставляю совершенно на Ваше благоусмотрѣніе—рѣшиться ли намъ выкупить два векселя—а потомъ тягаться на счетъ третьяго—или.... но что: или? Возможно ли начать процессъ, въ которомъ было бы заявлено о безденежьи выданныхъ мною документовъ, и не будетъ ли самое мое предложеніе уплатить Ник-ю Ник-у деньги приведено имъ въ доказательство своего права? Заявить безденежность векселей, протестовать, надо было тотъ-часъ—а такъ какъ я, по глупому добродушію, этого не сдѣлалъ—то и оказывается, что я связанъ по рукамъ и ногамъ—и дядюшка это видитъ и пользуется. Писать къ нему было бы совсѣмъ безполезно: явно, что у этого человѣка сочтетъ деревенѣла. И потому мнѣ остается предоставить Вамъ, сообща съ Кишинскимъ, рѣшить, что надо предпринять? А мнѣ отсюда ничего рѣшать невозможно—и я только заранѣе изъявляю мое согласіе на все, что Вы сдѣлаете. Я пишу къ нему въ точно такомъ же смыслѣ. Поручаю это дѣло безапелляціонно въ Ваши руки и только прошу у Васъ прощенія за причиненныя Вамъ хлопоты и безпокойства.

Переговорите съ Кишинскимъ и поступите какъ Вамъ покажется лучше.

Крѣпко и дружески жму Вашу руку и остаюсь навсегда

Душевно Вамъ преданный
Ив. Тургеневъ.

P. S. Даю Вамъ такъ же уполномочіе (напѣшаю объ этомъ и Кишинскаго) поторговаться съ Ник. Ник.—прибавить ему еще 1500—что выдетъ 18,000 р. сер. за его три векселя. Желательно было бы знать, какія онъ требованія выставилъ? Но я вижу что придется выкупить хотъ два первые векселя: не посылать же обратно Ротшильдовскій векселъ, который и такъ мнѣ дорого стоилъ.

P. S. Кишинскій покажетъ Вамъ письмо, которое я ему пишу, а такъ же и письма Ник-я Ник-а, которыя высылаются мною на всякій случай. Когда письма Н. Н. будутъ Вамъ представлены Кишинскимъ, Вы усмотрите изъ нихъ, что ни въ одномъ, кромѣ воздыханій, слезъ и отчаянныхъ взываній, а такъ же и оскорбительныхъ выраженій—не находится, даже въ самый моментъ выѣзда изъ Спасскаго—ни малѣйшаго намека на векселя, мною ему данные; очевидно, что еслибы онъ сознавалъ, что я ему долженъ, онъ бы настаивалъ на этомъ. Я полагаю, что если дѣло дойдетъ до процесса, то это обстоятельство можетъ служить мнѣ въ пользу. Я могу передъ судомъ заявить, что плачу ему болѣе того, что обѣщалъ совершенно по доброй и собственной волѣ. Но Ник. Ник., потерявши стыдъ и совѣсть, вѣроятно не побоится никакой огласки.

Еще разъ повторяю: какъ Вы рѣшите, такъ тому и быть.

Два часа спустя.

Распечатываю мое письмо, чтобы сообщить Вамъ слѣдующее. Для сокращенія переписки и т. д. я рѣшился немедленно вытребовать отъ Ротшильда и выслать ***секунду*** векселя въ 13,000 р. на Ваше имя, такъ чтобы Вы могли получить эти деньги отъ Гленбаха и въ случаѣ нужды выкупить хотя первые два векселя, уничтоживъ первый вексель. Но меня поражаетъ мысль: гдѣ Вы находитесь? Телеграмма прислана изъ Москвы. И какъ я могу вмѣлить на Васъ обузу съѣздить въ Москву и т. д. Не лучше ли мнѣ послать секунду брату Николаю Сергѣевичу а онъ уже доставитъ Вамъ эти деньги? И совершенно уподобляюсь лодкѣ обуреваемой морскими волнами.... Какъ бы то ни было, но я либо Вамъ вышлю—либо извѣщу Васъ послѣ завтра—раньше я отъ Ротшильда секунду получить не могу. Въ случаѣ процесса, я въ состояніи буду заявить, что не отказываюсь платить по безденежному векселю—но противъ процентовъ протестую.

P. S. Я однако рѣшился написать дядѣ; копію съ моего письма я препровожу Вамъ.

Баденъ-Баденъ.
Schillerstrasse, 7.

Понедѣльникъ $\frac{24}{12}$-го Февр.

Добрѣйшій Иванъ Петровичъ, я получилъ почти въ одинъ день Ваши два письма изъ Москвы и изъ Мценска съ описаніемъ нашего кораблекрушенія. Я Вамъ тотъ-часъ послалъ телеграмму, въ слѣдствіе которой я надѣюсь Вы получили отъ брата 13000 р. серебр. и привезли ихъ въ Спасское. Теперь Вамъ придется вмѣстѣ съ Кишинскимъ—приступить къ торгамъ: за сколько Г-нъ Н. Н. Тургеневъ согласится уступить свои ***два*** или ***три*** векселя. Вы мнѣ скажете (и это очень вѣроятно) что онъ непремѣнно намѣренъ слупить съ меня все возможное и что о ***торговлѣ*** тутъ не можетъ быть и рѣчи; однако Вы сами пишете, что онъ хотѣлъ уже уступить первые два векселя за 16,500 р. вм: 18,000. Съ лихой собаки хоть шерсти клокъ! Вопросъ въ томъ, что сдѣлать, еслибы онъ согласился напр: за 3 векселя взять 19,000 или 20,000—такъ какъ у васъ на лицо всего 16,500? Дѣло затруднительное, но тогда быть можетъ какой нибудь Мценскій капиталистъ-купецъ что ли захочетъ мнѣ дать 2, 3 тысячи руб. въ займы въ счетъ будущихъ благъ, хотъ за большіе проценты.... Всякому ростовщику я охотнѣе дамся въ руки чѣмъ моему почтенному родственнику. Нельзя ли подѣйствовать на Ник. Ник-а хоть съ той точки зрѣнія, что приведя меня въ отчаяніе—онъ меня заставитъ разсказать всему свѣту эту постыдную исторію, которая не можетъ однако не упасть позоромъ на тѣ „сѣдины", на которыя онъ такъ

слезно указывалъ? Я послалъ Кишинскому его корреспонденцію со мною, изъ которой явствуетъ, что онъ не держалъ мнѣ въ глаза говорить о томъ, что я ему долженъ! Изъ любопытства пробѣгите эти документики; они могутъ составить отличный матеріалъ для лица „степнаго Тартюфа", который такъ или иначе—а ужъ угодитъ въ одну изъ моихъ пов'Ѣстей.

Но возвращаюсь къ моей прежней пѣснѣ: поступайте, прошу Васъ, какъ заблагоразсудится, безапелляціонно и окончательно; я заранѣе даю свое полное согласіе.

А теперь еще разъ Васъ обнимаю и говорю—до свиданія!

Вашъ
Ив. Тургеневъ.

Баденъ-Баденъ.
Schillerstrasse, 7.

Вторникъ $\frac{10\text{-е Марта}}{27\text{-е Февр.}}$ 1868.

Добрый другъ мой Иванъ Петровичъ, вчера получилъ я отъ брата моего Николая Сергѣевича телеграмму съ извѣщеніемъ что всѣ три векселя выкуплены за 20,000 р. сер. Гора свалилась у меня съ плечъ! Правда Ник. Ник. вналъ кушъ порядочный—но вѣдь онъ могъ содрать съ меня всѣ 26 т. и этими спасенными шестью тысячами я конечно обязанъ Вамъ, за что и приношу Вамъ самое искреннее спасибо. Одна Ваша дружба ко мнѣ могла заставить Васъ возиться съ такими дрянными дрязгами—и этого я не забуду. Крѣпко, крѣпко жму Вамъ руку—и ожидаю, но уже болѣе съ литературной точки зрѣнія описаніе подробностей сдѣлки. И воображаю—Ник. Ник. чуть не задыхался отъ сознанія своего великодушія!

Я все еще нахожусь въ Баденѣ по милости болѣзни Віардо, которая только теперь начинаетъ терять свой опасный характеръ—мнѣ не хотѣлось уѣхать въ Парижъ до его выздоровленія и оставить все его семейство въ тревогѣ. Теперь я полагаю скоро съѣздить на свиданіе съ моей дочерью.

Я съ великимъ наслажденіемъ прочелъ романъ Толстаго—хотя многимъ не совѣмъ остался доволенъ. Вся бытовая сторона (и военная) удивительна: есть тутъ вещи, которыя не умрутъ, пока будетъ существовать Русская рѣчь. Но вся историческая сторона—извините за выраженіе—кукольная комедія. Не говоря уже о томъ что настоящаго воспроизведенія эпохи и помину нѣтъ; что мы узнаемъ объ Александрѣ, Сперанскомъ и пр. какъ только самыя мелочи, капризно выбранныя авторомъ и возведенныя въ характерныя черты? Это своего рода шарлатанство: публика, которой съ такимъ эффектомъ подносятся эти „острые носки Александровскихъ сапоговъ" и т. п., невольно должна подумать, что автору самыя

личности должны быть у! какъ хорошо извѣстны—коли онъ даже мелочи такія знаетъ.... а автору вѣроятно только эти мелочи и знакомы. Прочтите очень умную (хотя, по обыкновенью, нѣсколько темноватую) статью Анненкова по поводу романа Толстаго въ Вѣстникѣ Европы. И настоящаго развитія характеровъ нѣтъ—всѣ они подвигаются впередъ прыжками—а за то есть бездна этой старой психологической возни, („что мозгъ и думаю? что обо мнѣ думаютъ? люблю ли я или терпѣть не могу? и т. д.")—которая составляетъ положительно мономанію Толстаго. Но со всѣмъ тѣмъ—въ этомъ романѣ столько красоты первоклассныхъ, такая жизненность и правда и свѣжесть—что нельзя не сознаться что съ появленія „Войны и міра"—Толстой сталъ на первое мѣсто между всѣми нашими современными писателями. Съ нетерпѣньемъ ожидаю четвертаго тома.

Засимъ еще разъ горячо благодарю и обнимаю Васъ и до свиданія черезъ два мѣсяца съ небольшимъ.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

P. S. Фету отъ меня поклонитесь; а въ успѣхѣ его чтенія сомнѣваюсь.

Баденъ-Баденъ.
Schillerstrasse, 7.
$\frac{18}{6}$-го Марта 1868.

Сей часъ получилъ отъ Васъ письмо, (отъ 25-го Февр.) любезный другъ Иванъ Петровичъ—и обнимаю и благодарю Васъ. Экую я ношу навалилъ на Васъ—и какимъ нравственнымъ мученіямъ, какой душевной истомѣ подвергъ Васъ! Повѣрьте мнѣ, что этой услуги я никогда не забуду. Ну! наконецъ раздѣлался я съ этимъ назойливымъ, фальшивымъ и дряннымъ патріархомъ-ростовщикомъ! Дорогонько мнѣ это стало—но я утѣшаюсь мыслью, что я могъ бы заплатить еще дороже, не будь Вашего дружескаго вмѣшательства и Вашей помощи! Воображаю себѣ всю сцену! За то есть черты превосходныя: блюдечко съ водой для счету ассигнацій и боязнь рака на губѣ—это перлы въ своемъ родѣ! Выходитъ что я не совсѣмъ въ накладѣ: я изъ моей передряги съ Ник. Ник. извлекъ ту выгоду, что имѣлъ случай изучить типъ степнаго, сѣдовласаго Тартюфа, которымъ, быть можетъ, подѣлюсь съ читателями, для ихъ потѣхи и назиданія. Кстати, я твердо убѣжденъ, что представленная имъ *копія* съ моего послѣдняго письма была подложная: оно такъ было рѣзко написано, что сообщать его безъ нужды другому никто бы не сталъ.

Вообразите Вы себѣ: на этомъ мѣстѣ моего письма почталіонъ принесъ мнѣ письмо отъ моего дяденьки—посланное 27-го Февр. т. е. *два дня* спустя полученія имъ денегъ... и представьте мое изумленіе: не только объ этомъ не имѣется

никакого упоминовенія—чего, кажется, требовало бы самое простое чувство долга—но все письмо исполнено ругательствами, клеветами, ложью самой наглой—наконецъ вызываньемъ тѣни моей матери, которая должна чуть не проклясть меня за то, что я *„пустилъ по міру, разорилъ и умертвилъ"* безвиннаго старца, всегда непоколебимаго въ чувствахъ чести и любви!! Тутъ же Кишинскій обозвалъ *мытьемъ*, и предсказывается мнѣ скорое разворенье отъ этого злодѣя, который „отовсюду тащитъ деньги!!!" (Какъ будто эти деньги не для его Ник. Николаевичей утробы были назначены!!) И это все писано тою рукою, которая еще не успѣла *отдохнуть* и *высохнуть* отъ переплетыванія ассигнацій!!! Вотъ, батюшка, гдѣ долженъ умъ за разумъ зайти! Если Ник. Ник. не рехнулся, то что же это за непроходимый—ужъ я и слова не приберу!

Что касается до его *не* финансовыхъ угрозъ—то Вы можете быть спокойны: это не имѣетъ никакого смысла и пущено было въ ходъ для ради надбавки!

Хотѣлось бы все это выплюнуть изо рту, какъ тухлое лекарство.

Ну—а Васъ еще разъ благодарю искренно и крѣпко жму Вамъ руку. Извѣщу Васъ тотъ-часъ по полученіи векселей.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

Баденъ-Баденъ.
Thiergartenstrasse, 3.
$\frac{20\text{-го}}{8\text{-го}}$ Апрѣля 1868.

Третьяго дня переѣхалъ я наконецъ изъ моей (бывшій) домъ—любезный и дорогой Иванъ Петровичъ! Никогда я не былъ еще обстановленъ такимъ комфортомъ.... такъ что даже совѣстно немножко и неловко, точно я молодая дама, только что получившая свое приданое. Впрочемъ къ этому легко привыкнуть. Три отличныя комнаты ждутъ пріятелей.... Нечего и говорить, что ни одинъ изъ нихъ не получилъ бы болѣе сердечнаго пріема, чѣмъ Вы.... Но гдѣ Васъ дождаться! И потому—такъ какъ гора не отправляется къ Магомету—то Магометъ отправится къ горѣ—а именно: я вытаскаю отсюда непремѣнно черезъ мѣсяцъ—и на крыльяхъ.... на какихъ?—ну просто на крыльяхъ—лечу въ Спасское—и „немедленно" въ Новоселки. Очень очень мнѣ хочется повидать Васъ и потолковать съ Вами—кстати же мое гнусное дѣло съ „старцемъ" прекратилось—и мнѣ не будетъ уже никакой нужды улицезрѣть его. Надо, надо повихать роднаго воздуха, чѣмъ бы онъ ни отзывался. Примемъ Вамъ ружье и патроны новаго фасону—и хоть по перепелямъ постукаемъ.

Четвертый томъ Толстаго получилъ, но не успѣлъ еще прочесть: по отзывамъ журналовъ боюсь, что онъ вдался въ философію—и какъ это тогда съ нимъ водится, закусилъ удила и понесъ бить и лягать зря.

У насъ все уже давно зелено и цвѣтетъ по настоящей весны все еще нѣтъ. Прелести пока еще нѣтъ—и желанія разстегнуть жилетъ и потянуться на теплomъ воздухѣ....

Фету пишу, по его желанію, на Алисовскую станцію. Экій однако хитрый кавалеристъ—и какъ онъ ловко распорядился съ своимъ чтеньемъ!

Въ Москвѣ придется пробыть нѣсколько времени—и я непремѣнно навѣщу друга Петю, такъ какъ вакаціонное время, я полагаю, начинается гораздо позже.

Въ газетахъ что-то замолкло о голодѣ; скажите мнѣ правдивое слово—какъ у насъ въ дѣйствительности!

Дружески обнимаю Васъ и остаюсь

Душевно Васъ любящій

Ив. Тургеневъ.

P. S. Здѣсь толкуютъ опять о войнѣ; но это вздоръ: войны въ нынѣшнемъ году не будетъ.

Баденъ-Баденъ.

Thiergartenstrasse, 3.

$\frac{7\text{-го}}{19\text{-го}}$ Мая 1868.

Дорогой Иванъ Петровичъ, хлопочу у меня полонъ ротъ—ставлю у себя въ домѣ *третью* оперетку, (текстъ мой, музыка—прелестная! Г-жи Віардо)—въ двухъ актахъ—я играю роль людоѣда, каждый день репетиціи—дымъ коромысломъ! Тотъ-часъ послѣ представленія ѣду въ Россію—въ Москву раньше 1-го Іюня пріѣхать не могу—но и не позже—отлично было бы ослинъ Вы къ тому времени тоже пріѣхали въ Москву—пожили бы вмѣстѣ и вмѣстѣ бы отправились въ деревню. Въ Москвѣ я, по обыкновенію, остановлюсь на Пречистенскомъ бульварѣ, въ домѣ Углѣльной Конторы у Ивана Ивановича Маслова—непремѣнно напишите мнѣ, тотъ-часъ по полученіи этого письма—по этому адресу—какое Ваше окончательное намѣреніе и когда Вы думаете пріѣхать въ Москву.

Какъ я буду радъ Васъ увидать! Объ этомъ и распространяться нечего. Везу Вамъ славное ружье новаго устройства—съ заряжаньемъ сзади.

Ну теперь до скораго свиданья. Крѣпко Васъ обнимаю—Фету такъ же мой дружескій передайте поклонъ.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

Баденъ-Баденъ.

Thiergartenstrasse, 3.

Понедѣльникъ, $\frac{28\text{-го}}{16\text{-го}}$ Іюля 68.

Притащился я наконецъ въ свое гитадлыково, добрѣйшій Иванъ Петровичъ, но это была сначка съ препятствіями! Кишинскій Вамъ вѣроятно уже сказалъ, что меня снова навѣстила подагра въ Москвѣ наканунѣ отъѣзда! Можете Вы себѣ представить, какъ это было мнѣ пріятно! 10 дней я провалялся.... Ну вообразите теперь что бы было, еслибъ это случилось со мной въ Степановкѣ? Оставалось бы одно: разинувъ ротъ и зажмурясь, кричать: а-а, а-а, а-а.... да такъ и помереть. Разумѣется, припадокъ подагры возобновился въ самый день моего прибытія сюда, и вотъ я третій день какъ въ постелѣ. Но теперь мнѣ горя мало! Теперь я дома.... Разнѣ вотъ что будетъ скверно: помѣшаетъ охотиться. А дичи въ нынѣшнемъ году множество изумительное—и вообще нынѣшній годъ въ Баденѣ отличается безпримѣрнымъ изобиліемъ всѣхъ плодовъ земныхъ—и вино будетъ первый сортъ (что мнѣ, какъ подагрику—*должно бы* быть все равно). Да, доложу Вамъ, Иванъ Петровичъ, есть разница, есть между тамошнимъ и здѣшнимъ краемъ. Подъѣзжая къ Петербургу и выѣзжая изъ онаго, я право думалъ, что попалъ въ сраженіе: дымъ наполняетъ весь воздухъ—все горитъ кругомъ—все! Вы должны непремѣнно кончить тѣмъ—и пріѣхать къ намъ въ Баденъ. То-то мы будемъ на рукахъ носить Васъ! Здѣсь я, слава Богу, заставъ все и всѣхъ въ порядкѣ.

Передайте прилагаемый листикъ другу Петѣ. Да кстати о немъ и объ его воспитаніи. Нѣмецъ Вашъ дѣйствительно мнѣ самому мало понравился—онъ только ѣстъ за 6-хъ—и Вы хорошо сдѣлали, что услали его.... но не ломайте системы. Оставьте Петю въ нѣмецкой школѣ! Я долженъ сказать, что онъ произвелъ на меня самое хорошее впечатлѣніе—ничего въ немъ не испорчено, хорошее пустило ростки—чего еще? Отъ добра добра не ищутъ—а эти перемѣны, эти толчки и ухабы въ первомъ возрастѣ очень вредны.

Поклонитесь отъ меня *мировой судьи* (въ женскомъ родѣ) Фету—и скажите ему, что хотя я ему не отдалъ визита въ Степановкѣ—но ожидаю, что онъ мнѣ отдастъ его здѣсь.

А за симъ будьте здоровы, не имѣйте подагры, и вспоминая меня, не оставляйте меня своими милыми цидульками.

Искренно Васъ любящій

Ив. Тургеневъ.

Карлсруэ.

$\frac{28\text{-го}}{16\text{-го}}$ Ноября 1868.

Повѣрите ли, добрѣйшій Иванъ Петровичъ, что когда я получилъ здѣсь Ваше послѣднее письмо, такъ даже ужаснулся и покраснѣлъ—до того оно напоминаетъ мнѣ, въ какомъ я долгу передъ Вами! Правда—у меня, на этотъ разъ—есть нѣкоторое оправданіе: сперва я не зналъ Вашего Московскаго адресса, а потомъ я ѣздилъ въ Парижъ, гдѣ провелъ дней десять; возвратившись оттуда, мнѣ пришлось переселяться въ Карлсруэ на зиму—отыскивать квартиру—которая до сихъ поръ не найдена и т. д. и т. д. Но все таки я виноватъ и несу мою повинную голову подъ Вашъ великодушный мечъ! Поселяюсь же я въ Карлсруэ потому, что Віардо сюда переѣхали для воспитанія своихъ дѣтей—а мнѣ безъ нихъ было бы въ Баденѣ просто жутко. И такъ, впередь пишите мнѣ въ Карлсруэ—пока poste restante.

Въ Москву я не собирался въ Февралѣ пріѣхать—а собирался и собираюсь въ Петербургъ. Но будучи на такомъ близкомъ разстояніи къ Вамъ—какъ не увидаться? Либо Магометъ къ горѣ—либо гора къ Магомету поѣдетъ.

Послѣднюю мою повѣсть я отправилъ къ П. В. Анненкову и уже получилъ отъ него одобрительный отзывъ. Посмотримъ, что скажетъ публика. Не знаю, съ какой стати распространился слухъ, будто я въ этой повѣсти нападаю на Славянофиловъ; ничего подобнаго въ ней нѣтъ. Это—просто передача трагической судьбы одной дѣвушки, которая промелькнула мимо меня во время моей молодости. Но кстати о Славянофилахъ: какъ Вы вѣрно характеризовали манеру И. С. Аксакова; я невольно разсмѣялся—именно скрипитъ перо!

Душевно радуюсь успѣхамъ Пети и предвѣщаю ему блестящую будущность—но не поэтическую. У него слишкомъ ясный и тонкій умъ. Кто знаетъ, ко времени когда онъ возмужаетъ, у насъ явится потребность въ политическихъ дѣятеляхъ! Поцѣлуйте его отъ моего имени.

В. П. Боткинъ, дѣйствительно, очень плохъ въ Римѣ; но не совѣтовалъ бы я Фетамъ пускаться въ такую дальнюю дорогу: заигѣшанія онъ уже болѣе не перенишетъ.

Фіаско Кишинскаго на счетъ продажи сочиненій Успенскаго—есть фактъ бьющій меня по карману; и въ то же время этотъ фактъ знаменателенъ, какъ указатель, куда повернуло общественное мнѣніе. Россія дѣйствительно—не та, что была десять лѣтъ тому назадъ; и на нашемъ вѣку такого крутаго перелома еще не было. Быстрота, съ которой вылетаютъ на поверхность громадныя, чуть не въ годъ составленныя богатства—изумительна: я знаю дурачковъ—да круглыхъ—которые по милости кстати выпрошенныхъ концессій—вдругъ нажили милліоны! А тутъ совѣсть тебя разбираетъ брать за печатный листъ, надъ которымъ корпѣлъ мѣсяцы—400 р. сер. Худая нажива литература!

Вы мнѣ ничего не пишете о 5-мъ томѣ „Войны и Мира“—неужели онъ еще не вышелъ? И что дѣлаетъ авторъ?

Я получилъ длинное, весьма нескладное, обвинительное письмо противъ Кишинскаго, въ которомъ меня стараются уѣрить, что онъ крадетъ у меня тысячи—и т. д. Я ему послалъ копію, не выдавъ только подписаннаго имени. Я убѣжденъ, что это клевета—однако, если, будучи на мѣстѣ, Вы бы захотѣли принюхнуть Вашимъ чуткимъ ухомъ, Вы бы навѣрное узнали правду. Скажите мнѣ ее тогда.

Карлсруэ—совершенный монастырь. Тишина такая на улицахъ, что даже почтительное чувство наѣвается. Надо будетъ работать—а работы предстоитъ пропасть въ эти три мѣсяца. Кстати, будьте такъ добры—сходите къ Салаеву и скажите ему, что портретъ заказанъ у перваго парижскаго гравера, Э. Гедуина (E. Hédouin)—и что „Воспоминанія“ приводятся къ окончанію. Выпустилъ ли онъ въ свѣтъ первые томы новаго изданія?

Крѣпко Васъ обнимаю. Будьте здоровы.

Вашъ Ив. Тургеневъ.

P. S. Прилагаю Вамъ фотографическую карточку, весьма по обыкновенію мрачную.

Карлсруэ.
Hotel prinz Max.

Воскресенье $\frac{24\text{-го}}{12\text{-го}}$ Янв. 69.

Любезнѣйшій другъ Иванъ Петровичъ—медлилъ я, медлилъ—и вотъ теперь приходится мнѣ писать къ Вамъ во Мценскъ, такъ какъ по Вашимъ словамъ—послѣ 10-го числа Васъ уже въ Москвѣ не будетъ. Я знаю, Вы вѣроятно промедлите нѣсколько дней—съ Петей Вамъ нелегко будетъ разстаться—однако все таки вѣрнѣе адрессовать письмо во Мценскъ. Пріятно мнѣ было узнать, что нынѣшней зимой недуги Вани Васъ терзали менѣе обыкновеннаго: но морозы, морозы! Смотрите—не простудитесь! Коли у насъ здѣсь вотъ уже съ недѣлю стоятъ утренники въ 15 градусовъ ниже 0—что же тамъ, на благословенныхъ берегахъ Оки и Зуши!

Въ Январской книжкѣ „Русскаго Вѣстника“ прочтете Вы мою повѣсть: не знаю, какъ она понравится—работа надъ „Воспоминаніями“ идетъ медленно; полагаю, что съ окончаніемъ охоты, которое предстоитъ 1-го Февр.—дѣло пойдетъ живѣе. Я былъ на одной Великогерцогской кабаньей охотѣ и убилъ одного кабана—а стрѣлялъ по шести: ужасно жизучи бестіи—увидетъ послѣ выстрѣла—смотришь: поднялся. Вы на Кавказѣ имѣли ли случай по нимъ стрѣлять? Зайцевъ убито мною очень много; другой дичи тоже порядочно. Песъ у меня все тотъ же знаменитый Пегачъ: жаль—онъ окривѣлъ на одинъ глазъ.

Въ 1-мъ №-ѣ „Вѣстника Европы" прочелъ я начало новаго романа Гончарова—и остался имъ весьма недоволенъ: многословіе невыносимое, старческое—и ужасно много условной рутины, резонерства, реторики. Должно признаться, что послѣ *правды* Л. Н. Толстаго—вся эта стареньская, чиновничья литература очень отдаетъ фальшиво, да какой-то кислой непріятной фальшью. Только хороши сцены въ деревнѣ да въ уѣздномъ городѣ—а противнѣе Г-жи Бѣловодовой я ничего не знаю. Какой-то начальникъ отдѣленія несокладныхъ сборовъ въ юбкѣ. А можетъ быть Вамъ это все покажется изъ инова сѣчетъ—даже понравится. Пожалуйста не церемоньтесь высказать свое мнѣніе, которое всегда исполнено здраваго живаго смысла.

Въ „Архивѣ" я непремѣнно пошлю статейку—и непремѣнно даромъ—вѣроятно о Плетневѣ. Но когда? вотъ вопросъ, еще мнѣ самому неясный.

Радуетъ меня такъ же то, что Вы пишете о Петѣ; и въ чемъ я никогда не сомнѣвался. Здоровье его беречь надо—и особенно лѣтомъ, на вакаціи, надо чтобы онъ купался, ѣлъ ягоды, бѣгалъ, и ни одной книжки въ руки не бралъ.

Я самъ полягаю, что за Кишинскимъ никакихъ *злостныхъ* блохъ не водится; въ его искусствѣ я менѣе увѣренъ; но ужъ надо испробовать до конца.

Прилагаю письмо для доставленія Фету. А съ геморроемъ онъ бы не шутилъ, недѣлекъ на шесть бы въ Карлсбадъ или въ Эмсъ. Въ нѣмечинѣ этой болѣсти не знаютъ вовсе.

До свиданія весною, милый И. П. а до тѣхъ поръ крѣпко на крѣпко жму Вамъ руку. Петю за меня хотя письменно поцалуйте.

Любящій Васъ
Ив. Тургеневъ.

Карлсруэ.
Hotel prinz Max.
Середа, $\frac{24}{12}$-го Февр. 69.

И такъ Вы вернулись въ деревню, любезнѣйшій мой Иванъ Петровичъ,—и чай, сидите теперь окруженные со всѣхъ сторонъ заборами, разлившимися рѣками, „выгравшими оврагами" и т. д. Но по крайней мѣрѣ желѣзная дорога существуетъ и Петю Вы оставили здоровымъ въ Москвѣ—ужъ это большой камень съ сердца долой. У насъ здѣсь совсѣмъ зимы не было—и вѣроятно такъ и не будетъ; я на дняхъ ѣздилъ въ Баденъ: на всѣхъ деревьяхъ почки распустились—а на иныхъ уже зеленые листья—и не въ копейку—а въ рубль серебромъ—въ тотъ рубль, который теперь стылъ невидимкой у насъ въ Россіи—развѣ вотъ въ Моршанскѣ, у скопцовъ онъ отыщется. Съ 1-го Февр. по здѣшнему стилю

прекратились мои охотничскія похожденія; я въ тотъ день для завершенія „блезира" убилъ 13 зайцевъ и 2-хъ куропатокъ. Повѣсивъ ружье на гвоздь, я принялся работать—(надо было вернуть потерянное время—Салаевъ уже начиналъ приходить въ отчаяніе); третьяго дня отправилъ къ Анненкову большой отрывокъ изъ своихъ Воспоминаній (о Бѣлинскомъ); онъ появятся въ Мартовской книжкѣ Вѣстника Европы) а теперь засѣлъ надъ вторымъ, предметомъ котораго будутъ Аксаковъ и Славянофилы. Повѣсть моя уже напечатана въ 1-мъ №-ѣ Русскаго Вѣстника. Очень она уже вышла мрачная; посмотримъ что скажете Вы—и что скажетъ строгій Фетъ. Уже давно онъ ничѣмъ моимъ не доволенъ: смилуется ли теперь? Очень радуюсь извѣстію о скоромъ выходѣ 7-го тома „Войны и Мира"; при всѣхъ своихъ слабостяхъ и чудачествахъ, при всемъ даже своемъ враньѣ—Толстой—настоящій гигантъ между остальной литературной братьей—и производитъ на меня впечатлѣніе слона въ звѣринцѣ: несокладно, даже нелѣпо—но огромно—и какъ умно! Дай Богъ написать ему еще двадцать томовъ! Процвѣтаніе Лонгинова менѣе меня радуетъ: онъ и хорошій мой пріятель и добрый малый—а направленіе его скверное, вредное; развѣ однимъ можно утѣшиться: хоть и губернаторъ онъ—а безсиленъ.

Ваши замѣчанія на счетъ Кишинскаго нѣрны; и я бы очень Вамъ былъ благодаренъ, еслибъ Вы при свиданіи съ нимъ намекнули ему о „вредѣ рвенія"—какъ выражался Талейранъ. Но перенести хозяйство изъ Спасскаго въ Петровское было необходимо во 1-хъ по расположенію земли (Спасское приходится на самомъ краю)—а во-вторыхъ потому что въ Спасскомъ уже все развалилось. Почтенный мой дядюшка ни одного новаго сруба не поставилъ. Да вотъ весной мы, Богъ дастъ, обо всемъ этомъ потолкуемъ фундаментально. Кстати, не забудьте извѣстить меня: ходитъ ли желѣзная дорога теперь прямо изъ Динабурга черезъ Витебскъ, Смоленскъ, Рославль—въ Орелъ—или еще какой-нибудь клочекъ не оконченъ? И бы—въ случаѣ ея полнаго открытія прикатилъ бы къ вамъ прямо, минуя Петербургъ и Москву.

Я здѣсь пробуду до Апрѣля; а 8-го числа Апрѣля буду вѣроятно (на дорогѣ въ Россію) въ Веймарѣ: тамошній Великій Герцогъ хочетъ ставить на театрѣ мою оперетку: „Послѣдній колдунъ", къ которой Г-жа Віардо написала такую прелестную музыку.

Пягаю благодарить Васъ за ласковое слово; онъ—увы! совершенно окривѣлъ—но все еще превосходнѣйшій изъ превосходнѣйшихъ псовъ!

Крѣпко и дружески жму Вамъ руку и остаюсь

Искренно Вамъ преданный
Ив. Тургеневъ.

Карлсруэ.
Hotel prinz Max.

Середа, $\frac{24}{12}$-го Марта 69.

Милѣйшій Иванъ Петровичъ, наканунѣ моего отъѣзда изъ Парижа (на недѣлю—по дѣламъ) пишу Вамъ отвѣтъ на Ваши съ два письма (одно изъ нихъ получено сегодня утромъ). Больше всего и прежде всего меня радуетъ то, что Вы мнѣ говорите о Петѣ и о Лицеѣ: и птичка хороша и клѣтка отличная—такъ что Ваше отеческое сердце должно радоваться—и возвращеніе на берега Зуши не такъ тяжело. Еще нѣсколько недѣль—а тамъ наступятъ вакаціи.... Но передъ вакаціями я буду имѣть удовольствіе Васъ видѣть. Постараюсь теперь же какъ можно точнѣе опредѣлить день моего прибытія въ Спасское. Отсюда я выѣзжаю и непремѣнно и безотлагательно $\frac{22}{10}$-го Мая, на другой день послѣ дня рожденія второй дочери Г-жи Віардо—Клавдіи, которой исполнится 17 лѣтъ и которую я такъ же глубоко люблю какъ Вы любите Вашего Петю—хотя она мнѣ и не дочь. (Кстати, видѣли ли Вы ея фотографію, которую я послалъ Фету? Если нѣтъ—я Вамъ могу прислать такую же. Эта дѣвушка—совершенная прелесть и способности къ рисованію и живописи—изумительныя!) Въ Петербургѣ и остановлюсь на два дня—чтобы съ старикомъ Анненковымъ старинной тряхнуть—въ Москвѣ придется пожить съ недѣлю—такъ что къ 25-му Мая (самый послѣдній срокъ)—я непремѣнно если только что-нибудь со мной не случится—въ Спасскомъ и въ Новоселкахъ. На это Вы можете разсчитывать *вѣрно*—на сколько существуетъ въ человѣческихъ дѣлахъ вѣрность. Мнѣ и говорить нечего, какъ я радъ буду Васъ видѣть: это вы сами хорошо знаете.

V-го тома „Войны и Мира“ я еще не получилъ; но судя по доходящимъ отзывамъ, нашъ геніальный чудакъ совсѣмъ закусилъ удила. Можно ли, изъ вражды къ философіи и фразамъ—втемяшиться въ такую философію и фразу! То, что всякому мужику понятно какъ польза хлѣба—а именно польза человѣческаго ума, разсудка—то-то и нужно искоренить!! То-то и есть чепуха! И нужно же чтобы эдакая ерунда залѣзла въ голову *самаго даровитаго* писателя во всей современной Европейской литературѣ! Но я заранѣе умиляюсь передъ тѣми прелестями, которыми непремѣнно изобилуетъ этотъ 8-й томъ.

Какъ это Фетъ до сихъ поръ не опровергъ печатно наводимой на него клеветы! Этого нельзя такъ оставлять.

Салаевъ былъ давно извѣщенъ мною, что одинъ экземпляръ новаго изданія назначенъ Вамъ; но я напишу ему, чтобы онъ Вамъ выслалъ теперь же вышедшіе томы, но дожидаясь остальныхъ. И онъ, такъ же какъ Вы, доволенъ портретомъ.

Кстати, вотъ Вамъ портретъ моего Пегаса. Только онъ видъ являетъ печальный и неловкій—такъ какъ его вытромоздили на маленькій и въ добавокъ шаткій

столъ. Къ тому же и желтыя брови и щеки не вышли (изъ фотографіи желтое является чернымъ)—но неправда ли, что за умная голова?

Глухота Кишинскаго меня безпокоитъ. Хотя меня увѣряли здѣсь опытные доктора, что глухота внезапная послѣ простуды *всегда* проходитъ—ну а какъ она останется. Какъ онъ будетъ управлять и распоряжаться?

Я отъ Боткина получилъ (разумѣется, продиктованное) письмо; очень онъ плохъ—и можетъ въ этомъ состояніи пробыть долгіе годы. Я знаю въ Баденѣ одну даму, у которой точно такая же болѣзнь: она *двадцатый* годъ лежитъ, какъ пластъ, въ постели. Избави Боже всякаго!

У насъ весна, но какая-то кислая и медленная; даже не хочется на воздухъ. Изъ Парижа я заѣду сюда на два дня—а потомъ къ 8-му Апрѣлю новаго ст. въ Веймаръ, гдѣ даютъ нашу оперетку на театрѣ. Опишу подробно—а пока будьте здоровы; обнимаю Васъ крѣпко.

Вашъ Ив. Тургеневъ.

Баденъ-Баденъ.
Thiergartenstrasse, 3.

Понедѣльникъ, $\frac{26}{14}$-го Апр. 69.

Милѣйшій Иванъ Петровичъ, вотъ я и вернулся въ свое гнѣздышко—послѣ тѣхъ *скидокъ*, о которыхъ Вы говорите въ своемъ послѣднемъ письмѣ и, упорно работая, чтобы предстать съ спокойнымъ духомъ передъ свѣтлыя очи Салаева, готовлюсь черезъ мѣсяцъ шмыгнуть изъ Московіи—а тамъ на берега Зуши и на террассу знакомаго дома, гдѣ буду сидѣть съ любезнымъ сердцу моему хозяиномъ.

Въ Веймарѣ все сошло благополучно; успѣхъ былъ несомнѣнный. Что музыка Г-жи Віардо прелестна, въ этомъ я и прежде не сомнѣвался; но я могъ бояться, какъ бы мое либретто не показалось слишкомъ дѣтскимъ, наивнымъ: однако ничего. Публика очевидно забавлялась и интересовалась. Впрочемъ я это все подробно разсказалъ въ письмѣ къ П. В. Анненкову, которое будетъ напечатано въ С. П. бургскихъ Вѣдомостяхъ и къ которому я Васъ отсылаю.

Прилагаю Вамъ фотографію милой моей дѣвочки..... Впрочемъ ей уже скоро минетъ 17 лѣтъ! (Кстати, ее зовутъ Клавдіею—а не Маріанной, какъ полагаетъ Фетъ; Маріанна—имя другой сестры). Когда Петя подростетъ и не утратитъ своей охоты къ живописи—то, разумѣется—его надо будетъ сюда прислать—въ Европу; пожалуй и батюшка его за нимъ поскачетъ. Но пока, пусть онъ ростетъ, здоровѣетъ, учится—а Вы не мучьтесь, и не тревожьтесь понапрасну—а напротивъ радуйтесь тому, что онъ въ хорошихъ рукахъ и на хорошей дорогѣ.

Вы мнѣ еще говорите о снѣгѣ—а здѣсь у насъ—царство зелени. Все распустилось, поетъ, цвѣтетъ—сирень такъ и автонила все! Право, хоть бы Вы однимъ глазкомъ посмотрѣли на этотъ всеобщій пиръ и праздникъ!

То, что Вы говорите объ „Обрывѣ" совершенно справедливо. Вотъ наконецъ вышла и 4-ая часть съ ея страстными и патетическими сценами.... Но что за безжалостная болтовня, что за нелѣпощимыя и плоскія разсужденія, размышленія.... Какъ можно такъ старательно самому все портить? И что за фигура этотъ обольститель, Марк Волоховъ? Почему этотъ свинопасъ—другаго слова придумать нельзя—увлекаетъ Вѣру? Гдѣ сила, красота, умъ наконецъ? Только и видитъ авторъ, вертящійся въ потѣ лица.... Но многимъ эта работа понравится.

Мнѣ обѣщались выслать 5-й томъ „Войны и Мира"—и до сихъ поръ ничего. Мнѣ это очень досадно. Толстой и сѣсть и тѣшить—настоящій человѣкъ, хоть и сумазбродъ.

Прощайте, другъ; обнимаю Васъ искренно; будьте здоровы. Я напрасно сказалъ: прощайте; надо сказать: досвиданія. Пишите мнѣ теперь въ Баденъ по прежнему.

Вашъ
Ив. Тургеневъ.

Баденъ-Баденъ.
Thiergartenstrasse, 3.

Суббота, $\frac{5\text{-го Іюня}}{24\text{-го Мая}}$ 69.

Милый Иванъ Петровичъ, я никакъ не ожидалъ что объ эту пору и буду еще здѣсь—а теперь вышло такое обстоятельство, что я даже не знаю, буду ли я въ состояніи съѣздить въ Россію. А именно: дней пять тому назадъ я лежа въ постели и читая книжку, почувствовалъ внезапный толчокъ, въ слѣдствіе котораго у меня лѣвая рука минутъ на пять совершенно отнялась; и хотя послѣ усиленнаго разтиранія правой рукою она пришла въ чувство но сердце заныло и боль въ немъ не прекращается до сихъ поръ. Я рѣшился призвать доктора, который, осмотрѣвъ меня тщательно, объявилъ мнѣ, что у меня сердце не въ порядкѣ—какая-то въ немъ появилась подагрическая припухлость—и результатомъ этого невеселаго открытія то—что я долженъ натирать грудь іодомъ, принимать внутрь digitalis—не ѣсть мяса, не пить вина, не знаться съ прекраснымъ поломъ, ходить очень мало и никакихъ сильныхъ ощущеній себѣ не позволять. Когда же я заикнулся о путешествіи, то докторъ мнѣ объявилъ, что раньше 6 недѣль объ этомъ и думать нечего. Я, признаюсь, повѣсилъ носъ; въ Россію мнѣ очень хотѣлось да и нужно тамъ мнѣ быть; и болѣзнь въ сердцѣ—непріятный сюрпризъ въ 50 лѣтъ. Вотъ какъ лопаются наши мыльные пузыри!

Хотя я втайнѣ сохраняю еще надежду побывать въ Россіи—но чтобы не обманывать самаго себя, рѣшился пока махнуть рукою—и такъ поступать, какъ будто этой поѣздкѣ не сбыться. Все это такъ непріятно, что и говорить объ этомъ не хочется. Сообщите это извѣстіе Фету.

Кишиневскому я самъ напишу. Читаю теперь пятую часть Войны и Мира—и попеременно то сержусь, то восхищаюсь. Отсутствіе свободнаго возрѣнія, настоящей художнической свободы—производитъ тягостное впечатлѣніе въ такомъ великомъ талантѣ.

Гончарова я едва осилилъ; нѣтъ, что ни говори тамъ Г-да Сухотины и Свербеевы—это пустяки и даже хуже пустяковъ. Мелкія, тонко выработанныя подробности не выкупаютъ лжи и фальши и скуки цѣлаго.

Прощайте, добрый И. П. Не смѣю говорить—до свиданія. Пишите мнѣ, я Вамъ буду отвѣчать аккуратно.

Вашъ
Ив. Тургеневъ.

Баденъ-Баденъ.
Thiergartenstrasse, 3.

Середа, $\frac{30}{18}$ Іюня 69.

Вчера я ѣздилъ въ Гейдельбергъ, любезнѣйшій Иванъ Петровичъ—къ извѣстному тамошнему врачу Фридрейху—и привезъ оттуда извѣстія неутѣшительныя: онъ подтвердилъ мнѣніе здѣшняго врача—у меня болѣзнь сердца—и я долженъ избѣгать всякой усталости—а потому *навсегда* разстаться съ охотой! Можете себѣ представить какъ на меня подѣйствовали эти слова.... Я только это и любилъ. Въ противномъ случаѣ Фридрейхъ грозитъ мнѣ участью Панаева—т. е. внезапнымъ переселеніемъ *туда*. У Панаева болѣзнь сердца открылась такъ же неожиданно и поздно. Остается—беречь себя; дѣло полезное—но невеселое. Вотъ чѣмъ разрѣшился мой жизненный кадрильчикъ. Впрочемъ, могло бы быть хуже: я могъ бы ослѣпнуть. Ну—будемъ беречь себя—и не будемъ говорить объ этомъ.

Отъ поѣздки въ Россію я принужденъ окончательно отказаться—и это тоже для меня горе немалое. Повидаться, побесѣдовать съ Вами—это для меня лакомство. Я чувствую, что Вы меня любите—и хотя у меня есть въ Россіи и другіе добрые пріятели—но все съ оттѣнкомъ эгоизма—котораго у Васъ и слѣда нѣтъ. Даже Анненковъ не утерпѣлъ—и съ одной стороны побранилъ меня за мою болѣзнь—а съ другой показалъ видъ, что не совсѣмъ ей вѣритъ. Какъ будто такого рода сочинительства кому-нибудь могутъ доставить удовольствіе! Вы мнѣ пишете, чтобы я не унывалъ—и я стараюсь бодриться: но чувствую, что меня охватилъ туманъ—какъ у насъ, лѣтомъ, тотъ-часъ по захожденіи солнца, на днѣ оврагомъ;

помните—ложится молочно-бѣловатый студень—и какъ хочется поскорѣй изъ него выскочить! А тутъ и другаго берега не видно.

Какіе во мнѣ литературные замыслы бродили—правда, они сильны не были—и тѣ замерли. Съ „литературными воспоминаніями" все еще не справился. Читали ли Вы мой отрывокъ о Бѣлинскомъ въ „Вѣстникѣ Европы"—и понравился ли онъ Вамъ? Очень я былъ остороженъ—а все таки меня уже ругали за него.

Я радуюсь за Фета, что онъ не забракованъ своими соуѣздниками. Поклонитесь ему и сообщите мое сожалѣніе о томъ, что не удается мнѣ его увидѣть и поспорить съ нимъ. Теперь, кто желаетъ меня видѣть, милости просимъ въ мой Баденскій домъ—и не надо слишкомъ мѣшкать: а то, пожалуй, въ Баденъ-то я буду—но уже на горѣ Меркурія—гдѣ покоятся отъ житейскихъ треволненій.

Послѣднюю часть „Обрыва" все еще не могъ осилить, а „Войну и Миръ" перечитываю съ тою же смѣсью противуположныхъ чувствъ. Что хорошо въ этомъ романѣ—то удивительно, а что плохо или слабо или съ претензіей—все таки не скучно и даже въ извѣстномъ смыслѣ интересно—какъ уродливаніе геніальнаго человѣка.

Будьте такъ любезны—и имѣйте одно Ваше око нарѣдка направленнымъ на Спасское и на Кишинскаго. Я до сихъ поръ не могу на него жаловаться—но все же не худо имѣть нѣкоторый контроль.

Петю поцалуйте за меня и скажите ему, что школьныя треволненія—даже поколачиванья—развиваютъ геройскій духъ и самостоятельность. Зри Англичанъ.

Прощайте, добрый мой другъ—и пишите мнѣ. Я нуждаюсь въ нѣкоторой поддержкѣ. Дружески Васъ обнимаю.

Преданный Вамъ
Ив. Тургеневъ.

Баденъ-Баденъ.
Thiergartenstrasse, 3.

Середа $\frac{11\text{-го Авг.}}{30\text{-го Іюля}}$ 69.

Любезнѣйшій другъ Иванъ Петровичъ, спасибо за Ваши два письма и за прекрасную фотографическую карточку моего молодаго друга, котораго я заочно цалую—такъ какъ онъ теперь вѣроятно съ Вами. Не знаю, писалъ ли я Вамъ, что я недѣли три тому назадъ снова подвергся подагрическому припадку—на бѣдпаго Макара всѣ шишки валятся! И на этотъ разъ онъ былъ ужасно силенъ.... Первую ночь я право думалъ, что съума сойду. Докторъ утѣшилъ меня увѣреніемъ, что тѣмъ сильнѣе припадокъ, тѣмъ кратковременнѣе, и дѣйствительно—вотъ уже третій день какъ я опять надѣлъ сапогъ—а прежде раньше двухъ мѣсяцевъ я этого сдѣлать не могъ. Но объ охотѣ все еще и помину нѣту. Пока

жары не спадутъ, всякое сильное движеніе можетъ, по увѣренію докторовъ, повредить моему сердцу.

Очень смѣялся я описанію Вашего юмористическаго путешествія къ Графу А. Толстому. Помѣрьте, душа моя, охота въ Россіи стала мизомъ: отъ одного берега мы отстали—къ другому не пристали—цивилизованной охоты у насъ еще нѣтъ—а натуральная уже исчезла. Вотъ если Фетъ или Вы когда нибудь пожалуете ко мнѣ въ Баденъ на охоту—то я Вамъ не гадательно, а навѣрное могу сказать, сколько дичи Вы убьете—куропатокъ отъ 8 до 15; зайцевъ—10 или 12; фазановъ—1 или 2; *можетъ* быть дикую кошу,—перепелки днѣ или три и одного бекаса. Тоже можетъ быть, какъ видите—не блестяще но вѣрно и удобно. По колдобинамъ и рытвинамъ „кувыркаться", какъ говоритъ Фетъ, не придется.

Неужели, не шутя, Гр. А. Толстой сидитъ надъ Борисомъ Годуновымъ! Изумительная настойчивость этого добрѣйшаго, но скучнѣйшаго писателя, достойная лучшей участи!

На днихъ сюда пріѣхалъ Н. А. Милютинъ съ женой; онъ все такая же развалина, хотъ и поправился немного. А она во Франкфуртѣ недавно видѣла Боткина, Василья Петровича. Страшное, говоритъ, зрѣлище! Все тѣло *умерло* и не двигается; жива одна голова, высохшая, желтая, плѣшивая; и эта голова мертвеннымъ голосомъ говоритъ о вѣдѣ, объ одной вѣдѣ. Онъ до зимы не доживетъ. Оставилъ ли еще что-нибудь Фету въ завѣщаніи?

Пожалуйста, другъ мой, наблюдайте однимъ глазкомъ за моимъ управляющимъ: а то какъ-то жутко совѣмъ безъ контроля. Впрочемъ я имъ доволенъ.

Обнимаю Васъ и цалую Петю. Будьте здоровы.

Преданный Вамъ
Ив. Тургеневъ.

Баденъ-Баденъ.
Thiergartenstrasse, 3.

Воскресенье, $\frac{5\text{-го Сент.}}{24\text{-го Авг.}}$ 69.

Любезнѣйшій Иванъ Петровичъ, сейчасъ получилъ Ваше письмо имѣетъ съ Фетовскимъ—что значитъ въ его письмѣ извѣстіе о прибытіи его сюда въ Баденъ—къ 20-му Сентябр. нашего стиля! Вѣроятно—одна фантазія, потому что и Вы ничего объ этомъ не говорите—и самъ онъ уже больше о томъ не упоминаетъ. Нечего говорить, что мы бы ему здѣсь обрадовались и дали бы возможность поохотиться. Надѣюсь, что ушибъ бэроха не имѣлъ дурныхъ послѣдствій.

Я воображаю, что Вы уже вернулись изъ Москвы—куда отвезли Петю.... Горекъ конецъ вакацій—я это по памяти знаю—горекъ корень ученія—но плоды его сладки. Лишь бы здоровье осталось удовлетворительнымъ!

Что касается до моего здоровья—то оно ничего—поправляется: я даже могъ сходить—конечно съ крайней осторожностью—два раза на охоту и довольно удачно.

Замѣчанья Ваши на счетъ постройки дома въ Спасскомъ совершенно справедливы—и я въ такомъ смыслѣ пишу Кишинскому.

Такъ же я прошу Васъ сдѣлать мнѣ одолженіе—и потолковать съ нимъ, слѣдуетъ ли теперь же выслать мнѣ деньги, полученныя имъ за сельцо мое *Холодово*? Если куръ не слишкомъ низокъ—(послѣдняя приселка была 307 фр. за 100 рублей!!!)—то я полагаю, надо выслать, такъ какъ сумма довольно крупная—11500 р. сер.—и хранить ее неудобно.

И на днихъ ѣздилъ въ Мюнхенъ, чтобы посмотрѣть 1-ое представленіе оперы Вагнера—„Золото Рейна"—да кстати и кое-что другое. Мюнхенъ—городъ интересный. Король Баварскій, какъ Вамъ можетъ быть извѣстно, загадычный, даже *странный*—другъ Вагнера—и музыка его—государственное дѣло въ Баваріи; но въ слѣдствіе различныхъ, смѣшныхъ забавныхъ и спутанныхъ интригъ, изъ которыхъ Аристофанъ могъ бы извлечь любопытнѣйшую нравственно-сатирическо-политическую комедію—опера не была дана—а произошла только главная репетиція, на которой я присутствовалъ. Музыка и текстъ равно невыносимы, но Вы знаете, между нѣмцами есть такіе люди, для которыхъ Вагнеръ чутъ не Христосъ. Я очень забавлялся всей этой путаницей. Когда нибудь разскажу—быть можетъ даже печатно.

Работать ничего не могу: и даже „Воспоминанія" своихъ—чортъ бы ихъ побралъ!—не окончилъ. Литературный мой нынѣ размололся.

Не знаю еще гдѣ проведу зиму—но только не здѣсь. Вы въ свое время будете увѣдомлены.

Будьте здоровы; дружески жму Вамъ руку.

Вашъ
Ив. Тургеневъ.

Баденъ-Баденъ.
Thiergartenstrasse, 3.
Четвергъ, $\frac{7\text{-го Окт.}}{25\text{-го Сент.}}$ 69.

Милѣйшій Иванъ Петровичъ, въ послѣднемъ Вашемъ письмѣ Вы много говорили о своемъ нездоровьи; какъ оно теперь? Надѣюсь, лихорадка Васъ покинула и Вы уже не одного волка затравили. Дайте вѣсточку. О себѣ я Вамъ скажу, что перебиваюсь помаленьку: не могу скрыть отъ себя, что по временамъ чувствуется въ сердцѣ что-то странное—но впрочемъ, я съ этимъ примирился—и

даже по временамъ хожу на охоту, благо у насъ стоитъ погода удивительная. Вотъ напр: вчера. Ходилъ за куропатками и зайцами—убилъ—первыхъ 8 а вторыхъ 4—а долженъ былъ бы убить гораздо больше, ибо выпустилъ 24 заряда. Отрывки изъ воспоминаній кончилъ наконецъ!! и отправилъ послѣдній къ Салиеву; но, какъ Вы совершенно вѣрно предусмотрѣли, отрывокъ о „Славянофилахъ"—остался недоконченнымъ въ портфелѣ. Но въ теченіи зимы я непремѣнно обработаю его и помѣщу въ „Вѣстникѣ Европы" такъ какъ я убѣжденъ что этотъ отрывокъ лучше всѣхъ другихъ—и въ немъ я говорю нѣсколько, по моему понятію, полезныхъ вещей.

Написалъ маленькій разсказъ—который—Вы удивитесь!—появится (или уже появился) въ нѣмецкомъ переводѣ въ одной нѣмецкой revue; оригиналъ будетъ напечатанъ въ 1-мъ № „Вѣстника Европы". Штучка очень небольшая и зовется: „Странная исторія". Надо Вамъ сказать, что я въ глазахъ Нѣмцевъ—у какой писатель!—и столько же меня хвалятъ здѣсь—сколько ругаютъ въ Россіи. Но я пережилъ ту эпоху, когда это могло меня радовать или печалить.

Когда будете писать Петѣ, поцалуйте его отъ моего имени. Горько ему было разстаться съ Вами, съ деревней и т. д. Но что дѣлать! Такую же печаль видѣлъ я на дняхъ здѣсь: сынъ Віардо, по окончаніи вакацій, возвращался въ Лицей, въ Карлсруэ.

Зиму я, кажется, проведу здѣсь. Но въ Февралѣ, по всей вѣроятности, съѣзжу въ Петербургъ. Впрочемъ я такъ часто кричалъ: волки, волки!—что даже самъ себѣ перестаю вѣрить. Что будетъ—то будетъ.

Я получилъ письмо отъ Фета—и на дняхъ буду отвѣчать ему.

А за симъ крѣпко Васъ обнимаю и желаю Вамъ всего хорошаго.

Любящій Васъ.
Ив. Тургеневъ.

Баденъ-Баденъ.
Thiergartenstrasse, 3.
Четвергъ, $\frac{25}{13}$-го Нояб. 69.

И я кричу: ура!—милѣйшій Иванъ Петровичъ! Могу сказать, что сердце у меня изныло по Васъ: я зналъ, чего слѣдовало ожидать въ случаѣ печальнаго исхода. Но теперь—Вамъ извѣстно—послѣ подобной передряги въ молодости, ребенокъ дѣлается колоссомъ и застрахованъ лѣтъ на двадцать! А потому ничего не должно мѣшать Вамъ хорошенько отдохнуть отъ всѣхъ этихъ жестокихъ тревогъ, которыя Вы дѣйствительно никогда не забудете, но которыя въ воспоминаніи получатъ даже нѣкоторую сладость, присущую всякой миновавшей опасности. Хлопочите по хозяйству—это тоже своего рода отдыхъ—хотя иногда при немъ

спина трещитъ. Вмѣстѣ съ грачами и жаворонками—и я, гораздо болѣе похожій на грача чѣмъ на жаворонка, явлюсь къ Вамъ. То-то наговоримся тогда!

Вдова Плетнева написала мнѣ весьма раздраженное письмо—и Анненковъ уже извѣстилъ меня о предстоящей статьѣ Грота. Вотъ подите Вы! Невольно приходитъ мнѣ на память мой собственный Егоръ Капитонычъ изъ повѣсти: „Затишье“: „кажется, далеко, нѣжно сказалъ—а и тутъ не потрафилъ!“ Кто бы могъ подумать, что Плетнева я представилъ въ оскорбительномъ для его памяти видѣ!! Ничего тутъ не подѣлаешь.

Съ нетерпѣніемъ ожидаю 6-го тома „Войны и Мира“—авось авторъ успѣетъ немного *разуруситься*—и вмѣсто мутнаго философствованія дастъ намъ попить чистой ключевой воды своего великаго таланта!

То, что Вы мнѣ говорите о Катковѣ и Леонтьевѣ—бросаетъ новый и весьма выгодный свѣтъ на ихъ личности—особенно отъ Леонтьева я не ожидалъ такого сердоболія и такой мягкости. Тѣмъ лучше!

Однако Салазкинъ не торопится (въ свою очередь я таки порядкомъ его помучилъ) окончаніемъ моихъ сочиненій—т: е: перваго тома. Въ „Воспоминаніяхъ“ для Васъ будетъ мало новаго—но Вы можетъ быть съ нѣкоторымъ интересомъ прочтете отрывокъ озаглавленный: „По поводу Отцовъ и Дѣтей“: и въ немъ высказался съ большою—можетъ быть—лишнею искренностью.

Третьяго дня была генеральная охота (облава) въ нанимаемомъ мною участкѣ. Насъ было 8 человѣкъ; убито было 6 дикихъ козъ, 67 зайцевъ, 2 вальдшнепа, 1 фазанъ—(по здѣшнему, цифры весьма скромныя). Собственно я убилъ 2 козъ, 8 зайцевъ и 1 фазана.

Вотъ моя программа. Я до Марта мѣсяца остаюсь здѣсь (въ началѣ Декабря съѣзжу въ Парижъ на недѣлю) а въ Мартѣ отправлюсь черезъ Петербургъ и Москву въ Спасское, куда прибуду въ концѣ Апрѣля—къ эпохѣ соловьевъ. Авось на этотъ разъ моя программа исполнится.

Еще разъ отъ души Васъ поздравляю и обнимаю и остаюсь

Любящій Васъ
Ив. Тургеневъ.

P. S. А что Вы скажете о чисто-республиканскихъ выборахъ города Парижа? Кажется, времи паденія имперіи приближается.

Баденъ-Баденъ.
Thiergartenstrasse, 3.
Пятница, $\frac{17}{5}$-го Дек. 69.

Вы вѣроятно уже вернулись въ Москву, любезнѣйшій мой Иванъ Петровичъ—и я адресую это письмо по Вашему указанію, въ гостинницу Кокорева. Петя

Вамъ совершенно выздоровѣть—изъ этомъ нѣтъ сомнѣнія—и то-то Вамъ будетъ хорошо съ нимъ! Я очень радъ, что Вы провели время въ деревнѣ съ пользой и даже поохотились недурно. (Здѣсь мы продолжаемъ подниматься помаленку: третьяго дня я убилъ двухъ фазановъ и 10 зайцевъ). Вы уже теперь должно быть давно имѣете въ рукахъ мой 1-й томъ (я вчера его здѣсь получилъ отъ Салаева). Попалось нѣсколько опечатокъ—изъ коихъ вотъ главныя три: на первой же страницѣ два раза вмѣсто 1843-го г. поставленъ 1849-й годъ—какъ начальный годъ моей литературной карьеры—что не имѣетъ смысла, такъ какъ въ самомъ изданіи много повѣстей помѣчены годомъ предшествовавшимъ 49-му да и все предисловіе написано какъ бы по поводу 25-и лѣтняго моего юбилея (1843—1868). Потомъ на стр. LXXXII-й, стр. 5-ая сверху вмѣсто: „младенца“—стоитъ: младенецъ. А на стр. XCIV-й стр. 9-ая сверху—во фразѣ: „Я раздѣляю почти *всѣ* его убѣжденія“ пропущено слово *всѣ*, что искажаетъ совершенно смыслъ. Впрочемъ, какъ Вы сами увидите—„Воспоминанія“ эти очень безобидны и даже безцвѣтны; статью объ Аксаковыхъ и Славянофилахъ я даже не помѣстилъ вовсе; она вѣроятно появится въ одномъ изъ №-въ Вѣстника Европы за будущій годъ.

Ахъ, душа моя—не понравилась мнѣ идиллія Фета—и я такъ-таки написалъ объ ней нашему другу, который уже отвѣчалъ мнѣ—и сколь я могъ замѣтить—огорчился. Дѣло въ томъ, что подобный почти смѣшной сюжетъ (братья барышни, которую нащупываютъ изъ потьмахъ)—могъ только выкупиться ослѣпительнымъ блескомъ или граціей наложенія: а этого-то я и не нашелъ;—все прилично и вяло. Я быть можетъ ошибаюсь,—но таково мое впечатлѣніе. А работу я ему уже до Вашего письма задалъ: пусть онъ соберетъ свои судейскія воспоминанія—и сдѣлаетъ изъ нихъ книжку: по двумъ-тремъ сообщеннымъ имъ мнѣ анекдотамъ—я вижу, что это можетъ выдти прелестно и непоучительно—въ родѣ—помните—его хозяйственныхъ писемъ. Только чтобы философствовать онъ поменьше! Ибо, хотя онъ на философію и нападаетъ—а самъ до мозгу костей ею проникнутъ и заразенъ.

Что это, батюшка, у Васъ опять холера? Пожалуйста берегитесь и постарайтесь поскорѣе выгнать отъ себя эту отвратительную гостью.

Здоровье мое идетъ себѣ порядочно; подагра иногда шевелится.... Но мы не даемъ ей разыграться.

У насъ все было покрылось снѣгомъ и въ теченьи недѣли даже на конькахъ катались; но теперь опять все зелено—и третьяго дня ночью была даже гроза съ громомъ и молніями, какъ быть слѣдуетъ.

За симъ обнимаю Васъ и друга Петю цалую; будьте здоровы оба!

Преданный Вамъ
Ив. Тургеневъ.

Баденъ-Баденъ.
Thiergartenstrasse, 3.
Вторникъ, 4-го Янв. 1870. / 24-го Дек. 1869.

Милый Иванъ Петровичъ, не успѣлъ я порадоваться Вашему первому письму—глядь! уже летитъ второе. Вы меня балуете и я не знаю какъ благодарить Васъ. Сперва отвѣчу на первое. Во всемъ нуженъ порядокъ, и потому пускаюсь на пункты.

а) Ружье одностволъное № 16 съ заряженіемъ сзади для Пети уже заказано—и привезется мною въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ. Ружье будетъ хорошее и недорогое; и деньги я съ Васъ, по вашему желанію, заищу.

б) Скажите Урусову, что я очень радъ тому, что онъ дружелюбно принялъ мой подарокъ; значитъ онъ меня помнитъ. Скажите ему такъ же что и отъ шахматовъ совсѣмъ отсталъ; въ послѣдній разъ въ Парижѣ—Неймана такъ меня билъ, что даже жалость въ зрителяхъ возбуждалась; правда, то былъ Неймана, самый сильный игрокъ послѣ Морфи; но и дѣйствительно совсѣмъ ослабѣлъ.

в) Я на дняхъ ѣздилъ въ Веймаръ, куда мы переѣзжаемъ вмѣстѣ съ семействомъ Віардо съ 1-го Февр. нов. ст. на 2 мѣсяца съ половиною. (Тамъ отличная рисовальная школа, что очень нужно для старшей дочери.) Въ половинѣ Апрѣля они возвращаются сюда—а я въ Россію—и либо въ Москвѣ, либо въ окрестностяхъ Мценска увидимся непремѣнно. То-то будетъ хорошо!

Перехожу ко второму письму.

Оказывается, что моя статейка объ „Отцахъ и Дѣтяхъ“ никого не удовлетворила. Подумавшись, я отказываюсь отъ своей славы, какъ Ростопчинъ отъ сожженія Москвы. Анненковъ даже сильно меня распекаетъ. А между тѣмъ каждое слово въ ней—самая святая правда, по крайней мѣрѣ, на мое сужденіе. Оказывается, что авторъ самъ не всегда знаетъ, что творитъ; чувства мои къ Базарову—личныя мои чувства—были смутнаго свойства—(любилъ ли я его, ненавидѣлъ ли—Господь вѣдаетъ!)—а между тѣмъ образъ вышелъ долгого опредѣленный, что немедленно вступилъ въ жизнь и пошолъ дѣйствовать особникомъ на свой салтыкъ. Въ концѣ концовъ—что за дѣло, что авторъ самъ думаетъ о своемъ произведеніи? То само по себѣ—а онъ самъ по себѣ; по повторяю—статья моя искренна, какъ исповѣдь.

Краевскій дѣйствительно въ Голосѣ подпустилъ мнѣ прескверный камуфлетъ. Никакъ я не ожидалъ подобной неделикатности—(да и издатель Нѣмецкой речи, въ которой появился мой разсказецъ, увѣрялъ меня, что мои *соотечественники*—изъ уваженія ко мнѣ такъ не поступятъ). Вотъ те и уваженіе! Мнѣ ужасно досадно, что именно Вы прочли эту вещь въ такомъ уродливомъ переводѣ. Будьте другъ—перечтите ее въ Вѣстникѣ Европы (въ 1-мъ №-ѣ) гдѣ она появится;

притомъ же я тамъ, послѣ Нѣмецкаго изданія, кое-что прибавилъ и именно въ смыслѣ указанія на религіозное настроеніе Софи, которое Вы, съ свойственной Вамъ ясностью и вѣрностью пониманія, тотъ-часъ учуяли, какъ слабый пунктъ разсказа. Онъ весь составился у меня изъ двухъ анекдотовъ, изъ которыхъ одинъ я слышалъ, а другой самъ пережилъ; вещь весьма маленькая—но все таки Краевскій—сукинъ сынъ. Это онъ мнѣ метитъ за „Воспоминанія о Бѣлинскомъ“.

Шестой томъ „Войны и Мира“ я еще не получалъ; но въ фельетонѣ С. П. бургскихъ Вѣдомостей читалъ отрывки, отъ которыхъ поѣвсилъ носъ.

Передайте прилагаемое письмо Фетушкѣ; и напомните ему поговорку, которая особенно идетъ къ намъ: „милые бранятся, только тѣшатся!“

Поцалуйте за меня Петю—и скажите ему, чтобы онъ росъ и толстѣлъ изо всѣхъ силъ; а стрѣлять въ Новоселкахъ мы будемъ не однихъ воронъ!

Будьте здоровы—поздравляю Васъ съ новымъ 1870-мъ годомъ и обнимаю Васъ.

Любящій Васъ
Ив. Тургеневъ.

Веймаръ.
Hotel de Russie.
Суббота, 12-го Фев. / 31-го Янв. 70.

Вотъ я и попалъ сюда наконецъ, милый мой Иванъ Петровичъ; пока идетъ жизнь жалтенькая, такъ какъ холода стоятъ страшные, дома въ Веймарѣ выстроены чуть не изъ воздуха и до сихъ поръ я больше 7 градусовъ въ моей комнатѣ добиться не могу—что не совсѣмъ удобно. Авось, какъ нибудь, перемелется—да и зима не можетъ стоять вѣчно. Теперь дѣла поправить нельзя и о Баденскомъ тепломъ домѣ вздыхать нечего. Во всякомъ случаѣ, я безъ семейства Віардо не могъ бы тамъ остаться.

Вы, я вижу, въ большихъ хлопотахъ; дай Богъ, чтобы все устроилось къ лучшему и не дошло бы до бѣды! У меня, какъ Вамъ можетъ быть извѣстно, весь скотъ лопнулъ; шесьма Кишинскаго носятъ отпечатокъ сосредоточенной унылости. Онъ упрямъ и настойчивъ какъ Малоросецъ; но, кажется, и онъ теперь видитъ, что все у насъ дается туго и скупо. Будемъ терпѣть и выносить!

Часто думаю я о Маѣ мѣсяцѣ и о томъ, какъ мы съ Вами и съ Петей будемъ гулять по Вашимъ злачнымъ полямъ. Ружье ему Нагель дѣлаетъ безподобное! Игрушка—а будетъ бить на 70 шаговъ!

Если мы встрѣтимся съ Урусовымъ—то мы вѣроятно, какъ водится, поспоримъ—и какъ водится, каждый останется при своемъ мнѣніи. Во всякомъ случаѣ, нельзя такъ легко разрѣшать вѣчный, болѣе чѣмъ трехътысячилѣтній споръ между необходимостью вещей и свободной волей—и уничтоженіе (какъ то дѣлаетъ Тол-

стой) одной изъ спорящихъ сторонъ—не разрѣшеніе задачи; оно показываетъ только неустойчивость и незрѣлость мысли, сопряженныя съ дѣтскимъ нетерпѣніемъ и самомнѣніемъ недоучки. Мы успѣемъ съ Вами объ этомъ наталкиваться.

Едва ли Фетъ пріѣдетъ и въ нынѣшнемъ году въ Баденъ. Скучно ему въ Степановкѣ и съ каждымъ годомъ будетъ скучнѣе: но онъ, хотя и полунѣмецъ, а внѣ Россіи жить не можетъ. Я не знаю человѣка, который могъ бы сравниться съ нимъ въ умѣніи хандрить. Вотъ кому бы слѣдовало оставаться вѣчно молодымъ!

Не знаю писалъ ли я Вамъ, что я, когда былъ въ Парижѣ, завтракалъ (послѣ 7 лѣтней разлуки) съ Герценомъ за 4 дня до его смерти и онъ былъ веселъ и въ духѣ какъ никогда.

Многое мнѣ придется Вамъ разсказывать, когда я Васъ увижу. До тѣхъ поръ будьте здоровы. Крѣпко жму Вамъ руку и остаюсь

Любящій Васъ
Ив. Тургеневъ.

Веймаръ.
Hotel de Russie.
$\frac{15}{27}$-го Марта 1870.
Воскресенье.

Вотъ опять прошло сколько времени а я не писалъ Вамъ, дорогой Иванъ Петровичъ! А Вы еще и нездоровы были—и тѣмъ болѣе я долженъ былъ подумать о Васъ! Думать-то я думалъ—и часто; да вотъ лѣнь проклятая взять перо въ руки! Право, даже прибылъ бы себя—набы не было было. И вотъ еще что глупо; буду я теперь отвѣчать на Ваше письмо отъ $\frac{7}{19}$-го Февр.—а съ тѣхъ поръ вѣдь почти шесть недѣль прошло—и чего-чего, пожалуй, не перемѣнилось! Письмо Ваше было грустно и даже мрачно: картина современнаго нашего быта, которую Вы рисовали—немного предетавляла утѣшительнаго; и къ сожалѣнью—по всей вѣроятности—она очень близка къ правдѣ. Но такъ какъ даже носа своего не передѣлаешь (безъ помощи Венеры)—и поневолѣ съ нимъ приходится жить—то *кольми паче* своей родины не передѣлаешь—и съ Россіянами приходится вѣкъ коротать. Вотъ пріѣду—посмотрю самолично.

А пріѣду и скоро—и это уже теперь не волки, волки! Николинъ день 9-го Мая—вотъ положительный и непреложный срокъ моего прибытія въ Спасское. Останусь я тамъ до начала Іюля—и уже конечно буду безпрестанно съ Вами видѣться. Золотые Ваши совѣты на счетъ Кишиневскаго, хозяйства и т. д. я конечно къ свѣдѣнію принялъ—да я и такъ мало расположенъ къ торжественнымъ ревизіямъ и т. п. Пріятно мнѣ думать, что я увижусь съ Фетомъ—постараюсь, по старой

памяти, съ нимъ поспорить, что мнѣ съ каждымъ годомъ все труднѣе и труднѣе становится,—и глубже и глубже проникаюсь я истиной Тютчевскаго стиха:

„Мысль нарѣченная—есть ложь";

—во всякомъ случаѣ такая мысль, къ которой собесѣдникъ не хочетъ идти благодушно на встрѣчу, не хочетъ помочь Вамъ самимъ понять ее: а Фетъ—не изъ такихъ собесѣдниковъ; онъ изъ удивозакусныхъ.

Прочелъ я 6-й томъ „Войны и Мира"; конечно есть вещи первоклассныя; но не говоря уже о дѣтской философіи—мнѣ непріятно было видѣть отраженіе *системы* даже на образахъ рисуемыхъ Толстымъ. Отчего это у него непремѣнно всѣ хорошія женщины не только самки—даже дуры? и почему онъ старается увѣрить читателя, что коли женщина умна и развита, то непремѣнно фразерка и лгунья? Какъ это онъ упустилъ изъ вида весь *Декабристскій* элементъ, который такую роль игралъ въ 20-хъ годахъ—и почему всѣ порядочные люди у него тоже какіе-то чурбаны—съ малой толикой юродства? Боюсь я, какъ бы Славянофильство, къ которому онъ, кажется, попалъ въ руки, не испортило его прекрасный и поэтическій талантъ, лишивъ его свободы воззрѣнія—какъ оно уже испортило Кохановскую и др. Художникъ, который лишается способности видѣть *бѣлое и черное*—и на право и на лѣво—тотъ уже стоитъ на краю гибели.

Здѣсь мнѣ живется порядочно. Здоровье удовлетворительно; работаю конечно очень мало. Было два удивительныхъ представленія Глюковскаго Орфея, въ которомъ Г-жа Віардо была, по обыкновенію, геніальна. Ей самой, уже не пѣвшей на театрѣ нѣсколько лѣтъ, было очень пріятно помануть прежнее; публика вдѣшняя ее лелѣетъ и ласкаетъ. Веймаръ—городокъ небольшой; но и въ немъ живутъ хорошіе и интересные люди.

Холода прошли; то есть погода все еще очень скверная; но въ комнатахъ не холодно, благодаря попранкамъ сдѣланнымъ въ печкахъ.

Кланяйтесь отъ меня Петѣ, когда писать ему будете; рукаде я ему привезу отличное и мы будемъ вмѣстѣ стрѣлять коростелей. А Вы будьте здоровы; жму Вамъ крѣпко руку.

Вашъ
Ив. Тургеневъ.

Веймаръ.
Hotel de Russie.
$\frac{13}{1}$-го Апр. 70. Середа.

Добрѣйшій Иванъ Петровичъ, Вы, я увѣренъ, не сомнѣваетесь въ искренности моего сочувствія къ Вашему горю. Смерть любимаго существа есть такъ же отчасти и собственная смерть—и прошедшее такъ же тяжело и горько умираетъ—

какъ и настоящее. Вы похоронили тѣ дни, когда Вы были счастливы—то существо, съ которымъ были счастливы—только теперь. Радуюсь за Васъ—печальной, правда, радостью—что послѣднее впечатлѣніе произведенное на Васъ чертами Н. А. было тихое и доброе. Дорога съуживается и темнѣетъ передъ Вами—но Петя жизнь—и передъ нимъ жизнь все ширится и свѣтлѣетъ. Живите его жизнью. Я какъ-то на дняхъ сказалъ двумъ дочерямъ Г-жи Віардо, что я душевно радуюсь тому, что никогда не увижу ихъ милыя, молодыя лица даже начинающими отцвѣтать! Надо обновляться молодостью тѣхъ, которыхъ любишь. А потому-то я и былъ огорченъ тономъ Вашего письма изъ Москвы. Очень уже онъ былъ мраченъ и какъ-то холодно отчаянъ. Вотъ погодите—потерпите только до весны; а тамъ *мы* вмѣстѣ все печальное изъ души вонъ выболтаемъ. Если буду жизнь, *я непремѣнно раньше* половины Мая въ Спасскомъ.

Я окончилъ и почти уже переписалъ большую повѣсть, которую прочту Вамъ. Не малую храбрость оказываю я уже тѣмъ, что продолжаю писать, не бросилъ пера, послѣ всѣхъ безобразій, которыя на меня сыплются. Страховъ въ „Зарѣ"—прямо называетъ меня „рабомъ", гадкой старой бабой; право, нѣтъ позорнаго слова, которое бы не было примѣнено ко мнѣ. Вотъ, не думалъ, не гадалъ—и попалъ въ Булгарины. По неволѣ, самого себя ощупываешь и думаешь: за что все это? Впрочемъ это не бѣда. Я бы желалъ, чтобы вся эта ругань меня больше сердила: тогда бы она придала мнѣ энергіи.

Фетъ, дѣйствительно, сталъ какимъ-то страннымъ: пишетъ мнѣ длиннѣйшія и, говоря по совѣсти, неудобопонятныя письма: видно только что онъ постоянно чѣмъ-то внутренно раздраженъ. Я полагаю, что онъ никакъ не можетъ помириться съ прекращеніемъ своей литературной дѣятельности. Надо будетъ постараться и его нѣсколько успокоить. Къ сожалѣнію я въ Россіи до самаго развала охоты не останусь; развѣ онъ пріѣдетъ къ намъ въ Баденъ на нашихъ фазановъ и дикихъ козъ.

Погода все еще ни то ни се; третьяго дня вечеромъ была славная гроза—но въ противность тому, что можно было ожидать, послѣ нея въ воздухѣ похолодѣло.

Сюда пріѣхалъ Листъ и пріуготовляются различныя музыкальныя празднества.

Я очень радъ что Салаевъ не хочетъ допустить меня до денежной потери; дѣло въ томъ что онъ переслалъ мнѣ 3000 франковъ черезъ Лури, который на половину обанкротился и векселя котораго протестуются.

За симъ, любезнѣйшій и добрѣйшій И. П. жму Вамъ крѣпко руку и остаюсь

Вашъ Ив. Тургеневъ.

P. S. „Исторія одного города" Салтыкова въ Отеч. Запискахъ—преуморительная вещь.

Представьте себѣ рисунокъ крыши: *)

*) Здѣсь нарисованы стропила крыши.

А.... б.... в.... г.... это стропила; но имѣетъ ли у плотниковъ особое названіе трехъугольникъ *а*, трехъугольникъ *б* и т. д. Не называютъ ли такой трехъугольникъ *связью*? Не говорятъ же первый, второй трехъугольникъ и т. д.? Пожалуйста напишите мнѣ объ этомъ немедленно, если Вы это знаете—или спросите архитектора. Такъ же бревно *д*—соединяющее трехъугольники—называется ли перекладиной, брусомъ или какъ нибудь спеціальнѣе?

Очень буду благодаренъ за отвѣтъ.

С. Петербургъ.
Гостиница Клее.
Пятница, 22-го Мая 70.

Добрѣйшій Иванъ Петровичъ, вотъ наконецъ я попалъ сюда (со вчерашняго вечера)! Во Вторникъ я выѣзжаю, въ Москвѣ остановлюсь всего одинъ день, много два—и въ Четвергъ или Пятницу—я въ Спасскомъ. Предупрежду Васъ о точномъ днѣ пріѣзда письмомъ или телеграммой—а нынче хочу только сказать, что вотъ молъ я—и ружье привезъ Петѣ и 300 патроновъ и все какъ слѣдуетъ.

До скораго свиданія—обнимаю Васъ.

Преданный Вамъ
Ив. Тургеневъ.

Баденъ-Баденъ.
Thiergartenstrasse, 3.
Середа, 24-го Авг. 70.

Вы могли бы уже теперь истребовать отъ Л. Н. Толстого выигранную Вами бутылку, любезнѣйшій Иванъ Петровичъ—ибо послѣдніе удары нанесенные Пруссаками, въ сущности, кажется, уже рѣшили дѣло. Нельзя не удивляться искусству, съ которымъ они сперва удержали глупаго Базена въ Мецѣ, потомъ преградили ему дорогу въ Верденъ—наконецъ поразили его на голову и отбросили его опять въ Мецъ, гдѣ онъ долженъ умереть съ голоду или сдаться. Эти 3 сраженія (14-го, 16-го и 19-го Августа) стоили имъ страшныхъ жертвъ—зато результатъ великъ. Ничто не мѣшаетъ теперь арміи Кронпринца дойти до Парижа, Макъ-Магонъ навѣрное покинетъ Шалонскій лагерь. Окончательнаго исхода войны пока нельзя предвидѣть, но всѣ шансы на сторонѣ Нѣмцевъ.

Я очень хорошо понимаю, почему Толстой держитъ сторону Французовъ. Французская фраза ему противна—но онъ еще болѣе ненавидитъ разсудительность, систему, науку, однимъ словомъ—нѣмцевъ. Весь его послѣдній романъ построенъ на этой враждѣ къ уму, знанію и сознанію—и вдругъ ученые нѣмцы бьютъ неѣжъ французовъ!! (Кстати—неужели юродивецъ, напечатавшій въ Московскихъ Вѣдомостяхъ какія-то нелѣпыя пророчества съ планами—тотъ же самый

Кн. Урусовъ, съ которымъ такъ друженъ Толстой?) Съ своей стороны я, „не мудрствуя лукаво"—радуюсь пораженію Франціи—ибо вмѣстѣ съ нею поражается на смерть Наполеоновская имперія, существованіе которой несомнѣтно съ развитіемъ свободы въ Европѣ. Я выразилъ это мнѣніе въ письмахъ къ Анненкову, отрывки которыхъ были помѣщены въ 216 № С. П. бургскихъ Вѣдомостей (8-го Августа). Я, между прочимъ, привелъ тамъ нѣсколько отличныхъ образчиковъ Французской „фразы".

Радуетъ меня то, что Вы мнѣ пишете о Толстомъ и о Фетѣ, жаль только, что сей послѣдній все еще не хочетъ разстаться съ Музой. Е. Д. Шепкина описана Вами превосходно, такъ же и ея сынокъ.

Я уже былъ 3 раза на охотѣ. Первые два раза стрѣлялъ отвратительно—а въ третій разъ охота неудалась. Однако уже заполевалъ 23 куроп. и 8 зайцевъ. Песъ мой все по прежнему хорошъ.

По ночамъ здѣсь ясно слышно бомбардированіе Страсбурга, который уже до половины выжженъ. Даже лежа въ постели, при закрытыхъ окнахъ, все еще ухо улавливаетъ глухія рокотанья и сотрясенья. Поневолѣ предаешься философическо-историческо-соціальнымъ размышленіямъ весьма не веселаго свойства. Желѣзный нѣкъ еще не прошолъ—и мы все еще варвары! И вѣроятно останемся таковыми до конца дней.

Погода у насъ испортилась—говорятъ, будетъ ранняя зима.

Поцалуйте за меня Петю; крѣпко жму Вамъ руку и остаюсь

Любящій Васъ
Ив. Тургеневъ.

Баденъ-Баденъ.
Thiergartenstrasse, 3.
Четвергъ, $\frac{13}{1}$-го Окт. 1870.

Милый Иванъ Петровичъ, Ваше письмо не совсѣмъ успокоительно: изъ него я вижу, что Вы все еще болѣете—коли даже на охоту ходить не можете. Сверхъ того—изъ газетъ я вычиталъ, что у васъ въ Орлѣ недѣ холеры; а въ Ельцѣ она приняла даже какіе-то чудовищные размѣры. Все это худо—если даже газеты и преувеличиваютъ. Изъ Петербурга тоже извѣстія невеселыя: мѣсто „начальника печати" получилъ нѣкто генералъ Шидловскій, бывшій тверской губернаторъ, изъ молодыхъ да раннiй; безъ скрыпу зубовъ не произносить ни одного слова—и признанъ для укрощенія. Редакторы трепещутъ. Фетовское безобразничанье, о которомъ Вы пишете, имѣетъ то еще непріятное, что оно не виновно: въ немъ чувствуется кислое броженіе уязвленнаго и закупореннаго литературнаго самолюбія. Кишинскій такъ же хнычетъ и кажется, никакихъ надеждъ на хоро-

шій доходъ не подаетъ; а тутъ война затягивается на нѣки-нѣчные, вѣроятность мира исчезаетъ—и погода, подъ ладъ всему остальному, испортилась: вѣтеръ завываетъ такъ, что зубы ноютъ. Словомъ, куда ни оглянись—веселаго мало. Кстати, я Чапкину объ Васѣ не говорилъ—но если Вы согласны потолковать съ нимъ, то я съ радостью тотъ-часъ напишу ему объ этомъ—если Вы считаете это нужнымъ; я разсчитываю на Васъ какъ на каменную гору—и безъ Вашего совѣта никакой арендной сдѣлки не заключу. Покажите ему это мѣсто моего письма—или черкните мнѣ слово—и я тотъ-часъ письменно къ нему обращусь. Онъ хотѣлъ въ нынѣшнемъ году осмотрѣть мои имѣнія—и я на этотъ счетъ отдалъ приказаніе Кишинскому; исполнилъ ли Чапкинъ свое намѣреніе? Онъ дастъ вѣроятно меньше другаго—но за то плательщикъ онъ будетъ вѣрный. Буду ждать Вашего отвѣта. Письмо мое конечно застанетъ Васъ еще въ деревнѣ.

Я черезъ недѣлю на нѣсколько дней отлучусь изъ Бадена: провожу до Остенде семейство Віардо, которое отправляется зимовать въ Лондонъ. Война ихъ—если не разорила окончательно—то лишила ихъ всякаго дохода въ нынѣшнемъ и будущемъ году; ей приходится нѣмѣемъ въ концертахъ, давaніемъ уроковъ вырабатывать себѣ деньги—а деньги находятся теперь только въ Англіи. Проводивши ихъ я вернусь сюда и прожину здѣсь еще съ мѣсяцъ. А тамъ и въ путь-дорогу!

„Степной Король Лиръ" явится вѣроятно въ Ноябрской книжкѣ Вѣстника Европы—а я пока настрочилъ другой небольшой разсказецъ подъ заглавіемъ: „Стукъ, стукъ, стукъ"... Тоже воспоминаніе молодости. Этотъ разсказецъ еще неизвѣстно куда попадетъ.

Охотился я ни дурно, ни хорошо: однако вчера убилъ большаго дикаго козла.

Когда будете писать Петѣ, поцалуйте его за меня; я увѣренъ что, какъ *педагогъ*, Леонтьевъ и Катковъ—молодцы; какъ политическіе дѣятели—это вопросъ другой. А повѣсть Фета что-то не появляется въ Рускомъ Вѣстникѣ!

Прощайте, милый И. П. Будьте здоровы и не поддавайтесь мехлюзіи. Я это пишу Вамъ—а самъ нуждаюсь именно въ томъ же совѣтѣ. „Врачу, исцѣлися самъ!" Обнимаю Васъ.

Любящій Васъ
Ив. Тургеневъ.

Баденъ-Баденъ
Thiergartenstrasse, 3.
Пятница $\frac{28}{16}$-го Окт. 70.

Любезнѣйшій Иванъ Петровичъ, быть можетъ—это послѣднее письмо, которое я Вамъ въ нынѣшнемъ году напишу изъ Бадена. Черезъ недѣлю я переѣзжаю въ Лондонъ, гдѣ уже находится все семейство Віардо. Война разорила

и Г-жу Віардо: она принуждена, для необходимаго пополненія доходовъ, зарабатывать деньги даваніемъ уроковъ и пѣніемъ въ концертахъ; а деньги нынѣшнее время можно добывать только въ Англіи. Я ѣздилъ провожать ихъ до Остенде, недавно вернулся и теперь самъ на маяк. Зима въ Лондонѣ—невеселое дѣло—но все же лучше совершеннаго Баденскаго одиночества. Съ начала Января я въ Петербургѣ, а въ концѣ Января въ деревнѣ. Съ Вами я вѣроятно повидаюсь въ Москвѣ. Такъ какъ Вы мнѣ пишете, что около 20-го Окт. отправляетесь въ Москву—то и это письмо я уже отправляю туда, на имя моего брата.

Въ письмѣ Вашемъ Вы пишете, что кажется дѣла нѣмцевъ пріостановились—а сегодня пришло извѣстіе о сдачѣ арміи Базена и Меца. Первоклассная нетронутая армія, громаднѣйшіе запасы—все имъ досталось въ руки. *Это* почти хуже Азина. Франція *покончена* какъ Польша; повѣрьте мнѣ—это только вопросъ времени. Точно такъ же будетъ и Парижъ взятъ. Вотъ уже недѣля какъ здѣшнія желѣзныя дороги заняты подъ новыя несмѣтныя войска, которыя идутъ потокомъ, лавой во Францію—на Люнъ.... вся Германія хлынула во Францію—говорятъ около милліона войска въ распоряженіи у Мольтке! Просто небывалое дѣло и остается только воздѣть руки къ небу. А несчастная Франція все топорщится, все не хочетъ уступать.... Странно со стороны смотрѣть на эту жалкую мучительную агонію.

Это однако нехорошо, что Вамъ все нездоровится, что Вы охотиться не можете. А мы на послѣднихъ куражимся. Вчера была славная охота: убили 7 дикихъ козъ, 10 зайцевъ, 1 вальдшнепа. Не знаю, удастся ли въ Англіи—а тамъ, говорятъ, по этой части, чудеса совершаются. На всякій случай возьму съ собой ружье.

Дай то Богъ, чтобы обѣщанья Кишиневскаго исполнились! Я, признаюсь, какъ увидѣлъ его на праздникѣ въ Славянофильскомъ костюмѣ—такъ и ахнулъ! Непремѣнно, думаю, дуракъ.... Такъ и вышло. На счетъ Тяпкина, аренды и т. д.—я безъ Вашего совѣта ни ни..... Мы обо всемъ этомъ хорошенько переговоримъ въ Москвѣ.

Въ „Русскомъ Вѣстникѣ" я видѣлъ *первый романа* съ примѣсью стиховъ—и подумалъ: что за старина? Но такъ какъ Вы рекомендуете—то я прочту. Очень вѣрно Вами охарактеризованы женскія литературныя надѣлья. А что же поэтъ Фетъ? И стихи его? Неужели „и ты Брутъ Катковъ?".... Что онъ опять выбранъ изъ мировые?

У насъ третьяго дня вечеромъ такой былъ урагангъ, что никто не запомнитъ. Что крышъ, трубъ снесло—и сказать нельзя—громаднѣйшія деревья скошены какъ трава, весь нашъ дебаркадеръ (лѣтняя станція) завалился. У меня архитекторъ задумалъ подъ предлогомъ стиля во вкусѣ Людовика XIII-го вывести престрашеннѣйшія трубы—одна изъ нихъ рухнула—крышу пробила, террасу уни-

чтожила—та же бомба! Рублей въ 500 вскочитъ—а то и больше пожалуй. Изъ газетъ видно, что та же буря кругомъ свирѣпствовала—съ Штуттгардскаго театра всю крышу начисто снесла. На другой день мы охотились въ лѣсу—такъ точно сраженіе! Деревья лежатъ другъ на дружкѣ какъ убитые воины. Говорятъ, такой трескъ и гамъ стоялъ въ лѣсахъ, что волосы поднимались дыбомъ у проѣзжавшихъ. Много народу поранено. Есть и убитые.

Поцалуйте за меня Петю. Я воображаю, онъ уже совсѣмъ большой сталъ и честолюбіе въ немъ развилось предольшущее. Но Вы приведите ему примѣръ Наполеона III-го.

Крѣпко жму Вамъ руку. Будьте здоровы. Изъ Лондона напишу.

Вашъ
Ив. Тургеневъ.

Лондонъ.
16, Beaumont street.
Marylebone.
Пятница, $\frac{9\text{-го Іюня}}{28\text{-го Мая}}$ 71.

Милѣйшій Иванъ Петровичъ, письмо продиктованное Вами Петѣ меня болѣе порадовало, чѣмъ то, которое Вы продиктовали какому-то малограмотному смертному; но дѣйствительно порадуюсь я только тогда когда получу письмо, написанное съ начала до конца собственной Вашей рукою. Для этого нужно какъ можно скорѣе поправиться—а чтобы поправиться, нужно какъ можно скорѣе прибыть въ Эмсъ. Говоря о 1-мъ числѣ Іюля, я говорилъ о настоящемъ, Европейскомъ—а не нашемъ. Другими словами—если это письмо застанетъ Васъ въ Новоселкахъ—то надо не мѣшкая ѣхать—и прибывши тотъ-часъ дать мнѣ знать сюда: я отъѣзжаюсь *непремѣнно*. И такъ надѣюсь, до скораго свиданія. Не знаю, съ кѣмъ Вы поѣдете—но по Вашимъ словамъ у Васъ есть хорошій товарищъ. Отчего бы не Фету поѣхать съ Вами? И писалъ ему объ этомъ.

Отъ всего сердца обнимаю и зову Васъ; Петю цалую крѣпко и напишу ему. Жду отъ Васъ вѣсточки.

Вашъ
Ив. Тургеневъ.

Любезнѣйшій Иванъ Петровичъ,

Сей часъ ко мнѣ пріѣхалъ Л. Н. Толстой—и *я* спѣшу Вамъ дать знать объ этомъ. Не явился ли къ Вамъ Фетъ? Пожалуйста—если можно, пріѣзжайте сами для того чтобы сговориться о нашемъ путешествіи въ Степановку. Въ случаѣ

если мы рѣшимся тотъ-часъ туда ѣхать, то надо будетъ отправить нарочнаго къ Аванасью Аванасьевичу.

Жму Вамъ руку.

Вторникъ. Преданный Вамъ
Ив. Тургеневъ.

Любезный Иванъ Петровичъ!

Мы Васъ ждемъ завтра *въ Понедѣльникъ* къ 2 часамъ—утромъ мы съѣздимъ съ Фетомъ, съ новыми собаками для пріученія ихъ къ себѣ—но мы въ 12 часовъ будемъ дома. И такъ досвиданія—жму Вамъ руку.

Воскресенье. Вашъ
Ив. Тургеневъ.

Любезнѣйшій Иванъ Петровичъ, благодарю Васъ за коня, которымъ буду пользоваться и котораго возвращу Вамъ въ цѣлости. Кланяйтесь Вашей женѣ и Фетамъ—и скажите имъ, что я имъ напишу изъ Орла, куда я ѣду дня черезъ 3 или 4—и во всякомъ случаѣ жду ихъ къ 25-му.

Воскресенье. Жму Вамъ крѣпко руку.
Преданный Вамъ
Ив. Тургеневъ.

Баденъ-Баденъ
Schillerstrasse, 7.
25-го Янв. / 7-го Февр. 1868.

Милый Петя!

Непростительно—
Скажу больше отвратительно,
Что такъ долго я молчалъ,
Хоть писать и обѣщалъ.
Да что дѣлать!. лѣнь... охота...
И на умъ нейдетъ работа.
Но теперь конецъ стрѣльбѣ!
Обращаюсь я къ тебѣ.—

Ну, пріятель мой Орловскій
Нынѣ гимназистъ Московскій,
Разскажи ка мнѣ путёмъ
И ни прозой, ни стихомъ,

Какъ твое проходитъ время?
По плечу-ль науки бремя?
Не скучаешь ли? Не бось
Онѣмечился, хоть брось!
Но сѣды большой въ томъ нѣту;
Много я бродилъ по свѣту,
Много слушалъ тѣхъ, другихъ
И своихъ то и чужихъ...
А скажу: передъ Минервой
Нѣмецъ все же нуженъ первый
И учить насъ Русаковъ
Онъ особенно здоровъ.
Съ величайшимъ прилежаньемъ
И терпѣньемъ и стараньемъ
Ты внимай его словамъ;
Послѣ, какъ окрѣпнешь самъ,
Ты свои расправишь крылья
И помчишься безъ усилья
Все впередъ, впередъ, впередъ.....
Всѣ тогда разинутъ ротъ—
И воскликнутъ: „Эта птичка
Съ ноготкомъ, хоть невеличка!"

Вотъ, братъ Петя, какіе твои старый пріятель тебѣ даетъ совѣты; а когда наступитъ лѣто, быть можетъ папа тебя возьметъ на вакаціи въ деревню; и я тогда тамъ буду, потому что въ нынѣшнемъ году я намѣренъ побывать въ Россіи; то то мы съ тобою нагуляемся, малины и земляники накушаемся, въ рѣчкѣ накупаемся, обо всякихъ предметахъ наспоримся!—И убѣжденъ, что ты и теперь такой же спорщикъ, какимъ я тебя зналъ три года тому назадъ!—Но и то сказать: три года много значутъ!—ты, пожалуй, съ тѣхъ поръ вырось, остепенился, можетъ быть даже хохолокъ у тебя на головѣ завитъ—и ты уже мечтаешь о томъ, что ты кавалеръ хоть куда!—Какъ бы то ни было, я увѣренъ, что мы встрѣтимся и разстанемся большими пріятелями.—А потому заочно тебя цѣлую и говорю: досвиданія—въ деревнѣ или въ Москвѣ. Будь здоровъ и учись хорошенько и помни

Искренно тебя любящаго
Ив. Тургенева.

Лондонъ.

Петѣ Борисову. 16, Beaumont street.
Marylebone.

$\frac{15-19}{3-7}$ Іюля 1871.

Спасибо тебѣ, милый Петя, за твое письмо;—хотя признаюсь, я ожидалъ найти въ немъ нѣсколько словъ о моемъ другѣ, твоемъ покойномъ, добрѣйшемъ отцѣ, незамѣнимую потерю котораго ты кажется не вполнѣ оцѣниваешь—а не пространное и—извини меня—совершенно нелѣпое описаніе тѣхъ нѣмецкихъ воиновъ, которые, по твоему предположенію, теперь то и дѣло куражатся и бахвальствуютъ. Въ томъ то и дѣло, милый Петя, что и первоклассному лицейскому ученику нельзя говорить зря;—Нѣмецкіе солдаты, послѣ войны, большей частью, перестаютъ быть солдатами—потому что они не преторіанцы—а возвращаются каждый къ своему занятію.—Да и въ день торжественнаго вступленія войскъ въ Берлинъ, Англійскіе, совершенно безпристрастные—скорѣй недоброжелательные корреспонденты—удивлялись ихъ скромности и тишинѣ. Бойся риторики, дружокъ мой, да краснаго слова!—Оно почти всегда ложно.

Желаю тебѣ хорошенько поправиться и раздобрѣть въ Степановкѣ и надышаться ея благодатнымъ, степнымъ воздухомъ!—Къ стрѣльбѣ, я полагаю, умъ мало предстоитъ случаевъ;—но пожалуйста, будь осторожевъ и бевъ дяди не бери ружья въ руки. Вкладывай только тогда патронъ, когда хочешь стрѣлять—а не выстрѣливши вынимай его тотъ часъ.—За симъ тебя обнимаю крѣпко и желаю всего хорошаго.

Твой старый другъ.
Ив. Тургеневъ.

Письма И. С. Тургенева А. А. Фету, 1858-1873 гг.

Любезнѣйшій Аванасій Аванасьевичъ.

Мнѣ приходится отвѣчать Вамъ на три письма—и для порядка и краткости, отвѣчаю по пунктамъ:

1) Вы положительно несправедливы къ намъ, подозрѣвая въ насъ *угодливость* публикѣ. Я упомянулъ о ней только съ той точки зрѣнія, что она стала недоброжелательна къ Вашимъ переводамъ и что, слѣдовательно, не должно ей давать никакого *справедливаго* повода отворачиваться отъ нихъ: стихи же мы Ваши браковали не потому, что они слишкомъ *смѣлы* и для публики непонятны—а

просто потому, что они намъ показались слабы, вялы и *несмѣлы*. Я уже упоминалъ Вамъ о Вашей неуклюжей покорности и робости передъ оригиналомъ. Слова: каротель и кофе*)—напр: можетъ быть, публика не замѣтитъ даже: но онѣ рѣжутъ ухо всякому, кто только чутокъ на гармонію. Сохрани Богъ, чтобы мы хотѣли Васъ передѣлать: но первыхъ, это было бы очень жалко—а во вторыхъ невозможно: мы только говоримъ наше мнѣніе со всею искренностью—а вы принимайте его только въ такомъ случаѣ, если сами съ нимъ согласны.

2) Изъ присланныхъ *Вашихъ* стихотвореній—первое: Море и звѣзды—недурно, не болѣе—за исключеніемъ непостижимо-непонятнаго стиха: Бросаясь на встрѣчу *движенія двойнаго*. Движеніе *волнъ* улавливается чувствами; но одинъ разъ сказочный богатырь, который *слышалъ*, какъ трава росла—можетъ *видѣть*—какъ ночь двигаясь одѣвается. Второе стихотвореніе—*Сны и тѣни*—есть—извините за выраженіе—совершенный сумбуръ.

3) Теперь о Гафизѣ. Прежде всего спѣшу сказать, что переводъ: Und dieses ist ja wohl kein Fehl—прелестенъ—за исключеніемъ темнаго стиха:

Въ гвоздяхъ нѣжнымъ намъ успѣхъ.—

—который, я полагаю весьма легко перемѣнить.

Стихотворенія 1-й категоріи начинаются: I-ое: Звѣзда полуночи.... V. О если бы озеромъ.... VII. Твой нѣчно.... VIII. О какъ подобенъ я.... XI. Грозныя тѣни.... XII. Дано тебѣ и мнѣ.... XX. Вѣтеръ нѣжный.... XXII. Если осень наноситъ.... XXIII. Падетъ ли взоръ.... XXVII. Ты въ моемъ.... XXXV. Сошло дыханіе свыше....

Что касается до 2-й категоріи—то истина требуетъ сказать, что поправки большей частью неудачны: II. Роза нѣжная причиной—изъ сѣробумажныхъ нѣсенниковъ. IV. Дышать взлетаетъ и т. д. ужъ лучше такъ оставить. VI. Это стихотвореніе рѣшительно погибло: отъ первой *версіи*—на *анцу* съ судорожнымъ хохотомъ валяясь Дружининъ и Николи на диванѣ—отъ версіи на *инчу*—пришлось бы имъ заплакать. Это просто *ужасно*: Поетъ болѣнь тоски *своей причину*. И тутъ же цѣлуетъ—*сиротина!!* Поетъ—и Вы рѣшаетесь на такое варварство!

XVI. Я быть пустынною стрѣлой.... Это величественное стихотвореніе у Васъ вышло съ вывихнутыми ногами. Конецъ вялъ и слабъ. (Послѣдніе три стиха.) Совсѣмъ не то и не такъ у Даумера. У него мечется въ глаза, что этотъ именно сухой песокъ превратился въ плодоносную землю—чего у Васъ нѣтъ—и безъ чего весь образъ пропадаетъ.

XVIII. Вмѣсто каротель и кофе—поставьте ужъ лучше: марципанъ и баваруазъ.

XXIV. Ненавижу этихъ чертовщинъ; не по Русски. „Ненавидѣть" требуетъ винительнаго. Вы послѣ этого скажете—я ненавижу этой женщины. И „*балдагина*" не стоитъ восклицанія: напоследъ! На Востокѣ о балдахинахъ понятія не

*) Представьте себѣ въ стихотвореніи слова: пуде-сук. крюконинъ и т. д. Вотъ почему онѣ неуместны: онѣ *случайны*.

имѣютъ—да и у насъ это не есть обычная принадлежность гроба, особенно бѣдняка Гафиза.

XXVI. Солнце вскипятитъ—можно оставить. Но дѣло не въ томъ, чтобы пересочинять Гафиза, а въ томъ, что у Васъ поставлены слова—неловко и потому—темно.

То же самое относится къ: „безумство свѣтлое" и Чтобы скоро отъ моихъ костей.... Тотъ же Eier-tanz съ безпрестаннымъ трескомъ отъ раздавливаемыхъ яицъ.

Вотъ, батюшка, что совѣсть и долгъ повелѣвали Вамъ сказать. А теперь поступайте, какъ знаете. Напишите мнѣ, если Вы хотите чтобы я прислалъ Вамъ рукопись. Но предсказываю Вамъ тотъ же результатъ—если Вы въ подобномъ видѣ напечатаете Гафиза. И публика, Вами столь презираемая публика—будетъ *права*.

До другаго разу; не пеняйте на меня—это все отъ сердца, дружески сказано. Также дружески жму Вамъ руку, кланяюсь Вашей женѣ и всѣмъ пріятелямъ.

Вашъ
Ив. Тургеневъ.

$\frac{24\text{-го февр.}}{10\text{-го марта}}$ 1858.
Римъ.

Милый Фетъ.

Я виноватъ передъ Вами: не тотъ-часъ отвѣчалъ на Ваше первое письмо. Причиной тому была поѣздка въ Неаполь, гдѣ мы съ Боткинымъ провели около двухъ недѣль весьма пріятно, не смотря на неудовлетворительную погоду и на отсутствіе зелени, придающее всѣмъ великолѣпнѣйшимъ видамъ какую-то унылую и сухую мертвенность. Неаполь надо видѣть лѣтомъ! Но на нѣтъ суда нѣтъ—мы и тѣмъ были довольны. Помпеи произвело большое впечатлѣніе—а такъ же Голубой гротъ и поѣздка туда.

Теперь я наканунѣ отъѣзда изъ Рима; отправляюсь, не спѣша, черезъ Флоренцію, Миланъ и Венецію въ Вѣну, гдѣ я проведу недѣли двѣ (отъ 10 до 25-го Апрѣля) для совѣщанія съ докторами. Изъ Вѣны и еще не знаю навѣрное, поѣду ли я прямо въ Петербургъ—или не заѣду ли сперва въ Парижъ для того, чтобы, по обѣщанью, быть шаферомъ на свадьбѣ Кн. Орлова. Вѣрно быть шаферомъ мнѣ уже на роду написано. Во всякомъ случаѣ, задержать это меня долго не можетъ—и я либо въ началѣ, либо въ концѣ Мая, если только буду живъ и здоровъ, буду въ Спасскомъ—и тогда-то, Богу извольному, начнется та жизнь, о которой мы такъ часто толковали и мечтали..... если крестьянскій вопросъ не помѣшаетъ.

Не Вы одни осудили „Асю"; слухи о ней доходятъ неблагопріятные: не

вытанцовалась голубушка. Что дѣлать; досадно; но не плакать же. Въ другой разъ, можетъ быть, лучше посчастливится.

Присланные Вами стихи очень лестны и очень милы. Одинъ лишь стихъ: „И вѣрно чуя, что просторнѣй"—не лѣзетъ въ горло. Зимой, при изданіи Вашихъ новыхъ стихотвореній, большая будетъ перепашка. Дай Вамъ Богъ удачи и терпѣнья при Антоніѣ и Клеопатрѣ!

Здоровье Ваше не совсѣмъ хорошо: это скверно, и я, Богомъ убитый человѣкъ, Вамъ сочувствую; авось весна и деревня приведутъ все въ порядокъ. Но все таки Вамъ не должно и думать жаловаться: съ такой женой какова Ваша, это грѣхъ.

Кстати, правда ли, что Толстой женится на дочери Тютчева? Если это правда, я душевно за него радуюсь. Только я сомнѣваюсь въ истинѣ этого слуха: Вы совсѣмъ другое о немъ пишете. Я и передъ нимъ виноватъ, т. е. я въ долгу у него за его послѣднее письмо. Поклонитесь ему отъ меня и скажите, что мы безпрестанно вспоминаемъ о немъ съ Боткинымъ. Увѣдомьте меня (poste restante въ Вѣну) правда ли что онъ женится и работаетъ ли онъ и что дѣлаетъ его сестра? Я ему напишу изъ Флоренціи длинное письмо—нехуда прочимъ я отвѣчу ему на его запросъ изъ письмѣ къ Боткину объ одномъ *отрывкѣ*—онъ знаетъ о чемъ идетъ рѣчь. Письмо это только на дняхъ дошло до Боткинскихъ рукъ.

Подписка, говорятъ, на всѣ журналы идетъ отличная; но мы, грѣшные, здѣсь ничего не позволяемъ, по милости Г-дъ редакторовъ. Охъ ужъ эти друзья!

Ну прощайте: будьте веселы и благополучны. Кланяйтесь Аксаковымъ, Толстому—а у Вашей жены я ручки цалую.

Вашъ
Ив. Тургеневъ.

Содень.
8-го Іюня 1860.

Et tu, Fethie!—уныло воскликнулъ я вчера въ отдѣленіи poste restante во Франкфуртѣ—когда на мой вопросъ: есть ли письма на имя: Turgeneff—mit einem harten T—раздался отвѣтъ: Nichts da!—я былъ увѣренъ, что Вы мнѣ напишете, хотя бы для того, чтобы прислать мнѣ рекомендательное письмо къ собакѣ.... т. е. я хочу сказать къ тому человѣку въ Дармштатѣ, который можетъ мнѣ доставить хорошую собаку. А потому, если Вы этого еще не сдѣлали,—то, не теряя ни одной полу-секунды, отправьте мнѣ письмо сюда въ Содень—надписавъ такъ: Soden, bei Frankfurt am Main (Grossherzogthum Nassau) im Europäischen Hof. Это надо сдѣлать очень скоро: я остаюсь здѣсь всего 4 недѣли—а съ нашей почтой воображаю какъ будетъ ползти это письмо! Пожалуйста не теряйте времени. Но Вы мнѣ не объ одной собакѣ напишите. Напишите о себѣ, о Вашей женѣ, о Борисовѣ, о Толстыхъ, обо всемъ Мценскомъ уѣздѣ! Кстати о Толстыхъ: всѣ

больные съ разстроенною грудью лечатся въ Содент: вотъ бы куда поѣхать Толстому (Николаю) и его сестрѣ! Это было бы чудно. А воздухъ здѣсь дѣйствительно цѣлебный: точно изъ нѣмъ парное молоко разлито. Воткинъ изъ Парижа (который до того поправился что получилъ смутный цвѣтъ лица и какое-то кажное сверканіе въ глазахъ)—показывалъ мнѣ Ваше письмо, гдѣ Вы говорите о Львѣ Толстомъ, о литературѣ вообще и т. д. Многое изъ этомъ письмѣ справедливо—хотя преувеличено. Къ числу *пріятныхъ* преувеличеній принадлежитъ между прочимъ и Ваше мнѣніе о моемъ послѣднемъ продуктѣ. Кстати, когда прекратятся статьи о „Накануне?" Это нѣчто изъ родъ эпидеміи. Пора бы оставить эту штуку изъ покоѣ.—Что Вы дѣлаете? И какъ думаете расположить свой капиталъ? И каковы перспективы охоты? Земляники еще нѣтъ?

Боюсь я, что Николай Толстой все будетъ собираться—и не поѣдетъ наконецъ. А ему необходимо лечиться. Мнѣ уже изъ прошлому году его кашель не нравился.

Содентъ—очень уединенное и довольно милое мѣстечко. Чистыя улицы, чистые дома, честныя физіономіи, много зелени, деревьевъ, Ruheplätze по дорожкамъ, утромъ и вечеромъ музыка—все какъ слѣдуетъ. Одно скверно: дождь льетъ непрестанно. Вообще изъ нынѣшнемъ году погода прескверная.

Я собираюсь работать—или собственно говоря—читать. Я давно ничего путнаго не читалъ—и отсталъ. Принялся за Карла Фогта. Ужасно умент и тонокъ этотъ гнусный матеріялистъ.

Пока больше писать нечего. А каковъ Гарибальди? Впрочемъ Вы такъ мало интересуетесь политикой, что даже быть можетъ не знаете кто таковъ Гарибальди?

Вотъ Вамъ на закуску стихотвореніе умершаго сумасшедшимъ Николая Ленау, которое очень напоминаетъ: „Бурю на небѣ вечернемъ".

Sonnenuntergang;
Schwarze Wolken zieh'n
O wie schwül und bang
Alle Winde flieh'n.

Durch den Himmel—wild
А вѣдь Jagen Blitze—bleich
недурно? Ihr vergänglich Bild
Wandelt durch den Teich.

Wie gewitterklar
Mein'ich Dich zu seh'n
Und dein langes Haar
Frei im Sturme weh'n!

Кланяюсь всѣмъ и обнимаю всѣхъ.

Ив. Тургеневъ.

Четвергъ.
22-го Іюня 61.

Я только что собирался послать къ Вамъ эстафетъ, любезный А. А.,—а вдругъ является Вашъ человѣкъ—и я пишу Вамъ—чтобы Вы а) непремѣнно ѣхали изъ Спасское, коль возможно скорѣе, b) взяли съ собою *повара* и с) и еще не видѣлъ Апраксина, но, на всякій случай, возьмите фракъ; впрочемъ мы, можетъ быть, обойдемся безъ него, т. е. безъ Апраксина. Я завтра возвращаюсь назадъ въ Спасское и жду Васъ съ нетерпѣніемъ.

Кланяйтесь М. П—ѣ—всѣ ее у насъ ждутъ.

Вашъ
Ив. Тургеневъ.

(Отрывокъ изъ письма.)

Баденъ-Баденъ.
Schillerstrasse, 277.
25-го Марта / 6-го Апрѣля 1866.

Изъ двухъ присланныхъ стихотвореній одно (напечатанное) къ Тютчеву прекрасно; отъ него вѣетъ старымъ или лучше сказать молодымъ Фетомъ. Другое—неудовлетворительно. „Почему?" спросите Вы. „Критикъ, отдай отчетъ въ твоемъ чувствѣ!"—Извольте—отдаю. Во первыхъ: оно напоминаетъ—тономъ и даже нѣкоторыми подробностями—два стихотворенія Пушкина и Тютчева, которыя оба гораздо лучше его: „Я помню чудное мгновенье" и „Какъ ночью на небѣ звѣзды".... Во вторыхъ: что такое: кинуть принѣтъ *намусть!* О какъ это некрасиво! Какъ можно—„восторгать грусть?" „Всю чистоту твоей души." „Звѣзда и роза"—вялая проза. И наконецъ: „На темномъ небѣ *и въ водѣ*"—ужъ лучше прямо „и въ рукомойникѣ". Еще одно я замѣтилъ: всѣ Ваши личныя, лирическія, любовныя особенно стихотворенья слабѣе прочихъ: точно Вы ихъ сочинили и предмета стихонъ вовсе не существовало. А за симъ можете плать сапогъ и каблукомъ меня по темени, по темени: будь, дескать, вѣжливъ.

Отъ Г-жи Энгельгардтъ я получилъ письмо и уже отвѣчалъ ей.....

Любезнѣйшій А. А.—Михайла Александровичъ Языковъ, помнится, такъ однажды отозвался о нашихъ давно-прошедшихъ литературныхъ Петербургскихъ вечерахъ: „соберутся, разлягутся—да вдругъ одинъ встанетъ, и ни слова не говоря, другому черепъ долой". Наша переписка приняла этотъ анатомическій характеръ—и это пока не бѣда: я даже сегодня хочу продолжать изъ этомъ родѣ. И не подумайте, что я это изъ отместку за Ваше мнѣніе о „Собакѣ"; я это мнѣніе почти

вполнѣ раздѣляю—оттого я эту вещь и не помѣстилъ въ собраніи своихъ сочиненій—а появленіе ея въ С. П.бургскихъ Вѣдомостяхъ служитъ только новымъ доказательствомъ моего неумѣнія сказать: нѣтъ; моя претензія на Васъ состоитъ въ томъ, что Вы все еще съ прежнимъ, уже носящимъ всѣ признаки собачьей старости упорствомъ, нападаете на то, что Вы величаете „разсудительствомъ", но что въ сущности ничто иное какъ человѣческая мысль и человѣческое знаніе; моя претензія состоитъ въ томъ, что Вы не только не устыдились произнести сообщаемый Вами „спичъ"—но даже цитируете этотъ спичъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя, какъ нѣчто замѣчательно остроумное, не обращая даже вниманія на то, что *теперь* около Васъ происходитъ, и какіе господа тянутъ съ Вами эту канитель. Вы видите, что нашъ „старый споръ" еще не взвѣшенъ судьбою—и вѣроятно не скоро прекратится. Въ отвѣтъ на всѣ эти нападки на разсудокъ, на *эти* рекомендаціи инстинкта и непосредственности, мы здѣсь на западѣ отвѣчаемъ спокойно: „Wir wissen's besser; das ist ein alter Dudelsack"—и, извините, отсылаемъ Васъ въ школу. Романъ Толстаго плохъ не потому, что онъ такъ же зарядился „разсудительствомъ;" этой бѣды ему бояться нечего; онъ плохъ потому, что авторъ ничего не изучилъ, ничего не знаетъ, и подъ именемъ Кутузова и Багратіона выводитъ намъ какихъ-то, рабски списанныхъ, современныхъ генеральчиковъ. Вы называете себя умершимъ поэтомъ—что несправедливо; но и съ умершими поэтами могутъ случиться бѣды: примѣръ: нашъ ex-другъ Некрасовъ.

Однако довольно; этакъ, пожалуй, договоришься до чертиковъ, а мнѣ бы этого не хотѣлось—ибо Вы знаете, что я Васъ люблю искренно, не смотря на Вашъ талантъ заставлять меня перхать кровью. Мнѣ очень было пріятно узнать, что Вы провели нѣсколько времени у моего добраго старика дяди—въ „Аѳинахъ вольнонаемнаго труда;" (между нами сказать эти „Аѳины" къ сожалѣнію до сихъ поръ приносятъ ежегодно нѣсколько сотенъ рублей..... убытку; не все то золото—что блеститъ). Онъ Васъ искренно любитъ и дорожитъ Вами и всѣмъ Вашимъ семействомъ. А я окончательно прирось къ Баденской почвѣ, никуда отсюда въ нынѣшнемъ году не выѣду—и былъ бы совершенно счастливъ, еслибъ могъ поспорить съ Вами хорошенько—наустно—здѣсь подъ моимъ кровомъ; надѣюсь, что это когда нибудь случится—если не въ нынѣшнемъ году такъ въ будущемъ. А пока будьте здоровы, не гнѣвайтесь на Вашего древняго оппонента и благоденствуйте. Кланяюсь Маріѣ Петровнѣ, жму Вамъ руку.

Вашъ
Ив. Тургеневъ.

Новоселки.
Воскресенье, 23-го Іюня 68.
7 часовъ утра.

Милый Фетъ,

Пожалуйста не сердитесь на меня—пріѣхалъ сюда съ чемоданомъ и съ твердымъ намѣреніемъ Васъ посѣтить—но нога моя разболѣлась и весь я расклеился—во Вторникъ вечеромъ я долженъ ѣхать въ Москву и не рѣшаюсь выдержать тряску въ 120 верстъ. Еще разъ простите великодушно а въ доказательство, что не сердитесь, пріѣзжайте на осень ко мнѣ въ Баденъ и погостите. Вотъ будетъ чудесно! А пока передайте Маріѣ Петровнѣ мой дружественнѣйшій поклонъ и будьте здоровы. Крѣпко жму Вамъ руку.

Преданный Вамъ
Ив. Тургеневъ.

Баденъ-Баденъ.
Thiergartenstrasse, 3.
Суббота, 20-го Нояб. 1869.

Любезнѣйшій Фетъ, я получилъ Ваше письмо и идиллію—и по долгу старинной дружбы и повинуясь Вашему желанію, высказываю свое посильное мнѣніе. По моему, эту идиллію печатать не слѣдуетъ. Дѣло не въ болѣе или менѣе вѣрной обстановкѣ; общее впечатлѣніе возбуждаемое Вашимъ стихотвореніемъ некрасиво—и потому не антично: да и исполненіе вяло и лишено жизненнаго блеска. А надо было его очень много, чтобы заставить читателя проглотить любовника нащупывающаго ночью у своей дѣвушки чью-то *бритую* голову. Для „Искры" будетъ потѣха—а для почитателей Вашего таланта—никакого наслажденія не будетъ. Я уже не упоминаю о грамматическихъ промахахъ какъ напр. въ стихѣ:

Шевряется золотомъ, несъ мирру, сыпалъ *розъ*....

„Швыряться" глаголъ каминный—мальчишки *швыряются* грязью—а одинъ человѣкъ *швыряетъ;* можно сыпать *розы*—а никакъ не розъ—такъ какъ роза—предметъ неодушевленный; но во всей идилліи нѣтъ ни одного стиха, отъ котораго у меня бы іокнуло.... Впрочемъ, Вы уже не разъ спрашивали моего мнѣнія—а потомъ все таки печатали; желательно бы было, чтобы Вы на сей разъ повѣрили мнѣ.

Вы меня очень успокоили увѣдомленіемъ о выздоровленіи Пети; а то у меня вся душа наболѣла по бѣдномъ Борисовѣ: впрочемъ я перестану тревожиться только тогда, когда получу письмо непосредственно отъ него.

Дай Богъ Вамъ всего хорошаго изъ Вашей Степановки! А главное—дай Богъ чтобы сказанное Вами о молодомъ поколѣніи оправдалось! Пусть они учатся и трудятся и *освобождаются!*

Я передалъ Вашъ поклонъ Віардо—и они Вамъ отвѣчаютъ тѣмъ же. Смотрите же, въ будущемъ году непремѣнно пріѣзжайте сюда охотиться. Здѣсь у насъ дичь *вырвая*.

Кланяюсь Вашей супругѣ и дружески жму Вамъ руку.

Преданный Вамъ
Ив. Тургеневъ.

Баденъ-Баденъ.
Thiergartenstrasse, 3.
Суббота, $\frac{11\text{-го Дек.}}{29\text{-го Нояб.}}$ 69.

Etiamsi omnes, ego non—любезный А. А.! Ни въ жизнь не соглашусь, что можно въ смыслѣ: „шнырять золотомъ" сказать: „шнырятьея а—ъ" или „сыпать розъ"—хотя можно и должно сказать, напр: „онъ объщалъ мнѣ розъ—а я ему надавалъ картофелю" и т. д. „Къ ея ногамъ онъ сыпалъ розъ"—безобразно. Тутъ дѣло не въ пуризмѣ—а въ своеобразныхъ условіяхъ живой Русской рѣчи. Я могу ошибаться какъ вообще въ оцѣнкѣ Вашей идіаліи—но, какъ выразился Лутеръ—Ich kann nicht anders.... Gott helfe mir! Amen.

Что касается до Вашего упрека въ невѣрности цитатъ—то не могу не попенять Вамъ за Вашу лѣность (ибо не хочу думать, что у Васъ—у поэта—нѣтъ изданія Фауста). Вамъ стоило справиться съ текстомъ и Вы увидали бы во первыхъ: что въ Прологѣ, въ разговорѣ Савоева съ обѣсомъ сказано: (7 строка снизу стран. 16 изданія 1840-го года.)—Ein *guter* Mensch in seinem dunkeln Drange и т. д. Во вторыхъ: что въ сценѣ Мефистофеля (переодѣтаго Фаустомъ) со студентомъ стоитъ: (17 строка сверху стран. 82 того же изданія) *Grau*, (a ne Schaal) Theurer Freund, ist alle Theorie и т. д. Вашему носу не приходилось бы трудиться и *чуять*; впрочемъ и лучшая собака (а куда намъ людямъ до собакъ)—ведетъ иногда изъ *пятку*—чуетъ плохо. Чтоже касается до Кольцова, то тутъ уже кромѣ недоумѣнія ничего ощущать нельзя. Съ какой стати я бы сталъ *сознательно* и *добровольно* сочинять цитату! Да я же и не цитовалъ (изъ моей статьи о Плетневѣ въ „Архивѣ") Думу: „Тучи носятъ воду"—которая впрочемъ подъ заглавіемъ „Великая Тайна"—*напечатана* на стр. 161-й изданія 1859-го года—а думу: „Божій міръ"—которая начинается словами: „Отецъ сидя вѣчность"—зр. стран. 162-ую того же изданія. Побольше аккуратности, батюшка Вы мой—и поменьше неосмотрительности! А еще мировой судья—и не безъ Германской крови въ жилахъ!.....

Вашъ Ив. Тургеневъ.

Баденъ-Баденъ.
Фету. Thiergartenstrasse, 3.
Воскресенье, $\frac{2\text{-го Янв. 1870.}}{21\text{-го Дек. 1869.}}$

Въ томъ-то и штука, душа моя А. А., что никакой мужикъ ни въ какомъ кабакѣ ни за какія коврижки не скажетъ—въ Вашемъ смыслѣ—ни: „шнырялся золотомъ"—ни: „сыпалъ розъ"—потому что непосредственное чувство ему подскажетъ что 1-е) „шнырятьея можно только *взаимно* или *неопредѣленно*—или *во всѣ стороны*—а когда дѣло идетъ объ одномъ человѣкѣ—то можно сказать: шнырялъ въ него, зашнырялъ его—а никакъ не шнырялся; и 2-е) въ вопросѣ о розахъ—дѣло идетъ не о *количествѣ* ихъ—а о *качествѣ* самаго поступка—то есть: о бросаніи въ ноги такого краснаго и цѣннаго цвѣтка. Не въ томъ дѣло, что онъ *много* или *мало* розъ сыплетъ—а въ томъ что онъ вообще *розы* сыплетъ. Тутъ не *барскій* языкъ, не пуризмъ—а оскорбленіе духа языка, его живой логики. Если Вы этого не чувствуете, то остается только руками развести—и разиѣ напомнить Вамъ знаменитый стишокъ:

Минула береговъ, ухающихъ соблазномъ.

„И и розъ ему сыпалъ и піонозъ—все ничего!"—это по русски.

„Къ ея ногамъ онъ сыпалъ розъ".—*Аллилуйская* чепуха!....

Я третьяго дня вернулся изъ Веймара (и Берлина) куда и ѣздилъ на недѣлю, для того чтобы устроить переселеніе семейства Віардо—(и мое, разумѣется) въ Веймаръ, на $2^1/_2$ мѣсяца, начиная съ 1 Февраля н. с. Собственно это дѣлается для того, чтобы дать возможность старшей дочери Г-жи Віардо брать уроки въ живописи (въ Веймарѣ устроена отличная школа) да Баденъ больно уже пустъ зимою. Въ половинѣ Апрѣля они возвратятся въ Баденъ—а я пущусь въ Русь православную.

Вашъ
Ив. Тургеневъ.

P. S. Это письмо Вамъ вручитъ Борисовъ изъ Москвѣ, такъ какъ изъ его письма я вижу, что Вы сегодня же туда прибываете.

Лондонъ.
16, Beamont street.
Marylebone.
Пятница, $\frac{12\text{-го Мая}}{30\text{-го Апр.}}$ 1871.

Ваше предложеніе—любезнѣйшій Фетъ, чтобы всѣмъ *нама* гуртомъ переѣхать въ Спасское—и логично и дружественно и мило; но вотъ въ чемъ штука: хотя жизнь въ Англіи очень дорога—но только въ Англіи можно брать 25 фр. за урожъ; а такъ какъ Г-жа Віардо, при почти совершенномъ разореніи, причиненномъ

ей войною, другихъ средствъ къ существованію не имѣетъ, то по невол'ѣ приходится жить въ Англіи—а не въ Россіи, какъ она ни „тиха, кротка и уединенна“ какъ барышня Островскаго подъ окномъ.

Ваши извѣстія о Борисовѣ очень и очень печальны. Я почти навѣрное знаю, что не увидѣть мнѣ его больше! Я получилъ отъ него письмо, написанное почти неузнаваемымъ почеркомъ; онъ мнѣ пишетъ въ немъ, что отправляется „въ слѣдъ за Николаемъ Толстымъ“. Нечего говорить, какъ глубоко мнѣ будетъ его жаль! Я не раздѣляю Вашего мнѣнія на счетъ *безполезности* перемѣщенія въ чахоткѣ; вся бѣда въ томъ, что это перемѣщеніе дѣлается обыкновенно слишкомъ поздно, когда уже ничто помочь не можетъ. Если Борисовъ въ состояніи будетъ еще *воевремя*—т: е: въ Іюлѣ попасть въ Эмсъ, куда его посылаютъ—то я еще не теряю всякой надежды. Что бы Вамъ съ нимъ пріѣхать? Оттуда Вы бы перебрались въ Баденъ, поохотились бы со мною (я въ Баденѣ буду находиться съ Августа до Октября)—а тамъ мы бы Борисова устроили въ какой нибудь уютной и теплой виллѣ въ Швейцаріи на зиму. Вотъ видите ли: Вы меня зовете въ Россію—а я Васъ въ Германію. Но вѣроятно кончится тѣмъ, что каждый останется на своемъ мѣстѣ—и судьбы совершатся.

Здѣсь мнѣ живется недурно: ни весело, ни скучно—а болѣе прилично. Въ нашъ возрастъ никто больше не долженъ смѣть требовать. Здоровъ—ну и кланяйся въ ноги, благодари Провидѣніе.

Журналы пустили было утку: распространили слухъ о смерти Г-жи Віардо. Она, слава Богу, здорова—такъ же какъ и все ея семейство—а то бы я навѣрное съ Вами не бесѣдовалъ.

Поклонитесь отъ меня Вашей супругѣ и всѣмъ пріятелямъ; жму Вамъ крѣпко руку.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

P. S. Не знаю, какъ у васъ; а у насъ холода стоятъ безобразные. Напишите мнѣ, какъ только Вы увидите Борисова въ Новоселкахъ, куда онъ перебирается.

Баденъ-Баденъ.
Thiergartenstrasse, 3.
Понедѣльникъ, $\frac{20}{16}$го Авг. 71.

Вотъ и опять здѣсь, любезнѣйшій А. А. и письмо Ваше получилъ—т: е: нашолъ это письмо здѣсь. Остаюсь въ Баденѣ до конца Октября—а тамъ въ Парижѣ—а въ Ноябрѣ (въ концѣ) въ Петербургѣ. Былъ недавно въ Шотландіи—присутствовалъ въ Эдинбургѣ на юбилеѣ Вальтеръ-Скотта—даже произнесъ спичъ (весьма короткій и заранѣе напизусть выученный); сбился разъ, чѣмъ заслужилъ

рукоплесканія; впрочемъ слышъ—по всѣхъ газетахъ—за М-т Torquhoff, a distinguished novellist;—Англичане вовсе не интересуются ни Россіей ни Русской литературой... (Русское правительство—это дѣло другое—особенно Русская дипломатія). Потомъ я ѣздилъ въ „Highlands“—и стрѣлялъ тамъ „грouзовъ“—grouse—птицу являющую нѣчто среднее между тетеревомъ и бѣлой куропаткой. Это было очень интересно, но утомительно,—и первый день я отъ волненія стрѣлялъ скверно. Нигдѣ въ мірѣ нѣтъ такого воздуха какъ въ сѣверной Шотландіи; дышатъ имъ—наслажденіе! Притомъ я былъ у весьма милыхъ и гостепріимныхъ хозяевъ.

Мнѣ жаль что Петя только разсердился на меня за мое письмо—а не почувствовалъ что въ немъ было справедливаго. Когда онъ будетъ большой, я, если буду живъ и если онъ сдѣлается—въ чемъ я не сомнѣваюсь—хорошимъ человѣкомъ, покажу ему его *первое письмо, написанное ко мнѣ послѣ кончины его отца*—и онъ и постыдится его и подивится тому, до чего можетъ доходить эгоизмъ молодости. Теперь онъ, въ силу своихъ успѣховъ въ Катковскомъ лицеѣ, чувствуетъ себя какъ бы царьковъ; а до царей, извѣстно, истина проникаетъ съ трудомъ.

Когда я свижусь съ Вами, мы побесѣдуемъ о новѣйшей Англійской *поэзіи*, о которой у насъ никто—или почти никто—не имѣетъ понятія. Штука не симпатическая—но интересная—и есть очень, очень большой лирическій талантъ: Свинбёрнъ (Swinburne).

Это очень плохо что—„о Толстомъ нѣтъ вѣстей“. Вы не можете имѣть о немъ болѣе высокаго мнѣнія—тѣмъ я. Будемъ надѣяться что слухи преувеличены и что все еще поправится. Если къ такому таланту да присоединится еще образованный и успокоенный, т: е: умудренный умъ—чего нельзя ожидать отъ него! Я твердо вѣрю что мы еще доживемъ до того мгновенья, когда онъ первый будетъ добродушно хохотать надъ quasi-философской чепухой, которую онъ напустилъ, въ видѣ воли, въ свой поистинѣ великій романъ.

А что Вамъ не нравится званіе „литераторъ“—это вашъ конекъ—а жизнь научила меня обходиться съ чужими коньками почтительно. По моему—„литераторъ“—такое же званіе или опредѣленіе рода занятій—какъ „свѣчникъ“ или „пирожникъ“. Но есть пирожники хорошіе и дурные—и литераторы тоже.

За симъ кланяюсь Марьѣ Петровнѣ и крѣпко жму Вамъ руку.

Преданный вамъ
Ив. Тургеневъ.

Баденъ-Баденъ.
Thiergartenstrasse, 3.

11-го Нояб. / 30-го Окт. 1871.

Любезный А. А. Ваше письмо, пущенное въ Парижъ на имя Жоржъ-Дандена, застало его еще здѣсь. Меня удержали: все еще продолжающаяся подагра и никогда не прекращающіяся дѣла. Но теперь я на чеку—и того и гляди, хвачу въ Парижъ.

Двѣ вещи не дѣлаются въ спорѣ между людьми комплиментными: когда одинъ говоритъ: я Вамъ то-то и то-то сказалъ—другой не отвѣчаетъ ему: Вы никогда этого не сказали. Или: когда одинъ говоритъ: Вы то-то и то-то мнѣ написали—другой не отвѣчаетъ ему: я никогда этого не писалъ. Такъ какъ Вы, любезнѣйшій другъ, оказались повинными второй виною, отрекаясь отъ явно и несомнѣнно написанныхъ Вами словъ о принадлежности *необразованныхъ купцовъ-богачей* и *образованныхъ ученыхъ-бѣдняковъ*—къ интернаціоналкѣ—а такъ же и о безсознательномъ богопсканіи Дарвина и Шлейдена—то я имѣю полное право спорь нашъ прекратить, считая противника, принужденнаго прибѣгать къ подобнымъ изворотамъ,—ipso facto побѣжденнымъ. И такъ какъ я сей часъ употребилъ слово: „безсознательный"—то скажу Вамъ кстати, что самое упорное и неотрясаемое рабство есть рабство безсознательное—и въ такомъ именно рабствѣ и такой кабалѣ находитесь Вы, достолюбезный другъ, въ отношеніи Московскихъ Вѣдомостей.

Сіи истины обладаютъ нѣкоторой степенью горечи: но я считаю ихъ истинами—и для Вашего желудка зѣло полезными.

Кстати—или не кстати—читали Вы въ „Русской Старинѣ"—Записки Добрынина? Первая ихъ половина—тамъ гдѣ онъ разсказываетъ свою жизнь у Архіерея Флорпнскаго—такая прелесть, что даже Вы, столь равнодушный къ литературѣ—наѣрное почувствуете умиленіе.

Отчего Вы не участвуете въ нашемъ Обществѣ (для вспомоществованія литераторовъ)? Это дурно съ Вашей стороны—и Вамъ это не простится.

Какой перлъ выкатился у Васъ въ послѣдней фразѣ Вашего письма! „Покупайте у меня рожь по 6 руб. дайте мнѣ хорошихъ рабочихъ за 3 руб. дайте „мнѣ право тащить въ судъ англичанку и свинью за проходъ по моей землѣ—*не „берите съ меня налоговъ*—а тамъ хоть всю Европу на кулаки!" Это—*„не берите съ меня налоговъ"*—просто восторгъ! Государство и общество должно охранять штабсъ-ротмистра Фета какъ зеницу ока—а налоговъ съ него—ни-ни! О Катковъ, Катковъ, покровитель и сочинитель нашей „gentry"—облобызай сего птенца!

Вотъ я Васъ отщелкалъ—теперь щелкайте Вы меня—сіе называется обмѣномъ дружественныхъ пзліяній.

А впрочемъ будьте здоровы и благополучны.

Преданный Вамъ
Ив. Тургеневъ.

Парижъ.
48, rue de Douai.

12-го Янв. 74. / 31-го Дек. 73. Понедѣльникъ

Любезнѣйшій Фетъ, пишу Вамъ наканунѣ нашего новаго года, съ которымъ Васъ поздравляю и въ теченіи котораго надѣюсь увидѣться съ Вами. Мнѣ бы давно слѣдовало отвѣчать на Ваше письмо отъ 30-го Окт.—но, признаюсь, я весь былъ занятъ другимъ: старшая дочь Г-жи Віардо, моя возлюбленная Дидй—выходитъ за мужъ—и я принималъ самое сердечное участіе въ этомъ радостномъ событіи. Женихъ ея, нѣкто М-г Georges Chamerot—прекраснѣйшій молодой человѣкъ—не скажу достойный ея—потому что въ моихъ глазахъ никто ея не достоинъ; но она его полюбила—и стало быть, дѣло его выиграно. Я переиспытываю и еще теперь испытываю всяческія чувства—и веселыя и жуткія—и потому Вы извините меня, если мое письмо выдетъ кратко и я ни о чемъ другомъ бесѣдовать не могу.

Я всегда былъ убѣжденъ, что въ Васъ таится отличный педагогъ—и потому поздравляю Вашу 14-ти лѣтнюю по еще мало развитую племянницу съ поступленіемъ въ Ваше вѣдѣніе. Отъ пріѣхавшаго сюда сына Николая Милютина (нашего Кавура)—я имѣлъ самыя хорошія вѣсти о Петѣ Борисовѣ—(Милютинъ такъ же Катковскій воспитанникъ). Сколько я могу судить—дѣла Ваши идутъ не дурно—стало-быть все въ порядкѣ и остается благодарить Провидѣніе—хотя—такъ какъ оное Провидѣніе возвратить молодость не можетъ—а все остальное прахъ и суета, на зло Цицероновскому De Senectute—то я и не вижу хорошенько за что его благодарить?

Въ Петербургѣ затѣялся Альманахъ *(Окладчина)* для голодающихъ Самарцевъ; никакого нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что этотъ Альманахъ изумитъ вселенную своей безцвѣтностью)—однако всѣ литературныя имена подписались подъ программой за исключеніемъ Л. Н. Толстаго, Писемскаго и Васъ. Отчего Ахиллесы остались въ своихъ палаткахъ—особенно первый, дѣйствительно Ахиллесъ, Л. Н. Толстой? Сообщите о немъ свѣдѣнія—если потрудитесь написать мнѣ слова два.

Карлсбадъ поправилъ мое здоровье—и до сихъ поръ я—ничего; даже на днихъ проходилъ цѣлыхъ восемь часовъ на охотѣ. Убилъ однако всего одного фазана, одну красную куропатку и одного кролика.

За симъ желаю Вамъ отъ души всего хорошаго кланяюсь Вашей супругѣ и дружески жму Вашу руку.

Преданный Вамъ
Ив. Тургеневъ.

Любезнѣйшій Фетъ.

Я пріѣхалъ сюда въ Пятницу вечеромъ—въ Субботу отправился на выборы въ Орелъ и вернулся въ Понедѣльникъ; сегодня хотѣлъ ѣхать къ Вамъ, да съ 2-хъ часовъ ночи сдѣлался со мной припадокъ мучительный, который повторяется у меня разъ ежегодно—и продолжается иногда сутки. Пишу къ Вамъ съ жестокой болью въ груди—и потому пріѣзжайте ко мнѣ, такъ какъ Магометъ къ горѣ идти не можетъ. Буду ждать Васъ въ 4 часа къ обѣду. Кланяюсь Вашей женѣ. Досвиданія.

Вашъ И. Тургеневъ.

Любезный Аѳанасій Аѳанасьевичъ, мы съ Толстымъ ѣдемъ къ Вамъ; ждите насъ!

Вашъ Ив. Тургеневъ. — Середа утромъ.

Очень радъ буду Васъ видѣть—пріѣзжайте въ Середу вечеромъ и привозите Непира и ружье. Лошадей, которыхъ я Вамъ показывалъ—продали; впрочемъ, кажется, осталась еще пара—Вы посмотрите.

Кланяюсь всѣмъ Вашимъ и досвиданія.

Преданный Вамъ
Ив. Тургеневъ.

С. Спасское.
Вторникъ, 9-го Сент.

Любезный Аѳанасій Аѳанасьевичъ.

Пишу Вамъ съ тѣмъ, чтобы просить Васъ въ Субботу вечеромъ или въ Воскресенье вмѣсто Четверга—вотъ почему: въ Воскресенье у насъ свадьба, на которой я шаферомъ—и ее отложить нельзя до нашего возвращенія, потому что во Вторникъ начинается постъ. Устроивайте свою молотилыку—а мы, Богъ дастъ, потомъ хорошо поохотимся. Итакъ до Субботы или до Воскресенія (мы ѣдемъ въ Понедѣльникъ чуть свѣтъ). Жму Вамъ руку и кланяюсь Маріѣ Петровнѣ.

Вторникъ 25-го Іюня.
С. Спасское.

Преданный Вамъ
Ив. Тургеневъ.

Письма Н. И. Греча, 1839, 1850 и 1857 гг.

СПБ. Іюня 23. 1839.

Любезнѣйшій Алеша! Душевно благодарю тебя за письмо твое отъ $\frac{5}{17}$ Іюня, и съ нетерпѣніемъ ожидаю слѣдующихъ. Пароходъ Александра, который долженъ былъ прійти 21-го, не бывалъ еще донынѣ. На сихъ дняхъ были жестокія бури, и его занесло куда нибудь. Вѣроятно, на немъ есть письма отъ тебя.

Здѣсь все идетъ хорошо. Я работаю прилежно и охотно, и отнюдь не затрудняюсь. Выставка оканчивается, и продлится еще только разнѣ для Наслѣдника, который вчера пріѣхалъ. Булгаринъ въ Карловѣ, и воротится недѣли чрезъ двѣ.

Вмѣсто умершаго Воейкова, сдѣланъ редакторомъ Инвалида Безаровіусъ.

Съ Шишигеромъ Булг. заключилъ союзъ Сотрудничества. Шп. оставилъ Демидова.

Ко мнѣ писалъ Французскій литераторъ Alphonse Cerfbeer (вѣроятно, Жидовъ), котораго я зналъ въ Парижѣ. Онъ пишетъ, что намѣренъ заняться Русскою Исторіею и требуетъ совѣта. Сдѣлай одолженіе, дай ему изъ отвѣтъ, что заниматься ею можно двоико: 1) Серіозно, на это нужно десять лѣтъ и совершенное знаніе Русскаго языка, пребываніе здѣсь и т. п. 2) Слегка, для Франціи. Пусть возьметъ переводы Карамзина и Устрялова, напе. нынѣ по-нѣмецки, Эверса и . . . . . и т. п. Адресъ его chez le Ministre de la Guerre, le G-al Schneider, Rue St. Dominique.

Кланяйся отъ меня Софіи Ивановнѣ, всѣмъ . . . . . и пр.

Прощай, пиши чаще.

Твой другъ Н. Г.

СПБ. $\frac{31\text{-го}}{19\text{-го}}$ Марта 1850.

Любезнѣйшая Катя! не знаю, съ чего начать, чтобы извѣстить тебя о жестокой потерѣ, поразившей насъ внезапно. Добраго нашего брата Павла уже нѣтъ въ живыхъ. Я не смѣлъ написать о томъ въ письмѣ къ Алешѣ, боясь поразить его внезапно, и только приготовилъ, но тебѣ должно все написать, потому что вы можете найти извѣстіе о томъ въ газетахъ. Смерть его была тиха и безболѣзненна въ послѣдніе часы, и онъ ея не предчувствовалъ. Но разскажу тебѣ по порядку, какъ все было, хоть ты не повѣришь, какъ мнѣ трудно держать перо отъ душевнаго волненія. Въ гласномъ нынѣшнемъ письмѣ моемъ упоминулъ я о его нездоровьѣ, но онъ не обращалъ на то вниманія: служилъ и трудился какъ всегда, былъ то угрюмъ, то веселъ, и еще недѣли за двѣ смастерилъ безымянное письмо къ Булгарину, въ которомъ отдѣлалъ за пренебреженіе во всякой вещинѣ таланта

Фанни Этьеларъ. Онъ обѣдалъ у насъ въ воскресенье 12-го ч. и въ понедѣльникъ 13-го, и былъ совершенно здоровъ. Во вторникъ 14-го происходили крестины великаго Князя Николая Константиновича: онъ досталъ билеты на хоры, Эмилія, Юлія и А..... воспользовались этимъ, и видѣли, какъ онъ хлопоталъ въ залѣ. Мы ждали его къ обѣду и не дождавшись, полагали, что онъ обѣдаетъ у коменданта Зальцы во дворцѣ или гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, опоздавши къ намъ. Но въ самомъ дѣлѣ было вотъ что. Онъ пріѣхалъ во 2-мъ часу изъ дворца, нашелъ у себя Владимира и Булгакова, позавтракалъ и поподчивалъ ихъ наливкою, причемъ былъ очень веселъ, какъ давно не бывалъ, и по уходѣ ихъ надѣлъ сертукъ, чтобы итти къ намъ. Человѣкъ его вышелъ изъ его кабинета, и видя, что онъ долго не является, пошелъ къ нему, и увидѣлъ, что онъ сидитъ въ креслахъ, повѣсивъ голову и охаетъ. Тотчасъ призвали лекаря Франковскаго. Оказалось, что ревматизмъ палъ у него на грудь, и причинилъ жестокую боль. Употребили нужныя средства, и онъ почувствовалъ облегченіе. Грудь освободилась, дыханіе стало свободно, но ревматическая боль продолжалась въ членахъ, особенно въ рукахъ, да и та утихала. Булгаковъ пріѣхалъ ко мнѣ съ этимъ извѣстіемъ въ среду (15-го) поутру, и успокоилъ меня увѣреніемъ, что опасность, по мнѣнію врача, совершенно миновала. Я долженъ былъ ѣхать на городскіе выборы, и поѣхалъ его въ 3-мъ часу пополудни. Онъ былъ въ постелѣ и очень страдалъ, не могъ ни сидѣть, ни лежать. Между тѣмъ прибылъ Докторъ Фроденъ; его посадили въ ванну, показался потъ, и наступило видимое облегченіе. Послѣ обѣда въ 7 часовъ были у него Эмилія, ... и Юлія, и нашли его въ состояніи довольно хорошемъ. Онъ былъ спокоенъ, даже веселъ, шутилъ съ ними и утверждалъ, что этотъ визитъ милыхъ дамъ ему полезнѣе всѣхъ лекарствъ. Л..... былъ у него въ 10 часовъ, и принесъ мнѣ извѣстіе, что ему гораздо легче. Поутру, въ четвергъ 16-го, онъ проснулся въ 6 часовъ, проспавъ хорошо всю ночь. Булгаковъ не оставлялъ его. Спросилъ чаю, и попросилъ Булгакова поѣхать куда нибудь на его лошадяхъ, чтобъ онѣ не застоялись. Булгаковъ поѣхалъ къ брату, а потомъ завернулъ ко мнѣ, чтобъ сообщить мнѣ добрую вѣсть, но я еще спалъ, ибо какъ-то во всю ночь до утра не могъ заснуть. Между тѣмъ Павелъ продолжалъ пить чай и говорилъ съ своимъ денщикомъ. Вдругъ онъ хотѣлъ что-то сказать, поворотился на правый бокъ, и скончался, даже не вздохнувши. Бывшій притомъ фельдшеръ кинулся бросить ему кровь, но ужъ напрасно. Докторъ Фроденъ сказалъ мнѣ потомъ, что послѣ паденія и ушиба его въ Гатчинѣ, сдѣлалась у него Herzbeutelwassersucht, болѣзнь преопасная, отъ которой изъ тысячи выздоравливаетъ едва ли одинъ, но ему посчастливилось вылечить. Вѣроятно эта вода повредила сосуды сердца; они держались еще пять лѣтъ: наконецъ одинъ лопнулъ. Ужасно, но когда подумаешь, сколько разъ онъ былъ на краю смерти, поблагодаришь Бога, что сохранилъ его донынѣ. Общее

о немъ сожалѣніе невыразимо. Когда комендантъ Зальца доложилъ о томъ Государю, Е. В. изъявилъ глубокое чувство сострадания и сказалъ: „онъ былъ достойнѣйшій человѣкъ!“ Я вырѣзку эти слова на его надгробномъ камнѣ. Зальца плачетъ и рыдаетъ, какъ ребенокъ, и говоритъ, что лишился въ немъ всего. Моихъ чувствъ описывать не стану и не могу: этого не ощущалъ я съ кончины Коти. Теперь почувствовалъ я, какое лишеніе, что тебя нѣтъ съ нами. Я одинъ долженъ обо всемъ думать, всѣмъ распоряжаться. Вчера ѣздилъ и на кладбище. Подлѣ маменьки и Коти нѣтъ ни на шагъ мѣста. Я рѣшился положить его подлѣ Лизиньки и Андрея Яковлевича.

. . . . . Въ этомъ мѣстѣ прервалъ мое писаніе В. Генералъ Губернаторъ Шульгинъ: онъ пріѣхалъ съ извѣстіемъ, что на погребеніи будетъ Наслѣдникъ непремѣнно, а можетъ быть и Государь. Оно будетъ завтра (20 Марта), изъ Аничинской церкви. Я приказалъ, чтобъ все было сдѣлано порядочно. Морицъ будетъ говорить. Ужасно тяжела была третьяго дня вечеромъ минута перевоза тѣла въ церковь. Я думалъ, что помѣшаюсь въ умѣ. Но вчера отлегло, и сегодня мнѣ легче. Добрый Усовъ освободилъ меня отъ большей части работы. Я обязанъ хранить себя не для себя, и съ трепетомъ и надеждою жду извѣстій отъ васъ. Надѣюсь, что Богъ вознаградитъ насъ исцѣленіемъ Алексѣя за потерю Павла. Шульгинъ повторилъ мнѣ выраженіе Государя о покойномъ. Между прочимъ онъ замѣтилъ, что Гречъ умѣлъ заставить всѣхъ уважать себя. Не странно ли, что мы хоронили его въ день смерти Андрея Яковлевича! Не знаю, что пишу; не знаю, опустилъ ли я что нибудь. Дѣла его нашли мы въ величайшемъ порядкѣ, и между прочимъ 30 р. сер. съ ярлыкомъ: выдать Катеринѣ Ивановнѣ.

Не знаю что писать еще. Если бъ ты была здѣсь, мнѣ было бы вдвое легче, но мысль, что ты тамъ для насъ нужнѣе, меня успокоиваетъ. Прощай! не горюй слишкомъ. Божья воля! *Она* теперь счастливъ и покоенъ, а здѣсь всѣ о немъ воспоминаютъ съ любовію и сожалѣніемъ, и благословляютъ его память.

Прощай!

Твой другъ Н. Г.

Какъ то ты о томъ скажешь Алешѣ! Они такъ искренно любили другъ друга! И что-то у васъ дѣлается! Страшно спрашивать.

С.Петербургъ. Января 1857.

Сообщивъ мнѣ расписаніе нашего путешествія, почтеннѣйшій Александръ Васильевичъ, вы косвенно предложили мнѣ продолжать переписку, веденную мною съ вами за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, когда вы были въ Италіи. Постараюсь соотвѣтствовать вашему ожиданію, но знаю, что исполню оное не вполнѣ. Я сталъ пятью годами старше, а въ мои лѣта отъ этого происходила большая разность въ ощущеніяхъ, мысляхъ и во всемъ выраженіи съ новымъ. Старость

одолѣваетъ меня: на семидесятомъ году меня и клонитъ къ землѣ. Ночью безсонница, днемъ усталость. Всякое умственное занятіе, бывшее прежде мнѣ забавою, становится трудомъ. Бывало напишешь однимъ духомъ цѣлый листъ: нынче и страничка заставляетъ отдохнуть. Между тѣмъ духъ мой еще не ослабѣлъ совершенно, и послѣднія силы его сберу на удовлетвореніе вашему ожиданію.

Начну разговоръ, какъ всякій благовоспитанный человѣкъ, съ погоды. Нынѣшняя зима въ Петербургѣ отличается постоянствомъ своего непостоянства. Сильные холода, до 18°, смѣняются мгновенною оттепелью: послѣдняя еще не допускаетъ до распутицы, но эта измѣнчивость атмосферы дѣйствуетъ вредно на здоровье людей: простуды и другія послѣдствія неровностей въ воздухѣ господствуютъ повсюду. Означились въ нѣкоторыхъ мѣстахъ случаи натуральной оспы. Городская молва усилила опасеніе, и многіе бросились прививать и дѣтямъ и взрослымъ коровью оспу, но опасенія, къ счастію, не оправдались. По естественному ходу дѣлъ стали искать причинъ этихъ атмосферическихъ феноменовъ въ астрономіи, и рѣшили, что къ землѣ приближается какая то комета, которой ждутъ уже два года, и что при появленіи ея произойдутъ странныя явленія. Вѣсти эти разнеслись по многимъ мѣстамъ внутренней Россіи, и имъ вѣрили, какъ вѣрятъ всякой лжи, какъ сомнѣвается во всякой истинѣ съ жаромъ, упорствомъ и страхомъ. Дѣломъ Академіи Наукъ было бы косвеннымъ образомъ образумить и успокоить публику.

Здѣшнія всенародныя увеселенія идутъ своимъ чередомъ. Изъ театральныхъ представленій преимущественно Италіянская опера и балетъ. Многіе артисты оперы, непривычные къ нашему либеральному, т. е. своевольному климату, занемогли и остановили представленія многихъ оперъ; особенно чувствовалось отсутствіе прелестной пѣвицы Боаіо. Но Терпсихора торжествуетъ. Фанни Черито, въ общемъ мнѣніи публики, должна уступить Русскимъ танцовщицамъ Богдановой и Муравьевой. Первая береть граціею, легкостью, искусствомъ; послѣдняя продаетъ товаръ лицомъ. Публика раздѣлилась на два стана: въ первомъ любители танцевъ, въ послѣднемъ чтители танцевъ и глазокъ. Строгіе посѣтители составляютъ особый отдѣлъ Черитистовъ. Французскій театръ уступаетъ прежнимъ своимъ временемъ и преданіями. Отсутствіе Вольпини очень чувствительно. Лучшею піесою въ послѣднее время была комедія Les faux bons-hommes, разыгранная прекрасно. На Русскомъ театрѣ прежнее всегдашнее безплодіе и скука. Артисты, люди съ талантами, не чувствуютъ любви къ своему дѣлу, исправляютъ его какъ ремесло, только бы сошло съ рукъ, не учатъ ролей, и играютъ болѣе всего для зрителей райка. Лучшимъ произведеніемъ нынѣшней зимы была драма: Честность, сочиненная дамою, Гоепожею Креницыною. Цѣль піесы благородная— заклейменіе мотовства, лихоимства и взятокъ. Публика принимала ее съ восторгомъ. Она дана была въ бенефисѣ Орловой, которая очень удачно играла въ ней

главную роль. Изъ оперъ, игранныхъ Русскими, лучше всѣхъ Марта, музыка Флотова. Русалка, опера Даргомыжскаго, не смотря на всѣ усилія хлопальщиковъ въ театрѣ и въ журналахъ, не снискала большой славы.

Не довольно ли о театрахъ? Да о чемъ еще говорить? О балахъ? Они всѣ похожи одинъ на другой, и разнятся отъ прошлогоднихъ большею тѣснотою въ комнатахъ отъ широкаго кринолина. Впрочемъ я не имѣю права говорить о балахъ, потому что самъ на нихъ не бываю, да и быть не желаю.

Что сказать о наукахъ и литературѣ? 29-го Декабря было обыкновенное годовое собраніе Академіи Наукъ. Въ началѣ засѣданія Академикъ Никитенко, (вмѣсто отсутствующаго секретаря Русскаго Отдѣленія, Плетнева), прочиталъ отчетъ о трудахъ этого отдѣленія, напечатанный громко, высокопарно, и свидѣтельствующій, что Отдѣленіе въ прошломъ году ничего путнаго не сдѣлало, а все только собирается. Гораздо интереснѣе быть отчетъ Меедендорфа о трудахъ перваго и третьяго Отдѣленій. Замѣчательно, что во всѣхъ этихъ отчетахъ толкуютъ о заслугахъ Петра Великаго по учрежденію Академіи.

Оставьте предкомъ вы въ покоѣ
Имъ по трудамъ была и честь.

Чтеніе окончилось похвальнымъ словомъ покойному академику Фусу, написаннымъ молодымъ Струве. Фусъ былъ хорошій, умный человѣкъ, исправный секретарь, но для науки ровно ничего не сдѣлалъ, да и не могъ, ибо корреспонденція отнимала у него большую часть времени. Провозглашены были намъ новоизбранные члены. Всѣхъ изумило избраніе въ почетные члены Французскаго Маршала Вальяна. Не выберутъ ли въ будущемъ году Лорда Пальмерстона?

Въ словесности Русской мало новаго и еще менѣе хорошаго. Все поглотили журналы.

И наконецъ я ярю въ странѣ моей родной
Журналовъ тысячи, а книги ни одной!

Изъ новыхъ періодическихъ изданій лучшія суть Русскій Вѣстникъ и Русская Бесѣда, издаваемыя въ Москвѣ. Присемъ препровождаю новую повѣсть, Авдотьи Павловны Глинки, въ которой она осмѣлила и очень ярко нашихъ мнимыхъ философовъ.

Я самъ теперь веду литературную войну. Въ Октябрѣ вышло въ свѣтъ мое Разсмотрѣніе Русской Грамматики Ивана Ив. Давыдова, изданное вторымъ Отдѣленіемъ Академіи Наукъ. Не знаю, знаете ли вы его, препровождаю присемъ экземпляръ полагая, что на чужбинѣ и посредственныя даже скучныя Русскія книги могутъ быть пріятны. Книжка эта откровенностью и рѣшительностью своею обратила на себя вниманіе ученой и учебной публики, но больно уколола автора, который донынѣ пользовался огромною извѣстностью, и будучи предсѣдателемъ Комитета для разсмотрѣнія учебныхъ книгъ, не допускалъ къ печатанію сужденій

о его твореніяхъ, кромѣ тѣхъ, въ которыхъ его превозносили. Теперь этотъ Комитетъ прекратился, и Давыдовъ очутился среди всѣхъ насъ смертныхъ, подлежащихъ суду современниковъ и потомства. Посылаю вамъ сверхъ моей книжки С. Петерб. Вѣдомости и нумера Пчелы, въ которыхъ помѣщена его антикритика и мой отвѣтъ.

Статья моя въ Морскомъ Сборникѣ также возбудила чернильную войну. Два поборника Нѣмецкой грамматической школы (Буслаевъ и Галаховъ) возстали на меня: первый, впрочемъ, человѣкъ дѣльный, въ Отечественныхъ Запискахъ, а послѣдній въ Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ. Имъ пишетъ отвѣтъ сотрудникъ мой Полевой. И я, можетъ быть, скажу слово въ мое оправданіе. Мнѣ кажется, эти споры, если они только не касаются личности пишущихъ, принесутъ и пользу разъясненіемъ нѣкоторыхъ правилъ и мнѣній. Du choc, des opinions jaillit la verité.

Здѣсь выходитъ съ Новаго Года журналъ карикатуръ, подъ заглавіемъ: Знакомые. Онъ издается извѣстнымъ артистомъ Степановымъ. На первыхъ листкахъ есть презабавныя шутки, напримѣръ, Кокоревъ представленъ одѣтымъ въ бочку и держащимъ уду со штофикомъ на концѣ: онъ удитъ русскаго человѣка. Очень хороши: Антонъ Контскій въ орденахъ Отаитской Королевы и Сандвичевскаго Короля; Кукольникъ на вечерней бесѣдѣ: сначала онъ, чтеніемъ своихъ стиховъ, усыпляетъ слушателей, а потомъ пируетъ съ ними, и пересыпается дарами Бахуса. Очень хороша толпа дюжихъ и здоровыхъ мужчинъ и женщинъ, являющихся съ просьбами о паспортахъ на проѣздъ въ чужіе края для поправленія здоровья. Достойно замѣчанія, что и покойный Князь Юсуповъ ни гроша себѣ не выпросилъ по болѣзни, чтобъ заплатить не 200, а 50 рублей.

Въ Понедѣльникъ, 7-го Января, была свадьба Графа Морни съ Кн. Трубецкой. Вы конечно получите подробныя о ней извѣстія. Въ тотъ же день утромъ умеръ старый Графъ Строгановъ, и какъ не хотѣли этимъ случаемъ помѣшать исполненію бракосочетанія, то и скрывали смерть его до ночи. Отъ этого произошла въ одномъ домѣ презабавная сцена. Пріѣзжаетъ какой-то вѣстовщикъ, и объявляетъ, что Графъ умеръ въ такихъ и такихъ обстоятельствахъ. Идутъ исходить дама (кажется, старуха Графиня Разумовская), и объявляетъ, что Графу легче, что она слышала объ этомъ отъ вѣрныхъ людей. Вѣстовщикъ перебиваетъ ее, и говоритъ: Графъ умеръ; я точно знаю.—Нѣтъ, сударь, онъ живъ.—Умеръ, сударыня! Я видѣлъ тѣло.—Вотъ сударь какъ! Я видѣла особу, которая за пять минутъ до того съ нимъ разговаривала. Споръ кончился ничѣмъ: оба остались при своихъ положеніяхъ. Вскорѣ засимъ объяснилось.

Вчера вечеромъ получилъ я ваше письмо изъ Берлина: вы найдете его въ прилагаемомъ нумерѣ Пчелы. Благодарю васъ отъ всей души за ваши сообщенія.

Запасъ моихъ повѣстей истощился. Извѣстна скудость ихъ. Видь не выду-

мывать же стать! Надѣюсь сообщить вамъ со временемъ что нибудь полюбопытнѣе. Уѣдомьте меня, интересуютъ ли васъ наши литературные дрязги?

Примите мой дружескій привѣтъ и низкій поклонъ.

Вашъ.

10 Янв. 1857.

С.Петербургъ, 24 Января 1857.

Душевно благодарю васъ, почтеннѣйшій Александръ Васильевичъ, за сообщеніе мнѣ извѣстія о Путешествіи Его Императорскаго Высочества. Вчера получилъ и письмо ваше отъ—Января, а сегодня оно напечатано въ Пчелѣ. Публика читаетъ эти извѣстія съ любопытствомъ и удовольствіемъ. По заведенному или незаведенному у насъ странному обычаю, мы узнаемъ о пребываніи и дѣйствіяхъ Августѣйшихъ Особъ нашего Царскаго Дома тогда только когда онѣ находятся внѣ Петербурга. Гдѣ находится Государь, въ Петербургѣ, въ Царскомъ Селѣ, въ Петергофѣ, въ Кронштатѣ, что онъ дѣлалъ, какія заведенія посѣщалъ, кого принималъ у себя, никому не извѣстно, но лишь только онъ выѣдетъ изъ Россіи, извѣстія о томъ немедленно сообщаются для общаго свѣдѣнія всей Россіи. Случалось такъ, что объ отъѣздѣ Особъ Царской Фамиліи изъ Петербурга узнавали не прежде прибытія ихъ въ Берлинъ. Я нѣсколько разъ представлялъ о томъ и Графу Бенкендорфу и Князю Волконскому. Мои замѣчанія находили справедливыми, но все оставалось въ прежнемъ порядкѣ, или лучше сказать безпорядкѣ. Въ этомъ случаѣ дѣло идетъ не объ удовлетвореніи пустаго любопытства публики. Должно всячески сближать народъ съ Царемъ и его семействомъ, напоминать ему какъ можно чаще, что они живутъ и дѣйствуютъ ежедневно и безпрерывно для его блага.

Извините эту *бутаду*. Она появилась подъ перомъ престарѣлаго журналиста, привязаннаго къ Государямъ своимъ всѣми силами своей души, и готоваго, за исключеніемъ чернилъ, писать о нихъ своею кровью!

Не могу сообщить вамъ много новостей. У насъ все идетъ тихо, порядочно, своимъ чередомъ. Одно новое назначеніе порадовало всѣхъ, а именно назначеніе Ѳ. И. Прянишникова Главноначальствующимъ надъ Почтовымъ Департаментомъ. Увеличеніе дѣлъ по Министерству Двора принудило Гр. Адлерберга отказаться отъ этой должности, и на мѣсто его нельзя было сдѣлать лучшаго выбора. Во-первыхъ Пр. совершенно знаетъ эту часть, и сдѣлалъ въ ней очень много хорошаго и полезнаго. Во-вторыхъ, онъ человѣкъ добрый, почтенный, доступный и всѣми уважаемый. Недавно онъ былъ назначенъ членомъ Опекунскаго Совѣта и особенно Попечителемъ Николаевскаго Сиротскаго Дома (при Воспитательномъ Домѣ) и ушелъ уже пріобрѣсти тамъ общее уваженіе и любовь. Выборы Чевакина и Прянишникова были очень счастливы.

Поговоримъ объ изящныхъ искусствахъ. На прошедшей недѣлѣ былъ бенефисъ геніальной танцовщицы Богдановой, удостоенный посѣщеніемъ Государя Императора и Особъ Высочайшей Фамиліи. Бенефиціантка была принята публикою съ восторгомъ. Въ одномъ букетѣ подали ей прекрасный фермуаръ, купленный любителями балетовъ по подпискѣ. Въ этотъ день танцовалъ 16-ти лѣтній братъ ея, Николай, дебютировалъ въ балетѣ: онъ танцуетъ очень хорошо, на сколько мужчина танцовать можетъ. Всякій танцоръ несносенъ, даже дамамъ. Старшій братъ, Александръ, прекрасно игралъ на скрипкѣ. Большое для семьи этой счастіе, что Надежда не красива лицомъ. По прочимъ частямъ драматической поэзіи совершенный хвостъ. Все старое и ветхое. На дняхъ умеръ Управляющій Театральною Конторою Ст. Сов. Борщовъ. Мѣсто его видное и завидное. Воспрянули всѣ воры и воришки; каждый ищетъ протекціи, чтобъ получить теплое мѣстечко съ благороднымъ доходомъ. Покойный Борщовъ, по общему мнѣнію, былъ человѣкъ честный. Каковъ-то будетъ преемникъ?

Еще одинъ смертный случай возбудилъ общее искреннее сожалѣніе. Скончалась жена Генерала Витовтова, женщина рѣдкихъ достоинствъ, оплакиваемая всѣми, кто зналъ ее.

Въ 1-мъ Кадетскомъ корпусѣ готовится юбилей его 125-ти лѣтія (съ 1732 г.). На этомъ юбилеѣ будетъ разыгранъ прологъ въ стихахъ, сочиненный Ѳедоромъ Николаевичемъ Глинкою, воспитанникомъ сего корпуса. Прологъ написанъ прекрасными стихами. Въ немъ являются одинъ за другимъ кадеты временъ Миниха, временъ Екатерины, Александра и Николая. Каждый, въ мундирѣ своего времени, описываетъ судьбы и характеръ Корпуса тѣхъ эпохъ, и помянетъ знаменитѣйшихъ его воспитанниковъ. Эффектъ этого стихотворенія будетъ удивительный, я самъ, при чтеніи не могъ удержаться отъ слезъ. Когда именно и какимъ образомъ будетъ происходить юбилей, не знаю.

Вотъ вамъ скудныя мои новости! Не требуйте многаго отъ престарѣлаго литератора, о которомъ можно сказать:

Педантъ надъ книгами, въ теченіе полвѣка,
Утратившій и смыслъ и образъ человѣка.

Простите—до слѣдующаго фельдъ-егеря.

Вамъ преданный.

С. Петербургъ 7-го Февраля 1857.

Почтеннѣйшій Александръ Васильевичъ! Получивъ ваше послѣднее письмо изъ Веймара отъ—Января, я поспѣшилъ исполнить заключающіяся въ немъ порученія. Прекрасную рѣчь Пастора . . . . . отдалъ я перевесть одному изъ лучшихъ нашихъ литераторовъ Я. Н. Турусову; потомъ попрошу я Профессора Богословія С. Петербургскаго Университета, бывшаго Висбаденскаго Священника

И. Л. Янышева просмотрѣть переводъ, и препровожу рукопись въ духовную цензуру. На это нужно время. И такъ не выщите за медленность исполненія, которымъ я озаботливаюсь со всеусердіемъ.

Послѣ свадьбы Графа Морни, обратилъ на себя вниманіе публики одинъ . . . . . трагикомическій поединокъ, бывшій въ домѣ Московскаго Предводителя Дворянства А. Д. Черткова. У него было собраніе членовъ Археологическаго Общества. До открытія засѣданія происходили частные разговоры. Рѣчь зашла о подлой рѣчи Роберта Пиля на митингѣ. Митинія раздѣлились. Профессоръ Шевыревъ бранилъ ее нещадно. Графъ Василій Алексѣевичъ Бобринскій замѣтилъ, что въ ней была и правда. Шевыревъ возразилъ громко и грубо. Графъ отвѣчалъ такъ же не очень скромно. Слово за слово, и наконецъ Шевыревъ далъ Графу пощечину. Графъ, разумѣется, пришелъ въ наступленіе, сбилъ съ ногъ профессора, началъ колотить его и топтать ногами. Избилъ, говорятъ, немилосердо, такъ, что его понесли домой, и онъ слегъ. Въ показаніяхъ свидѣтелей сказывается разногласіе: нѣкоторые говорятъ, что Графъ вызывалъ Ш. на дуэль, и этотъ отрекся тѣмъ, что онъ христіанинъ, и крови человѣческой проливать не станетъ. Графъ плюнулъ въ него, и за симъ послѣдовала роковая оплеуха. Какъ бы то ни было, дѣло это непріятное и постыдное. Шевыревъ дѣйствительный статскій. сочинитель и природный дворянинъ Саратовской Губерніи. Онъ человѣкъ не обширнаго ума, не имѣетъ отличныхъ талантовъ, но много читалъ и хватилъ верхи. Нрава безпокойнаго и задорнаго. У насъ, въ Петербургѣ, подобная потасовка прошла бы едва замѣченною; но въ Москвѣ дѣло иное. Университетъ тамъ мѣсто важное, которымъ всѣ занимаются: онъ стоитъ первымъ съ тамошнимъ Англійскимъ клубомъ по вліянію его на Московскую публику, праздную, нелѣпую и жадную до новостей.

Въ одномъ изъ предыдущихъ писемъ моихъ говорилъ я вамъ о двухъ Московскихъ изданіяхъ: Русскомъ Вѣстникѣ и Русской Бесѣдѣ. Втораго вышли уже двѣ книжки. Въ нихъ есть статьи очень интересныя. Въ первой отрывокъ изъ записокъ Мертваго о временахъ Пугачовщины. Картина ужасная, но вѣрная. Во второй, подъ покровомъ вымысла, подробности житья-бытья выродившихся мелкопомѣстныхъ дворянъ въ Буйскомъ уѣздѣ Костромской Губерніи. Потерянъ и имѣніе и воспитаніе, даже память о своихъ родахъ, ... крестьянами, они все еще гордятся своимъ дворянствомъ, и пользуются наименованіемъ *барина*. Изображеніе это носитъ печать вѣрности и безпристрастія.

Говорятъ, что въ pendant Московской Бесѣдѣ будетъ выходить здѣсь, въ Петербургѣ, періодическое изданіе подъ названіемъ: Русское Слово. Его предпринимаетъ Графъ Кушелевъ-Безбородко. Человѣкъ богатый, умный и благонамѣренный можетъ такимъ изданіемъ принести большую пользу наукамъ и словесности. Онъ стоитъ выше атмосферы площадной литературы, гдѣ главную роль

играютъ *цѣликовые*. Только не дай Богъ, чтоб его обошли какія либо насѣкомыя, которыя уже не у одного благороднаго человѣка отбили охоту помогать литературнымъ занятіямъ. Онъ долженъ помнить Басню Крылова Сверчки, которые забрались въ домъ гораздо ранѣе жильцовъ.

Профессоръ военной Академіи, Генералъ-Маіоръ Богдановичъ пишетъ подробную и *справедливую* исторію 1812 года. Пора замѣнить лицепріятную и правдѣ невнятную повѣсю Даниловскаго. Исторія только тогда хороша, когда говоритъ сущую правду, не стѣсняясь угожденіемъ кому либо, не имѣя ни какой цѣли, кромѣ изложенія дѣлъ, какъ они были. Въ противномъ случаѣ хорошій романъ лучше исторіи.

Академикъ Устряловъ написалъ два толстые тома Исторіи Петра Великаго до 1700 года, и собирается ихъ печатать. Ждемъ этого труда съ нетерпѣніемъ, любопытствомъ и со страхомъ. Отрывкомъ о Лефортѣ Г. Устряловъ не доказалъ своего безпристрастія, а это главное.

Все это только будущее, все сѣмячье, не ягоды, не цвѣты, даже не листья, но все обѣщаетъ питательную и полезную пищу. Дай-то Богъ!

Прилагаю небольшую посылку стихотвореній молодой дѣвицы Павловой, обѣщающей много. Она дочь умершаго бѣднаго человѣка, и кормитъ матъ трудами своего пера. Потрудитесь поднесть книжку Ея Императорскому Высочеству. Да отнесется къ ней задушевный голосъ изъ любящей и чтущей Ее Руси.

Будьте здоровы и благополучны, и вспоминайте иногда.

19 Февр. 1857.

Наступилъ Постъ. Шумъ и трескъ карнавала умолкъ. Можно сказать, у насъ веселились на-пропалую. Всѣ театры были полны, хотя на нихъ мало давали новаго. Бѣдные Италіанцы чрезвычайно страдали отъ перемѣнчивости погоды. Всѣ они почти переболѣли въ это время, и спектакли часто были отмѣняемы. Особенно намучилъ насъ нашъ единственный Лаблашъ. У него передъ представленіемъ Севильскаго Цирюльника сдѣлалось головокруженіе. Боялись, не ударъ ли это, но онъ вскорѣ оправился. Французы съ успѣхомъ играли M-lle de Belleiste, la Calomnié, M-me Lovelace. Публика начинаетъ привыкать къ Брогантъ, которая дѣйствительно очень хорошо играла въ послѣднее время. Бертонъ кружилъ головы зрительницамъ. Кидъ э бо! кричали даже въ райкѣ. Балеты давались часто. Русскій театръ не отличался ни выборомъ піесъ, ни исполненіемъ. Всего досаднѣе на немъ незнаніе ролей. Самойловъ, Мартыновъ, Марковецкій, люди съ умомъ и талантами, небрегутъ своей обязанностью, и играютъ единственно при помощи суфлера. Я писалъ вамъ о кандидатахъ на мѣсто Управляющаго Конторою Борщова. Выборъ, на этотъ разъ, былъ толковый и удачный.

Помѣстили Колл. Сов. Юргенса, который лѣтъ двадцать былъ контролеромъ въ театрѣ, зналъ эту часть, и извѣстенъ своимъ безкорыстіемъ. Честь Графу Адлербергу! Покровительницы другихъ искателей въ отчаяніи. Un Юргенсъ! Qui a jamais entendu ce nom!

Словесность наша въ прежнемъ застоѣ. Но я примирился и съ театромъ и словесностью, въ прошедшую Пятницу, на юбилеѣ 125-ти лѣтія 1-го кадетскаго корпуса. Вы конечно уже имѣете всѣ матеріалы и описанія этого умилительнаго праздника. Исполненіе было превосходно. Театръ устроенъ былъ просто, но изящно и со вкусомъ. На заѣздѣ изображенъ былъ фасадъ главнаго дома изъ зданія корпуса, то есть того, который принадлежалъ Князю Меншикову. Костюмы кадетъ, въ формѣ шести царствованій, были очень вѣрны. Только, кажется мнѣ, мундиръ Екатерининскій былъ слишкомъ темень: цвѣтъ его, сколько я помню, былъ *свѣтло*-зеленый. Кадеты произносили стихи умно, сильно, съ одушевленіемъ. По окончаніи пролога Государь Императоръ изволилъ подойти къ автору пролога, Ѳедору Николаевичу Глинкѣ, и выразилъ ему высочайшее свое благоволеніе. Лучшая, самая лестная награда Русскому писателю! Нужды нѣтъ, что онъ не членъ Академіи, наравнѣ со многими достойными литераторами. Добрыя слова Царя блистательнѣе всѣхъ патентовъ, особенно когда они раздаются не по достоинствамъ, а по личнымъ связямъ и происканъ. Французскую піесу кадеты сыграли хорошо, а Русскую превосходно! Кажется, въ Первомъ Корпусѣ еще питаетъ духъ старинныхъ его воспитанниковъ, устроившихъ въ немъ Русскую сцену прежде существованія публичнаго Русскаго театра. Разнохарактерные танцы были исполнены мастерски. Вообще праздникъ былъ совершенно удачный. Любо было смотрѣть на стариковъ генераловъ, вышедшихъ изъ корпуса въ прошедшемъ столѣтіи, и припоминавшихъ былыя времена. Они помолодѣли и разцвѣли душею.

По возвращеніи вашемъ въ Петербургъ, вы найдете перемѣну въ Сѣверной Пчелѣ. Она уже не довольствуется переводомъ и извлеченіями изъ иностранныхъ газетъ, а помѣщаетъ собственныя свои сужденія о политическихъ событіяхъ нынѣшняго времени. Пишетъ ихъ сотрудникъ мой Павелъ Степановичъ Усовъ, человѣкъ очень умный и дѣльный, языкомъ простымъ, но откровеннымъ и понятнымъ. Эти статьи возбудили вниманіе всей Европы, и особенно Австріи. Тамошніе журналисты (все Жиды) жестоко бранятъ Пчелу за разоблаченіе Австрійской дружбы. Англійскій Посланникъ Вудгоузъ жаловался на Пчелу Кн. Горчакову, и получилъ въ отвѣтъ, что Правительство не въ правѣ запрещать частнымъ людямъ сужденія, внушаемыя патріотизмомъ, и не обидныя иностраннымъ Государямъ, и тѣ же статьи никакъ не могутъ сравняться съ статьями о Россіи Англійскихъ *министерскихъ* газетъ, которыя не могутъ назваться органомъ какой либо партіи, а служатъ отголоскомъ министерства, имъ допускаются и одобряются.

Назначеніе Оберъ-Полицмейстеромъ столицы Графа Шувалова принято публично съ большою благодарностью. Надѣются на его дѣятельность, благоразуміе и справедливость. Въ нынѣшнюю зиму носились въ Петербургѣ слухи и разсказы о случившихся въ городѣ воровствахъ и разбояхъ чаще обыкновеннаго. Многіе изъ этихъ слуховъ были выдуманные: такимъ образомъ уверяли, что секретарь Принца Ольденбурскаго, Д. Ст. Сов. Шиманбахъ, на переѣздѣ чрезъ Неву съ Петербургской стороны былъ ограбленъ и пришелъ домой безъ одежды. Были и другіе анекдоты о ворахъ и разбойникахъ: нѣкоторые изъ нихъ оказались ложными, но иные случились дѣйствительно, что и было объявлено въ Полицейской Газетѣ. Должно сказать правду, что наша полиція не отличается открытіемъ такихъ случаевъ и находкою краденъ. Въ годъ раза три, четыре печатаютъ въ Полицейской газетѣ о сихъ находкахъ, какъ о рѣдкостяхъ, а воровства, особенно въ домахъ, происходятъ ежедневно. Нѣтъ спора, что полиція завалена работою и хлопотами, и не можетъ поспѣвать вездѣ. Кажется, можно бы было учредить особую сыскную полицію и полицейскій судъ, который рѣшалъ бы дѣла о кражахъ и плутовствахъ безъ замедленія, и тотчасъ приводилъ въ исполненіе приговоры. Обыкновенные же суды, своею медленностью, не страшны для виртуозовъ въ этомъ ремеслѣ. Надѣемся, что новое начальство полиціи, убѣдясь въ недостаточности нынѣшнихъ средствъ придумаетъ и исполнитъ мѣры къ искорененію этого зла. Большой вредъ общему благоустройству причиняютъ кабаки, въ которыхъ бываютъ сходки мошенниковъ; откупъ винный находитъ свои выгоды въ послабленіи надзора за этими мѣстами порока и разврата. Когда вы воротитесь, я сообщу вамъ пренитересную статью объ этомъ предметѣ, написанную Ксенофонтомъ Полевымъ.

Простите, что я, вмѣсто новостей забавныхъ и пріятныхъ, сообщаю вамъ извѣстія о предметахъ, возбуждающихъ сожалѣніе и отвращеніе. Къ несчастію снѣгъ таконъ, что въ немъ не всѣ тропинки устланы розами.

Желая вамъ удовольствія въ прекрасной Италіи и въ разгульной Франціи, прошу васъ не забывать

Преданнаго вамъ душевно.

С. Петербургъ.
21 Февраля 1857.

6-го Марта 1857.

Вы уже наслаждаетесь всѣми прелестями возрождающейся природы; вскорѣ будете дышать ароматомъ цвѣтущихъ миндальныхъ деревъ. У насъ тоже весна, то есть грязь и распутица. Нѣсколько дней стоитъ теплая погода, но солнце грѣетъ еще не такъ сильно, чтобъ могло растопить ледяную кору. Санная дорога пропала, а колесная еще не возстановилась. Больныхъ простудою очень много.

Въ числѣ больныхъ но не простудою, должно упомянуть о Булгаринѣ. Дней за десять предъ симъ разбилъ его параличъ. Отнялась вся правая сторона, языкъ едва движется, но голова свѣтла. Ему 68 лѣтъ отъ роду, и въ этомъ возрастѣ параличъ неизлечимъ. Булгаринъ принесъ большую пользу Русской Словесности своею отвагою и неутомимостью. Въ послѣднее время онъ видимо исписался, и только повторялъ прежнее, но и Вольтеръ въ старости писалъ не такъ какъ въ молодыя лѣта. На него сердятся за то, что онъ нападалъ на натуральную школу и на представителя ея, Гоголя. Можетъ быть, онъ былъ несправедливъ и придирчивъ въ частностяхъ, но вообще былъ правъ. Смѣтливость и забавное остроуміе Гоголя заставило публику не обращать вниманія на его недостатки и описки, но литературная критика должна быть справедлива и неумолима и къ величайшимъ талантамъ. Особенно должна она обличать слѣпыхъ подражателей, которые копируютъ только слабыя стороны своего оригинала, и не могутъ возвыситься до его красотъ и достоинствъ. Примѣръ Гоголя породилъ у насъ презрѣніе къ правиламъ языка, безвкусіе и варварство въ слогѣ. Забыли слогъ Карамзина, Жуковскаго, Пушкина. Мы де геніи и пишемъ какъ хотимъ. Къ счастію эти системы и обычаи недолговѣчны. Было же время, когда восхищались Княземъ Шаликовымъ и другими плаксами.

Въ минувшую Субботу Придворная Пѣвческая Капелла отслужила въ Придворной Конюшенной Церкви паннихиду по бывшемъ профессорѣ ея, знаменитомъ Русскомъ композиторѣ Михаилѣ Ивановичѣ Глинкѣ. Здѣшнее Филармоническое Общество также намѣрено почтить память его, избравъ для сегодняшняго концерта въ пользу музыкантскихъ вдовъ лучшія изъ его твореній. Прекрасная дань великому отечественному таланту! Я увѣренъ, что зала будетъ полна.

Въ числѣ данныхъ уже здѣсь концертовъ первое мѣсто принадлежитъ концерту Маріи Александровны Гардери (дочери члена Рижской Таможни). Она играетъ на фортепіанахъ съ чистотою, быстротою и увлекательною нѣжностью. Зала была полна. Рукоплесканія не прерывались. Всѣ сожалѣли объ отсутствіи изъ Петербурга Великой Княгини Александры Осиповны, въ которой дѣвица Гардери надѣялась найти милостивую и знающую покровительницу.

Еще болѣе достоинъ замѣчанія концертъ Берлинскаго фортепіаниста и композитора Вильмерса. Другія знаменитости покамѣстъ красуются еще только на столбцахъ газетъ. Многіе артисты даютъ на театрахъ представленія живыхъ картинъ, въ которыхъ музыка служитъ антрактомъ. Лучшее изъ такихъ представленій далъ декораторъ Роллеръ на Большомъ Театрѣ. До какой пошлости и шарлатанства дошли нынѣ такія представленія, свидѣтельствуетъ прилагаемая афиша. Подумаешь, что это представленіе въ балаганѣ подъ качелями или у Излера.

Число періодическихъ изданій у насъ умножается. Вскорѣ будутъ выходить Французскій литературный журналъ подъ редакціей извѣстнаго Сенъ-Жюльена,

и Нѣмецкій, въ родѣ Dorfbarbier. Издателемъ послѣдняго будетъ литераторъ и музыкальный композиторъ Арнольдъ. Говорятъ еще, что въ родѣ Московской Бесѣды будетъ издаваться повременное изданіе Русское Слово, съ пособіемъ Графа Кушелева-Безбородко. Честь ему и слава!

Предполагаемыя у насъ желѣзныя дороги обращаютъ на себя вниманіе всей Россіи. И не безъ причины: онѣ оживятъ и вновь родятъ многія отрасли промышленности и торговли. Это каналы, не замерзающіе зимою. Въ Іюнѣ откроется Штиглицова дорога въ Петергофъ. Онъ сдѣлалъ очень умно построивъ ее въ два ряда рельсовъ. Царскосельская была бы вдвое полезнѣе публикѣ и прибыльнѣе Компаніи, если бы имѣла два ряда рельсовъ, а не одинъ.

Публика Петербургская обрадована была объявленіемъ полиціи о томъ, что обокраденные люди могутъ являться въ канцелярію ея для полученія похищенныхъ у нихъ вещей. Этого досель не бывало. Вообще полиція оказываетъ жизнь и дѣятельность. Сегодня утромъ прогнали сквозь строй мошенника, стащившаго ночью съ прохожаго шубу въ Надеждинской улицѣ.

Сегодня похоронили почтеннаго осьмидесятилѣтняго старика, отставнаго Инженеръ-Генералъ-Лейтенанта Саблукова, человѣка умнаго, образованнаго и добраго. Въ недавно вышедшихъ Запискахъ Графа Толя говорится о заслугахъ его въ 1812 году: онъ открылъ до войны замыслы Французовъ заготовить себѣ въ Россіи средства къ сообщенію со внутренностью земли заготовленіемъ большаго числа лошадей на станціяхъ, и способствовалъ къ уничтоженію этого плана. Сверхъ того сдѣлалъ еще нѣсколько полезныхъ открытій, между прочимъ хорошихъ вентиляторовъ и средство очищать воду. Не знаю, пошли ли они въ прокъ, но въ свое время они обратили на себя общее вниманіе.

Вотъ все что мнѣ показалось любопытнымъ въ настоящее время, почтеннѣйшій Александръ Васильевичъ! Извините скудость мою за усердіе, съ какимъ стараюсь сдѣлать вамъ угодное.

Не завидуйте намъ! Сегодня наступило 1-е Апрѣля по новому стилю. Снѣгъ и ледъ сошли было съ земли; началась ѣзда на колесахъ; вдругъ вчера пошелъ сильный снѣгъ, покрылъ землю на четверть, и сегодня скрѣпленъ морозомъ, что продолжалось только до полудня: тогда бѣлый пухъ превратился въ черную грязь! Не знаемъ, какая будетъ погода на Свѣтлой недѣлѣ, а желательно, чтобъ добрый нашъ народъ успѣлъ повеселиться на воздухѣ, а не сидѣлъ безвыходно въ гостиныхъ акцизно-откупнаго коммисіонерства, какъ нами называется питейная контора.

Теперь скажемъ объ удовольствіяхъ образованнаго класса: ихъ немного. О концертахъ фортепіанистовъ и уже говорилъ: toujours perdrix! На днихъ пріѣхалъ

сюда віолончелистъ Серве, нашъ старый знакомый и любимецъ: онъ даетъ концертъ завтра, 22 числа, въ Большомъ Театрѣ. Другіе концертисты пробавляются *живыми* картинами, которыя могутъ назваться живыми разнѣ потому, что представляющія ихъ лица не умѣютъ сидѣть тихо, и особенно дамы живо поглядываютъ въ кресла. Въ нынѣшнемъ году нахлало сюда много фокусниковъ: Германъ, Фресьель, Дебренъ, Липортъ: всѣ они дивятъ публику своими штуками, но первое мѣсто принадлежитъ Герману. Дебренъ жонглеръ съ какой нибудь Французской ярмарки. Признаюсь, я не могу постигнуть, почему прекращаются у насъ въ посту представленія драматическія, а позволяются эти фокусы, фарсы, и особенно живыя картины, которыя нерѣдко бываютъ неблагопристойнѣе самыхъ растрепанныхъ водевилей.

Вниманіе серіозной публики обращено нынѣ на дворянскіе выборы, происходящіе уже дней десять. Предводителя еще не выбрали. Слышно, что А. М. Потемкинъ просилъ освободить его отъ этой должности, которую онъ несетъ уже лѣтъ девять. По общему слуху, выборъ падетъ на Гр. А. П. Шувалова; впрочемъ это частный слухъ, которому противорѣчатъ другія вѣсти.

Въ Субботу, 16-го Марта, былъ ежегодный торжественный обѣдъ въ Англійскомъ клубѣ: это у насъ нѣчто въ родѣ обѣда Лондонскаго лорда-мера. Въ этотъ день приглашаются иностранные дипломаты, и послѣ роскошнаго обѣда, гости садятся вокругъ стола, на которомъ дымятся пуншъ на шампанскомъ, при хлопаньѣ пробокъ съ штемпелемъ V. Cliquot. Провозглашаются тосты, произносятся рѣчи, которыя очень прилежно записываетъ Американскій Посланникъ, и отправляетъ изъ Нью-Іоркъ. Въ нынѣшній разъ произнесъ рѣчь Морни: онъ старался выказать все уваженіе и дружбу Франціи къ Россіи. Вудгоузъ объявилъ также, что совершенно раздѣляетъ эти чувства. Имъ отвѣчалъ, и какъ мнѣ говорили, очень хорошо, Товарищъ Министра Иностранныхъ Дѣлъ И. М. Толстой. И въ этотъ день не былъ въ клубѣ: во-первыхъ чувствуя себя не довольно здоровымъ для выдержанія большаго обѣда съ возліяніями, а во-вторыхъ, чтобъ меня не принудили говорить. Что могъ я сказать этимъ ораторамъ, недавнимъ врагамъ нашимъ. Я не смѣлъ и не умѣлъ бы отдѣлаться дипломатическими фразами. Вѣдь не сказать же: „За четыре года предъ симъ на спхъ самыхъ мѣстахъ сидѣли Англичане и Французы, и умѣрили насъ въ своей искренней пріязни. Мы имъ повѣрили, но вамъ, господа, узъ вѣрить не можемъ“. Вообще достойно замѣчанія, что со времени войны и по заключеніи мира живущіе здѣсь Англичане не являются въ клубы, хотя ежегодно возобновляютъ свои билеты: они стыдятся за дѣйствія своихъ земляковъ.

Большая зала, бывшая Филармоническая, въ магазинѣ Русскихъ издѣлій, сгорѣвшая въ прошломъ году, возобновлена нынѣ со вкусомъ и великолѣпіемъ. Одно замѣчательно и забавно: архитекторъ забылъ построить лѣстницу на хоры.

Туда надобно будетъ валетать! Эта зала получаетъ новое общеполезное назначеніе. Въ ней не будетъ производиться торговля, а помѣстится постоянная выставка русскихъ мануфактурныхъ и рукодѣльныхъ произведеній, особенно иногородныхъ. Публика можетъ ихъ видѣть, узнать цѣну и заказать. Комитетъ выставки ручается въ исправности исполненія и доставленія заказовъ. Вообще любо смотрѣть, какъ у насъ развивается промышленность и обращаетъ на себя общее вниманіе. Въ газетѣ Посредникъ, издаваемой П. Ст. Усовымъ, передаются телеграфическія извѣстія о состояніи цѣнъ, курсовъ и торговыхъ дѣлъ въ тотъ самый день въ Лондонѣ. Кто бы этому повѣрилъ за нѣсколько лѣтъ предъ симъ. Дай Богъ, чтобъ выгоды нашей торговли и промышленности всегда были ограждаемы, какъ нынѣ, отъ давленія Запада, охранительными и поощрительными мѣрами.

Преуспѣяніе матеріальныхъ выгодъ народа должно радовать насъ, ибо главное для него *жить* по латинской пословицѣ: primo vivere, deinde philosophare— т. е. сперва жить, а потомъ умствовать. Но и умствовать не лишнее, особенно умствовать дѣльно, съ толкомъ и благимъ намѣреніемъ. Большая часть нашихъ недостатковъ, пороковъ, поступковъ неблагородныхъ и безсовѣстныхъ происходитъ отъ недостатка истиннаго образованія. И въ этомъ одномъ мы уступаемъ остальной Европѣ. Если бъ у насъ большая часть людей получала сообразное съ требованіями ихъ рода и званія воспитаніе умственное и нравственное—ни одна земля не могла бы сравниться съ Россіей. Исчезли бы безсовѣстность въ торгахъ и въ судахъ, лихоимство, взяточничество, злоупотребленіе власти, похищеніе казеннаго интереса. Дай Богъ доброму и благолюбивому Государю нашему вѣрныхъ, дѣятельныхъ и умныхъ пособниковъ по сей части, особенно для образованія чиновниковъ и гражданъ. Да послужатъ намъ бывшія неудачи (какъ . . . . . Пруссіи въ 1806—1813 годахъ) къ узнанію и искорененію нашихъ недостатковъ, и да возрастетъ новое поколѣніе истинно просвѣщенное, честное и богобоязненное. Простите мое разглагольствованіе, почтеннѣйшій Александръ Васильевичъ! Старость словоохотна, а я стою уже обѣими ногами въ гробѣ, и желалъ бы высказать все, что тяготитъ мое сердце, старое, хилое, но еще дышащее юношескимъ пламенемъ о благѣ Государя и Отечества.

Скажу нѣсколько словъ о литературѣ.

Слышно, что вскорѣ выйдутъ въ свѣтъ замѣчательныя книги, если цензуры духовная и гражданская одобрятъ ихъ къ напечатанію. Во-первыхъ, поэтическій переводъ книги Іова, и основанная на легендѣ Среднихъ вѣковъ христіанская поэма: Таинственная капля; то и другое, сочиненіе Ѳ. Н. Глинки, произведенія геніальныя и вполнѣ нравственныя и благочестивыя. Во-вторыхъ, романъ въ четырехъ частяхъ: Сельцо Михайловское, сочиненіе особы, которую вѣроятно и вы знаете: покойной Варвары Семеновны Миклашевской, родственницы А. А. Жандра, книга замѣчательная по содержанію и изложенію своему. Жена Андрея

Андреевича, которой сочинительница завѣщала рукопись, намѣрена хлопотать объ одобреніи оной цензурою. Главное затрудненіе состоитъ въ томъ, что въ числѣ дѣйствующихъ лицъ романа есть и духовныя, хотя они и представлены въ лучшемъ видѣ. Сверхъ того изображены поблаговидныя дѣйствія разныхъ не мелкихъ чиновниковъ. Цензура же наша допускаетъ обличать плутовъ не выше осьмаго класса. Должно надѣяться, что страданія издателей сихъ сочиненій увѣнчаются желаемымъ успѣхомъ.

Простите! Желаю вамъ здравія и благоденствія.

Вамъ преданнѣйшій.

СПбургъ.
21 Марта 1857.

Съ наступленіемъ Страстной Недѣли прекратились и музыкальныя наши увеселенія. Они заключены были тремя блистательными концертами Гг. Серве и Вильмереа, и Маріи А. Гардери, списавшей общее и единодушное одобреніе и знатоковъ и совмѣстниковъ.

Уже строятся балаганы для народныхъ праздниковъ на Святой Недѣлѣ. Въ нынѣшнемъ году поступили очень благоразумно, оставивъ большіе балаганы въ цѣлости послѣ Масленицы. Не нужно будетъ строить вновь наскоро и непрочно. Вообще кажется, не худо было бы перенести эти забавы за городъ, какъ въ Москвѣ подъ Новинскимъ, и построить балаганы постоянные, каменные. У всѣхъ насъ въ памяти ужасное происшествіе 1836 года, когда сгорѣлъ балаганъ Лемана.

Газеты наполнены объявленіями о лицахъ, отъѣзжающихъ за границу. Обрадовались снятію пошлины, которая въ сравненіи съ надеждами на пути была почтенна. Многіе, правда, ѣдутъ для поправленія здоровья и возстановленія силъ въ южныхъ климатахъ. Другіе съ ученою или художественною цѣлью. Но большая часть ѣдетъ глазѣть, гулять, играть въ рулетку, и любезничать въ Парижѣ. Говорятъ, что они вывозили много денегъ, и тѣмъ вредили финансамъ и курсу. Но это бѣда не большая. А вотъ бѣда: они выставляли свои глупыя головы на показъ всей Европѣ. Наши грубые и дерзкіе путешественники составили намъ дурную славу въ Европѣ. Неѣзды профессора и академики ея не возмыслили. Такихъ людей держать бы дома на привязи.

Не могу сообщить вамъ много новаго о нашей литературѣ: какъ я сказалъ и прежде, она заключается почти исключительно въ толстыхъ журналахъ. Въ Отечественныхъ запискахъ помѣщается предлюбопытная *книга:* Богданъ Хмельницкій и возвращеніе Южной Руси къ Россіи, сочиненіе бывшаго Кіевскаго Профессора Костомарова: трудъ умный, честный и добросовѣстный. Авторъ пользовался всѣми извѣстными источниками, особенно Польскими, и открываетъ намъ

вещи, о которыхъ мы не имѣли понятія. Жаль, что эта книга печатается въ журналѣ: черезъ часъ по ложкѣ. Говорятъ, что Польша очень недовольна выходомъ въ свѣтъ этихъ свѣдѣній, представляющихъ тогдашнія событія въ истинномъ ихъ свѣтѣ, доказывающихъ, что мы при раздѣлѣ Польши, какъ сказалъ и Карамзинъ, только взяли свое исконное, Русское, искаженное и подавленное Латынью. Другая, достойная замѣчанія новость литературная заключается въ двухъ первыхъ главахъ романа въ стихахъ: *Сотня*, сочиненная бывшимъ флотскимъ офицеромъ Н. П. Жандромъ, племянникомъ Андрея Андреевича. Въ ней есть стихи и строфы, неуступающія Онѣгину. Но судъ о цѣломъ можно произнести тогда только, когда будемъ имѣть романъ въ цѣломъ. Авторъ изображаетъ очень живо многія картины нашей природы и морскія сцены со всею флотскою техникою.

На сихъ дняхъ отпечатанъ Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1856 годъ. Онъ очень утѣшителенъ и пріятенъ для всякаго любителя отечественнаго просвѣщенія. Во-первыхъ, показываетъ просвѣщенное рвеніе и неусыпные труды начальства ея, (преимущественно Барона М. А. Корфа, влившаго душу въ эту безобразную доталѣ груду печатной и переплетенной бумаги), распространеніемъ, обогащеніемъ ея и приведеніемъ въ наилучшость ея рѣдкостей и сокровищъ; во-вторыхъ пользою, которую она приноситъ распространеніемъ полезныхъ свѣдѣній. Въ отчетѣ по справедливости сказано: она (библіотека) сдѣлалась средоточіемъ всѣхъ серіозныхъ занятій, и едва ли обширный ученый трудъ можетъ нынѣ совершиться у насъ безъ ея пособій. Число пользующихся ею ежегодно возрастаетъ, особенно между военными: въ 1856 г. выданы были, между прочимъ, билеты для чтенія 28 морскимъ офицерамъ, между тѣмъ, какъ *до* войны ни одинъ изъ нихъ не являлся въ ея залахъ. Въ 1854 году было вообще выдано 1988 билетовъ для чтенія, въ 1855—2232, а въ 1856-мъ 2575. Съ 1-го Января 1857 открыты залы для художниковъ, имѣющихъ надобность разсматривать или изучать большія и роскошныя изданія, а также рисовать съ нихъ. Частныхъ приношеній книгами, рукописями, эстампами и пр. получено шесть тысячъ нумеровъ. И все это должно сказать по справедливости и совѣсти произведено дѣятельностью и любовью къ дѣлу *одного* человѣка. Болѣе ничего не присовокуплю.

30 сего Марта скончался Членъ Государственнаго Совѣта Тенгоборскій отъ неосторожной операціи снятія опухоли съ лица его. Онъ былъ человѣкъ умный, ученый, трудолюбивый. Плодомъ трудовъ его останется сочиненіе о производительныхъ силахъ Россіи. Не мое дѣло судить о его поступкахъ и дѣятельіяхъ, какъ государственнаго человѣка. Главною помѣхою тому было его происхожденіе: какъ волка ни корми, онъ все въ лѣсъ глядитъ. Московскіе фабриканты считали его смертельнымъ себѣ врагомъ, полагая, что онъ отстаиваетъ свободную торговлю

и погашеніе пошлинъ съ привозныхъ издѣлій, которымъ разорены и уничтожены были бы всѣ наши мануфактуры въ угоду и пользу Англичанъ. Достойно замѣчанія, что онъ въ печатныхъ своихъ сочиненіяхъ говорилъ противное.

Это письмо вѣроятно застанетъ васъ въ Парижѣ, почтеннѣйшій Александръ Васильевичъ! Поклонитесь отъ меня обелиску на Place de la Concorde. На этомъ мѣстѣ Александръ I въ 1814 году праздновалъ день Воскресенія Христова торжественнымъ молебствіемъ среди своей гвардіи.

Прошайте! будьте здравы и благополучны.

С. Петербургъ.

4-го Апрѣля 1857.

Поздравляю васъ съ минувшими праздниками, почтеннѣйшій Александръ Васильевичъ, которые вы встрѣтили на берегахъ Франціи, какъ мы узнали изъ телеграфической депеши. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ дальнѣйшихъ извѣстій о вашемъ путешествіи. Перемѣна, послѣдовавшая въ вашемъ маршрутѣ предпочтеніемъ сухопутной дороги изъ Тулона въ Марсель морскому плаванію, свидѣтельствуетъ, что и на благословенныхъ берегахъ южной Франціи погода не благопріятная, а какова она адѣсь, выразить трудно. На Страстной Недѣлѣ были дни ясные и сухіе. Грязь на улицахъ исчезла; въ воздухѣ водворилось тепло: мы радовались на истинно *Свѣтлую* недѣлю. Не тутъ-то было. Вечеромъ, въ самый день Свѣтлаго Воскресенья, поднялся вѣтеръ со снѣгомъ, термометръ упалъ, и пошли морозы—до 12 градусовъ. Каналы снова покрылись льдами. Вновь появились шубы и шапки. Сущая зима, только безснѣжная. Къ довершенію зимнихъ наслажденій, въ Субботу на Фомино Воскресеніе выпалъ снѣгъ. Точно грязный и холодный Февраль. Нѣкоторые радуются этой погодѣ, предсказывая сухое и теплое лѣто. Говорятъ, что предпаименованіемъ прошлогоднему лѣту холодному и сырому была гроза, случившаяся 22-го Апрѣля. Ихъ бы устами медъ пить!

Но это ненастье не мѣшало доброму нашему народу веселиться на праздникахъ. Всего болѣе радовались холоду и сырости, по всей вѣроятности, содержатели питейнаго откупа: они съ родительскимъ попеченіемъ согрѣвали и осушали озябшихъ и промоченныхъ дождемъ и снѣгомъ. Подумаешь, какіе есть въ свѣтѣ добрые люди. Приварить, напоить, накормить и въ полицію, на даровую квартиру отправить.

Въ числѣ всенародныхъ зрѣлищъ обращали на себя движущіяся картины Коронованія Его Императорскаго Величества. Два смышленые человѣка, купецъ Соловьевъ и чиновникъ Юницкій наняли ребятишекъ бывшаго фокусника Лемана, чтобы составить эти картины. Представленія происходятъ на небольшомъ театрѣ. На декораціи изображена церковь Василія Блаженнаго и внутренность Кремля. Всего четыре картины: на первой въѣздъ Императора въ Москву; на другой,

поѣздъ герольдовъ по городу; на третьей шествіе въ Успенскій Соборъ. На четвертой изображена (безъ движеній) внутренность Успенскаго Собора въ ту минуту, когда Государь надѣваетъ на себя вѣнецъ. На трехъ движущихся картинахъ являются болѣе трехъ тысячъ фигуръ, (людей, лошадей, экипажей и пр.) вырѣзанныхъ изъ картинъ. Подражаніе натурѣ, разумѣется, только приблизительное, но публика смотритъ картины съ удовольствіемъ. Хозяева ихъ открыли воспитанникамъ военно-учебныхъ и казенныхъ женскихъ заведеній входъ безденежный. Представленія продолжаются и на Фоминой. Въ русскомъ театральномъ мірѣ нѣтъ ничего новаго. Самойловъ поѣхалъ за границу, и отъ этого остановится представленіе многихъ интереснѣхъ піесъ. Французы давали въ Фомино Воскресенье комедію Дюма сына Question d'argent. Она была разыграна очень хорошо, но что вамъ говорить объ этомъ. Вы лучше увидите въ Парижѣ.

Публика тѣснится толпами на выставкѣ Академіи Художествъ. Въ ней, по художественному исполненію, лучше всего три вида народной жизни въ Мюнхенѣ, написанные живущимъ тамъ нашимъ Академикомъ Реймерсомъ. Вниманіе посѣтителей обращаютъ на себя сцены изъ осады Севастополя, Зауервейда и Туркаева. Свидѣтели этихъ событій жалуются на невѣрность изображеній. Видно, что живописцы писали наобумъ, и вѣроятно видѣли сраженія только на картинахъ, а не въ существенности. Одежда и форма не соблюдены вполнѣ. При отбитіи штурма Французовъ на редутѣ Шварца (27го Авг.) дѣйствовали преимущественно 10-я и 14-я дивизіи, а на эполетахъ и погонахъ выставленъ нумеръ 16-й! Сверхъ того замѣчены многія невѣрности и невѣроятности въ изображеніи воинскихъ дѣлъ. Живописцы какъ поэты: имъ нѣтъ нужды до исторической истины: было бы только красно написано. Исключеніе изъ сего составляетъ у насъ ученикъ Гораса Верне, Тиммъ, наблюдавшій войну вблизи съ опасностію своей жизни, и передающій изображаемыя имъ сцены со всевозможною вѣрностію.

Въ Русской Литературѣ прежній застой. Редакторы нѣкоторыхъ журналовъ (Гг. Краевскій, Дружининъ) ѣдутъ за границу. Желательно, чтобы ихъ изданія во время ихъ отсутствія пошли лучше прежняго. Булгаринъ оправляется очень медленно. Я, на старости лѣтъ, принялся за фельетоны вмѣсто его. Козьбритвы нѣтъ, то шило брѣетъ.

Вольное Экономическое Общество, въ которомъ Президентомъ Принцъ Ольденбургскій, выбрало въ Вице-президенты Товарища Министра Внутреннихъ Дѣлъ, А. И. Левшина, человѣка во всѣхъ отношеніяхъ почтеннаго и дѣльнаго, но онъ не пробылъ въ этомъ званіи и трехъ мѣсяцевъ: интриги, пронски, грубости нѣкоторыхъ членовъ до того преогорчили его, что онъ отказался. У насъ и Русская Академія (т. е. Второе Отдѣленіе Академіи Наукъ) и Экономическое Общество идутъ плохо и приносятъ мало пользы, но отъ двухъ совершенно противоположныхъ причинъ: въ первомъ мало денегъ, слѣдственно и мало средствъ, въ послѣднемъ денегъ много, и потому всѣ возможные шмели летятъ въ его ульей, теряютъ и выгоняютъ трудолюбивыхъ пчелъ. По совѣсти, у насъ одно истинно полезное и достигающее своей цѣли Общество—это Географическое. Дай Богъ, чтобы другіе хоть сколько нибудь на него походили. Не думайте, почтеннѣйшій Александръ Васильевичъ, чтобъ я хотѣлъ вамъ льстить этимъ, какъ усердному его члену и бывшему секретарю, нѣтъ! Это сущая правда.

Это письмо мое будетъ послѣднимъ, ибо съ 18-го Апрѣля, по сообщенному мнѣ вами расписанію, курьеровъ болѣе отправляемо не будетъ. Заключаю мою корреспонденцію благодареніемъ за вниманіе, мнѣ оказанное, и изреченіемъ древнихъ нашихъ лѣтописцевъ: Отцы и братіе! еже си гдѣ описалъ или переписалъ или недописалъ, чтите, исправленіемъ Бога для, а не кляните!

17 Апр. 1857.

Вамъ
душевно преданный
Н. Г.

Секретное предписаніе импер. Екатерины II вице-адмиралу принцу Нассау-Зигенъ, 4 іюня 1790 года.

Секретное.

Господинъ Вице-Адмиралъ Принцъ Нассау-Зигенъ! Положеніе настоящее непріятеля представляетъ Намъ случай удобный къ истребленію мореходныхъ его силъ отъ части въ бухту Выборгскую по неудачныхъ сраженіяхъ ушедшихъ, отчасти же утвердившихся между островами Біорко и твердою землею въ проливѣ именуемомъ Березовымъ. Какъ достиженіе сея цѣли не токмо будетъ способствовать возстановленію мира, но и самый сей миръ учинитъ на долгое время прочнымъ, то вы сами конечно признаете, что сіи уваженія должны превозмогать надъ всѣми затрудненіями и опасностями, кои въ подобномъ рѣшительномъ дѣлѣ встрѣчены будутъ. Потребно тутъ согласное дѣйствіе между разными частями ополченія нашего, а предшествовать сему имѣютъ различныя пріуготовленія и распоряженія, каковыя Мы начертали въ слѣдующихъ пунктахъ, одни для точнаго вамъ исполненія, а другія для свѣдѣнія нашего сообщаемыхъ.

1-е. Флотъ корабельный Шведскій настоящимъ положеніемъ нашего Адмираломъ Чичаговымъ предводимаго между Банкъ Реппіе и Пенцъ, и отдѣленіемъ нѣсколько фрегатовъ подъ командою Контръ-Адмирала Ханыкова для занятія мѣста отъ острововъ Пейсара и Орисора и Банки Пассалода можетъ во всемъ разумѣніи отъ Зюйда и Веста почитаться блокированнымъ; посредствомъ же послѣднихъ

фрегатъ пресѣченъ путь гребнымъ судамъ его къ Весту и отъ онаго. Чтобъ заградить путь ему и со стороны восточной, признали Мы за нужное запереть Зунду Березовый отъ стороны Кронштата; къ чему Адмиралъ Чичаговъ отрядилъ уже два корабля и одинъ фрегатъ; сверхъ того указали Мы туда же обратить и третій семидесяти-четырепушный корабль, да изъ виду отъ нихъ имѣть два фрегата. Сей отрядъ порученъ въ команду Контръ-Адмирала Одинцова; и поелику къ оному должна присоединиться галерная Кронштатская флотилія, то и означенные корабли съ фрегатами будутъ состоять подъ начальствомъ вашимъ, тѣмъ болѣе, что дѣйствія галерной флотиліи сопряжены неразрывно съ дѣйствіями той ескадры. Симъ способомъ совершенно уже обезпечится здѣшняя сторона отъ всякаго водою покушенія непріятельскаго, загородится и послѣдній путь къ выходу Шведскому флоту, да и средства къ атакѣ его флотиліи облегчатся.

2-е. Въ сихъ дѣйствіе того мы съ гребною флотиліею нынѣ при Кронштатѣ имѣющеюся тотчасъ имѣете отправиться къ Березовому Зунду, учредить свою станцію, здѣлать надлежащія распоряженія, и изъ ожидаміи покуда всѣ силы вашего начальства соберутся, осмотрѣть положеніе мѣстъ, и изыскивая средства къ загражденію выхода изъ между острововъ Березовыхъ гребнымъ непріятельскимъ судамъ, приложить стараніе увидѣть не откроется ли удобность во время атаки флотиліи ввести промежду острововъ такія суда, кои бы разрѣзывали сообщеніе между непріятельскимъ гребнымъ флотомъ, а по крайней мѣрѣ пресѣкали или затрудняли его сообщеніе съ корабельнымъ; такожъ не укрѣпился ли непріятель на островахъ, и не можно ли будетъ выжить его оттуда посредствомъ высадки части войскъ на галерномъ флотѣ находящихся.

3-е. Между тѣмъ Адмиралъ Чичаговъ долженъ теперь же послать три фрегата гребные къ острову Аспо, дабы они стали на воду Фридрихсгама открыли непріятеля, и по учиненнымъ сигналамъ дали способъ Бригадиру Слизову выти изъ Фридрихсгамской гавани со всѣми готовыми у него каноперескими судами, которыя дошедъ до Питкопаса подъ конвоемъ фрегатовъ, естьли тамъ не застанутъ непріятеля, или же найдутъ по силѣ и возможности своей его оттуда выгнать, займутъ заливъ тамошній и обезпечатъ оный по крайней изъ томъ надобности для доставленія транспортовъ Нашихъ съ провіантомъ и фуражемъ для арміи, оставляя тутъ число судовъ сколько потребно окажется для охраненія того залива.

4-е. Адмиралъ Чичаговъ имѣетъ заранѣе условиться съ вами, чтобъ сверхъ двухъ или трехъ гребныхъ фрегатовъ при корабельномъ флотѣ оставляемыхъ, имѣть при ономъ еще нѣкоторое число каноперескихъ лодокъ изъ пособіе его движеніямъ, и для отраженія непріятельскихъ гребныхъ судовъ безпокоящихъ корабельный флотъ. Затѣмъ прочіе фрегаты и каноперскія лодки изъ галерному флоту причислены быть долженствуютъ.

5-е. Два брандера изъ Кронштатѣ изготовленные ко флоту отправляются,

такъ же повелѣли Мы какъ напскорѣе вооружить и къ нему доставить еще два фрегата; а сверхъ того писано уже изъ Ревель о посылкѣ туда же двухъ кораблей бомбардирскихъ, двухъ брандеровъ, трехъ катеровъ, одного гошпитальнаго и двухъ транспортныхъ судовъ укомплектовавъ ихъ, чего изъ морскихъ не достанетъ, егерями, гарнизонными солдатами и вольнонаемными работниками. Навстрѣчу симъ судамъ и для безъопаснаго ихъ препровожденія, Адмиралъ Чичаговъ можетъ, естьли нужно, послать одинъ или два фрегата по своему усмотрѣнію; а дабы къ нанесенію непріятелю вреда имѣть всѣ способы подъ руками, то какъ при Кронштатскомъ, такъ и при Выборгской галерной ескадрахъ имѣть по нѣсколько готовыхъ брандеровъ.

6-е. Какъ скоро съ одной стороны мѣста пресѣкающія ходъ непріятелю заняты будутъ, съ другой же стороны дойдутъ до Питкопаса Фридрихсгамскія каноперскія лодки гребными фрегатами препровождаемыя, тотчасъ всѣ транспортныя суда съ провіантомъ и фуражемъ для арміи послать изъ Кронштата подъ конвоемъ отъ галерной ескадры до корабельнаго флота, а отъ онаго сіи суда имѣютъ быть доставлены подъ конвоемъ же или изъ Питкопасъ или Фридрихсгамъ куда удобнѣе и безопаснѣе; въ ожиданіи же того дабы не потерять времени, оныя теперь отвесть изъ Кронштатъ.

7-е. Полагая весьма вѣроятнымъ образомъ, что Шведы будучи отрѣзаны отъ корабельнаго и шкернаго пассовъ, для избѣжанія отъ гибели которой они при всемѣстномъ наступленіи на нихъ подвержены быть могутъ, усилятъ свои дѣйствія на сухомъ пути высадками на берега войскъ ихъ, дабы таковыми ихъ дѣйствіями и движеніями къ столицѣ Нашей озаботить Насъ и обратить къ ея защитѣ, а себѣ открыть или облегчить путь къ выходу флота изъ столь невыгоднаго и стѣсненнаго положенія, Мы предписали Главнокомандующему арміею Нашею Финляндскою Генералу Графу Салтыкову принять всѣ мѣры къ отраженію ихъ тутъ покушеній, не допуская ихъ отнюдь утверждаться на берегу прочнымъ образомъ, оставляя на его благоусмотреніе изъ случаѣ нужды сократить линію оборонительную между Выборга, Кимени и границъ непріятельскихъ, взявъ напримѣръ за пункты требующія сильнаго защищенія Фридрихсгамъ съ тѣми постами, кои къ его оборонѣ преимущественно нужны, Кайпіасъ, Давыдовъ и Саваитаполь. Полезно и нужно было бы естьли бы онъ могъ постави только изъ надежную оборону отъ Нейшлота и далѣе къ сторонѣ Ладожскаго озера, собрать отъ ближнихъ мѣстъ резервный отрядъ, который изъ то время когда средствами уже отъ него принятыми непріятель изъ своихъ попытокъ будетъ удержаваемъ близъ береговъ, могъ бы имѣть наблюденіе на большую выборгскую дорогу, и обращаться туда, гдѣ его подкрѣпленіе надобнымъ или выгоднымъ быть можетъ. Толь трудное положеніе и изкороты конечно ненадолго потребны будутъ: ибо съ открытіемъ генеральнаго наступленія на непріятеля отъ воды, навѣрно онъ при-

нужденъ будетъ всѣхъ людей своихъ собрать на суда, исключая такихъ, кои отрѣзаны или отдалены будутъ, и которые тогда легко жертвою Нашимъ департаментамъ учинятся.

8-е. Необходимо нужна между морскими и сухопутными Нашими силами связь, посредствомъ которой могли бы начальствующіе армією и флотами ежедневно другъ друга извѣщать и о мѣрахъ совѣтовать. Для сего указали Мы генералу Графу Салтыкову послать инженеръ генерала-маіора Фанъ-Сухтелена осмотрѣть мысъ Крюйсеръ-Ортъ, и тамъ учредить крѣпкій постъ и гдѣ прилично батарею, которая не довольно чтобъ только обнадеживала сообщеніе, но буде возможно послужила бы и противу отдѣленныхъ четырехъ непріятельскихъ кораблей позади Салвора и изъ близости помянутаго мыса стоящихъ. Равнымъ образомъ чтобъ онъ предписалъ тому же генералу-маіору обозрѣть и прочія береговыя мѣста, и гдѣ онъ нужнымъ найдетъ устроить батареи для споспѣшества атакѣ на корабельный и галерный флоты Шведскіе предпріемлемой. Означенный генералъ-маіоръ долженъ такъ же изыскать мѣсто гдѣ для флота Нашего воду брать удобно, и давъ знать предводителю того флота, учредить тамъ постъ для обезпеченія; а ежели непріятель пользуется оною на берегу, постараться изыскать способы къ отъятію у него всѣхъ къ тому возможностей.

9-е. Объ осмотрѣ мыса Стирсъ-Удена, главнокомандующій арміею имѣетъ Наше приказаніе. Коль скоро на немъ постъ учредится, а вы займете свое мѣсто, то и устроится почта отъ Санктпетербурга чрезъ Систербекъ до упомянутаго мыса, откуда уже курьеры отправляемы будутъ ко флотамъ на мѣлкихъ судахъ. Впрочемъ нужно такъ же чтобъ сообщеніе отъ сего поста къ ближнему армейскому отряду въ томъ краѣ обезпечено было.

Всѣ сіи распоряженія требуютъ крайней поспѣшности, дабы не потерять времени и воспользоваться съ Божіею помощію толь выгоднымъ для насъ положеніемъ къ нанесенію непріятелю рѣшительнаго удара. Между тѣмъ оканчиваемыя изъ Санктпетербургѣ семьдесятъ канонерскихъ лодокъ вскорѣ готовы будутъ, и по приходу къ Березовому Зунду соединися съ прочими судами галернаго нашего флота, поставятъ его въ такое состояніе, что оный достаточенъ будетъ на предпріятія наступательныя. Оныя должны быть генеральныя, назначая къ тому день, дабы вдругъ отъ различныхъ частей на часть ихъ, и на разныхъ мѣстахъ единовременно атаковать непріятели. Подробныя распоряженія таковой атаки долженствуютъ учинены быть предводителемъ корабельнаго флота Нашего и вами по ближайшему и точнѣйшему на мѣстахъ рекогносцированію и взаимному между вами соглашенію, о чемъ оба вы заѣременно извѣстите генерала Графа Салтыкова, дабы и онъ могъ содѣйствовать вамъ какъ батареями береговыми отъ арміи имъ начальствуемой устроемыми, такъ разными оказательствами, а смотря по силѣ и удобности и поисками, естьли войска непріятельскія не всѣ съ

берега сняты будутъ. Хотя свойственнѣе начинать дѣло флоту корабельному, тѣмъ болѣе что его операціи и движенія отъ вѣтра зависятъ, и легче гораздо гребному флоту соображаться его дѣйствіямъ по первымъ пушечнымъ выстрѣламъ, или другимъ сигналамъ, кои начальникъ корабельнаго флота съ вами постановить не преминетъ: но впрочемъ отъ условій между вами, смотря по времяни и удобности, будетъ зависѣть, кому, гдѣ и какъ начать, и коимъ образомъ производить наступленіе на непріятеля обемъ вамъ предлежащее, сообщая генералу Графу Салтыкову о всѣхъ нашихъ распоряженіяхъ для единодушнаго другъ другу пособія и дѣлъ пользу и славу Имперіи Нашей съ самой вышней степени интересующемъ.

Выборгская ескадра въ началѣ сраженія имѣетъ тотчасъ выти изъ Транзунда и атаковать все, что ей подручно будетъ. Впрочемъ употребленіе бомбардирскихъ судовъ и брандеровъ при флотахъ состоящихъ, относится къ распоряженіямъ начальниковъ тѣхъ флотовъ.

Напишемъ почитаемъ изъяснять здѣсь пространно, что на случай наступленія непріятельскаго на васъ прежде времени соединенія прочихъ силъ вашихъ, надлежитъ вамъ обезпечить для себя безопредное отступленіе къ Кронштату и Систербеку, имѣя тогда изъ виду и защищеніе какъ сѣвернаго фарватера, такъ и береговъ вдѣшнихъ до Систербека, и отъ онаго до столицы. Ваша осмотрительность откроетъ вамъ къ тому толь надежныя средства, что мы ничего не потерянъ изъ состоянія найдется обратиться и паки къ мѣсту вашему коль скоро то потребно и полезно быть можетъ.

Какія вамъ изъ слѣдствіе сего представятся усмотренія, оныя Намъ нанести не оставте. Въ точномъ исполненіи отъ Насъ предписываемаго, и изъ изобрѣтенія всего что къ надежнѣйшему достиженію цѣли Нашей споспѣшествовать можетъ, Мы полагаемъ надежду на ваше усердіе, искусство и мужество, принося моленія Наши ко Всевышнему, да благословитъ оружіе Наше успѣхами, и да обратитъ неправеднаго врага Нашего на путь мира. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны.

Екатерина.

Въ Царскомъ селѣ.
Іюня 4. 1790 года.